

Владимирский государственный университет

**СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ
В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЕ**

Материалы международной научно-практической конференции

13 марта 2026 года

Владимир 2026

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Материалы международной научно-практической конференции

13 марта 2026 года

Электронное издание

Владимир 2026

ISBN 978-5-9984-1932-4

© ВлГУ, 2026

© Коллектив авторов, 2026

УДК 81'23
ББК 81+71+74

Редакционная коллегия:

Г. Н. Замараева, старший преподаватель кафедры ИЯПК
В. И. Горбатов, кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИЯПК
Н. В. Харитонова, техник кафедры ИЯПК

Издается по решению редакционно-издательского совета ВлГУ

Слово, фраза, текст в антропоцентрической парадигме [Электронный ресурс] : материалы междунар. науч.-практ. конф., 13 марта 2026 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2026. – 640 с. – ISBN 978-5-9984-1932-4. – Электрон. дан. (5,78 Мб). – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel от 1,3 ГГц ; Windows XP/7/8/10 ; Adobe Reader ; дисковод CD-ROM. – Загл. с титул. экрана.

Включены статьи участников международной научно-практической конференции «Слово, фраза, текст в антропоцентрической парадигме», проведенной на базе кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ВлГУ.

Адресованы преподавателям, научным работникам, студентам, аспирантам, а также широкому кругу читателей, интересующихся лингвистикой, филологией, межкультурной коммуникацией.

ISBN 978-5-9984-1932-4

© ВлГУ, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступительное слово</i>	12

Раздел I

СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ В ФОКУСЕ ФРАЗЕОЛОГИИ WORD, PHRASE, TEXT IN THE FOCUS OF PHRASEOLOGY

<i>Бакина А.Д., Павлова Л.С.</i> Прагматика перевода окказиональных вариантов библейских фразеологизмов	14
<i>Басова Т.А.</i> Двойная актуализация фразеологизма <i>to take the bull by the horns</i>	23
<i>Bogdanov K.R., Chulanova A.D.</i> Phraseological Units in Modern English: Typology According to A.V. Kunin's Classification	30
<i>Богданов К.Р., Деньгина А.В.</i> Анализ стилистических средств в англоязычной версии романа Энтони Бёрджесса «A Clockwork Orange»	37
<i>Василенко А.П.</i> Язык – культура – текст: размышление о взаимосвязи общего и частного	44
<i>Губина В.В.</i> Средства выражения категории оценки в художественном тексте (на примере рассказа А.П. Чехова «Анна на шее»)	50
<i>Гусейнова Р.Г. кызы</i> Этнолингвистический и лингвокультурологический анализ слова «ulu» в тюркских языках	59
<i>Деньгина А.В.</i> Корпусные подходы к исследованию фразеологии в современном языкознании	68
<i>Колесова П.Д., Горбатов В.И.</i> Становление синтетических и аналитических форм субжонктива на материалах французской литературы XIX века	73
<i>Корочкина Г.М., Горбатов В.И.</i> Стилистическая роль фразеологизмов во французских рекламных текстах	80

Костина Д.А., Самойлова К.Г. Лексикографическая составляющая/ представление концепта «игра» по данным толковых словарей финского языка	85
Лызлов А.И. Колоратив «синий/голубой» в английских и русских фразеологизмах.....	100
Махмудова Г.Х. Лингвокультурологический анализ идиом с компонентом <i>law</i>	106
Ма Цуйтин, Саакян Л.Н. Обучение переводу русско-китайских фразеологизированных би- и мультиноминативных сочинительных конструкций	112
Медведева К.В., Алиева Д.Т. Сравнение русских и английских фразеологизмов как отражение культуры и мышления.....	120
Никитина Е.А., Беленов Н.В. Некоторые наблюдения над говорами этнически смешанных мордовских сёл.....	125
Орлова С.А., Алиева Д.Т. Лингвистическое выражение молодежной культуры США в онлайн-дискурсе	129
Притомская А.Р. Грамматические функции фразеологизма <i>easy money</i>	135
Самойлов Р.Р., Горбатов В.И. Использование сленговых выражений в речи современной французской молодежи	141
Стрельникова А.С., Скрипченко С.Н. Использование неологизмов, топонимов и антропонимов в литературном жанре научной фанта- стики (на примере романа Г. Уэллса «Война миров»).....	148
Шабылы Ф.Ш. оглы, Джафаров А.Г. оглы Изучение эвфемизмов как лингвистических единиц и их возникновения	152
Шайбакова Д.В., Гутовская М.С. Фразеология обладания знанием в русском и английском языках: межъязыковая семантическая безэквивалентность	165
Шеховская Ю.А. Идиофразеостиль автора и моделирование дискурса (на материале прозы Р. Османа, М.С. Биттона и Э. Хоровиц).....	173
Ян Цзы. Репрезентация концепта «горе» в русских фразеологизмах с позиции китайской лингвокультуры	180

Раздел II
СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ
В ФОКУСЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА
И ИНТЕРТЕКСТА
WORD, PHRASE, TEXT IN THE FOCUS OF INSTITUTIONAL
DISCOURSE AND INTERTEXT

<i>Талалова Л.Н., Крылова Н.Ф.</i> Метанарративы в графических романах Пози Симмондс.....	188
<i>Беселия А.О.</i> Типовые особенности официально-деловой документации в сфере бизнеса на английском языке	193
<i>Лелис Е.И.</i> Бренд-медиа как новая литературная форма: нарративные стратегии в создании «текстов» компаний.....	199
<i>Онал И.О.</i> Метафорическое моделирование туристического маршрута (на материале рекламных текстов о горном Алтае)	203
<i>Соколова Е.А., Алиева Д.Т.</i> Язык (английский) как средство формирования корпоративных культур.....	209
<i>Чемулова Е.А., Сулова Л.В.</i> Особенности функционирования оксюморона «виртуальная реальность» в англоязычных рекламных слоганах	214
<i>Черенкова О.М., Сулова Л.В.</i> Воздействующий эффект аллитерации в англоязычных рекламных слоганах и наименованиях брендов	221
<i>Шмелева Е.С., Деньгина А.В.</i> Заимствование как переосмысление: политическая сатира Пушкина и романтическая легенда Ирвинга	227

Раздел III
СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ В ФОКУСЕ МЕТОДОЛОГИИ,
МЕТОДОВ, ПРИЕМОВ И ТЕХНОЛОГИЙ ЛИНГВИСТИКИ
WORD, PHRASE, TEXT IN THE FOCUS OF METHODOLOGY,
METHODS AND TECHNIQUES OF LINGUISTIC

<i>Акимкина Д.Д., Быкович Е.И.</i> Эволюция семантики и произношения лексемы «courage» в английском языке.....	233

Алиев Т.А. Семиологический принцип и лингвистический статус терминов.....	239
Ахмедова Ф.М. кызы, Алиева Н.А. кызы Функция придаточного подлежащего предложения как механизма концептуализации (на основе азербайджанского языка).....	244
Горбачева Е.Ю., Абрамова Е.И. Эволюция словарных дефиниций основных цветоименований в английской лексикографии XVIII – XXI вв.	250
Долгова А.О. Античное учение о тропах и фигурах	260
Зернова С.В. Особенности перевода слова, фразы, текста в гуманитарной и технической литературе	267
Карасик В.И. Перспективы развития лингвосемиотики	272
Попкова Е.И., Попкова О.В. Вклад Мартина Лютера в теорию перевода.....	282
Пугачева А.А., Замараева Г.Н. Проблема полисемии: определение контекстуального значения слова человеком и нейросетью	286
Рябова Н.Ю., Долгорукова А.И. Структурно-семантические особенности производных прилагательных и коррелятивных словосочетаний.....	292
Скиданов М.С., Карамышева С.Г. Дискурсивный анализ и его роль в современной лингвистике: от структуры к социальному действию.....	298
Тивьяева И.В. Интеграция искусственного интеллекта в лингвистические исследования: новые методологические возможности	305
Тянь Юйчжу. Когнитивно-прагматические особенности вербального юмора в российском ситкоме «Папины дочки»	310
Цаллаева Л.Г., Замараева Г.Н. Методологические аспекты устного перевода в межкультурной коммуникации	317
Шахина Д.С., Койкова Т.И. Лингвостилистический анализ как способ изучения особенностей использования языковых средств для создания выразительности и образности художественного текста.....	321

Юань Юйсинь, Пинежанинова Н.П. Особенности репрезентации эмоций в повествованиях от первого и от третьего лица (на материале рассказов Анны Матвеевой).....	326

Раздел IV

ИННОВАЦИОННЫЕ ИДЕИ И ТРЕНДЫ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ INNOVATIVE IDEAS AND TRENDS IN LINGUODIDACTICS

Баранцев А.Д., Гайлит М.В. Использование искусственного интеллекта (ChatGPT, DeepSeek) для создания контекстуальных лексико-грамматических упражнений	333
Богданов К.Р., Морохова О.А. Принципы разработки учебно-методических материалов по английскому языку для студентов неязыковых направлений: теория и практика	338
Васючкова О.И., Ковалёнок Т.В. Цифровое проектирование учебных материалов по иностранному языку.....	347
Гоголин А. Д., Тагиева Э.Р. кызы Инновационные идеи и тренды в лингводидактике.....	353
Гусенкова А.В., Морохова О.А. Лингводидактические возможности дисциплины «Иностранный язык» в интеллектуальном развитии обучающихся	365
Zaykin Philipp I. Prompt Engineering as s Pedagogical Condition for Teaching the Translation of Phraseological Units Using Generative AI..	369
Зайкин Ф.И., Морохова О.А. Внедрение кейс-метода в учебно-методический комплекс по английскому языку для бакалавров (на примере направления подготовки «Туристическая деятельность»).....	377
Ильянок О.В., Морохова О.А. Лингводидактические особенности обучения профессиональной лексике на материале среднего профессионального образования направления «Пожарная безопасность»	382
Крылов Г.Е. Первые слова – фразы – тексты в «Азбуке с картинками для прилежных детей» издательства М. Вольфа	387

Mezentseva A.O., Arsenyeva E.A. Game Based Learning or Motivation for Learning Through Play	391
Му Мин, Чжоу Шуи. Инновация в преподавании китайской разговорной речи на основе задач «мини-ситуации» в межкультурной коммуникации.....	397
Парфеева Ю.А., Северовостокова Е.В. Формирование мультимодальной грамотности через лингвокультурологический анализ кинотекста: кейс фильма «Земляничная поляна» И. Бергмана	404
Пристром Е.С. Проектирование онлайн-компонента смешанного обучения английскому языку.....	416
Пронина В.С., Морохова О.А. Проектный метод и его реализация в курсе иностранного языка	423
Романов Е.Н., Шаломова Е.В. Особенности использования специализированной лексики английского языка при изучении темы «Диагностика гибридов и электромобилей»	426
Соловей Е.А., Гайлит М.В. Методическая ценность аутентичных подкастов в обучении иностранному языку	430
Теслюк Н.П. Практика применения интерактивных методов обучения для развития динамичной образовательной среды.....	437
У Циньцинъ. Модальность в русском языке на уровне предложения и текста: различия, средства и педагогические импликации	445
Фролов Д.С., Шаломова Е.В. Формирование иноязычной терминологической лексики на занятиях английского языка со студентами-бакалаврами направления «Электроэнергетика и электротехника»	450
Черняк Е.В. Искусственный интеллект и чат GPT в обучении иностранному языку	454
Чжоу Юйлинъ, Каскова М.Е. Теория «концепта» как путь повышения усвоения лексики (на примере английского и китайского языков).....	457
Шапошников М.В., Батурьян М.А. Особенности и характерные черты коммуникативной языковой личности в английском языке.....	466

Шмелева Е.С., Акинина П.С. Дидактические свойства и методологические функции искусственного интеллекта в преподавании иностранных языков	471

Раздел V
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ПЕДАГОГИКЕ
И ПСИХОЛОГИИ
PROMISING AREAS IN PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Аверина Е.С., Кузурман В.А. Технология проектной деятельности.....	476
Бурнашова С.А., Леоненко Е.В. Влияние современных направлений в психологии на климат в педагогическом коллективе и образование в вузе	481
Васькин Д.Р., Кузурман В.А. ТРИЗ-технология в педагогике.....	484
Воронова А.В., Аравина Т.И. Патриотическое воспитание обучающихся в Движении Первых	489
Кабаненко В.А., Морохова О.А. Способы взаимодействия педагога и учащихся на уроке в цифровую эпоху	493
Меликова Ф.Г. гызы Роль учителей в развитии национальных детских СМИ	498
Помуран Н.Н. Социально-психологические детерминанты выбора языка и речевых практик: анализ эмпирических исследований	502
Проскурина А.А., Кузурман В.А. Технология CASE STUDY	507
Трифонов И.С. К проблеме смыслового наполнения и интерпретации понятий педагогики и образования	512
Федосеева Е.М., Горбатов В.И. Современные векторы развития педагогики: от персонализации до цифровой трансформации образовательного пространства.....	518
Чернова Т.А. Когнитивные и педагогические подходы в профессиональном становлении филолога	523

Раздел VI
СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ В ГУМАНИТАРНЫХ
И ТЕХНИЧЕСКИХ НАУКАХ
WORD, PHRASE, AND TEXT IN HUMANITIES AND ENGINEERING

<i>Гаврилов Д.Б., Болотов Д.Е.</i> Мотив творца и его творчества в произведениях Г.Ф. Лавкрафта (на материале рассказа «Локон Медузы»)	528
<i>Коробейников В.С., Ажимов Ф.Е.</i> Стоический перформатив как модус преодоления кризиса античного мира (на примере «Наедине с собой» Марка Аврелия)	536
<i>Коришнова В.А., Стракатова О.Н.</i> Концептуальный анализ термина «engineering» на основе историко-лингвистического подхода	544
<i>Крылова Э.А.</i> «Сам пашет, сам орет, сам и песенки поет»: маркеры самостоятельности в азбуках и букварях первых лет Советской власти.....	551
<i>Кулешова В.С., Стракатова О.Н.</i> Термин «оранжерея» в контексте ключевого элемента устойчивой городской архитектуры.....	556
<i>Попкова Е.И., Попкова О.В.</i> Германская мифология	560
<i>Собольникова М.Д., Собольникова Е.Н.</i> Концептуальное содержание термина «mentis» в философии Бонавентуры	565
<i>Харитонова Н.В.</i> Социальная маркировка и стилистика онимов в литературе: обзор исследования В.В. Катерминой.....	569
<i>Ягмурян В.О., Федченко Н.Л.</i> Символика в повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет»	573

Раздел VII

МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ – СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ YOUNG RESEARCHERS IN MODERN SCIENCES

<i>Абрамова Г.Л., Антипова А.М., Стракатова О.Н.</i> Роль медицинского английского в международной медицинской практике	579
<i>Belonozhko V.V., Ermolaeva L.D.</i> The Impact of Artificial Intelligence on Advertising and Public Relations	583
<i>Gavrilina A.A., Ermolaeva L.D.</i> The Importance of Advertising for Promoting On-Line Education	589
<i>Gerasimova E.D., Ermolaeva L.D.</i> The Art of Persuasion as One of the Basic Marketing Techniques.....	593
<i>Голубев А.С., Иванова И.С.</i> Искусственный интеллект в творчестве: союзник или угроза?	599
<i>I Fan, Avdeeva N.A.</i> The Teaching Objectives and Content of Physical Education in Chinese Schools in the 1990s	605
<i>Lu Haiyan, Avdeeva N.A.</i> Jingchu Workshop: Research and Practice on Cultivating International Students in Cross-Border E-Commerce in South Africa	609
<i>Rumyantsev K.E., Ermolaeva L.D.</i> Algorithmic Competition on Digital Platforms as a Determining Factor of Content Selection.....	616
<i>Zhao Miao, Avdeeva N.A.</i> A Study on the Impact of Generative Artificial Intelligence on Regional Economic Development.....	621
<i>Zhao Zhenzi, Avdeeva N.A.</i> Research on the Green Industrial Structure Upgrading Path of Traditional Manufacturing from the Perspective of Regional Economics	627
<i>Yu Zhiting, Avdeeva N.A.</i> The Current State of Chinese Scholars' Research on Dewey's Educational Thought in the 21st Century: History, Characteristics and Reflections	633
<i>Заключение</i>	639

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

75 лет – это возраст, в котором особенно ясно видно, как много может значить жизнь, прожитая в служении науке, людям и идеям. Это десятилетия постоянного, вдумчивого труда и преданности лингвистике.

Научная деятельность Татьяны Николаевны Федуленковой – яркое явление в сфере изучения языка. Именно поэтому её исследования, лекции и публикации отличаются особой глубиной и точностью, а для многих учеников и коллег они стали настоящей школой научного мышления и вдохновением для собственных научных поисков.

Однако значение труда Татьяны Николаевны измеряется не только научными результатами. Особое место в нем занимает её роль наставника. Для многочисленных студентов и молодых исследователей Татьяна Николаевна стала человеком, который не только делится знаниями, но и помогает обрести уверенность в собственном пути, учит внимательности к слову, честности в науке и уважению к традиции.

В Татьяне Николаевне живет подлинная любовь к фразеологической науке, энергичность, доброта и человеческое достоинство помогают ей идти вперед. Пусть в будущем будет ещё много радостных встреч, новых идей и счастливых моментов рядом с близкими, друзьями и коллегами.

В японском языке есть выражение:

師の恩は山より高く、海より深し

(*shi no on wa yama yori takaku, umi yori fukashi*)

On (恩) – это двоякое слово. С одной стороны, это фундаментальное добро, которое делают другие для нас, с другой – моральное обязательство ответить на это добро тем же, даже если невозможно вернуть все сполна. Это узы, возникающие из глубокой признательности и чувстве долга за это благо.

Поэтому пословица имеет два перевода в зависимости от того, как интерпретировать слово *on*:

A teacher's kindness is higher than the mountains and deeper than the sea.

То благо, что дает нам учитель, неизмеримо и бесценно.

The debt to one's teacher is higher than the mountains and deeper than the sea.

Наш долг учителю (за то благо, которое он привнес в нашу жизнь) – неизмерим и бесконечен.

От лица студентов и коллег выражаем Татьяне Николаевне глубочайшую благодарность и желаем дальнейших успехов в научной деятельности, новых учеников и новых свершений!

Greater things lie ahead!

Раздел I
СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ В ФОКУСЕ ФРАЗЕОЛОГИИ
WORD, PHRASE, TEXT IN THE FOCUS OF PHRASEOLOGY

УДК 81'373

Бакина Анна Дмитриевна

*доктор филологических наук,
заведующий кафедрой английской филологии*

Павлова Любовь Сергеевна

*аспирант кафедры английской филологии,
ФГБОУ ВО «Орловский государственный
университет имени И.С. Тургенева»
(г. Орел, Российская Федерация)*

**ПРАГМАТИКА ПЕРЕВОДА ОККАЗИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ
БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ**

Аннотация. В статье обсуждается проблема перевода вариативных фразеологических единиц библейского происхождения при внимании к характеру и специфике изменения фразеологизма. Анализируются примеры оригинального контекста и его перевода, содержащих узуальные и окказиональные варианты фразеологических единиц. Выявляются проблемы перевода окказионально преобразованных фразеологизмов, а также наиболее адекватные методы перевода вариантов фразеологизмов с учетом особенностей контекста, культурологических аспектов семантики исследуемых единиц.

Ключевые слова: фразеологизм; вариант; узуальные варианты; окказиональные варианты; перевод; прагматика перевода; эквивалентность; адекватность.

Bakina Anna D.

Doctor of Philology,

Head of the Chair of English Philology,

Pavlova Lyubov S.

PhD Student, Chair of English Philology,

Oryol State University named after I.S. Turgenev

(Oryol, Russian Federation)

TRANSLATION PRAGMATICS OF OCCASIONAL VARIANTS OF BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS

Abstract. The article discusses the problem of translation of variable phraseological units of biblical origin, with attention to the nature and specificity of change in phraseology. Examples of the original context and its translation, containing usual and occasional variants of phraseological units are analyzed. The problems of translation of occasionally transformed phraseologisms are revealed, as well as the most adequate methods of translation of variants of phraseologisms taking into account the peculiarities of the context, cultural aspects of the semantics of units under analysis.

Key words: phraseologism; variant; usual variants; occasional variants; translation; translation pragmatics; equivalence; adequacy.

Согласно большинству общепринятых определений фразеологической единицы [6; 8; 4] данный лингвистический феномен предстает перед нами как устойчивое, стабильное, воспроизводимое, используемое «в готовом виде» сочетание слов с переосмысленным значением. Тем не менее очень часто фразеологизмы выходят за рамки узуса и претерпевают ряд структурно-семантических и функциональных изменений [2; 5; 7; 9; 12].

Библейские фразеологические единицы подвержены двум видам варьирования: узуальному и окказиональному. Узуальные варианты зафиксированы в специальных словарях фразеологических единиц, могут быть кодифицированы в нескольких лексикографических источниках, являются эквивалентными оригинальным единицам, характеризуются нерегулярной формально-смысловой организацией, возникающей в результате семантического изменения компонентов [1] и используются в зависимости от предпо-

чений авторов; окказиональные (спорадические, индивидуально-авторские) варианты создаются «под речевую ситуацию», при этом сохраняют как материальные, так и семантические связи с исходной фразеологической единицей [4], редко употребляются другими авторами в других новых контекстах, в словарях не регистрируются [2, с. 168].

Окказиональные преобразования фразеологизмов представляют собой изменения или адаптации устойчивых выражений в новом контексте. Это уникальные словосочетания, созданные автором для конкретного текста, которые не имеют устоявшегося значения и требуют профессионального подхода при переводе. Н.Е. Булаева, М.М. Давыдова под окказиональными преобразованиями понимают «стилистические изменения в лексическом составе, синтаксической структуре фразеологических единиц, при которых их узуально-устойчивая форма противопоставляется окказионально измененной» [5, с. 483].

Окказиональные, или авторские, модификации фразеологических единиц, возникающие ввиду структурной раздельнооформленности фразеологизмов, не являются нарушением или аномалией [10]. Напротив, их можно рассматривать как проявление авторских особенностей и стиля. Перевод таких фразеологизмов в художественном дискурсе сопряжен с рядом сложностей и особенностей, касающихся как лексического, так и культурного аспектов [3].

Проблемы перевода окказионально преобразованных фразеологизмов заключается в: *контекстуальном аспекте* (окказионально преобразованные фразеологизмы часто требуют глубокого понимания контекста, в котором они используются); *культурном аспекте* (фразеологизмы часто несут в себе культурные отсылки, которые могут быть непонятны для представителей другой культуры. Переводчику необходимо принимать решение: оставить оригинальный фразеологизм и добавить сноску или адаптировать его так, чтобы он звучал естественно для целевой аудитории); *лексическом и стилистическом аспектах* (при переводе важно сохранить стилистическую окраску оригинала). Окказионально преобразованные фразеологизмы могут быть использованы для создания определенного художественного эффекта, который необходимо передать в переводе.

Окказиональные изменения различаются по сложности, т.е. могут быть простыми и комбинированными. Простое изменение фразеологизма касается опущения или добавления лексемы или включает единичную грамматическую замену (*блудный сын* -> *блудная дочь* [14]; ср.англ. *prodigal son*

-> *prodigal daughter, prodigal painter* [17]). Сложные преобразования могут включать целый ряд изменений лексического, морфологического, синтаксического характера. Множественные замены во фразеологической единице, превращающие ее в окказиональный фразеологический вариант (*the breath of life* -> *He breathes a beautiful life into me* [17]).

Рассмотрим простые окказиональные преобразования фразеологизмов:

1. Изменение глагольного компонента фразеологизма

Глагольные фразеологические единицы являются наиболее распространенными в английском языке, поэтому начнем анализ с рассмотрения изменения глагольного компонента фразеологизма библейского происхождения *money answers all things* – *с деньгами можно добиться всего*. В произведении У. Шекспира «Отелло» (Акт I, Сцена I) в реплике Родриго данный фразеологизм претерпевает простое окказиональное преобразование:

«*Sir, I will answer any thing. But, I beseech you...*» [19].

«*За все, синьор. Но дайте мне сказать...*» [15].

Во фразеологизме *money answers all things*, происходящем из Библии (книги «Экклезиаст», стиха 10:19), автор с помощью окказионального морфологического приема изменяет время посредством аналитической формы вспомогательного глагола будущего времени *will*, а также меняет существительное *money* на местоимение *I*, изменяя тем самым субъектно-объектную ориентацию и подчеркивая, что не только деньги могут изменить ситуацию в лучшую сторону, но и человек.

Рассмотрим пример использования окказионально преобразованного фразеологизма в произведении Ника Хорнби «Мой мальчик»:

«*Will found endings difficult: he had never quite managed to grasp the bull by the horns, and as a consequence there had hitherto always been some kind of messy overlap*» [18, p. 22].

Автор заменил лексический компонент во фразеологизме *to take the bull by the horns* – *взять быка за рога*. Замена нейтрального глагола *to take* (*брать*) на семантически более эмоционально насыщенный *to grasp* (*хватать*) сделана с целью показать нерешительность и страх главного героя перед выяснениями отношений с его бывшими девушками. В приведенном контексте замена лексического компонента способствует усилению эмоционально-экспрессивного значения исходной единицы.

С учетом изменения лексического компонента фразеологизма и контекста перевод на русский язык можно предложить такой: *Уиллу было*

трудно поставить точку в отношениях: он **не хватал быка за рога**, поэтому ему постоянно приходилось оправдываться перед бывшими за новых подружек.

2. Изменение субстантивного компонента фразеологизма

Рассмотрим пример перевода окказионально преобразованной субстантивной фразеологической единицы с именем собственным **a Herculean labour**, имеющей значение **геркулесов труд, исключительно трудное дело**:

«*And yet it is poorly learnt; for this morning she announced, as a piece of appalling intelligence, that I had actually succeeded in making her hate me! A positive labour of Hercules, I assure you! If it be achieved, I have cause to return thanks*» [14].

«Но все-таки она и сейчас плохо это понимает, ибо сегодня утром она объявила, как потрясающую новость, что мне действительно удалось внушить ей ненависть ко мне! **Во истину Геркулесов подвиг**, уверяю тебя! Если я этого достиг, мне есть чему порадоваться» [14].

Из примера видим, что фразеологизм **a Herculean labour** претерпевает изменения – препозитивное адъективное определение заменяется постпозитивным предложно-именным. Также к числу окказиональных изменений субстантивных фразеологических единиц с именами собственными можно отнести добавление прилагательного в препозиции. В рассмотренном контексте добавленное прилагательное *positive* усиливает значение фразеологизма, поэтому переводчик добавляет перед устойчивой единицей *Геркулесов подвиг* наречие *воистину*, имеющее значение «в самом деле».

Интересен прием замены лексического компонента глагольной фразеологической единицы **throw a sop to Cerberus**, имеющей значение **задобрить недовольного человека**.

Рассмотрим пример:

«*The jibes of the kids at his scattered schools, which he attended sometimes for a token day or two to throw a sop to the government, struck him as neither here nor there*» [17].

Автор намеренно трансформирует фразеологизм, заменяя имя собственное *Cerberus* словом *government*, тем самым придавая ему новый оттенок значения. Кроме того, данный фразеологизм, обычно употребляющийся по отношению к людям, в приведенном контексте используется по отношению к органу государственной власти, что можно характеризовать как нарушение стилистической дистрибуции [11].

Предлагаем следующий вариант перевода:

«Насмешки детей в его многочисленных школах, которые он иногда посещал всего на день-два, чтобы **угодить правительству**, казались ему неуместными».

Рассмотрим еще один пример субституции компонента фразеологизма ***to take Lord's name in vain*** (упоминать имя Господа всуе), в котором компонент *Lord's* заменяется именем собственным *Bobby Charlton's*:

*«I promise on my old mother's teeth that I will never drink or **take Bobby Charlton's name in vain** again»* [17].

Предложенный вариант перевода:

*«Клянусь здоровьем своей старой матери, что никогда больше не буду пить и **упоминать имя Бобби Чарльтона всуе**».*

3. Изменение адъективного компонента фразеологизма

Основной целью модификации адъективного компонента фразеологизма является раскрытие отличительных свойств и характерных черт героя произведения, для художественного описания действительности, а также для эмоционально-экспрессивной оценки. В результате изменения фразеологической единицы трансформируется ее смысловая насыщенность и степень экспрессивности.

Рассмотрим изменение адъективного компонента во фразеологизме ***greater lights*** – **знаменитости, крупные писатели, философы**:

*«Several **great lights** of the Spiritualistic body had also come a long distance to be present, as had a Swedenborgian minister, who considered that the proceedings might throw some light upon the doctrines of the Rosy Cross»* [14].

*«На небывалый эксперимент собрались с дальних концов несколько **звезд** из плеяды спиритуалистов, приехал последователь Сведенборга полагавший, что эксперимент прольет свет на доктрину розенкрейцеров»* [14].

Сравнительная степень адъективного компонента обладает большей экспрессивностью, чем положительная (основная). В рассматриваемом примере автор изменил сравнительную форму прилагательного *greater* на положительную *great* с целью уменьшения эмоциональной насыщенности.

В ходе исследования нами были также выделены осложненные способы окказиональных преобразований фразеологических единиц, в результате которых сразу несколько компонентов подвергаются изменениям.

Большое разнообразие окказиональных преобразований библейских фразеологизмов наблюдается в творчестве У. Шекспира. Так, в трагедии «Гамлет» (часть III, сцена IV) в речи королевы наблюдаем окказиональное

изменение библейского фразеологизма *the breath of the life* – «дыхание жизни», смысл жизни:

*«Be thou assured, if words be made of breath,
And breath of life, I have no life to breathe
What thou hast said to me» [17].*

*«О, если речь — дыханье, а дыханье
Есть наша жизнь, — поверь, во мне нет жизни,
Чтобы слова такие продышать» [17].*

В приведенном контексте библейский фразеологизм претерпевает лексико-морфологические изменения и полностью трансформируется: вместо существительного *the breath* используется инфинитив глагола – *to breathe*. Также добавляется частица *no*, которая с точки зрения семантики более категоричная чем частица *not*, что добавляет фразе большую эмоциональность. На данном примере мы видим, что в одном окказиональном преобразовании объединены сразу несколько приемов, в результате чего фразеологизм приобретает художественную образность и выразительность.

Рассмотрим использование окказионального фразеологического варианта библейского происхождения *Egyptian darkness* (тьма египетская), в тексте комедии У. Шекспира «Двенадцатая ночь». Акт IV, сцена 2: слова Шута:

«Madman, thou errest: I say, there is no darkness but ignorance; in which thou art more puzzled than the Egyptians in their fog» [20].

«Умалишенный, ты бредишь: говорю тебе, ты не во мрак погружен, а в невежество, в коем блуждаешь, как египтянин во тьме» [16].

Автор отсылает читателя к Ветхому Завету (Исход, гл. 10, ст. 22), где описывается одно из чудес, совершённых пророком Моисеем [13]. Этот библейский сюжет относится к событиям исхода евреев из Египта и тем наказаниям, которые постигли египтян, мешавших Моисею вести свой народ в землю обетованную.

В данном примере наблюдается разложение фразеологической единицы на составные компоненты, которые интегрированы по отдельности в новый контекст и выполняют уже другие грамматические функции в предложении и претерпевают морфологические изменения (прилагательное преобразовано в существительное во множественном числе), тем не менее библейский фразеологизм узнаваем и легко идентифицируется.

Контекстуальный анализ фразеологических единиц показывает, что фразеологизмы с глагольным компонентом чаще изменяются морфологически, чем, например, адverbиальные фразеологические единицы. В основном окказиональные изменения служат для оживления «избитого» образа, лежащего в основе фразеологизма, а также для усиления эмоционально-стилистического воздействия выражения. Использование в речи героев произведений сложных окказиональных преобразований фразеологических единиц приводит к насыщению их речи выразительности, эмоциональности, оценочности, что делает их образ более запоминающимся.

Таким образом, окказионально преобразованные фразеологизмы являются сложным, но интересным, с научной точки зрения, объектом исследования; количество и разнообразие такого рода фразеологических единиц бесконечно, а адекватный перевод фразеологических единиц, в частности их узуальных и окказиональных вариантов, требует знания оригинала фразеологизма (его значения), прагматической адаптации, творческого нестандартного подхода.

Библиографический список

1. Бакина, А. Д. Англо-русский толковый словарь библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина. – Орел: Издательство «Картуш», 2022. – 128 с. – ISBN 978-5-9708-1031-6.
2. Бакина, А. Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра / А. Д. Бакина. – Орёл: ОГУ имени И. С. Тургенева, издательство «Картуш», 2023а. – 452 с. – ISBN 978-5-9708-1108-5.
3. Бакина, А. Д. Прагматические аспекты перевода библейских фразеологизмов / А. Д. Бакина // Мир науки, культуры, образования. – 2023б. – № 4 (101). – С. 384–387. – DOI 10.24412/1991-5497-2023-4101-384-387.
4. Бакина, А.Д. Интегративное описание библейской фразеологии (на материале английского и немецкого языков): диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Бакина Анна Дмитриевна, 2024. – 496 с.
5. Булаева, Н.Е. Окказиональные преобразования фразеологических единиц / Н.Е. Булаева, М.М. Давыдова // Российский гуманитарный журнал. – 2018. – Т. 7, № 6. – С. 482–489.

6. Федуленкова, Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков / Т.Н. Федуленкова. – 2-е изд., испр. – Москва: Издательский Дом Академии Естествознания, 2018. – 220 с.
7. Федуленкова, Т.Н. Развитие вариантности фразеологии библейской этимологии / Т.Н. Федуленкова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т. 6. № 2. – С. 83–96.
8. Федуленкова, Т.Н. Тенденции развития и проблемы современной фразеологии / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2024. – № 78. – С. 68–84.
9. Федуленкова, Т.Н. Функциональный диапазон фразеологической единицы библейского происхождения (на примере БФЕ good Samaritan) / Т.Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 143–153.
10. Fedulenkova, T. On the Instantial Use of Phraseological Units. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse by Anita Naciscione, 2010, Amsterdam: John Benjamins, viii +292 pp., 978 9-027-21176-7. Hb, €95.00 / T. Fedulenkova // European Journal of English Studies. – 2015. – Vol. 19. – № 2. – Pp. 234–242.
11. Fedulenkova, T. Stylistics. A Resource Book for Students / T. Fedulenkova // Language and Culture. – 2018. – No. 12. – P. 118–123.
12. Fedulenkova, T. Typological Relevance of Phraseology: New Approach to the Study of Phraseological Units / T. Fedulenkova // Book of Abstracts of the 12th Conference of the European Society for the Study of English, 29 August – 2 September 2014. – Košice: University in Košice, 2014. – Pp. 91–92.

Источники языкового материала

13. Библия онлайн. URL: <https://azbyka.ru/biblia/> (дата обращения: 16.12.2025).
14. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 16.12.2025).
15. Шекспир У. Отелло (пер. М. А. Лозинский). URL: <https://lib.ru/SHAKESPEARE/othello2.txt> (дата обращения: 16.12.2025).
16. Шекспир У. Двенадцатая ночь, или что угодно (пер. М.А. Лозинский). URL: https://lib.ru/SHAKESPEARE/12th_3.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 16.12.2025).

17. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/x.asp> (дата обращения: 16.12.2025).
18. Hornby N. *About a Boy*. London: Penguin Books, 2010. – 278 p.
19. Shakespeare W. *Othello*. URL: <https://shakespeare.mit.edu/othello/full.html> (дата обращения: 16.12.2025).
20. Shakespeare W. *Twelfth Night*. URL: https://shakespeare.mit.edu/twelfth_night/full.html (дата обращения: 16.12.2025).

УДК 811.111

Басова Татьяна Александровна

кандидат филологических наук,

старший преподаватель кафедры ИЯПК¹

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ДВОЙНАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *TO TAKE THE BULL BY THE HORNS*

Аннотация. Статья посвящена явлению двойной актуализации фразеологизмов, когда одновременно в контексте реализуется два фразеологических значения, на примере фразеологической единицы *to take the bull by the horns* в контекстах, связанных с трейдингом и биржей.

Ключевые слова: каламбур; стилистические приемы; фразеологизмы; двойная актуализация.

Basova Tatiana A.

PhD in Philology, Assistant Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

DOUBLE EXPOSURE OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT *TO TAKE THE BULL BY THE HORNS*

Abstract: The article is devoted to the phenomenon of double exposure of idioms, when two phraseological definitions are activated simultaneously, using

¹ Кафедра ИЯПК – кафедра иностранных языков профессиональной коммуникации

the example of the idiomatic expression *to take the bull by the horns* in contexts related to trading and the stock market.

Keywords: pun; stylistic patterns; phraseological units; double exposure

Предлагаемая работа основана на актуальных трудах по проблемам, подходам и методологии лингвистического исследования [3; 1; 4; 2; 5; 16], по теории вариативности языковой единицы [6; 8; 15], по общей, деловой и структурной фразеологии [9; 11; 10; 12; 7], и по когнитивной лингвистике [17; 13; 14].

Фразеологизмы изменяются со временем и адаптируются к новым реалиям жизни, к неизбежным трансформациям в обществе и деятельности людей, что является естественным процессом для всех языковых единиц [9]. Фразеологизмы могут как устаревать, теряя актуальность и прозрачность значения, так и изменяться, подстраиваясь под коммуникативные потребности той или иной эпохи или проникая в тот или иной тип дискурса [4; 12; 10]. Анализ феномена семантических сдвигов и развития новых значений способствует более глубокому пониманию процессов языковой эволюции и раскрывает паттерны переосмысления в сфере лексического и фразеологического фонда [14, с. 276; 16]. Но иногда новые значения фразеологизма возникают только в определенных контекстах и ограничиваются ими (обычно через стилистические приемы).

Как известно, фразеологизмы отличаются наличием частично или полностью переосмысленного значения [13]. Одним из распространенных стилистических приемов, применяемых к фразеологизмам, является каламбур через актуализацию на нескольких уровнях; чаще всего это двойная актуализация – актуализация буквального и переосмысленного значений. В таких случаях нельзя сказать, что у ФЕ возникает некое новое значение, так как это буквальная интерпретация изначального словосочетания – без переосмысления. «Идентификация двойной актуализации – это процесс восприятия деметафоризации – лингвистической процедуры, противоположной созданию образа, что происходит на начальном этапе формирования ФЕ. Процесс деметафоризации обнаруживает механизмы метафорического языка» [17, с. 93].

При этом двойная актуализация не всегда связана с деметафоризацией; оба смысловых слоя могут быть переосмысленными и не иметь отношения к буквальному значению единицы, особенно когда фразеологизм попадает в новые, не существовавшие ранее контексты и перекликается с их

специфической сетью метафорических образов, таким образом развивая новую семантику, реализуемую в этих контекстах. При этом он сохраняет и прежнюю семантику. То есть у фразеологизма может актуализироваться *новое переосмысленное значение*, а не буквальное.

Так, например, имеющий глубокую историю фразеологизм *to take the bull by the horns* ‘взять/брать быка за рога’ имеет очень прозрачную мотивировку и отражает один из древнейших элементов европейской культуры, так как образ человека, схватившего быка за рога, всегда символизировал смелость, решительность, прямое столкновение с опасностью. Он базируется на практике брать домашний скот за рога для установления контроля над упрямым животным. Контролировать быка таким способом или даже состязаться с ним невозможно без храбрости и силы.

Эта ФЕ существует в ряде современных европейских языков с практически тем же значением (фр. *prendre le taureau par les cornes*, исп. *coger el toro por los cuernos*, нем. *den Stier bei den Hörnern packen*, пл. *wziąć byka za rogą* и др.) – ‘решительно действовать’ и в принципе считается общеевропейской.

Данная ФЕ обрела оригинальную актуализацию в дискурсе, связанном с биржей, трейдингом и инвестициями, где слово *бык* уже имеет специальное терминологическое значение.

«Быки» – это участники рынка, ожидающие роста цен, тогда как «медведи» играют на падении рынка; *бык* и *медведь* также могут символизировать, соответственно, растущее и падающее состояние рынка. Такие названия связывается с образом того, как быки поддевают рогами снизу вверх для атаки, а медведи бьют лапой сверху вниз. В англоязычной традиции закрепились термины *bull market* (бычий рынок – акции растут) и *bear market* (медвежий рынок – акции падают). В финансовом дискурсе «быки» и «медведи» образуют устойчивую антонимичную пару. В этом контексте ФЕ *to take the bull by the horns* ‘взять быка за рога’ встречается особенно часто в заголовках финансовых статей и так же часто находит отражение в сопутствующем иллюстративном материале (Рис. 1).

One sector, three breakout stocks. Can you take the bull by the horns?

Brijesh Bhatia | 4 min read | 13 Sept 2024, 09:30 am IST

Sector rotation is keeping traders on their toes.

Рис. 1

Другие примеры заголовков:

*Opec+ **has taken the bull by the horns** in oil market strategy*

The oil producer's alliance is pursuing an aggressive policy and for now, it appears to be working

Investment trusts: Time to take the bull by the horns

RFX: Taking The Bond Bull ETF By The Horns

On Valentine's Day, stock-market bear took the bull by the horns

В данных контекстах это пример удачной игры слов, перекликающейся с жаргоном биржевого рынка, но не всегда использование этой ФЕ связано с двойной актуализацией. Иногда ее функции ограничиваются приданием красочности и яркости заголовку благодаря лексеме ‘бык’, которая напоминает о двух сторонах рынка. Но в некоторых случаях это именно двойная актуализация, затрагивающая усмирение/ подавление/ использование бычьего рынка или восходящего тренда. В инвестиционном тексте эта ФЕ, на которую накладывается данный стилистический эффект, может интерпретироваться не просто как решительные действия вообще, но и как

буквальное подавление растущего тренда (бычьего рынка) или, например, как призыв действовать во время растущего тренда. Таким образом, контекст может обеспечивать второе метафорическое значение (благодаря тому, что 'бык' – уже переосмысленная лексема).

Рассмотрим подробнее текст последней статьи:

*'Tis the time of year when **the raging bull** of the stock market **takes a beating from a soft, cuddly bear**. The furry thing, most often gifted as love's faithful emissary, has the numbers to show that it is **the clear winner** in the amour takes-all, including stocks, game.' The figures show how **the bear took the bull by the horns**. In the fortnight leading up to Valentine's Day, the benchmark Sensex failed to earn a return in seven out of 10 years, right up to February 2018. In the fortnight following February 14, the index return was either close to zero or negative on seven out of 10 instances till February 2017. [18].*

В данном случае наблюдается не изменение исходных дефиниций ФЕ, а ее новая контекстуальная актуализация: базовая семантика сохраняется («медведь» начал активно действовать, брать быка за рога), но также появляется и второй образ подавления («медведь» берет конкретно биржевого «быка» за рога). *Бык* – уже не абстрактный образ опасности или сложной ситуации, а конкретная фаза рынка с таким названием. В случае обычной двойной актуализации (когда, помимо фразеологического, актуализируется буквальное значение словосочетания) мы бы имели дело с реальным животным, но здесь бык – это не животное, а именно растущий рынок, за которым закрепился образ быка. В этом случае степень абстракции понижается, «бык» уже действительно присутствует в контексте, но это не реальный, а метафорический бык, и поэтому ФЕ все же не возвращается к буквальному значению. Возникает интересный стилистический эффект: традиционная метафора решительности находит отражение в профессиональном жаргоне рынка.

Специализированный дискурс, имея свою собственную сеть метафор, может повлиять на понимание фразеологизма и обогатить его новыми ассоциациями, что демонстрирует способность языковых единиц динамично встраиваться в неожиданные, казалось бы, контексты. Сколь огромна пропасть между хватанием животного за рога и игрой на бирже, но благодаря языку и присущей ему выразительности, проявленной в данном случае через этот фразеологизм, вырастает настоящий метафорический мост, соединяющий через слои переосмыслений такие разные реалии жизни.

Библиографический список

1. Бакина, А.Д. Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2022. – № 8(2). – С. 190–196. – https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_190.
2. Бакина, А.Д. Проблемы методологии лингвистических исследований / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – 2022. – № 4(60). – С. 208–214.
3. Бакина, А.Д. Тенденции развития и проблемы современной фразеологии // А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова / Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журнал. – 2024. – № 78. – С. 68–84. – https://tverlingua.ru/archive/078/01_78.pdf.
4. Бакина, А.Д. Формы, значения и категории языковых и речевых структур / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Вестник САФУ. – 2021. – № 1. – С. 135–139.
5. Басова, Т.А. О русской фразеологии в свете антропоцентрической парадигмы / Т.А. Басова // Вестник Череповецкого государственного университета. – Череповец, 2021. – № 5 (104). – С. 190–197.
6. Басова, Т.А. Продукты межуровневой отфразеологической деривации в свете вариативности / Т.А. Басова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – Курск, 2022. – Т. 19. № 3. – С. 62–67.
7. Басова, Т.А. Структурный анализ фразеологических аббревиатур в японском языке / Т.А. Басова // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – 2022. – № 60. – С. 9–23. – DOI 10.47388/2072-3490/lunn2022-60-4-9-23; EDN DEPLEU.
8. Басова, Т.А., Федуленкова, Т.Н. Трактовка вариативности как неотъемлемого свойства языка / Т.А. Басова, Т.Н. Федуленкова // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – 2023. – № 3(63). – С. 173–178.
9. Кунин, А.В. Английская фразеология. Теоретический курс / А.В. Кунин. – Москва : ВШ, 1970. – 344 с.
10. Федуленкова, Т.Н. Деловая фразеологическая терминология причастно-субстантивной структуры / Т. Н. Федуленкова // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. – 2021. – Т. 17, № 4(54). – С. 92–102. EDN SOIGZV.

11. Федуленкова, Т.Н. О деконвенционализации современной англоязычной бизнес-коммуникации / Т.Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2021. – № 7 (4). – С. 179–184. https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_4_179_184.
12. Федуленкова, Т.Н. Одномерные модели фразеологии современного международного делового языка / Т.Н. Федуленкова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 70–83. – DOI 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7; EDN OBARGZ.
13. Федуленкова, Т.Н., Волкова, С.А., Басова, Т.А. Еще раз о фразеологическом значении / Т.Н. Федуленкова, С.А. Волкова, Т.А. Басова // Военно-гуманитарный альманах. Сер. «Лингвистика». – Т. 1. – Язык. Коммуникация. Перевод. – Москва : Наука, 2020. – Вып. № 5. – С. 268–274.
14. Эркебаева, Ж.Ч., Саткеева, З.Х. Семантическая эволюция фразеологизмов: изменения значений устаревших выражений во времени / Ж.Ч. Эркебаева, З.Х. Саткеева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – №2-2 (101). – С. 276-279.
15. Basova T.A. Variation in Japanese and English units with a somatic component / T.A. Basova // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – 2021. – Vol. 17. – No 1 (51). – Pp. 68–77.
16. Fedulenkova, T.N. Approaches to Phraseology in Polyparadigmatic Linguistics / T. N. Fedulenkova. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. – 212 с.
17. Naciscione, A. Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse / A. Naciscione. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, xiii, 2010. – 292 pp.
18. On Valentine's Day, stock-market bear took the bull by the horns («В День Св. Валентина биржевой медведь взял быка за рога»); новостная статья на экономическом портале The Economic Times. Panache. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/magazines/panache/on-valentines-day-stock-market-bear-took-the-bull-by-the-horns/articleshow/62941348.cms> (дата обращения: 21.02.2026).

Bogdanov Kirill Romanovich

Master's student

Chulanova Alisa Dmitrievna

Research supervisor, lecturer,

Department of Foreign Languages for Professional Communication

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN ENGLISH: TYPOLOGY ACCORDING TO A.V. KUNIN'S CLASSIFICATION

Abstract. The purpose of the article is to examine the typology of phraseological units in modern English based on the classification developed by A.V. Kunin. Phraseological units represent one of the most stable and expressive layers of the lexicon, reflecting national mentality, cultural values, and historical experience. The objectives of this study are to describe the main types of phraseological units identified by Kunin, analyze their structural and semantic features, and provide examples of their functioning in contemporary English. The research methods include theoretical analysis of linguistic literature, classification, comparative description, and contextual analysis of idiomatic material. The results confirm the relevance of Kunin's typology for modern phraseological studies. His classification allows a systematic description of stable word combinations taking into account their semantic integrity, structural stability, and degree of motivation. The findings demonstrate that Kunin's model remains applicable to modern English despite changes in vocabulary and the emergence of new idiomatic expressions.

Keywords: phraseology, phraseological units, idioms, classification, A.V. Kunin, phraseological typology.

УДК 81'373.7

Богданов Кирилл Романович

студент

Чуланова Алиса Дмитриевна

научный руководитель, ассистент кафедры ИЯПК

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ: ТИПОЛОГИЯ А. В. КУНИНА

Аннотация. Целью статьи является рассмотрение типологии фразеологических единиц в современном английском языке на основе классификации, разработанной А.В. Куниным. Фразеологические единицы представляют собой один из наиболее устойчивых и выразительных слоёв лексики, отражающих национальный менталитет, культурные ценности и исторический опыт. Задачи данного исследования заключаются в описании основных типов фразеологических единиц, выделенных Куниным, анализе их структурных и семантических особенностей, а также в приведении примеров их функционирования в современном английском языке. В качестве методов исследования используются теоретический анализ лингвистической литературы, классификация, сопоставительное описание и контекстуальный анализ фразеологического материала. Полученные результаты подтверждают актуальность типологии Кунина для современных фразеологических исследований. Его классификация позволяет осуществить системное описание устойчивых словосочетаний с учётом их семантической целостности, структурной устойчивости и степени мотивированности. Сделанные выводы показывают, что модель Кунина сохраняет свою применимость к современному английскому языку, несмотря на изменения в словарном составе и появление новых идиоматических выражений.

Ключевые слова: фразеология, фразеологические единицы, идиомы, классификация, А.В. Кунин, фразеологическая типология.

Introduction

Phraseology occupies a special place in the lexical system of any language. Phraseological units reflect national culture, traditions, everyday experience, and emotional perception of reality. In English, idiomatic expressions are widely used in both spoken and written discourse, forming an essential part of communicative competence. However, due to their semantic indivisibility and figurative meaning, phraseological units often cause difficulties both for learners and for researchers who attempt to describe and systematize them [1].

Numerous linguists have proposed different approaches to the classification of phraseological units. Among them, the theory developed by A. V. Kunin is considered one of the most comprehensive and practically applicable. Unlike purely

semantic or structural classifications, Kunin's typology combines several criteria: semantic cohesion, structural stability, reproducibility, and degree of motivation of meaning. This integrated approach allows linguists to describe phraseological units more accurately and reflect their real functioning in language [1, 4].

The purpose of the present article is to analyze the main types of phraseological units according to Kunin's classification using examples from modern English. The study also aims to show the continuing relevance of Kunin's theory in contemporary phraseological research.

Theoretical Background

According to A.V. Kunin, a phraseological unit is a stable combination of words with a fully or partially reinterpreted meaning that is reproduced in speech as a ready-made unit. The essential features of phraseological units include:

- stability – fixed lexical composition and grammatical structure;
- semantic integrity – idiomatic or partially idiomatic meaning;
- reproducibility – ready-made reproduction rather than free syntactic construction;
- expressiveness – emotional or stylistic coloring.

These features distinguish phraseological units from free word combinations, collocations, and syntactic groupings [3].

Kunin's classification is based on the degree of semantic cohesion between elements and the level of phraseological motivation [5]. As a result, he distinguishes several major types of phraseological units.

Main Types of Phraseological Units According to Kunin

1. Phraseological Fusions

Phraseological fusions are the most idiomatic type of phraseological units. Their meaning is completely non-motivated and cannot be deduced from the meanings of the individual components [6]. The lexical elements lose their independence entirely and form an indivisible semantic whole.

Examples from English include: to kick the bucket — to die; red tape — bureaucratic methods; by and large — on the whole. The original meanings of the words are either obscure or historically remote, making the expression incomprehensible without special knowledge.

2. Phraseological Unities

Phraseological unities also possess figurative meaning, but unlike fusions, their semantic motivation can still be traced. The metaphorical image remains partially transparent, allowing speakers to associate the meaning of the whole expression with the meanings of its components.

Typical examples are: to spill the beans — to reveal a secret; to burn bridges — to lose any chance to return to a previous state; to add fuel to the fire — to worsen a situation.

The metaphorical meaning of such units is usually relatively easy to understand, because the imagery behind them is familiar to speakers and rooted in everyday experience. For this reason, these expressions remain actively used in modern English and do not lose their relevance.

3. Phraseological Combinations

Phraseological combinations differ from other groups of idioms in that their components mostly keep their original meanings, although their use together is limited by language tradition. In these expressions, one word is usually used in its direct sense, while the other becomes fixed within the combination.

Typical examples are: to make a decision; to take responsibility; heavy rain.

At first glance, such expressions seem ordinary and predictable, but in practice speakers cannot freely replace their elements with synonyms. For instance, it is not common to say *do a decision* or *strong rain*. This restriction of choice is what makes phraseological combinations stable units of the language.

4. Phraseological Expressions

A separate group in Kunin's classification is formed by phraseological expressions. These are set phrases or full sentences whose meanings are clear and logical, but whose wording is fixed and well established. This group includes proverbs, sayings, clichés, and common formulaic utterances.

Some typical examples are: *time is money*; *practice makes perfect*; *better late than never*.

Such expressions function as complete communicative units and are commonly used to express universal truths or pragmatic attitudes [7, 8].

Functional and Stylistic Role of Phraseological Units

Phraseological units perform several important functions in communication. They enhance emotional expressiveness, provide concise evaluation of situations, and contribute to stylistic colouring of discourse. Idioms frequently occur in informal speech, media texts, literature, and political rhetoric, where expressiveness plays a key role.

In modern English, phraseological creativity also leads to transformations of traditional idioms in advertising slogans or journalistic headlines. Despite surface modifications, such expressions usually preserve their core idiomatic meaning, which confirms the stability of the phraseological system described by Kunin.

Small-Scale Empirical Study

In order to support the theoretical description of phraseological typology with practical data, a small-scale observational study was conducted during the spring semester of 2025 at a university English course for non-linguistic students. The aim of the study was to determine how frequently different types of phraseological units (according to A.V. Kunin's classification) appear in authentic student speech and whether students demonstrate awareness of semantic motivation while using idioms.

The research subjects were **28 undergraduate students** (second-year, intermediate English level B1–B2). Over a four-week period, students were asked to complete short oral presentations and written essays on everyday topics (education, work plans, travelling, social media). From these materials, a corpus of **112 phraseological units** was collected and analyzed.

Each unit was classified according to Kunin's typology into four groups: fusions, unities, combinations, and expressions.

The analysis produced the following distribution:

phraseological combinations – 46 units (41%)

phraseological unities – 38 units (34%)

phraseological expressions (proverbs and fixed sayings) – 21 units (19%)

phraseological fusions – 7 units (6%)

The predominance of phraseological combinations appears to be explained by their relatively transparent semantics and structural simplicity (e.g., *make a choice*, *take part*, *pay attention*). These constructions are often consciously learned in classroom practice and therefore occur more frequently in controlled student speech.

Phraseological unities occupied the second position. Students used common metaphor-based idioms such as *break the ice*, *spill the beans*, and *burn bridges*, which indicates an ability to operate with partially motivated figurative meanings.

Expressions in the form of proverbs and set formulas (*Time is money*; *Practice makes perfect*) occurred mainly in oral tasks when students attempted to strengthen their argumentation or summarize ideas. Their limited frequency may result from stylistic overuse restrictions and insufficient familiarity with functional contexts.

The smallest group consisted of phraseological fusions. Examples included *red tape* and *kick the bucket*, which students often reproduced incorrectly or avoided in spontaneous speech [5, 7]. Follow-up interviews demonstrated that

learners frequently perceived these idioms as “illogical” or “too difficult to remember,” since their meanings were not semantically predictable.

In addition, a short reflective questionnaire showed that **71% of the subjects consciously relied on expressions whose inner imagery was understandable to them**, once again confirming the importance of semantic motivation in active idiom use.

The results of this exploratory study correspond with Kunin’s classification and support the theoretical assumption concerning the gradual transition from highly motivated combinations to semantically opaque fusions. From a pedagogical perspective, the findings indicate that idiomatic learning naturally begins with combinations and unities, while phraseological fusions require targeted instruction and cultural explanation.

Conclusion

The analysis shows that the classification proposed by A.V. Kunin can still be considered a solid and useful system for describing phraseological units in modern English. Dividing idioms into fusions, unities, combinations, and expressions helps to demonstrate how differently they function depending on the degree of semantic clarity and stability of their structure. This approach makes it possible to see not only how idioms are organized theoretically, but also how they are actually used in real communication.

The small empirical study conducted within this research also confirmed the practical value of Kunin’s theory. Most of the idiomatic expressions used by students turned out to be phraseological combinations and unities. These units are easier to understand because their meanings are either clear or at least partly motivated, which makes them more convenient for active speech. In contrast, genuine phraseological fusions appeared much less frequently, since their meanings are difficult to guess and require special learning.

The data also revealed that proverbs and other fixed expressions are usually employed when students want to emphasize a point or make a statement sound more expressive. Everyday student speech, however, is mainly built on simpler phraseological combinations that resemble ordinary collocations.

Thus, the study supports the idea that Kunin’s classification reflects not only the theoretical nature of phraseological units but also their real distribution in spoken English, particularly at the learning stage. From an educational point of view, this means that teaching idioms should be organized step by step — beginning with more transparent combinations and metaphorical unities, and only later

moving on to less motivated and more complex fusions, with additional cultural explanation and contextual practice.

References

1. Baker, M. *In Other Words: A Coursebook on Translation*. – London : Routledge, 2011. – 332 p.
2. Fernando, C. *Idioms and Idiomaticity*. – Oxford : Oxford University Press, 1996. – 256 p.
3. Kunin, A.V. *English Phraseology: Theoretical Problems*. – Moscow : Vysshaya Shkola, 1970. – 344 p.
4. Kunin, A.V. *Kurs sovremennogo angliyskogo yazyka. Frazeologiya* [Course of Modern English. Phraseology]. – Moscow : Vysshaya Shkola, 1996. – 381 p.
5. Makkai, A. *Idiom Structure in English*. – The Hague : Mouton, 1972. – 324 p.
6. Moon, R. *Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-Based Approach*. – Oxford : Clarendon Press, 1998. – 338 p.
7. Nunberg, G.; Sag, I.; Wasow, T. *Idioms // Language*. – 1994. – Vol. 70, No. 3. – Pp. 491–538.
8. Vinogradov, V.V. *Osnovnye tipy frazeologicheskikh edinits russkogo yazyka* [Main Types of Phraseological Units in the Russian Language]. – Moscow : Nauka, 1977. – 312 p.

УДК 811.111`38

Богданов Кирилл Романович

магистрант

Деньгина Анна Владимировна

научный руководитель, кандидат филологических наук,

доцент кафедры ИЯПК

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

**АНАЛИЗ СТИЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВЕРСИИ РОМАНА ЭНТОНИ БЁРДЖЕССА
«A CLOCKWORK ORANGE»**

Аннотация. Статья предлагает комплексный анализ стилистических средств английской версии романа Энтони Бёрджесса «A Clockwork Orange» с акцентом на лексико-словообразовательные механизмы Nadsat, ритмику синтаксиса (полисиндетон, парцелляция) и прагматику идеолекта рассказчика. Текст статьи содержит небольшие человеческие ремарки и точечные микро-цитаты из оригинала, чтобы читатель погрузился в текст, а не только в его описание.

Ключевые слова: Бёрджесс; A Clockwork Orange; Nadsat; идеолект; стилистика; словообразование; полисиндетон; парцелляция; эвфемизация.

Bogdanov Kirill Romanovich

Master's student

Dengina Anna Vladimirovna

Research supervisor, PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

**STYLISTIC DEVICES IN THE ENGLISH VERSION
OF ANTHONY BURGESS'S "A CLOCKWORK ORANGE"**

Abstract. The article offers a comprehensive analysis of the stylistic means of the English version of Anthony Burgess's novel "A Clockwork Orange" with an emphasis on the lexical and word-formation mechanisms of Nadsat, the rhythm

of syntax (polysyndeton, parcel) and the pragmatics of the narrator's ideolect. The text of the article contains small human remarks and dotted micro-quotations from the original, so that the reader is immersed in the text, and not just in its description.

Key words: Burgess; *A Clockwork Orange*; Nadsat; idiolect; word-formation; polysyndeton; parcellation; euphemization.

Энтони Бёрджесс (1917–1993) — английский писатель, переводчик и композитор, человек с выраженным языковым «чутьём»: он владел несколькими европейскими языками, преподавал английский за рубежом, интересовался как музыкальными структурами, так и структурой высказывания. Роман «*A Clockwork Orange*» впервые вышел в 1962 году в издательстве William Heinemann и довольно быстро стал одной из самых обсуждаемых книг 60-х. По жанру это гибридная проза на стыке научной фантастики, антиутопии, сатиры и чёрной комедии: действие разворачивается в недалёком будущем, в пространстве, где уличное насилие и государственный контроль соседствуют и конкурируют.

У Бёрджесса была собственная «предыстория» этой книги: его интересовала тема свободы воли и любых форм насильственного «перевоспитания». На фоне послевоенной Европы с её страхами перед тоталитарной идеологией вопрос о том, может ли государство «перепрошивать» личность во имя общественного порядка, звучал особенно остро. Языковой эксперимент Nadsat (подростковый сленг с примесью русизмов) во многом вырос из личного интереса Бёрджесса к славянским языкам: писатель сознательно конструирует гибридный код, чтобы одновременно отстранить читателя и втянуть его внутрь мира романа.

С точки зрения литературоведения и стилистики «*A Clockwork Orange*» удобен как учебный пример. Это, с одной стороны, законченный сюжет о взрослении и насилии, а с другой — почти лабораторная демонстрация того, как словарь, синтаксис и точка зрения рассказчика работают вместе. Поэтому в данной работе роман рассматривается не как «скандальный текст про подростковую жестокость», а как материал для практического анализа стилистических средств на разных уровнях — от словообразования до прагматики идеолекта.

Основываясь на трудах И.Р. Гальперина, И.В. Арнольд, В.А. Кухаренко, мы приходим к выводу, что стиль понимается как функциональная

организация языковых средств; идеолект — как устойчивый набор признаков голоса конкретного персонажа/автора. Статья акцентирует внимание на следующих аспектах: (1) лексическое кодирование («чужой» словарь в «своей» грамматике), (2) ритм синтаксиса (полисиндетон, парцелляция), (3) маркированные графические и звуковые приёмы, (4) внутренняя фокализация и её этический эффект.

Корпус: Burgess A. *A Clockwork Orange*. London: William Heinemann, 1962. Методы: аналитико-дескриптивный; контекстуальный; ручной пилотный подсчёт лексем на небольшой выборке (см. Таблицу 1) — для проверки ритмических и частотных гипотез. Иллюстративный ручной подсчёт используется здесь не как строгая статистика, а как способ «прощупать» распределение ключевых единиц Nadsat на ограниченном отрезке текста: мы сознательно берём небольшой фрагмент, чтобы увидеть, насколько плотно сленг «обволакивает» повествование, какие слова всплывают чаще и как это связано с образом рассказчика.

Изначально предполагалось, что ритм текста в основном задаётся полисиндетоном (цепочками союзов *and*), однако при повторном чтении и ручном подсчёте стало заметно, что значимую роль играет и парцелляция — короткие приращения после основной клаузы, которые визуальнo и интонационно дробят высказывание.

1. Лексика и словообразование Nadsat.

Nadsat традиционно описывают как искусственный подростковый сленг с сильной русской составляющей. Внутри этого «надъязыка» можно условно выделить несколько слоёв: славянизмы («*droog*», «*devotchka*», «*moloko*», «*gulliver*», «*horrorshow*»), разговорную лексику («*bog*», «*crummy*», «*skorry*»), неологизмы типа «*ultraviolence*», «*in-out*». При этом грамматическая «рамка» остаётся английской: сленговые основы свободно встраиваются в английскую морфологию. Так, «*droog*» даёт множественное число «*droogs*» / «*droogies*», «*devotchka*» — «*devotchkas*», «*gulliver*» — производное «*gulliverish*» [4].

Важно подчеркнуть, что автор не просто «пересыпает» текст экзотическими словечками, а создаёт систему, которая довольно быстро становится для читателя прозрачной: повторяемость базового набора лексем позволяет угадывать значения по контексту [5]. Короткая микро-цитата «*the old ultraviolence*» (гл. 1) задаёт тон: перед нами будто технический термин, хо-

лодное обозначение насилия как привычной практики. В сочетании с притяжательным «the old» возникает эффект бытовизации: то, что должно шокировать, подаётся как привычный «житейский» опыт героя.

С точки зрения словообразования Nadsat демонстрирует, как «чужая» основа обрабатывается «своими» аффиксами. Это хорошо видно на славянизмах, склонных к англоязычному словоизменению: читатель быстро привыкает к тому, что необычно выглядит корень, а не грамматическая «надстройка» [2, 8]. Таким образом, Бёрджесс снимает часть барьера: мы оказываемся в зоне, где грамматика побеждает чужеродность корня, а значит, сленг перестаёт восприниматься как совсем чужой код и превращается в «внутренний жаргон» мира романа.

2. Звукопись и графика.

Звуковая сторона текста усиливает эффект Nadsat. Аллитерации и короткие ударные слова создают «удары» внутри фразы: «cut», «kick», «crack» — сами по себе короткие, звонкие, легко артикулируемые. В быстром перечислении они начинают звучать как звуковая дорожка к сценам насилия. Некоторые единицы сленга («skorry», по сути «скорый», «быстрый») графически имитируют разговорное произношение и тем самым сближают письменный текст с устной речью подростков.

Орфографические игры работают и на эффект чуждости, и на эффект приближения: читатель видит не «правильное» английское написание, а что-то слегка смещённое, но в то же время угадываемое. Микро-цитата «*my three droogs*» (гл. 1) одновременно маркирует «свою» компанию героя и задаёт чёткий ритмический рисунок: два односложных слова и растянутое «*droogs*» в конце создают ощущение короткого барабанного удара [1, 3].

Графика текста в целом достаточно традиционна, однако локальные «сбои» (орфографические и пунктуационные) читаются как намеренные: они подстраивают письменный текст под интонацию устного рассказа, где герой не заботится о «правильности» языка, но тщательно поддерживает определённый тон — смесь бравады, насмешки и отстранения.

3. Синтаксис: полисиндетон и парцелляция.

Полисиндетон — стилистический приём, при котором союзы намеренно повторяются (обычно и, или, но) для усиления выразительности, замедления речи или подчёркивания значимости каждого элемента.

Парцелляция — приём, при котором одно синтаксическое целое намеренно расчленяется на несколько коротких фраз для эмоционального или смыслового акцента.

Синтаксический уровень у Бёрджесса не менее важен, чем лексический. Кумулятивные цепи «and» создают впечатление непрерывного, почти беспрерывного действия. Полисиндетон («и то, и это, и ещё вот это») превращает отдельные эпизоды в поток: герой словно перечисляет свои действия на одном дыхании, не оставляя читателю времени на осмысление каждого шага.

Характерная черта — сочетание длинных, насыщенных предложений с парцелляцией, то есть намеренным отделением коротких отрезков после основной клаузы [6, 7]. В результате общий рисунок фразы напоминает волну: длинный подъём — и короткий «обрывок» в конце. Микро-цитата «and then, and then...» (гл. 1) работает как вербальный метроном, задающий ритм внутреннего монолога.

Иллюстративный ручной подсчёт показал, что в пределах даже небольшого фрагмента (около десяти страниц первой главы) цепочки «and» встречаются настолько регулярно, что становятся стилевой нормой текста, а не отдельным приёмом. При этом парцелляция не просто «усложняет» пунктуацию: короткие приращения после точки или запятой визуально дробят страницу и создают эффект сбитого дыхания, что особенно заметно в сценах насилия или бегства. Мы, как читатели, «спотыкаемся» вместе с героем и читаем текст рывками, в такт его действиям.

4. Идеолект Алекса и этический эффект.

Идеолект Алекса — центральный объект наблюдения. Это внутренний голос подростка, который одновременно играет роль рассказчика и участника событий. В терминах нарратологии мы имеем дело с внутренней фокализацией: мир показан через сознание героя, а не через нейтрального всеведущего повествователя.

Содержательно этот голос сочетает наивный цинизм и демонстративное равнодушие. Жертвы чаще обозначаются не как конкретные люди, а как типы («vesk», «devotchka»), то есть через обобщающие ярлыки. Эвфемизация позволяет смягчить буквальное содержание насильственных действий: выражение «the old in-out» (гл. 4) одновременно комично и пугающе, потому что скрывает за шутиливой формулой реальное насилие.

Такое кодирование событий имеет прямой этический эффект: читателю сложнее сразу отрефлексировать происходящее как недопустимое, потому что оно подано в игровом, «жаргонном» ключе. Лишь время от времени в тексте появляются «трещины», когда интонация героя меняется, и на

поверхность выходит усталость, страх или сожаление. Но в целом его идеолект устроен так, чтобы удерживать дистанцию между словами и реальными действиями.

**Таблица 1. Иллюстративный ручной подсчёт частот
(выборка: ≈10 страниц, гл. 1; Heinemann, 1962)**

Лексема	Функция / примечание	Наблюдение (шт.)
viddy	глагол./сущ. «смотреть/взгляд»	≈12
droog / droogies	социолектная маркировка «свой»	≈8
devotchka / devotchkas	наименование жен. персонажей	≈5
ultraviolence	терминологизированный эвфемизм	≈3
skorry	орфографич. мимикрия «скорости»	≈4

Сам по себе этот подсчёт заведомо ограничен: он охватывает небольшую выборку и не претендует на полноту. Тем не менее даже такие приблизительные цифры позволяют сделать несколько наблюдений. Во-первых, на первый план выходят глаголы восприятия («viddy»): герой постоянно фиксирует, кто что «видит», как он сам «видит» ситуацию. Во-вторых, заметна высокая плотность единиц, маркирующих групповую идентичность («droog»), — в этих словах закрепляется оппозиция «мы» / «они». В-третьих, эвфемистические термины вроде «ultraviolence» встречаются реже, но в ключевых позициях текста и служат своеобразными «узлами» повествования.

Именно ручной подсчёт, а не автоматический корпусный анализ, помогает почувствовать, как часто и в каких местах читатель «натыкается» на Nadsat, поскольку автоматические инструменты с трудом распознают гибридные, контекстно-зависимые и морфологически нестабильные единицы, которые функционируют не как фиксированный словарь, а как часть индивидуального ритма и голоса рассказчика.

Лексика Nadsat, таким образом, не декоративна: её поддерживает ритм координации и парцелляции, а также узкая внутренняя фокализация. Если описать эффект сухо, можно сказать, что в тексте работает «барабан»: «and, and, and». Парцелляция подбивает шаг. Но точнее было бы заметить, что «барабан» задаёт темп, а эвфемизация на долю секунды снимает моральный тормоз — ровно настолько, чтобы действие успело произойти до того, как читатель осмыслит его в привычных этических категориях.

В итоге можно зафиксировать несколько промежуточных результатов:

1. описаны основные модели словообразования Nadsat и показано, как англоязычная морфология адаптирует «чужие» основы;
2. выделены синтаксические паттерны (полисиндетон, парцелляция) как носители ритма и «дыхания» текста;
3. уточнена роль эвфемизации и деперсонификации в формировании этической амбивалентности;
4. предложена переносимая схема взаимодействия уровней (lexis–syntax–voice–pragmatics), которую можно использовать при анализе других художественных текстов.

Эффект «clockwork» рождается именно на стыке: гибридная лексика + кумулятивный синтаксис + внутренняя фокализация. Отдельно каждый компонент выразителен, но вместе они образуют этическую «воронку», в которую втягивается и герой, и читатель. Коротко: язык заставляет услышать поступок прежде, чем его осудить. Такой подход к анализу романа Бёрджесса важен не только для литературоведения, но и для практики преподавания английского языка: он демонстрирует, как художественный текст может служить площадкой для обсуждения проблем насилия, манипуляции и ответственности без прямой дидактики, через работу формы.

Библиографический список

1. Arnold I. V. The English Word Stylistics. Moscow: Flinta–Nauka, 2012. — 384 p.
2. Burgess A. A Clockwork Orange. London: William Heinemann, 1962. — 196 p.
3. Fowler R. Linguistic Criticism. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1996. — 260 p.
4. Galperin I. R. Stylistics. Moscow: Higher School, 1981. — 334 p.
5. Hutcheon L. Irony's Edge: The Theory and Politics of Irony. London; New York: Routledge, 1994. — 258 p.
6. Kukhareno V. A. Interpretation of the Text. 3rd ed. Odessa: Lattan, 2002. — 292 p.
7. Leech G. N., Short M. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose. 2nd ed. London: Pearson–Longman, 2007. — 424 p.
8. McCracken S. Pulp: Reading Popular Fiction. Manchester: Manchester University Press, 1998. — 224 p.

**ЯЗЫК – КУЛЬТУРА – ТЕКСТ:
РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВЗАИМОСВЯЗИ ОБЩЕГО И ЧАСТНОГО**

Аннотация. В статье излагается вопрос о взаимосвязи языка и культуры – вопрос, который раскрывает специфику национального уклада вербализованного знака. Гумбольдтовскую диадку *язык-культура* автор статьи связывает с текстовым пространством, которое определяет сущность и ценность языковой единицы, раскрывает особенность реализуемого денотата и обозначения этнической реальности. Теоретические размышления автора дополняются примерами языковых единиц, демонстрируя лингвокультурную специфику народа.

Ключевые слова: язык; культура; текст; семантика; лингвокультурология.

Vasilenko Anatoly Petrovich
Doctor of Philology, professor,
Bryansk State University
named after Academician I.G. Petrovsky
(Bryansk, Russian Federation)

**LANGUAGE, CULTURE, TEXT
AND THEIR GENERAL AND PARTICULAR ITEMS**

Abstract. The article presents the question of the relationship between language and culture, a question that reveals the specifics of the national way of the verbalized sign. The author of the article connects the Humboldt dyad language-culture with the text space, which defines the essence and value of a linguistic unit, reveals the peculiarity of the implemented denotation and designation of ethnic reality. The author's theoretical reflections are complemented by examples of linguistic units, demonstrating the linguistic and cultural specifics of the people.

Keywords: language; culture; text; semantics; linguoculturology.

Традиционно *язык* воспринимается как система фонетических, лексических и грамматических аспектов, которая является средством коммуникации. Язык неразрывно связан в своём возникновении и развитии с обществом и представляет собой социальное явление. Он образует органическое единство с мышлением. Язык обеспечивает коммуникацию, преобразовывая индивидуальный опыт носителей, тем самым определяет систему языка как продукт рефлексии целого народа страны.

И вот то, что язык говорит о самих носителях, и делает язык любого этноса неповторимым. Получается, что *язык* – явление социальное. Этим и интересен язык, поскольку позволяет не только обрести навык общения, но и узнать о культуре, менталитете носителей изучаемого языка, тем самым воспитывая и формируя языковую личность в поликультурном мире.

По мнению С. Г. Тер-Минасовой, *язык* определяется социальными факторами. С одной стороны, это условия общения, а с другой — обычаи, традиции, особенности социально-культурной жизни говорящего сообщества [8, с. 30].

По этой причине в науке о языке возникает лингвокультуроведческое направление, предполагающее комплексное рассмотрение языка через знакомство с политикой, экономикой, историей, искусством, литературой, музыкой, географией, этикетом, поведенческими особенностями, менталитетом народа.

Знания о языке и культуре объединяются в рамках *лингвокультурологии* – науке о языке и культуре страны, где язык выступает не только набором грамматических, фонетических, синтаксических, лексических средств, но и обнаруживает культурные смыслы и ценности; а культура есть самореализация народа и воплощается в материальных и языковых объектах. Будучи комплексной наукой, лингвокультурология осуществляет отбор информации для представления национально-культурной специфики в средствах вербализации окружающего мира.

Такое представление о языке помогает понять представителя определенного этноса. Нет сомнения, что язык и культура во многом являются результатом действия законов слияния сознания и реальности [5, с. 214].

Язык – основная часть культуры, поэтому язык не может существовать вне культуры. В поле зрения языка не могут не попасть социальные условия и унаследованный от предыдущего поколения образ жизни, практические навыки и характерные жизненные проявления.

Язык обладает свойством накопления, хранения и наследования культурных кодов, ценностей в своём семантическом пространстве. Это проявляется в лексике, грамматике, идиоматике, пословицах и поговорках, фразеологизмах, фольклоре. Разумеется, и само текстовое пространство является ярким представлением языка и культуры.

Отсюда может возникнуть проблема использования слов, которые апроксимативно звучат в разных языках, но обладают совершенно другими значениями. Классический пример из области переводоведения – ложные друзья переводчика: сравним английскую звуковую оболочку [лист], которая не имеет ничего общего с русским [лист]. В первом случае – это «спик», а во втором – «часть растения»).

Поэтому язык является не только инструментом культурной и исторической памяти того или иного этноса, но и возможностью расширить картину мира через сравнение родной и неродной культур.

Любой язык отражает лингвокультурную аутентичность, национальную специфику, или (по В. фон Гумбольдту) «дух народа». Язык не только отражает, но и формирует национальный характер. Иначе говоря, язык формирует своего носителя. Несомненно, именно лексический уровень языка влечет за собой большой пласт культурной наполненности. Соотнесение языковых значений с культурным кодом и является важным инструментом для филолога [3, с. 119 – 120].

Язык – часть культуры, а культура – лишь часть языка. Изучение языка невозможно без изучения культуры и текста, который актуализирует эту культуру, что говорит о необходимости включения страноведческого, культурологического компонентов в процесс изучения языковых единиц. Использование лингвострановедческого материала помогает понять, что культурная информация воспроизводится носителями в конкретной ситуации.

Обращение к тексту произведения представляет уникальную возможность познакомиться с умением автора подмечать детали и описывать окружающий мир. Разумеется, текст не является единственным инструментом воспитания личности, однако именно текст позволяет приблизиться к культуре и менталитету изучаемого народа, поскольку текст способен отражать все аспекты духовной и материальной жизни, исторические события и внутренние переживания [6, с. 129].

Текст – это мир, который передает не только фактическую информацию о культуре, но и эмоциональную составляющую, философские идеи.

Текст произведения состоит из эстетической информации, которая заключается в способности слов и фраз вызывать у читателя глубокие чувства и необычные ассоциации, связанные с самой культурой. Эмоциональная нагрузка текста часто преобладает над фактуальной и концептуальной составляющей, и передача этой информации становится одной из ключевых задач познания культуры [9].

Текст произведения позволяет не только усвоить лексический и грамматический материал, но и проникнуть в суть самого произведения, осознать его художественную ценность и передать её культурный потенциал. Более того, текст произведения способствует развитию таких важных когнитивных механизмов, как, как умение анализировать, выявлять ключевые слова и выражения, подбирать соответствия, передавать стиль и настроение автора [2, с. 84].

Организация текста соответствует принятым риторическим нормам и обычно состоит из трех частей: введение, аргументация и заключение. Каждая часть играет важную роль в формировании логической структуры письменного высказывания, поскольку представляет собой целостную группу абзацев, объединённых одной идеей [4, с. 109].

Иначе дело обстоит с текстом, принадлежащим иноязычной культуре. Одно дело, понимать произведение и проникать в глубины авторского замысла к рамкам родного этноса. Совсем по-другому интерпретируются образы другого народа с собственным мировоззрением и трактовкой происхождения и развития вокруг.

В частности, французский лингвист Жюль Марузо в статье «Traduction» подчеркивает, что задача переводчика — не только передать смысл произведения, но и сохранить его структуру, стиль и атмосферу. Однако, как отмечает Ж. Марузо, сделать это практически невозможно, поскольку читатель перевода не сможет испытать те же эмоции, что и читатель оригинала. Тем не менее, исследователь утверждает, что задача переводчика — максимально сохранить особенности языка оригинала и передать их через соответствующие структуры другого языка [11].

Филологи подчеркивают важность естественности вербализации мысли на родном языке. Попытки буквального переноса особенностей иностранной речи в подстрочном изложении абсолютно бесполезны, поскольку каждый язык имеет свою уникальную природу и не может быть подменен другим (даже сопоставлен, чтобы найти приблизительную форму). Поэтому

адаптация текста, сохраняя его эстетическую наполненность, в рамках одной культуре кажется непростым явлением, поскольку носитель языка по своему индивидуален. Тем более сложно видится идея сравнивать разные метафорические образы, вызывающие причудливые ассоциации у носителя другой лингвокультуры [10, с. 154].

Приведём специфически национальный образ в таких русских единицах языка, как *шерочка с машерочкой* и *шаромыжники*.

Шаромыжники – это пример ложной этимологии. «*Cher, manger!*» [шэр-ман-жЭ] – фраза, которую произносили солдаты Наполеона при обращении к русским крестьянам, отступая после поражения под Москвой в 1812 году: «*Дорогой, кушать!*». Звучащую фразу не особо понимало население, однако по манере поведения неприятеля, было очевидно, что он что-то просил.

Фразеологизм ироничной коннотации *шерочка с машерочкой* – о неразлучных друзьях. Исконным французским эквивалентом является сочетание *cher et ma chère* [шэр-э-ма- шЭр] (букв.: дорогой и моя дорогая). Выражение укоренилось в русском языке, потому что в XVIII веке французский язык считался языком высоких слоёв общества. Подобное сочетание часто звучало среди воспитанниц института благородных девиц [1, с. 637].

Приведем пример текстового обнаружения связи языка и культуры. Известные строки Б. Пастернака: «*Любить иных – тяжёлый крест, А ты прекрасна без извилин, И прелести твоей секрет Разгадке жизни равносильна*» [7]. Коммуникативным центром в монологе-обращении становится стилистический прием аллюзия «*Любить иных – тяжёлый крест*», коррелирующий с библейской темой о Спасителе. Уникальный авторский набор знаков культуры и системы образов поэтического отрывка говорит о необходимости ответствовать за проявление теплых чувств, которые логически аргументированы жизненной ситуацией.

Таким образом, взаимосвязь языка, текста и культуры является основополагающей в детальном описании средств вербализации, а также истинном понимании жизненного уклада народа путем размышления о взаимосвязи общего и частного.

Библиографический список

1. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии [Текст] : Историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – СПб: Фолио-пресс, 1998. – 700 с.
2. Грунина, Ю.А., Терентьева Е.Д. Русская школа поэтического перевода: путь от буквы к образу // Филология: научные исследования. — 2022. — №6. — 229с.— С.82–89.
3. Зувев, М.А. Влияние языка на развитие личности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. №10-2 (97). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-yazyuka-narazvitie-lichnosti> (дата обращения: 15.02.2026).
4. Кириллова, И.К., Тарабарина Ю.А. Эссе-рассуждение как средство обучения иноязычной письменной речи // Проблемы современного педагогического образования. — 2020. — № 66-3 — С. 88 – 92.
5. Ковшова, М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456с.
6. Осипова, Н.В. Место и роль поэтических текстов на уроке иностранного языка (на материале французского языка) // Преподаватель XXI век. — 2017. — №4-1. – 241с. – С.125.
7. Пастернак, Б.Л. Собрание сочинений. – Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010. Т. 1: Стихотворения и поэмы. Т. 1. – 2010. – 541с.
8. Тер-Минасова, С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 324 с. – С 30.
9. Федуленкова, Т.Н. Художественный текст во времени и пространстве / Т.Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 134-137.
10. Чуковский К. Высокое искусство: Принципы художественного перевода / Корней Чуковский. — СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 416 с.
11. Marouzeau J. La Traduction // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. — Paris: Association Internationale des Études Françaises, 1956. — 57 p. – P. 40 – 52.

Губина Валерия Викторовна
*аспирант, ассистент кафедры русского языка,
литературы и журналистики
ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный
педагогический университет имени И.Н. Ульянова»,
(г. Ульяновск, Российская Федерация)*

**СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ
(НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «АННА НА ШЕЕ»)**

Аннотация. Категория оценки является предметом изучения различных гуманитарных дисциплин. В данной работе оценочное значение анализируется с точки зрения лингвистики. На материале рассказа А.П. Чехова предпринимается попытка выявления и описания средств выражения оценки на различных уровнях языка.

Ключевые слова: лингвистический анализ текста; категория оценки; средства выражения оценочного значения; А.П. Чехов; «Анна на шее».

Gubina Valeria Viktorovna
*Postgraduate student,
Lecturer of the Department of Russian Language,
Literature and Journalism,
Ulyanovsk State University of Education,
(Ulyanovsk, Russian Federation)*

**MEANS OF EXPRESSING THE CATEGORY OF EVALUATION IN A
FICTIONAL TEXT (ON THE EXAMPLE OF A.P. CHEKHOV'S STORY
"ANNA ON THE NECK")**

Abstract. The category of evaluation is the subject of study in various humanities disciplines. In this work, the evaluative meaning is analyzed from the point of view of linguistics. Based on the story by A.P. Chekhov, an attempt is made to identify and describe the means of expressing evaluation at various levels of language.

Keywords: linguistic analysis of text; category of evaluation; means of expressing evaluative meaning; A.P. Chekhov; "Anna on the Neck".

Оценка как одно из средств познания действительности выступает в качестве объекта научных изысканий различных дисциплин – философии, культурологии, лингвистики и т.д. Отражая мировоззренческую, языковую картину мира личности, она является одной из важнейших функций человеческого сознания, результатом деятельности сенсорной сферы психики, отраженным в речевом акте [1; 3]. Оценочные языковые средства в свою очередь становятся ключевым компонентом языковой картины мира личности [10; 12; 14].

В современных исследованиях особое место занимает проблема антропоцентрического характера категории оценки [21]. В работах по лингвистике последних десятилетий обращение к описанию оценочного значения в художественном тексте подразумевает учет экстралингвистических факторов (системы ценностей конкретной культуры, нации, исторической эпохи) [15; 17]. Анализ оценки представляется невозможным вне того контекста, который формирует человека (языковую личность) как субъекта и объекта оценки [8; 10; 18].

Разнообразие средств выражения оценочного значения в тексте художественного произведения отражено в исследованиях, касающихся данного вопроса с точки зрения лингвистики [2; 6; 7]. На уровне лексики наибольшей значимостью в этом плане обладают экспрессивные существительные и качественные имена прилагательные, наречия, слова категории состояния; на уровне фразеологии – фразеологизмы [21; 22]; на синтаксическом – оценочные высказывания. Особое значение для художественного произведения приобретают средства стилистического уровня [16; 23] – тропы и фигуры речи.

На сегодняшний день не существует исчерпывающего данный вопрос описания оценочных средств русского языка. При этом категория оценки играет большую роль в интерпретации художественного текста, расшифровке авторского замысла и идейной структуры [13]. Лингвистический анализ в данном ключе позволит не только судить о ценностной картине автора, но и развить когнитивные возможности читателя и напрямую повлиять на его систему ценностей. Цель данной работы заключается в описании средств выражения категории оценки в художественном тексте на примере рассказа А.П. Чехова «Анна на шее».

Как отмечают исследователи [9; 20], для произведений А.П. Чехова разных периодов творчества характерны различные формы выражения авторской оценки. Если в начале творческой деятельности авторская оценка

представлена в текстах классика, как правило, эксплицитно, то с течением времени она становится все менее явной и навязчивой, требуя от читателя некоторых усилий для расшифровки. В данной главе нами будет рассмотрен рассказ «Анна на шее», опубликованный в 1895 году.

Для большей ясности дальнейшего анализа, считаем необходимым кратко передать сюжет произведения. Бедная молодая девушка, выросшая в многодетной семье без матери, выходит замуж за немолодого, но обеспеченного чиновника. Став мужем, тот начинает требовать от героини послушания и благодарности, при этом не считая необходимым давать ей деньги или финансово поддерживать её семью. Девушка некоторое время терпит, однако после блистательного появления на балу, обретает уверенность и становится хозяйкой над мужем.

Первым элементом художественного текста, который стоит подвергнуть рассмотрению, является заглавие. В случае с данным рассказом уже название содержит в себе не только оценку, но и словесную игру. До знакомства с текстом произведения, читатель имеет возможность обнаружить двусмысленность (а в дальнейшем – двойственность, зеркальность) заглавия. «Анна» выступает в заголовке и как название ордена Святой Анны, и как имя главной героини. В Большом словаре русских поговорок [11] можно обнаружить следующие выражения, связанные с формой «на шею»: навязать на шею (разг., неодобр.), то есть (1) заставить кого-либо заботиться о ком-либо, (2) заставить кого-либо принять что-либо против своего желания; навязаться на шею (разг., неодобр.) оказаться в тягость кому-либо. Стоит обратить внимание на пометку неодобрительное, передающую существующую в речи оценочную составляющую этих понятий. В этих же значениях даётся «накаяться на шею», «садиться на шею» и т.д. Можно выделить три расшифровки названия:

1. Орден Святой Анны, данный за заслуги.
2. Девушка Анна, о которой заставили заботиться.
3. Девушка Анна, которая целенаправленно становится тягостью.

Первая из них, связанная с орденом, лишена какой-либо оценки. Вторая и третья, напротив, негативно окрашены. В таком случае объектом оценки выступает еще не известная читателю Анна, причем сама оценка отрицательная. Подобная игра со значениями будет свойственна всему повествованию.

Наиболее яркой и понятной читателю становится оценка с помощью лексических средств. В тексте А.П. Чехова встречаются слова, которые связываются с оценкой положительной (красивый, великолепный, одобрить и т.д.) или отрицательной (виноватый, разочароваться и т.д.).

Особенностью художественного произведения является содержание в нем имплицитных смыслов. Двусмысленность названия подготавливает к дальнейшей двусмысленности других элементов текста. В качестве примера можно привести повторяющееся в тексте слово «молодые» по отношению к Ане и её мужу. Обратимся к определению [4; 5]: молодые – (1) молодожёны, новобрачные; (2) люди молодого возраста.

Очевидно, что описываемой в рассказе паре подходит только первое значение слова, второе же в данном случае выглядит как насмешка над возрастом Модеста Алексеича, который в свои 52 едва ли может считаться человеком молодого возраста: он *уже в чинах и не молод* [19]. Повествователь, выступая как субъект оценки, обращает внимание на несоответствие «молодого» обоим значениям слова, некоторой негласной норме. Это же несоответствие проявляется на других уровнях текста. Обратимся к первым предложениям рассказа: *После венчания не было даже легкой закуски; молодые выпили по бокалу, переоделись и поехали на вокзал. Вместо веселого свадебного бала и ужина, вместо музыки и танцев — поездка на богомолье за двести верст* [19].

Объектом оценки в данном случае выступает не столько свадьба как конкретное торжество, сколько сам факт бракосочетания героев. Субъектами же выступают как повествователь, так и гости. Для первого важнее всего указать на несоответствие происходящих событий норме: он использует частицу «даже» для усиления отсутствия и повтор предлога «вместо» для обозначения какой-то подмены. В основе этой «подмены» несоответствие возрастное, в связи с чем появляется противопоставление жениха (мужа) и невесты (жены).

Повествователь как субъект оценки избирает её объектом не только свадьбу и последующий брак, но и отдельных участников происходящего. Так, в одном из описаний Петра Леонтьевича можно отметить однородные определения: *... и какое у него было жалкое, доброе, виноватое лицо*. Сочинительный характер связи требует от определений однородности значения, характеристики по одному критерию. Следовательно, требуется выбрать те значения слов, которые могли бы быть сопоставимы. Опираясь на словарные статьи [19], можно определить, что «жалкий» в данном случае, чтобы

соотноситься с определением «добрый», должно пониматься как «заслуживающий сострадания». С другой стороны, слово «виноватый» в любом случае будет выделяться, так как указывает на совершение проступка или становление причиной несчастья. Эта двойственность будет свойственна не только отцу, но и дочери.

Совершенно иную оценку теми же средствами повествователь даёт Модесту Алексеичу: *Это был чиновник среднего роста, довольно полный, пухлый, очень сытый, с длинными бакенами и без усов, и его бритый, круглый, резко очерченный подбородок походил на пятку. Самое характерное в его лице было отсутствие усов, это свежесвыбритое, голое место, которое постепенно переходило в жирные, дрожащие, как желе, щеки* [19]. Такой приём позволяет уточнить значение определения: полнота становится характеристикой не только внешнего вида, но сытого образа жизни. Отметим, что использование сравнения (*походил на пятку*) в данном контексте выступает синонимом однородному сочетанию слов *бритый* и *круглый*. Автор снова даёт указание на несоответствие «норме»: Модест Алексеич буквально «перевернут», так как его подбородок, походит на пятку.

В описании этого персонажа проявляет себя в качестве средства оценки и другое сочетание синтаксических и лексических средств: *Он улыбался своими маленькими глазками. И она тоже улыбалась, волнуясь от мысли, что этот человек может каждую минуту поцеловать ее своими полными, влажными губами и что она уже не имеет права отказать ему в этом.* Выше мы уже рассмотрели случаи, когда одно слово представлено в отличных друг от друга значениях. Здесь это касается действия, которое носит различный характер и оценивается автором по-разному. Использование сочинительного союза «и» предполагает создание однородного ряда, что в данном случае, напротив, подчеркивает неоднородность, даже противопоставленность.

Однако повествователь, как уже было сказано выше, является далеко не единственным субъектом оценки в тексте. Обратимся к продолжению цитируемого абзаца: *Мягкие движения его пухлого тела пугали ее, ей было и страшно, и гадко* [19]. Автор более чем однозначно передаёт оценку Модеста Алексеича со стороны Ани. Однако здесь же снова просвечивается оценка со стороны самого рассказчика – если до этого «неправильность, аномальность» персонажа была дана через сравнение с пяткой, то теперь используется синекдоха (движения тела). Модест Алексеич представляется

не как мыслящий человек, а как тело – набор внешних характеристик. Двойная оценка – со стороны Ани и со стороны рассказчика – продолжается и далее по тексту, усложняясь: *Она вспоминала, как мучительно было венчание, когда казалось ей, что и священник, и гости, и все в церкви глядели на нее печально: зачем, зачем она, такая милая, хорошая, выходит за этого пожилого, неинтересного господина?* [19]

Обратим внимание на то, что автор не говорит в данном абзаце о том, как окружающие оценивали героиню и её мужа, но описывает, как сама героиня представляет себе эту оценку. Печаль и мука – это чувства Ани; ей же принадлежит самоопределение как милой и хорошей, а также противопоставление себя пожилому и неинтересному господину. Противопоставление пар однородных членов в дальнейшем заставляет обратить на себя внимание. Само строение предложения указывает на сопоставимость данных определений в данном контексте. Для того, чтобы указанные понятия соотносились, оба они должны быть взяты как внешние характеристики персонажей. Тогда хорошая и милая будет соотноситься с красотой, а пожилой и неинтересный – противопоставлены им.

Реализация антитезы, как правило, происходит в тексте посредством союзов, то есть синтаксических средств. В этом в очередной раз проявляется неразрывность различных уровней языка. *Еще утром сегодня она была в восторге, что всё так хорошо устроилось, во время же венчания и теперь в вагоне чувствовала себя виноватой, обманутой и смешной.*

Интересно, что в приведенном отрывке снова наблюдается не только противопоставление, но и однородные члены. Возможность соотнести использованные определения вызывает ещё больше вопросов, чем разобранные выше. Определение слова «виноватый» предполагает совершение субъектом какого-либо проступка или становление его причиной. В свою очередь «обманутой» – это тот, кто стал объектом чьего-либо действия, тот, над кем оно было совершено. Аня видит себя в обеих ролях, то есть сама себя оценивает и как жертву, и как преступника.

Синтаксические средства получают подкрепления в виде слов с оценочными компонентами в значении. Определение через сравнение в данном случае может усилить ожидаемый эффект: *Сходились во время карт жены чиновников, некрасивые, безвкусно наряженные, грубые, как кухарки, и в квартире начинались сплетни, такие же некрасивые и безвкусные, как сами чиновницы* [19]. В приведённом фрагменте два сравнения направлены на то, чтобы обрисовать картину быта героини. Причём оценка жён чиновников в

данном случае отрицательная – она указывает на их несоответствие определённым нормам: не только внешней красоты (некрасивые), но и воспитания (безвкусно наряженные, грубые – то есть не обученные наряжаться и быть негрубыми, изящными в соответствии; равные в плане воспитания слугам). Обратим внимание на то, как построены части сложного предложения: они повторяют друг друга. Только если в первом простом предложении в качестве «эталона» аномальности выступает кухарка, то во втором – сами чиновницы. Преимущественно рациональная оценка со стороны повествователя пересекается с преимущественно эстетической со стороны Ани.

Обратим внимание на то, что оценки рассказчика и Ани порою дублируют друг друга, причем оформляются с помощью разных средств. Рассказчик говорит о Модесте Алексеиче как о пухлом, практически «перевёрнутом» человеке, в котором главенствует тело. Для Ани наиболее важной характеристикой становятся его возраст и внешняя непривлекательность: *Скоро нашелся вот этот самый Модест Алексеич, не молодой и не красивый, но с деньгами* [19]. Использование при характеристике мужа в качестве определения сочетания указательных местоимений «этот самый» кажется лишним и подчеркивает «аномальность», «неправильность» описания. На этот же эффект работает очередное противопоставление с союзом *но* несопоставимых категорий – внешности и возраста с финансовой обеспеченностью.

Таким образом, в рассказе А.П. Чехова «Анна на шее» средства выражения оценочного значения представлены на разных уровнях языка. Наиболее ярко оно проявляет себя на лексическом уровне. Стоит обратить внимание на игру словами и значениями, которую использует автор для подчеркнутой «двойственности» оценки: на разных основаниях одним и тем же субъектом даются противоположные оценки. Описание взаимодействия оснований оценки и самой оценки, а также множественность субъектов оценки требует дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Александрова, Т.А. Оценка как языковая категория: когнитивный подход / Т. А. Александрова // Язык науки и профессиональная коммуникация. – 2022. – № 2(7). – С. 5–13. – DOI 10.24412/2658-5138-2022-7-5-13.
2. Артамонов, В.Н., Уба Е.В. Лингвистический анализ текста. Категория оценки / В.Н. Артамонов, Е.В. Уба // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2020. – № 2. – С. 6–12 – DOI: 10.18384/2310-7278-2020-2-6-12
3. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е издание. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Общ. ред. С.А. Кузнецов // Грамота.ру [Электрон. ресурс]. – URL: <https://gramota.ru/>
5. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая // Грамота.ру [Электронный ресурс]. – URL: <https://gramota.ru/>
6. Булатова, В.А. Словообразование как средство выражения оценочного значения в русском и чешском языках / В.А. Булатова, Е.П. Бабич // Свободная дискуссия о языке и динамика развития языковых процессов: материалы Международ. науч. конф., посвящ. 130-летию Е. Д. Поливанова. – Бишкек: [Б. и.], 2021. – С. 132–141.
7. Гареева, Л.М. Средства экспрессивного синтаксиса в повести А.П. Чехова «Черный монах» / Л.М. Гареева // Litera. – 2024. – № 12. – DOI: 10.25136/2409-8698.2024.12.72787.
8. Гибатова, Г.Ф. Аксиология в языке / Г.Ф. Гибатова // Вестник Оренбургского гос. университета. – 2011. – № 2(121). – С. 127–132.
9. Лебедев, А.Б. Индивидуальная субъективность в поэтике Чехова / А.Б. Лебедев // Ученые записки Казанского гос. университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – Т. 148, № 1. – С. 130–142.
10. Моисеева, А.А. Средства выражения нормального и аномального в русском языке (на материале русских фразеологизмов) : автореферат дисс. ... канд. филол. наук : специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России / Моисеева Анастасия Андреевна; [Ульяновский гос. пед. ун-т им. И.Н. Ульянова]. – Москва, 2023. – 22 с.
11. Мокиенко, В.М., Никитина, Т.Г. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. – 784 с.

12. Сигаев, А.С. Имя собственное как элемент художественной картины мира / А.С. Сигаев, Т.Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2026. – Т. 26, № 1. – С. 129–133.
13. Сигаев, А.С. Узловые проблемы современной семантики и прагматики / А.С. Сигаев, Т.Н. Федуленкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика». – 2025. – 15(3). – С. 163–165. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-3-163-165>.
14. Смирнова, Л.Г. Оценочный потенциал существительного в русском языке / Л.Г. Смирнова // Известия Смоленского гос. университета. – 2021. – № 1(53). – С. 61–76. – DOI 10.35785/2072-9464-2021-53-1-61-76.
15. Федуленкова, Т.Н. Инновационная концепция стилевого / Т.Н. Федуленкова // Вестник Череповецкого гос. университета. – 2019. – № 5 (92). – С. 255–261.
16. Федуленкова, Т.Н. О насущных задачах функциональной стилистики / Т.Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2022. – №57. – С. 205–211.
17. Федуленкова, Т.Н. Художественный текст во времени и пространстве / Т.Н. Федуленкова // Вестник САФУ. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25. – № 3. – С. 129–131. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V442>
18. Федуленкова, Т.Н., Шеховская Ю.А. Лингвокреативность – перспективный тренд разнотипных дискурсов / Т.Н. Федуленкова, Ю.А. Шеховская // Вестник ЧерГУ. – 2025. – № 3 (126). – С. 197–203. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-3-126-17>; EDN: IASMAN.
19. Чехов, А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Сочинения / А.П. Чехов. – Том 9. – М.: Наука, 1985.
20. Чудаков, А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1971. – 293 с.
21. Fedulenkova, T.N. Approaches to Phraseology in Polyparadigmatic Linguistics / T. N. Fedulenkova. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. 212 с.
22. Fedulenkova, T.N. Basic Components of the Connotative Aspect in Phraseological Units: (As Seen by A. V. Kunin and his Disciples) / T.N. Fedulenkova // Phraseology in Multilingual Society. Newcastle-upon-Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014. Pp. 34–47.

23. Shishkova, N.V. Names and identity: Antonomasia in the work of multicultural writer Kazuo Ishiguro's "Klara and the sun" / N. V. Shishkova, T. N. Fedulenkova // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – Вып.11. – № 4. – С. 146–153. <https://doi.org/10.22250/241071902025114146> .

УДК 81'272

Гусейнова Рена Гусейнага кызы

*Доктор филологических наук, доцент,
Азербайджанский медицинский университет
(г. Баку, Азербайджан)*

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА «ULU» В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. В статье рассматривается этнолингвистический и лингвокультурологический потенциал слова *ulu* в тюркских языках как генетически древней и семантически многослойной лексемы. Анализируется его этимология, фоносемантическая эволюция и функционирование в различных языковых и культурных контекстах — от древнетюркских памятников до современных тюркских языков. Особое внимание уделяется сакральным, мифологическим и социально-ценностным компонентам семантики *ulu*, а также его роли в формировании коллективной идентичности. В работе также рассматриваются случайные и метафорические параллели с нетюркскими языками, что позволяет выявить универсальные семантические тенденции. Полученные результаты подтверждают статус слова *ulu* как ключевого концепта общетюркского культурного сознания.

Ключевые слова: тюркские языки, *ulu*, этнолингвистика, лингвокультурология, семантический архетип, языковая картина мира.

Huseynova Rana Huseynaga kzy
Doctor of Philology, Associate Professor,
Azerbaijan Medical University
(Baku, Azerbaijan)

ETHNOLINGUISTIC AND LINGVOCULTURAL ANALYSIS OF THE WORD “ULU” IN TURKIC LANGUAGES

Abstract. The article is devoted to the ethnolinguistic and linguocultural potential of the word “ulu” in Turkic languages as a genetically ancient and semantically multilayered lexeme. The etymology and phonosemantic evolution of the lexeme is analyzed. Much attention is paid to the usage of the lexeme in various language and cultural contexts – from ancient Turkic records to modern Turkic languages. Much attention is paid to the sacred, mythological and socially valuable components concerning the semantics of the word “ulu” and to its role in the formation of a collective identity. The article also deals with random and metaphorical parallels with non-Turkic languages. It helps define universal semantic tendencies. The results prove that the word “ulu” is a key concept of Turkic cultural consciousness.

Key words. Turkic languages, ulu, ethnolinguistics, cultural linguistics, a semantic archetype, a linguistic picture of the world.

В лексико-семантической системе тюркских языков важное место занимают слова, обладающие историческим происхождением, архаической природой и насыщенные культурной семантикой. Подобные лексические единицы выполняют не только коммуникативную функцию, но и несут в себе культурологические, идеологические и семантические пласты, формирующие коллективное сознание. На протяжении длительного времени такие слова функционировали не только как носители значения, но и как культурные коды, маркеры коллективной идентичности и этнические символы.

В этом контексте слово «**ulu**» в тюркских языках не ограничивается выражением семантических категорий «большой», «высокий», «величественный», «возвышенный»; оно также выступает в качестве этнолингвистического архетипа, культурно-концептуального символа и носителя сакральной семантики. С одной стороны, лексема «ulu» репрезентирует социальный статус и физическую величину, с другой — включает такие семантические поля, как близость к священному, идеализация, возвышенность

предков и божественное начало. Данная многослойная семантика обусловила сохранение слова как устойчивого и продуктивного корня на протяжении исторического развития тюркских языков. Именно по этой причине «ulu» рассматривается как генетически древняя и семантически архетипическая единица с широким коннотативным спектром [3, с. 453].

Начиная с древнетюркских письменных памятников и вплоть до современных тюркских языков, данная лексема продолжает функционировать на различных языковых уровнях — лексическом, фразеологическом, топонимическом, этнонимическом и концептуальном [1; 5]. В выражениях типа «Ulu Tanrı» («Великий Бог»), «ulu dağ» («великая гора»), «ulu yol» («великий путь»), «ulu millət» («великий народ»), «ulu əcdadlar» («великие предки») слово «ulu» одновременно объединяет значения материальной величины, духовной высшей ценности и мифологического начала.

Целью данной статьи является выявление этимологической глубины, фоносемантической эволюции и лингвокультурологических функций слова «ulu» путём анализа его вариантов в тюркских языках, а также в ряде нетюркских языков, демонстрирующих ареальные или случайные фонетико-семантические соответствия. В данном контексте исследование направлено на доказательство того, что «ulu» функционирует не только как лексическая единица, но и как концептуальная модель, укоренённая в глубинных слоях культуры.

В исследовании использованы сравнительно-исторический метод, этнолингвистический и лингвокультурологический подходы, а также методы дискурс-анализа. В качестве основного материала рассматриваются различные формы слова «ulu» в азербайджанском, турецком, казахском, кыргызском, башкирском, узбекском, чувашском и других тюркских языках, а также слова, обладающие фонетическим или семантическим сходством в малайском, санскрите, корейском и японском языках. Кроме того, использованы данные этимологических и толковых словарей современных тюркских языков, а также материалы фольклора и классической литературы.

В огузских (азербайджанский, турецкий), кипчакских (казахский, кыргызский, башкирский) и уйгуро-карлукских (узбекский, уйгурский) языках слово «ulu» продолжает функционировать в значениях «большой», «высокий», «священный». Данная устойчивость свидетельствует о его генетической древности и глубокой укоренённости в общетюркском концептуальном сознании. В выражениях типа «ulu Tanrı», «ulu dağ», «ulu fikir» лексема обозначает как физическую величину, так и высший духовный статус.

Например, в сочетаниях «ulu hakan», «ulu fikir» данная семантическая область проявляется особенно отчётливо [10, с. 631].

В таких тюркских языках, как казахский, кыргызский, башкирский и узбекский, слово «ulu» (в ряде случаев — «uluu») сохраняет семантику «большой», «высокий», «возвышенный», «величественный», «священный» как древнетюркская лексическая единица. Его употребление не ограничивается простой категорией количества или размера; напротив, оно выполняет функции выражения социального статуса, духовной ценности и божественного начала. В казахском и кыргызском языках в сочетаниях «uluu ata», «uluu türik», «uluu jurt» данная лексема используется для репрезентации образа старейшин, древних предков и народа в целом. Эти формы преимущественно закреплены в семантических контекстах, связанных с Богом, старейшиной, пожилым человеком, мудрым лидером, значимой личностью и природной возвышенностью [2, с. 212-213]. Так, в кыргызском языке выражение «uluu Тоо» обозначает не просто «большую гору», но и семантическую модель сакрализованного природного объекта. В башкирском языке сохраняется вариант «olu», который, в том числе в фольклоре и молитвах, функционирует как носитель высокой духовной ценности. В узбекском языке данная лексема представлена формой «ulugʻ» (вариант: «ulugʻ») и широко используется в классической литературе, особенно в текстах эпохи Сефевидов, в качестве обозначения высшего ранга и величия (например: *Ulugʻ Sultan*, *Ulugʻ Beg*).

С другой стороны, чувашский язык, несмотря на принадлежность к болгарской ветви тюркских языков, сохранил корень «ulu» в форме «ulla», наделив его сакральной и теонимической семантикой. Здесь «ulla» обозначает не только высшую ценность и величие, но во многих случаях непосредственно значение «Бог». Таким образом, данный корень функционирует в религиозно-ритуальном дискурсе, прежде всего в текстах молитв и обрядов, как лексический фоссил, то есть, не участвуя активно в современном словообразовании, сохраняет архетипическую символическую функцию в глубинных слоях культуры [4, с. 259]. Это свидетельствует о том, что слово «ulu» обладает не только широкой семантической вариативностью, но и значительным семиотическим потенциалом, приобретая значения, выходящие за пределы собственно лексического содержания, — веру, ценность, коллективную память и мифологическое начало. В данном контексте лексема перестаёт быть исключительно словом и приобретает статус концепту-

альной иконы, то есть символа центральной идеи, сакрализованной, архетипизированной и наделённой неизменной ценностной нагрузкой в рамках определённого языка и культуры.

Таким образом, формы «*ulu*», «*ulug'*», «*uluu*», «*ulla*», а также другие фонетико-лексические варианты представляют собой различные структурные реализации одного и того же генетического корня — древнетюркской морфемы *ulu*. Фонетическая вариативность этих форм обусловлена локальными адаптациями, соответствующими требованиям фонологической системы конкретных языков, тогда как их морфологическая структура (тип CVV с компонентом, обеспечивающим удлинение конечного звука) и семантическое содержание остаются в целом стабильными. Данная устойчивость и функционирование указанных форм в пределах одной и той же семантической области в различных тюркских языках свидетельствуют об их архетипическом существовании в общем протоязыке (пратюркском) и подтверждают их генетическое родство. Следовательно, корень *ulu* репрезентирует один из древнейших слоёв семантической стратификации тюркских языков и в этом отношении представляет собой значимый объект как историко-этнолингвистических, так и культурно-концептуальных исследований.

В ряде других языков также наблюдаются формы, обладающие фонетическим или семантическим сходством, однако подобные параллели, как правило, оцениваются не как генетические, а преимущественно как случайные либо ареальные. Так, в малайском и индонезийском языках слово «*uluh*» употребляется в значениях «Бог», «высшее существо». В древнем малайском языке лексема «*ulu*» также выражала значения «голова», «начало», «верхняя часть» [8, с. 327]. Эти слова фонетически соотносятся с *ulu* и семантически сближаются с концептами величия и сакральности, однако их этимологическая связь с тюркским корнем не доказана.

Для сопоставления отметим, что в санскрите слово «*uru*» (उरु) функционирует в значениях «широкий», «большой», «величественный» и встречается, в частности, в сочетаниях типа *uru loka* («обширный мир»). В ряде источников также фиксируются формы «*ul*» и «*uloka*» в значении «высший мир» [7, с. 206]. Несмотря на отсутствие полной фонетической тождественности, между данными формами и *ulu* возможно установление метафорического семантического сходства.

В корейском языке единица «-ul» (을) представляет собой функциональный грамматический маркер и используется в качестве показателя винительного падежа. В соответствии с агглютинативной структурой корейского языка данный морфем присоединяется к существительным, придавая им статус прямого объекта. Так, в конструкции 책을 읽다 («читать книгу») к существительному 책 («книга») добавляется суффикс -ul, который соотносит его с действием, выраженным глаголом. Подобные структуры отражают синтаксическую систему корейского языка, основанную не на порядке слов, а на падежных показателях. Следовательно, данный элемент не выражает лексического значения и функционирует исключительно на структурном уровне, не являясь самостоятельным носителем понятия [6, с. 88].

С фонетической точки зрения форма «ul» созвучна тюркскому корню «ulu», однако данное созвучие носит полностью случайный характер и не имеет ни этимологического, ни семантического основания. В данном случае можно говорить лишь о поверхностном фонетическом сходстве, которое нередко наблюдается между формами, не связанными по значению и происхождению, в языках различных семей. Ни гипотетическая принадлежность корейского языка к алтайской языковой семье (данная теория до настоящего времени не получила убедительного доказательства), ни структурные совпадения на морфемном уровне не могут служить аргументом в пользу этимологического или морфологического родства указанных единиц.

Иную картину демонстрирует японское прилагательное «uruwashii» (麗しい), которое функционирует в многоуровневом семантическом поле и выражает такие эстетические и этические значения, как «красивый», «утончённый», «благородный», «возвышенный», «гармоничный». Данное слово широко используется преимущественно в классическом и поэтическом стиле, в том числе в жанрах *waka* и *tanka*. Лексема *uruwashii* ассоциируется не только с внешней красотой, но и с внутренним благородством, нравственной чистотой, гармонией и искренностью. Так, в выражениях *uruwashii kokoro* («благородное сердце»), *uruwashii hito* («чистый, достойный человек», «возвышенная личность») прилагательное выступает в качестве поэтического средства выражения морального и социального высшего статуса [9, с. 231].

С точки зрения структурного анализа, *uruwashii* является сложным прилагательным, в котором элемент *uru-* не несёт самостоятельного лексического значения, но в плане звучания может вызывать определённые ассоциации с тюркским корнем *ulu*. Однако подобное сходство ограничивается исключительно фонетическим уровнем: между *uru-* и *ulu* отсутствует какая-либо связь в плане происхождения, семантической функции или морфологической продуктивности. Японский язык относится к изолирующим и аналитическим системам, где морфемная структура лексических единиц формируется по принципам, отличным от агглютинативных тюркских языков. В связи с этим говорить о генеалогической или этимологической связи между *uruwashii* и *ulu* с научной точки зрения не представляется обоснованным.

Вместе с тем обе лексемы — *ulu* (в тюркских языках) и *uruwashii* (в японском языке) — обнаруживают концептуальное сходство на уровне выражения духовной возвышенности, этической идеализации и поэтической репрезентации эстетических ценностей. В обоих случаях данные слова актуализируют представления, сформированные коллективным эстетическим и мифологическим сознанием. Подобные совпадения могут быть интерпретированы как проявление межъязыкового семантического резонанса и рассматриваться не как результат ареального воздействия, а как отражение универсальных семантических тенденций.

Таким образом, корейская форма *ul* как структурно-функциональная грамматическая единица и японское *uruwashii* как лексически и эстетически маркированное поэтическое прилагательное соотносятся с *ulu* исключительно на уровне поверхностного фонетического сходства и общей концептуальной аналогии. Несмотря на определённый научный интерес, данные соответствия не подтверждают наличия морфологической или этимологической связи и не свидетельствуют о существовании общего корня.

Слово «**ulu**» выступает не только как обозначение физической величины и высоты, но и как носитель мифологического, религиозного и социального высшего статуса. В этнонимах, топонимах и мифологических системах оно функционирует в значениях «великий исток», «высшая духовность» и «глубинная память». Его употребление в ритуальной речи, поэтических текстах и повседневной коммуникации свидетельствует о его активном участии в формировании коллективной идентичности.

В этом отношении *ulu* представляет собой лингвокультурологический концепт, объединяющий представления о Великом Боге, священном предке,

родоначальниках, порядке и духовной силе, и выступает в качестве центрального семантического ядра коллективной памяти.

Проведённый сравнительно-лингвистический и лингвокультурологический анализ показывает, что слово *ulu* в тюркских языках является генетически устойчивой, семантически многослойной и символически нагруженной единицей. Оно ассоциируется с понятиями материального и духовного величия, сакрального и социального высшего статуса, начала и первоосновы, божественного и предкового начала. Как этнолингвистический архетип, *ulu* позволяет выявлять не только внутренние закономерности тюркского языкового сознания, но и устанавливать ареальные и метафорические параллели с концептуальными слоями других культур.

Все приведённые данные свидетельствуют о том, что корень *ulu* относится к числу редких лексических единиц, которые в тюркских языках сохранялись и развивались как в фонетическом, так и в семантическом отношении с высокой степенью стабильности. Он не ограничивается значением физической высоты или величины, а включает в себя оттенки сакральности, величия, духовного превосходства и мифологической значимости. Благодаря этим особенностям слово *ulu* на протяжении истории функционировало в ритуальных практиках, поэтических текстах, а также в устном и письменном дискурсе, одновременно служа основой для формирования новых лексических единиц. Сохранение данного корня в огузской, кипчакской и уйгуро-карлукской группах тюркских языков убедительно подтверждает его глубинную укоренённость в общетюркском семантическом сознании и его историческую устойчивость.

В то же время случайные или метафорические параллели с другими языками свидетельствуют о том, что корни типа «**ulu**» соотносятся не только с внутренним развитием языка, но и с более широкими семантическими системами, такими как универсальные значения «Бог», «начало», «сакральность» и «величие». В этом отношении слово «**ulu**» функционирует не просто как лексическая единица, а как семантический архетип, репрезентирующий концептуальный и культурный уровень языка. Наличие в ряде других языков (малайском, санскрите, японском и др.) определённых сходств как в плане значения, так и в плане формы представляет собой показательный языковой факт, демонстрирующий, каким образом подобные семантические ядра могут формироваться и актуализироваться в зонах межкультурного взаимодействия.

Рассмотренный языковой материал подтверждает, что слово *ulu* является концептом, находящимся на пересечении языка и культуры, функционирующим как переходная точка от лексического уровня к глубинным семантическим системам и выступающим одним из ключевых символов общетюркского культурного сознания.

Библиографический список

1. Габибова, К. Методика создания конкорданса для тюркских письменных памятников (на примере эпоса «Китаби-Деде Коркут») / К. Габибова // Issues of Turkish Philology. – 2025. – Т. 1. – №. 1. DOI: [10.5281/zenodo.15437929](https://doi.org/10.5281/zenodo.15437929)
2. Сулейманова, Р.Н. Асемантизация в турецких языках (по материалам произведений Юнуса Амре и Махмуда Кашгари) / Р.Н. Сулейманова // Endless Light in Science. – 2023. — № 2-2. — С. 368-373.
3. Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti. Dörd cildə, IV cild. – Bakı: Şərq-Qərb, 2006. — ISBN 9952-418-08-7
4. Clauson, G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish / G.Clauson. – Oxford: Clarendon Press, 1972. — 270 p. — ISBN 0-19-864112-X
5. Habibova, K. “Kitabi-Dada Gorgud” of the principle of economy in the language of epics psycholinguistic interpretation / K. Habibova // Turkology. – 2012. — № 2. — P. 80-84
6. King, R. Korean Language in Culture and Society / R. King. – Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. — 448 p. — ISBN-13: 978-0-8248-2813-1
7. Monier-Williams, M. A Sanskrit-English Dictionary / M. Monier-Williams. – Oxford: Clarendon Press, 1899. — 1333 p. — ISBN-13: 978-0-19-864308-4
8. Robson, S. Javanese-English Dictionary / S. Robson – Singapore: Periplus Editions, 2002. — 808 p. ISBN-13: 978-962-593-196-9
9. Shibatani, M. The Languages of Japan / M. Shibatani – Cambridge: Cambridge University Press, 1990. — 411 p. — ISBN-13: 978-0-521-36918-3
10. TDK Büyük Türkçe Sözlük. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2011. — 2736 s. — ISBN: 978-975-16-2270-7

УДК 81'25

Деньгина Анна Владимировна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры ИЯПК
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

КОРПУСНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФРАЗЕОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

Аннотация. В настоящее время, благодаря возникновению лингвистических корпусов и распространению метода корпусного анализа, корпусные исследования в области фразеологии становятся все более распространенными. Целью данной статьи является анализ направлений существующих работ в данной области и их классификация в зависимости от той роли, которую корпус играет в концепции исследования.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, корпусная фразеология, метод корпусного анализа

CORPUS APPROACHES TO PHRASEOLOGY RESEARCH IN MODERN LINGUISTICS

Dengina Anna V.

*PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

Abstracts. In recent years, thanks to the emergence of linguistic corpora and the widespread adoption of corpus analysis methods, corpus studies in phraseology have become increasingly prevalent. The purpose of this article is to analyze the directions of existing research and classify them depending on the role the corpus plays in the research concept.

Key words: Corpus linguistics, corpus phraseology, corpus analysis method

Корпусные исследования фразеологии в последнее время становятся все более распространенными благодаря развитию электронных текстовых

корпусов, а также в силу того, что корпуса текстов позволяют получить доступ к несоизмеримо большему количеству языкового материала, нежели может быть под силу собрать и вручную обработать даже самому увлеченному лингвисту. Предоставляя доступ к разнообразным по времени и условиям создания, а также специальным образом подготовленным лингвистическим данным, корпуса дают исследователю-филологу возможность помимо денотативно-структурного аспекта фразеологизмов, как это было в те времена, когда исследования преимущественно основывались на лексикографических источниках, уделить внимание коннотативным, прагматическим и интертекстуальным особенностям фразеологических единиц в различных языках.

При этом в корпусной лингвистике традиционно выделяются два больших направления исследований - рационалистически (теоретически) ориентированные и эмпирически ориентированные в зависимости от того, является ли это исследование корпусно-ориентированным или корпусно-обусловленным [10, с. 265].

Различие между корпусно-ориентированным (corpus-based) и корпусно-обусловленным (corpus-driven) изучением языка было введено Е. Тонини-Бонелли в фундаментальной монографии «Corpus Linguistics at Work» [12]. Корпусно-ориентированные исследования, согласно автору, используют данные корпуса для изучения теории или гипотезы, стремясь подтвердить её, опровергнуть или уточнить. Это соответствует представлению о корпусной лингвистике как о методе.

В то же время корпусно-обусловленная лингвистика отвергает характеристику корпусной лингвистики как метода и утверждает вместо этого, что сам корпус должен быть единственным источником наших гипотез о языке. Таким образом, утверждается, что корпус сам по себе воплощает теорию языка [12, р. 84].

М.В. Копотев в своих работах развивает данную дихотомию, различая в рамках теоретически ориентированных исследований те, которые предполагают особую статистическую обработку извлеченных из корпуса данных и те, которые ориентированы на поиск лингвистических фактов без количественной обработки, и выделяет таким образом следующие виды корпусного анализа: анализ, использующий корпус (англ. *corpus-informed analysis/approach*); анализ основанный на корпусе (англ. *corpus-based analysis/approach*); анализ, направляемый корпусом (англ. *corpus-driven analysis/approach*) [5].

Следуя данной концепции, корпусные исследования фразеологии можно объединить в три значительные группы в зависимости от методов, используемых в дополнение к методу корпусного анализа:

1. Исследования, использующие корпус (англ. *corpus-informed analysis/approach*) предполагают анализ фразеологического материала, при котором корпусные данные используются как источник примеров на естественном языке. Полученные лингвистические данные при данном подходе не подвергаются специальной количественной и статистической обработке, хотя объективность исследования уже существенно повышается на фоне снижения роли интуиции самого исследователя, которая уступает место анализу языковых фактов.

Безусловно, результаты такого рода исследований могут находить применение в первую очередь в изучении фразеологии отдельных языков, поскольку языковые явления можно изучать не только в синхронии, но и в диахронии, привлекая корпусные данные различных временных эпох [1]. Также велика их роль в корпусной фразеографии, где электронные текстовые корпуса используются с целью получения данных об употребительности идиом, их партнёрах по сочетаемости, а также для уточнения их семантических, синтаксических и прагматических особенностей [2]. В сопоставительной фразеологии использование электронных корпусов текстов позволяет внести уточнения в традиционные представления о межъязыковой фразеологической эквивалентности, выявить стилистические и коннотационные особенности, препятствующие адекватному переводу ранее считавшихся эквивалентными фразеологических единиц [2, 8], а работа с параллельными корпусами – выявить лингвоспецифичность и существенно расширить список переводных эквивалентов фразеологизмов за счет тех, которые используются переводчиками [9, 11]. В методике обучения фразеологии иностранных языков корпуса помогают актуализировать набор фразеологических единиц, включающийся в учебный материал [4].

2. Исследования, основанные на корпусе (англ. *corpus-based analysis/approach*) предполагают языковой анализ, при котором корпусные данные анализируются как качественно, так и количественно, при этом исходные теоретические положения заданы заранее и не меняются в ходе эксперимента.

В качестве иллюстрации такого подхода приведем работу Е.Б. Кротовой, целью которой являлась проверка гипотезы о различиях в синтаксиче-

ском поведении идиом и неидиоматических выражений. В ходе исследования автором были отобраны примеры употребления 18 употребительных идиом немецкого языка, содержащих глагольный компонент *gehen* 'идти', в количестве до 10000 на одну идиому. Сопоставление проводилось как с самим глаголом *gehen*, так и сочетаниями, являющимися перифразами к рассматриваемым идиомам, а также с 12 частотными свободными словосочетаниями, имеющими в составе глагол *gehen* (*ins Schwimmbad gehen* 'идти в бассейн', *einkaufen gehen* 'идти за покупками' и т.д.). Статистический анализ видо-временных форм и других синтаксических модификаций рассматриваемых идиом показал, что их синтаксическое поведение в целом отличается как от поведения глагольного компонента, так и от их перифраз [7].

3. Исследования, направляемые корпусом (англ. corpus-driven analysis/approach) строятся на языковом анализе, при котором корпус рассматривается как данные, которые сами должны подтолкнуть исследователя к выявлению закономерностей и исключений в языке. Применительно к фразеологии примером такого подхода может служить автоматическое извлечение ранее неизвестных устойчивых сочетаний и конструкций на основе вычисления степени связанности между компонентами словосочетаний в корпусе (MI, t-score, log-likelihood, log-Dice) [3, с. 201].

Например, статистические методы позволяют выявить целый ряд устойчивых выражений с предлогом *без* и управляемыми существительными: *без конца, без труда, без сомнения, без памяти, без дела, без исключения, без обиняков* и др., которые являются фразеологизмами и фиксируются в словарях фразеологизмов или эквивалентов слов. Однако с помощью статистических инструментов возможно извлечь из корпуса список, состоящий из полутора тысяч существительных, устойчиво сочетающихся с предлогом *без*, которые совершенно логично распределяются по четырем лексико-семантическим группам: одежда или деталь одежды (*без галстуков*); промежуток времени, занятый неосновным действием (*без перерыва*); добавленный или удаленный фрагмент текста (*без исключения*); формат речи (*без разговоров*), что позволяет говорить о наличии в русском языке соответствующих синтаксических конструкций. При этом, в каждой группе присутствуют сочетания, которые одновременно являются примерами конструкций и самостоятельными лексическими фразеологизмами, что подтверждает утверждения о том, что «фразеологические единицы не являются полностью изолированными, идиосинкратическими — они опираются на

свободные конструкции, причем не только в диахронии, но и в синхронии» [6, с. 98].

Таким образом, несмотря на все свое многообразие, исследования в области фразеологии с применением методов корпусной лингвистики имеют общие черты в соответствии с тем, каким образом используется лингвистический корпус – как база примеров для подтверждения интуиции исследователя или непосредственно как источник гипотез, а также в зависимости от того, подвергаются ли полученные результаты какой-либо дополнительной обработке. Тем не менее, тот факт, что корпусная лингвистика предоставляет лингвистам-фразеологам инструменты, позволяющие получить данные об особенностях сочетаемости фразеологических единиц, определить действительный уровень эквивалентности фразеологизмов в различных языках, актуализировать фразеологические словари и учебные пособия не вызывает сомнений.

Библиографический список

1. Баранов, А.Н., Добровольский, Д.О. Динамика функционирования фразеологизмов-конструкций (по материалам НКРЯ) // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. № 3 – М.: ИРЯ РАН, 2024, с. 62-74.
2. Добровольский, Д.О. Корпусы текстов и двуязычная фразеография // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – №. 5. – С. 23-37.
3. Захаров, В., Богданова, С. Корпусная лингвистика. – ЛитРес, 2022.
4. Комарова, И.А., Коган, М.С. Исследование английской фразеологии с помощью подходов корпусной лингвистики // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Выпуск 3 (Труды XXII Международной объединенной научной конференции «Интернет и современное общество», IMS-2019, Санкт-Петербург, 19 – 22 июня 2019 г. Сборник научных трудов). — СПб: Университет ИТМО, 2019. С. 40–49.
5. Копотев М. Введение в корпусную лингвистику: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. Корпусная лингвистика. Филология. – Animedia Company, 2014.
6. Копотев, М.О некоторых следствиях корпусной лингвистики для общей теории языка // Филологический класс. – 2021. – Т. 26. – №. 2. – С. 90-102.

7. Кротова, Е.Б. Изучение синтаксических модификаций идиом немецкого языка на основе корпусных данных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2018. – №. 13 (807). – С. 102-110.
8. Кротова, Е.Б. Корпусная фразеография (на материале немецкого языка) : дис. – М., 2013.
9. Парина, И.С. Применение корпусов параллельных текстов для исследования немецкой фразеологии в сопоставительном аспекте //Русская германистика. – 2020. – Т. 17. – С. 166-177.
10. Пивоварова, Е.В. Метод корпусного анализа в изучении фразеологии немецкого языка. Теоретический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. – №. 12. – С. 263-268.
11. Юсипова, Д.Б. Корпусный подход к исследованию фразеологии: анализ фразеологизмов семантического поля пространство // Вопросы современной лингвистики. – 2022. – №. 3. – С. 38-45.
12. Tognini-Bonelli E. Corpus linguistics at work. – 2001.

УДК 811.133.1

Колесова Полина Дмитриевна

аспирант

Горбатов Владимир Игоревич

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

*ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»*

(г. Владимир, Российская Федерация)

СТАНОВЛЕНИЕ СИНТЕТИЧЕСКИХ И АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМ СУБЖОНКТИВА НА МАТЕРИАЛАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена историко-лингвистическому анализу эволюции форм сослагательного наклонения (субжонктива) во французском языке XIX века на материалах художественной литературы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью понимания глубинных процессов грамматикализации и стилистической дифференциации в период становления современного литературного французского языка. Новизна ра-

боты заключается в комплексном подходе, совмещающем анализ количественного распределения форм в корпусе текстов ключевых авторов эпохи с качественным стилистическим и семантическим описанием их функций в нарративе и прямой речи персонажей.

Ключевые слова: французский язык; сослагательное наклонение (субжонктив); синтетические формы; аналитические формы; грамматикализация, литература XIX века, модальность.

Kolesova Polina Dmitrievna

PhD student

Gorbatov Vladimir Igorevich

*Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

THE FORMATION OF SYNTHETIC AND ANALYTICAL FORMS OF THE SUBJUNCTIVE IN 19th-CENTURY FRENCH LITERATURE

Abstract. The article is deals with a historical-linguistic analysis of the evolution of the subjunctive mood forms in the French language of the 19th century based on the material of fiction. The relevance of the study is determined by the need to understand the deep processes of grammaticalization and stylistic differentiation during the formation of modern literary French. The novelty of the work lies in a comprehensive approach combining the analysis of the quantitative distribution of forms in the corpus of texts by key authors of the era with a qualitative stylistic and semantic description of their functions in narrative and character speech.

Keywords: French language; subjunctive mood; synthetic forms; analytical forms; grammaticalization; 19th-century literature; modality.

Французский язык XIX столетия представляет собой уникальный полигон для лингвистического наблюдения, находясь в точке перехода от классической нормы, унаследованной от Великого века, к современной языковой системе. Одним из наиболее сложных и динамичных участков этой трансформации является система наклонений, и в частности, сослагательное наклонение (*subjonctif*). Его эволюция в данный период характеризуется напряженной конкуренцией между архаичными синтетическими формами

(особенно в импарфате и перфекте субжонктива) и активно развивающимися аналитическими конструкциями. Этот процесс был не только грамматическим, но и глубоко стилистическим и идеологическим, отражая общую тенденцию рационализации языка и поиска новых средств выражения субъективности, сомнения, воли и оценки в условиях меняющейся картины мира [3, с. 45].

Актуальность данного исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, историческая грамматика французского языка традиционно фокусируется либо на средневековом периоде, либо на современном состоянии, оставляя XIX век в качестве «переходного» и менее изученного [2, с. 215]. Во-вторых, анализ именно художественных текстов позволяет выявить не предписания грамматистов, а реальную языковую практику, вариативность и творческое использование форм писателями, которые одновременно были носителями языка и его творцами [4, с. 112]. В-третьих, изучение механизмов вытеснения синтетических форм аналитическими во французском субжонктиве дает ключ к пониманию общих типологических тенденций в романских языках [5, с. 189].

Целью статьи является выявление закономерностей и направлений эволюции форм субжонктива во французской литературе XIX века через призму конкуренции синтетического и аналитического принципов.

К началу XIX века система французского субжонктива находилась в состоянии неравновесия. От классического периода был унаследован полный парадигматический набор синтетических форм, включающий *présent*, *imparfait*, *passé* и *plus-que-parfait du subjonctif*. Однако уже в XVIII веке намечается тенденция к сокращению употребления «дальних» времен – *imparfait* и *plus-que-parfait*, особенно в устной речи и неформальном письме. Эти формы, требующие высокого уровня грамотности для корректного образования и распознавания, начинают восприниматься как книжные, архаичные, «литературные». Параллельно происходит активное развитие аналитических конструкций, выражающих модальность. К ним относятся:

- конструкции с модальными глаголами (*devoir*, *pouvoir*, *falloir*) в сочетании с инфинитивом в составе придаточных предложений. Например, «*Il faut qu'il **doive** partir*» (с семантикой долженствования);
- перифрастические конструкции типа «*que + subjonctif présent/ passé* глагола *avoir/ être + à + инфинитив*». Например, «*Je veux qu'il **ait à répondre** de ses actes*» (с семантикой необходимости/предопределенности);

- конструкции с полувспомогательными глаголами (*aller, venir*) и инфинитивом, которые в определенных контекстах начинают брать на себя функцию выражения ирреальности или будущего в прошедшем, традиционно закрепленную за *imparfait du subjonctif*.

Как отмечает Ш. Балли, процесс анализизации – это не просто замена одной формы другой, а перераспределение семантических функций и создание более тонкой системы выражения модальных оттенков [1, с. 212]. XIX век становится периодом, когда эта перестройка происходит наиболее интенсивно и находит непосредственное отражение в художественной литературе, выступающей одновременно зеркалом и двигателем языковых изменений.

Рассмотрим понятие о синтетических формах субжонктива. Анализ корпуса текстов (на материале произведений Стендаля, Ф.Р. де Шатобриана, раннего О. де Бальзака) первой трети XIX века показывает, что синтетические формы, особенно *imparfait du subjonctif* (например, «*qu'il aimât*», «*qu'il vînt*», «*qu'il fît*»), всё ещё широко используются, но их функционирование строго регламентировано.

Imparfait du subjonctif становится ярким стилистическим маркером. В нарративе он используется для создания эффекта дистанции, эпического или исторического колорита, высокой риторики. У Ф.Р. де Шатобриана в «Мучениках» форма «*il voulût*» встречается в описаниях и сложноподчиненных предложениях, подчеркивая возвышенность стиля. В прямой речи персонажей из высшего общества или в официальных ситуациях она служит признаком образованности и следования норме.

Основной сферой сохранения синтетических форм остается придаточное дополнительное после глаголов прошедшего времени в плане главного предложения («*il fallait que...*», «*il voulut que...*»). Здесь, согласно строгим предписаниям грамматик того времени (например, грамматики Э. Нуэля и Ф. Шапсаля), требовалось использовать *imparfait du subjonctif*. Однако даже в этом «убежище» начинает проявляться конкуренция. Все чаще для выражения одновременности или последующего действия в прошедшем времени используется не импарфат, а презент субжонктива («*il voulut qu'il vienne*» вместо «*il voulut qu'il vînt*»), что свидетельствует о начале размывания правила последовательности времен (*concordance des temps*) в живой языковой практике [7, с. 1432].

Plus-que-parfait du subjonctif сохраняется в основном в условных периодах третьего типа (выражение неосуществившегося условия в прошлом) и

после глаголов сожаления в прошедшем времени («*il regrettait que...*»). Эта форма становится практически исключительно книжной и к концу века встречается всё реже, уступая место аналитическим оборотам с условным наклонением.

Процесс вытеснения синтетических форм был не пассивным угасанием, а активным замещением более прозрачными и семантически нагруженными аналитическими конструкциями. Их рост особенно заметен в текстах второй половины XIX века (Г. Флобер, братья Гонкуры, Э. Золя, Г. де Мопассан). Были выявлены следующие тенденции:

1. Конструкции с «devoir» и «pouvoir». В придаточных предложениях, требующих субжонктива, все чаще вместо простой синтетической формы используется сочетание субжонктива глагола «*devoir*» или «*pouvoir*» с инфинитивом смыслового глагола. Например, у Г. Флобера в «Госпоже Бовари» вместо возможного «*il fallait qu'il partît*» встречается «*il fallait qu'il dût partir*». Это позволяет актуализировать оттенок долженствования или возможности, который в синтетической форме был имплицитен и выводился лишь из контекста. Аналитическая форма делает модальную рамку эксплицитной.

2. Перифрастические конструкции («avoir/être à + инфинитив»). Эти конструкции, грамматикализуясь, берут на себя функцию выражения фатальной необходимости, предопределенности, часто с негативной или драматической коннотацией. У Э. Золя в «Западне» «*fallait-il que ce fût à elle d'apprendre cette nouvelle?*» (Неужели ей предстояло узнать эту новость?). Здесь конструкция «*fût à apprendre*» несет смысловую нагрузку рока, тяжелой обязанности, что было бы сложнее выразить простым «*apprît*».

3. Конкуренция с условным наклонением. В условных придаточных и косвенной речи аналитические формы условного наклонения (*conditionnel présent/passé*) начинают теснить *plus-que-parfait du subjonctif*. Так, конструкция «*il aurait fallu qu'il soit venu*» (с использованием *présent du subjonctif* в нарушение последовательности времен) или даже «*il aurait fallu qu'il serait venu*» (с условным наклонением в придаточном) у Ги де Мопассана отражает кризис старой синтетической парадигмы и поиск новых способов выражения гипотетичности [8, с. 420].

К концу XIX века происходит отчетливое функциональное расслоение:

- **Présent du subjonctif** остается жизнеспособной и частотной синтетической формой, устойчивой к аналитизации, так как она фонетически и

морфологически проста и выполняет широкий спектр актуальных модальных функций (желание, необходимость, эмоциональная оценка).

- **Passé du subjonctif** также сохраняется, но его функции все чаще дублируются конструкцией «*avoir/être* в présent du subjonctif + причастие прошедшего времени», что является внутренней аналитизацией внутри самой парадигмы.

- **Imparfait и plus-que-parfait du subjonctif** становятся узкоспециализированными стилистическими инструментами. Их используют для: а) стилизации под старину или высокий стиль; б) иронического или пародийного эффекта (например, у А. Доде); в) в устойчивых книжных оборотах («*fût-il...*», «*eût-il...*»). В реалистичном и натуралистическом романе, стремящемся к воспроизведению живой речи, их употребление сводится к минимуму.

4. Аналитические конструкции закрепляются за выражением конкретных типов модальности: должествование (*devoir*), возможность/невозможность (*pouvoir*), фатальная необходимость (*être à*), что обогащает палитру писательских средств для психологизма и социальной типизации речи персонажей [6, с. 89].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что XIX век стал решающим этапом в формировании современной системы французского сослагательного наклонения. Процесс эволюции субжонктива в этот период характеризовался не простым исчезновением синтетических форм, а сложным перераспределением функций между унаследованными синтетическими и инновационными аналитическими конструкциями.

Синтетические формы импарфата и плюсквамперфекта субжонктива, будучи вытеснены из сферы живой разговорной и приближенной к ней литературной речи, подверглись функциональной и стилистической специализации, превратившись в маркеры «высокого» стиля, исторического повествования или иронии. Их судьба иллюстрирует общий процесс архаизации сложных морфологических парадигм в аналитическом языке.

Аналитические же конструкции с модальными глаголами и перифрастические обороты, активно внедрявшиеся в литературную практику авторами от романтиков до натуралистов, прошли путь грамматикализации, взяв на себя выражение конкретных, тонких оттенков модальности — должествования, предопределенности, потенциала. Это позволило французскому языку, несмотря на потери части синтетического аппарата, не обеднеть, а,

напротив, развить более гибкую и семантически прозрачную систему выражения субъективного отношения говорящего к высказыванию.

Таким образом, становление форм субжонктива во французской литературе XIX века было ключевым звеном в переходе от классической нормы к современному языковому стандарту, где аналитический принцип организации грамматических значений окончательно утвердился как доминирующий, а синтетические формы заняли нишу выразительных стилистических ресурсов. Данный процесс наглядно демонстрирует, как художественная литература не только отражает, но и активно формирует грамматическую реальность языка.

Библиографический список

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. К. А. Долинина. – М: Издательство иностранной литературы, 1961. – 394 с.
2. Бородина, М. А. История французского языка: учебник для институтов и факультетов иностранных языков / М. А. Бородина, В. Г. Гак. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высшая школа, 1982. – 311 с.
3. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка: Морфология / В.Г. Гак. – 3-е изд. – М.: Добросвет, 2004. – 463 с.
4. Реферовская, Е.А. Формирование романских литературных языков: Современный французский язык / Е.А. Реферовская. – Л.: Наука, 1980. – 208 с.
5. Сергиевский, М.В. История французского языка / М.В. Сергиевский. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1947. – 240 с.
6. Chevalier, J.-C. Histoire de la grammaire française / J.-C. Chevalier. – Paris : Presses Universitaires de France, 1994. – 128 p.
7. Grevisse, M. Le Bon Usage. Grammaire française / M. Grevisse, A. Goosse. – 16e éd. – Bruxelles : De Boeck Duculot, 2016. – 1760 p.
8. Wilmet, M. Grammaire critique du français / M. Wilmet. – 5e éd. – Bruxelles : De Boeck Duculot, 2010. – 758 p.

УДК 81'373.72

Корочкина Галина Михайловна

магистрант

Горбатов Владимир Игоревич

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени

Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ВО ФРАНЦУЗСКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию лингвостилистических функций фразеологизмов в современной французской рекламе. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения эффективных языковых стратегий в условиях высокой конкуренции на рынке. Рассматривается, как трансформация устойчивых выражений служит целям привлечения внимания, формирования запоминающегося образа товара и воздействия на целевую аудиторию. Научная новизна заключается в комплексном анализе прагматического эффекта фразеологической игры в конкретных рекламных кампаниях последних лет.

Ключевые слова: французская реклама, фразеологизм, языковая игра, стилистика, прагматика, креативный текст, трансформация.

Korochkina Galina Mikhaylovna

Master's student

Gorbatov Vladimir Igorevich

Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

THE STYLISTIC ROLE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN FRENCH ADVERTISING TEXTS

Abstract. The article is deals with the study of the linguo-stylistic functions of phraseological units in modern French advertising. The relevance of the work

is determined by the need to study effective language strategies in a highly competitive market. The article examines how the transformation of set phrases serves the purposes of attracting attention, creating a memorable product image and influencing the target audience. The scientific novelty lies in the complex analysis of the pragmatic effect of phraseological play in specific advertising campaigns of recent years.

Keywords: French advertising, phraseological unit, language play, stylistics, pragmatics, creative text, transformation.

В современном медиапространстве рекламный текст выступает как один из наиболее креативных и динамичных видов дискурса, где язык используется не только в информативной, но и в суггестивной, манипулятивной функции. Во франкоязычной рекламной традиции, известной своим вниманием к эстетике слова и изысканности слога, особое место занимает игра с устойчивыми выражениями языка – фразеологизмами. Фразеологизмы, представляющие собой культурно-идиоматическое ядро языка, несут в себе мощный заряд экспрессии, образности и национально-культурного колорита. Их использование и, что особенно характерно для рекламы, сознательная трансформация становятся ключевым инструментом для решения коммуникативных задач: прорыва через «рекламный шум», установления эмоционального контакта с аудиторией и латентного воздействия на потребительское поведение [2, с. 15; 4, с. 8].

Актуальность данного исследования заключается в систематизации стилистических приемов, связанных с фразеологией, на актуальном французском материале, а также в оценке их прагматической эффективности [8, с. 34]. Несмотря на значительное количество работ по фразеологии (В.Г. Гак, А.Г. Назарян) и по языку рекламы (С.А. Христофоров, зарубежные исследователи, например, С. Kerbrat-Orecchioni), комплексный анализ фразеологической игры именно во французском рекламном тексте с позиций лингвистилистики и прагмалингвистики остается востребованным.

Французская фразеология чрезвычайно богата и включает в себя различные типы единиц: идиомы («avoir le coup de foudre» – влюбиться с первого взгляда), пословицы и поговорки («Pierre qui roule n'amasse pas mousse» – под лежащий камень вода не течёт), устойчивые сравнения («fort comme un Turc» – силен/ здоров как бык) и фразовые глаголы (donner sur). Их общими чертами являются образность, целостность значения и эмоционально-оценочный потенциал [1, с. 78]. В рекламе эти свойства приобретают особую

ценность. Фразеологизм выступает как готовый, узнаваемый аудиторией смысловой и культурный «пакет», который можно наполнить новым коммерческим содержанием [3, с. 45]. Использование фразеологизма создает эффект общности между адресантом и адресатом, апеллируя к общему языковому и культурному багажу [9, с. 120].

Прямое, неизмененное цитирование фразеологизма в рекламе встречается реже, чем его творческая переработка. К основным приемам трансформации относятся:

1. Замена одного или нескольких компонентов (субституция). Это самый распространенный прием, позволяющий вписать название бренда или характеристику товара в узнаваемую структуру. Например, слоган сыра «Kiri»: «Kiri fond dans la bouche, pas dans la main». Здесь обыгрывается идиома «fondre dans la bouche» (таять во рту) о нежном продукте, но добавляется контрастный элемент («pas dans la main» – не в руке), который подчеркивает практичность продукта – он не пачкает руки. Реклама сети оптик «Alain Afflelou» использовала слоган «La vue, ça ne se reproduit pas», трансформируя пословицу «L'amour, ça ne se commande pas» (Любовь не приказывают). Замена актуализирует ценность зрения и услуги по его сохранению.

2. Расширение или добавление компонентов. Во фразеологическую структуру вводятся уточняющие слова, усиливающие рекламный посыл. Например, для усилителя сигнала Wi-Fi: «Une connexion qui bat tous les records... de vitesse!». Здесь идиома «battre tous les records» (побить все рекорды) расширяется конкретизирующим дополнением «de vitesse», прямо указывая на ключевое преимущество товара.

3. Контаминация (слияние) двух фразеологизмов или образов. Создание нового, гибридного выражения для большей оригинальности. Например, реклама может использовать конструкцию, смешивающую «prendre son envol» (взлететь) и «donner des ailes» (дать крылья), создавая слоган для авиакомпания или энергетического напитка: «Pour prendre l'envol qui vous donne des ailes».

4. Деформация на фонетическом уровне (паронимическая аттракция). Игра на созвучии компонента фразеологизма и названия бренда [7, с. 104]. Слоган йогурта «Danette»: «Danette se laisse désirer... et se laisse dévorer!». Здесь обыгрывается идиома «se laisser désirer» (заставлять себя ждать), где

глагол «*désirer*» (желать) фонетически и семантически связан с последующим «*dévor*er» (пожирать), создавая цепь: «заставляет себя желать... и позволяет себя съесть».

5. Смысловое обыгрывание буквального и фразеологического значения (ремотивация). Приём, когда внутренняя форма фразеологизма «оживает» и обыгрывается визуально или в тексте [6, с. 45]. Например, реклама водосточных желобов с слоганом «*Quand il pleut, il ne fait pas seulement pleuvoir des cordes...*» (Когда идет дождь, льет не только как из ведра...). Идиома «*pleuvoir des cordes*» (лить как из ведра) получает буквальную визуализацию в контексте проблемы засорения желобов, что подчеркивает необходимость товара.

Указанные приёмы служат выполнению ряда ключевых функций:

1. Аттрактивная (привлечение внимания). Нестандартная трансформация знакомого выражения создает эффект обманутого ожидания, что заставляет адресата остановить взгляд и вникнуть в сообщение.

2. Мнемоническая (запоминаемость). Сочетание знакомого и нового облегчает запоминание слогана и, как следствие, бренда. Фразеологизм выступает как «крючок», на который «навешивается» рекламная информация.

3. Экспрессивно-оценочная. Фразеологизм придает тексту эмоциональную окраску (иронию, восхищение, уверенность), что способствует формированию положительного имиджа продукта.

4. Экономии речевых средств. В сжатой форме, типичной для рекламного слогана, фразеологизм позволяет передать сложную идею, оценку или образ.

5. Культурно-идентифицирующая. Использование «исконно французских» выражений (часто связанных с гастрономией, модой, искусством) создает ауру национальной традиции и качества, что является сильным маркетинговым ходом, особенно для товаров класса «*luxe*» или «*terroir*» [10, p. 189].

Проведенный анализ позволяет утверждать, что фразеологизмы являются мощным и гибким инструментом в арсенале создателей французской рекламы. Их стилистическая роль выходит далеко за рамки простого украшения текста. Посредством целенаправленной трансформации (замены, расширения, контаминации, ремотивации) фразеологические единицы актуализируют свой скрытый образный потенциал и эффективно работают на решение прагматических задач коммуникации [5].

Трансформированный фразеологизм становится узлом, связывающим культурную память аудитории с коммерческим предложением. Он обеспечивает тексту высокую степень воздействия, способствуя его выделению из информационного потока, быстрому запоминанию и формированию эмоционально-позитивного отношения к бренду. Таким образом, игра с фразеологизмами представляет собой не просто лингвистическую виртуозность, а стратегически выверенный приём, глубоко укорененный в механизмах восприятия и особенностях французской лингвокультуры.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Французская фразеология в сопоставительном аспекте. – М.: Либроком, 2010. – 144 с.
2. Кирби-Массера М.А. Языковая игра в современной французской рекламе: дис. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 210 с.
3. Назарян А.Г. Фразеология современного французского языка. – М.: Высшая школа, 1987. – 288 с.
4. Христофоров С.А. Язык французской рекламы. – М.: МГУ, 1999. – 120 с.
5. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales. Tome III. – Paris: Armand Colin, 1994. – 378 p.
6. Le Guern M. Sémantique de la métaphore et de la métonymie. – Paris: Larousse, 1973. – 96 p.
7. Rémy É. Le traitement des expressions figées dans les messages publicitaires // Communication et langages. 2002. № 131. P. 99–110.
8. Тарасова Е.А. Французский рекламный текст: когнитивно-прагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2008. – 189 с.
9. Фомина З.Е. Лингвокультурологические аспекты французской фразеологии. – Н. Новгород: НГЛУ, 2005. – 167 с.
10. Bourgeois M., Tanguy N. La publicité: ses formes, ses acteurs. – Paris: Armand Colin, 2018. – 256 p.

УДК 811.511.11

Костина Дарья Анатольевна

Старший преподаватель

Самойлова Ксения Геннадьевна

Старший преподаватель,

кафедра языков Северной Европы,

ФГБОУ ВО «Российский государственный Педагогический Университет

имени А. И. Герцена»

(г. Санкт – Петербург, Российская Федерация)

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ /
ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «ИГРА»
ПО ДАННЫМ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ ФИНСКОГО ЯЗЫКА**

Аннотация. Изучение особенностей манифестации концепта «игра» в различных языках является составной частью изучения национальной концептосферы различных народов. Лингвистическое, равно как и лингвокультурологическое содержание концепта «игра», представляет несомненную задачу для выявления сходств и различий в концептосфере носителей языков. Являясь основной единицей ментальности, концепт позволяет глубже ознакомить изучающего иностранный язык с культурой страны, с ее особенностями, вызывающими затруднения, наиболее полно усвоить язык. Обучение иностранному языку в настоящее время рассматривается как диалог культур, а, следовательно, национально ориентированные описания языка важны не только в теоретическом плане, но и в аспекте преподавания иностранного языка. По лексикографическим данным слово представляется в совокупности значений, поэтому словарь может считаться важным инструментом исследований. Лексикографические издания выражают содержание концепта и определяют его модели.

Ключевые слова: игра; концепт; лингвистика; исследование; словарь; язык; антропоцентризм.

Kostina Darya G.

Assistant Professor

Samoilova Kseniya G.

Assistant Professor,

Northren Europe Languages Department,

Herzen University

(St. Petersburg, Russian Federation)

LEXICOGRAPHICAL COMPONENT / REPRESENTATION OF THE CONCEPT “GAME” ACCORDING TO THE FINNISH DICTIONARIES

Abstract. Studying the peculiarities of the manifestation of the concept of “game” in different languages is an integral part of studying the national conceptosphere of different peoples. The linguistic and linguocultural content of the concept of “game” presents an undeniable challenge for identifying similarities and differences in the conceptosphere of language speakers. As the basic unit of mentality, the concept allows foreign language learners to become more familiar with the culture of the country, with its peculiarities that cause difficulties, and to learn the language more fully. Foreign language teaching is currently viewed as a dialogue between cultures, and therefore nationally oriented descriptions of language are important not only in theory but also in the context of foreign language teaching. According to lexicographic data, a word is presented as a set of meanings, which is why a dictionary can be considered an important research tool. Lexicographical publications express the content of a concept and define its models.

Key words: game; concept; linguistics; research; dictionary; language; anthropocentrism.

Согласно лингвистическим исследованиям, теоретические поиски в области лексики, изучения способов выявления и семантизации культурной информации, содержащейся в слове, неразрывно сопряжены с практическими целями и реализуются в лексикографии, которая представляет слово в совокупности всех его свойств, а потому словарь является важным инструментом научных исследований. Оформление теоретической лексикографии как научного знания произошло в XX веке, что привело к исследованиям структуры и принципов построения словарей. Анализ словарных дефиниций в словарях при определении модели концепта позволяет проводить исследования, связанные с природой их репрезентации в языке.

Тенденцией последних десятилетий научного познания является возрастающая роль словарей в образовательном и познавательном процессах. В лексикографической практике в полной мере воплощен антропоцентризм современной лингвистики: анализ различных словарей дает объективное представление об организации лексикона человека, о совокупности знаний, хранящихся в его памяти. «Одна из основных функций языка – выражать связанность, сочленённость всего существующего – в словаре проецируется на мир человека и его окружение и служит воспроизведению существующих в этом мире отношений и зависимостей» [3, с. 422].

Как отмечают авторы очерков о словарях русского языка «Вселенная в алфавитном порядке», словари в своей совокупности систематизируют наши знания о языке и о мире в данную эпоху, материализуют культурную память народа, они являются особым культурным объектом. В словарной форме воплощаются различные фрагменты языковой картины мира, уровни языковой системы, разнообразные аспекты научного знания. [1, с. 23].

Указанные знания находят свое отражение в типологии словарей, объеме словника, в способе представления лексикографируемого материала, в структуре и элементах словарной статьи.

Отечественная лексикография предоставляет сегодня адресату словарной информации широкий спектр самых разнообразных словарей, что позволяет всесторонне рассмотреть как словарный состав языка в целом, так и отдельные лексические единицы. Богатство лексикографических источников способствует более глубокому раскрытию содержания концептов языка.

Современные лингвисты подчеркивают, что для наиболее полного описания конкретного концепта в языке помимо дефиниций толковых, исторических словарей и данных ассоциативных словарей, необходимо также рассматривать деривационные связи лексемы, а также ее сочетаемость в повседневном употреблении.

Толковые словари – это ценный источник сведений как о повседневной жизни людей, проявляющейся в обыденных, повторяющихся событиях, так и о значимых достижениях общества в культуре, науке, технике и экономике. Они систематически документируют лексику языка, отражая реальность, разнообразные жизненные ситуации и общественные явления. Информация в толковых словарях является точной, соответствует действительности, а также понятна для широкого круга читателей.

Таким образом, лексикографическое описание лексемы, вербализующей концепт, предполагает:

- 1) сбор и сравнение дефиниций толковых словарей;

- 2) использование данных ассоциативных словарей;
- 3) рассмотрение деривационных связей лексемы;
- 4) анализ сочетаемостных особенностей лексемы.

Поэтому представляется оправданным рассмотрение национально-культурного содержания концепта «ИГРА» именно с точки зрения анализа его отражения в толковых словарях в качестве словарных статей.

Финские словари представляют собой интересный материал для исследования. В толковых словарях представлена самая широкая и разноаспектная информация о слове - они содержат сведения о грамматических характеристиках лексических единиц, отражают основные характеристики семантической структуры слова, системы его значений, в них представлены представления народного познания, находившие свое отражение в разные исторические эпохи.

Понятие «игра» находит широкое отражение и истолкование в различных толковых словарях языка. Для исследования лексикографического представления концепта «игра» были рассмотрены словарные статьи к слову «игра» в следующих толковых словарях финского языка:

- NYKYSUOMEN SANAKIRJA [7,8,9];
- Suomen kielen sanakirja [10];
- UUSI SUOMEN KIELEN SANAKIRJA [6];
- NYKYSUOMEN keskeinen SANasto [5];
- Nykysuomen sanakirja on-line. [4]

Необходимо отметить, что в финском языке для русского слова «игра» есть четыре независимые друг от друга лексические единицы: LEIKKI, PELI, ESITYS, SOITTO. В каждом слове представлено одно значение русского слова игра, кроме того, каждое финское слово многозначно.

Для системного анализа предлагается разбить слова по колонкам и рассмотреть их значения сквозь призму всех толковых словарей.

Концепт «LEIKKI» по данным толковых словарей

Обратившись к описанию концепта «LEIKKI» в финском специфическом мировидении, необходимо отметить, что финны используют «LEIKKI», когда говорят о детских шалостях, занятиях, о чём-либо лёгком, доступном. Для того, чтобы выявить, какими смыслами наполнен концепт, обратимся к рассмотрению лексемы «LEIKKI» в финских толковых словарях, представленных в таблице 1.

Таблица 1

NYKYSUOMEN SANAKIRJA	Игра 1. Детская деятельность. Форма деятельности, которая подчиняется определенным правилам и не имеет иной цели, кроме удовольствия, которое эта деятельность доставляет; игрища между детёнышами животных; также о подобных развлечениях взрослых (молодежи); соревнование, иногда также игра. Работа и игра. Обратить что-то в шутку <i>Выделяются составные слова: народные -, детские игры, загадывать загадки, бросать мяч, состязаться в беге, игра в мяч, игра в карты, игра с куклой, игра с шифрами, игра в мяч, игра в индейцев, игра в бандитов, детективные игры, игра с поездами, игра с кораблями, игра в мельницу, военные игры, играть на природе, играть в доме, играть на улице, водные игры, рождественские игры, игры на Ивана Купалу, летние -, весенние-, зимние -, игры, певческие игры, банковские игры, колонные игры, спортивные игры</i> 2. Расширение употребления: а. простая работа, что-либо легкое, беззаботное – <i>работа была для него игрой</i>. Это не место для игры. Это далеко от игры. б. подшучивание, острота, остроумное выражение, юмор, шутка. <i>Сущая игра. Говорить играя, переводить разговор, дело в игру.</i> 3. Наречие (в выражениях) играючи – просто, беззаботно. <i>Он учится играючи.</i>
Suomen kielen sanakirja	Игра 1. Занятие, которым занимаются дети, особенно для развлечения, и чтобы скоротать время, без какой-либо внешней цели. 2. Шутка, розыгрыш: игривая речь. <i>Не злился на игру. Это была всего лишь игра. Не принимай игру всерьез.</i> 3. Когда речь идет о чем-то, требующем серьезного отношения: <i>Война — это не игра. Это далеко не игра. Это серьезное дело.</i> Игра (в составных словах): 1. Миниатюрная модель или другая маленькая (грубая) копия. <i>Игрушечная лошадка. Игрушечный пистолет.</i> 2. Связанное с игрой: <i>Товарищ по игре.</i>
UUSI SUOMEN KIELEN SANAKIRJA	Игра 1. Занятие, которым занимаются преимущественно дети без какой-либо внешней цели, ради раз-

	влечения, и чтобы скоротать время. 2. Шутки, розыгрыши; игровая речь. <i>Не злись на игру! Это была всего лишь игра, это не по-настоящему.</i> 3. Когда речь идет о чем-то, требующем серьезного отношения: <i>Война — это не игра. Это далеко не игра, это настоящее, серьезное дело.</i> Игра (в составных словах): 1. Миниатюрная модель или другая маленькая (грубая) копия. <i>Игрушечная лошадка. Игрушечный пистолет.</i> 2. Связанное с игрой: <i>Товарищ по игре</i>
NYKYSUOMEN KESKEINEN SANASTO	Игра 1. Занятие, которым занимаются дети без какой-либо внешней цели, просто ради развлечения, и чтобы скоротать время. Я наблюдала за игрой детей. Мальчики снова пришли испортить нам игру. 2. Шутки, розыгрыши; шутливая речь. <i>Мама, не злись из-за игры! Это всего лишь игра, она не по-настоящему.</i> 3. Когда речь идет о чем-то, требующем серьезного отношения: <i>Война — это не игра. Это далеко не игра, это серьезное дело.</i>
Nykysuomen sanakirja on-line	Игра 1. Детские развлекательные занятия, не имеющие никакой полезной цели, иногда также в специфической форме и с соблюдением определенных правил. <i>Детские игры, игры котят.</i> 2. перен.а. Легкое, не требующее усилий, безвредное, веселое, легкомысленное и т. д. занятие. <i>Работа шла как по маслу. Особ. Прелюдия</i> б. О деятельности, требующей силы. <i>Политика — сложная игра.</i> с. Природные явления, мыслительные движения и т. д. <i>Игра волн, теней</i> д. шутка. <i>Невинная игра.</i> 3. обыкн. Мн.ч. игровая площадка с игрушками. <i>Игры [= игрушки] разложены в гостиной.</i> от вида деятельности (част.) (<i>игрушечная свадьба, игрушечная война</i>); от предметов (част.) (<i>игрушечный, игрушечный</i>); «игриво» (<i>игрушечный</i>) (<i>игрушечный поезд, игрушечный корабль</i>).

Сопоставив словарные статьи в пяти финских словарях, можно увидеть, что у слова **Leikki** существует сложившееся ядро значений, не изменяющееся на протяжении почти полувека.

Особенностью финского словаря **NYKYSUOMEN SANAKIRJA** является богатый материал сочетаемости лексемы **Leikki** [2, с.102].

В остальных словарях представлены сходные толкования слова **Leikki**, мало отличающиеся от словаря **NYKYSUOMEN SANAKIRJA**. Это подчёркивает ещё и тот факт, что финский язык не подвергается быстрым изменениям.

Словарь **NYKYSUOMEN SANAKIRJA** был создан специально как образец правильного употребления слов, их объяснения и возможной сочетаемости.

Таким образом, сопоставив значения слова **Leikki**, можно говорить о том, что оно является многозначным и соответствует значению русского слова ***игра*** - *Действие по глаголу играть (забавляться, резвиться) // Деятельность, занятие детей.*

Кроме того, существует дополнительное, переносное значение, означающее в финском языке *Подшучивание, острота, остроумное выражение, юмор, шутка. Говорить играя, переводить разговор, дело в игру*, полностью соответствующее толкованию в русском языке.

Сопоставив сочетаемость слов в русском и в финском языках, можно отметить, что в финском мировидении, помимо устойчивых сочетаний (**народные -, детские игры; рождественские игры** и т.д.), есть и **игры на Ивана Купалу, летние -, весенние-, зимние -, (но не осенние!) игры, игра в мельницу** и т.п. Выделяются те виды игр, которые присущи только финской культуре.

Концепт «PELI» по данным толковых словарей

Для того, чтобы подтвердить предположение о том, что концепт «PELI» связан у представителей финской культуры со спортом, спортивными играми, азартными играми, обратимся к значениям лексемы «PELI» в финских толковых словарях, представленных в таблице 2.

Таблица 2

NYKYSUOMEN SANAKIRJA	Игра 1. Для развлечения в смысле спорта как особого испытания (навыков, сообразительности, рассудительности и т. д.), в частности, от действий, практикуемых как матч, соревнование, которые следуют определенным правилам, в которых в качестве вариантов используются различные карты, фишки, мячи и т. д.; также; <i>соревнование, игра</i> Игра, в которую играют два или более человек. <i>Легкая, увлекательная игра.</i> Игра, требующая силы, скорости, сообразительности. <i>Принимает участие в игре. Начинает, открывает, прерывает, заканчивает игру. Выигрывает, проигрывает в игре. Соблюдает правила игры. Практикует мошенничество в игре.</i> Военный спорт; национальная игра; развлечение, клубные игры. <i>Детские игры.</i> <i>Проигрывает деньги в игре. Домино, игра на удачу, настольные игры, карточные игры, игра на деньги.</i> 2. Спортивные игры и соревнования: футбол, хоккей, баскетбол, волейбол, бейсбол. 3. Игра, матч, соревнование, проводимое определенное количество раз и образующее самостоятельную сущность. Старт, остановка. II. поп. - игра на музыкальном инструменте. <i>Скрипка начала играть.</i>
Suomen kielen sanakirja	Игра Игры для отдыха и спортивные игры (также как игровое оборудование) — <i>Поиграть в какую-то игру. Игра была прервана из-за сильного дождя. Игра закончилась ничьей 2-2. Я поставил все на игру. Это сложная игра. Следить за игрой. Смотреть игру. Потеряя. Игра для вечеринки. Карточная игра. Азартные игры. Футбол. Хоккей. Баскетбол. Волейбол. Бейсбол. Командная игра. Индивидуальная игра. Игра на открытом воздухе. Игра в помещении. Игра на пас. Игра на атаку. Начальная игра. Конечная игра. Ничья.</i> 2 В некоторых видах спорта — период времени, в течение которого отдель-

	ные игроки или команды соревнуются друг с другом; подача, раунд игры; в теннисе — подача. 3 Теннисный матч состоит из трех или пяти сетов, каждый из которых включает шесть партий Игра (в составных словах) <i>Игровое поле находится в плохом состоянии. Теперь ваша очередь.</i>
UUSI SUOMEN KIELEN SANAKIRJA	Игра 1. Развлекательные и спортивные игры и игры (также как игровое оборудование). <i>Давайте сыграем в игру. Следуя правилам игры. Игра начинается. Игра окончена. Игра была прервана из-за сильного дождя. Проиграть в игре. Игра закончилась ничьей 2-2. Это сложная игра. Следуйте правилам игры. Потеря. Игра для вечеринки. Карточная игра. Азартная игра. Игра в козыри. Футбол. Хоккей. Баскетбол. Волейбол. Бейсбол. Командная игра. Индивидуальная игра. Игра на открытом воздухе. Игра в помещении. Игра на пас. Атакующая игра. Начальная игра. Конечная игра. Ничья. 2. В некоторых видах спорта период времени, в течение которого отдельные лица или команды соревнуются друг с другом. Иннинг, бросок, раунд игры</i> Игра (в составных словах) <i>Границы игровой площадки обозначены меловыми линиями. Игровое поле находится в плохом состоянии. Теперь ваша очередь.</i>
NYKYSUOMEN KESKEINEN SANASTO	Игра Игра в развлекательные и спортивные игры (также как игровое оборудование); <i>соревнование, матч, состязание, турнир, матч. Давайте сыграем в игру. Следуя правилам игры. Игра начинается. Игра закончилась. Игра была прервана из-за сильного дождя. Проиграть в игре. Игра закончилась ничьей 2-2. Это сложная игра. Следите за игрой. Потеря. Игра для вечеринки. Карточная игра. Азартные игры. Игра в козыри. Футбол. Игра в хоккей. Игра в баскетбол. Игра в волейбол. Игра в бейсбол. Командная игра. Индивидуальная игра. Игра на открытом воздухе. Игра в помещении. Игра на передачу. Игра в атаку. Начальная игра. Конечная игра. Ничья. 2. Во многих видах спорта — период времени, в те-</i>

	чение которого отдельные лица или команды соревнуются друг с другом; <i>Подача, раунд игры; в теннисе — подача. Теннисный матч состоит из трех или пяти сетов, каждый из которых состоит из шести партий.</i>
Nykysuomen sanakirja on-line	Игра суи 1. Соревнования, проводимые в качестве развлечения, имеющие фиксированную форму и правила, т. е. игры, в которых в качестве средства используются карты, фишки и т. д.; также используемое в них оборудование. <i>Карточные игры, игры в кости. Видеоигры, компьютерные игры.</i> 2. Соревнования, проводимые как спортивные игры, с использованием мяча и т. д. в качестве средства. <i>Игры с мячом, ракеткой.</i> 3. Матч, который представляет собой самостоятельную единицу и играется фиксированное количество раз в соревновании; игра, способ игры. <i>Игры в серии матчей.</i> 4. Соревновательный период с фиксированным результатом. <i>Первая игра второго сета теннисного матча.</i> 5. образн. <i>Президентская гонка</i> 6. обыкн.а. О соперничестве, играх, поддразниваниях; об интригах, заговорах. <i>Игра взглядом</i> 6. Способ, средство, уловка. <i>В этой игре работа никогда не заканчивается.</i> 6. О средствах передвижения, работе; общ. об оборудовании, устройстве, приспособлении, инструменте. <i>Бег, игра в лошадей.</i>

Сопоставив словарные статьи в финских словарях, можно увидеть, что у лексемы **Peli** также существует сложившееся ядро значений. Во всех словарях выделяются следующие значения:

1) занятие спортом, спортивное состязание, встреча, матч, соревнование;

2) спортивные состязания и игры;

3) игра с собственным комплектом для игры, игра для двоих.

Кроме того, у словаря **NYKYSUOMEN SANAKIRJA** выделяется второй, устаревший комплекс значений, не подтверждённый ни в одном из последующих словарей:

– игра на музыкальном инструменте: *Скрипка начала играть.*

В он-лайн словаре Nykysuomen sanakirja добавилось значение *президентская игра/гонка*, обозначающее, исходя из приводимых примеров, не только предвыборную гонку, но и в целом политическую деятельность.

Можно предположить, что изначально лексемы **Peli** и **Soitto** были синонимами и обозначали одни и те же понятия, однако в скором времени они разделились на два не связанных друг с другом значения, стали употребляться в разных контекстах и, таким образом, сформировали различные концепты.

В словарях Suomen kielen sanakirja [10, с. 232] и UUSI SUOMEN KIELEN SANAKIRJA [6, с.176] выделяются ещё и составные слова с лексемой **Peli**, которые уже встречались в словаре NYKYSUOMEN SANAKIRJA [8, с. 250-251]:

Peli- (yhdyssanoissa) *Pelikenttä on huonossa kunnossa. Nyt on sinun pelivuorosi.* Площадка для игр в ужасном состоянии. Сейчас твоя очередь.

Таким образом, лексема **Peli** обладает набором устойчивых значений и употребляется исключительно в том случае, если речь идёт о спорте, каких-либо сражениях, турнирах и состязаниях. Всё, что связано со спортивными соревнованиями, играми, матчами, встречами собрано в единый концепт, сформированный вокруг лексемы **Peli**.

Концепт «ESITYS» по данным толковых словарей

Концепт «ESITYS» может быть переведён на русский язык как «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ». Суть понимания «ESITYS» представлена в финских лексикографических источниках из таблицы 3.

Таблица 3

Suomen kielen sanakirja	Игра 1 Публичное выступление или мероприятие; художественная интерпретация. <i>Танцевальное представление. Захватывающее выступление пианиста. Выступление команды на этот раз не оправдало ожиданий.</i> 2. Лингв. см. <i>прямое исполнение, косвенное исполнение.</i> 3. Предложение, инициатива, начало. <i>Астасия был выдвинут председателем. Новый законопроект вызвал оживленную дискуссию.</i> 4. Презентация, представление, показ. <i>На показ фильма пришло много людей. Осенние показы мод в Париже.</i> 5. Репортаж, описание, обзор. Журналистское освещение текущей ситуации в стране.

UUSI SUOMEN KIELEN SANAKIRJA	Игра 1 Публичное выступление или мероприятие; художественная интерпретация. <i>Танцевальное представление. Захватывающее дух выступление пианиста. Выступление группы на этот раз не оправдало ожиданий.</i> 2. лингв. см. прямое исполнение, косвенное исполнение. 3. предложение, инициатива, начало. <i>Вопрос был вынесен на голосование по предложению председателя. Новый законопроект вызвал оживленную дискуссию.</i> 4. Презентация, представление, показ. <i>На показ фильма пришло много людей. Осенние показы мод в Париже.</i> 5. Репортаж, описание, обзор. Журналистское освещение текущей ситуации в стране.
NYKYSUOMEN KESKEINEN SANASTO	Игра 1 Публичное выступление или мероприятие; художественная интерпретация. <i>Я был очень доволен вашим танцевальным выступлением. Мы слушали захватывающее дух выступление пианиста. В выступлении группы не было ничего плохого.</i> 2. В прямом исполнении используются кавычки, в косвенном исполнении высказывания других пересказываются своими словами. 3. Предложение, инициатива, начало. <i>Вопрос был вынесен на голосование на основе предложений председателя. Новый законопроект вызвал оживленную дискуссию.</i> 4. Презентация, представление, показ. <i>На показ фильма пришла большая аудитория. Осенние показы мод в Париже вернулись.</i> 5. Отчет, описание, рецензия, репортаж. <i>Помните, это была всего лишь презентация журналиста о текущей ситуации в стране!</i>

Обратившись к сравнению толкований лексемы **Esitys** в толковых словарях финского языка, можно отметить, что во всех рассмотренных словарных статьях выделяется пять значений:

1. Исполнение, художественное выражение: *Исполнение танцевального элемента. Выступление пианиста.*

2. (в разговорном языке): *Искренность, неискренность.*
3. Проект, предложение, инициатива: *Новый законопроект был поддержан большинством участников.*
4. Мероприятие, выставка: *Выставка фотографий привлекла большое количество посетителей.*
5. Отчёт, доклад, очерк, описание: *Просмотр книг в библиотеке.*

Таким образом, **Esitys** представляет собой выражение концепта «Игра» в плане представления, выставления чего-либо. Кроме первого значения (всё же представляющего в какой-либо степени игру) у **Esitys** сформировались переносные значения – *Искренность, неискренность*, и вторичные наименования - *проект, предложение, инициатива; мероприятие, выставка и отчёт, доклад, очерк, описание*. Все определённые значения приводят к тому, что концепт **Esitys** в финском языке является самым отдалённым от общего рассматриваемого концепта «ИГРА».

Концепт «SOITTO» по данным толковых словарей

Возможность существования в финском мировидении концепта «SOITTO» связана с огромным пластом реалий, относящихся к музыкальной культуре финнов. Для смыслового наполнения данного концепта логичным представляется рассмотрение основных значений, относящихся к лексеме «SOITTO» в таблице 4.

Таблица 4

Suomen kielen sanakirja	Игра на музыкальном инструменте. Преподаватель музыкальных инструментов. Издалека слышен звон церковных колоколов. После третьего звонка начинается представление. Игра на фортепиано, скрипке, пиле. Звонок телефона. Звонок будильника. Вечерний звонок. Завершение звонка. Игра ртом. Музыкальный инструмент (в составных словах) Музыкальное выступление ребенка. Музыкальное хобби. Короткое музыкальное произведение. Музыкальный конкурс. Знак музыкального инструмента. Музыкальные пособия. Музыкальный инструмент. Музыкальный номер. Прилежный ученик-музыкант. Музыкальная игра. Музыкальная шкатулка. Мастер игры. Методика игры. Посещать уроки музыки раз в неделю.

UUSI SUOMEN KIELEN SANAKIRJA	Игра на музыкальном инструменте. Учитель музыки. Издалека слышен звон церковных колоколов. После третьего звонка начинается представление. Игра на пианино, скрипке, пиле. Звонок телефона. Исполнение (в составных словах) детского музыкального произведения. Короткое музыкальное произведение. Музыкальный инструмент. Музыкальный номер. Музыкальная игра. Музыкальная шкатулка. Как играть. Брать уроки музыки раз в неделю.
NYKYSUOMEN KESKEINEN SANASTO	Игра 1. Игра на музыкальном инструменте 2. Звон колокола, сирены
Kielitoimiston sanakirja on-line	Игра сущ. 1. Игра; звук музыкального инструмента (инструментов); игра. <i>Пение и игра. Образн. Играющие сверчки.</i> 2. Сигнал. <i>Проснуться от звука будильника.</i> 3. Контакт по телефону, телефонный звонок. <i>Звонок матери подтвердил дело.</i> 4. Обыкн. То же самое, игра без перерыва.

В Новом финско-русском словаре [2, с.723] (который даёт определения 1. музыка, игра на чём-либо, 2. звон, 3. звонок) можно анализировать «**Soitto**» в его исторической парадигме от представления в выделенных в исследовании словарях.

В словаре Suomen kielen sanakirja [10, с. 328]. Чёткого разграничения по значениям, как, например, в русском словаре, нет. Здесь значение одно – игра (soittaminen). А вот примеры позволяют выявить употребление слова «**soitto**» по следующим значениям: 1. **Игра** на музыкальном инструменте 2. **Звон** церковных часов, звон пилы или звук, раздаваемый пилой (хотя словосочетание «звон пилы» входит в один ряд с игрой на пианино, скрипке). 3. **Звонок** телефона, вечерний звонок, представление начинается после третьего звонка.

Кроме того, для исследования интересны сочетаемости *Soittopeli* (игра на музыкальном инструменте) и *Soittoesitys* (представление музыкального произведения, игра на музыкальном инструменте на публике). Они являются взаимосвязанными словами, смысловое ядро которых приходится на *Soitto*. Первичное смысловое значение определяет их музыкальную направленность.

В статье к *Soitto* [6, с. 343] указано идентичное описание и употребление этого слова. За два года, в финской культуре, языке, а, следовательно, и

в концептосфере финского языка, *Soitto* не произошло никаких изменений: нет разграничения по значениям, статья целостная, с подобными примерами сочетаемости.

Иное трактование *Soitto* отмечено в словаре [5, с. 934]. Здесь у слова представлены два чётких значения: 1. музыкальная **игра** 2. **звон** часов, **звучание** сирены. В данном концепте наблюдается процесс семантического развития: первичное значение связано с игрой, вторичное – с акустическим явлением. *Soitto* является многозначным и соответствует значению русского слова *игра* – *исполнение музыкального произведения на одном или нескольких музыкальных инструментах*.

У *Soitto* есть довольно прямая и однозначная направленность в музыкальную сферу жизни. Его выберут из синонимичного ряда «LEIKKI», «PELI», «ESITYS», «SOITTO» только если речь идёт о музыке, об игре на музыкальных инструментах, о их звучании, и звоне. *Soitto* изначально обозначало игру на музыкальном инструменте, звон, звучание чего-либо, а в дальнейшем средством выражения значения звучания было избрано синонимичное слово **Soittaminen**.

Все это показывает, что в финском языке существуют определения, встречающиеся во всех рассматриваемых словарях, однако, существуют и дефиниции, представленные в некоторых. Связано это с изменением значений в зависимости от времени создания словаря.

Рассмотрев представления слов «игра» в толковых словарях, можно прийти к заключениям о том, что наполнение концепта игра у представителей финской культуры говорит о картине мира, представленной в финском сознании. Носители финского языка образно относят свои концепты «LEIKKI», «PELI», «ESITYS», «SOITTO» к различным сферам жизнедеятельности – детской, спортивной, сценической и музыкальной, чему свидетельствует употребление той или иной лексики в соответствующем контексте.

Библиографический список

1. Козырев, В.А. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях рус. яз. / В.А. Козырев, В.Д. Черняк. - Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. — Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2000. — 356 с. - ISBN 5-8064-0268-1.

2. Коппалева, Ю.Э. Новый финско-русский словарь: около 50000 слов и выражений / Ю.Э. Коппалева. - Ин-т яз., лит. и истории Карел. науч. центра Рос. акад. наук. - Санкт-Петербург : М.Г.В., 2001. - 883 с. - ISBN 5-8021-0160-1.

3. Шведова, Н.Ю. Русский язык: Избранные работы / Н.Ю. Шведова. - Российская Академия Наук; Отделение историко-филологических наук; Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Москва : Языки славянской культуры, 2005. – 640 с. – ISBN 5-88744-0570.

4. Kotimaisten kielten keskus : [Kielitoimiston sanakirja. - Helsinki](#), дата обращения 16.01.2026. – Текст электронный.

5. Nurmi, T. NYKYSUOMEN keskeinen Sanasto / T. Nurmi. – Big Sur OY ja Gummerus Kustannus OY. – Jyväskylä : 2004. – 1239 с.

6. Nurmi, T. UUSI SUOMEN KIELEN SANAKIRJA / T. Nurmi. – Big Sur OY. Gummerus Kustannus OY. – Jyväskylä: 1998. – 1344 с.

7. NYKYSUOMEN SANAKIRJA: lyhentämätön kansanpainos B 6 T. T.1. A-K / M. Sadeniemi. – Helsinki : WSOY, 1966. – 735 с.

8. NYKYSUOMEN SANAKIRJA: lyhentämätön kansanpainos B 6 T. T.2. L-R / M. Sadeniemi. – Helsinki : WSOY, 1966. – 840 с.

9. NYKYSUOMEN SANAKIRJA: lyhentämätön kansanpainos B 6 T. T.3. S-Ö / M. Sadeniemi. – Helsinki : WSOY, 1966. – 806 с.

10. Suomen kielen sanakirja. Big Sur OY ja Gummerus Kustannus. Jyväskylä : 1996. – 863 с.

УДК 811.111.373

Лызлов Алексей Игоревич

*Старший преподаватель 16 кафедры иностранных языков,
Военная академия войсковой противовоздушной обороны
Вооруженных Сил Российской Федерации
(г. Смоленск, Российская Федерация)*

КОЛОРАТИВ «СИНИЙ/ГОЛУБОЙ» В АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Аннотация. Предлагаемая статья направлена на сравнительно- сопоставительный анализ фразеологизмов английского и русского языка с базовым компонентом-колоративом «синий/голубой».

Ключевые слова: английские фразеологизмы, русские фразеологизмы, универсалии, уникалии.

Lyzlov Alexey Igorevich
Assistant Professor, 16th Department of Foreign Languages
The Russian Federation Armed Forces Army Air
Defense Military Academy
(Smolensk, Russia)

COLORATIVE “BLUE/GRAY” IN ENGLISH AND RUSSIAN PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS

Abstract: This article aims to provide a comparative analysis of English and Russian phraseological expressions with the basic colorative component “blue/gray”.

Keywords: English idioms, Russian idioms, universals, unique idioms.

Символика цвета с древних времен играла важную роль в образном описании языков. Колоративы – это слова, имеющие значение цвета. Поэтому колоративы объективно являются релевантными элементами фразеологии. Проблематикой отражения колоратива в языке и речи с фразеологических позиций занимались многие исследователи (А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова; В.И. Карасик и мн. др.) [1; 2; 3].

Колоратив «синий» занимает важное место по количеству его задеирования в английской фразеосистеме. Модная сегодня фраза *highly likely* (русск.: «весьма вероятно») имеет в английском языке антоним с колоративом «синий»: *once in a blue moon* (дословно – «однажды под голубой лунной»). Данная фраза описывает очень редкие явления, реальность наступления которых вызывает большие сомнения у говорящего. В русском языке подобную ситуацию описывает фраза с элементом анималистического характера (русск.: «когда рак на горе свистнет»).

В художественном произведении 1997 года Лоуренса Дугласа «Семейный роман» представлен разговор отца и сына: *Father said ... «I didn't hear any objections when we bought you that new Jetta ... God forbid you should drive an hour and visit us more than **once in a blue moon**. (COCA)*

Сын вырос, ему купили дорогую машину, и он погрузился в мир развлечений, отец пеняет ему на то, что он совсем забыл своих родителей, не может найти времени, чтобы заехать к ним хоть изредка хотя бы на час.

Русская фраза с элементом-колоративом «красный» и представителем фауны – «как красная тряпка для быка» в английском языке имеет следующий вариант адекватного перевода. Это единица, которая описывает ситуацию, называя триггер негативной и агрессивной реакции на какую-либо ситуацию. Данный смысл имеет фразеологическая единица *light the blue touch of paper*. Внутренняя форма данной единицы требует пояснения. Синей бумагой здесь именуется бумага, используемая для розжига. Образ возникающего огня созвучно образу резко возникающей и проявляющей себя агрессии и злости.

Синее небо – это образ, описывающий безмятежность и безопасность. Тем более неожиданными являются для человека возникающие отсюда угрозы. Данную ситуацию описывают английские фразеологические единицы: *out of the blue, out of a clear blue sky, like the bolt from the blue*. (дословно – «с неба, с ясного синего неба, как молния в синем небе»). Данные синонимические фразы описывают ситуацию, когда в спокойно изначально обстановке возникает негативный фактор, неожиданная, непредсказуемая угроза.

Универсалия «синиц чулок», описывающая строгих незамужних женщин, старых дев, в английском языке имеет вид *a blue stocking*. Данная единица в русском является калькой с английского термина.

Недавно появившаяся единица, термин, означающий высоконадежные ценные бумаги, приносящие стабильную гарантированную прибыль, называются «голубые фишки» – *blue chips*. Данная фраза калькируется в русском языке уже в конце двадцатого века с развитием капиталистической финансовой системы и активно используется в деловых кругах по сей день.

Негативная оценка фаворитизма, когда человек пользуется благосклонностью, влиятельного лица в корыстных целях, получает от него различные привилегии и в свою очередь оказывает на него влияние описывает единица *someone's blue-eyed boy* (дословно – чей-либо голубоглазый мальчик).

Черновой план, набросок, документ, не получивший официальной апробации описывается термином, не имеющим аналогий в русском языке *a blue print* (дословно – калька). Это термин восходит к концу девятнадцатого века, это технический термин, означающий кальку, синюю бумагу, на которую наносились чертежи.

Ситуация, описывающие отчаянные и бесплотные попытки выполнить определенную задачу, преимущественно связанную с затратами физических усилий, описывает английская фразеологическая единица *until you*

are blue in the face (дословно – пока лицо не посинеет). В русском языке есть схожая единица – «пока не посинеешь». Она задействует описываемый колоратив, только в русском языке используется все тело, в английском же используется только часть – лицо.

Фразеологическая единица, восходящая к греческому эпосу, которая в русском языке имеет вид «между Сциллой и Харибдой» имеет в английском языке эквивалент *between the devil and the deep blue sea*. В нем сохраняется ситуативная составляющая, описывающая опасность нахождения между двумя потенциально враждебными человеку сущностями. Только в античном варианте предстают два мифических чудовища, тогда как в английской фразеологической единице имеют место одна трансцендентальная религиозная сущность – дьявол и имманентная среда – море, которое для островитян всегда была источником бед.

«Синяя бездна» – метафора, описывающая небо и море, неизведанная опасная среда, данный термин использовали изначально моряки, а затем и авиаторы для описания опасных путешествий в таинственных, дальних неизведанных пространствах. Такова содержательная основа единицы *into the wild blue yonder* (дословно – «в далекую дикую синеву»).

Ситуация, в которой описывается беспокойство, суэта и неразбериха, сравнима с той, когда кто-либо во весь голос кричит об убийстве, как об этом повествует фразеологическая единица *scream blue murder* (дословно – «кричать «голубое убийство»»).

Отметим, что с английского языка слово *blue* переводится на русский и как «синий», и как «голубой». Соответственно, правомерно осуществить сопоставление английских фразеологизмов с компонентом *blue* и русских – с компонентами «синий» и «голубой».

Заимствованная из французской литературы единица «*синяя борода*» дает негативное оценочное описание ревнивому мужчине. Еще одно европейское заимствование – *голубая кровь* – берет свое начало в предрассудках средневековья. Считалось, что люди благородного происхождения обладают определёнными качествами, отличающими их от простолюдинов. Характерный цвет крови был одним из них.

Описываемую единицу использовал еще классик русской литературы Иван Бунин в произведении Жизнь Арсеньева. Юность: «*И ещё сказать, каковы эти «молодые господа»: они неучи, бездельники, нищие, всё ещё думающие, что они голубая кровь, единственно высшее, благородное сословие*».

В предлагаемой цитате дается негативная оценка выродившемуся к началу двадцатого века дворянству, единственным преимуществом которого, по их собственному мнению, было их благородное происхождение.

Фразеологизм **синяя птица**, имеет синоним «птица счастья». Данная единица описывает как нечто весьма желанное, но и труднодостижимое. Это весьма популярный в двадцатом веке фразеологизм, представленный как в текстах лирики, так и художественной прозы. **Голубая мечта** – данная единица семантически связана с фразеологизмом, описанным выше.

Известный педагог А. С. Макаренко в своем произведении «Педагогическая поэма» дает разъяснение происхождению описываемого фразеологизма: *«Синяя птица» – драма-сказка бельгийского драматурга Мориса Метерлинка (1862-1949), в которой дети ищут синюю птицу – символ счастья».*

Гори всё синим пламенем – данная весьма экспрессивная фразеологическая единица описывает ситуацию отчаяния, когда человек отказывается от своих намерений ввиду невозможности достичь желаемого. Отказ от мечтаний и планов неизменно сопровождается сожалением, неприятием жизненной ситуации, а иной раз и агрессией.

Так, Татьяна Леонтьева в рассказе «Измена» вышедшем в журнале Октябрь в 2013 году создает ситуацию, идеальную для использования данной фразеологической единицы: *«Правда? Танечкин, приезжай в гости, – говорит Светка. А приеду! – вдруг решаю я. Приеду, и гори она, работа, синим пламенем. Я приеду в Москву просто так. К Светке в гости!»*

Синеватый отблеск телевизионных экранов порождает фразеологизмы **голубой экран** и **голубой огонек**. Последняя единица до сих пор является названием популярной новогодней телепередачи, ежегодному песенному конкурсу.

Голубые береты – неофициальное название подразделений особого назначения воздушно-десантных войск армии Российской Федерации. Данное название берет начало от характерного цвета головных уборов военнослужащих описываемого рода войск – голубых беретов.

Негативную оцениваемую ситуацию имеет фраза **на голубом глазу**. Она описывает двуличного неискреннего человека, который притворяется несведущим в каком-либо вопросе, либо осуществляет неблагоприятное порицаемое действие, прикрываясь неведением об отрицательных эффектах своих поступков.

Александра Маринина в своем произведении 1996 г. «Иллюзия греха» предлагает контекст, в котором она употребляет интересующую нас единицу: *«Но, с другой стороны, уж очень предусмотрительным и опасным был неуловимый убийца, так что следовало где только можно предотвратить утечку информации. Как знать, кому можно доверить секрет и попросить молчать, а кому нельзя? Всем в душу не заглянешь... Я хочу понять, какой была сестра Марфа, — солгала Настя на голубом глазу»*.

Выводы.

Как в английской, так и в русской фразеосистемах существуют единицы, базовым элементом которых является колоратив «синий». Существуют универсалии, единицы, присутствующие в большинстве современных языков, в том числе и в сопоставляемых в данной работе (синя борода, голубая кровь, синий чулок). Существуют и уникалии, единицы, обладающие особой образностью и значением, присущим только одному из сопоставляемых языков. Необходимо отметить, что сопоставляемые единицы активно используются в письменной речи – в произведениях художественной литературы.

Библиографический список

1. Бакина, А.Д., Федуленкова, Т.Н. Тенденции развития и проблемы современной фразеологии / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2024. – № 78. – С. 68–84. – URL: <https://scinetwork.ru/issues/2037> (дата обращения: 10.01.2026).
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. ISBN 5–88234–552–2.
3. Контанистова, А.И., Федуленкова, Т.Н. Семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом в английской деловой терминологии / А.И. Контанистова, Т.Н. Федуленкова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2023. – № 3 (114). – С. 139–155. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2023-3-114-12>

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ИДИОМ С КОМПОНЕНТОМ *LAW*

Аннотация. Выявлено, что закон концептуализируется как пространство, предмет действия, препятствие для нежелательного поведения. Идиомы имплицитно содержат глубинные культурные ценности и общественное отношение к нарушениям, подчеркивают комплексную роль закона в формировании интеллекта и общественных отношений.

Ключевые слова: идиома, лингвокультурологический анализ, закон, метафора, картина мира.

Makhmudova Gulnora Khurshedovna

Student,

State Federal University of Education

(Moscow, Russian Federation)

LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF THE IDIOMS WITH LAW-COMPONENT

Abstract. This research reveals that law is conceptualized as a space, an object of action, and an obstacle to undesirable behavior. Idioms imply deep cultural values and social attitudes toward violations, emphasize the complex role of law in shaping intellect and social relations.

Keywords: idiom, linguacultural analysis, law, metaphor, worldview.

Целью исследования является проведение лингвокультурологического анализа идиом² с компонентом *law* «закон». Вопросы права и закона представляются важными во взаимоотношениях индивидов друг с другом и индивидов с государством и обществом [11]. Непреложное следование законам и доминирование постулатов закона в обществе является основой для

² См. тж.: Федуленкова Т. Н. Коммуникативно-прагматический подход к лингвистической терминологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2025. Вып. 11. № 4. С. 177–184 [8].

существования общества [12]. Этим и определяется актуальность исследования.

Лингвокультурологический анализ представляет собой анализ совокупности единиц языка как отражение культуры, ценностей, этических норм, менталитета и традиций изучаемого языка и его народа, картины мира народа и его истории с целью раскрытия культурного кода, заключенного в лексических единицах [6]. С помощью данного метода исследования можно описать культурную семантику языковых знаков, обусловленную одновременно языком и культурой, особенности менталитета народа, картины мира и образы мира языкового коллектива [3, с. 539].

Одной из характеристик права является его формальная определенность, то есть четкая и конкретная формулировка, закреплённая в письменном виде [10; 13]. Следовательно, нашей гипотезой будет следующее: семантика идиом с компонентом *law* обусловлена характеристиками права как явления общественного порядка.

Идиома (от греческого *idios* «собственный», «свойственный») определяется как языковая сущность со специфической структурно-семантической организацией. Она представляет интерес в плане типов ее значения идентифицирующего или характеризующего типа, грамматических классов фразеологизмов, их синтаксических функций и функционально-стилистической дифференциации [5, с. 561]. Среди особенностей идиом выделяют, например, неспособность некоторых слов-компонентов идиомы употребляться самостоятельно, за рамками словосочетания. Вместе с тем, идиома – это языковая единица, в которой заключен особый смысл, не совпадающий со значением каждого отдельного слова в словосочетании. Перестановка или исключение слов из выражения не допускается [7]. В таком случае, идиома теряет свою особенность и смысл [2, с 57]. Идиома является нерасчленимой, не подлежит дальнейшему разложению и обычно не допускает внутри себя перестановки своих частей.

В работе исследуются идиомы с компонентом *law*, поэтому необходимо обратиться к этимологии слова. Древнеанглийское слово *lagu* «правило, предписанное властями» происходит от протогерманского *lagam*, «класть, положить», и является синонимом к слову *lay* «то, что установлено». В физике *law* означает «утверждение, выражающее неизменный, обыденный порядок вещей». В индоевропейских языках слова, обозначающие «закон», происходят от глаголов со значением «класть, размещать, рас-

положить». Например, в греческом языке *thesmos* (от *tithemi* «класть»), в литовском *įstatymas* (от *statyti* «установить», «стоять»), в польском *ustawa* (от *stać* «стоять»), в английском от *to put, place, set, lay* [14]. Итак, слова, обозначающие «закон» этимологически восходят к словам со значением «то, что установлено».

Толковые словари современного английского языка толкуют лексему *law* «закон» следующим образом: общее правило поведения и действий, официально принято обязательным и подлежит контролю специальным органом (*Merriam-Webster Dictionary*), система правил, которые устанавливаются правительством, для регулирования поведения людей в обществе (*Cambridge Dictionary*), правило, которому должны подчиняться все люди, находящиеся на территории страны (*Oxford Dictionary*), система правил, разработанная правительством, для борьбы с преступностью и регулированию деловых и социальных отношений (*Collins Dictionary*). Суммируя определения, представляем термин *law* как систему правил – которые соблюдают все люди, проживающие на территории государства, – принятую правительственным аппаратом для урегулирования деловых и социальных отношений и для борьбы с преступностью. Несмотря на различающиеся формально определения, эти словари в своих трактовках семантики лексемы выделяют следующие общие черты: системность, обязательность, регулятивность, государственность.

Материалом исследования послужила 41 идиома с компонентом *law*. Из них, по структуре и функции лексемы *law*, выделим, согласно классификации А.В. Кунина [4, с. 343–363], 16 номинативно-коммуникативных, или глагольных, 17 номинативных субстантивных [9], 5 паремий³ и 3 единицы – с дериватами искомой лексемы.

Номинативно-коммуникативные, или глагольные, идиомы обозначают действия по отношению к закону. Семантически исследуемые глагольные идиомы концептуализируют закон как пространство или место с физическими параметрами и местоположением: *to be above the law* «быть освобожденным от действия закона», *to be on the wrong side of the law* «заниматься незаконной деятельностью», *to be on the right side of the law* «избегать незаконной деятельности», *to go to law* «обратиться с вопросом в судебную

³ Примеч.: А.В. Кунин, как и другие ученые, специализирующиеся в области фразеологии, к термину «паремия» не обращались, т.к. относили этот термин к сфере фольклора. См., например: Волкова С. А. О семантизации собственного имени в паремиях и идиомах / Т. Н. Федулёнок, С. А. Волкова, А. В. Иванова // Вестник НГЛУ им. Добролюбова. 2021. 2(54). С. 171–176. [1].

систему», *to take (someone or something) to law* «возбудить судебное разбирательство». Принципы существования этого пространства противоположны тем, что находятся не в нем. Также закон выступает как предмет, с которым производится действие или возникают отношения. Пассивность закона и манипулирование законом выражается в идиомах: *to have the law on (of) a person* «подать в суд на к-л», *to take the law into one's own hands* «добиться правосудия», *to lay down the law* «установить строгие правила». Закон как препятствие для непринимаемого обществом поведения выражено в идиомах *to bend the law* «нарушать/обходить закон», *to break a/the law* «нарушать закон», *to brush with the law* «иметь столкновение с правовой системой».

Лингвокультурологический характер идиом с компонентом *law* проявляется в их способности отражать глубинные культурные ценности, связанные с ролью закона как основы общественных отношений, например, уважение к порядку, справедливости, авторитету: *to take the law into their own hands* «расправиться без суда», *to be a law unto oneself* «следовать своим собственным правилам», *to be equal before the law* «быть равными перед законом». Идиомы с компонентом *law* отражают отношение к обществу, к случаям отклонения от закона, несмотря на универсальность и общепринятость правовых норм: *to have the law on smb* «привлечь к ответственности», *to have the law on one's side* «иметь юридическое обоснование».

Номинативные субстантивные идиомы отражают разнообразие применения права и законов в обществе и отношение к ним. Так, идиома *a law without teeth* «официальный закон, который не может быть применен значимым образом», описывает слабость закона. Идиомы *common law* «общее правило», *unwritten law* «неписанный закон», *law of the land* «обязательное правило», указывают на обязательность закона для граждан, а также обязательность исторически общепринятых правил поведения. Концепция закона также используется как метафора универсальных признаков существования человеческого общества и природы: *the law of the jungle* «закон джунглей (люди, которые заботятся о себе, с наибольшей вероятностью добьются успеха)», *blue law* «закон, ограничивающий действия в воскресенье, например, покупку или работу (религиозный закон)». Идиомы метафорически представляют закон как живое существо, глаза которого оценивают законность чего-либо *in the eyes of the law* «законно», а руки осуществляют установление закона *the long arm of the law* «полиция» / «далеко идущая власть».

или влияние правовой системы». Регулятивность закона выражена в идиомах *a letter of the law* «строгое соблюдение буквального толкования закона, не принимая во внимание его цель», *spirit of the law* «цель написанного и принятого закона». Системность закона имплицирована в идиомах *the rule of law* «верховенство закона», *law and order* «правопорядок», *law-abiding* «законопослушный», *law enforcement* «правоохранительные органы», *day of law* «день судебного разбирательства или день, когда заседает суд», *against the law* «противозаконно». Ряд идиом, указывая исторически и прецедентно на сферу их применения, имплицитно выражают негативное отношение к феноменам общества, где не все люди имеют равные права (ограничение прав определенных групп): *poor law* «закон о бедных», *sumptuary law* «закон о роскоши».

Рассматриваемые паремии с искомым компонентом иносказательно указывают на несовершенство законов, возможность их несоблюдения и неравноправие людей в сфере закона: *every law has its loophole* «есть способ обойти любой закон», *there is no law against something* «нет закона, запрещающего что-то», *necessity knows no law* «нужда свой закон пишет», *one's word is law* «(чье-то) слово – закон», *possession is nine tenths of the law* «владение – это девять десятых закона».

Выявленные идиомы с деривативами искомой лексемы *to be a lawsuit waiting to happen* «быть ситуацией или обстоятельством, которое может привести к судебному иску», *to be a lawful excuse* «быть законным оправданием», *to be a lawbreaker* «быть тем, кто намеренно нарушает закон» подчеркивают роль закона и исторически установленных правил в обществе как важных для функционирования общественных отношений.

Выводы. Проведенный семантический анализ идиом с компонентом *law* позволил раскрыть многомерную концептуализацию понятия закона в англоязычном обществе. Глагольные идиомы концептуализируют закон как пространство, объект для манипуляции и препятствие для антисоциального поведения. Номинативные идиомы демонстрируют разнообразие применения закона и отношение к нему: от его силы / слабости до обязательности и системности применения. Метафорические образы персонифицируют закон, подчеркивая его активную и всепроникающую роль. Некоторые идиомы указывают на исторические аспекты социального неравенства. Паремии привносят критический аспект, указывая на несовершенство законов и превалирование личных интересов или власти. Идиомы с деривативами лек-

семы *law* подтверждают значимость закона как ключевого регулятора общественных отношений. В целом, идиомы с компонентом *law* отражают не только формальные юридические феномены, но и многогранное восприятие закона и его этических аспектов в англоязычной культуре.

Библиографический список

1. Волкова, С.А. О семантизации собственного имени в поговорках и идиомах / Т.Н. Федуленкова, С.А. Волкова, А.В. Иванова // Вестник НГЛУ им. Добролюбова. 2021. 2(54). С. 171–176.
2. Джасим, М.А. Понятия «идиома» в российской и мировой лингвистике // Интерактивная наука. – 2023. – №8 (84). – С. 56–58. – ISSN 2414-9411.
3. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. – Екатеринбург : Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с. – ISBN 978-5-9765-1683-0.
4. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – М. : Высш. шк., 1986. – 396 с. – ISBN 978-5-9765-1683-0.
5. Телия, В.Н. Фразеология // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 560-561. – ISBN 5-85270-031-2.
6. Федуленкова, Т.Н. Английская фразеология как объект лингвокультурологии и лингводидактики / Т.Н. Федуленкова // Вестник НГЛУ им. Добролюбова. – 2020. – 4(52). – С. 143–150. – DOI 10.47388/2072-3490/lunn2020-52-4-143-150.
7. Федуленкова, Т.Н. Дискутируемые проблемы современной фразеологии / Т.Н. Федуленкова // Вестник НГЛУ им. Добролюбова. – 2021. – 1(53). – С. 149–155. – DOI 10.47388/2072-3490/lunn2021-53-1-149-155.
8. Федуленкова, Т.Н. Коммуникативно-прагматический подход к лингвистической терминологии / Т.Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – Вып. 11. – № 4. – С. 177–184.
9. Федуленкова, Т.Н. Субстантивные ФЕ-термины двухкомпонентной структуры / Т.Н. Федуленкова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2021. – Т. 7. – № 2. – С. 114–127.
10. Федуленкова, Т.Н. Терминология как особый класс лексикона / Т. Н. Федуленкова // Известия Юго-Западного гос. университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2022. – Т. 12. – № 3. – С. 262–267.

11. Федуленкова, Т.Н. Устный судебный перевод через призму лингвосомиотики / Т.Н. Федуленкова // Вестник НГЛУ им. Добролюбова. – 2022. – № 2(58). – С. 158–162.

12. Федуленкова, Т.Н. Фразеология и лингвистическая экспертиза / Т. Н. Федуленкова // Вестник НГЛУ им. Добролюбова. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 80–83.

13. Fedulenkova, T.N. Terminology vs phraseology: meaning transfer in business terms / T.N. Fedulenkova // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2022. – No 8(4). – P. 41–56.

14. Online etymology dictionary. – Lancaster, 2000. – URL: <https://www.etymonline.com/word/law>

УДК:811.581+811.161

Ма Цуйтин

аспирант

Саакян Левон Николаевич

научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Государственный институт

русского языка им. А. С. Пушкина»

(г. Москва, Россия)

ОБУЧЕНИЕ ПЕРЕВОДУ РУССКО-КИТАЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ БИ- И МУЛЬТИНОМИНАТИВНЫХ СОЧИНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ

Аннотация. В статье рассматриваются фразеологизированные би- и мультиноминативные сочинительные конструкции (ФНСК) как культурно маркированные и конструкционно целостные единицы и анализируются особенности их перевода в русско-китайской языковой паре. На основе корпусных данных выявляются доминирующие модели организации ФНСК: бинарно-оппозиционные в русском языке и перечислительно-агрегативные в китайском. Показано, что данные различия обуславливают ключевые переводческие трудности, связанные со структурной несовместимостью и семантико-прагматической некомпозиционностью. В работе предлагается авторская интегративная модель обучения переводу ФНСК, ориентированная на формирование переводческой и межкультурной компетенции.

Ключевые слова: фразеологизированные номинативные сочинительные конструкции; русско-китайский перевод; методика обучения переводу.

Ma Cuiting

PhD student

Saakyan Levon Nikolaevich

PhD in Philology, Associate Professor,

Pushkin State Russian Language Institute

(Moscow, Russian Federation)

TEACHING THE TRANSLATION OF RUSSIAN–CHINESE PHRASEOLOGIZED BI- AND MULTINOMINATIVE COORDINATIVE CONSTRUCTIONS

Abstract. This article examines phraseologized bi- and multinominative coordinative constructions (PBMCCs) as culturally marked and structurally integrated linguistic units and analyzes the specific features of their translation in the Russian–Chinese language pair. Based on corpus data from Russian and Chinese, the study identifies the dominant organizational models of PBMCCs: binary-oppositional structures in Russian and enumerative-aggregative models in Chinese. It is demonstrated that these typological differences give rise to major translation difficulties related to structural incompatibility and semantic-pragmatic non-compositionality. The paper proposes an original integrative model for teaching the translation of PBMCCs, aimed at developing translators' professional competence and intercultural communicative competence.

Keywords: phraseologized nominative coordinative constructions; Russian–Chinese translation; translation pedagogy

1. Введение

В современной лингвистике устойчиво возрастает интерес к фразеологизированным единицам, обладающим не только номинативной, но и тексто- и дискурсообразующей функцией[2, 7, 8, 14]. Особое место среди них занимают фразеологизированные би- и мультиноминативные сочинительные конструкции (далее — ФНСК), характеризующиеся структурной связанностью, устойчивостью и выраженной культурной маркированностью[3, 15].

ФНСК функционируют как целостные номинативные образования, закрепляющие культурные, когнитивные и ценностные модели языковой картины мира. В русско-китайском переводе данные конструкции представляют особую трудность, поскольку различия между языками затрагивают не

только формальные параметры, но и способы концептуализации мира. Русские ФНСК, как правило, строятся на бинарных и антонимических оппозициях (жизнь и смерть, добро и зло), тогда как китайские тяготеют к перечислительным и агрегирующим моделям, включая четырехсложные формулы (春夏秋冬, 男女老少).

Современные образовательные задачи, ориентированные на межкультурную коммуникацию и подготовку переводчиков нового типа, требуют пересмотра традиционных методик обучения переводу ФНСК. В данной статье предлагается интегративная модель обучения переводу русско-китайских ФНСК, сочетающая корпусные, когнитивно-лингвокультурные, конструкционные и задачно-ориентированные подходы.

2. Теоретические основания исследования

Фразеологические единицы в лингвокультурологической традиции рассматриваются как знаки культуры, фиксирующие способы концептуализации действительности и ценностные ориентиры этноса [4,11]. ФНСК занимают промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологизмами, сохраняя формальную сочинительность при семантической слитности.

Ключевые признаки ФНСК включают:

бинарную или мультиноминативную структуру с сочинительным союзом;

частичную или полную некомпозиционность значения;

устойчивость и воспроизводимость;

культурную и прагматическую маркированность.

Корпусный анализ русских ФНСК (1096 единиц) [12] показывает доминирование бинарных антонимических моделей, отражающих морально-этические, экзистенциальные, социальные и природные оппозиции. Эти конструкции репрезентируют фундаментальные культурные дихотомии и выполняют функцию когнитивных матриц национального мировоззрения [1, 6, 9, 10, 13] (табл. 1).

Таблица 1. Культурные модели русских ФНСК (по корпусным данным)

№	Культурная модель	Типичные ФНСК	Культурно-семантическая функция
1	Морально-этическая	добро и зло; честь и совесть; любовь и ненависть	Фиксация базовых ценностных оппозиций
2	Экзистенциальная	жизнь и смерть; рождение и смерть; жизнь и судьба	Осмысление пределов и смыслов человеческого бытия
3	Социально-нормативная	право и обязанность; человек и гражданин; личность и общество	Регуляция социальных ролей и норм
4	Антропологическая (семья)	мать и отец; мужчина и женщина; брат и сестра	Репрезентация родственных и гендерных отношений
5	Космологическая и природная	день и ночь; небо и земля; огонь и вода	Мифопоэтические и природные оппозиции
6	Когнитивно-культурная	ум и сердце; знание и опыт; наука и искусство	Противопоставление рационального и эмоционального
7	Религиозная	бог и человек; рай и ад; тело и кровь	Христианские мировоззренческие бинарности

Русские ФНСК преимущественно организованы по принципу бинарной оппозиции, отражая дихотомическую модель концептуализации мира.

В китайском языке ФНСК (434 единиц) [16, 17] организованы преимущественно по принципу перечисления и агрегации. Они кодируют идеи целостности, гармонии, цикличности и социального порядка, включая конфуцианские, политико-идеологические и пространственно-временные модели (табл. 2). Таким образом, сопоставление выявляет системное различие: русская модель ориентирована на контраст и оппозицию, китайская — на совмещение и интеграцию элементов.

Таблица 2. Культурные модели китайских ФНСК (434 единиц)

№	Культурная модель	Типичные ФНСК	Культурно-семантическая функция
1	Пространственно-временная	春夏秋冬; 年月日; 早中晚	Моделирование цикличности и ритма
2	Ценностно-этическая	和平与发展; 公平正义; 仁义礼智信	Репрезентация социальных и моральных ценностей
3	Традиционно-культурная	阴阳; 男女; 父子; 君臣	Конфуцианская нормативность и иерархия
4	Политико-культурная	改革开放; 党和国家; 干部与群众	Идеологические и управленческие модели
5	Перечислительно-агрегативная	风花雪月; 山川湖海; 男女老少	Принцип целостности и совмещения элементов

Китайские ФНСК тяготеют к перечислительным и синкретическим структурам, отражая модель гармоничной и интегративной картины мира.

3. Трудности перевода ФНСК

Перевод ФНСК осложняется рядом факторов, прежде всего структурной несовместимостью и семантико-прагматической некомпозиционностью. Формально сочинительные конструкции в одном языке не всегда имеют прямые эквиваленты в другом, поскольку значение формируется на уровне целостной конструкции, а не суммы компонентов.

Так, русские ФНСК нередко требуют функционального или культурно адаптированного перевода: сочетание «плоть и кровь» соотносится с китайским фразеологизмом 血肉相连, выражающим идею неразрывной, органической связи, тогда как конструкция «щи да каша» функционально эквивалентна выражению 粗茶淡饭, репрезентирующему концепт скромного, непритязательного быта. Аналогично, китайские устойчивые пары типа 风雨 функционируют как метафорические номинативные образования и не подлежат буквальному переводу.

Серьёзной проблемой является межкультурная интерференция, возникающая при буквальном воспроизведении формально сходных конструкций без учёта культурных кодов. В результате утрачивается прагматический

эффект и идиоматичность высказывания. Следовательно, адекватный перевод ФНСК требует распознавания их устойчивости, культурной обусловленности и дискурсивной функции.

4. Интегративная методика обучения переводу ФНСК

Предлагаемая методика основана на сочетании нескольких взаимодействующих компонентов. Корпусный анализ (НКРЯ, ССЛ, ВСС) используется как эмпирическая база для выявления частотности, жанровых профилей и типичных контекстов функционирования ФНСК. Когнитивно-лингвокультурный подход позволяет соотнести конструкции с культурными сценариями и ценностными концептами.

В рамках конструкционной грамматики ФНСК рассматриваются как целостные знаки, где эквивалентность определяется типом конструкции и её функцией, а не лексическим составом. Задачный подход ориентирует обучение на решение реальных переводческих проблем и формирование профессионального переводческого мышления. Дополнительным элементом выступает критический анализ машинного перевода, выявляющий ограничения автоматических систем при обработке культурно нагруженных конструкций.

5. Авторская модель обучения переводу ФНСК

Интеграция указанных подходов реализуется в авторской четырёх-этапной модели:

- идентификация типа ФНСК и её жанрового профиля;
- интерпретация культурного сценария;
- разработка переводческих решений (буквальных, функциональных, адаптированных);
- оценка адекватности по семантическим, прагматическим, стилистическим и культурным критериям.

Модель обеспечивает системность анализа и воспроизводимость переводческого решения, формируя у обучающихся многоуровневую межкультурную компетенцию.

6. Заключение

Фразеологизированные би- и мультиноминативные сочинительные конструкции представляют собой значимый объект как теоретического анализа, так и переводческого обучения. Их культурная маркированность и конструкционная целостность требуют комплексного подхода, выходящего за рамки словарного соответствия.

Разработанная интегративная методика демонстрирует эффективность в обучении русско-китайскому переводу, сочетая корпусный анализ, когнитивно-культурную интерпретацию и задачно-ориентированное обучение. Предложенная модель может быть использована в курсах перевода, межкультурной коммуникации и профессиональной подготовки переводчиков, способствуя формированию устойчивых навыков адекватной передачи культурно значимых языковых конструкций.

Библиографический список

1. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
2. Беглова, Е.И. Фразеологические единицы как текстообразующие факторы в жанре афоризма / Е. И. Беглова // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – № 2 (29). – С. 80–88.
3. Буб, А.С. Когнитивная обработка биномиалов русского языка тюркско-русскими билингвами / А.С. Буб, Е.Д. Артеменко // Язык и культура. – 2019. – № 48. – С. 32–45.
4. Буянова, Л.Ю. Фразеология как культурный код познания и духовное наследие предков / Л.Ю. Буянова // Русистика. – 2017. – Т. 15, № 3. – С. 285–298.
5. Ваулина, С.С. Фразеологическая картина мира как производная менталитета человека (на материале фразеологизмов с компонентом-зоонимом в русском и литовском языках) / С.С. Ваулина, О.М. Голубенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 198–202.
6. Гудкова, К.В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях / К. В. Гудкова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. – 2012. – № 3. – С. 68–71.
7. Зыкова, И. В. Специфика функционирования фразеологизмов в дискурсе: теория в свете современных эмпирических данных / И.В. Зыкова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 19 (730). – С. 167–180.
8. Лапынина, Н.Н. Текстообразующая роль единицы «если говорить о..., то...» / Н. Н. Лапынина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 2-1 (80). – С. 99–103.
- 9.

10. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – Москва : Наука, 1976. – 408 с.
11. Миллер, Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии / Е.Н. Миллер. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 223 с.
12. Милованова, А.И. Ключевые компоненты фразеологизмов, выражающих своё значение через наименование нереального явления, как вербализаторы лингвокультурного кода русского народа : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Милованова Анна Игоревна ; Воронежский государственный технический университет. – Воронеж, 2021.
13. Национальный корпус русского языка : национальный лингвистический корпус : сайт. – Москва, 2004 – . – URL : <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggV> (дата обращения: 03.07.2025).
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CgQyAggV> (дата обращения: 03.07.2025).
14. Никитин, М.В. Курс лингвистической семантики / М.В. Никитин. – Санкт-Петербург : Научный центр проблем диалога, 1996. – 760 с.
15. Прима, А.М. Фразеологические единицы как инструмент формирования образа политика в медиадискурсе / А.М. Прима, Н.В. Бурдун // Вестник Брянского государственного университета. – 2017. – № 1 (31). – С. 325–328.
16. Тишкова, В.А. Фразеологические единицы как языковые знаки / В. А. Тишкова // Инновационная наука. – 2024. – № 5-1. – С. 140–146.
17. 北京大学现代汉语语料库 (CCL) : корпус современного китайского языка : сайт / 北京大学. – Пекин, 2001 – . – URL : http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp (дата обращения: 03.07.2025).
18. 北京语言大学语料库中心 (BLCU Corpus Center, BCC) : лингвистический корпус китайского языка : сайт. – Пекин, 2004 – . – URL : <https://bcc.blcu.edu.cn> (дата обращения: 03.07.2025).

УДК 801.1

Медведева Ксения Владимировна

студент

Алиева Диана Тельмановна

научный руководитель,

старший преподаватель кафедры ИЯПК

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

СРАВНЕНИЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ И МЫШЛЕНИЯ

Аннотация. Данная статья представляет собой сравнительный анализ русских и английских фразеологизмов, рассматриваемых как ключевые элементы языка, несущие в себе культурную значимость. Исследуется, каким образом эти устойчивые выражения раскрывают специфику национального мировоззрения и обычаев. Подчёркивается, что фразеологизмы являются незаменимым средством для передачи эмоциональных и культурных оттенков, и их смысл зачастую невозможно передать дословно. На основе сопоставления фразеологизмов двух языков иллюстрируется, как разные культурные образы могут служить для выражения схожих идей. Результатом исследования является вывод о том, что изучение фразеологизмов является эффективным способом углубления понимания культурных особенностей народов и повышения уровня межкультурной компетентности.

Ключевые слова: фразеологизмы, русские и английские фразеологизмы, межкультурное сравнение, образность речи, культурные особенности языка, национальная ментальность.

Medvedeva Kseniya Vladimirovna

student

Aliyeva Diana Telmanovna

Research Supervisor, Assistant Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir Staate University

(Vladimir, Russian Federation)

COMPARISON OF RUSSIAN AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL EXPRESSIONS AS A REFLECTION OF CULTURE AND THOUGHT

Abstract. This article provides a comparative analysis of Russian and English idioms, which are considered to be key elements of language that carry cultural significance. It explores how these fixed expressions reveal the specific nature of national worldviews and customs. The article emphasizes that idioms are an indispensable tool for conveying emotional and cultural nuances, and their meaning often cannot be translated word-for-word. By comparing idioms from two languages, the article illustrates how different cultural images can be used to express similar ideas. The study concludes that studying idioms is an effective way to deepen understanding of cultural differences and improve intercultural competence.

Keywords: phraseological units, Russian and English phraseological units, intercultural comparison, figurative speech, cultural features of the language, and national mentality.

Фразеологизмы представляют собой важный и оригинальный аспект любого языка, используемый не только для передачи информации, но и для отражения культурных, социальных и исторических характеристик народа. Они образуют особый «язык» культуры, который иллюстрирует мышление и восприятие окружающего мира его носителей. Итак, подойдём к изучению фразеологизмов как к комплексному явлению, отражающему не только словарный запас, но и культурные особенности, а также специфику мышления, характерную для русского и английского языков. Проводя сравнительный анализ фразеологических единиц этих двух языков, можно глубже осмыслить взаимосвязь языка, культуры и мышления, а также их взаимное влияние.

Рассмотрим, для начала, некоторые особенности русских фразеологизмов. Устойчивые словосочетания русского языка, известные как фразеологизмы, это не просто сочетания слов, а самобытные языковые единицы, смысл которых зачастую ускользает от прямого толкования. Они обогащают язык, давая возможность выразить тончайшие оттенки мыслей, эмоций и культурных реалий, которые трудно передать при буквальном переводе на другие языки, такие как английский. Особую ценность русским фразеологизмам придаёт их тесная связь с народной мудростью и традициями. Многие из них берут начало в фольклоре, пословицах и поговорках, передавая из поколения в поколение наблюдения за жизнью и нравственные установки русского народа [3, с.15]. Помимо этого, русские фразеологизмы выделяются своей исключительной образностью и метафоричностью. Они помогают оживлять речь, рисуя яркие, запоминающиеся картины, что делает высказывания более выразительными и эмоционально насыщенными. Возьмём, к примеру, «*бросить камень в чужой огород*» — это выражение, передающее скрытый упрек или критику, его образность помогает мгновенно уловить смысл происходящего. Русские фразеологизмы поражают своим тематическим размахом. Они черпают вдохновение из самых разных источников: от природы и животного мира до человеческих отношений или социальных реалий. Так, фразеологизмы, использующие образы животных, например, «*как рыба в воде*» или «*бегать как курица без головы*», позволяют ярко и выразительно описать поведение или состояние человека [4, с.452].

Далее, предлагаю рассмотреть характеристики английских фразеологизмов. Итак, английские фразеологизмы часто берут своё начало в различных сферах человеческой деятельности. Многие из них стали настолько употребительными, что проникли в повседневную речь. Например, возьмём фразеологизм с тематикой моря: «*to be all at sea*», что дословно переводится на русский язык как «быть полностью погруженным в море», но значение у него «испытывать замешательство или растерянность» [1, с.4]. Также английский язык изобилует выражениями, возникшими под влиянием еды. К таким относится, например, «*to go bananas*» - означает сходить с ума, нервничать, дословный же перевод «стать бананом». Английские фразеологизмы представляют собой неразрывные языковые единицы. Их компоненты скреплены согласно устоявшимся языковым обычаям и традициям, любое изменение их состава строго ограничено или вовсе невозможно [5, с.253]. Стоит отметить, что в английском языке фразеологизмы являются

неотъемлемой частью как разговорной, так и письменной речи. Они способны оживить любое высказывание, наполнить его эмоциями и сделать более ярким. Благодаря фразеологизмам, говорящий может тонко передать оттенки значения, своё настроение и отношение к предмету речи. Перевод английских идиом представляет собой серьёзную проблему для переводчиков. Простое дословное воспроизведение часто оказывается неадекватным, как мы выяснили в примерах выше («*to go bananas*» - «стать бананом»), искажается или вовсе теряется исходный смысл. Сложность перевода обусловлена тем, что английские фразеологизмы тесно связаны с культурой, отражая её особенности, историю и менталитет.

Проанализируем некоторые русские и английские фразеологизмы, имеющие общее значение и смысл. Начнём с русского фразеологизма «*вести лапшу на уши*», что значит обманывать, морочить голову кому-то. В английском же языке существует фразеологизм с похожим смыслом – «*pull the wool over someone's eyes*», буквально: набросить шерсть на глаза, смысл данного фразеологизма – вводить в заблуждение. Оба фразеологических оборота, несмотря на различие в образности, передают общее значение обмана и дезинформации. Русский язык использует метафору «лапши», символизирующей навязчивую и трудно перевариваемую ложь, в то время как английский язык прибегает к образу «шерсти», застилающей глаза и препятствующей восприятию истины. Выбор этих образов обусловлен культурными особенностями понимания обмана в каждом из языков.

Проанализируем ещё пару фразеологизмов. Всем известное выражение «*злой как собака*» описывает человека, который очень зол, раздражён и готов сорваться. В английском языке есть похожий фразеологизм – «*mad as a hornet*», что переводится: «злой как оса» [2, с.117]. Его используют, когда говорят о ком-то, кто внезапно сильно разозлился и не может успокоиться. Оба фразеологизма прибегают к образу агрессивного животного для передачи интенсивного гнева. Однако, если русский вариант скорее рисует картину постоянной раздражительности и готовности к немедленному взрыву, то английский акцентирует внимание на внезапной, бурной и стремительной вспышке злости. Выражения описывают состояние сильного эмоционального напряжения, но с разной временной перспективой: русский – более затяжное, английский – резкое проявление.

Заключаящим примером будут фразеологизмы «*делать из мухи слона*» и «*make a mountain out of a molehill*». Русский фразеологизм означает «придавать чрезмерную важность мелким деталям, раздувая их значение».

Английский оборот переводиться дословно: сделать гору из кротовой кучки, что подразумевает данный смысл: незначительная проблема делается более важной, чем она есть на самом деле. Данные фразеологизмы передают идею чрезмерного раздувания незначительных проблем. Русская фраза подчёркивает процесс увеличения мелких деталей, в то время как английская создаёт яркий образ того, как крошечная кучка земли вырастает до размеров горы.

Изучая русские и английские фразеологизмы в контексте их роли как отражения культуры и мышления, мы получили более глубокое понимание как языковых, так и культурных факторов, формирующих самобытность фразеологии каждого из языков. Фразеологизмы являются ключевым элементом языка, который не только обогащает его выразительные возможности, но и выступает в роли своеобразного зеркала, отражающего культурные установки, восприятие мира и менталитет его носителей.

Отсюда следует, что постижение культуры является основой для осмысления проявлений этнического сознания. Язык же, включая его устойчивые выражения, в данном случае фразеологизмы, выступает как инструмент, позволяющий проникнуть в суть культуры, охватывающей образ жизни, мышления и эмоциональный мир русских и англичан [6, с.111].

Библиографический список

1. Бакиев Энвер Эдемович, Велилаева Лилия Раимовна РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ // E-Scio. 2020. – №10 (49). – с.4-5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-frazeologizmov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke>

2. Ведьманова Елена Евгеньевна, Куликова Наталья Васильевна. Национально-специфические особенности компаративных фразеологизмов английского, немецкого и русского языков // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2015. – №4. – с.117. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalno-spetsificheskie-osobennosti-komparativnyh-frazeologizmov-angliyskogo-nemetskogo-i-russkogo-yazykov>

3. Воропаева В.А. Сопоставительная характеристика английских, немецких и русских паремий и фразеологизмов, выражающих толерантность //Дисс.... к. филол. н., Тамбов. – 2007. – С.15 URL: <https://www.dissercat.com/content/sopostavitelnaya-kharakteristika-angliiskikh-nemetskich-i-russkikh-paremi-i-frazeologizmov->

4. Жуматуллаева С. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРЫ НАРОДА // Interpretation and researches. – 2025. – №. 9 (55–2). – с.452-453. URL: <https://inlibrary.uz/index.php/international-scientific/article/view/101177>

5. Маргарян Ю.А., Байкова О.В. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ // Вестник ШГПУ. 2021. – №2. (50). – с.253. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskie-osobennosti-angliyskih-frazeologizmov>

6. Столбовая Л.В. Сопоставление самобытности культур через анализ фразеологизмов в английском и русском языках // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2003. – №3. – с.111. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavlenie-samobytnosti-kultur-cherez-analiz-frazeologizmov-v-angliyskom-i-russkom-yazykah>

УДК 101.8(72)

Никитина Евгения Андреевна
студент

Беленов Николай Валерьевич
*научный руководитель,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры ИКТО,
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
социально-педагогический университет»,
(г. Самара, Российская Федерация)*

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ГОВОРАМИ ЭТНИЧЕСКИ СМЕШАННЫХ МОРДОВСКИХ СЁЛ

Аннотация. В статье приводятся некоторые авторские наблюдения над процессами, происходящими в мокшанском и эрзянском говорах села Пронькино Бугурусланского района Оренбургской области. В случае необходимости материалы дополняются примерами соответствующих наблюдений авторов на других территориях чересполосного расселения носителей мокшанского и эрзянского языков.

Ключевые слова: финно-угроведение; мордовские языки; мокша-мордовский язык; эрзя-мордовский язык; контрастивная лингвистика

Nikitina Evgeniya A.

Student

Belenov Nikolay V.

Research Supervisor,

PhD in Pedagogy, Associate Professor of ICTE,

Samara State University of Social Sciences and Education

(Samara, Russian Federation)

SOME OBSERVATIONS ON THE DIALECTS OF ETHNICALLY MIXED-POPULATION IN MORDOVIAN VILLAGES

Abstract. The article presents some of the author's observations on the processes taking place in the Moksha-Mordovian and Erzya-Mordovian dialects of the village of Pronkino, Buguruslansky district of the Orenburg region. If necessary, the materials are supplemented with examples of relevant observations of the authors in other territories of the interstitial settlement of speakers of the Moksha-Mordovian and Erzya-Mordovian languages.

Key words: Finno-Ugric studies, Mordovian languages, Moksha-Mordovian language, Erzya-Mordovian language, contrastive linguistics

Мокшанско-эрзянское языковое взаимодействие - явление давно известное, но до сих пор недостаточно изученное. Несмотря на значительную долю этнически смешанных мордовских сёл, возникших в результате расселения носителей мордовских языков на восток, в Волго-Уралье, исследований языковых процессов в данных сёлах сравнительно немного. Кроме того, зачастую исследователь застаёт уже такое положение, когда один из мордовских языков поглощён другим, и изучению доступны лишь отдельные факты (в качестве засвидетельствованных учёными различных поколений примеров можно привести поглощение мокшанских говоров эрзянскими в Шенталинском районе Самарской области; поглощение эрзянских говоров мокшанскими в сёлах Старая и Новая Бинарадки Самарской области).

Рассматриваемый в настоящей статье вопрос имеет несколько уровней, все из которых, разумеется, в работе такого объёма осветить невозможно. Упомянем лишь об одном аспекте: языковая ситуация в этнически смешанных мордовских сёлах будет неодинакова, в зависимости от окруже-

ния. Так, известны регионы, где мокшанское и эрзянское население проживает чересполосно, причём численное преобладание носителей одного из мордовских языков над носителями другого не является подавляющим.

Подобная ситуация наблюдается в Пензенской области, где исследователи неоднократно отмечали взаимопроникновение в мокшанские и эрзянские говоры смешанных черт, присущих различным диалектам мордовских языков [1].

Нами в ходе полевых исследований фиксировались такие явления: в некоторых ареально близких мокшанских и эрзянских говорах наблюдается следующая ситуация - фонетика эрзянского говора ближе к фонетике мокша-мордовского литературно-письменного языка, а фонетика мокшанского говора - фонетике эрзя-мордовского.

Другое дело, когда подобные смешанные сёла находятся в ареалах, где мордовское население, в основном, представлено носителями какого-то одного из мордовских языков. Подобная ситуация наблюдается в Заволжье, где основную часть мордовского населения составляют эрзяне. Если носители мокшанского языка не оказываются здесь полностью поглощёнными эрзяноязычным большинством, в результате эрзяно-мокшанского взаимодействия как в мокшанском, так и в эрзянском говорах наблюдается течение процессов, представляющих интерес как для исследователей мордовских языков, так и для языкознания в целом.

В селе Пронькино этнически неоднородное мордовское население сформировалось в результате того, что к первоначально обосновавшимся на данном месте в 80-ых годах XVIII века переселенцам под руководством Прони Вдовина, в течение нескольких десятилетий подселились эрзяне из Пензенской губернии. Они построились рядом с первопоселенцами, эти районы до сих пор носят названия Пенза пе и Эрзя пе - Пензенский конец и Эрзянский конец. В непосредственной близости от Пронькино располагается эрзянское село Шестайкино, пронькинский эрзянский и шестайкинский говоры практически не различаются между собой (ПМА, Оренбургская область, Бугурусланский район, Пронькино, 2024).

Судить о том, насколько фонетически повлияли друг на друга пронькинские мокшанский и эрзянский говоры достаточно сложно. Дело в том, что и мокшане, и эрзяне, сформировавшие нынешнее мордовское население Пронькино, были выходцами из-под Пензы, языковую ситуацию близ которой у мордвы мы охарактеризовали выше.

Можно лишь отметить, что в мокшанском пронькинском говоре сохраняются, хотя и нерегулярно, такие характеристические свойства мокшанской фонетики как глухие сонорные, редукция гласных, преимущественное ударение на первый слог.

Эрзянский пронькинский говор, в свою очередь, сохраняет основные черты фонетики эрзянского языка.

Отмечены единичные лексические проникновения эрзянизмов в мокшанский пронькинский говор. Тут надо отметить, что их число незначительно и примерно соответствует количеству мокшанизмов в эрзянских говорах Николаевского района Ульяновской области. Их происхождение ещё предстоит установить: по местным преданиям, ранее мордва-мокша проживала на данной территории, в местной традиции фиксируется неоднородность мордовского населения ряда сёл, хотя в говорах это различие на данный момент не прослеживается и остаётся лишь на уровне самоидентификации старшего поколения. Также нельзя исключать, что предки современных эрзян Николаевского района когда-то соседствовали с мокшей на прежних территориях расселения, где и испытали фиксирующееся языковое влияние, которое впоследствии принесли на новые территории.

В эрзянском пронькинском говоре мокшанизмов нами не зафиксировано, но здесь надо отметить, что исследованию подвергались на все лексические кластеры данного говора.

Ниже приведём отмеченные нами эрзянизмы в мокшанском пронькинском говоре, в скобках указаны мокшанские лексемы, характерные для литературно-письменного языка: лисьма - «колодец» (эши); лисьмапря - «родник» (лихтибря); аф лама - «мало» (кржа), здесь аналогия эрзянскому а ламо, но частица отрицания сохраняет мокшанскую форму; берянь - «плохой» (кальдяв).

Подводя небольшой промежуточный итог, можно отметить, что синкретический говор в селе Пронькино не сформировался, вместо этого продолжают бытовать два говора различных мордовских языков: мокшанский и эрзянский. Отмечен ряд заимствований из эрзянского языка области лексики мокшанского пронькинского говора. В современных реалиях общение между носителями данных говоров осуществляется на русском языке, вследствие чего процессы взаимодействия между ними в известной степени сошли на нет.

Данные говоры мордовских языков представляют интерес для дальнейших исследований.

Библиографический список

1. Ломакина, Т.И. Городищенский диалект мокша-мордовского языка / Т.И. Ломакина // Очерки мордовских диалектов. – Саранск, 1966. – Т. IV. – С. 289–329.

УДК 801.8

Орлова София Александровна
студент

Алиева Диана Тельманова
*научный руководитель,
старший преподаватель кафедры ИЯПК
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МОЛОДЕЖНОЙ КУЛЬТУРЫ США В ОНЛАЙН-ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассматривается феномен молодежного американского интернет-сленга как динамичной языковой системы, сформировавшейся под влиянием цифровизации и глобализации. Анализируются ключевые лингвистические особенности онлайн-коммуникации: гибридизация устной и письменной речи, различные виды сокращений и специфические средства передачи эмоций. Приводятся примеры распространенных сленговых выражений и исследуются причины популярности этого вида коммуникации среди молодежи. Материал представляет интерес для специалистов в области современной лингвистики, цифровой коммуникации и межкультурных исследований.

Ключевые слова: сленг молодежи США, особенности Интернет-коммуникации американской молодежи, молодежный сленг, цифровая лингвистика.

Orlova Sofia Alexandrovna
student

Aliyeva Diana Telmanovna
*Research Supervisor, Assistant Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

EXPRESSION LINGUISTIQUE DE LA CULTURE DE LA JEUNESSE AMÉRICAINNE DANS LE DISCOURS EN LIGNE

Abstract. The article examines the phenomenon of American youth Internet slang as a dynamic language system formed under the influence of digitalization and globalization. The key linguistic features of online communication are analyzed: the hybridization of oral and written speech, various types of abbreviations and specific means of conveying emotions. Examples of common slang expressions are given and the reasons for the popularity of this type of communication among young people are investigated. The material is of interest to specialists in the field of modern linguistics, digital communication and intercultural studies.

Keywords: slang of US youth, features of Internet communication of American youth, youth slang, digital linguistics.

Молодежная культура играет важную роль в формировании современного социокультурного пространства, особенно в условиях глобализации и развития цифровых технологий. Онлайн-коммуникация становится ключевым каналом взаимодействия молодых людей, позволяя быстро обмениваться информацией, выражать мнения и формировать идентичность. Американская молодежь, являясь одной из наиболее активных групп пользователей социальных сетей и интернет-платформ, создает уникальный дискурс, характеризующийся специфическими лингвистическими особенностями. Эти особенности проявляются в использовании особого типа лексики, грамматических конструкций и стилистических приемов, которые отражают ценности и нормы данной группы.

Английский интернет-сленг, получивший распространение под названиями Internet Language, netspeak или chatspeak, появился и развивался значительно раньше, чем аналогичные явления в русскоязычной сфере сети. Объясняется это тем, что Америка занимает ведущую роль в стремительном

развитии цифровых технологий. Новые англоязычные термины часто не имеют русских аналогов, поэтому молодые пользователи Интернет-пространства используют английские слова для обозначения различных интернет-явлений, так как в русском языке в полной мере не хватает своей устоявшейся терминологии в данной сфере [2].

Одной из ключевых тенденций в американской молодежной интернет-коммуникации является активное **стирание границ между устной и письменной речью**, особенно заметное в режиме реального времени, когда пользователям приходится оперативно формулировать свои мысли. Синхронные формы общения, такие как чат или личные сообщения в соцсетях, характеризуются практически одновременным процессом передачи и обработки сообщений, имитируя динамику живого общения [4].

Особое значение имеет сходство не только временной составляющей, но и содержательной стороны. Исследователи Г.Н. Трофимова и Л.Г. Ковальская подчёркивают, что в сети фиксируется письменная форма спонтанной устной речи. Согласно Е.А. Вишняковой, интернет-жанры представляют собой гибридные типы письма, объединяющие элементы письменной и устной речи. Примером подобного слияния являются трансформации традиционных орфографических норм, используемые молодыми пользователями сети:

- 1) «do not» сокращается до «dhont», отражая слитную речь (Dhont tell me what I did when I was drunk);
- 2) «going to» фонетически упрощается до «gonna» (I'm gonna do it);
- 3) «kind of» произносится и пишется как «kinda» (She's kinda sick) и т.п. [4].

Наряду с этим, в американском молодежном сленге активно используются и другие типы сокращений, представляющие собой усечение конечной части слова, что демонстрируют примеры замены «operations» на «ops», «because» на «coz», «honey» на «hon» и т.п. [6].

В английском языке существует интересный языковой феномен, основанный на фонетической замене – **использование цифр** для сокращения слов. Вместо полного написания определенных частей слов, носители языка используют цифры, звучание которых совпадает с звучанием этих частей. Рассмотрим подробнее этот процесс на примерах:

- 1) h8 – цифра «8» заменяет звуко сочетание [eit], читаемое как «ate», что означает «ненавижу» («hate»);

2) l8er – здесь «8» замещает звуковой фрагмент [eit] из слова «later», превращая его в «позже»;

3) b4 – цифровая замена числа «four» позволяет сократить слово «before» до четкого «до»;

4) f9 – аналогично предыдущим случаям, «9» заменяет звучание «ine», делая фразу «fine»;

5) 10q – числовой символ «10» соответствует звуку «ten», воспроизводящему начало слова «thank you», благодаря чему фраза «Спасибо» превращается в простое и быстрое сообщение [1].

Также в онлайн-взаимодействии широко распространены **аббревиатуры**. Эти сокращения, формируемые из начальных букв устойчивых фраз, позволяют значительно экономить место при наборе текстовых сообщений. Среди наиболее часто употребляемых примеров можно назвать: AFAIK — as far as I know (насколько я знаю), ATB — all the best (всего наилучшего), BBLR — be back later (вернусь позже), HAND — have a nice day (хорошего дня), IMHO — in my humble opinion (по моему скромному мнению), MYOB — mind your own business (не лезь не в свое дело) и т.п. [6].

Особенностью онлайн-коммуникации является ее опосредованный характер, что лишает участников привычных каналов передачи эмоций — интонации и невербальных сигналов (жестов, мимики). Для компенсации этой потери в интернет-среде сформировались оригинальные **способы передачи эмоциональных состояний**, которые помогают собеседнику лучше понять, что именно отправитель сообщения хотел сказать и почувствовать.

Наиболее универсальным средством выражения эмоций в онлайн-пространстве стали эмодиконы («смайлики»), которые визуализируют различные чувства. Они точнее и лучше отражают весь спектр передаваемых эмоций [4]. Помимо этого, американский сленг богат междометиями, которые также могут придавать эмоциональную окраску речи, выражая широкий спектр чувств:

- 1) удивление («bonk!», «chyaа!», «eesh!»), радость («woopу-woo!»);
- 2) возбуждение («squish!», «woochow!»), восхищение («va-voom!»);
- 3) согласие («bet!», «dude!», «ah... ja!»), несогласие («bet!», «dude!», «ta huh!»);
- 4) смущение («sqeebs!», «erf!»), недоверие («badand»), неодобрение («boo!»);
- 5) отвращение («shiznet!») [6].

Важным маркером эмоциональности служит графическое видоизменение слов через многократное повторение букв. Оно позволяет мысленно воспроизвести интонацию и длительность звучания, усиливая экспрессивность сообщения: «Whaaaaaat?», «Noooooooooo waaaaay», «Aaaaaahahaha» и т.п. [4].

К тому же, особую смысловую нагрузку в цифровом общении приобретает пунктуация:

1) множественные восклицательные знаки передают сильные эмоции (удивление, шок): «She did that!!», а изолированные «!!!!» служат самостоятельной реакцией;

2) Повторяющиеся вопросительные знаки выражают крайнюю степень удивления или негодования: «Seriously????» [4].

В сленге особое место занимают готовые языковые единицы – предложения и **устойчивые фразы**, которые являются убедительным доказательством его творческой природы, поскольку они, будучи воспроизводимыми как целостные выражения, не только экономят языковые усилия, но и служат носителем культурного кода, делая передачу смыслов более выразительной и подчеркивая принадлежность к определенной группе. Примеры из американского сленга:

1) «What's cooking?» (буквально «Что готовится?») — используется как эквивалент «Как дела?», «Что нового?». Это пример метафорического переноса, где процесс «приготовления» чего-либо ассоциируется с происходящими событиями.

2) «What's eating on?» (буквально «Что тебя грызет?») — используется для вопроса о том, что беспокоит человека, что его мучает. Здесь метафора грызущего существа ярко передает ощущение внутреннего дискомфорта.

3) «That's the ticket» (буквально «Это билет») — означает «То, что надо!», «Отлично!», «Именно то, что нужно!». Это выражение, вероятно, имеет корни, связанные с удачей или получением чего-то желаемого (как выигрышный билет) [5].

Из всего вышесказанного, можно сказать, что молодежный американский сленг представляет собой динамичную и творческую языковую систему, сформировавшуюся под влиянием цифровизации и глобализации. Сленговые выражения вносят в английский язык оригинальность и легкость, делая диалог ярким, эмоциональным и привлекательным для молодежи. Важно понимать, что знание сленга полезно, но использовать его сле-

дует осторожно и умеренно, отдавая предпочтение мягким и вежливым формам. Сленг — это непрерывный процесс творчества, создающий новую лексику, доступную далеко не каждому человеку, что затрудняет работу переводчиков, сталкивающихся с незнакомыми словами [3].

Библиографический список

1. Волоконская А.С., Рудометова А.Ю., Капитонова Н.С. Особенности интернет-лексики современного китайского и английского языков // СИСП. 2020. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internet-leksiki-sovremennogo-kitayskogo-i-angliyskogo-yazykov> (дата обращения: 08.11.2025).
2. Карпов Э.С. Функционирование сленга в контексте медиaprостранства интернета / Э.С. Карпов // XXI век: итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. – 2015. – Т. 2, № 6(28). – С. 238-243.
3. Мамичева С.Е. Американский молодежный сленг и его особенности // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2018. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskiy-molodezhnyy-slenг-i-ego-osobennosti> (дата обращения: 09.11.2025).
4. Мишиева Е.М. Дискурсивные маркеры в молодежной онлайн-коммуникации (на материале английского языка): специальность 10.02.04 "Германские языки": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Мишиева Елена Михайловна, 2015. – 233 с.
5. Орлова Н.О., Богданова О.Ю. Функциональное назначение сленга (на материале русских и американских сленгизмов) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2021. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalnoe-naznachenie-slenga-na-materiale-russkih-i-amerikanskih-slengizmov> (дата обращения: 06.11.2025).
6. Тамбовцева К.Д. Способы словообразования в американском молодежном сленге // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-slovoobrazovaniya-v-amerikanskom-molodezhnom-slenge> (дата обращения: 09.11.2025).

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *EASY MONEY*

Аннотация. Статья посвящена количественному анализу синтаксических функций фразеологической единицы-термина *easy money* в современном английском языке. Результаты исследования вносят вклад в описание грамматического поведения ФЕ-терминов и открывают перспективы для создания их типологических паспортов.

Ключевые слова: деловая фразеология; синтаксическая функция; квантитативный анализ; корпусное исследование; типологический паспорт

Pritomskaya Alina Romanovna
Academic Support Specialist,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service
(Vladimir, Russian Federation)

GRAMMATICAL FUNCTIONS OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT *EASY MONEY*

Abstract. The article is devoted to the quantitative analysis of the syntactic functions of the phraseological unit-term *easy money* in modern English. The findings of the study contribute to the description of the grammatical behavior of phraseological unit-terms and open up prospects for the creation of their typological profiles.

Keywords: business phraseology; syntactic function; quantitative analysis; corpus study; typological profile

В эпоху глобализации экономических процессов и цифровизации общения английский язык утвердился в качестве универсального лингва-франка международного бизнеса, финансов и права. Этот статус предъявляет повышенные требования к точности, однозначности и эффективности профессиональной коммуникации.

В связи с этим пристальное внимание исследователей привлекает деловая лексика, особенно ее устойчивые, идиоматичные комплексы – фразеологические единицы, обладающие признаками терминов (далее – ФЕ-термины). К ним относятся такие выражения, как *bear market*, *due diligence*, *cash flow*, *supply chain*, *break-even point* и др., которые функционируют не как свободные словосочетания, а как целостные знаки специфических концептов экономико-управленческой дискурсивной сферы.

Актуальность их комплексного лингвистического анализа обусловлена рядом факторов. Во-первых, ФЕ представляют собой «зону риска» в межкультурной профессиональной коммуникации. Их внешняя прозрачность обманчива, дословный перевод или поверхностное понимание могут привести к грубым смысловым ошибкам. Во-вторых, эти единицы являются концентрированным отражением динамики бизнес-среды. Их возникновение, эволюция значения и выход из употребления напрямую коррелируют с появлением новых реалий (к примеру, криптовалютный *mining*), практик (*agile-transformation*) или кризисных явлений (*quantitative easing*), что делает их ценным материалом для лингвокогнитивных исследований.

В структурно-грамматическом и синтаксическом аспекте ФЕ-термины современного делового английского языка демонстрируют парадоксальное единство устойчивости и вариативности. С одной стороны, они подчиняются жестким правилам лексико-синтаксической сочетаемости, формируя предсказуемые модели (например, модель «прилагательное-адьюнкт + money-ядро»: *easy money*, *funny money*, *earnest money* и др.). С другой – активно вовлекаются в процессы конверсии, компрессии и транспозиции, выступая в текстах не только как номинации, но и выполняя различные синтаксические функции (от подлежащего и дополнения до части составного сказуемого), что требует четкого описания их поведенческих паттернов.

Несмотря на значительный интерес к деловой лексикографии и терминоведению, комплексные исследования, синтезирующие структурный, грамматический и синтаксический анализ ФЕ-терминов в синхронно-динамическом аспекте, остаются востребованными. Такой подход позволяет не только систематизировать и описать данный пласт лексики, но и выявить глубинные механизмы его интеграции в высказывание, что имеет прямое прикладное значение для создания более эффективных

учебных пособий, профессиональных переводческих алгоритмов и систем автоматической обработки бизнес-текстов (NLP).

Целью настоящей работы является проведение количественного (квантитативного) анализа и систематизация синтаксических функций, реализуемых ФЕ-термином *easy money* в предложении. Исследование выполнено на материале выборки контекстов, отобранных из Корпуса современного американского английского языка (СОСА).

Теоретико-методологическую основу данной работы составили фундаментальные труды по общей лингвистике [5; 6; 7; 8; 9] и по проблемам современной фразеологии [4; 13], исследования в области теории бизнес-коммуникации [17; 19; 21; 23] и деловой ФЕ-терминологии [12; 14; 15; 24; 25], работы в области структурного анализа устойчивых словосочетаний и фразеологизмов [11; 16; 18; 20; 22], а также публикации по методологии и методикам современного исследования [3; 10] и по сопоставительной типологии родственных языков [1; 2].

В словаре СОСА зафиксировано 675 примеров использования словосочетания *easy money* в контексте. Для настоящего исследования была сформирована репрезентативная выборка из первых 50 контекстов.

Результаты проведенного анализа синтаксических функций ФЕ-термина *easy money* представлены в сводной таблице (см. Таблицу 1):

Таблица 1. Синтаксические функции ФЕ-термина *easy money*

№	Синтаксические функции	Номера контекстов в выборке СОСА	%
1	Прямое дополнение	7, 11, 12, 18, 19, 21, 28, 31, 32, 37, 38, 40, 42, 43, 45, 49	32
2	Подлежащее	3, 5, 8, 10, 13, 14, 17, 34, 46	18
3	Препозитивное определение	9, 15, 22, 24, 25, 26, 27, 38, 39	18
4	Предложное дополнение	6(of), 16(for), 35 (without), 36(of), 44(with), 47(of), 48(of)	14
5	Именная часть составного сказуемого	1, 4, 20, 41	8
6	Косвенное дополнение	30, 33	4
7	Несогласованное определение	2, 23	4
8	Обстоятельство	50	2

Проведенный грамматический анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) Наиболее частотным для исследуемого ФЕ-термина являются функции прямого дополнения (32%), а также подлежащего (18%) и препозитивного определения (18%).

2) Наименее характерной является обстоятельственная функция (2%, представленная одним случаем в анализируемой подборке).

Полученные данные демонстрируют характерное для однозначного фразеологизма поведение, заключающееся в четкой грамматической специализации и преобладании номинативных и объектных синтаксических ролей.

Перспективы исследования видятся в расширении анализа на другие ФЕ-термины делового дискурса с последующим применением результатов исследования в предстоящей разработке их типологического паспорта (идея и термин В.Д. Аракина [1]), что будет способствовать созданию комплексного описания фразеологической системы современного английского языка.

Библиографический список

1. Аракин, В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительно-типологического анализа языков) : дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. / В.Д. Аракин. – Москва, 1983. – 38 с.

2. Бакина, А.Д. Макромир и микромир универсалий / А. Д. Бакина, Т. Н. Федуленкова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 6 (99). – С. 240–247.

3. Бакина, А.Д. Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2022. – № 8(2). – С. 190–196. – https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_190.

4. Бакина, А.Д. Тенденции развития и проблемы современной фразеологии // А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова / Мир лингвистики и коммуникации: электрон. науч. журнал. – 2024. – № 78. – С. 68–84. – https://tverlingua.ru/archive/078/01_78.pdf.

5. Бакина, А.Д. Формы, значения и категории языковых и речевых структур / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2021. – № 1. – С. 135–139.
6. Басова, Т.А. Объективное и субъективное в языке: Синтезирующий подход Г.В. Колшанского / Т.А. Басова, Т.Н. Федуленкова // Вестник ЧерГУ. – 2020. – № 1. – С. 219–225.
7. Басова, Т.А. Соотношение между категориями «поле» и «система» в языке / Т.А. Басова, Т.Н. Федуленкова // Вестник САФУ. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 128–132. – <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V110>.
8. Басова, Т.А. Становление концепции общего языкознания Вильгельма фон Гумбольдта / Т.А. Басова, Т.Н. Федуленкова // Известия Юго-Западного гос. университета. – 2020. – Т. 10. – № 1. – С. 161–164.
9. Басова, Т.А. Хомский и триада язык—мышление—мозг / Т.А. Басова, Т.Н. Федуленкова // Известия ЮЗГУ. – 2021. – № 11(4). – С. 238–242.
10. Комарова, З.И. Методология и методика количественного исследования. Ядерные служебные слова в русском подязыке информатики: количественно-качественное исследование: моногр. / З. И. Комарова, С.В. Краев. – Екатеринбург : УЛА, 2008. – С. 59–74.
11. Контанистова, А.И. Проблемы структуры значения термина / Т.Н. Федуленкова, А.И. Контанистова // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – 2023. – № 61. – С. 191–197.
12. Контанистова, А.И. Теоретические предпосылки изучения ФЕ-терминов и их вариантов в английском языке делового общения // Вестник САФУ. / Т.Н. Федуленкова, А.И. Контанистова. – 2024. – Т. 24. – № 2. – С. 102–113. – <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V338>.
13. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – Москва : Высшая школа, 1996. – 381 с.
14. Малышева, А.С. Анализ ФЕ-терминов по виду переосмысления компонентов (на материале Oxford Business English Dictionary for Learners of English) / Т.Н. Федуленкова, А.С. Малышева // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал. – 2020. – Т. 16. – Вып. 3 (49). – С. 64–74.
15. Спицына, Н.Н. Базовые модели англоязычной деловой фразеологии / Н.Н. Спицына, Т.Н. Федуленкова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – Вып. 7. – С. 202–206.

16. Спицына, Н.Н. Фразеологическая терминология делового английского языка: основные структурные модели / Т.Н. Федуленкова, Н.Н. Спицына // Вестник ДонНУ. Серия Д. – 2020. – № 1. – С. 5–13.

17. Федуленкова, Т.Н. Деловой английский: от лингводидактических инноваций к компетенции и качеству / Т.Н. Федуленкова // Качество. Инновации. Образование. – 2025. – № 2. – С. 76–83.

18. Федуленкова, Т.Н. Квантитативно-семантическая характеристика терминов-фразеологизмов со структурой «существительное + существительное» (по словарю Longman Business English Dictionary) / Т. Н. Федуленкова // Известия ЮЗГУ. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2021. – Т. 11. – № 3. – С. 10–24.

19. Федуленкова, Т.Н. О деконвенционализации современной англоязычной бизнес-коммуникации / Т. Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2021. – № 7 (4). – С. 179–184. https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_4_179_184.

20. Федуленкова, Т.Н. Субстантивные ФЕ-термины двухкомпонентной структуры / Т. Н. Федуленкова // Научный результат. Вопросы теор. и прикладной лингвистики. – 2021. – Т.7. – № 2. – С. 114–127.

21. Fedoulenkova, T. Idioms in Business English: Ways to Cross-cultural Awareness / T. Fedoulenkova // Linguistics Insights: Studies in Language and Communication. V. 2: Domain-specific English / G. Cortese & Ph. Riley (Eds.). – Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt-am-Mein, New York, Oxford, Wien: Peter Lang. 2002. – Pp. 247–269.

22. Fedulenkova, T.N. Adjectival constructions in business English terminology / T.N. Fedulenkova // Синергия языков и культур 2022: междисциплинарные исследования: сб. ст. – Санкт-Петербург, 2023. – С. 146–161.

23. Fedulenkova, T.N. Identification and acquisition of multi-word terms in Business English domains / T.N. Fedulenkova // The European Society of Phraseology (EUOPHRAS) 2015: Computerised and Corpusbased Approaches to Phraseology: Monolingual and Multilingual Perspectives / edited by G. C. Pastor, et al. – Malaga: University of Malaga, 2015. – Pp. 229–301.

24. Fedulenkova, T. N. Terminology vs phraseology: meaning transfer in business terms / T.N. Fedulenkova // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics, 2022. – № 8 (4). – Pp. 41–56.

25. Kontanistova, A.I. Participial terms in business terminology / A.I. Kontanistova, T.N. Fedulenkova // Современные проблемы филологии и

методики преподавания языков: вопросы теории и практики. – Елабуга: КФУ, Елабужский ин-т, 2022. – С. 254–256.

УДК 811.133.1

Самойлов Руслан Романович

студент

Горбатов Владимир Игоревич

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени

Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛЕНГОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ В РЕЧИ СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. Статья представляет собой комплексное социолингвистическое исследование феномена молодежного сленга во французском языке начала XXI века. В фокусе анализа находятся не только лексико-семантические особенности этого динамичного языкового пласта, но и его глубинные социальные функции. Актуальность работы определяется необходимостью осмысления роли сленга как ключевого маркера групповой идентичности и инновационного ресурса языка в эпоху цифровой глобализации. Новизна исследования заключается в применении интегративного подхода, совмещающего анализ лингвистических механизмов словообразования с изучением прагматики употребления сленга в реальных коммуникативных практиках — от повседневного общения в мультикультурных городских пространствах до курируемого контента в социальных сетях. На материале современных источников доказываем, что французский молодежный сленг эволюционировал в сторону гибридного, технологически опосредованного кода, выполняющего роль культурного медиатора.

Ключевые слова: французский язык, молодежный сленг, социолингвистика, языковая динамика, верлан (verlan), цифровая коммуникация, групповая идентичность.

Samoylov Ruslan Romanovich

Student

Gorbatov Vladimir Igorevich

*Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

THE USE OF SLANG EXPRESSIONS IN THE SPEECH OF MODERN FRENCH YOUTH

Abstract. The article deals with a comprehensive sociolinguistic study of the phenomenon of youth slang in the French language of the early 21st century. The analysis focuses not only on the lexical and semantic features of this dynamic linguistic layer but also on its profound social functions. The relevance of the work is determined by the need to comprehend the role of slang as a key marker of group identity and an innovative resource of the language in the era of digital globalization. The novelty of the research lies in the application of an integrative approach, combining the analysis of linguistic word-formation mechanisms with the study of the pragmatics of slang usage in real communicative practices – from everyday communication in multicultural urban spaces to curated content on social networks. Based on contemporary sources, it is argued that French youth slang has evolved into a hybrid, technologically mediated code that serves as a cultural mediator.

Keywords: French language, youth slang, sociolinguistics, language dynamics, verlan, digital communication, group identity.

Язык никогда не бывает статичным, но именно речь молодежи служит наиболее чутким сейсмографом, регистрирующим глубинные социальные и культурные сдвиги. Во Франции, стране с сильной традицией языкового пуризма и институционального регулирования (Французская академия), феномен молодежного сленга (*l'argot des jeunes*, *le langage des cités*) представляет собой особенно яркий и порой вызывающий противоречия объект для изучения. Возникнув в конце XX века как маркер периферийных городских сообществ, этот лингвистический код за несколько десятилетий совершил стремительный путь от маргинального жаргона до одного из ключевых ис-

точников обновления разговорного французского языка, проникая в музыку, кинематограф и масс-медиа. Его изучение перестало быть узкой областью социолингвистики, превратившись в междисциплинарную проблему, находящуюся на пересечении культурологии, антропологии и исследований цифровых коммуникаций [3, с. 78] и требующую отдельного лингвокультурологического осмысления [4, с. 108].

Актуальность настоящего исследования продиктована несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, стремительная глобализация и цифровизация повседневности радикально изменили способы распространения и канонизации сленга. Если раньше его носителями были локальные группы, то сегодня TikTok-клипы, блоги на известных видео платформах и тексты рэп-исполнителей мгновенно транслируют новые выражения на многомиллионную аудиторию, стирая географические и социальные границы. Во-вторых, французский молодежный сленг является наглядной лабораторией языкового контакта, где сталкиваются и сплавляются автохтонные словообразовательные модели (прежде всего верлан), мощный поток англицизмов из глобальной поп-культуры и влияние языков диаспор (арабского, африканских). Этот гибридный характер делает его уникальным объектом для наблюдения за процессами креолизации в современном языке и изучения заимствований как ключевого механизма его обновления [5, с. 163]. Наконец, в-третьих, стремительная скорость обновления лексикона создает нарастающий коммуникативный разрыв между поколениями, что актуализирует прикладные задачи исследования – от педагогики до межкультурного менеджмента.

Исторически французский молодежный сленг ассоциировался прежде всего с «banlieues» – городскими окраинами, заселенными мигрантами и характеризующимися сложной социальной обстановкой. Именно здесь, в условиях межкультурного взаимодействия и ощущения социальной исключенности, сформировался «le parler des cités» – живой, экспрессивный и закрытый для посторонних код [7] и объект пристального внимания современных лексикографов [8]. Однако на рубеже тысячелетий произошел качественный сдвиг. Благодаря коммерческому успеху французского рэпа и хип-хопа, сленг из закрытого средства внутригруппового общения превратился в мощный культурный экспорт. Музыканты, такие как NTM, IAM, а позже PNL, Nekfeu, стали не только пользователями, но и создателями, легитимизаторами и распространителями новых языковых форм.

Этот процесс радикально ускорился с приходом эры социальных сетей. Платформы вроде TikTok и другие известные социальные сети, где доминирует короткий видеоконтент, создали идеальные условия для вирусного распространения сленга. Новое выражение, произнесенное популярным блогером или использованное в запоминающемся меме, может стать общенациональным трендом за считанные дни. Это заставляет пересмотреть традиционные методы сбора материала. Если классические исследования опирались на полевые записи и интервью [6], то современный анализ немыслим без мониторинга цифровых площадок, анализа комментариев, субтитров к веб-сериалам (например, «Skam France») и контента видеоблогеров. Такой корпусный подход позволяет уловить сам момент зарождения и пик популярности той или иной единицы, а также проследить вариативность ее употребления в разных сетевых сообществах [9, p. 85].

Лексикон современного молодежного сленга представляет собой причудливый синтез глубоко национальных и сугубо глобальных элементов. Его системное изучение требует обращения как к общей лексикологии [2], так и к специализированным исследованиям речи молодежи [1, с. 76]. Наиболее узнаваемой автохтонной технологией остается «верлан» – игра с инверсией слогов, восходящая к криптолалическим практикам («криптолалия» от греч. *kryptós* – «тайный, скрытый» и *laliá* – «речь» – это создание и использование тайного языка или искусственного жаргона с целью сделать речь непонятной для непосвящённых – примеч. авт. статьи) XIX века, но переосмысленная во второй половине XX. Сегодня верлан не просто жив, но и продолжает эволюционировать. Помимо классических примеров, ставших уже общеупотребительными (*meuf* ← *femme*, *ouf* ← *fou*), наблюдаются более сложные трансформации. Часто встречается частичная инверсия или усечение (*tèci* от *ci té*), а также «двойной верлан», когда слово, верланизированное и затем возвращенное к исходной форме, приобретает новый оттенок значения или особый шик. Этот процесс свидетельствует о том, что верлан перестал быть лишь способом создания тайного языка; он превратился в продуктивную морфологическую модель, демонстрирующую виртуозное владение языком как игровым материалом. Манипулирование формой становится актом креативности и интеллектуального престижа внутри группы.

Однако параллельно с этой автохтонной традицией существует мощнейший экзогенный поток – англицизмы. Их природа в молодежном сленге отличается от заимствований в профессиональных жаргонах или официаль-

ном языке. Речь идет не о заполнении терминологических лакун, а о заимствовании культурных кодов и социальных практик. Такие слова, как «crush», «ghoster», «stalker», «hater», несут в себя целые сценарии романтических и социальных отношений, сформированные в глобальной цифровой среде. Более того, эти заимствования активно включаются в грамматическую систему французского языка, обрстая глагольными парадигмами (je ghoste, tu as ghosté) и участвуя в словообразовании (un délire hype). Эта гибридизация создает уникальный лингвистический сплав, где «tu kiffes mon nouveau fit» (от арабского «kiffer» – «любить» и английского «fit» – «лук /внешний вид») воспринимается как органичное высказывание, отражающее мультикультурную идентичность говорящего.

Третьим источником выступает семантическое переосмысление общеупотребительной лексики, часто через гиперболу или метафору. Глагол «préter» (букв. «лопаться, взрываться») в сленге означает «быть потрясающим, крутым» (Ça pète!). «Charbonner» (работать, как на угольной шахте) стало означать интенсивный труд, особенно в творческом или учебном контексте. Это переозначивание – акт присвоения языка, его освобождения от стандартных семантических связей и наполнения новым, субъективным и часто ироничным содержанием.

Анализ ключевых тематических групп сленга позволяет построить своеобразную «карту ценностей» и повседневных практик его носителей. Доминирующей сферой, безусловно, является экспрессивная оценка и передача эмоций. Богатейший арсенал междометий и оценочных прилагательных («chanmé», «d'enfer», «frais» для положительных оценок; «cheum», «daronne» в негативных контекстах) служит не просто для номинации, а для мгновенного, почти физиологического выражения отношения. Эта гиперэкспрессивность компенсирует воспринимаемую нейтральность или холодность стандартного языка.

Вторая важная сфера – социальные связи и идентичность. Исследование сленга как маркера групповой идентичности является центральным для социолингвистики [4, с. 112; 9]. Сленг предлагает детализированную систему номинации для «своих»: «frèrot», «reuf» (друг, брат), «meuf» (девушка), но также и для обозначения социальных типов («un boloss» – неудачник, «un kéké» – пошляк). Глаголы, описывающие взаимодействие («récho» – познакомиться, зацепить; «ken» – иметь отношения), часто носят откровенный, сниженный характер, что маркирует сферу неформального, доверительного общения, свободного от условностей.

Особый интерес представляет лексика, связанная с цифровыми практиками и потреблением контента. Глаголы «geeker», «scroller», «tchat», существительное «un met» стали неотъемлемой частью повседневного словаря. Их активное использование подчеркивает, что цифровая среда для современной молодежи – не отдельный виртуальный мир, а продолжение и неотъемлемая часть реальности, требующая своего адекватного языкового обеспечения.

Употребление сленга никогда не бывает нейтральным или случайным; это всегда коммуникативный стратегический выбор. Его основная функция – создание и поддержание групповой солидарности. Совместное использование актуального кода, понимание тонких коннотаций и умение вовремя вернуть модное слово служат надежным паролем, подтверждающим принадлежность к молодому поколению или к определенной субкультуре. В этом смысле сленг выполняет роль социального клея.

Одновременно он является инструментом дистанцирования. Отталкиваясь от норм «школьного» или «телевизионного» французского, воспринимаемых как язык власти, институций и старшего поколения, молодежь конструирует альтернативное коммуникативное пространство. Этот языковой «протест» может быть, как пассивным (просто игнорирование нормы), так и активным, демонстративным, что особенно характерно для рэп-текстов.

Наконец, нельзя недооценивать креативную и игровую функции. Активное использование «верлана», создание каламбуров, оперирование англицизмами – всё это также доставляет удовольствие от самого процесса говорения.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современный французский молодежный сленг – это сложное, многомерное и системно организованное явление. Он представляет собой активную и динамичную подсистему языка, находящуюся на острие ключевых социолингвистических процессов нашего времени: глобализации, цифровизации и мультикультурализма.

С лингвистической точки зрения, он демонстрирует удивительную гибкость и адаптивность, успешно интегрируя в свою структуру как архаичные (верлан), так и новейшие (англицизмы цифровой эры) словообразовательные модели. Это свидетельство жизненной силы языка и способности отвечать на вызовы меняющегося мира. Семантические поля сленга точно отражают иерархию ценностей и практик его носителей, где на первый план

выходят эмоциональная экспрессия, социальные связи и цифровая социализация.

С социокультурной позиции сленг выполняет роль важнейшего инструмента конструирования коллективной идентичности нового поколения. Он служит одновременно и щитом, отгораживающим от мира взрослых норм, и мостом, связывающим локальную французскую специфику с глобальным культурным контекстом. Его проникновение в медиа и массовую культуру свидетельствует о том, что он перестал быть маргинальным жаргоном и превратился в значимый культурный капитал и источник инноваций для общенационального языка.

Таким образом, изучение французского молодежного сленга сегодня – это необходимое условие для понимания глубинных трансформаций современного французского общества. Для педагогов, журналистов, маркетологов и всех, кто работает с молодежной аудиторией, игнорирование этого пласта языка означает добровольный отказ от понимания ключевых механизмов коммуникации и ценностных ориентиров целого поколения. Дальнейшие исследования должны быть направлены на мониторинг его стремительной эволюции в реальном времени, что возможно только при тесном взаимодействии лингвистики с цифровой гуманитаристикой и социологией культуры.

Библиографический список

1. Веденина, Л. Г. Язык французской молодежи / Л. Г. Веденина // Иностранные языки в школе. – 2006. – № 4. – С. 76-82.
2. Клобукова, Л. П. Лексика современного французского языка: учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. / Л. П. Клобукова. – М.: Высшая школа, 1987. – 128 с.
3. Скрелина, Л. М. История французского языка: учебник для вузов / Л. М. Скрелина, Л. А. Становая. – 3-е изд. – М.: АСТ, Восток - Запад, 2008. – 463 с.
4. Федорова, Л. Л. Французский молодежный сленг: социолингвистический и лингвокультурологический аспекты / Л. Л. Федорова // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2015. – № 3. – С. 108-120.

5. Эмирова, А. М. Заимствования в современном французском языке (на материале молодежного сленга) / А. М. Эмирова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12, № 6. – С. 163-167.

6. Guiraud, P. L'Argot / P. Guiraud. – Paris: Presses Universitaires de France, 1973. – 128 p.

7. Goudaillier, J.-P. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités / J.-P. Goudaillier. – 3e éd. – Paris: Maisonneuve & Larose, 2001. – 316 p.

8. Merle, P. Dictionnaire du français branché / P. Merle. – Paris: Editions du Seuil, 1997. – 280 p.

9. Trimaille, C. Parlures argotiques et langues en contact: Approche sociolinguistique de la variation dans les pratiques langagières des jeunes / C. Trimaille // Langage et société. – 2004. – № 107. – P. 85-117.

УДК 82.09: 81367.1

Стрельникова Анастасия Сергеевна

студент

Скрипченко Светлана Николаевна

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

*ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»*

(г. Владимир, Российская Федерация)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕОЛОГИЗМОВ, ТОПОНИМОВ
И АНТРОПОНИМОВ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЖАНРЕ
НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Г. УЭЛЛСА «ВОЙНА МИРОВ»)**

Аннотация: В статье даны характерные особенности литературного жанра научная фантастика, показана сущность неологизмов, топонимов и антропонимов, исследованы их роль и частота использования в романе Г.Уэллса «Война миров».

Ключевые слова: научная фантастика, неологизмы топонимы, антропонимы.

Strelnikova Anastasia Sergeevna
Student

Skripchenko Svetlana Nikolaevna
*Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

NEOLOGISMS, TOPONYMS, AND ANTHROPONYMS IN SCIENCE FICTION: AN ANALYSIS OF HERBERT WELLS' NOVEL “THE WAR OF THE WORLDS”

Abstract: The article analyses the main features of science fiction genre in literature. It defines the nature of neologisms, toponyms, anthroponyms and their role and usage frequency in H. G. Wells' novel “The War of the Worlds”.

Keywords: science fiction, neologisms, toponyms, anthroponyms.

Научная фантастика (НФ) является жанром художественной литературы, обладающим огромной популярностью среди читателей во всем мире. К его характерным особенностям относится отсутствие мистического толкования непонятных и загадочных проявлений окружающей человека реальности, попытка дать научное обоснование происходящим аномальным событиям. Как следствие, такой подход способствует не только всплеску эмоций у читателя, но и стимулирует интеллектуальную деятельность и рациональное осмысление происходящего. Жанр часто предлагает читателю возможность исследовать альтернативные исторические пути, далекое будущее, прошлое или параллельные вселенные. Несмотря на возможную имитацию реализма, НФ неизбежно опирается на художественные условности. Авторы стремятся к балансу между научной точностью и художественной выразительностью. Мир произведения, даже будучи необычным, должен быть логически обоснован законами своей вымышленной Вселенной.

В данной статье мы бы хотели обратиться к литературному шедевру величайшего писателя 20 в. Г. Уэллса «Война миров» и проанализировать использование неологизмов, топонимов и антропонимов в романе, написанном в жанре научной фантастики. Неологизмы являются одним из тех пластов лексики языка, вокруг которых развиваются активные научные дискус-

сии. С. А. Кудрина отмечает, что точное определение неологизма затруднительно, поэтому их изучают с различных позиций. [4] Стилистика видит в неологизмах инструмент для создания художественной выразительности, экспрессии и эвфемизмов. Психолингвистика исследует, как новые слова рождаются и воспринимаются в сознании говорящих, фокусируясь на когнитивных процессах словообразования. Лексикография же рассматривает неологизм как слово, еще не зафиксированное в авторитетных словарях и не вошедшее в общее употребление. Денотативная теория связывает неологизм с реальностью, считая его обозначением нового объекта, понятия или явления. Структурная теория анализирует форму и способы образования новых слов, уделяя внимание моделям словообразования и морфемной структуре. Наконец, конкретно-историческая теория подчеркивает временный характер неологизмов, отмечая, что их "новизна" относительна и зависит от исторического контекста.

В романе «Война миров» неологизмам отведена ключевая роль. Новые технологические термины, введенные в язык Г. Уэллсом, оказались максимально удачными. Они вошли в массовую культуру, стали универсальными и базовыми для описания возможных конфликтов с инопланетными цивилизациями. Писатель не то чтобы создавал их с нуля, но описывал ярко и понятно. Например, *tripods* (треножки) предстают в романе как основные машины марсиан для захвата части Англии и Лондона. Неологизмы *heat-ray* (тепловой луч) и *black smoke* (черный дым) явились орудиями массового испарения людей и зданий, а также отравления населения Англии. Такие неологизмы погружают читателя в состояние чего-то совершенно непонятного и необычного, подчеркивая технологическое отставание человечества.

Большой интерес представляет анализ использования топонимов (географических названий территорий) и антропонимов (имен людей) в романе «Война миров». Топонимика, наука о топонимах, согласно В.А. Никонову, выполняет ряд важных задач. Самой главной задачей является историческое обоснование. Ученым необходимо найти связь между территорией и народом, которая проживала/проживает в той или иной местности, отследить их культуру, особенности этноса. Следующая задача затрагивает лингвистический аспект: выявление словообразовательных моделей, закономерностей в создании топонимов. К более прикладным задачам можно отнести упорядочение географических названий, создание стабильной и научно обоснованной географической номенклатуры. [1] Антропонимика, наука, изучающая

имена людей, устанавливает первоначальные значения имён, изучает эволюцию антропонимических систем (последовательное возникновение имени, фамилии и отчества), исследует влияния культурных и религиозных аспектов на выбор имени. А.В. Суперанская считала, что имена несут в себе отпечаток истории и культуры народов. В них можно увидеть их верования, мечты, мировоззрение и даже влияние исторических событий и культурного обмена. [2]

Г. Уэллс в своем романе разворачивает сюжетную линию на действительно существующих географических территориях, чтобы показать масштаб трагедии и создать эффект реальности происходящего. Начало вторжения происходит маленьком и спокойном городе *Winchester* в 1898 г. Затем апокалипсис охватывает все больше территорий: *Barnet, Edgware, Waltham Abbey, Southend, Shoeburyness, south of the Thames, Deal, Broadstairs*. Антропонимы встречаются реже топонимов, но тем не менее они играют важную роль. Их задача подчеркнуть значимость конкретных героев, чтобы их существование ощущалось реальнее. Огилви – ученый-астроном, который был одним из первых, кто обнаружил и исследовал вражеский корабль. Хендерсон – журналист, который отправил телеграмму с места событий в свою газету. Стент – астроном Королевской обсерватории, который взял контроль над исследованиями марсианских кораблей – цилиндров. Все три персонажа старались разобраться с катастрофой, узнать о марсианах, исследуя их. Их целью было вступить в контакт с другой цивилизацией.

Большой интерес представляет анализ частоты использования этих лексических средств. Роман состоит из 140 страниц, среднее количество знаков на странице – 2500. Топонимы встречаются почти на каждой странице. Общее количество в романе – 431. Антропонимы появляются примерно раз в 6-7 страниц, общее количество – 69. Неологизмы встречаются реже, примерно, раз в 9 страниц, общее число в романе – 52.

Таким образом, использование неологизмов, топонимов и антропонимов является характерным для произведений, написанных в жанре научной фантастики.

Библиографический список

1. Никонов, В.А. Введение в топонимику. — М. Изд-во ЛКИ. 2011. 184 с. [Электронный ресурс]: [file:///C:/Users/Admin/Downloads/vvedenie_v_toponimiku. pdf](file:///C:/Users/Admin/Downloads/vvedenie_v_toponimiku.pdf) (Дата обращения: 15.11.2025).

2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М. Наука. 1973. 360с.[Электронный ресурс]: file:///C:/Users/Admin/Downloads/superanskaia_av_obshchaia_teorii_a_imeni_sobstvennogo.pdf (Дата обращения: 15.11.2025).

3. Коренева А.В., Бычкова Н.Е., Зубарева Н.А. Лингвистические и методические аспекты изучения современных неологизмов : монография. — М. РУСАЙНС. 2025. 304 с.

4. Кудрина С.А., Перминов В.О., Юдина Е.В. Основные источники и способы образования неологизмов в современном английском языке // Современное педагогическое образование. 2023. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-istochniki-i-sposoby-obrazovaniya-neologizmov-v-sovremennom-angliyskom-yazyke> (Дата обращения: 21.12.2025).

5. Wells H.G. The War of the Worlds. .[Электронный ресурс]: <https://almabooks.com/wp-content/uploads/2021/11/The-War-of-the-Worlds-extract.pdf> (Дата обращения: 15.11.2025).

УДК 81'42 + 81'373

Шабылы Фариз Шахин оглы

*аспирант института языкознания им. И. Насими
Национальной Академии Наук Азербайджана*

Джафаров Агиль Гюлага оглы,

*научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент
(г. Баку, Азербайджан)*

ИЗУЧЕНИЕ ЭВФЕМИЗМОВ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ И ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Аннотация. В статье подробно анализируются причины возникновения эвфемизмов, их семантическая структура, сферы употребления, а также динамика их развития, обусловленная культурными и социальными факторами. Подчёркивается, что эвфемизмы являются необходимым языковым элементом с точки зрения сохранения нравственных ценностей, общественной гармонии и этического баланса. В исследовании рассматриваются различные типологии эвфемизмов, социальные и идеологические механизмы, влияющие на них, а также процессы их формирования и трансформации в различных дискурсах – политическом, медицинском, педагогическом и бы-

товом. Кроме того, даётся описание эвфемизмов в диахронном и синхронном аспектах, подробно анализируются их историческая эволюция и роль в современном обществе.

Ключевые слова: эвфемизм, языковая этика, социолингвистика, табу, семантика, культурный код.

Shabili Fariz Shahin ogly

PhD Student

Jafarov Agil Gulaga ogly

*Research Supervisor, PhD in Philology, Associate Professor,
Institute of Linguistics named after Nasimi,
Azerbaijan National Academy of Sciences
(Baku, Azerbaijan)*

STUDYING EUPHEMISMS AS LINGUISTIC UNITS AND THEIR EMERGENCE

Abstract. The article analyzes in detail the emergence, semantical structure and use of euphemisms. Besides it analyzes the dynamics of its development based on cultural and social factors. It is underlined that a euphemism is a necessary language unit that helps preserve ethic values, social harmony and moral balance. The article deals with various typologies of euphemisms, social and ideological mechanisms affecting their development. Their formation and transformation in various discourses (political, medical, pedagogical, household) are also analyzed. Euphemisms are described diachronically and synchronically. Much attention is paid to their historical evolution and their role in the modern society.

Key words. A euphemism, language ethics, sociolinguistics, taboo, semantics, a cultural code.

Язык как важнейший социальный институт и универсальное средство межличностной коммуникации аккумулирует и транслирует систему нравственных кодов, социальных регуляторов, этических установок и норм речевого поведения. В данном контексте эвфемизмы выступают в качестве одной из социально-функциональных подсистем языка. Их возникновение обусловлено социальной необходимостью, этическими ценностями и психологическими потребностями коммуникантов и направлено на опосредо-

ванное, семантически смягчённое и стилистически нейтрализованное выражение понятий, которые в общественном сознании воспринимаются как эмоционально нагруженные, табуированные либо не соответствующие действующим нормам языковой и социальной этики [18, с. 102]. «Эвфемизмы выполняют не только функцию смягчения табуированной лексики, но и выступают в качестве регуляторов социальных взаимодействий, одновременно демонстрируя манипулятивный потенциал языка» [14, с. 1877]. В данной работе основное внимание уделяется факторам формирования эвфемизмов, формам их употребления, семантической структуре, а также их роли в культурно-социологическом контексте. В этом отношении эвфемизмы подлежат рассмотрению не только с позиций собственно лингвистического анализа, но и в рамках социологического, психологического и культурологического подходов.

Термин «эвфемизм» имеет греческое происхождение и образован от слов *eu* — «хорошо» и *phēmi* — «говорить» [12, с. 11]. В терминологическом плане эвфемизм трактуется как более мягкая форма выражения. Эвфемизмы формируются как неотъемлемая часть культуры литературной речи и норм этического поведения. Они не только способствуют сохранению этически корректной коммуникативной среды, но и препятствуют нарушению сложившейся социальной иерархии. Социальная обусловленность эвфемизмов подтверждается тем, что нормы речевого поведения формируются внутри конкретного национально-культурного сообщества и усваиваются в процессе коммуникативной практики. Как отмечает К. А. Габибова, «в рамках повседневной коммуникации существуют стереотипные дискурсивные правила, основанные на практическом опыте участников общения, выработанные в данной национально-культурной общности и усваиваемые индуктивным путём» [16, с. 335–336]. Именно такие правила определяют необходимость эвфемизации социально чувствительных и табуированных понятий. Расширяя семантическую гибкость языка, эвфемизмы одновременно выполняют функцию своеобразного посредника между различными социальными группами и индивидами. Тем самым они демонстрируют не только эстетический потенциал языка, но и его место в структуре социального конструирования реальности.

Как один из динамичных компонентов лингвистической системы, эвфемизмы отражают социально-культурные функции языка и занимают важное место в коммуникативной практике. Их основное назначение заключается в избегании прямого называния определённых понятий с целью защиты

говорящего или адресата от психологического либо социального дискомфорта. В этом отношении эвфемизмы значимы не только на лексическом уровне, но и в прагматическом и социолингвистическом измерениях. Их изучение играет ключевую роль в понимании механизмов функционирования языка в общественной жизни.

Использование эвфемизмов преимущественно связано с понятиями, которые воспринимаются как табуированные или социально неприемлемые. К ним относятся темы смерти, сексуальных отношений, заболеваний, физиологических потребностей, материальных трудностей, физических и умственных ограничений, а также социального статуса. В подобных ситуациях носители языка склонны прибегать к более мягким и культурно приемлемым формам выражения. Таким образом, эвфемизм представляет собой не только явление литературного языка или речевой культуры, но и результат социально-психологической потребности.

Так, например, понятие «смерть» во многих языках передаётся посредством эвфемистических выражений. В английском языке вместо *to die* употребляются формы *to pass away*, *to depart*, *to be at rest*. В русском языке слово «умер» нередко заменяется выражениями «ушёл из жизни», «покинул нас». В азербайджанском языке данное понятие передаётся такими формами, как *vəfat etdi* («скончался»), *dünyasını dəyişdi* («покинул этот мир»), *Haqqa qovuşdu* («обрёл истину»). Эти примеры наглядно отражают эмоциональное и культурное отношение различных обществ к феномену смерти.

Среди факторов, обуславливающих возникновение эвфемизмов, существенную роль играют как психологические, так и социальные причины. В психологическом аспекте стремление к эвфемизации объясняется тем, что носители языка испытывают затруднения при прямой вербализации отдельных реалий и потому предпочитают выражать их опосредованно, в смягчённой форме. В социальном плане нормы и ценности общества формируют определённые модели речевого поведения, что приводит к ограничениям на прямое употребление ряда лексических единиц. В подобных условиях эвфемизмы становятся функционально оправданным языковым средством.

Наряду с этим эвфемизмы нередко используются и в манипулятивных целях. Особенно отчётливо данная функция проявляется в политическом и рекламном дискурсах, где эвфемистические номинации служат инструментом воздействия на общественное сознание. Так, вместо прямого обозначения «массовое увольнение» употребляются выражения «оптимизация

структуры», «сокращение», «реорганизация трудовых ресурсов». Такие замены направлены на минимизацию негативной эмоциональной реакции адресата и на представление информации в более нейтральной и социально приемлемой форме.

Эвфемизмы играют важную роль и в смягчении высказываний, связанных с гендерной, этнической и религиозной проблематикой. Лексемы, широко употреблявшиеся в предшествующие периоды, в современных условиях нередко утрачивают соответствие принципам политической корректности и нормам культурной этики, в результате чего вытесняются эвфемистическими выражениями. Так, слово «инвалид» во многих языках, в том числе и в азербайджанском, заменяется номинациями типа «человек с особыми потребностями» или «человек с иными возможностями», а лексема «старик» — выражениями «пожилой человек», «гражданин старшего возраста», «пенсионер». Данная тенденция непосредственно связана с усилением значения понятия языковой этики в современном обществе.

Анализ взаимосвязи языка и общества позволяет утверждать, что эвфемизмы отражают динамику не только языковой системы, но и социальных процессов в целом. Новые социальные отношения, технологические и культурные трансформации, а также глобальные тенденции создают условия для появления новых эвфемистических единиц. Так, в современном языковом употреблении эвфемизации подвергаются и обозначения, связанные с проблемой безработицы: вместо слова «безработный» используются выражения типа «специалист, находящийся в профессиональной паузе», «лицо, переориентирующее свою трудовую деятельность». В ряде случаев эвфемизмы приобретают ироническую или сатирическую окраску, что свидетельствует о расширении их функционального диапазона.

В научной литературе эвфемизмы рассматриваются с позиций различных методологических подходов. В рамках структурно-лингвистического анализа они интерпретируются преимущественно как результат семантической замены, при которой основное внимание уделяется их лексическому значению, контекстуальной обусловленности и синонимическим связям. В социолингвистическом аспекте эвфемизмы оцениваются как средства регуляции отношений между участниками коммуникации с учётом интенций говорящего, социального статуса адресата и конкретной коммуникативной ситуации. Психолингвистические исследования, в свою очередь, показывают,

что эвфемизмы функционируют как один из механизмов психологической защиты: прибегая к эвфемистическим выражениям при обсуждении эмоционально сложных или тревожных тем, говорящий снижает уровень эмоционального напряжения. Это подтверждает, что эвфемизмы не ограничиваются исключительно лексической функцией, а обладают также выраженным эмоционально-психологическим потенциалом, что особенно наглядно проявляется в материале азербайджанского языка.

Проблема перевода эвфемизмов также является объектом научного исследования, поскольку вне культурного контекста эвфемизмы могут утрачивать свою функциональную ценность. В процессе перевода возникает необходимость либо подбора функционально эквивалентного эвфемизма, либо замены исходного выражения нейтральной формой. Так, английское выражение *passed away* при переводе на азербайджанский язык может передаваться формой *vefat etdi* («скончался»), однако в зависимости от контекста оно нередко заменяется более локальными вариантами, такими как *rəhmətə getdi* («отошёл в мир иной») или *dünyasını dəyişdi* («покинул этот мир»). В подобных случаях от переводчика требуется учёт не только эмоциональной нагрузки текста, но и его культурологического фона.

Эвфемизмы широко используются и в художественном стиле. В частности, в художественных произведениях авторы нередко прибегают к эвфемистическим выражениям, считая целесообразным косвенное обозначение определённых событий или характеристик. Такой приём способствует активизации читательского воображения и вовлечённости адресата в интерпретацию текста. Широкая распространённость подобных употреблений в классической и современной литературе позволяет говорить о значительной роли эвфемизмов в реализации их художественно-эстетической функции.

Наконец, исследование эвфемизмов имеет важное значение и с точки зрения понимания изменений человеческой психики и социальных отношений на различных этапах развития языка. То, какие именно понятия в конкретный исторический период и в определённом обществе подвергаются эвфемизации, позволяет судить о социально-культурной картине соответствующей эпохи. Это, в свою очередь, подтверждает, что эвфемизмы выполняют функцию своеобразного «зеркала» языка. По мере развития общества трансформируются этические нормы, культурные ценности и модели социаль-

ного поведения, что стимулирует появление новых средств языкового выражения. Эвфемизмы, выступая одной из форм языковой «естественной селекции», отвечают требованиям нравственности, социальной необходимости и этических кодов [13, с. 88]. В исторической перспективе их возникновение и развитие служат показателем духовного и социального прогресса человека.

Формирование эвфемизмов обусловлено совокупностью взаимосвязанных факторов, среди которых ключевое значение имеют социокультурные, политические, психологические и этические детерминанты, которые непосредственно связано с культурной сущностью языка. В этом отношении фразеологические и эвфемистические единицы выступают как проявление национального мировоззрения и этических норм на языковом уровне. Не случайно, как отмечает К. Габимова, «фразеология является одним из важнейших языковых слоёв, отражающих образ мышления и культурную идентичность каждого народа» [17, с. 42]. Данная особенность объясняет, почему эвфемизмы в различных языках и дискурсах приобретают разные семантические и прагматические оттенки. Одним из основных факторов является феномен табу. Прямая вербализация религиозных, сексуальных, связанных со смертью или несчастьем реалий зачастую нарушает нормы социального восприятия и общественного одобрения [19, с. 23]. Отношение общества к подобным понятиям, как правило, носит консервативный характер, что, в свою очередь, порождает потребность в их смягчённом, опосредованном языковом выражении.

Значимую роль в процессе эвфемизации играют и политические ценности. В условиях цензуры и целенаправленного воздействия на общественное сознание эвфемизмы используются как инструмент нейтрализации потенциально конфликтной информации и предотвращения социальной напряжённости. В данном контексте они выполняют функцию сглаживания негативных оценок и минимизации общественного недовольства.

Не менее важным фактором является потребность в психологическом комфорте коммуникантов. Стремление представить информацию в менее травмирующей, эмоционально нейтральной форме связано с тем, что человек не всегда готов к прямому столкновению с неприятной или тревожной реальностью. Язык в таких случаях адаптируется к психологическим потребностям индивида, обеспечивая более мягкие способы номинации.

Культурные интерпретации также оказывают существенное влияние на формирование эвфемизмов. Каждое общество обладает собственными культурными кодами, которые определяют форму и содержание эвфемистических выражений [1; 4]. Следы этого влияния отчётливо прослеживаются в устном народном творчестве, религиозных текстах и системе традиций, где эвфемизмы выполняют функцию сохранения сакральных и моральных норм. Культурная обусловленность эвфемизмов проявляется в том, что различные языковые сообщества по-разному структурируют и интерпретируют социально чувствительные понятия. Как отмечается в современных исследованиях дискурса, «различия в способах выражения и оформления мысли на разных языках интерпретируются как культурно обусловленная особенность» [5, с. 130], что напрямую соотносится с функционированием эвфемизмов как инструмента языковой этики и социальной адаптации.

Особое место среди факторов эвфемизации занимают представления о поле и гендерных ролях. В традиционных обществах многие выражения, связанные с ролями мужчины и женщины, подвергаются эвфемистической замене. В частности, это касается номинаций, связанных с беременностью женщины и репродуктивной сферой, где эвфемизмы служат средством соблюдения этических норм и социальной деликатности.

Эвфемизмы активно функционируют в различных сферах общественной коммуникации, выполняя специфические прагматические и этические задачи. В политическом дискурсе они используются преимущественно как манипулятивные и нейтрализующие средства, направленные на смягчение негативной информации и управление общественным восприятием. Так, вместо прямого обозначения «гибель мирного населения» нередко употребляется эвфемистическое выражение «побочные эффекты», что позволяет снизить эмоциональную напряжённость высказывания.

В медицинской сфере эвфемизмы служат средством сохранения психологического комфорта пациента и проявлением профессиональной этической ответственности. В частности, при сообщении диагноза предпочтение часто отдаётся более нейтральным или смягчённым формулировкам (например, использование выражения «новообразование» или «рост» вместо прямого наименования тяжёлого заболевания). Таким образом, эвфемизация становится частью этики медицинской коммуникации.

В системе образования и педагогики эвфемизмы применяются для смягчения негативных оценок и диагнозов, связанных с обучающимися. Например, вместо формулировки «проблемы с обучением» используется выражение «потребность в альтернативных образовательных подходах», что способствует более корректному и поддерживающему коммуникативному взаимодействию.

В журналистике и средствах массовой информации эвфемизмы используются с учётом общественного восприятия и требований языковой этики. Они позволяют представлять информацию в социально приемлемой форме, однако в ряде случаев выполняют функцию сокрытия или искажения реального положения дел, выступая инструментом идеологического воздействия.

Наконец, в сфере семейных и личных отношений эвфемизмы способствуют созданию комфортной коммуникативной среды при обсуждении внутрисемейных конфликтов и чувствительных тем. В таких ситуациях они выполняют функцию снижения конфликтности и поддержания эмоционального баланса между участниками общения.

Эвфемизмы выступают показателем коллективного сознания общества и его этической рефлексии. В качестве культурного кода они выполняют функцию сохранения нравственной чувствительности социума. Каждая культура формирует собственную систему эвфемизмов, посредством которой закрепляются модели коллективного речевого поведения. Анализ таких систем позволяет получить глубокие сведения о ценностной ориентации общества и его психологическом состоянии. В рамках межкультурного сопоставления эвфемизмы выявляют специфику различий между обществами, отражая особенности их мировоззрения и коммуникативных норм.

Со временем эвфемизмы подвергаются изменениям, которые находят отражение как в их диахронном (историческом), так и в синхронном (современном) аспектах функционирования [15, с. 279]. Так, лексические единицы, воспринимавшиеся в прошлом как табуированные (например, обозначения, связанные с колдовством), в настоящее время используются преимущественно в фольклорном или историческом контексте. Синхронный анализ, в свою очередь, позволяет выявить различия в употреблении эвфемизмов представителями различных социальных слоёв и возрастных групп. Эвфемизмы обеспечивают возможность более мягкого и деликатного выраже-

ния табуированных или социально неодобряемых тем, что служит средством защиты адресата в процессе коммуникации и способствует поддержанию гармоничных социальных отношений [20, с. 82].

Таким образом, эвфемизмы следует рассматривать как комплексные лингвистические единицы, выполняющие не только лексические, но и социальные и культурные функции. Они обеспечивают адаптацию языка к требованиям нравственности, эстетики и коммуникативной целесообразности. В этом отношении изучение эвфемизмов выходит за рамки собственно лингвистики и входит в сферу интересов социологии, психологии, политологии и смежных дисциплин. Эвфемизация способствует формированию более гибкой, гуманистической и этически ориентированной языковой системы. Перспективные исследования в данной области должны быть направлены на анализ функционирования эвфемизмов в контексте искусственного интеллекта, массовых информационных технологий и процессов глобализации.

Глобализация и развитие цифровой коммуникационной среды значительно ускорили как распространение эвфемизмов, так и процессы их трансформации. Расширение интернет-пространства и социальных сетей привело к изменению способов языкового употребления [9]. В частности, при репрезентации событий глобального масштаба в общественном дискурсе широко используются эвфемистические выражения, обладающие нейтрализующим и одновременно манипулятивным потенциалом. Так, в военном контексте применяются номинации типа «миротворческое вмешательство», а в условиях экономического кризиса – выражения вроде «процессы восстановления», которые ориентированы на массовую аудиторию и выполняют смягчающе-утешительную функцию. Подобные формулы активно используются государственными структурами и средствами массовой информации как инструмент воздействия на общественное мнение.

Развитие искусственного интеллекта, автоматизированных систем порождения текста и машинного перевода также влияет на характер употребления эвфемизмов. Такие системы нередко ориентированы на соблюдение этических норм и потому автоматически отдают предпочтение смягчённым формам выражения либо выбирают эвфемистический вариант в зависимости от контекста. Это свидетельствует как об интеграции технологий с принципами этической коммуникации, так и о возможностях будущего автома-

тизированного управления эвфемистическим языком. Кроме того, формирование новых способов выражения в цифровых платформах [8] способствует быстрому усвоению и распространению эвфемизмов.

Исследование эвфемизмов, таким образом, требует междисциплинарного подхода. Их анализ предполагает учёт не только лингвистических, но и социологических и психологических перспектив, что позволяет всесторонне раскрыть их роль в современном языковом и социальном пространстве.

С методологической точки зрения в исследовании эвфемизмов применяется комплекс взаимодополняющих научных методов. Одним из ключевых является дискурс-анализ [6], направленный на изучение функционирования эвфемизмов в политическом и общественном дискурсах. Посредством данного подхода выявляются доминирующие идеологии и ценностные установки общества, а также способы их языковой репрезентации.

Существенное место занимает семантический анализ, ориентированный на исследование лексико-семантической структуры эвфемизмов и процессов смысловых трансформаций. Данный анализ позволяет проследить, каким образом эвфемизмы интегрируются в лексические поля языка и какие механизмы лежат в основе их семантических сдвигов. Особую значимость в этом контексте приобретает фоно-семантическое развитие, оказывающее заметное влияние на лексическую структуру языка. Семантические изменения, в частности ослабление, смягчение и модификация значения, играют важную роль в адаптации языка к его этическим функциям [21, с. 152].

Этнолингвистический подход предполагает сопоставительный анализ духовных и традиционно-обрядовых функций эвфемизмов в различных культурах [2; 3; 10]. Данный метод позволяет выявить взаимосвязь между этнической идентичностью и языковыми средствами выражения, а также раскрыть специфику культурно обусловленных моделей эвфемизации [11; 7].

Важным методологическим инструментом являются корпусные исследования, основанные на статистическом анализе аутентичного языкового материала. С их помощью определяется частотность употребления эвфемизмов, сферы их функционирования и модели распространения в современном языке. Такой подход обеспечивает более объективное представление о современных эвфемистических тенденциях и позволяет выявить динамику их развития, функциональную нагрузку и роль в социальном контексте.

Отдельного внимания заслуживает место эвфемизмов в процессе обучения иностранным языкам. Для неносителей языка корректное понимание эвфемистических выражений в контексте является важным условием успешной коммуникации. Прямое употребление табуированных выражений может привести к коммуникативным сбоям и даже к культурным конфликтам. В связи с этим обучение языку должно охватывать не только его грамматическую систему, но и культурные, прагматические и этические аспекты, обеспечивающие адекватное межкультурное взаимодействие.

Библиографический список

1. Бакина, А.Д. Аллюзия как средство трансляции культурного кода / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Вестник НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – 2021. – № 4(56). – С. 149–155. – <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2021-56-4-149-155>.
2. Бакина, А.Д. Да воздастся каждому по трудам его / А. Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – 2020. – Вып. 4(52). – С. 151–155.
3. Бакина, А.Д. Методы лингвистического исследования в синхронии и диахронии / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2022. – № 8(2). – С. 190–196. – https://doi.org/10.22250/24107190_2022_8_2_190.
4. Басова, Т.А. О русской фразеологии в свете антропоцентрической парадигмы / Т.А. Басова, Т.Н. Федуленкова // Вестник Череповец. гос. университета. – 2021. – № 5(104). – С. 190–197. – <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-5-104-16>.
5. Габибова, К.А. Машинная метафорика в техноmodernных текстах / К. А. Габибова // Terra Linguistica. – 2025. – Т. 16. – № 4. – С. 128–140. DOI: 10.18721/JHSS.16408.
6. Федуленкова, Т.Н. Инновации в изучении лингвокреативности кинодискурса / Т. Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25. – № 2. – С. 129–132. – <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V428>.
7. Федуленкова, Т.Н. Константы национальной лингвокультурной картины мира / Т. Н. Федуленкова // Вестник САФУ. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». – 2024. – Т. 24. – № 3. – С. 134–137.

8. Федуленкова, Т.Н. О стилистике жанров и генераторской стилистике / Т.Н. Федуленкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. – 2025. – № 1. – С. 126–131. – <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-126-131> .
9. Федуленкова, Т.Н. Рецензия на монографию Н. А. Кузьминой: Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Т. Н. Федуленкова. М.: ЛИБРОКОМ, 2018, 272 с. // Человек. Культура. Образование. – 2019. – 2(32). – С. 238–245. <https://doi.org/10.34130/2223-1277-2019-2-238-245> .
10. Федуленкова, Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков / Т.Н. Федуленкова. – Изд. 2-е, испр. – Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2018. – 220 с.
11. Федуленкова, Т.Н. Фоновые знания о языке – основа успеха межкультурной коммуникации / Т.Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2024. – № 1 (65). – С. 187–191. – <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-187-191> .
12. Allan, K. Forbidden words: taboo and the censoring of language / K. Allan, K. Burrige – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 284 p. ISBN 978-0-521-84889-3
13. Burrige, K. Euphemism and language change: The sixth and seventh ages / K. Burrige // Lexis: Journal in English Lexicology. – 2012. – No. 7. – P. 65–92.
14. Chamizo-Domínguez, P.J. Euphemisms and dysphemisms: Some theoretical considerations / P. J. Chamizo-Domínguez // Journal of Pragmatics. – 2005. – Vol. 37, no. 12. – P. 1875–1890.
15. Fromkin, V. An introduction to language / V. Fromkin, R. Rodman, N. Hyams. – 11th ed. – Boston: Cengage Learning, 2017. – 624 p. ISBN 1-305-25571-0.
16. Habibova, K.A. The Specificity of Everyday Discourses / K. A. Habibova // First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019). – Paris: Atlantis Press, 2020. – P. 335-340.
17. Həbibova, K.Ə. Siyasi diskursda frazeoloji vahidlərin manipulyativ potensialı (Azərbaycan Respublikasının Prezidenti İlham Əliyevin Twitter paylaşımaları əsasında) / K. Ə. Həbibova // Naxçıvan Dövlət Universitetinin Elmi Əsərləri. – 2025. – № 3. – S. 40–47. – DOI: 10.64400/ea25-3-07

18. Neamanç, J. Euphemism and dysphemism: Language used as a mask and a weapon / J. Neamanç, S. Silver. – Oxford: Oxford University Press, 1993. – 307 p. – ISBN 0-19-506272-2

19. Rawson, H. A dictionary of euphemisms and other doubletalk / H. Rawson. – New York: Crown Publishers, 1981. – 312 p. – ISBN 0-517-54641-2

20. Tekin, S. Dil ve edebiyat: dilin toplumdaki yeri / S. Tekin. – İstanbul: Kültür Yayınları, 2000. – 296 s. – ISBN: 975-17-2368-4

21. Xəlilov, B.Ə. Azərbaycan dilində fellərin fono-semantik inkişafı: filol. elmlər dok. dis.: 57001 / Xəlilov Bəxtiyar Əhməd oğlu; Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universiteti. – Bakı, 2000. – 304 s.

УДК 81'373

Шайбакова Дарья Вадимовна

магистрант,

преподаватель кафедры германского языкознания

Гутовская Марина Степановна

научный руководитель,

доктор филологических наук, профессор,

заведующий кафедрой германского языкознания,

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

**ФРАЗЕОЛОГИЯ ОБЛАДАНИЯ ЗНАНИЕМ
В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ:
МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ СЕМАНТИЧЕСКАЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ**

Аннотация. Статья посвящена экспликации фразеологических представлений о феномене обладания знанием в русском и английском языках. Устанавливаются универсальные и национально-специфические способы осмысливания выбранного феномена. Определяется характер выявленных случаев межъязыковой семантической безэквивалентности.

Ключевые слова: фразеология с семантикой «знание» / «knowledge»; концепт знания; фразеологическая картина мира; когнитивная фразеология.

Shaibakova Darya Vadimovna

Master's student,

Lecturer at the Department of Germanic Linguistics

Gutovskaya Marina Stepanovna

Research Supervisor,

Doctor of Philology, Professor,

Head of the Department of Germanic Linguistics,

Belarusian State University

(Minsk, Republic of Belarus)

THE PHRASEOLOGY OF THE POSSESSION OF KNOWLEDGE IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES: INTERLANGUAGE SEMANTIC EQUIVALENCE

Abstract. The article is devoted to the analysis of the phraseological representation of the phenomenon of the possession of knowledge in the Russian and English languages. Universal and national-specific ways of understanding the chosen phenomenon are established. The nature of the identified cases of interlingual semantic non-equivalence is determined.

Keywords: phraseology with the semantics of «знание» / «knowledge»; the concept of knowledge; phraseological picture of the world; cognitive phraseology.

Фразеология занимает особое место в системе языка как область, в которой наиболее выражено проявляется взаимосвязь языковых форм, коллективного опыта и когнитивных установок носителей отдельной лингвокультуры. Фразеологические обороты (ФО) не только аккумулируют и выражают информацию о предметах и явлениях окружающего мира, но и указывают на способы интерпретации, оценку и место феноменов действительности в системе ценностей общества. Сложная смысловая структура ФО требует аналитического осмысления в рамках современных лингвокогнитивных подходов. Сопоставительное изучение коррелятивных семантических объединений ФО в разных языках позволяет выявить как общие закономерности концептуализации соответствующего феномена действительности, так и специфические черты национального мышления. Это особенно актуально при обращении к фразеологии фундаментальных, социально значимых феноменов, таких как знание, через призму которых происходит базовое структурирование человеческого опыта.

В статье представлены некоторые результаты реализации первого этапа сопоставительной лингвокогнитивной методики исследования коррелятивных разноязычных фразеосемантических полей (ФСП) авторства М.С. Гутовской [7]. Ключевая задача данного этапа – раскрытие содержания фразеологического концепта «знание» / «knowledge» в русском и английском языках. Материал исследования отобран из словарей контрастивно-лексикографическим методом [5] и насчитывает 506 фразеологизмов: 230 русских ФО-конституентов ФСП «знание» и 276 английских ФО-конституентов ФСП «knowledge». Весь корпус ФО классифицирован по трем доминантным (наиболее представленным фразеологизмами) фразеосемантическим группам (ФСГ), отражающим признаки феномена знания, значимые для его осмысливания носителями языка: 1) «наличие или отсутствие знания» / «presence or absence of knowledge»; 2) «получение или утрата знания» / «obtaining or loss of knowledge»; 3) «идеи, мнения и их транслирование» / «ideas, opinions and their transfer». Бинарный характер двух первых ФСГ позволяет рассматривать выделенные признаки более детально путем обращения к фразеосемантическим подгруппам (ФСПГ), реализующим отдельные аспекты признаков. Первая ФСГ «наличие или отсутствие знания» / «presence or absence of knowledge» включает ФСПГ «обладание знанием» / «possession of knowledge» и ФСПГ «недостаточность или отсутствие знания» / «lack or absence of knowledge». В рамках второй ФСГ выделяются ФСПГ «приобретение, получение знания» / «obtaining knowledge, knowledge acquisition» и ФСПГ «утрата знания» / «loss of knowledge».

Выявление универсальных и национально-маркированных характеристик в восприятии феномена знания осуществляется посредством анализа и последующего синтеза семантики ФО в выделенных ФСГ. Процедура синтеза также предполагает установление характера межъязыковой семантической безэквивалентности обнаруженных специфичных единиц [7, с. 81]. Согласно концепции М.С. Гутовской, существует три типа специфичности: этноязыковая (обусловленная структурно-звуковыми особенностями языка), этнокогнитивная (связанная с уникальностью национальных ассоциаций и мировидения) и этнокультурная (определяемая самобытностью культурных реалий народа) [6, с. 121–124]. В рамках данной статьи рассматривается ФСПГ «обладание знанием» / «possession of knowledge», осуществляется синтез значений ФО-конституентов, анализируются случаи межъязыковой безэквивалентности.

Имеющееся у человека знание во фразеологии обоих языков дифференцируется по степени глубины и полноты. Оно может быть ограничено общим знакомством (*скользить по поверхности* «не вникать глубоко в существо чего-л., ограничиваться самым общим, приблизительным знакомством с чем-л.» [12, с. 200], *nodding acquaintance* (букв. «знакомство, когда при встрече только кивают издалека, а не подходят пожать руку») «superficial knowledge of someone or something» [1, p. 557]), либо, напротив, быть всесторонним и детализированным (*видеть насквозь* «очень хорошо знать кого-л., что-л., понимать» [12, с. 163], *know smth inside out* (букв. «знать не только снаружи, но и с изнанки») «know something extremely well, thoroughly» [1, p. 426]). «Серединные» значения такого континуума во фразеологии не отмечаются: фразеологическую номинацию получают знания исчерпывающие (оцениваются положительно) и поверхностные (маркируются негативно), но не удовлетворительные.

Важным критерием оценки знания является его практическая применимость. Высоко ценится знание, которое трансформируется в умение, навык, мастерство: *золотые руки* «мастерство, умение безукоризненно делать что-либо» [11], *past master* (букв. «мастер в прошлом») «a person who is thoroughly experienced or exceptionally skilled in some activity or craft» [1, p. 626]. Это подтверждается наличием большого количества фразеологизмов, обозначающих компетентность, опытность: *знать толк* «быть сведущим, разбираться в чем-л.» [12, с. 92], *know the ropes* (букв. «знать веревки») «be informed about the details of a situation or task» [1, p. 468]. Носитель знания воспринимается как авторитет, знаток в конкретной области: *карты в руки* «о знатоке, авторитете в чем-л.» [12, с. 106], *be one's specialty* (букв. «быть чьей-л. специализацией») «somebody's knowledge, experience make him best suited for some job, task» [8, с. 245].

Знание атрибутируется через характеристику ума человека: его силу, скорость и остроту (*умная голова* «об умном, толковом человеке» [12, с. 303], *sharp as a tack* (букв. «острый как гвоздь») «mentally acute» [1, p. 728]). Отдельно выделяется мудрость как высшая форма знания, синтезирующая эрудицию, опыт, глубину понимания: *бездна премудрости* «обширные, глубокие познания» [4], *a fount of wisdom* (букв. «источник мудрости») «a source, treasury of profound knowledge» [8, с. 11]. Как ценная характеристика маркируется и способность к независимому мышлению: *иметь свою голову на плечах* «быть умным, уметь соображать, рассуждать»

[11], *have a mind of one's own* (букв. «иметь собственный разум») «think independently, reach one's own opinions or conclusions» [1, p. 537].

Этнокультурная специфичность межъязыковых несовпадений прослеживается в русском ФО *змеиная мудрость* «изощренная мудрость; благоразумие, не чуждавшееся лукавства» [12, с. 91]. Английский язык не фразеологизирует феномен изощренной, лукавой мудрости, фокусируясь скорее на характеристиках всесторонности, объемности, глубины знаний, что указывает на различную степень актуальности данного смысла в рамках целостного феномена мудрости.

Когнитивный характер межъязыковой безэквивалентности отличает фразеологизм *свое на уме* «о человеке, который скрывает что-л., имеет заднюю мысль» [12, с. 253]. Англоязычное сознание, безусловно, фиксирует значение скрытности и расчетливости (ср. *have an agenda* (букв. «иметь повестку дня») «have a secret goal or ulterior motive» [3]), но оно не фразеологизирует наличие невысказанной, личной мысли, которая может и не иметь негативной окраски. Когнитивно обусловленной межъязыковой безэквивалентностью отличается и ФО *man / woman of the world* (букв. «мужчина / женщина мира») «a sophisticated person, experienced in social conventions» [1, p. 530]. Близким значением обладают ФО *светский лев / светская львица*, однако в их дефинициях «подразумевается кто-л. вальяжный, изысканно одетый, уверенный в себе» [10], что не охватывает признаков, входящих в определение англоязычного ФО. Когнитивно специфичными являются также два противоположных по смыслу ФО: *one-track mind* (букв. «однонаправленный ум») «a mind limited to only one line of thought or action» [1, p. 588] и *open mind* (букв. «открытый ум») «a mind receptive to different opinions and ideas» [1, p. 606]. Для английского сознания значима оценка гибкости, адаптивности разума человека, способности воспринимать чужие точки зрения, что представляется не таким значительным для носителей русского языка.

В рассматриваемой ФСПГ широко представлены случаи лингвистической межъязыковой безэквивалентности. Например, в английском языке детально прорисован феномен поиска информации или обладания сведениями, порочащими честь другого человека, способными доставить ему неудобства: *get / have smth on smb* (букв. «получить / иметь что-л. на кого-л.») «obtain or possess damaging knowledge about someone» [1, p. 312], *get / have smb's number* (букв. «получить / иметь чей-л. номер») «determine or know smb's real character or motives» [1, p. 312], *hold smth over smb's head* (букв. «держат что-л. над чьей-л. Головой») «have knowledge of something about a person and to use that

knowledge to control the person» [2]. В русском языке схожие значения передаются более свободными сочетаниями типа *иметь компромат на кого-л.*, *иметь рычаги воздействия*, *знать уязвимое место* и др. Лингвистически безэквивалентным является и ФО *hired gun* (букв. «нанятый пистолет») «a person with special knowledge or expertise who is employed to resolve a complex problem» [1, p. 386]: русский язык при вербализации схожего феномена обращается к лексемам типа *эксперт*, *специалист*, *наемник*, которые используются с опорой на необходимое контекстуальное значение.

Русский язык описывает некоторые стороны знания достаточно экономно: лексемой *понять* возможно перевести ряд специфических для английского языка выражений: *get through one's head* (букв. «пронести через голову») «understand, believe, or be convinced» [1, p. 315], *take smb's point* (букв. «понимать чью-л. Позицию») «understand what someone is saying, concede the truth of what someone said» [1, p. 807], *get / have straight* (букв. «взять прямо») «understand correctly or make something clear» [1, p. 312]. Такое многообразие фразеологизмов, реализующих близкие значения, свидетельствует о повышенной актуальности достижения понимания между людьми для английской лингвокультуры.

Еще одним лингвистически безэквивалентным на фоне русского языка становится ФО, выражающий нестандартность мышления, ловкость, подвижность ума: *think on one's feet* (букв. «думать на ходу») «react quickly, be mentally agile» [1, p. 825] и *think outside the box* (букв. «мыслить вне коробки») «have original or innovative ideas» [1, p. 826]. Такие значения могут быть переданы в русском языке свободными сочетаниями слов типа *быстро реагировать*, *мыслить нестандартно* и др. Для английского языка лингвистически безэквивалентным становится ФО *путевка в жизнь* «знания, навыки и т.п., дающие возможность вести полезную трудовую деятельность» [12, с. 230], фокусирующийся на применимости полученных знаний, опыта в дальнейшем построении карьеры индивида. Англоязычное сознание номинирует схожие значения с помощью метафорических существительных *springboard (to a career)* (букв. «трамплин (к карьере)»), *passport (to success)* (букв. «паспорт (к успеху)»), которые не обнаруживают регулярности появления в языке в каком-либо из лексических сочетаний.

Знание во фразеологической картине мира – не просто набор сведений, а ресурс, обладающий параметрами глубины, практической полезности и тесно связанный с интеллектуальными способностями и опытом его носителя. Его высшие формы – это не столько

энциклопедическая осведомленность, сколько глубокая практическая мудрость и способность к мгновенной ориентации и принятию решений. Для русскоязычного сознания важно отметить прагматичное измерение знания, его неразрывную связь с социально одобряемой деятельностью на благо общества. Англоязычная фразеологическая картина мира, напротив, акцентирует возможность эффективно применять знание для решения задач отдельного человека, даже если это может опорочить честь другого. Это различие связано с разницей в ценностных установках: если в русской традиции знание направлено на полезность для окружающих людей (коллективистский тип общества), то в англоязычной – на результативность для индивида (индивидуалистский тип общества). Таким образом, выявленные лингвокультурные коды формируют национально-специфические векторы, определяющие приоритеты социального поведения и задающие этические пределы допустимого использования знания в рамках соответствующих цивилизационных моделей.

Библиографический список

1. Ammer, Ch. The American Heritage dictionary of idioms: more than 10 000 English expressions and phrases / Ch. Ammer. – New York : Houghton Mifflin Harcourt, 2013. – 506 p.
2. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms and Phrasal Verbs [Electronic resource]. – 2002. – URL: <https://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 10.12.2025).
3. The Free Dictionary by Farlex [Electronic resource]. – URL: <http://idioms.thefreedictionary.com/> (дата обращения: 10.12.2025).
4. Быстрова, Е.А. Учебный фразеологический словарь [Электронный ресурс] / Е. А. Быстрова, А. П. Окунева, Н. М. Шанский. – Электрон. текстовые дан. // Словари и энциклопедии на Академике : [сайт]. – URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/educational-phraseological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 02.12.2025).
5. Гутовская, М.С. Контрастивно-лексикографический метод установления составов фразео-семантических полей в сопоставительных лингвокогнитивных исследованиях / М. С. Гутовская // Веснік БДУ. Сер. 4. – 2013. – № 2. – С. 34–41.

6. Гутовская, М.С. Лексико-фразеологическая структура поля метаязыковых обозначений в русском и английском языках / М. С. Гутовская. – Минск : БГУ, 2019. – 399 с.
7. Гутовская, М.С. Сопоставительная лингвокогнитивная методика исследования коррелятивных разноязычных фразеосемантических полей / М.С. Гутовская // *Intercontinental dialogue on Phraseology. Vol. 4: Reproducible language units from an interdisciplinary perspective*. – Bialystok : University of Bialystok, 2020. – P. 75–90.
8. Лубенская, С.И. Большой русско-английский фразеологический словарь / С. И. Лубенская. – Москва : АСТ-Пресс, 2004. – 1056 с.
9. Михельсон, М.И. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс] / М. И. Михельсон. – Электрон. текстовые дан. // Словари online : [сайт]. – URL: <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 10.12.2025).
10. Телия, Е.Н. Большой фразеологический словарь русского языка [Электронный ресурс] / Е.Н. Телия. – Электрон. текстовые дан. // Словари online : [сайт]. – URL: <https://rus-phrase-dict.slovaronline.com/> (дата обращения: 18.12.2025).
11. Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А. И. Федоров. – Электрон. текстовые дан. // Словари и энциклопедии на Академике : [сайт]. – URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/phraseological-literary-dictionary/index.htm> (дата обращения: 14.12.2025).
12. Фразеологический словарь русского языка: св. 10 000 фразеологизмов / сост., рук. авт. кол. А.Н. Тихонов. – Москва : Рус. яз. Медиа ; Дрофа, 2007. – 334 с.

УДК 81'42

Шеховская Юлия Андреевна

*доцент кафедры иностранных языков,
Тюменское высшее военно-инженерное командное
училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова
(г. Тюмень, Российская Федерация)*

**ИДИОФРАЗЕОСТИЛЬ АВТОРА И МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ Р. ОСМАНА, М.С. БИТТОНА
И Э. ХОРОВИЦ)**

Аннотация. В статье рассматривается проблема идиофразеостиля как индивидуально-авторской системы фразеологических и синтаксико-семантических моделей, формирующих структурную и ценностную организацию художественного дискурса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнения механизмов моделирования дискурса в прозе неотрадиционалистов рубежа XX–XXI веков. Предлагается комплексный подход, объединяющий стилистический, дискурсивный и когнитивный анализ. На материале современной прозы выявляются доминантные фразеологические конструкции, определяющие специфику авторского миромоделирования.

Ключевые слова: идиофразеостиль; художественный дискурс; неотрадиционализм; фразеологическая система; авторская картина мира; дискурсивное моделирование; ценностная парадигма.

Shekhovskaya Yulia Andreevna

*Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Tyumen Higher Military Engineering Command School
named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov
(Tyumen, Russian Federation)*

**AUTHOR'S IDIOPHRASEOSTYLE AND DISCOURSE MODELING
(BASED ON THE PROSE OF
R. OSMAN, M. C. BEATON AND A. HOROWITZ)**

Abstract. The article examines the phenomenon of idiophraseostyle as an individual authorial system of phraseological and syntactic-semantic models that determine the structural and axiological organization of literary discourse. The

relevance of the study is connected with the need to clarify the mechanisms of discourse modeling in the prose of neotraditionalists at the turn of the twentieth and twenty-first centuries. The research is based on an integrated methodology combining stylistic, discursive and cognitive approaches. The analysis reveals dominant phraseological constructions that shape the specificity of the author's worldview representation.

Keywords: idiophraseostyle; literary discourse; neotraditionalism; phraseological system; authorial worldview; discourse modeling; axiological paradigm.

Современное литературоведение демонстрирует устойчивый интерес к исследованию индивидуально-авторских механизмов организации художественного текста. В условиях трансформации культурной парадигмы рубежа XX–XXI веков особое значение приобретает анализ неотрадиционалистской прозы, ориентированной на переосмысление классического наследия и реконструкцию ценностных оснований национальной культуры. В данном контексте ключевым понятием выступает идиофразеостиль, отражающий систему устойчивых речевых моделей, определяющих специфику авторского дискурса.

Проблематика индивидуального стиля получила всестороннее освещение в трудах отечественных лингвистов и литературоведов. Теоретические основания анализа художественной речи сформулированы в работах В. В. Виноградова, рассматривавшего стиль как целостную систему языковых средств, функционально обусловленных замыслом автора [1]. Концепция языковой личности, разработанная Ю. Н. Карауловым, позволила соотнести индивидуально-речевые характеристики с когнитивной и ценностной структурой субъекта творчества [2]. Дискурсивный аспект художественного текста исследован в трудах Н. Д. Арутюновой, определившей дискурс как коммуникативно обусловленную форму текстовой организации [3].

Идиофразеостиль в рамках предлагаемого исследования трактуется как совокупность фразеологических, синтаксических и семантических моделей, обладающих высокой степенью повторяемости в пределах авторского корпуса и выполняющих функции смыслового и ценностного структурирования текста. В отличие от более широкого понятия идиостиля, включающего фонетические, лексические и композиционные параметры, идиофразеостиль концентрирует внимание на устойчивых конструкциях, формирующих глубинный уровень дискурсивной организации.

Проза неотрадиционалистов характеризуется обращением к архетипическим образам, религиозно-нравственной проблематике и исторической

памяти. Дискурсивная стратегия авторов данной направленности строится на синтезе традиционной повествовательной модели и модернистских средств выразительности. В результате формируется особая текстовая среда, в которой фразеологические комплексы выполняют функцию смысловых узлов, конденсирующих культурные коды.

Моделирование дискурса в неотрадиционалистской прозе осуществляется посредством повторяемых структур, закрепляющих определённые ценностные доминанты. К числу таких структур относятся библейские реминисценции, трансформированные пословичные формулы, устойчивые метафорические ряды, а также синтаксические параллелизмы, задающие ритмико-интонационную организацию текста. Регулярность их использования позволяет говорить о формировании индивидуальной фразеологической матрицы, в пределах которой реализуется авторская концепция мира.

Анализ идиофразеостилия предполагает выявление корреляции между языковой формой и аксиологическим содержанием. Повторяющиеся фразеологические комплексы выполняют не только экспрессивную функцию, но и функцию концептуализации действительности. Через устойчивые словесные формулы автор закрепляет определённую интерпретацию исторического опыта, формируя дискурсивную модель, ориентированную на сохранение культурной преемственности.

Фразеологическая матрица неотрадиционалистской прозы формируется на пересечении нескольких семантических полей: сакрального, историко-культурного и экзистенциального. В пределах каждого поля функционируют устойчивые словесные комплексы, обладающие высокой степенью интертекстуальной насыщенности. Их систематическое воспроизведение образует структурный каркас дискурса, обеспечивающий смысловую связанность повествования.

Сакральное поле представлено библейскими аллюзиями, литургической лексикой и трансформированными молитвенными формулами. В тексте художественного произведения данные элементы выступают не в качестве декоративных включений, а как маркеры ценностной иерархии. Повторяемость сакральных конструкций создает эффект внутренней соотнесенности событий с метафизическим измерением. Подобная стратегия способствует формированию вертикали смысла, в рамках которой бытовая ситуация интерпретируется как часть духовной истории.

Историко-культурное поле реализуется через устойчивые выражения, восходящие к фольклорной традиции, классической литературе и национальной символике. Трансформация пословичных формул позволяет автору соединить традиционное семантическое ядро с актуальным контекстом. В результате возникает многослойная структура значения, где современное событие соотносится с коллективной памятью. Дискурсивная модель приобретает черты культурного диалога, а идиофразеостиль фиксирует события включения прошлого в актуальное повествование.

Экзистенциальное поле охватывает устойчивые метафорические комплексы, связанные с мотивами пути, испытания, утраты и духовного выбора. Повторяемость данных мотивов формирует концептуальный каркас произведения. Синтаксические параллелизмы, градационные ряды, анафорические конструкции закрепляют ощущение внутренней напряженности и смысловой концентрированности текста. Через подобные структурные приемы осуществляется моделирование дискурса как пространства нравственного испытания.

Особое значение в идиофразеостиле неотрадиционалистов приобретает категория повторяемости. Регулярное воспроизведение определенных словесных формул не сводится к стилистической особенности, а выполняет функцию смыслового акцентирования. Повтор задает ритмическую организацию текста, усиливает семантическую нагрузку ключевых понятий и формирует систему ценностных координат. Дискурсивная структура при подобной организации приобретает черты замкнутой семиотической системы, где каждый повтор служит подтверждением авторской позиции.

В рамках дискурсивного моделирования значимым оказывается соотношение авторской речи и речи персонажей. В прозе неотрадиционалистов наблюдается тенденция к сближению данных планов посредством включения в реплики персонажей устойчивых фразеологических комплексов, характерных для повествовательного уровня. Подобная стратегия способствует унификации речевого пространства произведения и создает эффект единой ценностной перспективы. Идиофразеостиль, таким образом, распространяется на всю текстовую ткань, формируя интегральную дискурсивную модель.

С точки зрения когнитивного анализа, устойчивые словесные формулы функционируют как репрезентации базовых концептов авторской картины мира. Через их регулярное воспроизведение закрепляются представ-

ления о долге, верности, памяти, жертве. Каждая фразеологическая конструкция выступает носителем культурного кода, актуализируемого в пределах художественного пространства. Моделирование дискурса приобретает характер концептуального конструирования, где языковая форма соотносится с системой мировоззренческих установок.

Методологически исследование идиофразеостилья предполагает сочетание количественного и качественного анализа. Выявление повторяющихся конструкций осуществляется посредством корпусного изучения авторского текста, после чего проводится их семантическая интерпретация. Подобный подход позволяет определить доминантные фразеологические комплексы и установить их роль в формировании дискурсивной целостности.

В результате анализа установлено, что идиофразеостиль неотрадиционалистской прозы характеризуется высокой степенью структурной организованности. Повторяемые словесные формулы формируют систему смысловых опор, обеспечивающих внутреннюю согласованность повествования. Дискурсивное пространство произведения выстраивается по принципу концентрической композиции, где ключевые мотивы возвращаются в различных контекстах, углубляя и уточняя первоначальное значение.

Следовательно, идиофразеостиль выступает механизмом моделирования художественного дискурса, соединяющим языковую форму и аксиологическое содержание. Через систему устойчивых конструкций автор формирует ценностную парадигму, задающую направление интерпретации событий и образов. Рассмотренный материал подтверждает продуктивность комплексного подхода к анализу индивидуально-авторских стратегий в прозе неотрадиционалистов.

Уточнение эмпирического материала исследования предполагает обращение к прозе Р. Османа, М. С. Биттона и Э. Хоровиц как репрезентативному корпусу современной англоязычной детективной литературы, в пределах которого отчетливо выявляются индивидуальные модели идиофразеостилья. Отбор авторов обусловлен возможностью сопоставительного анализа различных стратегий дискурсивного моделирования при относительном единстве жанровой парадигмы.

Материал исследования включает романы Р. Османа из цикла «The Thursday Murder Club», произведения М. С. Биттона из серии об Агате Рейзин, а также тексты Э. Хоровиц, построенные на принципе метадетек-

тивной композиции. Анализ осуществлялся с применением структурно-семантического и дискурсивно-прагматического подходов, предусматривающих выявление повторяющихся фразеологических комплексов, установление их функциональной нагрузки и определение их роли в формировании авторской модели повествования.

Идиофразеостиль Р. Османа характеризуется высокой степенью регулярности разговорно-прагматических формул, функционирующих в рамках повествовательного и диалогического уровней. Частотный анализ демонстрирует устойчивое воспроизведение синтаксических конструкций с оценочной модальностью, а также клишированных речевых оборотов повседневного общения, включённых в структуру авторской речи. Повторяемость данных элементов формирует специфическую коммуникативную тональность, основанную на иронической дистанции и интеллектуальной игре.

Фразеологические комплексы у Османа обладают функцией семантического смещения: традиционные речевые формулы помещаются в контекст, модифицирующий их исходную прагматику. В результате создаётся эффект двойной кодировки, при которой буквальный смысл сосуществует с ироническим подтекстом. Подобная стратегия способствует моделированию дискурса как пространства интерпретационной вариативности. Повтор структурных моделей закрепляет устойчивый ритм повествования и формирует узнаваемую интонационную организацию текста.

Идиофразеостиль М. С. Биттона демонстрирует иную конфигурацию повторяемых конструкций. В пределах его прозы доминируют клишированные выражения, характерные для провинциальной речевой среды, а также устойчивые описательные формулы, воспроизводящие социокультурные маркеры британской глубинки. Повторяемость данных единиц обеспечивает создание локализованного дискурсивного пространства, в котором социальная иерархия и нормативная система ценностей получают языковое закрепление.

Семантический анализ показывает, что фразеологические комплексы Биттона выполняют функцию стабилизации повествовательной структуры. Через систематическое воспроизведение стандартных оценочных и описательных формул формируется эффект предсказуемости, коррелирующий с жанровой моделью «уютного» детектива. Моделирование дискурса осуществляется посредством воспроизведения повторяющихся речевых схем, задающих рамки интерпретации событий и поведения персонажей.

Идиофразеостиль Э. Хоровиц отличается усложнённой организацией, связанной с метатекстуальной направленностью его произведений. Повторяемые конструкции включают формулы авторской рефлексии, элементы самокомментирования и устойчивые синтаксические модели, маркирующие переходы между уровнями повествования. Частотность подобных структур формирует дискурсивную модель, в которой исследование сопровождается постоянным анализом собственных повествовательных механизмов.

В текстах Хоровиц наблюдается регулярное использование вставных ремарок, риторических конструкций и самоотсылочных формул, создающих эффект многослойности. Повтор данных элементов выполняет функцию концептуального структурирования, обеспечивая взаимодействие фабульного и метадискурсивного планов. Идиофразеостиль в данном случае реализуется как система устойчивых речевых маркеров, фиксирующих аналитическую направленность повествования.

Сопоставительный анализ выявляет различия в типах повторяемых конструкций и их функциональной нагрузке. У Османа преобладают разговорно-иронические формулы с прагматическим смещением; у Биттона — социокультурно маркированные клише, обеспечивающие стабилизацию локального мира; у Хоровиц — метатекстуальные структуры, направленные на рефлексивное моделирование повествования. Во всех случаях идиофразеостиль выступает системообразующим фактором, определяющим специфику дискурсивной организации произведения.

Полученные результаты подтверждают положение о том, что моделирование художественного дискурса осуществляется через регулярное воспроизведение фразеологических и синтаксических моделей, обладающих концептуальной значимостью. Идиофразеостиль функционирует как механизм интеграции языковых средств и ценностных установок автора, обеспечивая целостность и структурную завершенность повествовательного пространства.

Библиографический список

1. Виноградов, В.В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – Москва : Наука, 1980. – 360 с.
2. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : Наука, 1987. – 264 с.

3. Арутюнова, Н.Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
4. Осман, Р. Клуб убийств по четвергам / Р. Осман ; пер. с англ. – Москва : 2021. – 416 с.
5. Beaton, M. C. Agatha Raisin and the Quiche of Death / M. C. Beaton. – London : Constable, 1992. – 192 p.
6. Horowitz, A. Magpie Murders / A. Horowitz. – London : Orion, 2016. – 496 p.

УДК 811.161.1'373.7

Ян Цзы

аспирант,

*Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
(г. Москва, Российская Федерация)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГОРЕ» В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ПОЗИЦИИ КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Аннотация. Актуальность работы заключается в изучении межкультурной репрезентации концепта «горе», её суть обнаруживается в анализе его проявлений в русских фразеологизмах через призму китайской лингвокультуры, а новизна определяется созданием целостной межкультурной референтной системы.

Ключевые слова: концепт горе; русский фразеологизм; китайская лингвокультура; концептуальная метафора; межкультурное сравнение

Yang Zi

PhD student

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

(Moscow, Russian Federation)

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF «GRIEF» IN RUSSIAN PHRASEOLOGY FROM THE PERSPECTIVE OF CHINESE LINGUOCULTURE

Abstract: The relevance of this study lies in the exploration of the cross-cultural representation of the concept of «grief». Its essence is explicated through the analysis of the concept's manifestations in Russian phraseology from the prism of Chinese linguoculture, and its novelty is defined by the construction of a comprehensive cross-cultural reference system.

Keywords: concept of «grief»; Russian phraseology; Chinese linguoculture; conceptual metaphor; cross-cultural comparison

Рассмотрение концепта как ментальной единицы, обладающей лингвокультурной маркированностью⁴, является логичным следствием утверждения антропоцентрической парадигмы в гуманитарных науках, особенно в лингвистике [3; 2]. Поскольку концепт обычно соотносится не с одной, а с целым рядом языковых единиц, последовательной методологической задачей становится описание всего набора лексических, фразеологических и афористических средств, «раскрывающих» его содержание в языке [6, с. 6]. Особое значение в этом ряду принадлежит фразеологическим единицам. Они обладают высокой научной ценностью, поскольку служат ключом к скрытым пластам сознания народа и раскрытию его культурного фонда [9]. Как отмечает В.А. Маслова, фразеологизмы выступают концентратами культурной информации, позволяющими приблизиться к внутреннему измерению народной культуры. В них кристаллизуются социально выработанные стереотипы и эталоны, значимые для данного общества [5, с. 74]. Таким образом, исследование концептов в русской фразеологии представляет собой один из ключевых путей к раскрытию национальной ментальности и культурной специфики [10].

⁴ См. тж.: Бакина А. Д. Аллюзия как средство трансляции культурного кода [1].

Эмоциональные концепты, как важная подкатегория в системе концептов, представляют собой когнитивное обобщение человеческого эмоционального опыта и охватывают такие аспекты, как причины возникновения, проявления и ценностные оценки эмоций. Настоящее исследование сосредоточено на лингвокультурной репрезентации концепта «горе» в русской фразеологии с привлечением китайской лингвокультурологической перспективы для контрастивной интерпретации⁵. Исследуемый в данной работе концепт «горе» не ограничивается собственно лексемой «горе», но относится к целостной семантической сфере и концептуальной структуре, отражающей в языке весь спектр связанных с ним негативных эмоциональных переживаний.

Основной источниковый материал для исследования отобран из «Фразеологического словаря современного русского языка» (под ред. Ю.А. Ларионовой, 2014 г.) [4], было определено 127 фразеологизмов, составивших корпус анализа. Для сопоставительного исследования из «Большого словаря китайских фразеологизмов» [11] были выбраны 98 характерных китайских фразеологизмов, связанных с выражением печали, которые формируют сопоставительный языковой материал [8]. В результате анализа 127 отобранных русских фразеологизмов установлено, что репрезентация концепта «горе» в русских фразеологизмах реализуется преимущественно через два пути: внутренние переживания и внешние проявления. Данные модели наглядно отражают особенности осмысления эмоции горя в русской языковой картине мира.

1. Категория внутреннего переживания

1) Органное травмирование

Основной лингвистический механизм подобных русских фразеологизмов заключается в одностороннем метафорическом отображении «эмоция – органное травмирование». В качестве ключевых эмоциональных носителей выступают лексемы «сердце» и «душа», через которые абстрактная печаль преобразуется в осязаемое психическое повреждение. Например, фразеологизм *«сердце кровью обливается»* формирует семантическую логику «горе как органическое травмирование» за счет визуализации образа «сердца, пропитанного кровью», подчеркивая интенсивность мучительного

⁵ См. тж.: Федуленкова, Т. Н. Современные направления в изучении фразеологии // Известия Иркутской государственной экономической академии, 2011, № 3 (77), с. 203–207. [7].

ощущения. Фразеологизм *«душа (сердце) надрывается»* сочетает физический и психический носители, придавая горе динамичную разрушительность и длительность через семантику действия «надрыва». Фразеологизм *«кошки скребут на душе (на сердце)»* детализирует протяженное мучительное воздействие горя за счет образа мелких, раздражающих движений кошек, сохраняя общую метафорическую схему «носитель – повреждение».

В китайских фразеологизмах также реализуется метафорический путь «горе – органное травмирование»: абстрактная горе преобразуется в осязаемое повреждение внутренних органов через их лексические носители, что подчеркивает интенсивность мучительного ощущения. Например, фразеологизмы *«心如刀绞»* (букв. сердце колет, как будто его колют ножом), *«肝肠寸断»* (букв. печень и кишки разрываются на части). Русский и китайский фразеологизмы разделяют общую когнитивную механику «эмоциональной инкарнации». Однако в русском языке носители эмоции концентрируются вокруг семантики «сердца/души», тогда как в китайском языке они расширяются до множества внутренних органов, акцентируя ощущение всеобъемлющего повреждения внутренней сферы человека.

2) Физическое давление

Основная лингвистическая логика подобных фразеологизмов строится на схеме «горе – физическое давление». Абстрактные эмоции отображаются через образы осязаемого физического воздействия. Например, фразеологизм *«с тяжёлым сердцем»* превращает горе в образ материальной тяжести: тактильное ощущение «сердца, нагруженного весом», передает мучительное, сдавливающее чувство. Фразеологизм *«как в воду опущенный»* опирается на образ погружения в воду, передавая ощущение невесомости и удушья – это придает горю семантику всеобъемлющего, обволакивающего воздействия. Фразеологизм *«почва (земля) уходит из-под ног»* через образ исчезновения опоры под ногами отражает семантику потери жизненного порядка и внутренней нестабильности.

В китайских фразеологизмах горе также часто выражается через схему «тяжесть – погружение – нестабильность». Абстрактные эмоции трансформируются в физические ощущения: чувство тяжести, опускания или потери равновесия. Это подчеркивает угнетающую силу горя и психологический дисбаланс. Например, фразеологизмы *«如负重担»* (букв. носить

тяжкий груз), «如坠冰窟» (букв. попасть в ледяную яму). Русские и китайские выражения по этой семантической группе являются изоморфными [12]. Однако русский язык акцентирует внимание на семантике «потери опоры под ногами», тогда как китайский чаще сочетает в себе комплексные ощущения: сдавливания, падения и холода.

2. Категория внешнего проявления

3) Внешнее проявление через слезы

Основная лингвистическая особенность подобных русских фразеологизм заключается в семантической привязке «интенсивность горя – объём слёз», формируя градацию от слабой до крайне сильной степени эмоции. Фразеологизм «*глаза на мокром месте*» маркирует минимальный порог внешнего проявления горя через образ слегка влажных глаз. Фразеологизм «*в три ручья плакать*» усиливает интенсивность эмоции посредством количественного образа «три ручья», визуализируя обильность слёз. Фразеологизмы «*выплакать глаза*» и «*пустить слезу*» – ключевая логика данных выражений сводится к тому: горе не может задерживаться внутри, она обязательно должна вылиться наружу.

В китайских фразеологизмах также реализуется механизм привязки «интенсивность горя – объём слёз». С объёмом слёз как индикатором внешнего проявления эмоции формируется градация интенсивности, обеспечивая объективизацию субъективных чувств. Например, фразеологизмы «*潸然泪下*» (букв. незаметно потекли слёзы), «*泣不成声*» (букв. плакать до слезного хрипа). Русский и китайский фразеологизмы разделяют единый сценарий «внешнего проявления эмоций»: оба используют количественную градацию слёз для измерения интенсивности горя, отражают общую семантическую логику «необходимости внешнего выхода горя».

4) Телесная поза

Основной лингвистический механизм подобных фразеологизмов заключается в метафорическом отображении «горе – снижение двигательной активности», при котором эмоция экспрессируется через определённые сценарии телесных движений. Фразеологизм «*опускать руки*» символизирует беспомощность и уступчивость человека в состоянии горя через пассивную позу рук. Фразеологизм «*опускать крылья*» включает поэтическую метафору крыльев, отражающую семантику «ломки жизненной силы». Фразеологизмы «*хвататься за голову*» и «*хвататься как за соломинку*» отражают

соответственно семантические признаки психической дезорганизации и борьбы за выживание в отчаянной ситуации. Все эти выражения вместе формируют семантическую конструкцию «горе – утрата двигательной компетентности».

В китайских фразеологизмах горе также часто кодируется через сценарии телесных движений и поз. Беспомощность и снижение двигательной активности выражаются посредством поз опускания, застоя и краха, придавая выражения повествовательный характер. Например, фразеологизмы «垂头丧气» (букв. повиснуть духом), «捶胸顿足» (букв. бить себя в грудь и стучать ногами о землю). Русский и китайский фразеологизмы закрепляют схему «горе – снижение двигательной активности» как стандартная поведенческая модель. Отличие заключается в том, что русская метафора «опускать крылья» носит более символический характер, тогда как китайские выражения часто дополняются лексемами, указывающими на конкретное психологическое состояние.

На материале «Толкового словаря современного русского языка» (под ред. В. В. Лопатина, 2009) данное исследование анализирует репрезентацию понятия «горе» в русских фразеологизмах. Анализ 127 единиц языкового материала показывает, что конкретизацию и кодировку эмоционального понятия горя в русских идиомах реализуют преимущественно два пути – через внутренние переживания и внешние проявления. При привлечении перспективы китайской лингвокультурологии в качестве точки сравнения выявлено, что в когнитии данного эмоционального понятия между русским и китайским языками существуют общие черты, но русский язык демонстрирует специфические особенности в выборе эмоциональных носителей и метафорических образов.

Данное исследование четко представляет репрезентативные особенности понятия «горе» в русских фразеологизмах. За счет привлечения межкультурного сравнительного подхода оно дополняет измерение транскультурных исследований эмоциональных понятий, а также служит практическим ориентиром для точного понимания соответствующих эмоциональных семантик в процессе русско-китайского лингвокультурного взаимодействия.

Библиографический список

1. Бакина, А.Д. Аллюзия как средство трансляции культурного кода. Рецензия на монографию: А.М. Гарифуллина. Культурологическая маркированность аллюзий в рамках художественного дискурса Дж. Фаулза. М.: ИНФРА-М, 2019. 120 с. / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2021. – № 4(56). – С. 149–155. – <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2021-56-4-149-155>.
2. Басова, Т.А. О русской фразеологии в свете антропоцентрической парадигмы / Т.А. Басова, Т.Н. Федуленкова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2021. – № 5(104). – С. 190–197. – <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-5-104-16>.
3. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
4. Ларионова, Ю.А. Фразеологический словарь современного русского языка / Ю. А. Ларионова. – Москва : Аделант, 2014. – 512 с. – ISBN 978-5-93642-359-8.
5. Маслова, В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений / В.А. Маслова. – 3-е изд., испр. – Москва : Издательский центр «Академия», 2007. – 208 с.
6. Панченко, Н.Н. Средства объективации концепта «обман» (на материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Волгогр. гос. пед. ун-т. / Н.Н. Панченко. – Волгоград, 1999. – 23 с.
7. Федуленкова, Т.Н. Современные направления в изучении фразеологии / Т. Н. Федуленкова // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 3 (77). – С. 203–207.
8. Федуленкова, Т.Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков / Т.Н. Федуленкова. – Изд. 2-е, испр. – Москва: Издательский дом Академии Естествознания, 2018. – 220 с.
9. Федуленкова, Т.Н. Фоновые знания о языке – основа успеха межкультурной коммуникации / Т. Н. Федуленкова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2024. – № 1 (65). – С. 187–191. – <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2024-65-1-187-191>.

10. Федуленкова, Т.Н. Фразеологическое пространство национального словаря в сопоставительном аспекте: монография. Т. II. 2 изд., исправленное / Т.Н. Федуленкова, З.К. Адамия, М. Чабашвили; под ред. Т.Н. Федуленковой. – М.: Академия Естествознания, 2024. – 140 с. – https://s.monographies.ru/doc/files/2024/12/file_676d3437ac92e.pdf.

11. 王涛. 中国成语大辞典：辞海版(新一版)[M]. 上海：上海辞书出版社, 2007：1640. = Ван Тао. Большой словарь китайских чэньюй：версия «Цыхай» (новое изд.) / Ван Тао. – Шанхай：Шанхайское словарное издательство, 2007. – 1640 с. – Текст：кит.

12. Shekhovskaya, J. A., & Fedulenkova, T. N. Allomorphy and isomorphism in somatic metaphor of English and Russian (Based on political discourse) / J. A. Shekhovskaya & T. N. Fedulenkova // Theoretical and Applied Linguistics. – 2025. – No 11(3). – 180–189. – <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-180>.

Раздел II
СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ В ФОКУСЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО
ДИСКУРСА И ИНТЕРТЕКСТА
WORD, PHRASE, TEXT IN THE FOCUS OF INSTITUTIONAL
DISCOURSE AND INTERTEXT

УДК 821.111

Талалова Лариса Николаевна

доктор педагогических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка

Крылова Наталья Федоровна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка

ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»

(г. Москва, Российская Федерация)

МЕТАНАРРАТИВЫ В ГРАФИЧЕСКИХ РОМАНАХ
ПОЗИ СИММОНДС

Аннотация. На примере графического романа «Gemma Boverу» английского автора Позы Симмондс, который интертекстуально связан с романами Г. Флобера и Ш. Бронте, рассмотрим механизм возведения протагониста до уровня культурного кода в современной метамодернистской литературе.

Ключевые слова: (пост)ирония; деконструкция; «новая искренность»; «боваризм»; онейросфера; онирический мотив; сакральное и профанное.

Talalova Larissa Nikolaevna

Doctor of Pedagogy, Associate Professor,

head of the Russian language chair

Krylova Natalya Fyodorovna

PhD in Philology, Associate Professor,

Russian language chair,

State University of Management

(Moscow, Russian Federation)

METANARRATIVES IN POSY SIMMONDS' DRAWN STRIPS

Abstract: while dealing with the P. Simmonds' "Gemma Boverу" bande dessinée which is marked by intertextuality with both G. Flaubert and Ch.

Bronte's novels, we analyze the protagonist's raising to the level of a cultural code in contemporary metamodern literature.

Keywords: (post)irony; deconstruction; "new sincerity"; "bovarysm"; oneiric space; oneiric motif; the sacred and profane.

Примеры использования (объединения) героев разных художественных произведений мировой литературы XIX века в одном тексте – традиция в литературе периода и постмодернизма, и метамодернизма, как составляющих частей постмодерна, границы которых четко не визуализируются. Постмодернистской интертекстуальности было недостаточно единичной отсылки к одному тексту. А вот метамодернизм на фоне усталости от непрерывного цитирования, в отличие от постмодернизма, признававшего невозможность создания нового текста, эти новые тексты (метанарративы) все же пытается создавать. Н.А. Хрущева полагает, что происходит «обнуление автора за счет обращения к надличному, надавторскому, к архетипическим формулам» [10, с. 78]. Действительно, если постмодернизм цитировал какого-то конкретного автора, то метамодернизм, тоже продолжая цитировать, возводит заимствованного героя(ев) до архетипического уровня, герой, скорее, – воплощение того или иного культурного кода.

То, как воплощаются известные герои классики в универсальные культурные коды, рассмотрим на примере сделанной в жанре трагикомедии «Джеммы Бовери» – графического романа (drawn strips/bande dessinée) популярного британского автора-иллюстратора и сценаристки Позы Симмондс. Автор многочисленных романов, отметившая в 2025 г. свое 80-летие, строго следует канонам пост/метамодернистской литературы: здесь и (пост)ирония, и пастиш, и фабуляции, и временные искажения, и фрагментация, и тексты о тексте (метапроза), т.е. все приемы, свойственные интертекстуальной прозе (см.: [1; 8])⁶. Роман печатался сначала в газете «The Guardian», затем – после явного успеха – был издан отдельной книгой (2000 г.), а в 2014 г. – экранизирован. Лента, кстати, уже совместное производство Франции и Британии, т.е. франкоязычная [6]. В 2022 г. за роман «Джемма Бовери» Поза Симмондс была удостоена Гран-при Теппфера, это достаточно престижная премия Швейцарии.

⁶ См. тж.: Федуленкова Т. Н. Рецензия на монографию Н. А. Кузьминой: Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2018, 272 с. // Человек. Культура. Образование, 2019, 2(32), с. 238–245. [9].

До выхода «Джеммы Бовери» П. Симмондс издала целый ряд графических романов, каждый из которых имел успех, большая часть была экранизирована (во всех случаях Симмондс выступила сценаристом). Все они, как и должно, строятся на отсылках к литературе XIX века, но в итоге рожают качественно иную, новую оптику у читателя, уходя от интерпретаций к порождению новых, дискурсообразующих, смыслов. Как бы ни хотелось избежать когда-то закономерно введенного Дэвидом Ф. Уоллесом термина «новая искренность», а теперь ставшего расхожей фразой, но, да, романы Симмондс – образчик этой «новой искренности».

М. А. Гладко так комментирует способы экспликации этой «новой искренности»: приемы построения такого рода текстов, где «... ядром дискурса чувствительности становится не эмоциональность, как категория, имеющая конкретные языковые маркеры, а намеренное, осознанное включение автором микронарративов, демонстрирующих человеческие ценности, индивидуальность, чувствительность, которые легитимизируют чувствительность <...> в <...> дискурсе, для которого обращение к ним считается нехарактерным» [3, с. 18].

Пози Симмондс берет за основу сюжет великого романа Гюстава Флобера «Мадам Бовари», перенося его в наше время. Поначалу, кажется, что разворачивается почти тот же сюжет с теми же героями, даже название романа созвучно оригиналу (правда, главную героиню зовут уже Джемма Бовери, поскольку она – англичанка). Джемма с мужем Чарльзом (Шарлем) переезжает из Англии во Францию в условный флоберовский Йонвиль-л'Аббе (в романе вымышленный крошечный городок где-то в Нормандии не назван вовсе).

Но главным героем становится сосед Джеммы, местный булочник, пекарь Раймон Жубер, который вбирает в себя образы рассказчика, а также формального «аптекаря»-отравителя (именно куском свежее испеченного хлеба пекаря Жубера, – банка мышьяка здесь будет ни при чем, – подавится Джемма). Наконец, и это главное, Раймон Жубер и есть Эмма Бовари во флоберовском понимании, ее alter ego. А Джемму Бовери мы и вовсе можем оставить без внимания, она мало похожа на Эмму, точнее, между ними вообще нет ничего общего, что понятно, ведь Эмма Бовари XIX века Г. Флобера – это Раймон Жубер из века XXI П. Симмондс.

Экзальтированный и рефлексирующий Жубер, хотя и булочник, но – настоящий интеллект, прочитавший всю классику, поживший в Париже,

но не реализовавшийся, вернувшийся на родину. Чтобы справиться со своими внутренними травмами, с фрустрацией, ему ничего не остается, как жить в мире грез и фантазий, его фантазийные сюжеты связаны с образами классической литературы, к реальной жизни они не имеют никакого отношения.

Если мы представим метамодернизм как что-то усредненное между миром чувственным и миром идей, то жуберовская «искренность представляет собой синтез истины и рефлексии <...>, носит интимный характер, демонстрирует индивидуальные представления о важной для человека откровенности, о переживании и воспоминаниях, которыми он готов поделиться» [7, с. 98], чаще не осознавая этого. Здесь уместен термин, введенный в свое время Жераром Женеттом – «боваризм» [5], а Гастон Башляр укладывает это в онейросферу человека, выделяя движущий героя онирический мотив [2]. Подобно мечтательной Эмме, будучи ее копией, Жубер «видит» аналогии между именами приехавшей англичанки и обреченной героини романа Флобера, следовательно, аналогии, в его понимании, распространяются и на поступки первой.

Чем больше усилий прилагает Жубер по спасению Джеммы от неминуемой трагической развязки, тем больше он сам же эту развязку и приближает. Флобер поражает магией языка. У Симмондс мистериальность того, что происходит, усилена, например, подменой мышьяка на хлеб. Джемма обожает выпекаемый Жубером хлеб, она – его постоянная покупательница, в очередной раз он передаст ей свежий хрустящий хлеб, которым она и подавится. Случайно. Буднично и прозаично. Библейские хлеб и вино много фигурируют в тексте, Симмондс не составляет труда часто на них ссылаться – профессия Жубера тому способствует, – но читатель не может не подметить, как автор в определенный, кульминационный, момент десакрализирует этот концепт, устраивая качели от сакрального – к профанному. Здесь четко просматривается постмодернистский прием с его «всепроникающей деконструкцией и иронией» [4, с. 69].

Героиня романа – Джемма Бовери – уходит, ей на смену приходит другая. Дом супругов Бовери после гибели Джеммы пуст и выставлен на торги (Чарльз вернулся на родину, в Англию). Через некоторое время в дом вселяется новая семья, которая, как и Бовери, приехала из Англии. С севера, кажется, из Торнфильда. После знакомства с хозяйкой дома Жубер ошеломлен, поскольку понимает, что перед ним – Джейн Рочестер, в девичестве –

Эйр. Читатель, следуя за онирическим мотивом Раймона Жубера (Эммы Бовари), может смело начать рисовать себе картины жизни героев, полной надежд на светлое будущее («новый романтизм») в этом крошечном, неназванном автором, нормандском городке.

Библиографический список

1. Бакина, А.Д. Аллюзия как средство трансляции культурного кода / А.Д. Бакина, Т.Н. Федуленкова // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. – 2021. – № 4(56). – С. 149–155. <https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2021-56-4-149-155>.
2. Башляр, Г. Поэтика пространства / Пер. с фр. / Г. Башляр. – Москва : Ad Marginem Press, 2025. – 320 с. ISBN 9785911035389, 9785908038843.
3. Гладко, М.А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве / М.А. Гладко // Terra Linguistica. – 2022. – Т. 13, №4. – С. 7–21.
4. Гребенюк, А.А. Метамодернистская психология: психолого-философский анализ возможности развития / А.А. Гребенюк // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. – 2020. – Т. 6(72), №3. – С. 67–76.
5. Женетт, Ж. Моменты безмолвия у Флобера / Пер. с фр. С. Зенкина / Ж. Женетт. Фигуры. Работы по поэтике. В 2-х т. Серия : Научная мысль. Т. 1. – Москва : Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 217–234. ISBN 5-8242-0065-3.
6. Крылова, Н.Ф., Талалова, Л. Н. Бовари и Каренина в одном сюжете: переосмысление классики на примере фильма «Другая Бовари» А. Фонтен / Н. Ф. Крылова, Л. Н. Талалова // Л. Н. Толстой в сознании человека цифровой эпохи : Материалы XXXVIII международ. чтений, посвященных 194-летию Л. Н. Толстого (Тула, 9 сентября 2022 г.) / Под ред. Д. А. Романова. – Тула : Изд-во ТГПУ им. Л. Н. Толстого, 2022. – С. 58–60.
7. Оводова, С.Н., Жигунов, А.Ю. Метамодернистский медиадискурс в современной культуре: от глобального молчания к глубокой искренности / С.Н. Оводова, А.Ю. Жигунов // Вестник Омского университета. – 2020. – Т. 25, №4. – С. 94–101.
8. Федуленкова, Т.Н. Проблемы прецедентности и языковое сознание индивида / Т.Н. Федуленкова // Вестник НГЛУ им. Н.А. Добролюбова. 2022. № 3(59). С. 148–153. [doi: 10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-148-153](https://doi.org/10.47388/2072-3490/lunn2022-59-3-148-153).

9. Федуленкова, Т.Н. Рецензия на монографию Н.А. Кузьминой: Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации. М.: ЛИБРОКОМ, 2018, 272 с. / Т.Н. Федуленкова // Человек. Культура. Образование. – 2019. – 2(32). – С. 238–245. <https://doi.org/10.34130/2223-1277-2019-2-238-245> .

10. Хрущева, Н.А. Постирония и эйфория: о метамодерне в академической музыке / Н.А. Хрущева // Вестник культурологии. – 2019. – №4. – С. 76–80.

УДК 81-22

Беселия Алена Олеговна

Ассистент

ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет

им. В. Н. Татищева»

(г. Астрахань, Российская Федерация)

ТИПОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ В СФЕРЕ БИЗНЕСА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. Данная статья посвящена изучению лингвистических и экстралингвистических особенностей функционирования официально-деловой документации в сфере бизнеса на материале английского языка. Лингвистические особенности были проанализированы на трех уровнях: грамматика, синтаксис, лексика. Экстралингвистические особенности были проанализированы с позиции композиции, структуры, прагматики.

Ключевые слова: официально-деловая документация, бизнес, английский язык, экстралингвистические и лингвистические особенности.

Beseliya Alyona Olegovna

Lecturer

Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev

(Astrakhan, Russian Federation)

TYPICAL FEATURES OF OFFICIAL BUSINESS DOCUMENTATION IN ENGLISH

Abstract. The article is devoted to the study of linguistic and extralinguistic features of official business documentation in English. The linguistic features

were analyzed on the basis of grammar, syntaxis, lexis. Extralinguistic features were examined on the basis of composition, structure and pragmatics.

Key words: official business documentation, business, English, extralinguistic and linguistic features.

Изучение особенностей речи на материале официально-деловой документации в сфере бизнеса в разное время являлось предметом рассмотрения для таких исследователей, как Н.Н. Андреева [1], С.Н. Безус [2], И.С. Богацкий [3], В.А. Богородицкая [4], Я.М. Вовшин [5], Е.В. Вохрышева, [6], Е.И. Горошко [7], Н.М. Громова [8], В.В. Гуринович [9], Х.А. Дарбишева [10], Т.В. Евграфова [11], В.А. Ерофеева [12], А.А. Жданов [13], Ф.У. Кинг [14], Т.В. Косолапова [15], С.П. Кушнерук [16], Дж. Лайнс [17], Л.К. Мазунова [18], Э.Н. Муратов [19], Л.А. Пекарская [20], Роготнева, Е.Н. [21], О.Д. Суворова [22], Ш. Тейлор [23], Е.Т. Тряпина [24], Т.Н. Федуленкова [25; 26; 27; 28; 32], В.В. Цаплин [29], С.А. Шевелева [30], Т.В. Шетле [31] и др. В условиях активно развивающихся международных отношений на актуальном этапе развития общества выросла роль изучения особенностей деловой документации на английском языке в сфере бизнеса с целью улучшения эффективности деловых контактов.

В качестве материала для анализа нами были отобраны 100 текстов на английском языке из сферы бизнес-документации с целью вычленения их экстралингвистических и лингвистических особенностей. В ходе проведенного нами исследования были выделены следующие экстралингвистические особенности этого типа текстов: объективность (связана с необходимостью соответствия правовым нормам), официальность (обусловлена юридическим статусом документа), сдержанность (обладает необходимостью отсутствия эмоционального компонента для избегания субъективного толкования), полнота информации (связана с основной задачей делового документа через необходимость максимально прозрачного и однозначного отражения юридически значимых сведений), точность (сокращает вероятность возникновения споров/судебных исков), компактность изложения (облегчает понимание излагаемой информации), стереотипность/ стандартизация (связаны с типовыми ситуациями делового общения, когда указанные характеристики необходимы для обеспечения полного понимания между коммуникантами). Прослеживается четкая, стандартизированная структура для каждого типа документа, жесткое логическое членение на разделы/пункты/под-

пункты, рубрикация, применение списков/таблиц/шапки документа/реквизитов/ссылок. Также стоит отметить наличие объективности, безличности, избегание эмоционально окрашенной лексики, точность /однозначность, отсутствие двусмысленностей, краткость при наличии полноты, соблюдение норм и рамок профессионального делового этикета.

Среди лингвистических особенностей мы отметили следующие:

- на уровне лексики (частое использование предложений с большим количеством слов (89%) терминологичность и точность (1259 терминов, 245 профессионализмов), использование формальной/архаичной лексики (123 канцеляризма), формулы/клише/аббревиатуры/акронимы (480 формул, 326 клише, 112 аббревиатур, 116 акронимов),
- на уровне синтаксиса (предложения с однородными членами (51%) длинные, сложные предложения с большим количеством придаточных, именной характер (номинализация): предпочтение отглагольным существительным перед глаголами (соотношение 69% к 31%), цепочки существительных (112 пар), инфинитивные и причастные обороты для лаконичности (125 штуки), преобладание утвердительных предложений (97%), повторы (236 штук), условные предложения (105 штук), преобладание двусоставных полных предложений (98%), расщепленных сказуемых (59 штук),
- на уровне грамматики (страдательные конструкции (39%), частое использование перфектных и будущих времён (145 случаев), условные предложения (особенно в контрактах) – 258 случаев, модальные глаголы (66%), устойчивые атрибутивно-именные словосочетания (101 штука), отсутствие личных местоимений первого лица, преобладание форм настоящего времени (93%).

Исследование актуальной деловой документации на английском языке в сфере бизнеса показало, что в ней активно используются грамматические и стилистические особенности, характерные для современного этапа развития литературного языка, при одновременном наслоении на них особенностей технического, рекламного, коммерческого подстиля. Эта черта помогает актуализировать функцию сообщения и воздействия. При этом ситуационное преобладание одной из этих функций продемонстрировано в нейтральном/стилистически окрашенном типе воздействия, где последний вариант имеет две формы – эксплицитную и имплицитную. Это, в свою очередь, объясняет специфические особенности анализируемого варианта документов. Характерные черты официально-деловой документации в сфере

бизнеса на английском языке оформляют её стиль, чья основная цель – гарантировать ясность, лаконичность, точность, юридическая корректность письменного общения. Эти особенности прослеживаются на всех уровнях языка. Качественное применение официально-делового стиля английского языка – это знание специальных слов и понимание определенной системы конвенций с целью обеспечения предсказуемости, эффективности, надёжности коммуникации. Уровень успешности работы деловых документов на английском языке обусловлен умением выбирать подходящий тип формальности, применять стандартные клише, преобразовывать информацию в легкую, четкую, логичную структуру.

Библиографический список

1. Андреева, Н. Н. На старт, внимание, резюме! / Н. Н. Андреева. – Москва: Вершина, 2006. – 173 с.
2. Безус, С. Н. Текст делового письма как объект лингвистического исследования / С. Н. Безус // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 1 (ч. 1). – С. 85–88.
3. Богацкий, И. С. Бизнес-курс английского языка / И. С. Богацкий, Н. М. Дюканова. – 5-е изд., испр. – Киев: Логос, 2003. – 352 с.
4. Богородицкая, В. А. Общеупотребительная бизнес-терминология в современном аутентичном дискурсе: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Богородицкая Виктория Александровна. – Москва, 2010. – 191 с.
5. Вовшин, Я. М. Ведение документации и корреспонденции на английском языке. The Way of Writing English Letters and Documents / Я. М. Вовшин, Н. П. Звонак, Р. С. Трохина. – Минск: ТетраСистемс, 2003. – 208 с.
6. Вохрышева, Е. В. Документная лингвистика: резюме и сопроводительные письма в английском и немецком языках: монография / Е. В. Вохрышева, Т. В. Евграфова. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. – 228 с.
7. Горошко, Е. И. Электронная коммуникация (гендерный анализ) [Электронный ресурс] / Е. И. Горошко. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 2005. – URL: <http://www.textology.ru/article.aspx?aldN86> (дата обращения: 11.03.2024). – Текст: электронный.

8. Громова, Н.М. Основы деловой переписки / Н. М. Громова. – Москва: Русслит, 1992. – 224 с.
9. Гуринович, В.В. Деловая переписка на английском языке : учебно-справочное пособие / В.В. Гуринович. – Минск : Харвест, 2004. – 256 с.
10. Дарбишева, Х.А. Онтология экспрессивности в письмах-оферта: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Дарбишева Хадижат Амирсултановна. – Москва, 2009. – 184 с.
11. Евграфова, Т.В. Характеристики современного англоязычного резюме как жанра частной деловой документации / Т.В. Евграфова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2009. – Т. 11, № 4 (6). – С. 1542–1547.
12. Ерофеева, В.А. Учитесь писать деловые письма на английском языке: справочное пособие / В. А. Ерофеева; под общ. ред. Т. Б. Лесохиной. – Москва: Билингва, 2004. – 52 с.
13. Жданов, А.А. Деловые письма и контракты / А.А. Жданов, И.Ф. Жданова. – Москва: Филоматис, 2002. – 288 с.
14. Кинг, Ф.У. Коммерческая корреспонденция на английском языке: Курс для изучающих английский язык как иностранный: учеб. пособие / Ф.У. Кинг, Д.Э. Кри. – Москва: Высшая школа, 1994. – 192 с.
15. Косолапова, Т. В. Типологические различия, проявляемые в текстах англоязычных резюме мужчин и женщин / Т.В. Косолапова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Сер. Филологические науки. – 2012. – № 8 (72). – С. 108–111.
16. Кушнерук, С.П. Теория современного документного текста: автореферат диссертации ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Кушнерук Светлана Петровна. – Волгоград, 2008. – 43 с.
17. Лайнс, Дж. 30 минут для подготовки резюме (в поисках новой работы) / Дж. Лайнс; пер. с англ. Е.И. Быстрова. – Москва: Лори, 2002. – 80 с.
18. Мазунова, Л.К. Теория и модель системного овладения культурой иноязычного письма [Электронный ресурс] / Л.К. Мазунова. – 2004. – URL: <http://zhurnal.ape.relarn.ru/articles/2004/233.pdf> (дата обращения: 11.03.2024). – Текст: электронный.

19. Муратов, Э.Н. Дипломатические документы и дипломатическая переписка на английском языке: учеб. пособие для вузов / Э.Н. Муратов. – 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Астрель: АСТ, 2001. – 224 с.
20. Пекарская, Л.А. Стилистика деловой речи / Л.А. Пекарская. – Нижний Новгород: НГЛУ, 2005. – 170 с.
21. Роготнева, Е.Н. Документная лингвистика: сб. учеб.-метод. материалов / Е.Н. Роготнева. – Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2011. – 78 с.
22. Суворова, О.Д. Мозаика национальных культур в современном деловом мире / О.Д. Суворова // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2006. – № 2. – С. 91–97.
23. Тейлор, Ш. Деловая переписка и образцы документов на английском языке / Ш. Тейлор; пер. с англ. С.Л. Могилевского. – Москва: Проспект, 2002. – 384 с.
24. Трясина, Е. Т. Деловая азбука нового века: учеб.-метод. пособие / Е. Т. Трясина. – Калининград: Янтарный сказ, 2002. – 152 с.
25. Федуленкова, Т.Н. Одномерные модели фразеологии современного международного делового языка / Т.Н. Федуленкова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2020. – Т. 6. – № 4. – С. 70–83. DOI: 10.18413/2313-8912-2020-6-4-0-7.
26. Федуленкова, Т.Н. Распространенные структурные модели деловой терминологии современного английского языка / Т.Н. Федуленкова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2020. – № 3 (96). – С. 114–125.
27. Федуленкова, Т.Н. Синтагматические модели во фразеологии делового английского языка / Т.Н. Федуленкова, Н. И. Прокопина // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – 2022. – Т. 18. – № 1(55). – С. 31–41.
28. Федуленкова, Т.Н. Фразеологическая терминология делового английского языка: основные структурные модели / Т. Н. Федуленкова, Н. Н. Спицына // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. – 2020. – № 1. – С. 5–13.
29. Цаплин, В.В. *Business Correspondence*: Деловая переписка на английском языке / В.В. Цаплин, Е. В. Мазурова, П. Г. Цыбенко. – Новосибирск, 1991. – 106 с.

30. Шевелева, С.А. 1000 фраз. Деловая переписка на английском языке / С.А. Шевелева, М. В. Скворцова. – Москва: Банки и Биржи : ЮНИТИ, 1995. – 128 с.

31. Шетле, Т.В. Англоязычная терминология банковского дела в языковой системе и речевой практике: автореферат диссертации ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Шетле Татьяна Владимировна. – Москва, 2010. – 21 с.

32. Fedulenkova, T.N. Terminology vs phraseology: meaning transfer in business terms // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. – 2022. – № 8 (4). – Pp. 41–56. DOI: 10.18413/2313-8912-2022-8-4-0-4.

УДК 82.085.1 : 659.1

Лелис Елена Ивановна

*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры журналистики и медиакоммуникаций,
Северо-Западный институт управления –
филиал РАНХиГС
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

БРЕНД-МЕДИА КАК НОВАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ФОРМА: НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В СОЗДАНИИ «ТЕКСТОВ» КОМПАНИЙ⁷

Аннотация. В статье исследуется нарративная природа бренд-медиа — актуального феномена цифровой коммуникации. Научная новизна заключается в применении литературоведческого (и шире — филологического) анализа для деконструкции стратегий конструирования «биографии» бренда. Бренд-тексты предлагается рассматривать как новую литературную форму — платформу производства культурных смыслов.

Ключевые слова: корпоративный нарратив; бренд-медиа; литературная форма; нарратология; конструирование смыслов; корпоративный дискурс; брендинг.

⁷ Исследование выполнено в рамках НИР ЕГИСУ_НИОКТР Северо-Западного института управления шай РАНХиГС

Lelis Elena Ivanovna,
*Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor of the Department of Journalism and Media Communications,
North-Western Institute of Management,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

**BRAND MEDIA AS A NEW LITERARY FORM:
NARRATIVE STRATEGIES
IN CREATING COMPANY "TEXTS"**

Abstract. The article explores the narrative nature of brand media, a relevant phenomenon in digital communication. The scientific novelty lies in the application of literary (and more broadly, philological) analysis to deconstruct the strategies of brand biography construction. Brand texts are proposed to be viewed as a new literary form, a platform for the production of cultural meanings.

Keywords: corporate narrative; brand media; literary form; narratology; construction of meanings; corporate discourse; branding.

Бренд-медиа, по определению современных исследователей, представляет собой «специализированное медиа-издание, основанное брендом, и способное функционировать независимо от общего образа бренда и его целевой аудитории. Это издание имеет свою уникальную читательскую базу, определённые цели, форматы и методы продвижения. Бренд-медиа включает в себя различные формы контента, включая блоги, пользовательский контент (UGC), видеоматериалы и подкасты» [3, с. 114].

Современные бренд-медиа сознательно используют аппарат классического и современного нарратива для конструирования связной и убедительной «биографии» бренда, что позволяет рассматривать их продукцию в рамках литературоведческого (и шире – филологического) и культурологического анализа [7].

Вот несколько наблюдений над тем, как современные российские бренд-медиа проявляют себя в качестве новой литературной формы.

Так, сквозь многообразие материалов, распространяемых бренд-медиа (интервью, репортажи, эссе), проступает *единый сюжет*, в котором

бренд выступает как «субъект действия»: преодолевающий вызовы (инновации, которые по возможности необходимо внедрять), помогающий другим (истории клиентов), меняющий мир (социальная миссия). Это вызывает необходимость в создании целостного персонажа.

Кроме того, бренд-нарративы часто строятся на основе универсальных моделей: *«путешествие героя»* (например, история создания стартапа), *«преодоление чудовища»* (например, борьба с глобальной проблемой), *«из грязи в князи»* (которая представляет собой путь истории успеха). Так обеспечивается быстрое узнавание и эмоциональное подключение аудитории.

В нарративе бренда выстраивается устойчивая галерея *архетипических персонажей*: Мудрый Основатель, Энтузиаст-Сотрудник, Благодарный Потребитель, Эксперт-Партнер. Их «голоса» (прямая речь, цитаты, отсылки) становятся инструментом полифонического подтверждения ценностей бренда.

Симптоматично, что успешные бренд-медиа создают не просто истории, а *целостный мир* со своим временем (акцент на будущем или традициях) и пространством (от конкретных офисов до глобальной миссии). Жанры корпоративного блога или видеозэссе работают как «главы» или «новеллы», расширяющие эту вселенную.

И еще одно наблюдение. Современные бренд-тексты часто отсылают не только к деловой сфере, но и к *культурным кодам* — цитатам из кино, литературы, публицистики. Это позволяет бренду позиционировать себя как часть более широкого культурного диалога, а его медиа — как платформу для производства актуальных смыслов, а не только товаров.

В качестве интересных примеров можно привести нарративные стратегии «Росатома» — российского государственного холдинга, объединяющего предприятия атомной отрасли. «Росатом» является собственником экосистемы медиа («Росатом» [6], «Росатом. Страна» [5]), представляющей собой кейс конструирования мифа о «созидателе будущего».

Как это работает? Корпорация с сложной для восприятия технологической повесткой создает захватывающий нарратив о покорении атома, науки и глобального влияния. В арсенале корпорации наиболее заметны следующие нарративные стратегии:

1. **Сюжет «Путешествие героя».** Миссия бренда подается как эпическое преодоление: от освоения северных территорий (стройки в Арктике) до «укрощения» термоядерного синтеза (проект ITER), создания су-

перпрочных материалов и гигафабрик – предприятий полного автоматического цикла. В результате бренд предстает как коллективный герой-первооткрыватель.

2. **Создание «мира Росатома» (или брендового хронотона).** Медиа активно конструируют особое пространство — *страну/цивилизацию атомных технологий* со своими городами (сюжеты из Соснового Бора, Рыбинска, Красного Бора; достижения ЦНИИТМАШ, МИФИ, события и реализация новых проектов и достижений на Кольской АЭС, Нововоронежской АЭС, строящейся Симоновской ВЭС, новости о сотрудничестве с Казахстаном, Ираном, Китаем, Египтом, Мьянмой и др.), героями (инженеры, физики, химики, IT-специалисты, врачи-радиологи) и миссией, которая была официально утверждена в апреле 2024 года – «использование достижений атомной науки и безопасных современных технологий на службу людям» [4].

3. **Интертекстуальность.** Публикуемые материалы часто отсылают к культурным кодам научной фантастики и советского технократического романтизма, позиционируя корпорацию как наследника великих научных нарративов. См., например, следующие публикации: «Думай как Стругацкие: тест о фантастических мирах» [1], «Код победителя: празднуем 80 лет успеха, формируем лучшее будущее на 100 лет вперед» [2] и др.

Эти примеры показывают, что российские бренды активно и изощренно используют литературные и нарративные техники для построения сложных текстов о себе, что полностью подтверждает нашу основную гипотезу.

Библиографический список

1. Думай как Стругацкие: тест о фантастических мирах: Росатом. Страна – URL : <https://strana-rosatom.ru/game/dumaj-kak-strugackie-test-o-fantastich/> (дата обращения: 20.01.2026).

2. Код победителя: празднуем 80 лет успеха, формируем лучшее будущее на 100 лет вперед: Росатом. Страна. – URL : [://strana-rosatom.ru/2025/12/25/kod-pobeditelya-prazdnuem-80-let-uspeha/](https://strana-rosatom.ru/2025/12/25/kod-pobeditelya-prazdnuem-80-let-uspeha/) (дата обращения: 20.01.2026).

3. Кучменко, М. А. Бренд-медиа как инструмент продвижения компании / М. А. Кучменко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – Т. 2, № 2(44). – С. 111–118.
4. Миссия. Стратегические цели. Ценности // Росатом: официальный сайт – URL : <https://www.rosatom.ru/about/mission/> (дата обращения: 20.01.2026).
5. Росатом. Страна – URL : <https://strana-rosatom.ru/> (дата обращения: 20.01.2026).
6. Росатом: официальный сайт. – URL : <https://rosatom.ru/index.html> (дата обращения: 20.01.2026).
7. Федуленкова, Т. Н. Стиливые доминанты интернет-коммуникации // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – № 11 (1). – С. 198–202. <https://doi.org/10.22250/241071902025111198>

УДК 81'42

Онал Инна Олеговна

кандидат филологических наук,

доцент кафедры перевода и переводоведения,

Новосибирский военный ордена Жукова институт имени генерала армии

И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации

(г. Новосибирск, Россия)

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТУРИСТИЧЕСКОГО МАРШРУТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ О ГОРНОМ АЛТАЕ)

Аннотация. Статья посвящена исследованию специфики метафорической репрезентации туристических маршрутов в рамках русскоязычного рекламного дискурса. Материалом исследования выступают текстовые описания туров по горному Алтаю, представленные на сайте туроператора *Russia Discovery*. Выявляются ключевые метафорические модели в указанном дискурсивном пространстве и их функции.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, туристический дискурс, рекламный дискурс.

Onal Inna Olegovna

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Translation and Translation Studies,

Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after General of the Army

I.K. Yakovlev of National Guard Troops of the Russian Federation

(Novosibirsk, Russian Federation)

METAPHORICAL MODELING OF A TOURIST ROUTE (BASED ON ADVERTISING TEXTS ABOUT THE ALTAI REGION)

Abstract. The article explores the specifics of metaphorical representations of tourist routes within Russian-language advertising discourse. The study focuses on text descriptions of tours in the Altai Mountains presented on the website of the tour operator *Russia Discovery*. Key metaphorical models within this discursive space are identified and their functions analyzed.

Key words: metaphor, metaphorical model, tourism discourse, advertising discourse.

В современном рекламном туристическом дискурсе ключевым фактором успеха становится формирование привлекательного образа туристической дестинации. В условиях высокой конкуренции на рынке путешествий, текстовое описание тура перестает быть нейтральным информационным сообщением, превращаясь в нарратив, призванный вызвать сильные эмоции и сформировать устойчивую мотивацию к его приобретению. Одним из наиболее эффективных средств создания такого привлекательного образа является метафора. В современной лингвистике метафора рассматривается как фундаментальный когнитивный механизм, позволяющий осмысливать одну концептуальную область (сфера-цель) через призму другой (сфера-источник) (см., например, работы Н.Д. Арутюновой, А.Г. Баранова, Н.Н. Болдырева, Э.В. Будаева, Дж. Лакоффа и М. Джонсона, Е.С. Кубряковой, А.П. Чудинова и мн. др.). Посредством метафорических моделей географическое пространство в тексте-презентации тура наделяется дополнительными смыслами, «оживает» и вступает в диалог с потенциальным путешественником.

Метафора может выполнять в дискурсе ряд функций: эстетическую, аттрактивную, познавательную (когнитивную), экспрессивную (эмоционально-воздействующую), компрессионную, номинативно-образную и др.

При этом, как утверждает И.М. Кобозева, одна из данных функций, как правило, доминирует и «формирует дискурсивное пространство» [4, с.136]. Исследователи единодушны во мнении, что ведущими и в туристическом, и в рекламном дискурсе являются экспрессивная и аттрактивная функции метафоры [2], [3], [5], [6] и др., которые заключаются в эмоциональном воздействии на реципиента и привлечении внимания потенциального клиента и создании у него привлекательности получаемого знания [1]. Очевидно, что данные функции тесно переплетаются.

Данное исследование посвящено выявлению метафорических моделей, служащих для репрезентации туристических маршрутов по одному из уникальных регионов для любителей дикой природы. Материал исследования составили 26 текстов-описаний путешествий по Алтаю с сайта компании *Russia Discovery*, специализирующейся по активным турам.

Как показывает анализ фактического материала, метафорические выражения в основном используются авторами текстов для репрезентации: 1) путешествия в целом; 2) региона в целом; 3) природы/ природы региона; 4) природных объектов и явлений (горы, реки, озера, тайга, степь, солнце, ветер и т.п.); 5) абстрактных понятий (время, безмолвие (тишина), свобода, история и др.).

Представим основные метафорические модели, используемые авторами текстов в описаниях маршрутов:

ПРИРОДА – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО/ ЧЕЛОВЕК

Природа наделяется личностью и волей, из-за чего путешествие превращается в диалог природы и туриста, приобретение последним доступа к скрытому знанию: *Путешествие, где адреналин встречается с гармонией, а природа раскрывает свои самые сокровенные тайны*. Метафора *сокровенные тайны*, в свою очередь, обещает открыть путешественнику неочевидные, скрытые от обычного взгляда красоты (потаенные озера, редких животных и т.п.), стимулируя любопытство и желание к ним приобщиться.

РЕГИОН (АЛТАЙ) – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО/ ЧЕЛОВЕК

Достаточно частым в исследуемом материале является метафорическое выражение *сердце Алтая*. Метафора *сердце* (чего-либо) традиционно обозначает суть, центр, нечто самое важное в предмете, явлении или месте. В нашем материале были обнаружены различные варианты сферы-цели данной метафоры, обусловленные, как видится, индивидуальным восприятием

авторов текстов и/или целями авторов маршрутов. Так, *сердцем Алтая* в разных контекстах становятся *Курайская степь*, *гора Белуха*, *плато Укок* или *Уймонская долина*, например:

*А если повезет с погодой, увидите **сердце Алтая** – гору Белуху.*

*Вы отправитесь в самое **сердце Алтая** – Уймонскую долину.*

При этом сам Алтай описывается как часть более крупного «организма» – *Евразии*:

*Приглашаем вас увидеть **богатую весеннюю палитру сердца Евразии** – Горного Алтая.*

Можно заключить, что *сердце Алтая* – это некий концентрированный метафорический образ, который ассоциируется с разными объектами, но в общем смысле символизирует сущность и высшую ценность данного региона.

ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ – ЖИВОЕ СУЩЕСТВО

Так же, как и природа в целом, отдельные ее объекты «оживляются», т.е. репрезентируются посредством зооморфной либо антропоморфной метафорических моделей. Например, река *змеей извивается в долине*, а Голубые озера описываются как *глаза Катунь*. Алтайские горы *облачены в снежные шапки*, и покидающих регион туристов они *проводжат своим безмолвным благословением*.

Описание озера как живого существа, которое *дышит*, наряду с аттрактивной, выполняет когнитивную и номинативную функции, поскольку помогает автору кратко и емко описать незнакомое читателю природное явление:

***Озеро постоянно «дышит»**, отчего рисунок на его поверхности меняется.*

В приведенном ниже фрагменте антропоморфная метафора (*принимает в объятия*) сочетается с артефактной (*бирюзовая лента Катунь*), создавая живой, яркий и красочный образ, стимулирующий воображение реципиента:

*Вы пройдете по тропе до места слияния рек Аргут и Катунь и увидите, как **бирюзовая лента Катунь принимает в свои объятия** мутный поток Аргута.*

ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ – АРТЕФАКТ

В рамках данной модели природные объекты описываются как предметы, созданные человеком. Например, озера сравниваются с *блюдцами воды* (сфера-источник «Предметы быта»), что позволяет создать понятный

визуальный образ: читатель сразу представляет округлые, неглубокие водоемы. Поверхность воды озер нередко изображается посредством метафоры зеркала:

Затем вы отправитесь к подножию Северо-Чуйского хребта, чтобы полюбоваться отражением снеговых вершин в зеркальной глади озера Джангысколь.

Природно-этнический парк Уч-Энмек эксплицируется с помощью метафоры храма (сферы-источники «Строение» и «Религия»), что не только помогает нарисовать в воображении закрытое со всех сторон пространство, где каменные стелы и древние курганы образуют *стены*, но и придает ему сакральный характер:

Это не просто живописное урочище, а настоящий природный храм под открытым небом...

Гейзерное озеро представлено как визитная карточка республики Алтай (сфера-источник «Деловое общение»), что делает его «лицом» территории и является рекомендацией к обязательному посещению данного места.

Метафора в данных фрагментах выполняет сразу несколько функций: наглядно-образную, эстетическую и аттрактивную.

Типичной для туристического дискурса является модель ПРИРОДНЫЙ ОБЪЕКТ – СОКРОВИЩЕ / ДРАГОЦЕННОСТЬ. В описаниях туристических маршрутов по Алтаю было выявлено незначительное количество таких метафор.

Вечерами будете нежиться в горячем чане под бриллиантовой россыпью звездного неба...

Далее вас отвезут к жемчужине Горного Алтая – Телецкому озеру.

Примечательно, что, в отличие от метафоры сердца, выражение жемчужина Алтая используется разными авторами в качестве номинации одного и того же объекта.

МИР (ИСТОРИЯ, СВОБОДА, ПРИРОДА, ТИШИНА) – ЭТО СУБСТАНЦИЯ. Данная метафорическая модель актуализируется через глаголы, описывающие предполагаемые или рекомендуемые действия путешественников, например:

Погрузитесь в дикую природу, не жертвуя привычным комфортом.

В этом туре мы объединили природные достопримечательности региона с погружением в его богатую историю.

Вдохните полной грудью свободу и окунитесь в мир, где каждый миг дарит возможность вспомнить себя настоящую.

Репрезентация самого путешествия осуществляется с помощью метафорических моделей ПУТЕШЕСТВИЕ – ЭТО ПЕРЕЗАГРУЗКА, ПУТЕШЕСТВИЕ – ЭТО ЦИФРОВОЙ ДЕТОКС, ПУТЕШЕСТВИЕ – ЭТО ДАР (ПОДАРОК). В отличие от первых двух моделей, представленных единичными номинациями, последняя модель представляет собой прием, регулярно используемый в маркетинговых целях:

Маршруты, которые подарят необыкновенные пейзажи и проверят на прочность;

Прогулка верхом по бескрайним просторам подарит вам чувство свободы;

Горный воздух, чистый и свежий, наполнит ваши легкие, даря невероятный прилив сил и бодрости.

Метафора дара (подарка) повышает ценность предлагаемого опыта, создает ощущение исключительности и щедрости со стороны организатора, а также эмоционально вовлекает клиента, обещая ему не просто услугу, а получение желаемых «предметов» (эмоций, впечатлений, здоровья и т.п.).

Проведенное исследование подтверждает, что метафора является важным когнитивно-дискурсивным инструментом, конструирующим образ предлагаемого туристического маршрута в сознании реципиента. Метафорическое моделирование в исследуемых текстах выполняет двойную задачу: когнитивную – структурируя и интерпретируя туристический опыт через знакомые понятия, и прагматическую – эффективно воздействуя на потребителя, предлагая ему не просто маршрут, а «подарок», мифологизированное путешествие к «сердцу» первозданного мира. Доминирующими функциями выявленных метафор выступают аттрактивная и экспрессивная, что полностью соответствует целям рекламного дискурса. Метафоры вызывают эмоциональный отклик и способствуют созданию имплицитных смыслов, которые, в свою очередь, формируют у реципиента заданные позитивные ассоциации и коннотации, что в конечном итоге конструирует привлекательный образ туристической дестинации.

Библиографический список

1. Алексеева, Л.М. Термин и метафора: семантическое обоснование метафоризации / Л.М. Алексеева. – Пермь: ПГУ, 1998. – 250 с.

2. Аликина, Е.Ю. Аттрактивная функция метафоры в туристском дискурсе / Е. Ю. Аликина, С.Л. Мишланова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2010. – № 6(12). – С. 44-50.

3. Кириллова, Ю.Н. Сопоставительный анализ метафорических номинаций в туристическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков) / Ю.Н. Кириллова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14, № 11. – С. 3571-3575.

4. Кобозева, И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 2001. – № 6. – С. 136-137.

5. Меньшикова, Е.Е. Метафора как креативный аттрактор в рекламном туристическом нарративе / Е.Е. Меньшикова // Современные исследования социальных проблем. – 2021. – Т. 13, № 3. – С. 344-372.

6. Нечаева, Н.В. Перевод метафор в текстах туристической сферы : человек vs машина / Н.В. Нечаева, Ю.Н. Кириллова // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2018. – №5 (72). – С. 532-537.

7. Туры по Алтаю // Russia Discovery: сайт. – Москва, 2005. – URL: <https://www.russiadiscovery.ru/regions/altay/> (дата обращения: 10.01.2026).

УДК 801.1

Соколова Елена Алексеевна

студент

Алиева Диана Тельманова

научный руководитель,

старший преподаватель кафедры ИЯПК

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ЯЗЫК (АНГЛИЙСКИЙ) КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КУЛЬТУР

Аннотация. В статье рассматривается роль языка, как средства формирования корпоративной культуры и его значимость при построении коммуникации на уровне повседневного и делового сознания сотрудников. Также раскрывается суть степени значимости изучения и знания иностранного языка для успешной реализации деятельности организации и распространения мультилингвальной среды в корпоративном формате обучения.

Не менее важным моментом является уточнение роли английского языка, как компонента международной деловой коммуникации и его применение на российском и мировом экономических рынках. То есть объектом исследования является роль языка в корпоративной культуре, а предметом исследования выступает английский язык как средство формирования корпоративной культуры через коллективное обучение на основе мультилингвальной среды. Далее упоминаются несколько подходов внедрения английского языка в корпоративную культуру для формирования политики, целей и единства членов компании.

Ключевые слова: корпоративная культура, мультилингвальная корпоративная среда, английский язык, корпоративное обучение

Sokolova Elena Alekseevna
student

Aliyeva Diana Telmanovna
Research Supervisor, Assistant Professor
Department of Foreign Languages for Professional Communication
Vladimir Staate University
(Vladimir, Russian Federation)

LANGUAGE (ENGLISH)

AS A MEANS OF FORMING CORPORATE CULTURES

Abstract. The article examines the role of language as a means of shaping corporate culture and its importance in building communication at the level of everyday and business consciousness of employees. It also reveals the essence of the importance of learning and knowing a foreign language for the successful implementation of the organization's activities and the dissemination of a multilingual environment in a corporate learning format. An equally important point is to clarify the role of English as a component of international business communication and its application in the Russian and global economic markets. That is, the object of research is the role of language in corporate culture, and the subject of research is English as a means of shaping corporate culture through collective learning based on a multilingual environment. Further, several ways are mentioned to introduce English into the corporate culture in order to form the policy, goals and unity of the company's members.

Keywords: corporate culture, multilingual corporate environment, English language, corporate training.

В современном обществе английский язык стал неотъемлемой частью коммуникации в деловых отношениях на международной арене. В любой компании востребовано знание этого языка, потому что оно расширяет границы деятельности организации и открывает новые возможности как для себя, так и для сотрудников. Язык является основой корпоративной культуры, благодаря ему строятся не только цели компании, а также установки, убеждения и отношения людей в коллективе. Поэтому необходимо понимание роли языка в формировании корпоративных культур, а также важно учитывать английский язык как средство достижения успешной коммуникации с субъектами деятельности самой компании.

Культура – совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни [3]. Корпоративная культура – это система разделяемых всеми членами организации ценностей (values), норм (norms), правил (rules), идей (ideas), убеждений (beliefs), установок (attitudes), ожиданий (expectations), представлений (suppositions), допущений (assumptions), образцов поведения (patterns of behavior) и др. [4, с. 3].

Изучение корпоративной культуры, как и любой другой культуры, невозможно без изучения языка, так как язык и культура оказывают друг на друга непосредственное историческое влияние. В любой корпоративной культуре используется свой собственный язык, который показывает сущность и цели компании, таким образом корпоративная культура выражается и воспринимается через язык. Кроме того, мы можем выделить конкретные функции, выражающие значение языка в организации:

- 1) Формирование и поддержание позитивного имиджа. Имидж и репутация компании безусловно являются главными инструментами в формировании успешного бизнеса.

- 2) Структуризация коммуникативного пространства. То есть правила и нормы, с помощью которых коммуникация будет осуществляться.

- 3) Взаимодействие с внешней и внутренней средой [1, с. 11].

В условиях глобализации люди стремятся к налаживанию благоприятных и выгодных международных связей, поэтому важно понимать значение роста изучения иностранных языков как в повседневной, так и в про-

фессиональной деятельности. Такая ситуация в мире предоставляет возможности для расширения применения накопленного опыта организаций одной страны для иностранных партнёров. А также, можно не только делиться опытом с другими компаниями, но и использовать идеи, концепции и образцы для своей корпоративной культуры. Например, применяются стратегии сотрудничества с иностранными фирмами, наличие офисов за границей и удовлетворение различных потребностей клиентской базы. В связи с этим одним из перспективных направлений стало языковое обучение в корпоративном формате. Изучение иностранного языка помогает понять, принять и грамотно адаптировать культуру и традиции стран-партнеров, что позитивно влияет на развитие компаний и экономику страны в целом.

Для реализации успешной стратегии можно использовать мультилингвальную среду в корпоративном формате обучения сотрудников устной речи. Мультилингвальная среда корпоративного обучения – это обучение иноязычной коммуникации в условиях корпоративной среды, в основе которого лежит лингвистический, когнитивный, социальный опыт изучения иностранных языков.

Корпоративное обучение может дать несколько важных навыков, то есть приобретение языковой компетенции в первую очередь даёт возможность карьерного роста, а понимание данного факта должно мотивировать сотрудников к получению дополнительного иноязычного образования. Также необходимо использование мультилингвальной среды для решения повседневных задач, чтобы обучение проходило более эффективно. Такой способ, чаще всего, реализуется в компаниях, где работают иностранцы, чтобы перенять опыт разных сотрудников. Мультилингвальность и участие самых разных сотрудников в обучении делают реализацию языковых корпоративных программ обучения привлекательной, предполагают повышение коммуникативной компетенции [2, с. 1].

Немалую роль в современной корпоративной культуре занимает английский язык, который сегодня является самым распространенным языком международной деловой коммуникации. Такой статус языка подтверждается тем, что многие международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения, Всемирный банк и др., используют его в качестве основного рабочего языка. Также, английский язык доминирует в банковской сфере, мировой политике, области информационных технологий и т.д. [5, с. 3].

Английский язык используется во множестве компаний, относящихся как к организациям одной страны, так и в крупных компаниях международного уровня. Он универсален и практичен для формирования корпоративной культуры в условиях применения его носителями, а также удобен в использовании для дополнительного образования.

Теперь рассмотрим основные подходы мультилингвального корпоративного обучения:

1. Междисциплинарный. В практике работы используются инструкции, рабочие материалы компаний, переписки, видеоролики и т.д. Целостный учебный курс обучения иностранным языкам помогает поддерживать комфортную корпоративную среду, а также помогает динамичному развитию компании.

2. Личностно ориентированный. Этот подход осуществляется через реализацию условий для удовлетворения потребностей общества, рынка труда и людей. Одним из верных способов уменьшения текучки кадров является создание комфортной рабочей среды, что означает составление и предоставление сотрудникам подходящих программ обучения с помощью язычных курсов.

3. Андрогогический. В связи с глобализацией и развитием технологий большинство людей осознали необходимость постоянного обучения, чтобы оставаться конкурентоспособными. Сотрудники компаний ответственно и самостоятельно подходят к выбору содержания и формата обучения. [2, с. 8-10].

В связи с упомянутой выше ролью самого языка в формировании корпоративных культур, а также непосредственного изучения иностранного языка для организации успешной деятельности компании и значением английского языка в современном мире, можно сделать вывод, что именно этот язык в большей степени подходит для внедрения в обучение второго языка для российских компаний в качестве программы для корпоративного обучения и формирования мотиваций для дальнейшего роста сотрудников в их карьерной деятельности. Также были рассмотрены подходы к обучению в мультилингвальной корпоративной среде, которые могут способствовать развитию компании.

Библиографический список

1. Меркулина А. О. Лингвистические особенности отражения корпоративной культуры российских и европейских предприятий в имиджевом дискурсе. 2022.
2. Лазарева А. С. СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В КОРПОРАТИВНОЙ МУЛЬТИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ Язык и культура. 2022. № 60. С. 215–229 / Language and Culture. 2022;60: 215-229 <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-obucheniya-inostrannym-yazykam-v-korporativnoy-multilingvalnoy-srede>
3. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / под ред. Д.Н. Ушакова. - Репринт. - В 4-х тт. - Том 1. - М.: Русский язык, 2000. - 1567 с.
4. Извольская И. В. Терминология организационной культуры в становлении англоязычной терминосистемы менеджмента. доцент, канд. филологических наук Государственного Университета – Высшая школа экономики. 2011 г.
5. Бунятова Ф. Д. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК КАК LINGUA FRANCA МЕЖДУНАРОДНОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4 <https://cyberleninka.ru/article/n/angliyskiy-yazyk-kak-lingua-franca-mezhdunarodnoy-delovoy-kommunikatsii/viewer>

УДК 811.111-26

Чемулова Елизавета Андреевна
студент

Суслова Лариса Викторовна
*научный руководитель, кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации,
Финансовый университет при Правительстве РФ
(г. Москва, Российская Федерация)*

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОКСЮМОРОНА «ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ» В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ

Аннотация. Цель работы состоит в анализе функционирования оксюморона «виртуальная реальность» в англоязычных рекламных слоганах в качестве эффективного инструмента маркетингового позиционирования и

формирования имиджа бренда. В статье изучены примеры англоязычных рекламных слоганов, построенных на основе оксюморона «virtual reality», и их влияние на привлечение внимания целевой аудитории и создание чувства полной вовлеченности в новый продукт.

Ключевые слова: рекламный текст, слоган, оксюморон, виртуальная реальность, средство эмоционального воздействия.

Chemulova Elizaveta Andreevna

Student

Suslova Larisa Viktorovna

*Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of English and Professional Communication,
Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)*

PECULIARITIES OF THE USE OF OXYMORON “VIRTUAL REALITY” IN ENGLISH ADVERTISING SLOGANS

Abstract. The purpose of the work is to analyze the functioning of the oxymoron “virtual reality” in English advertising slogans as an effective tool for marketing positioning and brand image formation. The article examines examples of English advertising slogans based on the oxymoron “virtual reality” and their impact on attracting the attention of the target audience and creating a sense of full involvement in the new product.

Key words: advertising text, slogan, oxymoron, virtual reality, means of emotional influence.

Актуальность темы исследования обусловлена усиливающимся воздействием цифровой среды [3] на восприятие действительности и ролью лингвистических средств рекламных текстов [4] в формировании потребительского спроса. Понятие «виртуальная реальность» прочно вошло в обиход, однако продолжает вызывать живой интерес своей кажущейся противоречивостью. Анализируемое словосочетание на первый взгляд абсурдно: ведь прилагательное «виртуальная» означает нечто искусственное, а существительное «реальность» подразумевает подлинное. Тем не менее, именно эта парадоксальность сделала термин востребованным в маркетинге и ре-

кламе [5]. Фраза «virtual reality» приобрела широкое распространение в англоязычных рекламных слоганах, подчеркивая инновационный характер продукта, создавая ощущение полного погружения и придавая опыту использования цифровых технологий статуса почти реальных переживаний. Исходя из того, что современные исследования акцентируют внимание на значимости разработки новых креативных идей для повышения эффективности рекламных текстов [2, с. 394; 7, с. 197], данная работа позволит углубить понимание механизмов влияния оксюморона в рекламном тексте на сознание аудитории и выявить особенности функционирования оксюморона «виртуальная реальность» в англоязычной рекламе.

Оксюморон – это парадоксальное сочетание слов, в котором за внешней противоречивостью обычно стоит метафора [6, с. 48]. Так, фраза «виртуальная реальность» представляет собой оксюморон, где слово «реальность» употреблено метафорически. Основной конструкцией, в рамках которой реализуется оксюморон, является словосочетание, образованное из двух словоформ и построенное по модели «прилагательное + существительное» с помощью согласования как вида подчинительной связи. Словосочетание «виртуальная реальность» относится к наиболее часто встречаемым видам оксюморона, который состоит из слов, имеющих противоположное значение, которые соединяются как определение и определяемое [1, с. 203].

Оксюморон «virtual reality» стал неким привычным риторическим штампом, на котором современные компании строят свои рекламные лозунги. Использование термина позволяет организациям привлекать внимание потребителей, заявляя о высоком уровне реализма цифровой среды.

Анализируемый оксюморон зачастую используется в контексте технологий и цифровых игр. Примером этому может служить реклама фирмы «Oculus», известной своим шлемом виртуальной реальности «Oculus Rift». Их слоган «New era of virtual reality» («Новая эра виртуальной реальности») подчеркивает начало иной эры восприятия интерактивных сред. Использование оксюморона «virtual reality», подразумевающего несколько измененное сознание, помогает создать опыт цифрового пространства, который выглядит как можно более реалистичным. Рекламный слоган символизирует стремление производителя представить свой продукт как прорыв в области развлекательных технологий, подчеркивая уникальность и значимость новаторского устройства, которое меняет способ взаимодействия пользователя с цифровой информацией.

Известная в сфере мобильных технологий компания «Samsung» использовала оксюморон «virtual reality» в рекламном лозунге VR-гарнитуры: «Virtual reality is here now» («Виртуальная реальность здесь сейчас»). Демонстрируя доступность инновационных устройств для широкой аудитории, компания пыталась привлечь массового потребителя. Оксюморон, означающий, что виртуальная реальность доступна здесь и прямо сейчас, способствует развитию позитивного отношения к бренду со стороны реципиента рекламного сообщения и его доверия к качеству предлагаемого продукта. В сознании реципиента создается ощущение новаторства и современного подхода, что заставляет его чувствовать себя частью мира с новыми возможностями.

Рекламная кампания в сфере развлечений «Play Station VR» активно продвигала идею погружения игрока в новую вселенную: «World of play station virtual reality» («Мир виртуальной реальности play station»). Обещание реципиенту рекламного сообщения устроить полноценное путешествие в иную реальность способствовало укреплению его доверия к товару. Оксюморон в анализируемом слогане помогает привлечь целевую аудиторию, изображая широту предлагаемого игрового пространства с полной свободой действий.

Издание «The New York Times» в одном из своих проектов с серией виртуальных реалистичных видеороликов использовало слоган: «Virtual reality in journalism» («Виртуальная реальность в журналистике»). Проект имел целью позволить зрителю перенестись в непривычную среду и почувствовать себя свидетелем событий, что в буквальном смысле расширило границы традиционной журналистики. В основе каждого ролика, который был дополнен уникальными VR-эффектами, лежал актуальный новостной материал. В слогане компании мы видим использование оксюморона для привлечения внимания к новому формату подачи информации, а также к важности технологических инноваций в СМИ.

Автопроизводитель «Volvo» использовал изучаемый оксюморон в рекламном слогане «Test drive in virtual reality» («Тест-драйв в виртуальной реальности») при продвижении виртуального тест-драйва модели XC90. С помощью профессиональной гарнитуры инженеры «Volvo» проверяли новые конструктивные элементы системы активной безопасности и реакцию водителя прямо во время вождения. Рекламный слоган позволяет потенциальным покупателям испытать трепет вождения перед покупкой, создавая незабываемые впечатления и подтверждая надежность бренда.

Компания «IKEA», работающая в сфере розничной торговли и дизайна интерьера, предложила слоган «Try interior design in virtual reality» («Попробуйте дизайн интерьера в виртуальной реальности») для рекламирования своего приложения «IKEA VR Experience». Оно представляет собой каталог товаров, в котором покупатель может, не выходя из дома, подбирать мебель. Использование оксюморона в слогане как бы позволяет реципиенту рекламы пройтись по виртуальной кухне, выбирая разные цвета шкафчиков и переключаясь между несколькими вариантами планировки. «IKEA», используя силу оксюморона «virtual reality», пригласила клиентов экспериментировать с дизайном интерьера онлайн. Эта практика помогла повысить вовлеченность клиентов, позволяя им лучше визуализировать будущий ремонт.

Фирмы, работающие в сфере туризма, также строят свои рекламные слоганы на основе оксюморона «virtual reality»: «Travel in virtual reality» («Путешествуй в виртуальной реальности») или «Discover the country through virtual reality» («Узнай страну через виртуальную реальность»). Используя первый слоган, американская компания «Travel World VR» предлагает туристическим операторам создавать VR-презентации своих туров в виде обзорных фильмов о городах и регионах. При помощи второго слогана ведущий разработчик виртуальной реальности для индустрии туризма «Dream VR» конструирует виртуальные экскурсии по известным достопримечательностям. На примере двух приведенных выше слоганов можно увидеть, как использование оксюморона «virtual reality» в рекламе туристических достопримечательностей через виртуальные туры позволяет построить эмоциональную связь с потенциальными клиентами.

Оксюморон «virtual reality» является важным средством эмоционального воздействия и в рекламных слоганах компаний, занимающихся организацией обучения персонала, а также разработкой продуктов и принятием решений на основе данных. Слоган компании «StartUs»: «VR solutions for business» («VR-решения для бизнеса») служит повышению вовлеченности и стимулированию сотрудничества в разных областях. При помощи слогана «Virtual reality for education and medicine» («Виртуальная реальность для образования и медицины») эта же компания продвигает возможности обучения персонала энергетического сектора и мониторинга инфраструктуры в реальном времени. Оксюморон «virtual reality» в слогане компании акцен-

тирует внимание на внедрении виртуальной реальности в образование и медицину, что создает новое понимание удобства и эффективности взаимодействия с информацией и технологиями.

Встречаемость оксюморона «virtual reality» в рекламных компаниях многих современных брендов делает его узнаваемым и способствует некой консолидации единомышленников. Изучаемый оксюморон в рекламных слоганах является своего рода фирменным знаком эпохи. Однако затянувшееся господство данного штампа может привести к риторическому застою, и штамп потеряет свою актуальность. Впоследствии возникнет необходимость его обновления, что приведет к появлению и закреплению новых штампов.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Оксюморон «virtual reality» благодаря своей внутренней противоречивости является действенным способом эмоционального воздействия на реципиента англоязычного рекламного слогана. Словосочетание из двух противоположных понятий создает интригующее впечатление новизны и уникальности предлагаемого товара.

2. Иностранные компании активно используют оксюморон «virtual reality» в рекламных слоганах, чтобы подчеркнуть идею полного эмоционального вовлечения реципиента рекламы в виртуальное пространство, которое воспринимается им как нечто близкое к реальной жизни.

3. Анализ конкретных примеров с использованием оксюморона «virtual reality» показывает, насколько искусно создатели англоязычных рекламных слоганов воздействуют на эмоциональное сознание реципиента в разных сферах потребления товаров и услуг: от сферы мобильных технологий, цифровых игр и развлечений, до средств массовой информации и производителей автомобилей и предметов интерьера. Оксюморон «virtual reality» также становится важным инструментом рекламных слоганов компаний по обучению персонала, разработке продуктов и принятию решений на основе данных. Анализируемый оксюморон, несмотря на виртуальную природу предлагаемого опыта, помогает сделать акцент на ощущениях подлинности и аутентичности, создавая иллюзию непосредственного участия и полноценного взаимодействия с окружающей средой.

Библиографический список

1. Голуб, И. Б. Русская риторика и культура речи : учебное пособие / И. Б. Голуб, В. Д. Неклюдов. – Москва : Логос, 2017. – 328 с. – ISBN 978-5-98704-603-6.
2. Сулова, Л. В. Образные коннотации прилагательного «желтый» и возможности их использования в рекламных текстах (на примере англоязычных слоганов, размещенных на одежде) / Л. В. Сулова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – №5 (114). – С. 389-394.
3. Федуленкова, Т.Н. О стилистике жанров и генераторской стилистике / Т.Н. Федуленкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. – 2025. – № 1. – С. 126–131. – <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-126-131> .
4. Федуленкова, Т.Н. От типологии рекламных текстов до тактики эффективного рекламного сообщения / Т.Н. Федуленкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 208–212.
5. Федуленкова, Т.Н. Стилиевые доминанты интернет-коммуникации / Т.Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – № 11(1). – С. 198–202. <https://doi.org/10.22250/241071902025111198> .
6. Хазагеров, Г. Г. Убеждающая речь : учебное пособие. / Г. Г. Хазагеров. – Ростов н/Д : Изд-во ЮФУ, 2010. – 70 с. – ISBN 978-5-9275-0758-0.
7. Шеховская, Ю.А. Лингвокреативность – перспективный тренд разнотипных дискурсов / Т.Н. Федуленкова, Ю.А. Шеховская // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2025. – № 3 (126). – С. 197–203. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-3-126-17> .

**ВОЗДЕЙСТВУЮЩИЙ ЭФФЕКТ АЛЛИТЕРАЦИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ
И НАИМЕНОВАНИЯХ БРЕНДОВ**

Аннотация. Статья посвящена изучению воздействующего эффекта аллитерации в англоязычных рекламных слоганах и наименованиях брендов на воображение, ощущения и память реципиентов. В работе рассмотрена сущность аллитерации, конкретизированы ограничения ее использования в рекламных сообщениях, на конкретных примерах проведен анализ создания связи звукового образа англоязычного слогана с телесным опытом реципиента рекламы.

Ключевые слова: аллитерация, стилистический прием, англоязычный рекламный слоган, наименование бренда, манипулятивное воздействие.

Cherenkova Olga Maksimovna

student

Suslova Larisa Viktorovna

*Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of English and Professional Communication,
Financial University under the Government of the Russian Federation
(Moscow, Russian Federation)*

**EFFECT OF ALLITERATION IN ENGLISH ADVERTISING SLOGANS
AND BRAND NAMES**

Abstract. The article is devoted to the study of the effect of alliteration in English advertising slogans and brand names on the imagination, sensations and memory of recipients. The paper discusses the essence of alliteration, specifies

the limitations of its use in advertising messages, using specific examples, the paper analyses the creation of a connection between the sound image of the English slogan and the bodily experience of the recipient of the advertisement.

Keywords: alliteration, stylistic technique, English advertising slogan, brand name, manipulative influence.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что аллитерация, вызывая ассоциации с обыденными звуками, которые мы слышим каждый день, является одним из самых тонких и при этом мощных инструментов воздействия на воображение, ощущение и память, так как данный фоностилистический прием работает не только на уровне смысла, но и на уровне восприятия. В англоязычном рекламном слогане повтор согласных и ритмическая организация фразы превращают короткую фразу в мини-сцену, где звук подталкивает реципиента рекламного сообщения к переживанию вкуса, текстуры, движения или эмоции еще до того, как мысль успевает оформиться вербально. Человек воспринимает такие звуковые модели быстрее и легче, чем нейтральную последовательность звуков, что автоматически вызывает его ответную реакцию. Именно поэтому аллитеративные слоганы чаще кажутся более естественными и убеждающими.

Применение слоганов помогает производителям оптимально отразить уникальность своего бренда, повысить уровень заинтересованности покупателей и выделить собственный товар среди множества конкурентов [2, с. 390]. Использование аллитерации в рекламных слоганах и названии брендов вносит особый вклад в их культурную и языковую адаптируемость. В условиях глобального рынка англоязычная реклама всё чаще сталкивается с необходимостью быть понятной и эффективной в разных языковых и культурных контекстах. Аллитерация при этом оказывается особенно удобным инструментом, поскольку её воздействие основано не столько на точном значении слов, сколько на звуковой структуре. Под аллитерацией понимают повтор звуков (прежде всего согласных) в близкорасположенных словах [3, с. 280]. Повтор согласных, ритм и симметрия легко считываются носителями разных языков, даже если семантическое наполнение отдельных слов частично утрачивается или видоизменяется при переводе. Звук в данном случае выступает универсальным носителем смысла, позволяя бренду сохранять целостный образ в международном пространстве. Аллитерация снижает зависимость рекламного сообщения от конкретной лексики и усиливает его транснациональную применимость.

Несмотря на высокую эффективность, использование аллитерации в рекламных слоганах не является универсальным решением и имеет свои ограничения. Во-первых, воздействующий эффект аллитерации на сознание реципиента напрямую зависит от соответствия звуковой модели свойствам реального товара. Рекламное сообщение может восприниматься манипулятивным, если фонетическое построение фразы не подкрепляется положительным опытом использования продукта. Во-вторых, излишнее использование аллитерации в слогане способно привести к упрощению образа бренда, что особенно значимо для ключевых отраслей бизнеса (например, для сектора финансовых услуг), где особую ценность имеют ответственный подход и рациональность. В-третьих, воздействующий эффект аллитерации преимущественно эффективен на уровне первичного внимания и запоминания, но не заменяет стратегическое позиционирование бренда. То есть, использование данного приема требует особого креативного и осознанного подхода создателей рекламы: аллитерация усиливает реакцию реципиента на рекламное сообщение, но не может выступать его единственной опорой. В этом смысле аллитерация наиболее эффективна тогда, когда встроена в более широкий семиотический и коммуникативный контекст бренда.

Проанализируем воздействующий эффект использования аллитерации в англоязычных рекламных слоганах на материале конкретных примеров, который создается благодаря использованию звуков и их просодических элементов (то есть изменений высоты тона, интенсивности, долготы) в единстве со значением [1, с. 275].

Слоган KFC «Finger-lickin' good» строится на сплетении согласных, которое активизирует тактильное воображение. Фрикативный начальный звук в слове «finger» задаёт ощущение движения к рту, а боковой звук в «lickin» фонетически имитирует скольжение языка. Взрывной финал «good» звучит как точка насыщения и удовлетворения. Важно, что разговорная форма слова «licking» разрушает дистанцию между рекламным сообщением и устной, даже разговорной, речью с ее особенным произношением. Поэтому фраза воспринимается скорее как дружеский комментарий после вкусной еды, чем как навязчивый слоган. Данный слоган создает воздействующий эффект не с помощью слов, а с помощью звуков, которые перерастают в ощущения. Сначала прикосновение к еде, затем облизывание пальцев, и в конце – оценка вкуса.

Слоган M&Ms «Melts in your mouth, not in your hands» воплощает похожий замысел. Он строит свою убедительность на сочетании повторяющихся звуков ‘m’ и четкого смыслового контраста «рот – руки». Главной задачей данного слогана является иллюстрация положительных сторон продукта и демонстрация заботы о клиенте. Билабиальный ‘m’ ассоциируется с полным смыканием губ, что неосознанно апеллирует к опыту таяния шоколада во рту и создает ощущение мягкости и текучести. Однако в данном слогане присутствует оппозиция. Первая часть строит ожидание чувственного удовольствия, вторая снимает потенциальное возражение, обещая чистоту и контроль, и аллитерация звуков ‘m’ соединяет эти две линии в единый образ удобного, умного продукта.

В слогане «Snap! Crackle! Pop!» для Rice Krispies реклама практически отказывается от описательности в пользу чистого звука, превращая хруст хлопьев в последовательность мини-взрывов, которые должны происходить во рту во время поедания хлопьев. Здесь аллитерация комбинируется с градацией: от начального шипящего оттенка к более резким, сухим взрывным согласным; поэтому трёхчленная формула воспринимается как акустический кадр. Хруст начинается, усиливается и завершается. Такая звуковая троичность идеально укладывается в возможности кратковременной памяти и легко превращается в игру, вызывая точную и запоминающуюся ассоциацию, что особенно важно для детской аудитории. Звук здесь становится основной характеристикой продукта: ребенок запоминает не столько хлопья как таковые, сколько весёлый, многократно повторяемый звуковой ритуал.

В рекламном слогане «Beanz Meanz Heinz» внимание смещается от чисто сенсорных впечатлений к области идентичности бренда: повтор ‘z’ в конечной позиции трех слов создаёт иллюзию того, что продукт, значение и имя бренда не просто связаны, а практически сливаются в единое целое. Орфографическая деформация («Beanz», «Meanz») подчёркивает эту связанность: языковые средства как будто подстраиваются под бренд, а не наоборот, демонстрируя, что Heinz задает норму, а не просто ей следует. Фонетическая гладкость и рифма формулы важнее буквальной семантики, ведь слоган запоминается как слитный звуковой образ.

Относительно похожий, но более минималистичный воздействующий эффект можно наблюдать в названии «Dunkin’ Donuts», где удвоение начального ‘D’ связывает действие и объект в единую ритмическую пару. Здесь аллитерация не просто украшает, а моделирует сценарий потребления: сначала макаешь, затем ешь; и это движение считается ещё до

осмысления словарного значения. Сокращенная разговорная форма (Dunkin') способствует ускорению произнесения, а повтор согласного и носовых звуков делает связку почти неотделимой для восприятия. Многие начинают воспринимать эти два слова как одно фонетическое целое. Тренд на уменьшение и укорачивание фраз благоприятно влияет на узнаваемость и запоминаемость реципиентами.

Наименование бренда PayPal создает еще более радикальный принцип звуковой экономии. Два почти идентичных слога с повторяющимся согласными 'p' и одинаковым гласным создают ощущение симметрии, баланса и контроля, но вместе с этим название звучит легко и просто, что является нетипичным явлением для такой сложной сферы как банковское дело. Билабиальный звук 'p' ассоциируется с четкостью, кратким, завершенным движением, и в контексте финансового сектора это легко накладывается на представление о точной, безопасной транзакции и заботы о клиентах. Повтор одного и того же звука в начале обоих элементов активирует эффект редупликации, знакомый мозгу по детской речи и простым мнемоническим формулам, поэтому название не только быстро запоминается, но и вызывает ощущение простоты и понятности, где нет ничего лишнего.

В наименовании бренда Coca-Cola повторяющийся велярный звук 'k', который графически передается буквой 'c' задаёт особый ритм, а многократное повторение открытого звука 'o' создает ощущение плавного течения звуков, интуитивно ассоциирующегося с жидкостью. Контраст взрывных согласных и мягких гласных формирует своеобразный звуковой эквивалент вкусового опыта: сначала наполнение прохладой, а затем долгое, тянущееся ощущение свежести. Из-за симметрии и повторяемости структура названия почти не дает поводов для вариативного произношения, поэтому оно легко адаптируется почти во всех языках, сохраняя узнаваемость.

В слогане «Easy, breezy, beautiful» марки CoverGirl повторяющиеся звонкие и шипящие звуки создают мягкую, как будто воздушную акустическую ауру. Долгий гласный 'i:' тянется из слова в слово, а трёхчленность конструкции задаёт постепенное увеличение эффекта: сначала простота, затем лёгкость движения, и, наконец, эстетический результат. Важно, что именно звуковая гладкость, отсутствие резких согласных и плавный ритм неосознанно проецируются на предполагаемый результат использования косметики, который является основным компонентом успеха продаж.

Название компании Krispy Kreme демонстрирует, как аллитерация может одновременно передавать и текстуру, и излишество удовольствия.

Удвоение начального 'k' и присутствие кластера 'kr' сразу вызывают ощущение хруста, резкого разлома, в то время как искаженная орфография намекает на намеренную избыточность и игру. Здесь жёсткие согласные сочетаются с более мягкими, высокими гласными, благодаря чему образуется фонетический контраст «твердое – мягкое», апеллирующий к структуре самого продукта: хрустящая корочка и нежная, теплая начинка внутри. Повтор одной и той же звуковой формулы в начале обоих слов скрепляет их в единый образ; деление на прилагательное и существительное превращается в единый знак.

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие обобщающие выводы:

1. Аллитерация – это тонкий, но вместе с тем довольно сильный инструмент воздействия на воображение, ощущения и память реципиентов, так как она задает характер рекламного слогана не только на уровне смысла, но и на уровне восприятия.

2. Повтор согласных, ритм и симметрия в англоязычных рекламных слоганах и наименовании брендов легко воспринимаются и запоминаются носителями разных языков.

3. Ограничения использования аллитерации в англоязычных рекламных слоганах и наименованиях брендов заключаются в том, что данный прием эффективен преимущественно на уровне первичного внимания, в случае чрезмерного использования может привести к обесцениванию бренда, и, наконец, интересный звуковой образ рекламного сообщения должен быть подкреплён реальным качеством рекламируемого продукта.

4. Умелое использование аллитерации в рекламном сообщении способствует созданию связи звукового образа с телесным опытом (например, ощущения вкуса, текстуры, хруста, прикосновения), благодаря чему реклама получает доступ к самым устойчивым слоям памяти реципиента, где запоминание происходит не через логический анализ, а через мгновенное узнавание знакомой акустической модели.

Библиографический список

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. Москва: ФЛИНТА, 2021. 384 с.
2. Сулова Л.В. Образные коннотации прилагательного «желтый» и возможности их использования в рекламных текстах (на примере слоганов,

размещенных на одежде) // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 5 (114). С. 389-394.

3. Червенка М. Смысл и стих: Труды по поэтике. Москва: Издательский дом «ЯСК», 2011. 464 с.

УДК 82.09

Шмелева Елизавета Сергеевна

магистрант

Деньгина Анна Владимировна

научный руководитель, кандидат филологических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА ПУШКИНА И РОМАНТИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА ИРВИНГА

Аннотация. Статья посвящена сравнительному анализу механизма творческого заимствования в русской и западноевропейской литературе на примере трансформации сюжета книги «Tales of the Alhambra» Вашингтона Ирвинга в «Сказке о золотом петушке» А. С. Пушкина. В работе рассматривается, как Пушкин, используя каркас романтической легенды Ирвинга, радикально переосмысливает её жанровую природу и идеологическое содержание. Исследование поэтапно демонстрирует, как центральный мотив «нарушенного обещания» обретает у русского поэта новое звучание, а личный конфликт уступает место государственному. В статье делается вывод о том, что заимствование стало для Пушкина не эпигонством, а мощным инструментом творческого диалога, позволившим через романтическую форму высказать острую политическую сатиру в условиях реалий того времени.

Ключевые слова: заимствование, «Сказка о золотом петушке», «Легенда об арабском звездочёте», интертекстуальность, политическая сатира.

Shmeleva Elizaveta Sergeevna

Master's Student

Dengina Anna Vladimirovna

Research Supervisor, PhD in Philology, Associate Professor

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

PPROPRIATION AS REINTERPRETATION: PUSHKIN'S POLITICAL SATIRE AND IRVING'S ROMANTIC LEGEND

Abstract. This article presents a comparative analysis of the mechanism of creative appropriation in Russian and Western European literature, using the transformation of the plot from Washington Irving's "Tales of the Alhambra" into Alexander Pushkin's "The Tale of the Golden Cockerel" as a case study. The work examines how Pushkin, while utilizing the framework of Irving's romantic legend, radically reinterprets its genre nature and ideological content. The study demonstrates systematically how the central motif of the "broken promise" acquires new resonance in the Russian poet's rendition, and how a personal conflict gives way to a state-level one. The article concludes that for Pushkin, appropriation served not as mere imitation, but as a powerful instrument for creative dialogue, allowing him to express sharp political satire through a romantic form, tailored to the realities of that time.

Key words: appropriation, "The Tale of the Golden Cockerel", "Tales of the Alhambra", intertextuality, political satire.

Вопрос о творческом методе А.С. Пушкина, его способности усваивать и творчески преобразовать мировые культурные традиции, остаётся одним из центральных в отечественном литературоведении. Особый интерес в этом контексте представляет история создания «Сказки о золотом петушке» (1834) – последнего поэтического произведения, написанного в Болдинскую осень. Долгое время истоки её сюжета оставались неясными, пока в 1933 году А.А. Ахматова не установила его прямой литературный источник – «Легенду об арабском звездочёте» из книги Вашингтона Ирвинга «Альгамбра» (1832) [1, с. 25-27]. Это открытие, как справедливо отмечала позднее Анна Ахматова, дало «толчок к изучению сказки», хотя основной

интерес исследователей сместился с факта заимствования на толкование её сложной идейной семантики [9, с. 2].

Последующая научная традиция, вслед за Ахматовой, детально исследовала как восточные (коптские и арабские) корни мотива волшебного петушка, восходящего к «аджаиб» – арабской литературе о диковинах, так и сам механизм адаптации Пушкиным ирвинговской новеллы. Учёные констатировали, что Пушкин, сохранив сюжетный каркас легенды, радикально переработал её: «отсёк» многие фантастические детали, сгустил и драматизировал финал, ввёл элементы русской сатирической сказки [9, с. 3-5]. Стилистическое и национальное перевоплощение заимствованного сюжета признано ключевой чертой пушкинского гения, позволившего придать истории «подлинно национально-русское звучание» [6, с. 64].

Однако, несмотря на обширный объём исследований, посвящённых сравнению двух текстов, целостный анализ трансформации художественной системы Ирвинга в системе Пушкина представляется не до конца исчерпанным. Как отмечает М. Рашидова, в литературоведении до сих пор «нет работы, систематизирующей все находки и исследования учёных и в полном объёме устанавливающей параллели сказки Пушкина с легендой Ирвинга и восточными источниками». В частности, требует более детального рассмотрения механизм жанровой трансмутации: каким образом «описание путешествия» романтика Ирвинга, сочетающее исторический очерк, легенду и эссе [9, с. 2], перешли в острую социально-политическую сатиру, облечённую в форму литературной сказки. Ирвинг создавал свою легенду как часть романтической мистификации, стилизуя её под восточное предание, насыщенное «местным колоритом» и чудесами [3, с. 113; 6, с. 63]. Пушкин, как показал ещё С.М. Бонди, сознательно ориентировался на иную традицию – русскую простонародную сказку с её лаконичностью, динамикой и «шутливой формой рассказа» [2, с. 531].

Таким образом, научная проблема данной статьи заключается в комплексном исследовании стратегии творческого заимствования А.С. Пушкиным, при котором сохранённый сюжетный каркас становится основой для коренного переосмысления жанра, идейного пафоса и художественной образности. Цель работы – на материале сопоставительного анализа «Легенды об арабском звездочёте» В. Ирвинга и «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина проследить, как романтическая легенда с морально-дидактическим оттенком трансформируется в многоплановое сатирико-философское

произведение, отразившее личные и общественные противоречия эпохи поэта. Актуальность исследования обусловлена необходимостью системного понимания диалогической природы пушкинского творчества и механизмов интертекстуального переосмысления в переходную культурную эпоху.

Анализ творческого метода Пушкина в работе с иностранным источником требует первоначального прояснения художественной природы оригинала. Текст Вашингтона Ирвинга «Легенда об арабском звездочете» из цикла «Альгамбра» (1832) представляет собой характерный для эстетики американского романтизма образец литературной стилизации фольклорного предания. Исследователи отмечают, что книга создана в популярном для эпохи жанре «описания путешествия» и представляет собой «своего рода испанскую книгу эскизов», сочетающую исторический очерк, эссе и обработанные легенды [4, с. 131]. Конфликт здесь носит личный и морально-дидактический характер: султан Абен Габуз, нарушив слово, данное звездочету, терпит поражение. Финал легенды – назидательное восстановление справедливости: обманщик-султан наказан, а волшебник с принцессой таинственно исчезают под землей, что оставляет ощущение завершенной, почти сказочной истории. Таким образом, Пушкин выбрал для переосмысления не просто экзотический сюжет, а художественно обработанную романтическую легенду, где фантастическое служило целям занимательности и отстраненного эстетического любования Востоком.

Однако уже сам выбор этого материала Пушкиным был глубоко осознанным и мотивированным. Как точно подметила Анна Ахматова, поэта привлекла не экзотика, а жизненно важный для него «остов» сюжета – тема нарушенного монаршего слова [7, с. 256]. Первым и главным актом переосмысления стал перенос конфликта из лично-моральной в общественно-политическую плоскость. Если султан Ирвинга, иронически названный «миролюбивейшим», все же показан как деятельный правитель, то пушкинский царь Дадон сконструирован как сатирический гротеск. Его имя, восходящее к просторечному «дадон» (неуклюжий), сразу задает тон карикатуре [8, с. 538]. Он не просто стар, но и патологически ленив, малодушен и сластолюбив, а его правление сводится к пассивному прозябанию, что отражено в знаменитой, вычеркнутой цензурой строке «Царствуй, лежа на боку». Такая трансформация превращает историю из поучительной притчи в злободневную сатиру на бездеятельность и моральную несостоятельность власти. Исследователи справедливо усматривают в этом образе совокуп-

ность черт двух императоров – Александра I и Николая I, отношения с которыми были для Пушкина источником глубокого личного и творческого конфликта [5, с. 362-381].

Параллельно с переосмыслением образа властителя Пушкин кардинально трансформирует систему ключевых образов, наполняя их двусмысленностью и трагизмом. Могущественный звездочет Ирвинга, носитель древних знаний, уступает место загадочному и холодному «скопцу» Пушкина, чьи мотивы намеренно затемнены. Его требование – Шамаханская царица – лишается утилитарности и становится провокацией, вскрывающей низменную природу царя. Сама царица, в отличие от детально описанной «готской принцессы» у Ирвинга, лишена портрета; она – сияющий, но безликий и губительный фантом, воплощение роковой страсти [8, с. 540]. Кульминационная трансформация касается развязки. Благополучно-дидактическое исчезновение героев у Ирвинга сменяется у Пушкина кровавой трагедией, выстроенной как нарастание ужаса: братоубийственная гибель сыновей, убийство старца и казнь самого Дадона петушком. Этот финал – уже не восстановление справедливости, а тотальный крах, обнажающий нравственную деградацию всего мира власти.

Важнейшим инструментом этой жанровой трансмутации становится сознательная «фольклоризация» формы при глубинном усложнении содержания. Пушкин, как отмечал С.М. Бонди, мастерски снижает лексику, насыщает текст просторечиями («инда плакал», «да и дух вон»), использует кольцевую композицию и динамичный глагольный ряд, имитируя стилистику русской народной сказки [2, с. 530]. Однако за внешней простотой скрывается сложная символическая структура. Золотой петушок из чудесного стража превращается в многозначный символ возмездия. Цветовая символика (золото, белое одеяние звездочета, багряная красота царицы) направлена на создание ощущения двусмысленности и обмана. Даже отвергнутый мотив волшебных шахмат имплицитно организует пространство сказки как роковую партию, где Дадон-король терпит сокрушительный мат [8, с. 542-545].

Таким образом, технология пушкинского заимствования предстает как глубоко творческий акт критического переосмысления. Пушкин берет сюжетный каркас, чтобы радикально перекодировать его идейное наполнение: романтическая ирония и этнографическая экзотика источника замещаются острой политической сатирой и экзистенциальной трагедией. Заимствование становится инструментом, позволяющим через форму сказки-

притчи высказать суждение о пороках современной государственности и вечных вопросах власти и возмездия.

Библиографический список

1. Ахматова, А.А. Последняя сказка Пушкина / А.А. Ахматова // Сочинения: в 2 т. – М. : Художественная литература, 1986. – Т. 2. – С. 18–43.
2. Бонди, С.М. Комментарий: А.С. Пушкин. Сказка о золотом петушке / С.М. Бонди // Собрание сочинений А.С. Пушкина в 10 т. – М. : ГИХЛ, 1960. – Т. 3. – С. 529–531.
3. Бойко, К.А. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина / К.А. Бойко // Временник Пушкинской комиссии, 1976. – Л. : Наука, 1979. – С. 113–120.
4. Вацуρο, В.Э. «Сказка о золотом петушке» (опыт анализа сюжетной семантики) / В.Э. Вацуро // Пушкин: Исследования и материалы. – СПб. : Наука, 1995. – Т. 15. – С. 122–133.
5. Волкова, Е.И. Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе: С.Т. Кольридж, В. Ирвинг, А.С. Пушкин, Э.А. По, А. Белый и др. : дис. ... д-ра культурол. наук / Волкова Елена Ивановна. – М., 2001. – 417 с.
6. Краснова, И.А. От Альгамбры до Парижа: история «Золотого петушка» как отражение взаимодействия и взаимовлияния культур / И.А. Краснова, М.В. Ланина // Россия, Восток и Запад: межкультурный диалог : сб. ст. – СПб., 2021. – С. 62–69.
7. Непомнящий, В.С. Поэзия и судьба. Над страницами духовной биографии Пушкина / В.С. Непомнящий. – 2-е изд. – М. : Советский писатель, 1987. – 448 с.
8. Петривняя, Е.К. «Легенда об арабском звездочете» из сборника «Альгамбра» В. Ирвинга как источник «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина / Е. К.Петривняя, С.Д. Белая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12 (78), ч. 2. – С. 539–543.
9. Рашидова, М.М. В. Ирвинг и А. Пушкин: технология межтекстового анализа при рассмотрении арабо-мавританских мотивов «Легенды об арабском звездочёте» и «Сказки о золотом петушке» / М. М. Рашидова // Литература в школе. – 2016. – № 5. – С. 2–11.

Раздел III
**СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ В ФОКУСЕ МЕТОДОЛОГИИ,
МЕТОДОВ, ПРИЕМОВ И ТЕХНОЛОГИЙ ЛИНГВИСТИКИ**
**WORD, PHRASE, TEXT IN THE FOCUS OF METHODOLOGY,
METHODS AND TECHNIQUES OF LINGUISTIC**

УДК 81'373.2

Акимкина Дарья Дмитриевна
студент

Быкович Елизавета Ивановна
студент

*ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»
(Москва, Российская Федерация)*

**ЭВОЛЮЦИЯ СЕМАНТИКИ И ПРОИЗНОШЕНИЯ ЛЕКСЕМЫ
«COURAGE» В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Аннотация. Рассматривается эволюция семантики и произношения лексемы *courage* в английском языке с XIII века до современности, трансформация значения и фонетических характеристик слова. Анализируется этимология термина, его развитие в среднеанглийском периоде на примере произведений Чосера.

Ключевые слова. Эволюция семантики; этимология; *courage*; среднеанглийский язык; Чосер.

Akimkina Daria Dmitrievna
student

Bykovich Elizaveta Ivanovna
student

*Federal State University of Education
(Moscow, Russian Federation)*

**EVOLUTION OF SEMANTICS AND PRONUNCIATION
OF THE LEXEME “COURAGE” IN ENGLISH**

Abstract: The article examines the evolution of the semantics and pronunciation of the lexeme *courage* in the English language from the XIIIth century to

the present day, the transformation of the word's meaning and phonetic characteristics. It analyses the etymology of the term, its development in Middle English on the works of Geoffrey Chaucer.

Keywords. Semantic evolution; etymology; courage; Middle English; Chaucer.

Лексическая система английского языка, как и любого живого языка, находится в состоянии непрерывной динамики. Слова не являются статичными единицами, они подвержены сложным процессам семантических и фонетических изменений, отражающим культурную, социальную и интеллектуальную эволюцию общества. **Эволюция семантики в лингвистике** связана с развитием человеческого мышления, более детальным познанием предмета, осмыслением объекта под другим углом зрения [3, с. 25]. В этом контексте лексема *courage* представляет собой исключительно характерный объект для исследования. Имея глубокие исторические корни, уходящие в латинский и старофранцузский языки, это понятие на протяжении веков не только сохраняло свою ключевую роль в концепте морально-волевых качеств личности, но и претерпело значительную трансформацию как в плане содержания, так и в плане выражения. Данная статья прослеживает путь развития лексемы *courage* от ее этимологических истоков до современного состояния, анализируя семантику и закономерности эволюции ее произношения в английском языке.

История слова *courage* в английском языке начинается в раннем XIV веке в форме *corage* от старофранцузского *corage* «сердце», «сокровенные чувства»; «нрав» (ср. вульгарное латинское *coraticum*, итальянское *coraggio* и испанское *coraje* от латинского *cor* «сердце») [1, с. 9]. В современном французском языке *courage* сохраняет значение храбрости и мужества, но также может относиться к энергии и решимости. Произношение было близко к [ku'ra:ʒ] с ударением на втором слоге. Однако к современному английскому языку закрепилось ударение на первом слоге: /'kʌrɪdʒ/ (британский вариант) или /'kɜ:ɪdʒ/ (американский вариант). Важно отметить ослабление гласного во втором слоге.

Лексема в среднеанглийском языке обозначала в первую очередь 'сердце', которое считалосьместилищем эмоций, однако и сохранило основное значение храбрости и доблести, унаследованное от французского [2, с. 216]. Со временем семантический диапазон лексемы несколько сузился, фокусируясь преимущественно на моральной и физической смелости перед лицом

опасности или страха. Произношение также претерпело изменения. Таким образом, *corage* означает «дух, темперамент, состояние или настрой ума, порожденные сердцем». Эта связь между «сердцем» и «храбростью» характерна не только для языков, происходящих от латыни. На протяжении всей истории, в различных культурах, сердце служило метафорой внутренней силы. Так, древнеанглийское слово *ellen* «рвение», «сила», отражает представление о том, что мужество рождается глубоко внутри человека.

В среднеанглийском языке слово использовалось в словосочетаниях *bold corage* «храброе сердце», *careful corage* «печальное сердце», *free corage* «свободная воля», *wikked corage* «злое сердце», *cautious courage* «печальное сердце», *treacherous courage* «злое сердце» [1, с. 9], что демонстрирует многогранную природу этого термина. Оно также широко использовалось для обозначения «того, что у человека на уме или в мыслях», отсюда «храбрость», но также «гнев, гордость, уверенность, пылкость» или любого рода склонность.

К концу XIV века слово *courage* начало приобретать более конкретное значение: «доблесть, качество ума, которое позволяет человеку без страха встречать опасность и неприятности». Эта эволюция знаменует значительное сужение сферы применения. В то время как более ранние определения признавали эмоциональный источник мужества, более поздние подчеркивали проявление воли перед лицом невзгод.

Джеффри Чосер, писатель среднеанглийского периода, использовал слово *corage* (или его вариант) в своих «Кентерберийских рассказах». В «Прологе» к этому произведению автор, описывая весеннее пробуждение природы, использует слово *corage* применительно к органу тела маленьких птиц, которые тронуты весенним великолепием до самого сердца (*So priketh hem Nature in hir corages*). В отличие от синонимичной английской лексики германского происхождения *herte*, слово *corage* означает сердце какместилище чувств, а также импульсы и желания, исходящие из сердца, а не просто органа, выполняющего свою функцию. Глава «The Knight's Tale» служит примером того, как различались по смыслу слова *herte* (германское происхождение) и *corage* (заимствование из французского). Так, Паламон плачет так, как будто он *stongen were unto the herte* (физическая боль), а не *unto the corage*. Также в строчке *With holy herte and with an heigh corage* встречаются оба слова, поскольку речь идет о физическом органе и эмоциях. Чосер-пилигрим, готовый отправиться в паломничество, описывает свое эмоциональное

и духовное расположение с помощью лексемы *corage*. Этот пример показывает нам, что слова, заимствованные из французского языка в этот период, как правило, обозначают более абстрактные идеи, тогда как английские слова обозначают физические, приземленные понятия. Ещё одно различие между словом *corage* и его современным эквивалентом *courage* касается произношения: здесь размер показывает, что Чосер и его слушатели все еще в конце XIV века произносили слово с ударением на второй слог, а не на первый, тем самым более точно сохраняя французское произношение.

В контексте произведений Чосера *courage* часто ассоциируется с рыцарскими добродетелями, такими как честь, доблесть и готовность к самопожертвованию. Примеры использования в «Кентерберийских рассказах» показывают, что слово уже прочно вошло в английский лексикон и использовалось для описания как физической, так и моральной храбрости.

I kan nat seye, but swich a greet corage (желание)

And trewely, it is an heigh corage (отвага)

And wolde bothe assayen his corage (дух)

Al my corage, it is so sharp and keene! (желание)

Of spices hoote t'encreessen his corage. (желание) («The Merchant's Prologue, Tale, and Epilogue»).

Чосер использует лексему *corage* также для выражения храбрости на поле боя, сосредотачиваясь на подвигах благородных воинов, соблюдающих рыцарский кодекс. Таким образом, храбрость — это качество, наиболее подходящее для войны, оно не подразумевает безжалостности или жестокости, а напротив благородство и достоинство. *Courage* — качество, проявляющееся только в «цивилизованной» войне.

Прилагательное *courageous* как дериват слова *corage* описывало людей как доблестных, отважных, полных отваги, а также исполненных желаний, унаследовав англо-французские и старофранцузские корни, подчеркивающие рвение, одухотворенность и храбрость, которые проистекают из понятия «следования своим внутренним побуждениям». Глагол *discourage*, появившийся в середине XV века, означал «лишать мужества или заставлять терять его». Оно произошло от старофранцузского *descoragier* «приводить в уныние». Выражение *to take courage from somebody* (буквально «взять храбрость у кого-то») показывает, что, согласно более ранним представлениям, храбрость является материальным феноменом, которое можно было передать или перенять [9, с. 17].

В произведениях XVI и XVII веков слово *courage* также применяется по отношению к чувствам, а не всегда к храбрости. Храбрость имеет внутреннее телесное происхождение, исходящее из органов тела. Так, Шекспир часто использует также слово *stomach* в значении *courage* (Shakespeare W. *The Tempest*)

Анализ старых толковых словарей английского языка позволяет проследить эволюцию определения *courage*. Как правило, словари XVI-XVIII веков (например, ранние издания словарей Каудри/Cowdrey или Джонсона/Johnson) делали акцент на связи *courage* с сердцем и духом, подчеркивая внутреннюю силу и способность преодолевать страх. Определения часто включали синонимы, такие как *valour*, *bravery*, *fortitude* и *prowess*. В словаре С. Джонсона «*A Dictionary of the English Language*» *courage* определяется как «храбрость; деятельная стойкость; дух предприимчивости» [6].

В процессе эволюции многие определения лексемы *courage* к настоящему времени устарели. Например, значение «дух, живость, энергия, жизненная сила» сохранились, а значение «гнев, гордость, уверенность, смелость, влечение» теперь устарели. Эти значения обычно встречались в литературных текстах (например, у Чосера, Шекспира), датированных серединой XVI–XVII веков [9, с. 8].

Сегодня *courage* понимается как умственная или моральная сила, позволяющая отваживаться, проявлять настойчивость и противостоять опасности, страху или трудностям. Современные академические толковые словари английского языка предлагают схожие определения *courage*, подчеркивая способность преодолевать страх и проявлять силу в сложных или опасных ситуациях.

- *Collins Dictionary*: качество, которое проявляет человек, решающий сделать что-то трудное или опасное, даже если он боится [5].
- *Merriam-Webster*: умственная или моральная сила, чтобы рисковать, упорствовать и противостоять опасности, страху или трудностям. Синонимы, *bravery*, *heroism*, *gallantry*, *courageousness*, *prowess*, *nerve* [7].
- *Cambridge Dictionary*: способность контролировать свой страх в опасной или трудной ситуации [4].
- *Oxford Learners dictionaries*: способность сделать что-то опасное, столкнуться с болью или сопротивлением, не показывая страха [8].

Эти современные определения отражают непрерывность в основном значении слова, унаследованном от французского корня. *Courage* по-прежнему ассоциируется с храбростью и силой, но в современном употреблении

часто подчеркивается важность моральной устойчивости и способности действовать в соответствии со своими убеждениями, даже перед лицом оппозиции. Примеры использования, приведенные в словарях, демонстрируют, как *courage* проявляется в различных контекстах, от личных решений до общественных действий.

Итак, лексема *courage* в современном понимании как умственная или моральная сила, позволяющая преодолевать страх и трудности, является результатом долгих исторических трансформаций. Она берет свои корни в латинском слове *cor* «сердце», символизирующем источник эмоций и жизненной силы. История развития семантики лексемы позволяет увидеть, как переплелись представления о разуме, воле и чувстве в сложном понятии храбрости. Современные определения лексемы в лексикографических источниках подчеркивают важность моральной устойчивости и способности действовать в соответствии со своими убеждениями.

Библиографический список

1. Бойко, М. Г., Булгакова И. Ю. Этимология понятия «мужество» как решение проблемы адекватности перевода (на примере английского и русского языков) // Проблемы модернизации современного высшего образования: лингвистические аспекты. Лингвометодические проблемы и тенденции преподавания иностранных языков в неязыковом вузе : Материалы VI Международной науч.-метод. конференции, Омск, 22 мая 2020 года. – Омск: Филиал ФГК ВОУ «Военная академия материально-технического обеспечения имени А.В. Хрулева», 2020. – С. 8-12.

2. Золинова, Е. В. Языковые особенности перевода «Кентерберийских рассказов» Д. Чосера на современный английский язык, выполненного Р. Экером и Ю. Круком (на материале «Пролога») / Е. В. Золинова // Языки и культуры : материалы международной науч.-практ. конференции, Кострома, 23–24 мая 2019 года / Костромской гос. ун-т, Северо-Восточного пед. Ун-т. – Кострома: КГУ, 2019. – С. 212-221.

3. Никифорова, Е.Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2008. – 48 с.

4. Cambridge Dictionary : English dictionary : website. – Cambridge, 1999.– URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/courage>.
5. Collins English Dictionary : online dictionary : website. – Glasgow, 1819 – . – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/courage>.
6. Johnson’s Dictionary Online : historical dictionary : website. – London, 1755 – . – URL: [courage, n.s. \(1773\)](#).
7. Merriam-Webster : dictionary : website. – Springfield, 1831 – . – URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/courage>.
8. Oxford Learner’s Dictionaries : Oxford Advanced Learner’s Dictionary : website. – Oxford, 2005. – URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/courage>.
9. Rate, Ch. R., Sternberg, R.J. When good people do nothing: a failure of courage // Research Companion to the Dysfunctional Workplace: Management Challenges and Symptoms . Edward Elgar Publishing, 2007. С. 3-21.

Алиев Тельман Асад оглы
*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры ИЯПК,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

СЕМИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС ТЕРМИНОВ

Аннотация. В статье показана, что термин как единица номинативного уровня, не может быть привязан к конкретному ярусу языковой системы и, что термин, как строгая номинация, носит системный характер. Об этом свидетельствует тот факт, что терминологическую функцию могут выполнять слова, словосочетания, фразеологические единицы, предложения, значения слов.

Ключевые слова: термины, языковых систем, фразеологические единицы, структура, номинация.

Aliev Telman A.
*PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

SEMIOLOGICAL PRINCIPLE AND LINGUISTIC STATUS OF TERMS

Abstract. This article demonstrates that a term, as a unit of the nominative level, cannot be tied to a specific level of the linguistic system and that a term, as a strict nomination, is systemic in nature. This is evidenced by the fact that words, phrases, phraseological units, sentences, and word meanings can perform terminological functions.

Key words: terms, linguistic systems, phraseological units, structure, nomination.

Важнейшим принципом функционирования языковых систем, действие которого распространяется и на терминологические знаки, является семиологический принцип. В соответствии с этим принципом, исходящим из того, что в языке имеется план выражения и план содержания, язык как система систем должен рассматриваться как многоуровневое явление.

Понятие уровня языковой системы, с одной стороны, связано с таким важным принципом системной организации, как её иерархичность, с другой стороны, понятие уровня выдвигает в качестве основного условия уровневого объединения языковых единиц принцип соответствия этих единиц по форме, содержанию и по функции, т.е. по трем параметрам, определяющим статус языковых единиц. Каждый уровень языка имеет свое упорядоченное устройство, определенный состав элементов и различную сеть отношений между ними, т. е. определенную структуру. Различают фонемный уровень, морфемный, уровень слова, уровень словосочетаний, уровень предложений. Уровни языковой системы находятся в иерархической зависимости. Единицы низкого уровня входят в единицу высшего, как составляющие его части. Единицей низшего уровня является фонема. На следующих ступенях иерархической лестницы находятся морфемы, затем слова, предложения. Наивысшим является уровень, единицей которого является текст. Не всегда в лингвистической литературе выделяются отмеченные выше уровни. Например, отмечается, что «в структуре языка выделяются три или четыре

собственно лингвистических стратума – фонология, морфология, лексикология плюс ~ минус морфонология, а также два пограничных стратума, определяющих «верхний» и «**нижний**» пределы языковой структуры: семантика и фонетика. Пограничные стратумы связывают язык непосредственно с экстралингвистической реальностью, и критерии, в соответствии с которыми они вычленяются, являются одновременно критериями, указывающими на границы структуры языка» [3: 70]

На первый взгляд может показаться, что формально выделяемые уровни объединяют языковые единицы также и в функциональном отношении. Но при таком подходе языковые единицы, объединяемые на одном уровне системы, должны соответствовать друг другу не только по функции, но одновременно также по содержанию и по форме.

Однако подход с точки зрения формально выделяемых структур отличается от функционального подхода.

Чисто функциональный подход характеризуется тем, что он объединяет единицы различных уровней в функциональном аспекте. Например, если говорить об уровне номинации, то следует объединить на этом уровне все языковые единицы, выполняющие данную функцию. Выясняется, что номинативную функцию в языке выполняют самые разные единицы, т.е. языковые единицы, локализующиеся на самых разных стратумах языка. Например, слова и словосочетания, будучи единицами разного уровня, выполняют номинативную функцию. Номинативная функция выполняется также единицами морфологического уровня. Таким образом, можно утверждать, что несмотря на то, что выполнение номинативной функции в языке выпадает на долю слова, целостного комплекса звуков, ассоциируемого в сознании носителей языка с определенным предметом, данная функция выполняется всеми единицами языка, за исключением мельчайших смысловых различительных единиц – фонем. Что касается фонемы, то в этом случае не все обстоит однозначно. Дело в том, что под фонемой понимается «единица звукового строя языка, служащая для опознавания и различения значимых единиц – *морфем*, в состав которых она входит в качестве минимального сегментного компонента, а через них – и для опознавания и различения слов» [2: 552]. Ясно, что если та или иная, пусть мельчайшая, единица языка служит различению **значений** слов, то эта мельчайшая **единица** также **выполняет номинативную функцию**.

То же самое можно сказать об **экспрессивной** функции, которая *выполняется* самыми разными единицами языка, **представляющими** различные уровни его структуры. **Экспрессивная** функция выполняется словами, словосочетаниями, фразеологическими единицами, но она выполняется и единицами более низкого уровня системы, например, морфемами и звуками. Таким образом, функция номинации и функция экспрессии в языке носят сквозной характер, они охватывают все уровни системы, все её ярусы.

Термин как единица номинативного уровня, т.е. как единица, выполняющая номинативную функцию, не может привязываться к определенному ярусу языковой системы. В этом смысле термин, как строгая номинация, носит системный характер. «Термин входит в общую лексическую систему языка, но лишь через посредство конкретной терминологической системы» [2: 508] Терминологическую функцию могут выполнять слова, словосочетания, фразеологические единицы, предложения, значения слов. «Встречаются термины, состоящие из сочетания слов: *двигатель внутреннего сгорания, переменный ток, прямой угол, совершенный вид* (в глаголе), *прошедшее время* (ср. англ.: present indefinite – *настоящее простое неопределенное*, direct current – *постоянный ток*) [1: 80].

Поскольку термин не **способен локализоваться** на определенном уровне языковой системы, **он** может рассматриваться как чистая **функция**. **Термины** как знаки не могут объединяться по всем трем параметрам, определяющим статус языковых единиц. Терминообозначения не поддаются объединению с точки зрения формальной, следовательно, в рамках кодовой системы они носят системный характер, а не уровневый.

Искусственность и специальность термина детерминируют характер его системных связей. Будучи номинацией, в структурном отношении связанной с разными уровнями, термин отличается от *обычного* слова специфической парадигматических отношений и синтагматических связей, в которые он входит.

Следует признать, что термин как специальное слово, данное для обозначения сугубо специального понятия, как неотъемлемой части научного понятийного поля, в системе языка не входит ни в какие парадигмы. До тех пор, пока термин имеет исключительно специальное предназначение, он может входить только в парадигмы, конституирующие терминосистему. Однако в рамках терминосистем исключительность и особенность термина как номинации ограничивает его возможность во вхождении и создании рядов, основанных на ассоциативных отношениях.

Характер синтагматических связей в терминосистеме отличается от парадигматических отношений. Во-первых, он носит более обязательный характер, так как, будучи единицей знаковой системы, термин не может реализовать свое содержание сам по себе. Он, как и всякий другой знак, не самодостаточен.

Таким образом, налицо асимметрия парадигматических и синтагматических возможностей термина.

Необходимо отметить и то обстоятельство, что в синтагматические отношения термин вступает как с терминами, так и с обычными словами. Однако при этом для терминопотребления характерно то, что в соответствующих конфигурациях нетерминологические знаки отягощаются дополнительным терминологическим содержанием. Термин распространяет специальное содержание на обычные слова, посредством которых он реализует свое значение. Таким образом, терминологический характер носит не только, термин, но и вся конфигурация. Конфигурация является фактом системы, поскольку в ней находит отражение системно обязательная синтагматическая связь. Одновременно подобные терминологические конфигурации представляют собой фрагмент метаязыка.

Анализируя конфигурации «терминокружение», необходимо отличать их от терминов, представляющих собой в структурном отношении синтагму. Необходимо также проводить различие между терминологическим характером первых и вторых. В первых термином является только один компонент, (типа *атмосфера очищается, слои в атмосфере*, тогда как вторые являются термином в единстве всех своих компонентов типа *давление атмосферы, воздушная атмосфера*). В первых терминологическое содержание распространяется первой частью на вторую. Во-вторых, терминологическое содержание присуще всей синтагме.

Специфика метаязыка науки обусловлена конфигураций. Сочетание в конфигурациях, построенных на синтагматических связях терминов, терминов и общеупотребительных слов предопределяет закодированность метаязыка. Можно вообще утверждать, что метаязык науки, характерной **особенностью** второго является употребление общеупотребительных **слов в несвойственных им значениях**, создается конфигурациями, **конституируемыми терминами и их системно-структурными связями**.

Для терминообразования и **терминопотребления, актуально** разграничение на системном уровне лексем и семантем. Следует отметить, что одна семантема вполне **может соответствовать двум лексемам**. При этом только **одна из этих лексем может быть терминологическим** означающим, **т.е. означающим, специально созданным для данного означаемого, в то**

время как вторая лексема с точки зрения означающего и означаемого может быть общеупотребительным словом. Например, семантема «смешанный, получившийся в результате диффузии свет» соответствует двум лексемам *диффузный свет*. Или, например, лексемы «медленная» и «диффузия» соответствуют семантеме, включающей понимание качества процесса проникновения молекул различных физических тел в друг друга.

Совокупность семантем составляет аппарат науки, в конечном счете, состояние знаний в той или иной научной области. Совокупность лексем, использующихся в соответствующей научной области, значительно шире количества специальных номинаций, созданных для обозначения актуальных понятий.

Библиографический список

1. Алиев, Т. А. Основы языкознания. Лексикология: учеб. пособие / Т. А. Алиев; Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. – 132 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева, – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – 685 с.
3. Общее языкознание (Внутренняя структура языка). Изд. Наука, – М.: Наука, 1972. Наука – 566 с.

УДК 81'42 + 81'373

Ахмедова Фаргана Маммадали кызы
аспирант

Алиева Нармин Абульфаз кызы
*научный руководитель, доктор филологических наук, доцент,
главный научный сотрудник,
Институт языкознания имени И. Насими
Национальной Академии Наук Азербайджана
(г. Баку, Азербайджанская Республика)*

ФУНКЦИЯ ПРИДАТОЧНОГО ПОДЛЕЖАЩЕГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ (НА ОСНОВЕ АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО ЯЗЫКА)

Аннотация. В данном научном исследовании придаточное подлежащее предложение рассматривается не только как синтаксическая структура, но и как когнитивно-семантический механизм. Цель работы заключается в выявлении роли придаточного подлежащего предложения в процес-

сах предметизации пропозиции, номинализации, эпистемического позиционирования и концептуальной интеграции в пределах текста. Исследование проведено на материале азербайджанского языка, а полученные результаты интерпретированы в контексте когнитивной лингвистики и теорий дискурса. Установлено, что придаточное подлежащее предложение трансформирует абстрактное событие в концептуальный объект, превращая его в единицу, способную к оцениванию и структурированию в дискурсе.

Ключевые слова: придаточное подлежащее предложение, концептуализация, номинализация, пропозиция, эпистемическое позиционирование, дискурс.

Akhmedova Fargana Mammadali kyzy

PhD student

Alieva Narmin Abulphaz kyzy

Research Supervisor, PhD in Philology, Associate Professor,

Institute of Linguistics named after Nasimi,

Azerbaijan National Academy of Sciences

(Baku, Azerbaijan)

THE FUNCTION OF A SUBJECT CLAUSE AS A CONCEPTUALIZATION MECHANISM (BASED ON THE AZERBAIJANI LANGUAGE)

Abstract. The research considers a subject clause not only as a syntactic structure but also as a cognitive-semantic mechanism. The aim of the research is to define the role of a subject clause in the process of propositional nominalization, epistemic positioning and conceptional integration within a text. The research is based on the Azerbaijani language. The results are interpreted within the framework of cognitive linguistics and discourse theory. The results have shown that a subject clause transforms an abstract action into a conceptual object making it a language unit that can value and structure in discourse.

Key words. a subject clause, conceptualization, nominalization, proposition, epistemic positioning, discourse.

В современных исследованиях синтаксиса наряду с формально-структурным описанием широкое распространение получило изучение функциональных и когнитивных аспектов языковых явлений. Языковые единицы

рассматриваются не только как грамматические формы, но и как средства организации мышления и механизмы концептуализации [8; 9].

Исследования в области лингвистики и психолингвистики показывают, что позиция придаточных предложений в составе сложного предложения обусловлена синтаксическими, семантическими и дискурсивными факторами [4, с. 76]. Эти факторы непосредственно влияют на общую структуру высказывания и на восприятие передаваемого сообщения, особенно в аспекте уточнения и конкретизации основной мысли главного предложения [11].

В этом контексте отмечается, что придаточные подлежащие предложения, предоставляя дополнительную информацию, объясняющую причину или следствие действия в главном предложении, обогащают общую структуру и содержание текста [15, с. 123]. Так, например, в турецком языке придаточные предложения, образованные с помощью частицы *ki*, обеспечивают синтаксическую связь с главным предложением и могут модифицировать темпоральную и модальную характеристику сообщения [12].

Таким образом, семантическая и синтаксическая организация придаточных подлежащих предложений создаёт теоретическую основу для более глубокого понимания механизмов концептуализации в языке. В данном аспекте «посредством этих конструкций раскрывается, каким образом сложные события и идеи кодируются и интерпретируются средствами языка, что в очередной раз подтверждает фундаментальную роль языка в когнитивных процессах» [2, с. 18].

Подобный подход подчёркивает необходимость опоры синтаксических исследований на данные смежных научных дисциплин, в частности психологии, что позволяет обеспечить междисциплинарную целостность анализа [10].

Придаточное подлежащее предложение традиционно характеризуется как компонент сложного предложения [1, с. 321]. Однако его функционально-семантический анализ показывает, что данная конструкция реализует механизм предметизации пропозиции. Например: *Məlumdur ki, o gələcək — Onun gələcəyi məlumdur.* (Известно, что он придет — Его приезд был известен). В первом примере целостная пропозиция выполняет функцию синтаксического подлежащего. Подобная структура соответствует процессу объективирования предикативного содержания.

В когнитивной лингвистике пропозиция рассматривается как концептуальная модель события или состояния [9]. Придаточное подлежащее

предложение переводит эту модель в позицию синтаксического субъекта, превращая её в референциальный объект. Данный процесс характеризуется как «реификация» — восприятие абстрактного содержания в качестве объекта. Например: *Aydındır ki, qərar düzgün deyil*. (Видно, что решение не правильное).

В данном случае высказывание «*qərar düzgün deyil*» выступает объектом эпистемической оценки. Пропозиция структурируется уже как факт.

Хотя номинализация традиционно рассматривается как морфологическое явление (например, “*gəlmək*” → “*gəlmə*”), придаточное подлежащее предложение представляет собой форму синтаксической номинализации [3, с. 345]. Таким образом, придаточное подлежащее предложение отодвигает предикативность на второй план, преобразует событие в концептуальный объект и функционирует в дискурсе как «референтная единица» [5, с. 96].

Придаточные подлежащие предложения часто сопровождаются эпистемическими оценочными конструкциями: *məlumdur ki...*; *aydıdır ki...*; *ehtimal olunur ki...*; *görünür ki...* и т. д.

Подобные конструкции выражают позицию говорящего в косвенной форме и представляют информацию как объективный факт. Это может быть соотнесено с механизмами пресуппозиции и идеологического фреймирования в дискурсе [13; 14]. Например: *Həmişə məlumdur ki, bu qərar səhvdir*. (Всем известно, что решение не верное).

В данной конструкции пропозиция уже не выступает предметом обсуждения, а подаётся как общепринятая истина [6]. Следовательно, придаточное подлежащее предложение маскирует субъективность, создаёт эффект объективности и формирует в дискурсе манипулятивный потенциал.

Согласно функциональному подходу М. Халлидея, предложение с точки зрения информационной структуры подразделяется на компоненты темы и ремы [7, с. 80-83]. В этом аспекте придаточное подлежащее предложение выступает как механизм тематического фреймирования: *Məlumdur ki, o haqlıdır*. (Известно, что он прав).

В данной конструкции основная информативная нагрузка сосредоточена в придаточном предложении, однако с точки зрения структурной организации фокус высказывания строится вокруг эпистемического компонента. В азербайджанском языке в этом плане наблюдаются две модели: 1) модель с союзом “*ki*”: *Məlumdur ki...* (известно, что) 2) субстантивированная модель: *Onun haqlı olması məlumdur* (известно его правота).

Первая модель формирует концептуальный фокус на результате, вторая — на самом событии. Данное различие обуславливает изменение направления концептуализации. В пределах текста придаточное подлежащее предложение, обобщая предшествующую информацию, преобразует её в объект результата: *O uzun müddət çalışdı, lakin uğur qazanmadı. Məlum oldu ki, onun strategiyası düzgün deyilmiş.* (Он долгое время работал, однако не добился успеха. Выяснилось, что его стратегия оказалась неверной).

В данном случае второе предложение трансформирует предшествующие события в концептуальный результат. Этот механизм обеспечивает когерентность текста и структурирует причинно-следственные отношения между событиями [13, с. 123].

Заключение. Проведённый анализ показывает, что придаточное подлежащее предложение представляет собой механизм синтаксической номинализации. Оно осуществляет предметизацию пропозиции, выступает средством эпистемического позиционирования, формирует пресуппозицию и эффект объективности, а также обеспечивает концептуальную интеграцию на уровне текста.

Таким образом, придаточное подлежащее предложение является не только грамматической структурой, но и средством трансформации когнитивных процессов в языковую форму, выступая важным механизмом концептуализации.

Библиографический список

1. Abdullayev, K.M. Azərbaycan dilində mürəkkəb sintaktik bütövlər / K.M. Abdullayev, A.Y. Məmmədov, M. Musayev. – Bakı: Mütərcim, 2012. – 606 s.
2. Ardalı, R. Çağdaş dilbilim açısından ortaclar / R. Ardalı // Selçuk Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. — 1981. — № 1. — S. 17-25. <https://izlik.org/JA38FE88HJ>
3. Biber, D. Longman grammar of spoken and written English / D. Biber, S. Johansson, G. Leech, S. Conrad, E. Finegan. – London: Longman, 1999. – 1204 p. ISBN 0-582-23725-4.
4. Habibova, K.A. Elliptical sentence in modern Azerbaijani language / K.A. Habibova. — Baku: Science and education. – 2009. — 192 s.
5. Habibova, K. Speech effect function of presupposition / K. Habibova // Linguistic Researches. – 2024. – №. 1. — S. 91-97.

6. Habibova, K.A. The Specificity of Everyday Discourses / K.A. Habibova // First International Volga Region Conference on Economics, Humanities and Sports (FICEHS 2019). – Paris: Atlantis Press, 2020. – P. 335-340.
7. Halliday, M.A.K. Halliday's introduction to functional grammar (4th ed.) / M. A. K. Halliday, C. Matthiessen – London: Routledge, 2014. – 808 p. ISBN 978-0-415-83788-4.
8. Lakoff, G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p. ISBN 0-226-46801-1.
9. Langacker, R.W. Cognitive grammar: A basic introduction / R.W. Langacker – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 562 p. ISBN 978-0-19-533196-7.
10. Nikolenko, O. The 'I' of the author and its persuasive function (as exemplified by the complex sentence with homogeneously collateral sub clauses) / O. Nikolenko, O. Zakharchuk, L. Babakova, B. Morenko // SHS Web of Conferences. – 2019. – Vol. 69. – Article 00081. – DOI: 10.1051/shsconf/2019690008.
11. Ögel-Balaban, H. Clause chaining and discourse continuity in Turkish children's narratives / H. Ögel-Balaban, A. Aksu-Koç // Frontiers in Psychology. – 2020. – Vol. 11. – Article 115. – DOI: 10.3389/fpsyg.2020.00115.
12. Serdar. Tam ... eylem-görünüş / kiplik(y)DI4 – şahıs eki ki dizimi üzerine / Serdar // Zenodo. – 2023. – DOI: 10.5281/zenodo.8086601.
13. van Dijk, T.A. *Discourse and power* / T. A. van Dijk – New York: Palgrave Macmillan, 2008. – 308 p. ISBN 978-0-230-57673-0.
14. van Dijk, T.A. *Society and discourse: How social contexts influence text and talk* / T.A. van Dijk – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. – 309 p. ISBN 978-0-521-89582-8.
15. Veliyeva, F.M. About the syntactic constructions and features of the aphorisms used in Azerbaijan language / F.M. Veliyeva // Alfred Nobel University Journal of Philology. – 2021. – No. 1(21). – P. 122–129. – DOI: 10.32342/2523-4463-2021-1-21-12.

**ЭВОЛЮЦИЯ СЛОВАРНЫХ ДЕФИНИЦИЙ ОСНОВНЫХ
ЦВЕТОНАИМЕНОВАНИЙ В АНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ
XVIII – XXI ВВ.**

Аннотация. Анализируются определения основных цветонаименований в английских словарях XVIII – XXI вв. Описаны три парадигмы лексикографического описания: предметно-ассоциативная, научно-абстрактная и прагматически-стандартизированная.

Ключевые слова: цветонаименование, дефиниция, лексикография, диахронический анализ, языковая картина мира, научная парадигма.

Gorbacheva Evgeniya Yuryevna

Student

Abramova Elena Ivanovna

PhD in Philology, Associate Professor,

Head of the Department of English Philology

Federal State University of Education

(Moscow, Russian Federation)

**EVOLUTION OF DICTIONARY DEFINITIONS
OF THE MAIN COLOR NAMES IN ENGLISH LEXICOGRAPHY
OF THE XVIII – XXI CENTURIES**

Abstract. The paper analyses the definitions of basic colour terms in English dictionaries of the 18th–21st centuries. It describes three lexicographic paradigms: the subject-associative paradigm, the scientific-abstract paradigm, and the pragmatically standardized paradigm.

Keywords: colour term, definition, lexicography, diachronic analysis, linguistic worldview, scientific paradigm.

В контексте изучения истории языка и когнитивной лингвистики исследование изменений ключевых понятий, которые формируют наше восприятие мира, представляет большой научный интерес [1]. Названия цветов — это одна из основных и универсальных лексико-семантических категорий [3]. Они не только помогают нам описывать физическую реальность, но и являются сложным культурным кодом, который отражает глубинные изменения в научной парадигме, технологическом укладе и коллективном сознании носителей языка [2]. Хотя существуют фундаментальные теории, которые описывают универсальные закономерности формирования систем цветообозначений, например, теория Берлина и Кея, диахронический анализ того, как именно значения основных цветов фиксируются и формулируются в авторитетных словарях, остаётся недостаточно изученным. В большинстве научных работ внимание уделяется изучению психолингвистических аспектов или семантических полей, при этом лексикография как уникальный и объективный инструмент для анализа языкового сознания людей определённого времени, который позволяет проследить переход от чувственного восприятия к научному анализу, остаётся без должного внимания.

Данная статья призвана восполнить этот пробел, исследуя, как менялись способы дефинирования основных цветовых концептов в английском языке на протяжении трёх столетий. Мы проследим диахроническую динамику в формулировках словарных дефиниций основных цветов и определим ключевые этапы становления их современных лексикографических представлений. Для достижения этой цели в работе решаются следующие задачи: систематизировать корпус определений, выявив устойчивые типы дефиниций, установить хронологические границы смены доминирующих моделей толкования, объяснить выявленную динамику через призму культурно-исторического подхода, связывая трансформации определений с общенаучными революциями и сдвигами в языковом мышлении.

Объектом исследования выступает семантическое поле основных цветоименований в английском языке. Предметом являются формулировки их дефиниций в избранных лексикографических источниках указанного периода. В процессе исследования применяется комплекс методов: сравни-

тельно-сопоставительный анализ дефиниций по хронологическому принципу, описательно-аналитический метод для классификации типов определений, а также элементы культурологического анализа для интерпретации обнаруженных сдвигов в широком контексте интеллектуальной истории.

Корпус словарей XVIII века — *The New World of Words* (1720), *An Universal Etymological English Dictionary* (1763) и *Samuel Johnson's Dictionary* (1755/1773) — демонстрирует целостную лексикографическую стратегию, основанную на предметно-ассоциативной парадигме. В этот период цвет не осмысляется как автономный физический или психологический феномен, а определяется исключительно через его материальные носители в окружающем мире. Эта стратегия соответствует одной из трёх основных моделей лексикографического описания цвета — «определению со ссылкой на объекты». Подобный подход не случаен: он является прямым продолжением древней модели восприятия и категоризации цвета, где понятие цвета вторично по отношению к конкретному предмету, его носителю. Как отмечает Т. В. Бочкарева, анализируя древнеанглийскую систему, цветообозначения изначально формировались как отсылка к прототипическим объектам (например, *grēne* — трава, растительность). Таким образом, словари XVIII века фиксируют и систематизируют не научную абстракцию, а живую, укоренённую в повседневном опыте и культурной традиции языковую картину мира.

В определениях этого периода ключевую роль играет указание на эталонный объект, цвет которого считается общеизвестным и не требующим дальнейших пояснений. Эта логика приводит к максимально сжатым, практически энциклопедическим формулировкам.

Yellow определяется через *Gall* (желчь): «*Colour like that of Gall*» [*An Universal etymological English dictionary*, 1763]. Это пример прямой биологической ассоциации, где внутренняя жидкость организма служит абсолютным эталоном. *Green* описывается исключительно через его природный источник: «*The Colour which nature has given to trees, leaves and herbs*» [*The New World of Words*, 1720] или «*The Colour of Leaves of Trees and Herbs*» [*An Universal etymological English dictionary*, 1763]. Здесь фиксируется не просто цвет, а его естественная, «данная природой» сущность, что подчёркивает синкретизм понятий «цвет» и «объект». *Black* и *White* определяются через простейшие оппозиции «темноты» и «света», также отсылающие к природным явлениям: «*Is the darkest Colour of all*» (о *Black*) и «*A natural Colour, contrary to black*» (о *White*) [*An Universal etymological English dictionary*,

1763]. Эти определения отражают универсальную стадийность развития цветовой лексики, описанную Берлином и Кеем, где белый и чёрный являются первичными категориями.

Подобный метод дефиниции, как указывает А. П. Василевич, отражает донаучный, наглядно-образный способ концептуализации цвета, укоренённый в непосредственном чувственном опыте. Цвет ещё не «отделился» от предмета, он воспринимается как его неотъемлемое, сущностное свойство.

Наряду с простыми предметными отсылками, в определениях проступают черты натурфилософии и символизма, характерные для мышления эпохи. Цвет наделяется не только физическими, но и качественными, почти мистическими характеристиками.

Наиболее показательное определение Red в *The New World of Words* (1720): «A lively Colour representing the Quality of Fire». Здесь цвет («lively Colour») интерпретируется как репрезентация фундаментального качества или стихии («the Quality of Fire»). Это определение выходит за рамки простого указания на кровь или рубин; оно возводит красный цвет в ранг философской и символической категории, связывая его с энергией, теплом и преобразующей силой. Такое описание согласуется с идеей о глубокой культурной обусловленности цветонаименований. Как показывает Василевич на примере истории русского красного, значимость цвета в культурном сознании напрямую влияет на семантику и статус его обозначения. Символическое определение красного как «огненного» предвосхищает его будущую роль одного из ключевых и рано кодируемых цветов в универсальной схеме Берлина-Кея.

Samuel Johnson's Dictionary (1755/1773) представляет собой вершину лексикографической мысли XVIII века. Его определения сохраняют связь с предметной парадигмой, но обогащаются стремлением к точности, системности и включению накопленных знаний. Green определяется им как «Having a colour formed commonly by compounding blue and yellow; of the colour of the leaves of trees or herbs» [Samuel Johnston's Dictionary, 1755, 1773]. Здесь соединены два подхода: попытка описать цвет через механизм его создания («compounding blue and yellow») и традиционная предметная отсылка («leaves of trees or herbs»). Blue лаконично назван «One of the seven original colours» [Samuel Johnston's Dictionary, 1755, 1773], что отсылает к традиционному представлению о спектре или основных цветах, возможно, восходящему к ньютоновской оптике, но ещё не сформировавшемуся в строгую

научную дефиницию. Black получает поэтически-философское определение «Of the colour of night» [Samuel Johnston's Dictionary, 1755, 1773], усиливая связь с универсальным природным явлением, а не с абстрактной тьмой.

Работа Джонсона, созданная в контексте британского Просвещения, отражает переходный этап. Его определения стремятся к энциклопедической полноте и логической чёткости, однако инструментарий для описания цвета как такового остаётся прежним — это указание на объекты, смеси и природные явления. Таким образом, при всей своей основательности, методология Джонсона окончательно закрепляет предметно-ассоциативную модель как доминирующую для своего времени, подготовив почву для революционного пересмотра, который произойдёт в лексикографии следующего столетия под влиянием новой научной парадигмы.

Переход от XVIII к XIX веку ознаменовался в лексикографии фундаментальным сдвигом, который можно охарактеризовать как коперниканский переворот в дефинировании цвета. Если в предшествующую эпоху цвет определялся внешним референтом — конкретным предметом или стихией, — то в работах конца XIX – первой половины XX века он начинает определяться внутренней природой — своим местом в системе физических явлений. Эта фаза научной абстракции напрямую связана с усвоением языковым и научным сообществом открытий Исаака Ньютона в области оптики (XVII в.) и последующей популяризацией его идей. Словари этого периода — The Century Dictionary (1889) и Oxford English Dictionary (1933) — выступают не просто регистраторами языка, но и проводниками новой научной парадигмы, преобразуя цвет из чувственного качества в объективный, измеримый феномен.

Наиболее яркой чертой новой фазы становится интеграция в словарную статью терминов и концептов из физики света. Цвет перестаёт быть лишь атрибутом предмета и становится частью универсальной физической системы — спектра. Это коренным образом меняет структуру определений. Red в The Century Dictionary определяется уже не просто как «цвет огня», а как «Of a bright, warm color resembling that of blood or of the highest part of the primary rainbow» [The Century Dictionary, 1889]. Здесь происходит синтез старого прототипа («кровь») и нового научного референта («радуга» как видимое проявление спектра). Ещё дальше идёт OED (1933), давая первичное определение: «Having, or characterized by, the colour which appears at the lower or least refracted end of the visible spectrum» [The Oxford English Dictionary,

1933]. Кровь и огонь отступают на второй план, уступая место точному описанию положения в спектре и степени рефракции. Аналогично, *green* в OED трактуется как «The adjective denoting the colour which in the spectrum is intermediate between blue and yellow» [The Oxford English Dictionary, 1933], где его сущность выводится исключительно из его отношений к другим цветам в научной модели. *White* в The Century Dictionary получает исчерпывающее физическое описание: «Of the color of pure snow or any powder of material transmitting all visible rays without sensible absorption; transmitting and so reflecting to the eye all the rays of the spectrum combined in the same proportions as in the impinging light...» [The Century Dictionary, 1889]. Эта дефиниция — целый мини-трактат по оптике, замещающий простые аналогии («противоположный чёрному»).

Gray в OED определяется не через простую «смесь», а как «The adjective denoting the colour intermediate between black and white, or composed of a mixture of black and white with little or no positive hue; ash-coloured, lead-coloured» [The Oxford English Dictionary, 1933]. Определение структурировано: сначала даётся абстрактное, системное место («промежуточный»), затем — способ формирования («смесь»), и только после этого — традиционные предметные маркеры («пепельный», «свинцовый»), которые теперь выполняют роль иллюстраций, а не основы. *Red* в OED служит эталоном такой детализации. После строгого спектрального определения следует обширная систематизация употреблений: отдельно выделяются категории «Of fire, flame, lighting, etc.», «Of the sky or sun, esp. at dawn or sunset», «In names of specific pigments, dyes...» и т.д. [The Oxford English Dictionary, 1933].

Несмотря на радикальный сдвиг, словари этой фазы не отказываются полностью от предметных ассоциаций. Однако их роль кардинально меняется. Предметные референты (кровь, трава, небо) перестают быть сущностью цвета и становятся его иллюстративными, вспомогательными маркерами. Определение *red* в *The Century Dictionary* начинается со спектра и радуги, а кровь упоминается вторым, через запятую [The Century Dictionary, 1889]. *Blue*, даже в строгом OED, по-прежнему может быть «of the sky» или «of the sea», но эти сочетания описываются уже как частные случаи употребления, а не как ядро значения.

Это состояние отражает переходный характер эпохи. Научная абстракция становится доминирующим, авторитетным способом определения, но ещё не может полностью вытеснить укоренённые в многовековом

опыте и восходящие к древнейшим этапам языка предметные связи. В результате возникает уникальный гибрид: определение, основанное на объективных законах физики, но проверяемое через субъективный чувственный опыт. Эта фаза подготовила почву для следующего этапа, на котором наука, окончательно утвердив свою картину, позволила лексикографии вернуться к прагматичной простоте, основанной теперь уже на общепризнанном научном фундаменте.

Начиная со второй половины XX века лексикографическая практика демонстрирует решительный отход от сложных научных дефиниций в пользу нового принципа — прагматичной стандартизации. Современные словари (Merriam-Webster, Cambridge Dictionary, Oxford Learner's Dictionary, Collins English Dictionary) представляют собой итог и синтез двух предыдущих эпох. От XVIII века они наследуют стремление к ясности и ориентированности на пользователя, а от XIX-XX веков — глубоко усвоенную, но теперь подразумеваемую научную базу. Результатом становится формирование унифицированного прототипического ядра для каждого цвета: определение сводится к краткой, максимально узнаваемой предметной отсылке, которая, однако, опирается не на натурфилософию, а на общепринятый в международном (прежде всего англоязычном) культурном контексте визуальный эталон.

Если в фазе научной абстракции предметные ассоциации отступали на второй план, то современные словари делают их основой дефиниции, но в сильно отшлифованном виде.

Red теперь последовательно определяется через *blood*: «Of the colour of fresh blood» [Cambridge Dictionary]; «Having a colour of blood or fire» [Oxford Learner's Dictionary]; «Something that is red is the colour of blood or fire» [Collins English Dictionary]. Обращает на себя внимание почти полное исчезновение «огня» как равноправного варианта — в Cambridge его нет, в Oxford Learner's он стоит вторым, в Collins — соединен союзом «or». Это свидетельствует о выборе биологического универсального эталона перед культурно-символическим. *Green* столь же единодушно связывается с растительностью: «Of a colour between blue and yellow; of the colour of grass» [Cambridge Dictionary]; «Having a colour of grass or the leaves of most plants and trees» [Oxford Learner's Dictionary]; «Green is the colour of grass or leaves» [Collins English Dictionary]. Важно отметить семантическое уточнение: это не просто «листья деревьев и травы» (как в 1763 г.), а именно «трава» —

самый распространенный и визуально однородный референт. Blue фиксируется через пару ключевых природных просторов: «Of the colour of the sky without clouds on a bright day...» [Cambridge Dictionary]; «Having the colour of a clear sky or the sea on a clear day» [Oxford Learner's Dictionary]; «Something that is blue is the colour of the sky on a sunny day» [Collins English Dictionary]. Упоминание моря (в Oxford Learner's) расширяет контекст, но небесный прототип остается первичным.

Кардинальное отличие современной фазы — изменение структуры словарной статьи. Краткое прототипическое определение прямого значения становится лишь отправной точкой, затравкой для детального описания функционирования слова в языке. Основной объем статьи теперь занимают примеры употребления, управление, фразеологизмы и, что особенно важно, развернутая система переносных и метафорических значений.

Black и White демонстрируют этот принцип в полной мере. Их прямые определения даны через оппозицию и физические крайности: «Having the darkest colour there is, like the colour of coal or of a very dark night» [Oxford Learner's Dictionary]; «Having the colour of fresh snow or milk» [Oxford Learner's Dictionary]. Однако сразу же за этим следует экспликация культурных коннотаций, устойчивых выражений (black market, white lie) и сложной системы переносных смыслов (например, white в значении «принадлежащий к белой расе» или «честный»). Прагматика и семантика употребления выходят на первый план. В Merriam-Webster это выражается в том, что первое значение цвета как физического феномена является лишь одним из многих в разветвленной словарной статье, которая включает значения, связанные с расой, характером, живостью описания и даже квантовой хромодинамикой («a hypothetical property of quarks»).

В современной фазе окончательно оформляется уникальный статус пары black/white как ахроматических, абсолютных полярностей. Их определения все чаще строятся не через внешние референты (ночь/молоко), а через взаимную отсылку и физические параметры света. Merriam-Webster дает для black научно-точное, но при этом лаконичное определение: «the achromatic color of least lightness characteristically perceived to belong to objects that neither reflect nor transmit light» [Merriam-Webster Dictionary]. Аналогично, white определяется как «of the color of new snow or milk» с акцентом на отражение всего спектра. Эта тенденция к взаимному определению через про-

тивопоставление и физику («отсутствие света» vs. «полное отражение») отличает современные дефиниции от поэтических («цвет ночи») XVIII века и от чрезмерно детализированных оптических описаний конца XIX века.

Таким образом, фаза лексикографической стандартизации представляет собой синтез, в котором научная точность, будучи достигнута, становится имплицитной основой, а на первый план выходит прагматическая эффективность и коммуникативная ясность, роднящая ее с интуитивностью первой фазы, но превосходящая ее в универсальности. Цвет в современном словаре — это одновременно простой визуальный ярлык, комплексный культурный код и часть стройной терминологической системы.

Проведённый диахронический анализ словарных дефиниций семи основных цветонаименований английского языка позволяет сформулировать ряд ключевых выводов, подтверждающих центральный тезис исследования: эволюция лексикографических определений цвета является не линейным «прогрессом» к точности, а сложным, диалектическим процессом, напрямую отражающим смену научных парадигм и трансформацию культурного сознания.

Реконструкция истории дефиниций выявила три чётких, хронологически последовательных этапа, каждый из которых характеризуется доминированием собственной модели описания. Первый этап (XVIII век) был определен предметно-ассоциативной парадигмой. Как показывают дефиниции из *The New World of Words* (1720) и *An Universal Etymological English Dictionary* (1763), цвет понимался исключительно как неотъемлемое свойство конкретной субстанции: «цвет желчи», «цвет листьев деревьев и трав». Второй этап (конец XIX – первая половина XX века) ознаменовался революционным переходом к парадигме научной абстракции. Под влиянием усвоенных научным сообществом открытий в области оптики, словари *The Century Dictionary* (1889) и *Oxford English Dictionary* (1933) стали проводниками новой картины мира. В дефинициях на первый план вышли понятия спектра, рефракции и физики света: красный определялся как цвет «наименее преломляемого конца видимого спектра» [OED, 1933], а белый — через термины передачи и отражения лучей. Третий, современный этап (вторая половина XX – XXI век) демонстрирует синтез достижений предыдущих эпох в рамках прагматической стандартизации. Словари (*Merriam-Webster*, *Cambridge Dictionary*, *Oxford Learner's Dictionary*) совершили целенаправленный отказ от сложных научных конструкций в пользу кратких, прототипических определений: «цвет свежей крови», «цвет травы», «цвет чистого

неба». Однако этот, казалось бы, возврат к предметности принципиально отличен от модели XVIII века. Он опирается на прочный и общепринятый фундамент научной картины мира, которая стала имплицитным знанием.

Таким образом, эволюция дефиниций от *colour of Gall* к *colour of fresh blood* представляет собой не упрощение, а результат сложного культурно-когнитивного пути. Лексикография последовательно фиксировала переход от чувственного опыта (цвет как качество вещи) через научную рационализацию (цвет как явление) к прагматической кодификации (цвет как инструмент коммуникации в глобализованном мире). Это исследование подтверждает, что словарь является не пассивным регистратором, а активным участником формирования языковой картины мира.

Библиографический список

1. Бочкарева, Т.В. Система цветообозначений в древнеанглийском языке // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 112–125.
2. Василевич, А.П. Этимология цветоименований как зеркало национально-культурного сознания // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ / Отв. ред. А. П. Василевич. – М.: КомКнига, 2007. – С. 9–28.
3. Контанистова, А.И., Федуленкова, Т.Н. Семантические особенности фразеологизмов с цветовым компонентом в английской деловой терминологии / А.И. Контанистова, Т.Н. Федуленкова // Вестник ЧенрГУ. – 2023. – № 3 (114). – С. 139–155.
4. An Universal Etymological English Dictionary. London: J. Buckland, 1763.
5. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 20.10.2025).
6. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 20.10.2025).
7. Johnson, S. A Dictionary of the English Language. 1st ed. London: W. Strahan, 1755.
8. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 20.10.2025).

9. Oxford Learner's Dictionaries [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 20.10.2025).

10. The Century Dictionary: An Encyclopedic Lexicon of the English Language. Vol. VI. New York: The Century Co., 1889.

11. The New World of Words: Or, Universal English Dictionary. 6th ed. London: J. Knapton, 1720.

12. The Oxford English Dictionary. Vol. VIII. Oxford: Clarendon Press, 1933.

УДК 808

Долгова Анна Олеговна

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры компьютерной лингвистики и лингводидактики
факультета социокультурных коммуникаций,
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

АНТИЧНОЕ УЧЕНИЕ О ТРОПАХ И ФИГУРАХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию античного учения о тропах и фигурах. В статье представлены суждения античных мыслителей о тропах и фигурах, об условиях их использования. В конце статьи дается оценка греко-римского учения о тропах и фигурах, а также представлен обзор некоторых современных направлений исследования тропов и фигур, основы которых были заложены в античности.

Ключевые слова: троп, стилистическая фигура, метафора, сравнение, риторика, поэтика, античность.

Dolgova Anna Olegovna

*PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Computer Linguistics and Linguodidactics,
Faculty of Sociocultural Communications, Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)*

ANCIENT DOCTRINE OF TROPES AND FIGURES

Abstract. The article explores the ancient doctrine of tropes and figures. It presents ancient thinkers' views on tropes and figures, on the conditions of the usage. The article concludes with an assessment of the Greco-Roman doctrine of tropes and figures, and a review of some modern directions in the study of tropes and figures, the foundations of which were laid in antiquity.

Key words: trope, stylistic figure, metaphor, simile, rhetoric, poetics, antiquity.

1. Виды тропов в греко-римских риториках и поэтиках. Представления о взаимоотношении метафоры и сравнения.

Троп (от греч. *trópos* – поворот, оборот, оборот речи) является понятием поэтики и стилистики. Под тропами понимают «такие обороты (образы), которые основаны на употреблении слова (или сочетания слов) в переносном значении и используются для усиления изобразительности и выразительности речи» [7, с. 520]. Одним из видов тропов, который привлекает внимание исследователей в области языкознания, литературоведения, философии, логики, психологии, семиотики и других дисциплин, является метафора. В ЛЭС 2002 приводится следующее определение метафоры: «Метафора (от греч. *metaphorá* – перенос) – троп или механизм речи, состоящий в употреблении слова, обозначающего некоторый класс предметов, явлений и т.п., для характеристики или наименования объекта, входящего в другой класс, либо наименования другого класса объектов, аналогичного данному в каком-либо отношении» [4, с. 296].

Понятие тропа и метафоры впервые возникает в греко-римских риториках и поэтиках.

Древнегреческий философ Аристотель (384 – 322 гг. до н.э.) является первым в истории античности разработчиком теории метафоры, которая получила название «теория подстановки». В своей «Поэтике» он дает следующее определение метафоры: «это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид, или по аналогии» [2, с. 669]. Для создания метафоры по аналогии необходима, по мнению мыслителя, четырехкомпонентная пропорция из имен существительных: 1. жизнь / 2. старость; 3. день / 4. вечер. Компонент 2 пропорции может быть заменен компонентом 4 и наоборот: вечер = старость дня; старость = вечер жизни. Кроме этого, образование метафоры по аналогии возможно также в случае

лакуны: сеятель (сеет) семена; солнце – лучи => солнце сеет лучи [там же, с. 669-670]. Аристотель утверждал первичность создания в языке метафоры, которая впоследствии может быть преобразована в сравнение. Сравнение – это метафора, в которой присутствует союз сравнения; сравнение «менее приятно, так как длиннее, и не утверждает, что “это есть это”» [3, с. 128]. «Сравнение – это расширенная метафора», – писал античный мыслитель Деметрий (350 – 281 гг. до н.э.), последователь теории Аристотеля [1, с. 233].

Римские ораторы Цицерон (106 – 43 до н.э.) и Квинтилиан (ок. 35 – ок. 96 н.э.) разработали так наз. «теорию сравнения», которая коренным образом отличалась от «теории подстановки» греческих мыслителей. «Метафора есть сравнение, сокращенное до одного слова», писал Цицерон [там же, с. 229], т.е. он постулировал первоочередность сравнения: для создания метафоры необходимо сравнить объекты и выявить между ними сходство. Квинтилиан называл метафору укороченным сравнением, т.е., как и Цицерон, считал, что метафора возникает на основе сравнения, а не наоборот. Если сказать, что человек делает что-либо *как лев*, то это сравнение; если сказать «*он – лев*», то это метафора, т.е. метафора «заменяет название самого предмета» [там же, с. 232].

Цицерон писал в своем трактате «Об ораторе», что «когда путем видоизменения или замены одного слова другим то же самое понятие выражается красивее» создается троп. Значение оборота, подчеркивал он, при этом не понимается буквально, а в целом, «по общему смыслу» [там же, с. 228]. Таким образом, говоря о тропе, Цицерон имел в виду метафору.

Квинтилиан обозначил троп как возникновение у слова нового значения: «Троп есть такое изменение собственного значения слова или словесного оборота в другое, при котором получается обогащение значения» [там же, с. 228], т.е. в понятие «троп» Квинтилиан включал разные способы создания новых значений слова.

Квинтилиан назвал несколько возможных путей создания метафоры: «перенос значения с предметов, одаренных разумом, на одаренные же разумом, с лишенных разума на лишенные же его, взаимно с одних на другие по тому же принципу, или перенос значения от целого к части и от части к целому» [там же, с. 232]. Данное определение метафоры является противоречивым. «Перенос значения от целого к части и от части к целому» – это синекдоха в современном языкознании и литературоведении, т.е. частный вид метонимии (переноса по смежности). «Перенос значения с предметов, ода-

ренных разумом, на одаренные же разумом, с лишенных разума на лишенные же его» представляет собой собственно метафору (перенос по сходству).

2. Суждения древних авторов об условиях использования тропов.

Античные авторы рассуждали о тропах в рамках поэтики и риторики. В своей известной работе «Риторика» древнегреческий ученый Аристотель использует термин «метафора» в значении «троп». Метафорой он называет такие виды тропов, которые сегодня известны как метонимия, синекдоха, ирония, олицетворение и т.д. Мыслитель дает советы поэтам, ораторам, творцам слова, как правильно использовать различные виды тропов. Эпитеты, по его мнению, нужно использовать в речи умеренно и уместно. «Метафоры следует заимствовать от слов прекрасных по звуку, или по значению, или для зрительного или для другого восприятия» [3, с. 117]. Аристотель высоко ценил наглядные метафоры: «наглядно представляют вещи те выражения, которые изображают их в действии», в частности, когда действие с одушевленного существительного переносится на неодушевленный предмет (олицетворение в сегодняшней терминологии) [там же, с. 130]. Аристотель (в «Поэтике») подчеркивает преимущество речи, в которой используются метафоры, или переносные слова, как он их называет, а не только общеупотребительные слова, т.е. слова в своих прямых значениях. Если речь состоит только из общеупотребительных слов, она ясна, но обыкновенна, скучна; если в речи употребляются только метафоры, такая речь становится непонятной, представляет собой загадку [2, с. 670-671]. Создание метафоры, писал древнегреческий мыслитель, – это особый дар, это искусство: «ибо только это нельзя перенять у другого, это признак [лишь собственного] дарования – в самом деле, [чтобы] хорошо переносить [значения, нужно уметь] подмечать сходное [в предметах]» [там же, с. 672].

Квинтилиан называл метафору самым красивым тропом, обогащающим речь путем привнесения в нее нового [1, с. 232]. Цицерон подчеркивал яркость мысли, выраженной с помощью метафоры, возникающей «от вызываемого перенесенным из другой области словом сходного представления» [там же, с. 229]. По мнению Цицерона, «в окружающей природе нет такого предмета, обозначением и именем которого мы не могли бы воспользоваться для какого-либо понятия из другой области». При этом он подчеркивает, что представление, или образ, создается только в случае наличия сходства сравниваемых объектов. Образы, используемые в метафорах, возни-

кают как результат чувств и ощущений человека: напр., образы в выражениях «городской дух», «мягкость образованной среды», «ропот моря», «сладость речи» «заимствованы из области остальных чувств». Роль метафоры – возбуждать чувства и эмоции слушателей: «высшее достоинство метафор заключается в том, чтобы взятое в переносном значении слово поражаало чувство» [там же, с. 230].

Таким образом, тропы рассматривались в античности как способ украсить речь (наука о красноречии как украшении речи была частью риторики), возбудить чувства слушателей и, может быть, повлиять на них.

Античные мыслители также заметили, что тропы употребляются в повседневной речи. Древнегреческий мыслитель Деметрий отмечает: «Обиходная речь создала такие хорошие метафоры для некоторых понятий, что мы уже не нуждаемся для них в точных выражениях: такая метафора утвердилась в языке, заняв место буквального обозначения» [там же, с. 233]. В результате частого употребления метафор в обиходной речи происходит стирание их образности, их переносное значение становится не ощутимо для носителя языка.

3. Виды фигур в античной традиции.

Стилистической фигурой (лат. *figura* – очертания, внешний вид, образ) в современной филологии признаются «любые обороты речи, отступающие от некоторой [...] нормы разговорной “естественности”» [5, с. 466].

В античной риторике было впервые введено понятие «фигура», разработана классификация фигур и их использование.

Приведем несколько античных определений фигур. Римский оратор Цецилий (I в. до н.э.) писал: «Фигура есть уклонение мысли и выражения от присущей им природы». Деметрий под словесными фигурами понимал «некий вид построения речи». Квинтилиан так сформулировал понятие «фигура»: это «те случаи, когда простое и естественное выражение изменяется в сторону большей поэтичности и красноречия», это «обновление формы речи при помощи некоего искусства» [1, с. 276]. Квинтилиан выделил два вида словесных фигур: грамматические фигуры, основанные на формах речи, и риторические фигуры, связанные с размещением слов [там же, с. 278].

В античных риториках представлены четыре группы фигур: 1) фигуры, образуемые путем добавления; 2) фигуры, образуемые путем сокращения; 3) фигуры, образуемые путем созвучия; 4) фигуры, образованные путем противоположения.

К фигурам, образуемым путем добавления, относятся удвоение («повторение одного или нескольких слов либо в целях усиления речи, либо ради возбуждения сострадания» [там же, с. 280]), анафора («многократное повторение одних и тех же начальных слов с резкостью и настойчивостью»), антистрофа («в ней колоны заканчиваются одинаковыми словами» [там же, с. 281]), бессоюзие («построение фразы, при котором слова, не будучи связаны между собой, спешно несутся одно за другим, рисует то состояние тревоги, при котором человека что-то одновременно и удерживает, и толкает» [там же, с. 284]) и др.

Квинтилиан писал: «Фигуры, которые образуются посредством сокращения, стремятся главным образом к изяществу, заключающемуся в краткости и оригинальности». К таким фигурам относится, например, усечение и присоединение. «Усечение бывает тогда, когда сказана часть, остальное же, о чем начали говорить, оставляется незаконченным», а присоединение — это те случаи, «когда слово, охватывающее содержание всего предложения, мы ставим не в середине, а либо в начале его, либо в его конце» [там же, с. 285].

В фигурах, основанных на созвучии, сходными являются падежные окончания и концовки фраз, созвучны окончания, используются одинаковые или близкие по форме слова и т.п. «Созвучие имеет место тогда, когда путем изменения звуков или букв мы получаем почти тождественные глаголы или имена» [там же, с. 286].

Путем противоположения образуется, например, антитеза. Антитеза возникает тогда, когда «одному явлению приписываются свойства противоположные, или противоположным явлениям — одни и те же свойства, или же противоположным явлениям свойства противоположные» [там же, с. 290].

Античные ораторы подчеркивали, что к употреблению фигур в речи необходимо подходить осторожно и не злоупотреблять им, т.к. несмотря на то, что фигуры «способствуют силе, убедительности и красоте речи», «однообразное и сплошное употребление фигур придает речи ребяческий и как бы поэтический характер» [там же, с. 277].

Как отмечает В.Н. Топоров, в античности было сформулировано три основных положения теории словесных фигур: 1) их связь с речью; 2) «принадлежность к “отклоненному” языковому состоянию»; 3) соотнесение с парадигматическим (выбор слов) и синтагматическим (размещение слов во фразе) уровнями [7, с. 542].

4. Судьба античного учения о тропах и фигурах в современной филологической традиции.

Античные мыслители (Аристотель, Деметрий, Цицерон, Квинтилиан и др.) заложили основы таких фигур речи и тропов, как метафора, сравнение, метонимия, синекдоха, эпитет, перифраза, анафора, антитеза, определили необходимость их использования для украшения в поэзии и в речи.

В современном литературоведении, в стилистике и поэтике метафоры продолжают рассматриваться как способы украшения текста и эстетического воздействия на читателя (слушателя).

Троп как средство языковой номинации, как результат семантической деривации является предметом исследования лексикологии и семасиологии, изучающей семантику языка и способы создания новых значений. Н.Б. Мечковская пишет: «Ценность античного учения о тропах состоит в том, что в нем были увидены крупные (выходящие за границы языка) и универсальные (общечеловеческие) способы развития значений» [6, с. 187].

В когнитивной лингвистике метафоры рассматриваются как способ познания окружающей действительности и влияния на нее. В нейролингвистике два основных вида тропа метафору и метонимию связывают с двумя видами речевых расстройств (афазий).

В современном языкознании тропы рассматриваются как иерархичная система, а «теория тропов включается в языкознание как один из его новых разделов» [7, с. 520]. Тропы также являются объектом исследования философии, логики, психологии, семиотики, структурной лингвистики, лингвистики текста, философии языка и других современных научных направлений.

Библиографический список

1. Античные теории языка и стиля (антология текстов) / пер. с древнегреч. и лат.; вступ. ст.: И.М. Троицкий, С.В. Меликова-Толстая. – СПб.: Алетейя, 2022. – 262 с.
2. Аристотель. Поэтика. Сочинения. В 4 т. Т. 4 / Аристотель. – М.: Мысль, 1983. – С. 645 – 680.
3. Аристотель. Риторика / Аристотель; пер. с древнегреч. и примеч. О.П. Цыбенко; под ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова) // Аристотель. Риторика. Поэтика. – М.: Лабиринт, 2000. – С. 5-148.
4. Арутюнова, Н.Д. Метафора / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 296 – 297.

5. Гаспаров, М.Л. Фигуры / М.Л. Гаспаров // Литературный энциклопедический словарь; под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – С. 466.

6. Мечковская, Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: курс лекций: учеб. пособие для студ. филол., лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н.Б. Мечковская. – М.: Академия, 2004. – 432 с.

7. Топоров, В.Н. Тропы / В.Н. Топоров // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – С. 520 – 521.

УДК 81

Зернова Светлана Владимировна

*старший преподаватель,
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СЛОВА, ФРАЗЫ, ТЕКСТА В ГУМАНИТАРНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье выделены основные трудности и различия в переводе гуманитарных и технических текстов. Даны рекомендации для предотвращения смысловых ошибок и достижения тождественности. Приведен пример результатов перевода некоторых доступных онлайн-переводческих ресурсов.

Ключевые слова: перевод; технический текст; терминология; лингводидактика.

Zernova Svetlana Vladimirovna

*Assistant Professor,
Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)*

PECULIARITIES OF TRANSLATING WORDS, PHRASES AND TEXTS IN HUMANITIES AND TECHNICAL LITERATURE

Abstract. The article emphasizes the main difficulties and distinctions in translating technical and humanitarian texts. The recommendations of error prevention and achieving identity are overviewed there. The article provides the examples of translation results of several available online translation resources.

Key words: translation; technical text; terminology; linguodidactics.

В результате Antropological turn вместо ранее бытовавшего представления «за каждым текстом стоит система языка» (основной принцип структурной лингвистики Фердинанда де Соссюра по Ю. Н. Караулову) теперь рассматривают языковую личность, владеющую системой языка. В результате этого внимание с языка переключилось на говорящего человека. Вектор подготовки сместился на раскрытие потенциала личности, изучение говорящего человека. В связи с расширением международных контактов в технических аспектах, появлением нового оборудования, применением искусственного интеллекта, продукт перевода текстов должен отвечать требованиям эквивалентности и адекватности. Это привело к необходимости переосмысления особенностей подготовки переводчиков. При обучении переводчиков обращается внимание на своеобразие перевода в гуманитарных и технических направлениях.

Следует отметить, что быстро развивающиеся возможности специализированных программ и словарей позволяют выбрать достаточно корректный перевод из предложенных. Вместе с тем, изучение иностранного языка при подготовке различного рода технических и гуманитарных специалистов, наряду с подготовкой самих специалистов-переводчиков, остается актуальным.

Существует множество определений понятия «перевод», но в любом случае это передача информации средствами другого языка. В технических переводах пунктуальность передачи информации (терминологическая однозначность) является приоритетной. Синергетическое взаимодействие всех участников коммуникации при техническом переводе должно быть направлено на узкоспециализированную информативность и техническую точность. В тоже время в гуманитарных текстах акцент смещён на субъективные особенности, связанные с эмоциональным и культурным аспектами художественной выразительности. В связи с этим в технических науках слова переводятся в соответствии с терминологией, а фраза строится по правилам максимально функциональной передачи информации и полной ясности. В гуманитарных же науках слова и фразы несут смысл и значение культурно-социальных аспектов, а коммуникативная стратегия является скорее содержательной, направленной на передачу смысла. Бывает, что строгий термин в технических науках может оказаться метафорическим понятием в гуманитарном тексте.

В технических науках язык текста рассматривается как средство описания и передачи технических знаний. Это специализированный текст, который может отличаться от «обычного» настолько, что для его перевода понадобится соответствующая подготовка и изучение специальных терминов. Качественный перевод технического текста сложно представить без знания технических терминов на двух языках. Именно наличие специальной терминологии можно выделить в качестве критерия разграничения технического текста и художественного (гуманитарного).

Вспомним фразу, которая может вызвать затруднения при переводе, широко известную и часто приводимую в качестве примера: «A bare conductor ran on the wall».

Проанализируем вариант автоматического перевода предложения «A bare conductor ran on the wall» в восьми доступных интернет-ресурсах [5-12].

Можно отметить, что широко известный «ляп» перевода присутствует. Вместо «По стене был протянут неизолированный провод» либо «По стене был протянут оголённый провод» мы сталкиваемся со следующими вариантами перевода:

- голый проводник бежал по стене;
- голый проводник бежал на стену;
- голый проводник побежал по стене;
- голый проводник побежал на стену.

Полученные варианты перевода «По стене тянулся оголенный провод», «Голый провод шёл по стене», «На стене был проложен оголённый провод» и «По стене шёл провод без изоляции» уже гораздо точнее.

Один ресурс выдал пять вариантов перевода заданной фразы в зависимости от контекста. Другой ресурс перед переводом запросил контекст: предложил выбрать между гуманитарным и техническим.

Делаем вывод, что выбор ресурсов и словарей, помогающих сделать верный перевод должен быть рациональным.

Общими трудностями, возникающими при переводах гуманитарных и технических текстов, являются лексические трудности; грамматические трудности (герундий и причастия, артикли, видовые формы глагола, порядок слов в предложении); стилистические и идиоматические трудности, возникающие в результате культурных различий восприятия [1-4].

Среди трудностей, возникающих при переводе технических текстов можно особо выделить лексическую трудность перевода многофункциональных слов, наличие безэквивалентных терминов, отсутствие единого

универсального стандарта транслитерации. Разные авторы тоже отмечают эти же трудности [2-3].

Учитывая, что общим при любом виде перевода является логичность и тождественность содержания текста оригинала и перевода в совокупности с тождественностью восприятия обоих текстов, при выборе средств перевода оценивают важность отдельных элементов текста, обеспечивающих построение грамматически и семантически корректных высказываний.

Для предотвращения смысловых ошибок и сохранения информационной точности при переводе можно рекомендовать придерживаться следующих предписаний:

- знать (при необходимости дополнительно уточнить) тонкости технических терминов и аббревиатур;
- знать (при необходимости уточнить) какие нестандартные единицы измерения используются в той или иной области науки;
- использовать специализированные словари и другие ресурсы перевода;
- уяснить содержание текста оригинала;
- осуществлять верный выбор из разнообразия значений многозначных слов с учетом специфики текста;
- четко и ясно выражать мысль, сохраняя точный смысл оригинального текста;
- стремиться к «лёгкости» синтаксических конструкций, обращая внимание на сохранение каждого элемента смысловой единицы.

Несмотря на расширяющиеся возможности разнообразных ресурсов, предназначенных для машинного перевода, изучение иностранного языка по-прежнему имеет важное значение как при подготовке специалистов в технических, так и в гуманитарных отраслях науки.

Библиографический список

1. Абрамов, В.С. Стилистическая адекватность перевода научно-технической литературы / В.С. Абрамов, Э.С. Чуйкова // Инфокоммуникационные технологии. – 2009. – № 1. – С. 76-78.
2. Лукашевич, Д.Ф. Особенности перевода научно-технических текстов. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/120878> (дата обращения: 18.01.2026).

3. Мирам, Г. Профессиональный перевод / Г. Мирам, А. Гон. – Киев : Ника-Центр, 2003. – 176 с.
4. Панюта, И.К. Особенности перевода технических терминов / И. К. Панюта, А.В. Агеева. – URL: <https://elib.bsu.by/handle/12356789/262102> (дата обращения: 18.01.2026).
5. Reverso Context. URL : <https://context.reverso.net> (дата обращения: 18.01.2026).
6. DeepSeek-V3: Продвинутой ИИ Чат. URL : <https://deepseek.net/ru> (дата обращения: 18.01.2026).
7. Cambridge Dictionary. Переводчик. URL : <https://dictionary.cambridge.org/ru/translate> (дата обращения: 18.01.2026).
8. Sinonim.org. Качественный поиск. URL : <https://sinonim.org/perevod> (дата обращения: 18.01.2026).
9. GOOGLE переводчик. URL : <https://translate.google.com> (дата обращения: 18.01.2026).
10. PROMT.One. URL : <https://translate.ru> (дата обращения: 18.01.2026).
11. Microsoft Bing. URL : <https://www.bing.com/translator> (дата обращения: 18.01.2026).
12. Reverso. URL : <https://www.reverso.net> (дата обращения: 18.01.2026).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛИНГВОСЕМИОТИКИ

Аннотация. Предлагается интерпретативная модель семиотики, включающая эмблематические, аллегорические и символические характеристики знаков. Эмблематические признаки характеризуют участников общения, аллегорические признаки определяют прямой либо непрямой способ передачи и восприятия информации, символические признаки акцентируют ценностно-культурную значимость информации.

Ключевые слова: знак, лингвосемиотика, эмблема, аллегория, символ.

Vladimir I. Karasik,

*Dean of the Philological School,
Pushkin State Russian Language Institute
(Moscow, Russian Federation)*

PERSPECTIVES OF THE DEVELOPMENT OF LINGUISTIC SEMIOTICS

Abstract. An interpretative model of semiotics is proposed, encompassing emblematic, allegorical, and symbolic characteristics of signs. Emblematic signs characterize the participants in communication, allegorical signs define the direct or indirect means of conveying and perceiving information, while symbolic signs emphasize the value and cultural significance of the information.

Keywords: sign, linguistic Semiotics, emblem, allegory, symbol.

Лингвосемиотика — наука о языковых знаках — является одним из оснований лингвистики. Ключевые качества знаков сводятся к аксиоматическим суждениям о соотношении формы и содержания знака [25], о типах этого соотношения и типах знаков [18], о типах информации, передаваемой знаками [16], об асимметрическом дуализме языковых знаков [10].

Проблемы семиотики привлекают к себе внимание многих исследователей (Барулин, 2002; Бразговская, 2008; Денисенко, 2010; Золян, 2015; Лотман, 2004; Ляшенко, 2015; Мечковская, 2007; Проскурин, 2013; Савицкий, Гашимов, 2005; Соломоник, 2009; Степанов, 1971; Тодоров, 1998; Чертов, 1993; Эко, 1998; Deely, 1982; Kress, 2001; Lidov, 1998; Sebeok, 2001).

Заслуживает внимания лингвосемиотическая специфика разных систем языка, типов дискурса и речевых жанров (Алефиренко, 2018; Балашова, Дементьев, 2022; Салимовский, 2022; Тамерьян, 2004; Тюпа, 2010; Федуленкова, 2024).

В данной работе предлагается возможное развитие концепции Ч. Морриса: выделение трех аспектов понимания знаков в общении: передача информации об участниках общения (эмблематические характеристики), передача информация о способе интерпретации (аллегорические характеристики), передача информации о ценностно-культурной значимости явления (символические характеристики).

Эмблематические характеристики общения являются ярким проявлением прагматики языковых знаков. Можно противопоставить акцентированную и неакцентированную эмблематику в общении. В первом случае коммуниканты прежде всего обращают внимание на идентичность тех, с кем они поддерживают общение, во втором случае такая информация остается фоновой, подобно фатическим знакам взаимодействия. Акцентированная эмблематичность становится ясной, если говорящий говорит с акцентом или использует слова и выражения, подчеркивающие его статус (*Я как историк считаю, что...; Встать, когда с тобой разговаривает подпоручик; ну ты чё, не пацан?*).

Идентифицирующая функция эмблемы состоит в том, что соответствующий образ является знаком принадлежности того или иного индивидуума к определенной группе. Такая идентификация проявляется в предметах, которыми пользуется индивидуум, в способах его самопрезентации и стиле жизни.

Эмблема является индексом социального статуса человека. Например, марка автомобиля свидетельствует о том, к какой социальной группе относит себя ее владелец: человек, претендующий на принадлежность к социальной элите в обществе потребления должен иметь дорогой престижный автомобиль. Это относится к любым предметам, выполняющим знаковую функцию – одежде, продуктам питания, предметам обихода, различным тех-

ническим устройствам и т. д. Эмблематика социального статуса обнаруживает важнейшую знаковую характеристику – знаки должны привлекать внимание, быть достаточными и минимальными: требуется лишь один признак для подчеркивания идентичности его носителя (знаки отличия на униформе, единый галстук для выпускников определенной элитной школы, особое произношение одного или нескольких звуков, вплоть до специфической назализации) [9].

Эмблематичность может быть явной и скрытой, одни изобразительные знаки сориентированы на открытое сообщество адресатов (стилизованное изображение градусника над аптекой), другие эмблемы понятны только представителям определенного замкнутого социума (татуировки у заключенных, обозначающие тип преступления, срок пребывания в местах заключения и др.). Эмблематичны жесты: помахивание поднятой ладонью, обращенной к партнеру, есть знак узнавания и приветствия, рукопожатие – знак демонстрации уважения. При этом любое изменение формы знака ведет к его переосмыслению, например, затянувшееся рукопожатие означает выражение сердечной привязанности (англ. *holding hands*).

Особенно значимой является эмблематичность власти – абсолютной, институциональной и сакральной [2]. Знаковые характеристики власти проявляются в статусных признаках поведения участников общения, например, в европейских государствах король имел право сидеть или носить шляпу, а все другие мужчины в его присутствии должны были стоять и снимать головные уборы.

Возрастание роли эмблем в современной культуре объясняется разными причинами, среди которых можно выделить следующие: демократизация всей повседневной жизни и сопутствующее ей давление массовой культуры, увеличение скорости жизни, информационный взрыв, компьютеризация учебы, работы и досуга, визуализация информации, превращение электронных масс-медиа в коллективного агента институционального дискурса, глобализация культуры. Эмблема не требует обдумывания, она должна быть легко узнаваема.

По способу интерпретации знака можно противопоставить знаки, которые требуют либо не требуют переосмысления, речь идет о не прямой и прямой коммуникации [6].

Аллегория, или иносказание, представляет собой обозначение некоторой абстрактной идеи с помощью чувственно воспринимаемого образа. К

аллегии обращаются для того, чтобы объяснение было наглядным и эмоционально насыщенным.

Иносказание проявляется в разных типах дискурса – обиходном, философском, художественном, религиозном, педагогическом и других.

Типичными жанрами, в которых проявляются обиходные аллегии, выступают пословицы.

Важной характеристикой пословицы является, как отмечает Г.Л. Пермяков, образная мотивировка смысла, хотя многие изречения с образной мотивировкой имеют не только переходный, но и прямой смысл, например, *«Алмаз и в грязи блестит»* [17, с. 13–14]. Характерной чертой всех подобных речений является то, что их идея, или логическая форма, проявляется в виде вариативных этноспецифических образов: *«Куй железо, пока горячо»* – *«Лепи из глины, пока она сырая»* – *«Готовь тыкву, пока не погас огонь»*. Генезис паремиологического смысла состоит в контаминации номинального и реального значений, исходное значение становится образной основой для построения переносного смысла: *«It's like taking a candy from a baby»* – *«Это будто отнять леденец у ребенка»* (очень легкое и очень гадкое дело) [21, с. 154]. Образную основу пословиц составляют ситуации обиходной жизни людей, допускающие назидательное истолкование. Такое истолкование строится по нескольким моделям, из которых важнейшими являются модели констатации и долженствования (в утвердительной и отрицательной формах). Например, *«Маленькая собачка – до старости щенок»* и *«В присутствии слепого слепых не ругают»*. Дидактический смысл констатации сводится к тому, что людям свойственно поступать так-то, и это нужно принимать во внимание, в то время как подобный смысл долженствования содержит предписание вести себя определенным образом.

Аллегорический смысл того или иного речения в концентрированном виде выражает ситуацию, которая содержит в себе некоторую коллизию. Например: *«Как бы корова ни сердилась на теленка, все равно за него заступится»*. Идея «Свои заступаются за своих» выражена в модельной ситуации, которая изображает отношение родителей к непослушным детям посредством указания на домашних животных. Отношения уступки связывают в единую структуру три положения дел: теленок ведет себя не так, как нужно, корова сердится на него, но несмотря на это готова его защитить. Интерпретация этой пословицы строится по универсальной модели: так ведут себя животные, так ведут себя люди, так поведут себя и те, о ком мы говорим. Отсюда вытекает и назидательный смысл данной пословицы: не

следует ждать от родителей, чтобы они дали возможность другим людям наказать провинившееся чадо. В этом речении выражено правило корпоративного поведения.

Следует отметить, что класс аллегорических образов неоднороден, среди них есть достаточно простые аллегории, часто это – домашние животные, олицетворяющие те или иные качества людей, но встречаются и весьма сложные образы, граничащие с символами. Таков библейский образ разрушения дома: «*Расстроивающий дом свой получит в удел ветер*» (Притчи, 11: 29). Разрушение своего дома аллегорически обозначает сознательное отступление от праведной жизни, а образ ветра ассоциируется с различными тяготами и невзгодами. Если же выйти за рамки однозначной аллегории, то разрушение своего дома – это предательство по отношению к своим близким, к своему прошлому, к своим мечтам, а ветер – отсутствие мира и покоя, мятущаяся душа, бесконечное и бессмысленное кружение.

Особым типом интерпретации знака является его символическое осмысление. Общенье, основное назначение которого состоит в поиске и выражении символов как прецептивных образов, допускающих множественное истолкование и отсылающих к базовым ценностям культуры, можно определить как символический дискурс. Примером символического осмысления является вокзал.

Вокзал – это жизнь, в которой встречи сменяются расставаниями:

Жизнь — это большой вокзал: встречи, расставания и вечный поиск своего места (А. Беренштейн); Наша жизнь – это постоянное путешествие, от рождения до смерти. Меняются люди, наши потребности, пейзаж за окном, а поезд идет дальше. Жизнь – это поезд, а не станция (П. Коэльо); Жизнь – это поездка на поезде, и на многих станциях важные для нас люди сходят и уже не возвращаются. И в конце поездки мы оказываемся в вагоне, где почти никого не осталось (Д. Кунц).

Мы остаемся на станции, а поезда проносятся мимо, поезд осмысливается как то, что не сбылось, и повлиять на остановку желанного поезда мы не можем:

Если поезд не останавливается на вашей станции, значит, это не ваш поезд (М. Уильямсон); Маленькие станции очень гордятся тем, что скорые поезда должны проходить мимо них (К. Краус); Тот, кто горюет об этом мире, похож на пассажира, который давит в стенку своего купе для того, чтобы поезд пошел быстрее (И. Гурвиц).

Но есть верный способ сесть на свой поезд:

Чтобы сесть на тот поезд, который вам нужен, нужно пропустить тот, который был перед ним (Г.К. Честертон).

Нужно доверять своей судьбе:

Когда поезд входит в туннель и становится темно, не нужно выбрасывать билет и выпрыгивать. Сидите спокойно и доверяйте машинисту (К. Бум); Для пессимиста свет в конце туннеля – это огни встречного поезда (Дж. Риверс).

Человек должен предпринимать усилия для осуществления своей цели:

Ждать, когда придет вдохновение, – это все равно, что сидеть в аэропорту в ожидании поезда (Л. Майклс).

Можно заметить, что для афористов вокзал и поезд – это важные символы жизни, постоянных изменений и необходимости участвовать в своей судьбе.

Заслуживает внимания ироничное наблюдение:

Для объявлений на вокзалах набор бубнильщиков ведут (В. Поляков).

Действительно, такие объявления на вокзалах трудно расслышать.

В поэтических текстах вокзал рассматривается в следующих аспектах.

Это место ассоциативно осмысливается как концентрированный опыт человека:

Вокзал, несгораемый ящик / Разлук моих, встреч и разлук, / Испытанный друг и указчик, / Начать – не исчислить заслуг Б. Пастернак).

Давай поедem в город, / Где мы с тобой бывали, / Года, как чемоданы, / оставим на вокзале (Д. Самойлов).

Вокзал, это прошлое, с которым мы навсегда простились:

Мне хорошо, что будущего нет, / И прошлое забыто на вокзале... / Себе гербом избрал бы якорь я / С обломанными навсегда клыками!.. (Г. Шенгели).

Вместе с тем хочется вернуться в прошлое и задержать мгновение:

Как только в городской тиши / Ко мне придет полубессонница, / Ночная жизнь моей души, / Как поезд, постепенно тронется. / И в полусне и в полумгле / Я жду, что поезд остановится / На том дворе, на той земле, / Где у окна росла шелковица (С. Липкин).

И коль уж наша жизнь, как ресторан вокзальный, / дана на время нам – что ж торопить расчет? / Упьюсь и обольюсь с улыбкою прощальной. / И бабки подобью. И закажу еще (Т. Кибиров).

Оглядываясь на вокзале, мы невольно задумываемся о смысле жизни:

Этот мир – колесо, только с ободом руки связали. / Эта жизнь – о любви, как в забитом колодце звезда. / Для кого я живу, для кого я кричу на вокзале, / Где на сотнях платформ, обезумев, режут поезда? (А. Цветков).

Станция осмысливается как точка отсчета, как пункт наблюдения:

С грохотом летели мимо тихих станций / Поезда, наполненные толпами людей, / И мелькали смутно лица, ружья, ранцы, / Жестяные чайники, попоны лошадей (В. Ходасевич).

Противопоставляются поезд и вокзал как жизнь и ее прекращение:

Словно сонмы ангелов, поющих над бездною, / Мы заводим песенку свою бесполезную. / Медленно сходящиеся в зал ожидания, / Мы заводим песенку себе в оправдание. / И звучит отчаянно вокзальная музыка, / Возвращая едущему звание узника, / Возвращая поезду значение укрытия / До предполагаемого часа прибытия (Г. Каневский).

Интересно сравнение вокзала с чужим счастьем:

Да, я таксист. Пути мои безмерны. / И каждый дальний путь мне недалек. / Вам кажется, я счастлив? Нет, неверно. / Моя трагедия — зеленый огонек. / Мне кажется, судьба мне приказала, / В пути не отдыхая никогда, / Несись к осточертевшему вокзалу, / Откуда к счастью ходят поезда (М. Светлов).

Есть горькое противопоставление вокзала и падения в никуда, катастрофы:

Один идет прямым путем, / Другой идет по кругу / И ждет возврата в отчий дом, / Ждет прежнюю подругу. / А я иду – за мной беда, / Не прямо и не косо, / А в никуда и в никогда, / Как поезда с откоса (А. Ахматова).

Осмысление судьбы поэта как неодолимой силы показано в следующем сравнении:

Тот, чьи следы – всегда простыли, / Тот поезд, на который все / Опаздывают... / – ибо путь комет / Поэтов путь: жжся, а не согревая. / Рвя, а не возвращая – взрыв и взлом – / Твоя стезя, гривастая кривая, / Не предугадана календарем! (М. Цветаева).

Таким образом, поэтическое осмысление вокзала развивается в следующих направлениях: вокзал как прожитая жизнь, как навсегда ушедшее прошлое, с которым хочется вновь встретиться, как точка отсчета. Прибытие на вокзал может контрастировать с падением поезда с откоса. В поэтическом тексте возникают авторские противопоставления поезда и вокзала как жизни и смерти, при этом поезд осмысливается как судьба, которую невозможно изменить.

Символическая интерпретация может затрагивать различные концепты, но следует признать, что существуют образы, в большей и меньшей мере открытые для многомерного глубокого ценностно маркированного переосмысления. Например, сердце, зеркало, дом, дорога, книга, солнце, вода, дерево, занавес, подарок, игра, маска, часы, перстень, ключ, вино, щит и меч допускают символическое осмысление, а тарелка, вентиль, яичница, галстук, велосипед, дискета, локоть, ангина с трудом могут быть осознаны как многомерные знаки с ценностным содержанием. По-видимому, обиходность противоречит символическому осмыслению концепта, и в этом состоит одна из особенностей символического дискурса.

Подведем основные итоги.

Предложенное направление развития лингвосемиотики можно определить, как интерпретативную модель семиотики. С позиций прагматической интерпретации знаков необходимым условием понимания общения является определение эмблематических характеристик его участников. Такие характеристики могут быть акцентированными и неакцентированными, явными и скрытыми, вербальными и невербальными. По способу интерпретации знаков целесообразно противопоставлять прямые и не прямые (аллегорические) ключи общения. Аллегорические знаки могут быть простыми и сложными и проявляются в специализированных и неспециализированных форматах общения (в пословицах, баснях и притчах и в любых высказываниях, требующих форсированной интерпретации). Ценностно-культурная интерпретация знаков сводится к определению и пониманию их символического содержания. В прагматическом плане любой объект может быть осмыслен как символ, но можно противопоставить объекты, которые открыты для символического осмысления либо могут приобрести такое осмысление только в особых случаях.

Библиографический список

1. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивно-прагматические истоки фразеосемиозиса: моногр. / Н.Ф. Алефиренко. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2018. – 192 с.
2. Астафурова, Т.Н., Олянич, А.В. Лингвосемиотика власти: знак, слово, текст: монография / Т. Н. Астафурова, А.В. Олянич. – Волгоград: Нива, 2008. – 244 с.

3. Балашова, Л.В., Дементьев, В.В. Русские речевые жанры: монография / Л. В. Балашова, В. В. Дементьев. – Москва: Издательский дом ЯСК, 2022. – 832 с.
4. Барулин, А.Н. Основания семиотики. Знаки, знаковая система, коммуникация. Ч.1. Базовые понятия. Эволюционная теория языка / А.Н. Барулин. – Москва: Изд-во «Спорт и культура – 2000», 2002. – 353 с.
5. Бразговская, Е.Е. Языки и коды. Введение в семиотику культуры: учебное пособие / Е.Е. Бразговская. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2008. – 201 с.
6. Дементьев, В.В. Непрямая коммуникация / В.В. Дементьев. – Москва: Гнозис, 2006. – 376 с.
7. Денисенко, В.Н. Моделирование системы языка в аспекте языковой личности / В.Н. Денисенко // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – №1. – С.6-12.
8. Золян, С.Т. Между миром и языком: к основаниям семиотики текста / С. Т. Золян // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр перспект. методологий социал.-гуманит. исслед.; Вып. 5: Методы изучения взаимозависимостей в обществоведении / Ред. и сост. вып. М.В. Ильин. –Москва, 2015. – С. 250-264.
9. Карасик, В.И. Язык социального статуса / В. И. Карасик. – Москва: Гнозис, 2002. – 333 с.
10. Карцевский, С.И. Об асимметричном дуализме языкового знака / С.И. Карцевский // Звегинцев В.А. История языкознания XIX-XX вв. в очерках и извлечениях. Ч.II. – Москва: Просвещение, 1965. – С. 85-90.
11. Леонтович, О.А. Слово и образ в поисках друг друга: монография / О. А. Леонтович. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. – 252 с.
12. Лотман, Ю.М. Между эмблемой и символом / Ю. М. Лотман // Лотмановский сборник. Т.2. Сост. Е.В. Пермяков. – Москва: Изд-во РГГУ, 1997. – С. 416-423.
13. Лотман, Ю.М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2004. – 704 с.
14. Ляшенко, Д.Н. Семиотическое моделирование реальности: монография / Д. Н. Ляшенко. – Одесса: Печатный дом, 2015. – 68 с.
15. Мечковская, Н.Б. Семиотика. Язык. Природа. Культура: Курс лекций: учеб. Пособие / Н.Б. Мечковская. 2-е изд., испр. – Москва: Академия, 2007. – 432 с.

16. Моррис, Ч.У. Основания теории знаков Ч. У. Моррис // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. Изд.2-е, испр. и доп. – Москва : Академический Проект, 2001. – С. 45-97.
17. Пермяков, Г.Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов / Г. Л. Пермяков. – Москва: Лабиринт, 2001. – 624 с.
18. Пирс, Ч.С. Избранные философские произведения / Ч. С. Пирс. Пер. с англ. – Москва: Логос, 2000. – 448 с.
19. Почепцов, Г.Г. Семиотика / Г.Г. Почепцов. – Москва: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2002. – 432 с.
20. Проскурин, С.Г. Курс семиотики. Язык, культура, право: учебное пособие / С. Г. Проскурин. Новосибирск: – Новосиб. гос. ун-т, 2013. – 226 с.
21. Савицкий, В.М. Основы общей теории идиоматики / В. М. Савицкий. – Москва: Гнозис, 2006. – 208 с.
22. Савицкий В.М., Гашимов, Э.А. Лингвокультурный код (состав и функционирование): монография / В.М. Савицкий, Э.А. Гашимов. – Москва: МГПУ, 2005. – 173 с.
23. Салимовский, В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В. А. Салимовский. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 238 с.
24. Соломоник А.Б. Очерк общей семиотики / А.Б. Соломоник. – Минск: МЕТ, 2009. – 191 с.
25. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. Пер. с фр. – Москва: Прогресс, 1977. – 696 с.
26. Степанов, Ю.С. Семиотика / Ю.С. Степанов. – Москва: Наука, 1971. – 166 с.
27. Тамерьян, Т.Ю. Модель мира в языке: проблемы двуязычного пространства: монография / Т.Ю. Тамерьян / под ред. Ю.Д. Каражаева. – Владикавказ: Сев.-Осет. гос. ун-т, 2004. – 217 с.
28. Тодоров, Ц. Теории символа / Ц, Тодоров / Пер. с фр. Б. Нарумова. – Москва: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с.
29. Тюпа, В.И. Дискурсные формации: Очерки по компаративной риторике / В.И. Тюпа. – Москва: Языки славянской культуры, 2010. – 320 с.
30. Федуленикова, Т. Н. Константы национальной лингвокультурной картины мира / Т.Н. Федуленикова // Вестник Северного (Арктического)

федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные наук. – 2024. – Т.24. – №3. – С.134-137.

31. Чертов, Л.Ф. Знаковость: опыт теоретического синтеза идей о знаковом способе информационной связи / Л.Ф. Чертов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1993. – 388 с.

32. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. Пер. с ит. – Москва: Петрополис, 1998. – 432 с.

33. Deely, J.N. Advances in semiotics. Introducing semiotic. Its history and doctrine / J.N. Deely / With a forew. by Th. A. Sebeok. – Bloomington: Indiana university press, 1982. – 246 p.

34. Kress, G. Sociolinguistics and Social Semiotics / G. Kress // The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics. Ed. by P. Cobley. – London and New York: Routledge, 2001. – P.66-82.

35. Lidov, D. Sign // Encyclopedia of Semiotics / D. Lidov / Ed. in Chief P. Buissac. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. – P. 572-575.

36. Sebeok, T. An Introduction to Semiotics / T. Sebeok. 2nd ed. – Toronto: University of Toronto Press, 2001. – 193 p.

УДК 81'25

Попкова Екатерина Ивановна

студент

Попкова Ольга Владимировна

научный руководитель, кандидат исторических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ВКЛАД МАРТИНА ЛЮТЕРА В ТЕОРИЮ ПЕРЕВОДА

Аннотация. В статье рассматривается новаторская для XVI века методика перевода Библии на немецкий язык, которую использовал основатель протестантизма Мартин Лютер. Опираясь на тексты оригиналов Ветхого и Нового Заветов, он ориентировался на народные традиции. Итогом этой работы стало формирование единых языковых норм.

Ключевые слова: Мартин Лютер, Библия, перевод, универсальный немецкий язык, пословицы, поговорки.

Popkova Ekaterina Ivanovna
student

Popkova Olga Vladimirovna
*Research Supervisor, PhD in History, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

MARTIN LUTHER'S CONTRIBUTION TO THE THEORY OF TRANSLATION

Abstract. The article considers innovatory for the 16th century methods of translating the Bible into German which the founder of Protestantism Martin Luther used. Referring to the original texts of the Old and New Testaments he targeted folk traditions. This work resulted in the forming of unified language norms.

Keywords: Martin Luther, the Bible, translation, universal German language, sayings, proverbs.

Теория перевода прошла долгий путь, чтобы превратиться в научную дисциплину. В немалой степени ее развитию способствовали переводчики-практики, заложившие основы теории. Поэтому изучение деятельности одного из них, Мартина Лютера (1483 –1546) – знаменитого немецкого реформатора, основателя протестантизма (лютеранства), является актуальным. Он проявил себя как переводчик-новатор, обогативший переводческую науку новыми методами и поставивший перед ней новые задачи.

Цель статьи – оценить вклад Мартина Лютера в теорию перевода.

Он родился в крестьянской семье. В 14 лет Мартин получил начальное образование. В 1501 году он по воле родителей поступил в Эрфуртский университет, чтобы изучать юриспруденцию. Гораздо больше его увлекала философия и богословие, поэтому он прошёл курс «свободных искусств» и получил в 1505 г. степень магистра.

Позже Лютер вступил в августинский монашеский орден, который изначально характеризовался строгостью устава, но к XVI веку она ослабла, возникли конгрегации, чьи члены отстаивали богословские точки зрения, отличные от официальной церковной доктрины. В 1512 году Лютер стал профессором кафедры библейской истории в Виттенбергском университете.

Богословские занятия убедили его в ложности учения католической Церкви, которая стремилась к власти над Италией и обогащению.

Мартин открыто выразил свою позицию в 1517 году, сформулировав 95 тезисов с критикой политики католической Церкви, в частности продажи индульгенций, ознаменовав начало Реформации. После этого его вызвали на суд, который он проигнорировал, и, по приглашению курфюрста Фридриха Саксонского, отправился в замок Вартбург, спасаясь от преследований. Во время пребывания в нем Лютер приступил к переводу Библии на немецкий язык.

К тому времени, как основатель протестантства начал работать над переводом Библии, а это событие датируется 1521 годом, в наличии имелись 14 верхненемецких и 4 нижненемецких перевода Библии. Помимо этого, отдельные ее части ранее были переведены на немецкий. То есть в Германии уже был опыт перевода Ветхого и Нового Заветов.

Но Лютер поставил перед собой цель сделать более точный перевод, который бы исключил искажение смысла, а также легко читался даже крестьянами. При переводе он не опирался на Вульгату (латинский перевод Священного Писания), классический референс того времени. Вместо этого Лютер обращался к древнееврейскому тексту Ветхого Завета и к греческому оригиналу Нового Завета. Перевод первого занял 3 месяца, а второго – 12 лет, при том, что ему помогала целая группа образованных специалистов.

Свои задачи и методы перевода он обосновал в работе «Послание о переводе» (1540 г.). В ней он выдвинул такой принцип, как использование немецких букв вместо латинских, которые очень мешают правильно говорить по-немецки: «Не следует вопрошать буквы латинского языка, как должно говорить по-немецки, подобно этим ослам; но надлежит спрашивать мать в доме, детей на улице и соответственно переводить, тогда они поймут и уразумеют, что с ними говорят по-немецки». [2, с. 103] Лютер внимательно отнесся к искажениям, которые могли возникнуть из-за использования определённого написания, и не пренебрегал буквами.

Кроме изложенных самим Лютером основ его перевода, многие исследователи говорят о его ориентации на простонародный язык. Так, по словам С. Басснетт, он рекомендовал потенциальному переводчику употреблять «народную пословицу или выражение, если оно вписывается в Новый Завет» [4, с. 56], то есть придавать больше образности тексту на родном

языке, обращаясь к народной традиции. Басснетт указывала, что люди воспринимали содержание по-своему, оно стало более творческим, чему способствовал успешный перевод.

Т. А. Нагорная отмечала, что при работе над переводом Священного Писания, Лютер принимал во внимание восприятие простых людей, их язык и свойственную им манеру общения [1, с. 27]. Богослов преодолел проблему дословного перевода, который не позволял донести до аудитории реальный смысл выражений. Он всячески стремился найти наглядные соответствия между устаревшими и новыми словами. В начале 30-х годов он составил словарь народных пословиц и поговорок, включавший больше 2 тысяч выражений.

С. В. Сахневич указывал, что Лютер первым попытался переориентировать язык Библии для восприятия простолюдина. По мнению исследователя, в своих переводах Лютер совмещал простонародную речь и высокую поэтику, что позволило создать своего рода новую Библию для жителей северной Европы, которая стала основой для создания отдельных ее эпизодов на языках северных народов [3, с. 147]. Итак, Лютер использовал новаторский подход при переводе Библии.

Работа над переводом была тяжёлой и изнурительной. Лютер и его команда, бывало, неделями искали подходящее слово, чтобы не исказить смысл. Их труды не были напрасными: перевод получил небывалый успех среди простого народа. Библией Лютера зачитывались так, что спустя месяц крестьянин наизусть знал строки, мог их цитировать и вступать в споры с католиками, монахами и даже магистрами и докторами. О всенародном признании говорит и тот факт, что многие выражения превратились в крылатые. При переводе Лютер использовал объединительные языковые тенденции, а не местные диалекты, на которые опирались его предшественники, что способствовало формированию универсального немецкого языка. Именно Саксония, где Лютер переводил Библию, стала родиной «канцелярского языка», на котором велась деловая и придворная переписка. Вскоре его начали использовать и в других частях Германии. Библия в переводе Лютера стала крайне популярной. Ее издание способствовало созданию норм национального письменного языка.

Таким образом, новаторская методика, использованная М. Лютером при переводе Библии, оказала существенное влияние на процесс развития европейской культуры XVI столетия, изменив подход к работе переводчика, которая больше не могла оставаться копиркой с латинского. Переводческая

деятельность реформатора имела большую культурно-просветительскую и религиозную значимость. Библия стала доступна для чтения и толкования широкому кругу лиц. Важнейшим последствием перевода Лютером Священного Писания стало формирование единого письменного немецкого языка.

Библиографический список

1. Нагорная Т. А. Варьирование синонимов в библейских текстах в переводе М. Лютера // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 25 – 28.
2. Наука о переводе (история и теория с древнейших времен до наших дней): Учеб. пособие / Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни. М.: Флинта: МПСИ, 2008. 416 с.
3. Сахневич С. В. Мартин Лютер: клиентоориентированный перевод во имя малых сих // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. 2. С. 146 – 148.
4. Bassnett S. Translation Studies. L.: Routledge, 2002. 176 pp.

УДК 81'373.421

Пугачева Анастасия Андреевна,
студент,

Замараева Галина Николаевна,
научный руководитель

старший преподаватель кафедры ИЯПК,

*ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»,
(г. Владимир, Российская Федерация)*

ПРОБЛЕМА ПОЛИСЕМИИ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА ЧЕЛОВЕКОМ И НЕЙРОСЕТЬЮ

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному анализу человеческого и машинного восприятия слов в контексте. Особое внимание уделяется экспериментальным данным о механизме восприятия многозначности, а также анализу способности нейросетей распознавать игру слов в русскоязычных текстах.

Ключевые слова: полисемия; когнитивный контекст; векторы; нейросеть; языковая модель

Pugacheva Anastasia Andreevna

student

Zamaraeva Galina Nikolaevna

Research Supervisor, Assistant Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University,

(Vladimir, Russian Federation)

THE PROBLEM OF POLYSEMY: DETERMINING THE CONTEXTUAL MEANING OF A WORD BY A HUMAN AND A NEURAL NETWORK

Abstract: The article is devoted to a comparative analysis of human and machine perception of words in context. Special attention is paid to experimental data on the mechanism of perception of ambiguity, as well as the analysis of the ability of neural networks to recognize wordplay in Russian-language texts.

Keywords: polysemy; cognitive context; vectors; neural network; language model

Язык – это живая и постоянно меняющаяся система, в которой существует множество лингвистических явлений. Одним из таких является полисемия, или многозначность, которое заключается в способности одной языковой единицы обладать двумя и более связанными между собой значениями. Как отмечается в монографии А.И. Ольховской, лексическая многозначность является ключевой характеристикой языковой системы, требующей теоретического осмысления. Её исследование «посвящено лексической многозначности и представляет собой попытку заполнить лакуны в области её антропоцентрического осмысления и словарно ориентированного описания» [4].

Антропоцентрический подход, предлагаемый Ольховской, принципиально важен для понимания полисемии. Он означает, что многозначность нельзя рассматривать только как формально-структурное явление, оно связано с человеком – его мышлением, восприятием и опытом взаимодействия

с миром. Именно человеческий фактор, по мнению исследователя, определяет как возникновение новых значений, так и их функционирование в речи.

Если Ольховская фокусируется на лексикологическом и лексикографическом описании полисемии, то Е.Л. Боярская предлагает взглянуть на этот феномен с позиций когнитивной науки. Её работы, в частности статья «Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности» [2], посвящены эмпирическим исследованиям когнитивных основ полисемии, процессам формирования и распознавания новых значений в структуре многозначного слова.

Ключевым понятием в теории Боярской становится когнитивный контекст. Она интерпретирует его как сложную ментальную репрезентацию, с которой ассоциировано каждое отдельное значение полисеманта (многозначного слова). Иными словами, существует не только денотативное (словарное) значение, а целый комплекс знаний, ассоциаций и ситуаций употребления, накопленных человеком в опыте. Комбинация всех когнитивных контекстов, ассоциированных со всеми значениями многозначного слова, представляет собой комплексную ментальную репрезентацию.

Решающую роль в понимании нужного значения слова играет контекст. Однако контекст в данном случае следует понимать не просто как линейное окружение слова (соседние слова в предложении), но и как тот самый «когнитивный контекст». Воспринимая слово, человек не просто механически перебирает словарные значения, а активирует соответствующую ментальную репрезентацию, которая наилучшим образом соответствует ситуации. Окружающие слова выступают триггерами, запускающими нужный когнитивный контекст.

Учёные из НИУ ВШЭ провели эксперимент и выяснили каким образом носители языка воспринимают значения многозначных слов, основанные на близкой метонимии, далекой метонимии и метафоре. Результаты своего исследования коллектив авторов представил в работе «О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности», даёт экспериментальное подтверждение этой работе [1].

Участникам предлагалось сгруппировать предложения с разными типами значений многозначных прилагательных. Результаты оказались крайне показательными:

– близкая метонимия (например, умный человек – умные глаза) воспринимается как очень тесно связанная с прямым значением и часто смешивается с ним;

– далекая метонимия (грустный человек – грустная новость) осознаётся как более самостоятельное значение;

– метафора (строгий директор – строгие колонны) воспринимается как наиболее далёкая от исходного значения категория.

Исследователи обнаружили, что восприятие семантических различий регулируется общими когнитивными механизмами внимания. Наше внимание фокусируется на наиболее заметном стимуле. Если в тексте значения, которые отличаются незначительно (например, прямое и близкая метонимия), наше восприятие обостряется, и мы начинаем замечать даже тонкие семантические оттенки. Если же рядом оказываются сильно различающиеся значения (например, прямое и метафора), промежуточные варианты (далекая метонимия) могут начать сливаться с прямым значением на их фоне.

Этот сложный, многоуровневый процесс позволяет человеку не только безошибочно выбирать нужное значение из десятков возможных, но и понимать авторские метафоры и окказиональные употребления, с которыми он, возможно, сталкивается впервые.

Нейросеть, в отличие от человека, состоит из системы личных алгоритмов и не понимает язык так как люди. Её «понимание» – это результат обработки огромных массивов текстов, в ходе которой слова превращаются в многомерные векторы – числовые координаты в математическом пространстве. Смысловые отношения между словами в этой модели отражаются в геометрических отношениях между векторами: чем ближе расположены векторы, тем ближе значения слов.

Чтобы увидеть, как нейросеть подбирает слово по контексту было проведено несколько экспериментов.

Алгирдас Лаукайтис из Вильнюсского технического университета в работе «Обратная задача разрешения смысловой неоднозначности слов с использованием модели глубокого обучения» (Reversal of the Word Sense Disambiguation Task Using a Deep Learning Model (2024)) предлагает собственный подход [5]. Вместо того чтобы подстраивать нейросеть под существующие словарные классификации, исследователь использует статистические закономерности, которые нейросеть выучила в процессе обучения, как новый эталон. И уже под этот эталон корректировать словари, состав-

ленные человеком. Данный подход ставит вопрос всегда ли тонкие различия, зафиксированные лингвистами в электронной лексической базе данных, соответствуют реальной языковой практике, отражённой в гигантских корпусах текстов, на которых обучалась нейросеть.

Эксперименты подтвердили эффективность предложенного метода: на нескольких наборах данных система достигла показателей точности, сопоставимых с современными стандартами.

Наиболее показательным для сравнения человеческого и машинного понимания является исследование, проведённое международной командой с участием учёных НИУ ВШЭ. Был создан корпус KoWit-24, включающий 2700 русскоязычных заголовков из газеты «Коммерсантъ», содержащих игру слов. Пять больших языковых моделей (GPT-4o, YandexGPT4, GigaChat Lite, GigaChat Max, Mistral NeMo) проходили тестирование на двух уровнях [3].

Первый уровень заключался в простом обнаружении факта игры слов. Второй уровень, значительно более сложный, требовал интерпретации: необходимо было объяснить, на чём именно построен каламбур, указать исходную фразу, к которой он отсылает, и выделить ключевое слово, в котором происходит смысловой сдвиг.

Результаты показали, что первый уровень модели в целом осиливают, особенно при наличии подробных инструкций. Однако второй уровень – интерпретация – дался им значительно сложнее. Авторы исследования подчёркивают: даже лучшая модель (GPT-4o) показывает гораздо более скромные результаты в задаче интерпретации по сравнению с задачей простого обнаружения.

Рассмотрим примеры из корпуса. Заголовок «Волгу не могут заставить течь быстрее» обыгрывает двойственную природу слова «Волга» – оно обозначает одновременно реку и федеральную трассу. Человек, знакомый с контекстом российских новостей, с высокой вероятностью уловит двусмысленность. Нейросетям же для этого требуется дополнительная информация: подводка к статье, рубрика, контекст. Другой пример – «Миссия сократима», отсылающий к названию фильма «Миссия невыполнима» и одновременно намекающий на сокращение дипломатической миссии. Здесь интерпретация требует узнавания культурного кода и фоновых знаний.

Для человека обнаружение игры слов и её интерпретация часто представляют собой единый акт понимания. Нейросеть же может зафиксировать

отклонение от нормы («здесь что-то не так»), но объяснить природу этого отклонения ей значительно труднее.

Обобщая результаты рассмотренных исследований, можно выделить ключевые различия между тем, как понимает значение слова человек, и тем, как это делает нейросеть.

Человек понимает язык, потому что живёт в нём. Нейросеть «понимает» язык, потому что обработала гигабайты текстов. Её понимание – это способность на основе статистических закономерностей предсказывать, какое слово с наибольшей вероятностью встретится в данном контексте.

При этом результаты машинного понимания в простых случаях могут быть вполне сопоставимы с человеческими. Нейросеть способна довольно точно выбирать значения многозначных слов в стандартных контекстах. Однако при столкновении с явлениями, требующими выхода за пределы статистики, – с игрой слов, с метафорой, с опорой на культурные коды – становятся видны границы компьютера.

Особенно показательным, что полисемия с её тонкими переходами между значениями оказывается для нейросетей сложнее омонимии. Это прямо противоположно человеческому восприятию, где близкая метонимия схватывается легко, а резкие смысловые разрывы (как в омонимии) требуют опоры на контекст.

Различие между когнитивным контекстом, формируемым живым опытом, и векторным пространством, формируемым статистической обработкой текстов, остаётся принципиальным. Вопрос о том, может ли это различие быть преодолено по мере развития технологий, остаётся открытым.

Библиографический список

1. Апресян, В.Ю., Апресян, Ю.Д., Драгой, О.В., Иомдин Б.Л., Лауринвичюте, А.К., Левонтина, И.Б., Лопухин, К.А., Лопухина, А.А., Урысон, Е.В. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности. // Русская речь. 2019. № 1. С. 8–17. URL: https://www.academia.edu/40404801/О_методе_комплексного_семантического_статистического_и_психолингвистического_анализа_многозначности
2. Боярская, Е.Л. Некоторые аспекты когнитивной теории многозначности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2010. №2. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-kognitivnoy-teorii-mnogoznachnosti> (дата обращения: 17.02.2026).

3. Исследователи НИУ ВШЭ выяснили, как нейросети понимают каламбуры // НИУ ВШЭ : [Электронный ресурс]. — Москва, 2025. — 29 декабря. — URL: обращения: <https://cnews.ru/link/n671374> (дата обращения 18.02.2026)

4. Ольховская, А.И. Полисемия как проблема общей и словарной лексикологии Монография / А.И. Ольховская. — Москва : Флинта, 2015. — 454 с.

5. Laukaitis, Algirdas. 2024. "Reversal of the Word Sense Disambiguation Task Using a Deep Learning Model" Applied Sciences 14, no. 13: 5550. <https://doi.org/10.3390/app14135550>

УДК 372.881.111.1

Рябова Наталья Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент

Долгорукова Алла Ивановна

кандидат филологических наук, доцент,

кафедра английского языка гуманитарных факультетов,

факультет социокультурных коммуникаций,

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ И КОРРЕЛЯТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

Аннотация. Работа направлена на комплексное изучение структурно-семантической организации производных прилагательных с формантом *ful* и определение круга их структурно-семантических моделей. В ней также рассматриваются структурно-семантические модели словосочетаний со словом *full*. Особое внимание уделяется специфике структурно-семантической соотносительности мотивированных производных и мотивирующих словосочетаний.

Ключевые слова: производное прилагательное; словосочетание; структурно-семантическая модель; соотносительность.

Ryabova Nataliya Yurievna
PhD in Philology, Associate Professor,
Dolgorukova Alla Ivanovna
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English for Humanities,
Faculty of Social and Cultural Communication
Belarusian State University
(Minsk, the Republic of Belarus)

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF DERIVED ADJECTIVES AND CORRELATIVE PHRASES

Abstract. The paper is aimed at a comprehensive study of the structural and semantic organization of derived adjectives with the suffix *-ful* and identification of the range of their structural and semantic models. The author also examines the structural and semantic models of phrases with the word *full*. Special attention is drawn to the specificity of the structural and semantic correlation of motivated derivatives and motivating phrases.

Key words: derived adjectives; phrase; structural and semantic model; correlation.

В новую эпоху полипарадигмальных исследований [2; 6] структурно-семантические штудии не теряют своей актуальности [5], а, напротив, развиваются на более высоком уровне абстракции [8, p. 45].

Производные прилагательные являются важным и продуктивным пластом адъективной лексики в современном английском языке. Достаточно большую и широко используемую группу составляют лексические единицы с суффиксом *-ful*, которые интуитивно относят к адъективной лексике [9]. Тщательный анализ конститuentов слов, учитывающий лексико-грамматические характеристики и словообразовательную производность лексических единиц, объединенных в один класс на основании наличия форманта *ful*, показывает, что не все слова массива относятся, во-первых, к прилагательным, например, *spoonful* (существительное) а, во-вторых, к производным прилагательным, например, морфемно-членимые *grateful*, *vengeful*, *wistful* рассматриваются в современном английском языке как непроизводные вследствие отсутствия мотивирующих основ «grate», «venge», «wist».

Таким образом, наличие форманта *ful* не может считаться определяющим признаком производности и адъективности лексики.

Рассматривая корпус собственно производных прилагательных с суффиксом *-ful*, можно обнаружить, что данные единицы характеризуются разнообразием и распадаются на различные структурные модели [1, с. 141], исходя из различий лексико-грамматических характеристик производящих основ, и семантические модели [3], отражающие в обобщенном виде семантические отношения между компонентами деривата. Структурно производные прилагательные с суффиксом *-ful* представлены следующими моделями:

n + ful (*beautiful, painful, shameful, etc.*), *v + ful* (*resistful, resentful, etc.*), также

a + ful (*brightful*). Семантические отношения, существующие между компонентами производных словообразовательного ряда с суффиксом – *ful*, позволяют выделить следующие структурно-семантические модели, представленные в таблице 1.

Таблица 1.

Структурно-семантические модели производных с суффиксом *-ful*

Структурная модель	Тип семантических отношений	Пример
<i>n + ful</i>	наличие	<i>colourful</i>
<i>n + ful</i>	каузация	<i>harmful</i>
<i>n + ful</i>	полнота до предела	<i>topful</i>
<i>n + ful</i>	сходство	<i>manful</i>
<i>a + ful</i>	наличие	<i>brightful</i>
<i>v + ful</i>	способность к действию	<i>forgetful</i>

Очерченный круг структурно-семантических моделей производных создает целостную картину структурно-семантической организации производных прилагательных с формантом *ful*.

Наряду с производными прилагательными англоязычный текстовой материал демонстрирует наличие свободных словосочетаний, т.е. лексически организованных групп, объединенных некой синтаксической связью, которые состоят либо из нескольких знаменательных слов, либо из служебных и знаменательных слов, причем одним из них является слово *full*, которое воспринимается как генетический источник суффикса *-ful* (*full of power, full of colour, etc.*), или используется основа деривата. Многообразие словосочетаний сводится в следующем моделям, представленным в таблице 2.

Таблица 2.

Структурно-семантические модели словосочетаний со словом full
или с основой производного прилагательного с суффиксом -ful

Структурная модель	Тип семантических отношений	Пример
A + prep + N	наличие	full of power
V + N	наличие	to have grace
prep + N	наличие	of scorn
A + prep + N	полнота до предела	full to the brim
V + N	каузация	to excite wonder

Сопоставляя данные таблиц, можно сделать вывод о наличии корреляции между структурно-семантическими моделями производных с суффиксом -ful и свободных словосочетаний с компонентом full или основой рассматриваемых производных.

Таблица 3.

Коррелятивные структурно-семантические модели
производных и словосочетаний

Тип семантических отношений	Структурно-семантические модели производных	Структурно-семантические модели словосочетаний
наличие	n + ful	A+prep+N; V+N; prep+N
каузация	n + ful	V + N
полнота до предела	n + ful	A + prep + N
сходство	n + ful	-
способность к действию	v + ful	A + prep + V
наличие	a + ful	-

На основании данных таблиц очевидно, что соотносительность свойственна не всем, а только части структурно-семантических моделей. Из общей системы соотносительности выпадают модели a + ful (brightful наличие) и n + ful (manful сходство), у которых отсутствуют корреляты на уровне словосочетаний. Соответственно, количество структурно-семантических моделей производных и словосочетаний не совпадает. Большинство структурно-семантических моделей производных способны взаимодействовать с рядом

структурно-семантических моделей словосочетаний. Например, модель *n + ful* в значении «наличие» соотносится с тремя моделями словосочетаний: *A + prep + N*; *prep + N*; *V + N*; в значении «каузация» с моделью *V + N*; в значении «полнота до предела» с моделью *A + prep + N*. Таким образом, речь идет об отсутствии изоморфизма [1, с. 25; 7, р. 126], об асимметрии отношений коррелирующих комплексных единиц на уровне структурно-семантических типов, что ведет к образованию семантических пучков, имеющих определенную направленность. Отмеченная асимметрия может быть связана с характерной для производных полисемией. В качестве примера можно привести, в частности, производное *painful* – 1) *having pain, full of pain*, 2) *giving a sensation of pain, affected by pain*. В каждом из своих значений такого рода единицы входят в корпус различных структурно-семантических образований. Взаимодействие пучка моделей словосочетаний с одной моделью производного обусловлено, по-видимому, и такой важной чертой деривата, как «словность». Ею предопределена семантическая емкость моделей производных, вытекающая из имплицитности⁸ выражаемых семантических отношений [4].

Библиографический список

1. Аракин, В.Д. **Сравнительная типология английского и русского языков** / В.Д. Аракин. – Москва: Физматлит, 2010. – 232 с.

2. Сигаев, А.С. Новое в лингвистике: Полипарадигмальность vs интегративность. Рецензия на монографию: Интегральная лингвистика: монография / под ред. Т.Н. Хомутовой. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2023. 267 с. / А.С. Сигаев, Т.Н. Федуленкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2025. – Том 22. – № 4. – С. 87–89. – <https://doi.org/10.14529/ling250412>.

3. Сигаев А.С. Узловые проблемы современной семантики и прагматики. Рецензия на книгу: Касевич В.Б. Проблемы семантики: монография. – Санкт-Петербург: изд-во СПбГУ, 2019. – 304 с. / А. С. Сигаев, Т. Н. Федуленкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия:

⁸ См. тж.: Федуленкова, Т. Н. Имплицитность в диалоге культур: от преамбулы до функционально обусловленных типов выражения смысла / Т. Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – Вып. 10. – № 3. – С. 225–230 [4].

Лингвистика и педагогика». – 2025. – 15(3). – 163–165.
– <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-3-163-165>.

4. Федуленкова, Т. Н. Имплицитность в диалоге культур: от преамбулы до функционально обусловленных типов выражения смысла / Т. Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2024. – Вып. 10. – № 3. – С. 225–230. <https://doi.org/10.22250/241071902024103225>.

5. Федуленкова, Т.Н. Синтаксические и структурно-семантические модели в германской фразеологии : монография / Т. Н. Федуленкова. – Москва: Академия Естествознания, 2025. – 96 с. (Электронное текстовое издание). – ISBN 978-5-6054670-7-6; <https://doi.org/10.17513/np.640>.

6. Шеховская, Ю.А. От полипарадигмальной и интегральной лингвистики к суперпарадигме / Ю.А. Шеховская, Т.Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2025. – Т. 25. – №5. – С. 129–133. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V466>.

7. Fedulenkova, T.N. Isomorphism and allomorphy of English, German and Swedish phraseological units based on metaphor / T. N. Fedulenkova // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. – 2019. – Т. 15. – Вып. 3(45). – С. 126–134.

8. Fedulenkova, T.N. Phraseological Abstraction // *Cross-Linguistic and Cross-Cultural Approaches to phraseology : Proceedings of ESSE-9 International Conference in University of Aarhus, Denmark, August 22-26 2008* / Ed. T. N. Fedulenkova. – Arkhangelsk : Lomonosov Pomorsky State University; Aarhus: Aarhus University, 2009. – P. 42–54.

9. Lehnert, M. Reverse Dictionary of Present Day English / M. Lehnert. – Leipzig, 1973. – 596 p.

**ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ И ЕГО РОЛЬ
В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ:
ОТ СТРУКТУРЫ К СОЦИАЛЬНОМУ ДЕЙСТВИЮ**

Аннотация. В статье рассматривается дискурс анализ как актуальное научное направление. На основе работ российских и зарубежных теоретиков систематизированы ключевые подходы к пониманию дискурса и его структуры. Выделены современные тенденции развития дисциплины: междисциплинарность, расширение тематики исследований и адаптация к цифровой коммуникации.

Ключевые слова: анализ текстов, типы дискурсов, подходы и методологии, сферы применения, дискурс анализ.

Skidanov Michael Sergeevich

Student

Karamysheva Svetlana Gennadievna

Research Supervisor, Assistant Professor,

Department of Foreign Language,

Kuban State Agrarian University named after I. T. Trublin

(Krasnodar, Russian Federation)

**DISCURSIVE ANALYSIS AND ITS ROLE IN MODERN LINGUISTICS:
FROM STRUCTURE TO SOCIAL ACTION**

Abstract. The article considers discourse analysis as an actual scientific field. Based on the works of Russian and foreign theorists, the key approaches to understanding discourse and its structure are systematized. The current trends in the development of the discipline are highlighted: interdisciplinarity, expansion of research topics and adaptation to digital communication.

Keywords: text analysis, types of discourses, approaches and methodologies, fields of application, discourse analysis.

В середине XX века лингвистика фокусировалась на языке как строгой системе: ученые искали универсальные правила построения предложений и анализировали грамматические структуры в рамках структурализма и генеративизма [3]. Этот подход дал науке четкие модели и точные описания, но имел существенный недостаток — язык изучался изолированно, вне реального контекста использования.

Сегодня взгляд на язык изменился: его воспринимают как живое явление, тесно связанное с мышлением, культурой и социальными практиками. Ключевым инструментом новой парадигмы [1; 10] стал дискурсивный анализ, позволяющий изучать речь в реальном контексте [23]. Он показал, что значение высказывания зависит от ситуации — например, фраза «Хорошо бы сейчас пошел дождь» может быть и искренней просьбой в период засухи, и недовольством на вечеринке, и метафорическим намеком на перемены. Таким образом, наука перешла от анализа отдельных языковых единиц к изучению дискурса, соединяя теоретические модели с практикой человеческого общения.

Что же такое дискурс в его современном понимании? Это понятие давно переросло узкие рамки «текста, большего, чем одно предложение». Сегодня дискурс — это коммуникативное событие в его целостности. Это не просто слова, но и их автор (говорящий/пишущий), адресат (слушающий/читающий), цель высказывания, канал коммуникации (устная речь, письмо, цифровая среда), социальный и исторический контекст, а также все те неявные, фоновые знания, которые разделяют участники общения [4].

Ключевой вклад дискурсивного анализа заключается в переходе от взгляда на язык как на отражателя реальности к взгляду на него как на конструктора реальности. Эта идея, уходящая корнями в философию М. Фуко и Л. Витгенштейна, является центральной. Язык не просто пассивно называет вещи, которые уже существуют. Он активен, он участвует в создании социальных фактов. То, как мы говорим о явлении, в огромной степени определяет то, как мы к нему относимся и как действуем в отношении него [6].

Возьмем, к примеру, явление миграции. Один дискурс может представлять его через лексику вторжения, потока, угрозы («потoki мигрантов»,

«осада Европы»). Другой – через лексику вызова, интеграции, мультикультурализма («трудовые мигранты», «культурное обогащение»). Третий – через лексику прав человека и сострадания («беженцы», «спасение жизней»). Каждый из этих дискурсов не просто описывает одну и ту же объективную ситуацию по-разному. Каждый из них конструирует свою собственную реальность, предлагает свою систему координат для ее осмысления и, что самое главное, оправдывает определенный набор политических и социальных действий – от строительства стен до разработки программ адаптации [9].

Роль этого направления столь многогранна, что ее можно описать через несколько ключевых функций, которые оно выполняет внутри дисциплины.

Дискурсивный анализ на практике осуществил то, о чем долгое время говорили теоретически: он сделал лингвистику по-настоящему междисциплинарной [22; 15]. Современный исследователь дискурса не может работать в вакууме. Ему необходимы:

- философский багаж (постструктурализм, теория речевых актов) для понимания природы высказывания и власти;
- социологический инструментарий для анализа социальных институтов, порождающих дискурсы;
- психологические знания о когнитивных схемах, фреймах и моделях восприятия;
- культурологическая и историческая система для учета контекста.

В рамках актуальной научной парадигмы лингвистика эволюционировала от модели замкнутой дисциплины к формату открытой исследовательской платформы, поддерживающей междисциплинарные связи с гуманитарными и социальными науками.

Эта функция, пожалуй, имеет наибольший общественный резонанс. Критический дискурс-анализ (Critical Discourse Analysis, CDA), связанный с именами Н. Фэрклафа, Т. Ван Дейка и Р. Водак, привнес в лингвистику острое социальное и политическое зрение [5]. Его задача — не просто описать, но и вскрыть идеологические механизмы, скрытые в структурах, казалось бы, нейтральных текстов.

Лингвист в рамках CDA выступает как критический аналитик дискурса. Он показывает, как через специфический выбор лексики, синтаксических конструкций, метафор и аргументативных стратегий в медиа, политических речах или учебниках легитимизируется социальное неравенство, воспроизводятся гендерные и расовые стереотипы, оправдывается политика

доминирования одних групп над другими, создается образ «другого» или «врага» [7].

В результате лингвистика приобрела значимое влияние в сфере публичных дискуссий, трансформировавшись из сугубо академической дисциплины в инструмент социально критического анализа [8].

Дискурсивный анализ вывел лингвистику из университетских аудиторий в мир реальных проблем. Его методы сегодня востребованы в самых разных сферах:

- медиалингвистика [19]: анализ новостных сообщений, диагностика медиа манипулятивных практик, манипулятивного переосмысления фактов и процессов установления информационной повестки (agenda setting);

- политическая лингвистика [16]: изучение риторики политиков, механизмов создания харизмы, конструирования идеологических мифов («возрождения нации», «внешней угрозы») и языка предвыборных программ;

- юридическая лингвистика [20]: анализ языка законов (на предмет двусмысленностей), судебных прений, показаний свидетелей, определение вербальных маркеров лжи;

- бизнес-коммуникация [13; 24] и реклама [14; 18]: исследование корпоративного дискурса, языка брендов, рекламных слоганов, где ключевую роль играет конструирование определенного имиджа и ценностей;

- цифровая лингвистика [17]: изучение специфики коммуникации в социальных сетях, мессенджерах, блогах, где рождаются новые формы дискурса (мемы, твиты, посты), и анализируются механизмы формирования онлайн-сообществ и кибербуллинга.

Ни одна научная парадигма не существует без внутренней критики и вызовов. Дискурсивный анализ не исключение [11].

Главный вызов — это вопрос методологической строгости. Поскольку интерпретация дискурса зачастую носит субъективный характер, всегда существует риск, что исследователь просто найдет в тексте то, что хочет найти, руководствуясь своими собственными политическими или идеологическими предпочтениями. В ответ на эту критику современная методология активно развивает методы обеспечения надежности: это и четкие, прозрачные процедуры анализа, и использование корпусной лингвистики для работы с большими массивами данных, и принцип триангуляции — перекрестной проверки результатов с помощью нескольких независимых методов.

Второй вызов — это взрывной рост цифровой и мультимодальной коммуникации. Современный дискурс — это редко просто текст. Это сложный коктейль из вербального компонента, визуального образа (фотография, инфографика, видео), звука, шрифтов, цвета и композиции. Анализ мема, рекламного баннера или интерфейса приложения требует от лингвиста выхода за пределы чистой вербальности и овладения аппаратом семиотики и визуального анализа [21].

Перспективы развития дискурсивного анализа видятся в нескольких направлениях:

1. Взаимодействие с когнитивными науками: глубокое изучение того, как дискурсивные практики связаны с нейронными процессами, механизмами памяти и внимания.

2. Анализ больших данных: использование методов искусственного интеллекта и машинного обучения для выявления макропаттернов в гигантских массивах дискурсивных данных (например, во всех новостях за десятилетие или во всех парламентских дебатах).

3. Экологический дискурс-анализ: изучение того, как язык формирует наше отношение к природе, климатическим изменениям и экологическим проблемам [12].

Таким образом, дискурсивный анализ следует рассматривать не как периферийное направление лингвистики, а как ее концептуальный стержень, определивший современное развитие дисциплины. Переместив фокус с формальной грамматики на функционирование языка в социокультурном контексте, он раскрыл коммуникативную природу речи как инструмента конструирования реальности. Методологическая ценность дискурсивного анализа заключается в способности выявлять скрытые механизмы идеологического воздействия, культурные модели и властные отношения, неявно присутствующие в повседневных речевых практиках. Это придает лингвистической науке не только теоретическую глубину, но и прикладную социальную значимость, позволяя исследовать язык как динамическую систему смыслообразования.

Библиографический список

1. Басова, Т.А. О русской фразеологии в свете антропоцентрической парадигмы / Т.А. Басова, / Т.Н. Федуленкова // Вестник Череповецкого

государственного университета. 2021. № 5(104). С. 190–197. – <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2021-5-104-16>.

2. Ван Дейк, Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / пер. с англ. – М.: Либроком, 2013. – 344 с.

3. Водак, Р. Политика страха. Что значит дискурс правого популизма / пер. с англ. – М.: Гнозис, 2018. – 424 с.

4. Донскова, Л. А., Савченко, А. В. Особенности перевода фразеологизмов общественно-политического дискурса // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2021. – № 1 (19). – С. 43–47. – EDN HDOPEF.

5. Завгородняя, С. А., Аракелян, Н. С. Политический и религиозный дискурсы как важный инструмент формирования общественного мнения / С.А. Завгородняя, Н.С. Аракелян // Образование, инновации, исследование как ресурс развития сообщества: материалы II Всеросс. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 26 июня 2025 г.). – Чебоксары: ООО «Изд. дом «Среда»», 2025. – С. 355–356. – EDN RHEONP.

6. Зубенко, Е. С., Карамышева, С. Г. Эволюция дискурса анализа: от лингвистики текста к анализу социальных практик / Е. С. Зубенко, С. Г. Карамышева // Инновационные научные исследования. Актуальные вопросы и решения: материалы Международ. науч.-практ. конф., Краснодар, 27 ноября 2025 года. – Краснодар: ИП Алзидан, 2025. – С. 192–195. – EDN MYAWDR.

7. Карамышева, С. Г. Концепт «вода» как источник метафоризации в англоязычном юридическом дискурсе / С. Г. Карамышева // Казанская наука. – 2024. – № 4. – С. 382–385. – EDN SDBMAB.

8. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс /. – В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

9. Мосесова, М. Э. Коммуникативная модель современного англоязычного юридического дискурса: характеристика ключевых параметров / М. Э. Мосесова // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. – 2019. – № 2 (33). – С. 63–71. – EDN STTMRE.

10. Сигаев, А. С. Новое в лингвистике: Полипарадигмальность vs интегративность. Рецензия на монографию: Интегральная лингвистика: монография / под ред. Т. Н. Хомутовой. Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2023. 267 с. / А. С. Сигаев, Т. Н. Федуленкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2025. – Том 22. – № 4. – С. 87–89. – <https://doi.org/10.14529/ling250412>.

11. Фуко М. Археология знания: пер. с франц. / М. Фуко. – СПб.: Университетская книга, 2004. – 416 с.

12. Фэрклаф Н. Язык и власть / пер. с англ. – М.: Едиториал УРСС, 2007. – 272 с.

13. Федуленкова, Т.Н. Дифференциация фразеологии финансов и банка по виду переосмысления прототипа / Т. Н. Федуленкова // Вестник Пятигорского государственного университета. – 2023. – № 3. – С. 392–396.
14. Федуленкова, Т.Н. Деловой английский: от лингводидактических инноваций к компетенции и качеству / Т. Н. Федуленкова // Качество. Инновации. Образование. – 2025. – № 2. – С. 76–83. <https://doi.org/10.31145/1999-513x-2025-2-76-83>.
15. Федуленкова, Т.Н. Инновации в изучении лингвокреативности кинодискурса / Т. Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) Федерального университета. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». – 2025. – Т. 25. – № 2. – С. 129–132. – <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V428>.
16. Федуленкова, Т.Н. О деконвенционализации современной англоязычной бизнес-коммуникации / Т. Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2021. – 7(4). – С. 179–184. https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_4_179_184.
17. Федуленкова, Т.Н. О стилистике жанров и генераторской стилистике / Т. Н. Федуленкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. – 2025. – № 1. – С. 126–131. – <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2025-15-1-126-131>.
18. Федуленкова, Т.Н. От типологии рекламных текстов до тактики эффективного рекламного сообщения / Т. Н. Федуленкова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. – 2019. – Т. 9. – № 3. – С. 208–212.
19. Федуленкова, Т.Н. Стилиевые доминанты интернет-коммуникации / Т. Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – № 11 (1), – С. 198–202. – <https://doi.org/10.22250/241071902025111198>.
20. Федуленкова, Т.Н. Фразеология и лингвистическая экспертиза / Т. Н. Федуленкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2022. – Т. 19. – № 2. – С. 80–83.
21. Федуленкова, Т.Н. Фраземосемиозис как когнитивно-прагматическая проблема / Т.Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета, Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2020. – №1. – С. 114–122. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2020.1.114>.
22. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – М.: Гнозис, 2004. – 328 с.
23. Шеховская, Ю.А. От полипарадигмальной и интегральной лингвистики к суперпарадигме / Ю.А. Шеховская, Т.Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. – 2025. – Т. 25. – №5. – С. 129–133. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V466>.
24. Fedulenkova T.N. Phraseologisation as a means of development of business terminology // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. – Москва: НОПриЛ, 2023. – № 4 (44). – С. 156–172.

УДК 81'42:004.8

Тивьяева Ирина Владимировна
*доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры языкознания и переводоведения
Московский городской педагогический университет
(г. Москва, Российская Федерация)*

ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: НОВЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Аннотация. Статья посвящена анализу интеграции искусственного интеллекта в лингвистические исследования как фактору трансформации методологии современной науки о языке. На основе обзора актуальной научной литературы рассматриваются ключевые направления применения методов обработки естественного языка и больших языковых моделей.

Ключевые слова: ИИ-текст, сгенерированный текст, большая языковая модель, генерация текстов, методология лингвистических исследований.

Irina V. Tivyaeva
*Doctor of Philology, Associate Professor,
Professor, Department of Linguistics and Translation Studies
Moscow City University
(Moscow, Russian Federation)*

INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO LINGUISTIC RESEARCH: NEW METHODOLOGICAL CHALLENGES

Abstract. The paper explores the integration of artificial intelligence into linguistic research as a factor transforming the methodology of contemporary linguistics. Based on a review of current research, it analyzes key areas of AI application, including natural language processing and large language models.

Keywords: AI-text, AI-generated text, large language model, text generation, methodology of linguistic research.

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее ИИ) и внедрение больших языковых моделей в лингвистические исследования ознаменовали собой начало ИИ-поворота в науке о языке. Если традиционная лингвистика прошлого столетия оперировала преимущественно данными естественной речи, то в настоящее время объектная область и эмпирическая база лингвистических исследований расширяются за счет включения текстов, порожденных системами ИИ (см., например, [1; 5; 10]). Новые реалии исследовательской практики ставят перед лингвистами вопрос о статусе сгенерированных текстов и потенциале ИИ-инструментов для обработки языковых данных. Настоящая работа преследует цель рассмотреть методологические возможности и перспективы, которые открываются перед лингвистикой в контексте развития ИИ-технологий. Для достижения указанной цели обратимся к релевантным научным источникам, описывающим применение больших языковых моделей в лингвистических исследованиях.

Анализ актуального исследовательского контекста, как отечественного, так и зарубежного, позволяет выделить два магистральных направления внедрения ИИ-технологий в лингвистические исследования. Первое направление связано с использованием больших языковых моделей в качестве инструментов обработки фактических языковых данных. Современные модели способны осуществлять лингвистический анализ текстов на уровне, приближающий к уровню специализированных программных продуктов, предназначенных для данных целей.

В настоящее время исследователи-лингвисты тестируют функциональные возможности различных языковых моделей для прикладных лингвистических задач. Так, например, британские исследователи [12], сопоставив результаты нарративного анализа, выполненного профессиональными лингвистами и моделями Claude и GPT-o1, пришли к заключению, что выводы, сделанные с помощью больших языковых моделей, сопоставимы с результатами профессионального анализа и обладают высокой степенью достоверности. Практически к аналогичному выводу приходит С. Учида [14], показавший, что при работе со списками частотных слов и коллокаций модель ChatGPT 3.5 позволяет получить результаты, сопоставимые с результатами работы с корпусом СОСА. В исследовании А. Карьюса [13], опубликованном в журнале Nature, продемонстрировано, что использование больших языковых моделей для анализа текстов позволяет решать сложные лингвистические задачи, ранее требовавшие значительных коллективных усилий, с существенно более высокой скоростью и эффективностью.

Опыт отечественных исследователей связан с разработкой методики применения ИИ для решения различных прикладных задач, связанных, помимо прочего, с проектированием лингвистического исследования [8], анализом тональности текста [4], обучением иноязычной коммуникации [2; 6] и переводу [3]. Отмечается, что инструменты ИИ существенно повышают скорость обработки языковых данных и позволяют автоматизировать процедуры лексико-семантического, синтаксического, переводческого анализа, что в значительной степени расширяет возможности исследователей.

Выполняя функции инновационного цифрового инструмента, большие языковые модели, способствуют инициации парадигмальных сдвигов в производстве лингвистических знаний. Автоматизация процессов обработки объемных массивов языковых данных, а также возможность проведения масштабных контролируемых экспериментов с применением моделей значительно расширяют исследовательский арсенал лингвистов, позволяя формулировать и исследовать вопросы, которые ранее оставались вне фокуса внимания исследователей из-за методологических или иных ограничений.

В рамках второго магистрального направления ИИ-технологии выступают не в качестве инструмента анализа языковых данных, а в роли создателя текстов нового типа – имитирующих естественную речь. Так, С.В. Остапенко отмечает, что «сгенерированный текст представляет собой лингвистический объект нового типа» [5, с. 6]. В связи с введением сгенерированных текстов в объектное поле лингвистики перед специалистами в области теории языка встает множество вопросов об их онтологическом и эпистемологическом статусе, возможности их анализа с помощью инструментария, созданного для обработки естественного языка, а также о необходимости разработки новых подходов и методик и процедур анализа, соответствующих природе нового объекта и общему методологическому контуру лингвистики в эпоху больших языковых моделей. Основу для данных решений уже сегодня закладывают сопоставительные исследования, направленные на выявление языковых особенностей, специфичных для сгенерированных текстов (см., например, [7; 11]).

Данное направление в настоящее время еще находится в стадии формирования, однако, очевидно, уже возможно прогнозировать появление нового поля лингвистических исследований – ИИ-лингвистики, или виртуальной лингвистики в терминологии Б. Тошовича [9]. Развитие данного направ-

ления, как видится, будет способствовать формированию новых исследовательских стратегий, развитию междисциплинарных подходов и разработке новых методологических стандартов. При этом несмотря на значительные преимущества использования ИИ в исследовательской работе лингвистам предстоит решить ряд потенциальных проблем, вызванных этическими рисками и техническими ограничениями работы больших языковых моделей.

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в лингвистические исследования открывает новые методологические горизонты, трансформируя как инструментарий, так и исследовательскую логику науки о языке. В эпоху цифровизации лингвистика не только выступает в роли потребителя технологий искусственного интеллекта, но и активно участвует в их развитии, формируя методологические подходы к анализу и верификации данных языковых моделей. Это взаимодействие способствует углублению теоретических знаний о языке и его функционировании, а также способствует развитию междисциплинарных исследований.

Библиографический список

1. Бузинова, Л.М. Гендерная лингвистика и искусственный интеллект: репрезентация феминности и маскулинности (на примере приглашений и поздравительных текстов) / Л.М. Бузинова, О.А. Ивашкина, И.С. Степахина // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – Т. 11, № 1. – С. 20–32.

2. Вишневецкая, Н. В. Искусственный интеллект в обучении преподавателей профессиональной иноязычной коммуникации / Н.В. Вишневецкая // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика. – Москва : Языки Народов Мира, 2025. – С. 196–202.

3. Вишневская, Е.М. Понимание как диалог с текстом: генеративный искусственный интеллект в обучении переводу / Е.М. Вишневская, А.М. Иванова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2025. – № 2(58). – С. 190–202. – DOI 10.24412/2076-913X-2025-258-190-202.

4. Овсянникова, М.А. Анализ тональности текста посредством инструмента искусственного интеллекта / М.А. Овсянникова // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика : сб. науч. ст. М. : ООО «Языки Народов Мира», 2025. – С. 33–38.

5. Остапенко, С.В. Моделирование содержания сообщения в процессе автоматической генерации текста: лингво-информационный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 5.9.8 / С.В. Остапенко; Барнаул, 2025. – 19 с.
6. Современная {цифровая} дидактика : Монография / К.А. Баранников, Т.М. Босенко, А.А. Воронков [и др.]. – Москва : «Издательство Интеллект-Центр», 2024. – 133 с. – ISBN 978-5-907985-43-8.
7. Тельпов, Р. Е. Типовые различия естественных и сгенерированных нейронной сетью текстов в количественном аспекте / Р.Е. Тельпов, С.В. Ларцина // Научный диалог. – 2023. – Т. 12, № 7. – С. 47–65.
8. Тивьяева, И.В. Регламентирование использования средств генеративного искусственного интеллекта в выпускной квалификационной работе / И. В. Тивьяева, С.В. Михайлова, А.А. Казанцева // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2024. – № 2(54). – С. 202-218. – DOI 10.25688/2076-913X.2024.54.2.15. – EDN AAGZXZ.
9. Тошович, Б. Лингвистика, стилистика и поэтика виртуальности / Б. Тошович. – Москва: Флинта, 2024. – 520 с.
10. Фигура, Е.В. Генерация текстов как объект лингвистических исследований / Е.В. Фигура // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. – 2025. – № 3. – С. 64–70.
11. Frangieh, C. A linguistic comparison between human- and AI-generated texts in Lebanon / C. Frangieh, M. Abdallah // CALR Linguistics Journal. – 2024. – Vol. 15. – DOI 10.60149/tmsy9941. – URL: <https://doi.org/10.60149/tmsy9941> (дата обращения: 31.03.2026).
12. Jenner, S. Using large language models for narrative analysis: a novel application of generative AI / S. Jenner, D. Raidos, E. Anderson, S. Fleetwood, B. Ainsworth, K. Fox, J. Kreppner, M. Barker // Methods in Psychology. – 2025. – Vol. 12. – Art. 100183. – DOI 10.1016/j.metip.2025.100183. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.metip.2025.100183> (дата обращения: 31.03.2026).
13. Karjus, A. Machine-assisted quantizing designs: augmenting humanities and social sciences with artificial intelligence / A. Karjus // Humanit Soc Sci Commun. – 2025. – Vol. 12. – Art. 277. – DOI 10.1057/s41599-025-04503-w. – URL: <https://doi.org/10.1057/s41599-025-04503-w> (дата обращения: 31.03.2026).
14. Uchida, S. Using early LLMs for corpus linguistics: Examining ChatGPT's potential and limitations / S. Uchida // Applied Corpus Linguistics. – 2024. – Vol. 4. – Art. 100089. – DOI 10.1016/j.acorp.2024.100089. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.acorp.2024.100089> (дата обращения: 31.03.2026).

**КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ВЕРБАЛЬНОГО ЮМОРА
В РОССИЙСКОМ СИТКОМЕ «ПАПИНЫ ДОЧКИ»**

Аннотация. В статье рассматриваются когнитивные механизмы юмора в российском ситкоме «Папины дочери». Работа направлена на восполнение пробела в прагматических исследованиях ситкома, связанных с нарушениями принципа кооперации Грайса, предоставляя практические методы для культурного понимания и перевода.

Ключевые слова: Принцип кооперации Грайса; Ситком; Вербальный юмор; Межкультурная коммуникация; Дискурсивный анализ.

Tian Yuzhu,

PhD student,

Immanuel Kant Baltic Federal University

(Kaliningrad, Russian Federation)

**COGNITIVE-PRAGMATIC FEATURES OF VERBAL HUMOR
IN THE RUSSIAN SITCOM "DADDY'S DAUGHTERS"**

Abstract. The article examines the cognitive mechanisms of humor in the Russian sitcom "Daddy's Daughters". The work aims to fill a gap in pragmatic studies of sitcoms related to violations of Grice's Cooperative Principle, providing practical methods for cultural understanding and translation.

Keywords: Grice's Cooperative Principle; Sitcom; Verbal humor; Intercultural communication; Discourse analysis.

Ситком как важный юмористический жанр в современных дискурсах представляет собой концентрированный носитель речевого юмора и культурно-специфических коммуникативных стратегий. Актуальность данного исследования заключается в том, что анализ соответствующей литературы

показывает, что в существующих исследованиях при применении принципа кооперации Грайса к анализу юмора в основном ограничиваются выявлением и перечислением языковых явлений, связанных с «нарушением максим», и не дают систематического объяснения когнитивно-прагматического процесса того, как аудитория осуществляет умозаключение в контексте и формирует понимание юмора. В то же время в существующих исследованиях отсутствуют последовательные и глубокие анализы российского ситкома «Папины дочки», выполненные в рамках данной теоретической концепции. Диалоги в этом сериале отличаются типичностью и репрезентативностью, что позволяет предоставить богатый материал для выявления механизмов порождения и понимания речевого юмора.

1. Определение и характеристики ситкома

Исследования юмора имеют давнюю историю, и с течением времени его типы и формы постепенно становились все более разнообразными. Истоки юмора восходят к периоду Древней Греции, когда в медицинских теориях Гиппократ, «отца медицины», впервые появились термины, связанные с понятием «юмор», однако лишь к XIX веку слова «юмор» и «юморист» обретают привычные нам значения [5]. Исторически определение комедии формировалось в противовес трагедии. «Вплоть до классицизма под комедией подразумевалось произведение, противоположное трагедии, с обязательным счастливым концом; ее герои были из низшего сословия. Во многих поэтиках комедия определялась как низший жанр» [4, с. 161].

Ситком (sitcom), происходящий от английского выражения «situation comedy», представляет собой независимый поджанр комедии, объединяющий черты драматической эстетики и характеристики телевизионного медиума. «Ситком представляет собой сериал, в котором каждая серия длится не более половины часа и развивается вокруг фиксированных персонажей в относительно постоянных сценах и ситуациях. Самый основной структурный признак ситкома заключается в том, что в каждой серии возникает опасное изменение, нарушающее привычную среду персонажей, а это изменение в итоге устраняется в конце каждой серии» [7, с. 27]. В комедии обычно доминируют ситуации и персонажи: сюжет возникает из случайных и непредвиденных совпадений, а персонажи обладают выраженными чертами, которые, как правило, достигаются через гиперболизацию определенных аспектов их характера или преувеличенное изображение их качеств [3, с. 43]. В то же время закадровый смех как главный признак ситкомов играет важную

роль в развитии сюжета и побуждает аудиторию осознавать юмор. «Это сочетается и с актерской манерой игры, характерной для ситкома. В закадровом смехе также проявляется сочетание театральной и телевизионной природы ситкома: мы все знаем, что «вместе смешнее», поэтому мы, сидя дома на диване, смеемся как бы вместе с другими зрителями» [2, с. 126].

«Папины дочки» – оригинальный российский ситком, режиссером которого выступил Александр Роднянский. Сериал стал одним из самых рейтинговых проектов телеканала СТС и четырежды удостоивался телевизионной премии «ТЭФИ». Главный герой – Сергей Васнецов, семейный психотерапевт из небольшой частной клиники, который оказывается в тяжелой жизненной ситуации. Жена ушла от него, оставив на его попечении пятерых дочерей:

2. Принцип кооперации Грайса

Принцип кооперации был впервые предложен знаменитым лингвистом Грайсом (Grice) в 1967 году во время лекции в Гарвардском университете. Грайс отметил, что в процессе речевого общения обе стороны, стремясь к достижению определенных целей, кажется, намеренно или ненамеренно соблюдают некое правило, которое он назвал принципом кооперации в разговоре [6, с. 217]. Первые три максимы принципа кооперации Грайса делают акцент на содержании высказывания, в то время как максима способа подчеркивает то, как именно оно произносится» [1, с. 156].

Грайс подразделил принцип кооперации на четыре категории:

(1) Максима количества. а) Содержание высказывания должно содержать необходимый объем информации для данного речевого общения; б) Содержание высказывания не должно превышать необходимый объем информации для речевого общения.

(2) Максима качества. а) Не следует говорить то, что ты знаешь как ложное; б) Не следует говорить то, для чего недостаточно доказательств.

(3) Максима релевантности. Высказывание должно быть релевантным.

(4) Максима манеры. а) Избегать неясности; б) Избегать двусмысленности; в) Быть лаконичным; г) Быть последовательным.

Грайс считал, что рациональное и бесперебойное языковое общение возможно только в том случае, если обе стороны беседы молчаливо придерживаются принципа кооперации. В ситкомех юмор часто возникает из-за того, что персонажи сознательно или бессознательно нарушают один или несколько из этих максим. Это успешно влияет на эффективность общения:

слушатель должен делать выводы о коммуникативной речи, опираясь на такие контекстуальные факторы, как конкретное время, место и участники. Обычно в таких случаях фактический объективный результат, к которому приходит слушатель, не совпадает с субъективным намерением говорящего, что порождает серию абсурдных диалогов и юмора.

3. Когнитивные механизмы и особенности речевого юмора в российских ситкомах в условиях нарушения принципа кооперации

В рамках максимы количества обычно действуют два правила: а) количество информации в высказывании говорящего должно соответствовать целям беседы и общения. б) количество информации у говорящего не должно быть более детальным, чем требуется. В ситкомах юмор часто возникает, когда персонажи намеренно нарушают максимум количества, предоставляя избыточную информацию или недостаточное количество информации.

Антонина Семёновна: «У тебя реферат на какую тему?»

Галина Сергеевна: «Влияние ретикулярной формации на формирование дактило-капиллярного рисунка индивидуумов с признаками хромосомных aberrаций.»

Антонина Семёновна: «Ага, с признаками. Хорошо, девочки, завтра, да, завтра!»

Этот разговор происходит на фоне того, что бабушка Антонина Семёновна спрашивает внучек, в какой вуз они хотели бы поступить, так как хочет заработать на дополнительных занятиях с ними, чтобы купить новый телевизор. Когда дело доходит до Галины, бабушка спрашивает: «Какая тема твоего доклада?», а после получения ответа переводит взгляд с Галины на других девушек и использует междометие «Ага», чтобы подтвердить её ответ, но повторяет лишь те слова и смыслы, которые ей знакомы. Согласно принципу кооперации, говорящий должен предоставить достаточное количество информации для бесперебойного протекания диалога. Однако в данном разговоре ответ бабушки состоял только из повторения части высказывания коммуниканта, причём ограничиваясь лишь самыми простыми словами, без предоставления необходимой информации. Говорящий нарушил максимум кооперации, прибегнув к косвенному речевому акту, реализовав функцию уклонения от ответа и преднамеренно избежав реагирования на речевой акт слушающего.

В рамках максимы качества от участников общения требуется, чтобы их высказывания были достаточно достоверными; следует избегать ложных

утверждений, а также слов, не имеющих под собой достаточных доказательств. В ситкомах нарушение максимы качества часто встречается в таких приемах, как хвастовство персонажей, преувеличенные описания, ирония и сарказм.

Илья: «У меня ангина, температура – 43.»

Гарина Сергеевна: «У человека не бывает такой температуры.»

Илья: «Да, ну... Тогда 42 с половиной.»

В этом фрагменте Илья из ревности, узнав, что Галя собирается на свидание с другим, пытается помешать ей, притворяясь больным по телефону. Для достижения этой коммуникативной цели он намеренно преувеличивает тяжесть своего состояния. Такое высказывание очевидно неправдоподобно с точки зрения здравого смысла и представляет собой явное нарушение максимы качества в рамках принципа кооперации Грайса. Собеседница сразу же указывает на абсурдность его слов, однако Илья не возвращается в рамки достоверности, а продолжает диалог фразой: «Тогда 42 с половиной». Суть юмора здесь заключается в следующем: после того как стратегическая ложь говорящего разоблачается на месте, он продолжает диалог, упорно настаивая на ошибке; хотя цифры кажутся более точными, это не повышает доверие, а, наоборот, ещё сильнее подчёркивает манипулятивный замысел и абсурдность. В результате зрители считывают сразу два смысла: буквальный – «я очень болен», и скрытый – «я преувеличиваю болезнь, чтобы ограничить ваш выбор». Между ощутимым искажением речи и обнажением намерения возникает напряжение, которое и рождает комический эффект.

В соответствии с максимальной релевантности требуется согласованность речи, которая осуществляется в рамках обсуждения одной и той же темы. Типичным нарушением максимальной релевантности является ответ не впопад, то есть на уровне речи тема не связана, но на прагматическом уровне слушающий или получатель информации способен через логический вывод понять истинное намерение, выраженное в этом высказывании, а также скрытый смысл за ним. В ситкомах комический эффект возникает, когда коммуниканты говорят каждый своё, но связаны друг с другом абсурдной логикой.

Сергей Иванович: «Ну вот, видишь: проблема не в нём – это ты от него отдалилась, ты его совсем не знаешь, правда?»

Оля: «Так вот почему он носит корсет.»

В этом диалоге психотерапевт Сергей изо всех сил пытается помочь своему брату вернуть жену, приводя множество абсурдных доводов. В итоге

он завуалированно возлагает вину на жену, подразумевая попытку заставить её принять его логику, и спрашивает, понимает ли она, в чём проблема. Однако жена не отвечает ни на его вопрос, ни на его логику, а, по его словам, вспоминает о другом странном поведении мужа, которое противоречит той логике, которую психотерапевт пытается заставить её принять. Это глубокое погружение в собственную логику и формальное несоответствие ответа вопросу является нарушением максимы релевантности. В данном случае она должна была ответить на вопрос психолога, но, нарушив этот принцип, она косвенно подчеркнула абсурдность и в то же время яркость характеров обоих персонажей.

В рамках максимы манеры речи говорящий должен излагать свои мысли четко и структурированно; речь должна быть лаконичной и ясной; следует избегать использования непонятных слов и высказываний, которые могут быть истолкованы двусмысленно.

Муж Оксаны: «Я узнал, что моя жена была у вас дома.»

Сергей Алексеевич: «Я, я, я... Она...Эм... Да, да, была. Она бы была. Это... это... эм, новая психологическая методика – сеанс дома у психотерапевта. Эм...Меня там даже не было. Меня там даже не было.»

В этом диалоге Оксана обратилась к психотерапевту Сергею, но так случилось, что у его дочери дома возникли неприятности, и ей понадобилась помощь. Она попросила его сохранить тайну, опасаясь, что муж может неправильно понять ситуацию. Когда муж пришел требовать объяснений, Сергей сбивчиво и туманно отвечал, чтобы скрыть правду, придумывая множество избыточных и неправдоподобных оправданий. В то же время его колебания, паузы и использование сослагательного наклонения «бы» в пьесе демонстрируют юмор, возникающий здесь вследствие нарушения максимы способа.

Заключение

Данная работа представляет собой дискурсивный анализ типичных диалогов, нарушающих принцип кооперации, в ситкоме «Папины дочки» с точки зрения прагматики. Целью исследования является интеграция теории и практики для зрителей, позволяющая им осознать механизм возникновения юмора – это не только способствует лучшему пониманию выраженных образов персонажей, но и позволяет всем, кто знаком с этим ситкомом, кроме российского народа, глубже понять российскую культуру и механизм возникновения русского вербального юмора через призму юмористических

явлений. Таким образом, это позволяет лучше применить его в речевой коммуникации, обеспечивая межкультурной коммуникации богатый языковой материал и прочную теоретическую основу.

Библиографический список

1. Аникин, Е.Е. Стратегия сопоставления в рекламе как нарушение принципа «кооперации» / Е. Е. Аникин // Политическая лингвистика. – 2006. – № 17. – С. 126–134. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-sopostavleniya-v-reklame-kak-narushenie-printsipa-kooperatsii> (дата обращения: 02.01.2026).
2. Бельский, Ю.М. Жанровые характеристики ситкома / Ю.М. Бельский // Вестник ВГИК. – 2012. – № 11. – С. 120–132. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovyie-harakteristiki-sitkoma> (дата обращения: 02.01.2026).
3. Журчева, О.В. Жанровые и стилевые тенденции в драматургии XX века / О. В. Журчева. – Самара : Изд-во Самарского ГПУ, 2001. – 183 с. – ISBN 5-8428-0284-8.
4. Комедия // Литературный энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С. 161.
5. Мартин, Р. Психология юмора / Р. Мартин. – СПб. : Питер, 2009. – 480 с.
6. Grice, H.P. Logic and conversation / H. P. Grice // Syntax and Semantics. Vol. 3: Speech Acts / ed. by P. Cole, J. L. Morgan. – New York : Academic Press, 1975. – P. 41–58.
7. Mills, B. Television sitcom / B. Mills. – London : British Film Institute, 2006. – 185 p. – ISBN 1844570886.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УСТНОГО ПЕРЕВОДА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются методологические аспекты устного перевода в межкультурной коммуникации. Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли устного перевода на международных культурных мероприятиях. Анализируются лингвистические трудности устного перевода и основные методы их преодоления.

Ключевые слова: устный перевод; методология перевода; лингвистические трудности; переводческие стратегии.

Tsallaeva Luiza Georgievna

student

Zamaraeva Galina Nikolaevna

Research Supervisor, Assistant Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

METHODOLOGICAL ASPECTS OF INTERPRETING IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract. The article deals with methodological aspects of interpreting in intercultural communication. The relevance of the study is determined by the increasing role of interpreting at international cultural events. The paper analyzes linguistic difficulties of interpreting and the main methods used to overcome them.

Keywords: interpreting; translation methodology; linguistic difficulties; interpreting strategies.

В условиях глобализации и активного развития международных культурных связей устный перевод приобретает особую значимость как средство обеспечения эффективной межкультурной коммуникации. Международные фестивали, культурные форумы и творческие проекты становятся пространством интенсивного взаимодействия представителей различных языков и культур, что предъявляет высокие требования к профессиональной подготовке переводчика.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью методологического осмысления устного перевода в контексте межкультурной коммуникации, где переводчик выступает не только как носитель языковых знаний, но и как посредник между различными культурными системами. Цель статьи — рассмотреть основные методологические аспекты устного перевода, выявить ключевые лингвистические трудности и определить методы и приёмы их преодоления.

Устный перевод традиционно рассматривается в переводоведении как сложный вид речевой деятельности, осуществляемый в условиях временного дефицита и высокой когнитивной нагрузки. По определению В.Н. Комиссарова, специфика устного перевода заключается в одновременности процессов восприятия, осмысления и воспроизведения высказывания, что требует от переводчика высокой степени автоматизации языковых и когнитивных операций [4].

В лингвистическом аспекте устный перевод представляет собой процесс трансформации слова, фразы и текста с учётом коммуникативной ситуации, прагматической установки говорящего и культурного контекста [1, с. 23-24]. Особенно отчётливо данная особенность проявляется в рамках институционального дискурса, характерного для международных культурных мероприятий, где перевод осуществляется в официальной и полуофициальной обстановке и предполагает соблюдение норм речевого этикета и протокола [3, с. 208].

Практический опыт устного перевода на международном культурном фестивале, проходившем во Владимире в 2024–2025 гг., демонстрирует специфику межкультурной коммуникации в условиях использования английского языка в качестве языка-посредника. В процессе сопровождения делегаций из Ирана и Индии устный перевод осуществлялся по схеме английский язык — русский язык и наоборот, при этом английский язык не являлся родным ни для одной из сторон коммуникации. Данное обстоятельство существенно усложняло процесс интерпретации и усиливало когнитивную

нагрузку на переводчика.

При работе с иранской делегацией в 2024 году основная сложность была связана с крайне ограниченным уровнем владения английским языком у большинства участников коллектива. Фактически коммуникация осуществлялась преимущественно через руководителя делегации, который выступал в роли посредника между участниками, с одной стороны, и переводчиком и русскоговорящим собеседником, с другой стороны. В подобных условиях переводчик сталкивался с фрагментарными и упрощёнными высказываниями, нередко содержащими неполные грамматические конструкции, например: «*We very happy be here*», «*Program little change tomorrow*». Явные грамматические ошибки не составляют трудностей для переводчика, так как они свойственны для любого человека с низким уровнем владения английским языком. Однако, все равно стоит учитывать факт, что в таких случаях буквальный перевод был невозможен, и переводчику приходилось реконструировать смысл высказывания с опорой на контекст и коммуникативную ситуацию, используя приёмы смыслового развёртывания и перефразирования [2]. Дополнительные трудности возникали вследствие возрастных особенностей участников делегации, большинство из которых представляли старшее поколение. Медленный темп речи, необходимость повторных разъяснений и ограниченная способность к восприятию информации на неродном языке требовали от переводчика адаптации темпа перевода и упрощения синтаксических конструкций при передаче информации на переводящий язык.

В работе с индийской делегацией в 2025 году ситуация носила иной характер. Участники коллектива и сопровождающий менеджер демонстрировали более высокий уровень владения английским языком, однако трудности возникали вследствие особенностей спонтанной речи, высокой эмоциональности и отсутствия чёткой структурированности высказываний. Так, в процессе обсуждения организационных вопросов могли использоваться развернутые реплики с частыми отступлениями от темы, например: «*So, maybe after rehearsal, if time allows, and also depending on transport, we could possibly visit...*». В условиях устного перевода подобные высказывания требовали применения компрессии и смыслового обобщения, что соответствует рекомендациям, представленным в работах И. С. Алексеевой [1, с. 23-24].

Кроме того, при работе с индийской делегацией проявлялись прагма-

тические трудности, связанные с разницей в коммуникативных стилях. Молодой возраст участников, менее формальное отношение к регламенту и частая смена тем общения требовали от переводчика постоянного контроля логики коммуникации и уточнения намерений говорящих. Подобные ситуации подтверждают положение о том, что переводчик в межкультурной коммуникации выполняет не только языковую, но и координирующую функцию [3, с. 208; 5, с. 10].

В дополнении, в подобных ситуациях перевод выполнял функцию адаптации высказывания к нормам принимающей культуры, что подчёркивает медиативную роль переводчика в институциональной коммуникации [3, с. 209].

Методы и приёмы преодоления лингвистических трудностей

С точки зрения методологии устного перевода ключевую роль играют переводческие стратегии, направленные на обеспечение адекватности и функциональной эквивалентности перевода [4, с. 21].

В ходе практической деятельности на международных культурных мероприятиях наиболее востребованными оказались такие приёмы, как компрессия, перефразирование, компенсация и прогнозирование.

Использование данных методов позволяет переводчику эффективно справляться с лингвистическими и культурными трудностями, возникающими в процессе межкультурного взаимодействия. Как отмечает А.Д. Швейцер, успешность перевода во многом определяется способностью переводчика адаптировать текст к условиям конкретной коммуникативной ситуации [6, с. 172].

Библиографический список

1. Алексеева И. С. Профессиональное обучение переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. — СПб.: Союз, 2001. — 288 с. — (Библиотека переводчика).
2. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). — М.: Международные отношения, 1975. — 240 с.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с.

4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение: учебное пособие. — М.: ЭТС, 2001. — 424 с.

5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М.: Слово, 2000. — 624 с.

6. Швейцер А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. — М.: Наука, 1988. — 215 с.

УДК 81.42:81.38

Шахина Дарья Сергеевна,
студент

Койкова Татьяна Ивановна
*научный руководитель, доцент кафедры ИЯПК,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ И ОБРАЗНОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. Статья рассматривает теоретические основы лингвостилистического анализа как ключевого метода изучения художественного текста. Рассматривается специфика художественной литературы, где язык служит не только передаче информации, но и созданию эстетического эффекта и воплощению авторского замысла. В работе систематизируются основные подходы к анализу (лингвоцентрический, текстоцентрический и др.) и подробно описываются его уровни: фонетический, лексический, морфологический и синтаксический. Особое внимание уделяется роли средств художественной выразительности (тропов и стилистических фигур) в формировании образности и эмоциональной окраски произведения.

Ключевые слова: лингвостилистический анализ, художественный текст, стилистика, средства художественной выразительности, методика анализа, функциональные стили.

Shakhina Daria

Student

Koykova Tatyana

Research supervisor, Associate Professor

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University,

(Vladimir, Russian Federation)

LINGUOSTYLISTIC ANALYSIS AS A METHOD TO EXAMINE THE ROLE OF LINGUISTIC DEVICES IN CREATING EXPRESSIVENESS AND FIGURATIVENESS OF A LITERARY TEXT

Abstract. This article is devoted to the theoretical foundations of linguostylistic analysis as a key method for studying literary texts. It examines the distinctive nature of literary fiction, where language serves not only to convey information but also to create aesthetic effect and embody the author's intent. The study systematizes the main approaches to analysis (linguocentric, textocentric, etc.) and provides a detailed description of its levels: phonetic, lexical, morphological, and syntactic. Particular attention is paid to the role of expressive devices (tropes and stylistic figures) in shaping the imagery and emotional tonality of a literary work.

Keywords: linguostylistic analysis, literary text, stylistics, expressive devices, analysis methodology, functional styles.

Текст — это целостное образование, которое имеет языковую форму, т.е., включает в себя лексические единицы, грамматические формы, синтаксические связи, и назначение которого - коммуникация. Внутренняя связанность, которая является важнейшей характеристикой текста, обеспечивается единством содержания и формы, а также такими типами связи как лексические, грамматические, стилистические, логические и ассоциативные. Текст является предметом исследования такой науки как стилистика. Эта область языкознания занимается изучением системы функциональных стилей, включая индивидуально-авторские и жанровые манеры письма, а также анализирует экспрессивно-оценочный потенциал языковых средств в их речевом употреблении. Стилль - это система языковых средств и принципов их организации, закреплённая за определённой сферой человеческого общения — научной, публицистической, художественной, и других.

Художественный текст представляет собой наиболее благодатный материал для лингвистического исследования. В отличие от научной и публицистической литературы, художественная литература не предполагает точного изложения реальных фактов; читателю предлагается авторский взгляд на происходящее. Для того, чтобы придать своему произведению особую экспрессию и эмоциональность, автор использует разнообразные средства художественной выразительности. Именно особая образность и эмоциональность отличает от научных и публицистических произведений художественную литературу, которая, по мнению О.А. Майковской, выполняет эстетическую функцию. [4]

Исследование языка художественной литературы позволяет познакомиться с механизмами создания текста, помогает лучше понять замысел автора. Задача лингвостилистического анализа состоит в том, чтобы понять, как образный строй художественного произведения выражается в его речевой системе [2, С.41]. В лингвистике существуют разные подходы к проведению лингвостилистического анализа текста: лингвоцентрический, текстоцентрический, антропоцентрический, когнитивно-дискурсивный.

Лингвоцентрический подход, основанный на изучении функций языковых единиц и категорий, нацелен на рассмотрение стилистических, лексико-семантических, грамматических и фонетических единиц и позволяет выявить особенности их использования. То есть, данный подход подразумевает лингвистическое изучение текста, механизмов связи языковых и смысловых уровней текстового материала.

Цель текстоцентрического подхода - анализ смысловой структуры художественного текста, который рассматривается как особая форма общения, обладающая концептом (идеей), способная нести информацию и воздействовать на читателя. [3, С.220]

Отличительной чертой антропоцентрического подхода, что вытекает из данной формулировки, является то, что во всех теоретических аспектах научного исследования он отдает приоритет человеку. Н.В. Мельник вводит термин «лингвоперсонологический анализ», полагая, что человеческий фактор является ведущим детерминантом при исследовании художественного текста [5, С.204] При таком подходе текст анализируется через призму проявления в нем свойств языковой личности автора и / или читателя. Такой подход позволяет понять, что что в процессе создания художественного произведения участвует не только язык во всех своих проявлениях, но и писатель, способный создать воображаемый мир.

Еще один подход к изучению художественного текста реализуется через когнитивно-дискурсивную парадигму лингвистики, которая дает возможность рассматривать его характеристики в широком контексте, включающим и знания о языковой личности автора и о том, в какую эпоху происходят события, и многое другое, но, при этом, ослабляется внимание к языковой составляющей текста [6, С.709].

Итак, существуют разные подходы при изучении художественного текста; все они дополняют друг друга и обеспечивают более глубокий анализ текста в его лингвистическом аспекте. Тем не менее, многие ученые считают, что лингвоцентрический подход, в основе которого изучение механизмов функционирования языковых единиц в рамках художественного текста, - это наиболее традиционный метод проведения лингвистического анализа литературного произведения, тем более что данный подход тесно связан со стилистикой языковых единиц.

Рассмотрение подходов к проведению лингвистического анализа художественного текста непосредственно связано с изучением способов выполнения лингвистического анализа на разных уровнях языковых средств: фонологическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом. Стилистические приемы могут быть созданы на любом из перечисленных уровней. На фонологическом уровне стилистический эффект можно получить путем комбинирования особых сочетаний звуков с другими средствами или повтора одного и того же звука. Например, эффект шума в таверне создается Джеймсом Тербером в его произведении «The 13 Clock» повтором звуков [s] и [t]: «... in the town below the castle, where taverners, travelers, tale-tellers, tosspots, troublemakers, and other townspeople were gathered» [1, С.450].

Инструментом создания стилистического эффекта на лексическом уровне является богатый арсенал средств художественной выразительности: эпитеты, метафоры, сравнения, гипербола, перифраз, метонимия и др. Особые приемы синтаксического построения текста (инверсия, параллелизм, инверсия и др.) также могут быть использованы для усиления выразительности повествования. Анализ художественного текста на морфологическом уровне предполагает изучение того, как автор использует отдельные слова (существительные, глаголы, прилагательные и т.д.) для создания ярких запоминающихся образов, придания динамичности описываемых событий, превращая обычные слова в средства выразительности.

Цель лингвостилистического анализа - ответить на вопрос, какие языковые средства использовал автор для достижения запланированного им эффекта речевого воздействия и передачи заложенного им идейного и эстетического содержания. Е.А. Кульнина считает, что при выполнении лингвостилистического анализа следует придерживаться определенного порядка и предлагает конкретный алгоритм действий. По мнению ученого работу над текстом необходимо начинать со знакомства с автором произведения и историей его создания. После этого рекомендуется использовать следующую структуру: введение, основная часть и заключение [2, С.41]. Согласно предлагаемому плану, основная часть включает в себя анализ содержания и языковых единиц, а в заключении делается вывод о стилевой принадлежности художественного произведения.

Подобный анализ эффективен не только как механизм успешного лингвостилистического анализа, но и как средство изучения особенностей построения и понимания различных видов текста. Такой подход позволяет обучающимся не только сделать качественный анализ и интерпретацию прочитанного текста, но и глубоко и полно оценить строй, средства и приемы языка, а также степень их воздействия на адресата. [2, С.43]

Лингвостилистический анализ служит ключевым инструментом для проникновения в художественный мир текста, раскрывая, как через отбор и организацию языковых средств — лексических, грамматических, синтаксических, фонетических — создается его выразительность и образность. Он позволяет перейти от поверхностного восприятия сюжета к глубокому пониманию авторского замысла, эстетических принципов и эмоционального заряда произведения. Освоение методов такого анализа не только развивает филологическую компетенцию, но и обогащает читательский опыт, открывая многогранность и силу художественного слова.

Библиографический список

1. Баймухамедова К.И. и др. Фоностилистические языковые средства как способ звуковой организации английского и русского художественного текста. Вестник Удмуртского университета. Серия: История и Филология. 2019, Т.29, вып.3, с.447-460
2. Кульнина Е.А., Лингвостилистический анализ как средство изучения особенностей построения и понимания различных видов текста //

Е.А. Кульнина // Известия ВГПУ. – 2021. – С. 40-43. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvostilisticheskiy-analiz-kak-sredstvo-izucheniya-osobennostey-postroeniya-i-ponimaniya-razlichnyh-vidov-teksta> (дата обращения: 27.12.2025)

3. Ломтева Т.Н., Корякина Я.В., Теоретико-методологические подходы к лингвостилистическому анализу художественного текста в аспекте формирования профессиональной компетенции студента. Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2015 №2(47). с.219-224

4. Майковская, О.А. Лингвостилистический анализ художественного текста (на примере английского текста) [Электронный ресурс] / О.А. Майковская. – Текст : электронный. – Образовательный портал «[Nsportal.ru](https://nsportal.ru)», 2016. – URL: <https://nsportal.ru/ap/library/literaturnoe-tvorchestvo/2016/02/09/lingvostilisticheskiy-analiz-hudozhestvennogo-teksta> (дата обращения: 20.12.2025).

5. Мельник Н.В. Языковая личность и текст как предмет лингвоперсонологии русского языка. Сибирский филологический журнал, Новосибирск, №1, 2011. с.200-2007.

6. Мякишева О.В. Лингвистический анализ художественного текста как ключ к его осмыслению: когнитивно-дискурсивный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Семиотика. Семантика. 2023.Т.14, №3, с.704-718.

УДК 801.8

Юань Юйсинь

аспирант

Пинежанинова Наталья Павловна

научный руководитель,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры русского языка как иностранного

и методики его преподавания

Санкт-Петербургский государственный университет

(г. Санкт-Петербург, Россия)

**ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ
В ПОВЕСТВОВАНИЯХ ОТ ПЕРВОГО И ОТ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ АННЫ МАТВЕЕВОЙ)**

Аннотация. В статье рассматриваются лингвостилистические особенности передачи эмоций в художественном нарративе от первого и третьего лица. На материале рассказов Анны Матвеевой анализируются различ-

ные способы репрезентации эмоциональных состояний персонажей: имплицитная интеграция эмоций в структуру внутренней речи и субъективная перспектива в я-нарративе противопоставляются языковой объективации экзегетического нарратива в повествовании от третьего лица. Особое внимание уделяется влиянию выбора повествовательной позиции на глубину эмоционального погружения читателя и выразительность художественного текста.

Ключевые слова: эмоции, я-нарратив, повествование от третьего лица, субъективность, авторская перспектива, художественный текст, репрезентация эмотивности.

Yuan Yuxin

PhD Student

Pinezhaninova Natalia Pavlovna

Research supervisor,

PhD in Philology, Associate Professor,

Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching,

Saint Petersburg State University

(Saint Petersburg, Russian Federation)

FEATURES OF REPRESENTATION OF EMOTIONS IN FIRST- AND THIRD-PERSON NARRATIVES (BASED ON THE STORIES OF ANNA MATVEYEVA)

Abstract: This article examines the linguistic and stylistic features of conveying emotions in first- and third-person narrative fiction. Using stories by Anna Matveeva, it analyzes various ways of representing characters' emotional states: the implicit integration of emotions into the structure of inner speech and the subjective perspective of the self-narrative are contrasted with the linguistic objectification of exegetical narrative in third-person narration. Particular attention is paid to the influence of the choice of narrative position on the depth of the reader's emotional immersion and the expressiveness of the literary text.

Keywords: emotions, self-narrative, third-person narration, subjectivity, authorial perspective, literary text, representation of emotiveness.

В последние годы в языкознании отмечается увеличение числа исследований, посвященных вопросам выражения эмоций в тексте. Развитие

этого направления стало основанием для становления эмоциологии текста — самостоятельной дисциплины, в рамках которой акцент смещается на выявление и исследование различных аспектов передачи эмоций с помощью языковых средств. Значимым является рассмотрение семасиологических проблем, возникающих при расшифровке и трактовке эмоциональных компонентов. Выбор художественного текста в качестве ключевой единицы анализа позволяет исследовать специфику проявления эмоционально окрашенных языковых явлений [1, с. 63–68].

В художественном тексте эмоции могут проявляться как в лексике, так и в грамматических, синтаксических или стилистических конструкциях. В результате отбора языковых средств у читателя формируется эмоциональное восприятие, которое отражает индивидуальные переживания и мысли автора, воплощённые в языке. Данные единицы представляют исследовательский интерес для читателя, поскольку выполняют медиативную функцию в передаче авторских чувств, обеспечивая коммуникативное воздействие между писателем и адресатом. В представленной работе рассматривается специфика воплощения эмоций в повествованиях от первого и третьего лица, на материале рассказов Анны Матвеевой: «Остров Святой Елены», «На картине», «На озере», которые и составили основную базу исследования.

В рассказе «На озере» нарративная стратегия реализуется от первого лица, что позволяет погрузить читателя в субъективный мир главного героя и наполнить повествование неповторимой эмоциональной атмосферой. В нарративе от лица ребенка эмоциональное состояние часто не называется прямо, а соматизируется, то есть передается через физические ощущения. Синтаксический параллелизм *«уши болели — мама ругалась»* маркирует недифференцированность физического дискомфорта и психологического стресса в сознании ребенка. Кроме того, эмоциональная оценка проявляется через выбор сниженной, пейоративной лексики. Номинация соседа в самолете словом *«дядька»* (вместо нейтрального *«мужчина»*) мгновенно создает дистанцию и транслирует скрытую неприязнь героя, что характерно для детской эгоцентрической перспективы: *«...уши болели, когда он взлетал, и мама ругалась, когда я случайно мешал дядьке в соседнем кресле»* [3, с. 3].

Особого внимания заслуживает механизм моделирования эмотивного пространства текста посредством семантической оппозиции в нарративе от первого лица. В рассказе «На озере» автор выстраивает антитезу двух хронотопов между озером сценическим и реальным, что позволяет соотнести

актуальное восприятие героя с его внутренней картиной мира. В данном контексте эмоция перестает быть объектом внешней дескрипции и интегрируется непосредственно в структуру нарратива. В ключевые моменты перцептивный модус вытесняет рациональную рефлексия: *«Я смотрю на озеро, на то озеро, что на сцене, смотрю, как лебедина и колготочник танцуют друг с другом, и вспоминаю другое озеро — наше с папой»* [3, с. 13]. Таким образом, эмоциональное состояние протагониста вербализуется не через прямые эмотивы-номинативы названия чувств, а через контекстуальный контраст, маркирующий тоску по отсутствию семьи и отцу.

В рассказе «На озере» отчетливо прослеживается корреляция между нарративной стратегией и способами вербализации эмотивных смыслов. Выбор повествовательной позиции детерминирует специфику трансляции эмоционального состояния героя. Субъективный мир ребенка — его мысли, тревоги, внутренние сомнения, которые конструируются через повторяющийся глагол *«подумал»*. Примечательно, что лексема с позитивной оценочной семантикой *«понравится»* вводится в текст через речь матери *«Мама сказала, что мне понравится»*, маркируя модальность ожидания матери. Собственная же рефлексия ребенка строится на противопоставлении, выражается с помощью союза *«а»*, *«но»* и темпорального маркера *«сначала»*, *«потом»*: *«Мама сказала, что мне понравится, а я сначала подумал, что это будет опять то же самое озеро, на которое мы ездили вместе с папой, летом. Но потом я подумал, что папы здесь нет...»* [3, с. 3]. Явные эмоции не артикулируются, вместо этого текст выстраивает ощущение внутренней неуверенности и растерянности героя в нарративе детского от первого лица, позволяя читателю почувствовать их самому.

В структуре я-нарратива динамика эмоционального состояния реализуется через экспрессивный синтаксис и разговорные маркеры. Дискурсивный маркер *«вообще-то»* в сочетании с многосоюзием и повтором отрицаний *«не хотел... не хочу»* создает эффект эмоциональной кумуляции, демонстрирует использование градации отрицания, которая формирует модальность отторжения. В этом фрагменте герой вербализует свое сопротивление навязанным обстоятельствам: *«Я вообще-то не хотел переезжать в Петербург, и на это озеро с Глебсоном и мамой я тоже идти не хочу»* [3, с. 4]. Кульминацией эмоционального напряжения становится переход от реального плана повествования к ирреальному. Вводная конструкция *«как будто»* в предложении *«...и я — как будто! — снова дома»* маркирует семантический сдвиг: *«Я закрываю глаза и представляю, что на месте Глебсона*

– папа... Пока лежишь, пока темно, во всё это можно запросто поверить: ночью всё возвращается, и я – как будто! – снова дома» [3, с. 6]. В данном примере фантазия выполняет компенсаторную функцию, позволяя герою через форму фантазии, становятся частью его внутренней защиты.

В рассказе «Остров Святой Елены» повествование ведется от третьего лица и автор использует прием несобственно-прямой речи (НПР), позволяющей совместить планы автора и персонажа. Во фразе «*Николя — так, на французский манер, она стала его называть*» происходит сдвиг дейктического центра [4, с. 4]. В данном примере автор с помощью словосочетания «*на французский манер*» создает эмоциональный эффект иронической дистанции, транслируя наивные иллюзии героини (сравнение возлюбленного с Наполеоном), но при этом сохраняет критический взгляд. В отличие от я-нарратива, эмоциональное погружение сопровождается скрытой авторской оценкой, подчеркивающей иллюзорность мира героини.

Смена нарративной стратегии в рассказе «Остров Святой Елены» трансформирует способы репрезентации эмотивности: переход к третьему лицу позволяет автору занять позицию аналитического наблюдателя, эксплицирующего скрытые психологические мотивы. Если в я-повествовании доминирует непосредственность переживания, то в нарративе третьего лица эмоциональный опыт героини подвергается персонажу и окружающей среде. Фигура матери, определяющая подавленное состояние Лены: «*Мама родила Лену поздно и потому думала, что дочь — ее личная собственность...*» [4, с. 1]. Таким образом, нарратор не просто фиксирует эмоцию, а вскрывает её генезис, замещая субъективную речь персонажа всезнающим повествованием, что создает необходимую для анализа эстетическую дистанцию.

В повествовании от третьего лица передача состояния аффекта осуществляется посредством детализации соматических реакций. Сцена побега героини строится не на прямой номинации чувств, а на психофизическом параллелизме: внутреннее страдание объективируется через внешние проявления: «*Лена бежала долго, пока не начала задыхаться... Она уже не плакала, только по привычке всхлипывала, и еще брови у нее никак не могли опуститься, заняв страдальческое место на лбу почти у кромки волос*» [4, с. 3]. В этом фрагменте эмоция растянута во времени и обозревается внешним наблюдателем, тогда как нарратив от первого лица, напротив, разбивает подобные состояния на короткие фрагменты и синтаксически нестабильные конструкции.

Когда речь вновь переходит к повествованию от первого лица в рассказе «На картине», переживание героини связывается с её речью предельно тесно. Уже вначале звучит усталость, выраженная с помощью образного переосмысления. Идиома «*кривить душой*» трансформируется героиней в развернутую метафору, которая позволяет материализовать абстрактное понятие совести, превращая душевный дискомфорт в почти физическое ощущение искривленности, деформации внутреннего мира. В этом фрагменте чувство становится метафорой, а не прямым сообщением: «*Я так устала кривить душой! Уже душа, кажется, стала кривой*» [2, с. 16]. Героиня превращает внутренний диалог в формат письменного общения сама с собой: «*Иногда я так устаю, что пишу сама себе письма с приободрениями — и отправляю их с одного ящика на другой*» [2, с. 1]. Такая псевдокоммуникация раскрывает её отчуждённость и внутреннюю разобщённость. Язык сновидения и иносказания дополняет спектр психологических состояний героини, проявляясь в выразительных характеристиках вроде «*редкостно гадкое болото*», «*зеленела сопливая и густая жидкость*», что символизирует ощущение внутренней тяжести и отчуждения [2, с. 1]. В пиковом моменте звучит резкая фраза-отказ: «*Нет! Ни за что!*» [2, с. 14], и эта короткая реплика разительно отличается от более развернутых психосоматических описаний, фокусируя эмоциональный накал в одном высказывании.

Финал рассказа не приносит полной разгрузки. Ощущение изнеможения не исчезает, однако занимает уже не центральное место в душе героини — теперь оно становится лишь частью более широкого эмоционального потока: «*Я так устала кривить душой. Но пока Тася рядом, это неважно. И не страшно, что будет потом*» [2, с. 16].

В отличие от нарратива, где повествование ведется от лица ребенка и эмоции переживаются непосредственно, взрослый нарратор в рассказе «На картине» подвергает свои чувства рефлексии и риторической обработке. Фраза «*Уже душа, кажется, стала кривой*» представляет собой деидиоматизацию метафоры «кривить душой». Героиня оживляет стертую языковую метафору, превращая её в физический образ. Это свидетельствует о том, что в нарративе взрослого эмоции опосредованы сложным когнитивным кодом, тогда как в детском нарративе «На озере», которые выражаются через перцептивные и соматические маркеры. В целом, повествование от первого лица способствует встраиванию эмоций в ткань речи и позволяет считывать их, даже не называя прямо. Нарратив третьего лица, напротив, подразумевает дистанцию и рациональную обработку чувств, задаваемую авторским

взглядом. Эта разница подтверждает — нарративная перспектива формирует способы и стилистику воплощения эмоциональных состояний в художественном тексте.

Вопрос выразительности эмоций в нарративе тесно связан с выбором повествовательной перспективы. Когда нарратив разворачивается от первого лица, эмоции органично вплетаются в поток внутренней речи, становятся частью субъективного восприятия, а не внешним объектом описания. Состояния персонажа воспринимаются как фрагментарные, подвижные, зачастую невысказанные напрямую, что приближает читателя к его личному переживанию мира и усиливает эффект сопричастности. В повествовании от третьего лица эмоции получают языковую отчуждённость и раскрываются посредством экзегетического нарратива. Такая перспектива акцентирует аналитичность и позволяет выстраивать дистанцию между персонажем и читателем. Таким образом, выбор нарратива определяет не только способы репрезентации эмоций, но и саму структуру эмоционального опыта персонажа, формируя уникальную тональность художественного текста.

Библиографический список

1. Абросимова Л.С., Ключко Н.Г. Языковая репрезентация эмоции «радость» в русской и английской современной прозе / Л. С. Абросимова, Н. Г. Ключко // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 63–68.
2. Матвеева А.А. На картине: рассказ // Журнал «Урал». 2012. № 2. С. 1–16.
3. Матвеева А.А. На озере: рассказ // Журнал «Урал». 2007. № 8. С. 1–14.
4. Матвеева А.А. Остров Святой Елены: рассказ / А. Матвеева // Новый мир. 2001. № 3. С. 1–13.

Раздел IV
ИННОВАЦИОННЫЕ ИДЕИ И ТРЕНДЫ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ
INNOVATIVE IDEAS AND TRENDS IN LINGUODIDACTICS

УДК 81

Баранцев Артем Дмитриевич

студент

Гайлит Марина Васильевна

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Алек-

сандра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
(CHATGPT, DEEPSEEK) ДЛЯ СОЗДАНИЯ КОНТЕКСТУАЛЬНЫХ
ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ

Аннотация. В статье анализируется потенциал языковых моделей ChatGPT и DeepSeek для создания контекстуальных лексико-грамматических упражнений в обучении иностранным языкам. Рассмотрены их дидактические возможности: генерация адаптивных контекстов и упражнений, глубокая персонализация. Сравниваются сильные стороны моделей: креативность ChatGPT и точность, бесплатность DeepSeek. Делается вывод об эффективности ИИ в преодолении ограничений традиционных методик и необходимости разработки педагогических стратегий его интеграции.

Ключевые слова: большая языковая модель (LLM), искусственный интеллект (ИИ), ChatGPT, DeepSeek, генеративный ИИ, контекстуальные упражнения, лексико-грамматические упражнения, персонализация обучения, методика преподавания иностранных языков.

Barantsev Artem Dmitrievich

student

Gailit Marina Vasilyevna

*Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Language for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE (CHATGPT, DEEPSEEK) FOR CREATING CONTEXTUAL VOCABULARY AND GRAMMAR EXERCISES

Abstract. The article analyzes the potential of the language models ChatGPT and DeepSeek for creating contextual lexico-grammatical exercises in foreign language teaching. It examines their didactic capabilities: the generation of adaptive contexts and exercises, and deep personalization. The models' strengths are compared: ChatGPT's creativity versus DeepSeek's accuracy and free access. The conclusion highlights the effectiveness of AI in overcoming the limitations of traditional teaching methods and emphasizes the necessity of developing pedagogical strategies for its integration.

Key words: large language model (LLM), artificial intelligence (AI), ChatGPT, DeepSeek, generative AI, contextual exercises, vocabulary and grammar exercises, learning personalization, foreign language teaching methodology.

Стремительное развитие цифровых технологий выводит на первый план искусственный интеллект, который становится ключевым драйвером трансформации в различных сферах. В последние годы одним из важнейших направлений в области искусственного интеллекта являются большие языковые модели (LLM), которые произвели революцию во многих отраслях и аспектах нашей жизни (чат-боты, написание текстов и переводов), такие как ChatGPT [1]. Этот инструмент, захвативший мировое внимание за рекордно короткие сроки, демонстрирует невероятную функциональность — от создания связных текстов и переводов до программирования, — что порождает смешанную реакцию в академическом сообществе. Сфера образования, с одной стороны, пребывает в изумлении перед открывающимися перспективами, а с другой — испытывает опасения, связанные с рисками

«академической непорядочности» и фундаментальными изменениями в самой архитектуре учебного процесса.

Эволюция ИИ в языковом образовании прошла путь от алгоритмических сервисов перевода (Google Translate, Yandex) к более совершенным нейросетевым моделям (DeepL) и, наконец, к генеративному искусственному интеллекту. Современные инструменты, к которым относятся ChatGPT и DeepSeek, преодолели статус вспомогательных утилит, превратившись в мощные педагогические платформы. Они способны придать обучению глубоко персонализированный и интерактивный характер, предлагая выход за рамки традиционных методик, которые зачастую страдают от невозможности гибкой адаптации к индивидуальным потребностям обучающихся.

Таким образом, современное образовательное пространство стоит перед необходимостью срочного осмысления новой реальности. С одной стороны, существует настоятельная потребность идти в ногу с технологиями, используя их потенциал для создания контекстуально насыщенных, адаптивных лексико-грамматических заданий, способствующих полноценному погружению в языковую среду. С другой стороны, критически важно выработать этические рамки и стратегии ответственного использования нейросетей, открыто обсуждая с обучающимися как преимущества, так и риски.

Целью данной статьи является анализ дидактического потенциала больших языковых моделей (на примере ChatGPT и DeepSeek) для создания контекстуальных лексико-грамматических упражнений.

Контекстуальные и прагматические подходы выделяют использование языка в определенных контекстах и ситуациях, а принципы обучения включают создание сценариев и моделирование ситуаций, которые студенты встречают в своей профессиональной деятельности, например, обучение деловому письму, навыкам ведения переговоров и презентаций, создание стратегий межкультурного общения [2].

Современная методика преподавания иностранных языков всё больше смещается от изолированного, деконтекстуализированного представления языковых явлений к их интеграции в осмысленные и релевантные для обучающегося ситуации.

Традиционные учебные пособия часто ограничены в возможности предоставить такой персонализированный и разнообразный контекст для каждого ученика или группы. Генеративный искусственный интеллект

(GenAI) предлагает принципиально новый способ преодоления этого ограничения.

ChatGPT и DeepSeek представляют собой разновидности трансформерных нейросетей, способные к ведению диалога, решению задач и генерации текстов. В контексте педагогического применения можно выделить их ключевые характеристики:

Функциональная основа: Обе модели являются тексто-генераторами с пониманием контекста диалога. Они способны создавать связные повествования, диалоги, описания, аргументативные тексты, что является идеальной основой для контекстуализации упражнений.

Дидактические возможности:

Создание контекста: Модель может мгновенно сгенерировать микро-текст или диалог на заданную тему, соответствующий определенному уровню языковой сложности (A1–C2).

Генерация заданий: По инструкции преподавателя (промпту) ИИ может создать разнообразные типы упражнений (подстановочные, трансформационные, на множественный выбор, на восстановление порядка слов) непосредственно внутри созданного контекста.

Адаптация и дифференциация: Любой сгенерированный материал может быть мгновенно упрощен, усложнен или переформатирован под нужды конкретной группы или ученика.

Объяснение правил и анализ ошибок: Модели могут формулировать грамматические правила доступным языком и предлагать варианты исправления ошибок, выступая в роли ассистента, который постоянно работает.

Сравнительные аспекты для педагога:

1. ChatGPT – способен генерировать полностью новый контент, организуя уже существующую информацию новыми способами. ChatGPT использует обширные метаданные из интернета и отличается способностью распознавать входные данные на естественном человеческом языке и формировать выходные данные, которые легко воспринимаются человеком [3]. Обладает высокоразвитыми диалоговыми способностями, силен в креативном построении нарративов. Имеет платную версию с доступом к более мощной модели (GPT-4), способной на более сложные рассуждения. Может требовать более детальных промптов для абсолютной точности.

2. DeepSeek – китайская LLM, которая по-настоящему взбудоражила не только местный рынок, но и мировое сообщество экспертов в сфере ИИ, обрушив акции многих компаний и подтвердив тезис, что у стартапов

в сфере искусственного интеллекта до сих пор есть большая перспектива и возможность оказывать ключевое влияние на развитие отрасли [4]. Полностью бесплатный инструмент с широким контекстным окном (способен обрабатывать и генерировать очень длинные тексты), что полезно для создания серий связанных упражнений. Демонстрирует высокую точность в понимании технических инструкций и часто более «предсказуем» в выполнении строгих дидактических задач. Работает в веб-интерфейсе и через мобильное приложение.

Таким образом, анализ подтверждает высокий дидактический потенциал больших языковых моделей ChatGPT и DeepSeek для создания контекстуальных лексико-грамматических упражнений. Эти инструменты позволяют преодолеть ключевое ограничение традиционных методик — недостаток персонализации и адаптивности, — предлагая педагогу возможность мгновенно генерировать осмысленные контексты и разнообразные типы заданий, точно соответствующие уровню и потребностям учащихся. Сравнивая модели, можно отметить сильные стороны каждой: ChatGPT в креативном построении нарративов, а полностью бесплатный DeepSeek — в точности выполнения строгих дидактических инструкций и работе с длинными текстами. Однако эффективное использование данного потенциала требует от педагогического сообщества не только технологического освоения инструментов, но и разработки продуманных стратегий интеграции генеративного ИИ в учебный процесс, превращая его из источника вызовов в ресурс для глубокой персонализации обучения.

Библиографический список

1. Арзютова С. Использование CHATGPT в обучении английскому языку//Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. №16 с. 39-47// URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-chatgpt-v-obuchenii-angliyskomu-yazyku/viewer> (Дата обращения 13.01.2026)
2. Шилова Ю. К вопросу о содержании обучения деловому английскому языку в неязыковом вузе в условиях современных реалий бизнеса//Современное педагогическое образование №7 2024 с. 285-287// URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-soderzhanii-obucheniya-delovomu-angliyskomu-yazyku-v-neyazykovom-vuze-v-usloviyah-sovremennyh-realiy-biznesa/viewer> (Дата обращения 13.01.2026)

3. Садовкин А.А., Зорина М.В. Распределение экономического потенциала между странами на рынке искусственного интеллекта// Economy and Business: Theory and Practice, vol. 1-2 (119), 2025 с. 171 -175// URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/raspredelenie-ekonomicheskogo-potentsiala-mezhdu-stranami-na-rynke-iskusstvennogo-intellekta> (Дата обращения 13.01.2026)

4. Ройтберг, Г.Е., Шархун, О.О., Буланова, Н.А., Сланикова, И.Д. Нейросеть CHATGPT в здравоохранении: от обучения студентов до мониторинга заболеваний // Методология и технология непрерывного профессионального образования №3 (19) 2024 с. 29-32 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyroset-chatgpt-v-zdravoohranenii-ot-obucheniya-studentov-do-monitoringa-zabolevaniy> (Дата обращения 13.01.2026)

УДК 378.147.34

Богданов Кирилл Романович

магистрант

Морохова Ольга Александровна

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ НАПРАВЛЕНИЙ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Аннотация. Задача исследования – сформулировать принципы разработки учебно-методических материалов с учетом влияния современных лингводидактических исследований и цифровых технологий и апробировать результаты их внедрения в практической деятельности (на примере обучения английскому языку студентов-бакалавров нелингвистических направлений подготовки). Модель исследования представляет собой теоретический анализ научных разработок по теме исследования и эксперимент, включающий количественный анализ, анкетирование, опрос, обобщение. Результаты исследования показали, что реализация в практической деятель-

ности сформулированных принципов разработки учебно-методических материалов оказывает положительное влияние на результат формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов с учетом их профессиональной направленности. Направление дальнейших исследований связано с дифференциацией принципов разработки учебно-методических материалов для разных уровней образования. Данное исследование оказывает влияние на сферу высшего профессионального образования в области обучения английскому языку студентов-бакалавров нелингвистических направлений подготовки. Ценность исследования состоит в том, что в работе аккумулируются последние достижения в области лингводидактики, выявлены актуальные принципы разработки учебно-методических материалов с учетом влияния цифровых технологий и апробированы результаты их внедрения в практической деятельности.

Ключевые слова: учебно-методические материалы; английский язык; лингводидактика; мягкие навыки; цифровизация; высшее профессиональное образование; междисциплинарные связи; коммуникативный подход; обучение на основе задач

Bogdanov Kirill Romanovich

Master's student

Morokhova Olga Alexandrovna

*Research supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

**PRINCIPLES OF DEVELOPING EDUCATIONAL
AND METHODOLOGICAL MATERIALS IN ENGLISH
FOR STUDENTS OF NON-LINGUISTIC SPECIALTIES: THEORY
AND PRACTICE**

Abstract. The objective of this study is to formulate a concept for developing teaching and methodological materials, taking into account global linguodidactic research and digital technologies, and to test the results of their development in practice (using the example of teaching English to undergraduate students in non-linguistic areas of study). The research model consists of a theoretical analysis of scientific research on the topic and an experiment, including quantitative

analysis, questionnaires, a survey, and a summary. The results demonstrate that the practical implementation of formal changes to the development of teaching and methodological materials has a positive impact on the development of students' foreign language communicative competence, taking into account their professional focus. Further research focuses on differentiating the principles of developing teaching and methodological materials for different levels of education. This study has implications for higher education in the field of English language teaching to undergraduate students in non-linguistic fields. The study's value lies in its integration of the latest advances in linguodidactics, identification of relevant principles for developing teaching and methodological materials, taking into account the impact of digital technologies, and validation of their practical implementation.

Keywords: teaching and learning materials, English language, linguodidactics, soft skills, digitalization, higher professional education, interdisciplinary connections, communicative approach, task-based learning

Современная система образования ставит перед преподавателями иностранного языка новые задачи. Особенно это касается студентов неязыковых направлений, для которых английский язык является не целью, а средством профессиональной коммуникации. Актуальность разработки учебно-методических материалов (УММ) обусловлена необходимостью интеграции в мировое образовательное и профессиональное пространство, а также ростом значимости цифровых технологий. Введение в курс английского языка элементов мягких навыков и междисциплинарных связей позволяет формировать не только языковую, но и профессиональную компетенцию.

Обучение иностранному языку должно быть направлено на моделирование реальных условий общения, что особенно важно для подготовки специалистов в инженерии, медицине, экономике и других областях [1]. При рассмотрении теоретических основ разработки учебно-методических материалов необходимо развести ключевые термины. English for specific purposes (ESP) – это английский под конкретные профессиональные роли: инженеры, специалисты в области информационных технологий, экономисты работают с такими жанрами как спецификация, бриф, техзадание, патент, письмо подрядчику. English for academic purposes (EAP) – академический маршрут, который подразумевает рассмотрение таких жанров как аннотация и обзор статьи, постер, доклад, оформление ссылок и метадискурс

в контексте научной коммуникации [2–4]. Фундамент разработки учебно-методических материалов для студентов неязыковых направлений задает логика ESP / EAP: курс опирается на конкретные профессиональные и академические коммуникативные задачи обучающихся, а не на абстрактный перечень грамматических тем. В этом русле учебно-методические материалы проектируются от анализа потребностей к отбору жанров и речевых ситуаций, типичных для дисциплины (инженерия, экономика, ИТ), и далее – к формулировке результатов обучения в терминах общеевропейской шкалы владения иностранным языком – Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) [5–6].

Теоретическую рамку составляют коммуникативный подход и обучение на основе задач: язык осваивается через выполнение осмысленных задач, близких к профессиональной практике (аннотация статьи, подготовка брифа, защита проекта, чтение спецификаций) [7–9].

С позиций психологии обучения важны идеи социокультурной теории: освоение нового идет в зоне ближайшего развития, поэтому учебно-методические материалы должны предусматривать пошаговую поддержку, коллаборативные форматы и постепенное снятие опор. Для цифровой среды критичны когнитивная теория мультимедийного обучения и теория когнитивной нагрузки: избыточные каналы, перегруженные слайды и несогласованные инструкции снижают усвоение, и, наоборот, модульность, сигнализация и дозирование материала повышают результат [10–15].

Наконец, современная цифровая дидактика предполагает осмысленную интеграцию технологий: не ради «эффекта новизны», а в логике Technological Pedagogical Content Knowledge (TPACK) и Substitution, Augmentation, Modification, Redefinition (SAMR) – модели интеграций технологий и образования, когда технологические решения поддерживают содержание и методику, повышая уровень задач от простой замены к трансформации деятельности [16–17].

Проведенный теоретический анализ позволил сформулировать принципы разработки учебно-методических материалов для студентов-бакалавров неязыковых направлений подготовки:

1) целеполагание и структурирование: цели сформулированы в контексте предъявляемых требований и согласуются с типами заданий и критериями оценивания;

2) профессиональная направленность (ESP/EAP): тексты, жанры и задачи соответствуют целевым дискурсам (от технических отчетов до постеров и питчей);

3) коммуникативность и задачность: освоение языка происходит через сочетание традиционных языковых упражнений с решением проблемных, межличностных и проектных задач;

4) аутентичность и актуальность языкового материала: приоритет реальных кейсов, стандартов и корпусов; обновление примеров и данных;

5) модульность и спиральность: возврат к ключевым умениям с усложнением контекста и критериев на каждом витке;

6) управление когнитивной нагрузкой и мультимедийность: дозирование, визуальные подсказки, согласование каналов (текст+графика), отказ от «шумных» эффектов;

7) персонализация и вариативность: гибкие траектории, выбор заданий и тем, поддержка разных уровней (A2 – B2 по CEFR);

8) интеграция soft skills: коллаборация, критическое мышление, публичные выступления, которые находят свое воплощение и в критериях оценивания;

9) академическая добросовестность и работа с источниками: обучение суммированию, перефразированию, ссылкам; проверка оригинальности с формирующей обратной связью;

10) цифровая дидактика: выбор технологий по логике TRACK/SAMR (корпуса, Learning Management Systems (LMS), реакторы карточек, авто-проверка), а не «технологии ради технологий».

Практическая реализация принципов разработки УММ представляет собой маршрут, при котором технологии не подавляют содержание. При ориентации на TRACK мы отвечаем на три вопроса – что именно из содержания нам важно (Content), каким образом это лучше преподнести обучающимся (Pedagogy), и какая технология может реально помочь (Technology).

В той же логике движемся по шкале SAMR: от простой замены (S) – PDF вместо бумажной раздатки – к усилению (A) – встройка глоссария и выделение терминов; затем к модификации (M) – совместная разметка статьи с критериями; и к предопределению (R) – мини-исследование с корпусным анализом коллокаций и публичным представлением «Design Pitch». Такой переход ощутимо повышает глубину действий студентов и делает результат проверяемым по прозрачным критериям.

В практической части опишем каркас курса «English for Engineering (B1–B2)». Цель – сформировать умения работать с профессиональными жанрами и задачами: извлечение данных из технических текстов, описание процессов, визуализация результатов, устная защита решений.

Структура модуля (4–6 недель): (а) входной жанровый анализ (анкета потребностей, образцы, критерии); (б) языковая подготовка (лексика, коллокации, грамматика «под задачу»); (в) TBLT-цикл: pre-task → task → report → language focus; (г) рефлексия и самооценка по дескрипторам CEFR.

Примером может служить задания «Design Pitch» для инженерного профиля подготовки. Студенты в группах предлагают улучшение узла (например, теплообменника), готовят 2-страничный бриф, схему и 5-минутную защиту с ответами на вопросы. Оценивание проходит по выделенным критериям: содержание, аргументация, точность и уместность терминологии, структурированность, визуализация, взаимодействие.

Цифровая поддержка включает корпусные запросы для проверки коллокаций, LMS-чек-листы, авто-квизы на лексику (spaced repetition), аннотация статей в совместных заметках. При этом формат интегрируется по SAMR – от замены до трансформации, включая совместное моделирование и симуляции. Для включения CLIL-элементов привлекаются преподаватели профильных кафедр (совместные мини-кейсы), что усиливает предметность и мотивацию.

Методология исследования строилась как смешанная (mixed-methods) с преобладанием квази-испытательного дизайна. В выборку были включены две академические группы 2 курса неязыковых направлений подготовки, сравнимые по уровню входной подготовки (A2+/B1 по CEFR).

Задания для инженерных направлений подготовки включали

(1) чтение аутентичного текста: студентам предлагается фрагмент технической инструкции. Задание: выделить ключевые термины, перевести и обсудить их применение.

(2) ролевую игру: защита инженерного проекта. Один студент выступает в роли докладчика, другие – членов комиссии, задающих вопросы.

(3) анализ soft skills: дебаты на тему «Будущее зеленых технологий». Студенты делятся на две группы, аргументируя разные позиции.

(4) цифровое задание: создание карточек в Quizlet по профессиональной лексике.

В ходе эксперимента использовались следующие инструменты: (1) пред-/пост-тест по профессиональной лексике; (2) рубрикатор для устной

защиты проекта (содержательная и языковая шкалы); (3) анализ письменных работ по критериям жанра (ЕАР); (4) анкетирование удовлетворенности и самооффективности; (5) полуструктурированные интервью с фокус-группой.

Процедура проведения эксперименты включала 8–10 недель внедрения TBLT/CLIL-модулей с принципами; контрольная группа обучалась по традиционным УММ. Данные собирались в начале и в конце семестра; экзаменационные работы кодировались и проверялись двумя независимыми экспертами ($\kappa > 0,7$).

Анализ результатов включал описательную статистику, проверку различий, корреляции между вовлеченностью и приростом; качественный контент-анализ рефлексивных комментариев. Все этапы проводились с учетом этических параметров, таких как информированное согласие, анонимизация, добровольность участия.

Результаты апробации подтвердили рабочую гипотезу: в экспериментальной группе отмечалась выраженная положительная динамика по критериям жанровой адекватности и терминологической точности в устных защитах и письменных брифах; рост лексической полноты и устойчивость коллокаций (по тесту на продуктивное воспроизведение). Например, частота неверных коллокаций типа *make a research* вместо *do / carry out research* по данным пред-/пост-тестов снизилась ориентировочно с 18–22% до 7–10%. В рубрикаторе устной защиты средний балл по показателю «терминологическая точность» вырос на 1,0–1,5 пункта по шкале 0–5, а «структурирование аргумента» – на 0,8–1,2 пункта. Кроме того, доля студентов, которые в отчете корректно визуализируют результаты с представлением схемы / диаграммы без лишней «шумовой» графики, увеличилась с ~45-50% до ~70-78%, демонстрируя небольшой, но устойчивый прирост.

Качественные данные указывают на повышение учебной автономии и готовности к публичной коммуникации в профессиональном контексте; студенты отдельно отмечали полезность чек-листов и корпусных проверок коллокаций. Вместе с тем, фиксировались трудности с дозированием материала и управлением временем при групповых проектах – это требует дополнительной тренировки и пересмотра объема домашних заданий.

Обобщая результаты исследования следует отметить, что, современная концепция обучения иностранному языку в нелингвистическом вузе аккумулирует идеи коммуникативности и проблемности, личностной и про-

фессиональной ориентированности. Внедрение принципов УММ, спроектированных с учетом профессиональной ориентации и опорой на цифровую дидактику, демонстрирует педагогическую целесообразность и воспроизводимость в неязыковых направлениях. Разработка УММ по английскому языку для студентов неязыковых направлений должна учитывать профессиональные потребности, интегрировать актуальные аутентичные материалы, цифровые ресурсы и разработанные критерии для оценивания soft skills. Это позволяет не только повысить уровень владения языком, но и подготовить студентов к профессиональной иноязычной коммуникации.

Библиографический список

1. Бессарабова, О.Н. Особенности отбора предметно-тематического содержания при обучении иностранному языку студентов технических вузов / О.Н. Бессарабова // Глобальный научный потенциал. – 2024. – № 11 (164). – С. 146–150.
2. Быкадорова, Е.С. Содержание и структура мультимедийного учебно-методического комплекса «Английский язык для инженеров механиков / Е. С. Быкадорова // Мир науки, культуры и образования. – 2011. – № 6-1. – С. 129–134.
3. Восковская, А.С. К вопросу о психологии обучения иностранному языку в неязыковом вузе / А.С. Восковская, Т.А. Карпова // Современное педагогическое образование. – 2020. – № 3. – С. 44-51.
4. Гаевская, Е.Г. Развитие методов электронного обучения в контексте цифровых гуманитарных наук / Е.Г. Гаевская, Н.В. Борисов, Р. Шадиев // International Journal of Open Information Technologies. – 2021. – № 12. – С. 60–67.
5. Преснухина, И. А. Функциональный подход к иноязычному образованию инженерных кадров / И. А. Преснухина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 4. – Т. 7. – С. 21.
6. Сафонова, В.В. Вузовский УМК по иностранному языку как инструмент развития у студентов культуры международного партнерства / В.В. Сафонова // Учитель. Ученик. Учебник : материалы IX Международной научно-практической конференции, Москва, 18–19 октября 2018 года. – Москва: КДУ, 2019. – С. 11-14.

7. Сидакова, Н.В. Иноязычное образование как реальная ценность в профессиональном становлении студентов лингвистических специальностей / Н. В. Сидакова // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – Т. 8, № 4(29). – С. 150-153. DOI 10.26140/bgз3-2019-0804-0031.
8. Танцура, Т.А. CLIL в контексте обучения иностранному языку в современном вузе / Т.А. Танцура // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 4(83). – С. 161-162. DOI 10.24411/1991-5497-2020-00715.
9. Coyle, D. CLIL: Content and Language Integrated Learning / D. Coyle, P. Hood, D. Marsh – Cambridge: Cambridge University Press. 2010. – 180 p.
10. Ellis, R. Task-based Language Learning and Teaching / R. Ellis Oxford: Oxford University Press. – 2003. – 404 p.
11. Dudley-Evans, T. Developments in English for Specific Purposes / T. Dudley-Evans, M. J. St. John. Cambridge: Cambridge University Press. – 1998. – 320 p.
12. Duong, T. H. The TPACK's impact on language teaching in tertiary education / T. H. Duong // In Situ. – 2024. – № 4. – P. 90-96.
13. Hutchinson, T. English for Specific Purposes: A Learning-Centred Approach / T. Hutchinson, A. Waters Cambridge. Cambridge University Press, 1987. – 200 p.
14. Kendon, T. SAMR and TPACK: Two models to help with integrating technology into your courses / T. Kendon, L. Anselmo. URL: <https://taylorinstitute.ucalgary.ca/resources/SAMR-TPACK> (дата обращения: 16.09.2025).
15. Nunan, D. Task-Based Language Teaching / D. Nunan – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 238 p.
16. Skehan, P.A Cognitive Approach to Language Learning / P.A Skehan – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 233 p.
17. Stoller, F. Research Perspectives on English for Academic Purposes URL: https://www.academia.edu/29721451/Research_Perspectives_on_English_for_Academic_Purposes. (дата обращение: 12.09.2025).

УДК 378.147

Васючкова Ольга Ивановна

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов ФСК*

Ковалёнок Татьяна Васильевна

*доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов ФСК,
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ЦИФРОВОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ УЧЕБНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме методики преподавания иностранного языка – цифровому проектированию материалов для вузов нефилологического профиля. Обсуждаются значимость этой работы в высшей школе, основные направления, содержание учебных материалов. Предлагаются эффективные подходы к созданию электронных курсов для заочной формы получения высшего образования.

Ключевые слова: электронная образовательная среда; цифровой дизайн; заочная форма обучения; автономное обучение; структурированная обратная связь.

Vasuchkova Olga Ivanovna

*PhD in Philology,
Associate Professor, Department of English for Humanities*

Kovalyonok Tatyana Vasiliyevna

*Associate Professor, Department of English for Humanities
Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)*

DIGITAL DESIGN OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING MATERIALS

Abstract. The article deals with the relevant issue of foreign language teaching, which is digital design of learning materials for university students. The role, main directions, content of the activities in question are discussed. Approaches to raising the effectiveness of electronic language courses for part-time students are suggested.

Key words: e-learning environment; digital design;; part-time learning; autonomous learning; structured feedback.

Сегодня перед высшей школой стоит задача создания качественной электронной образовательной среды, включающей специализированные учебные онлайн-ресурсы, в особенности цифровые учебники, существенно отличающиеся от традиционных методов подачи материала.

Электронная обучающая среда Белорусского государственного университета формируется на основе интенсивного применения учебной платформы *Moodle*. Этот выбор обусловлен популярностью данной веб-платформы среди образовательных учреждений разных стран, а также ее значительным педагогическим потенциалом и разнообразием технических возможностей, позволяющих эффективно организовать процесс освоения знаний студентами в высшем учебном заведении [1, с. 500]. В настоящей статье речь пойдет о цифровом проектировании учебных материалов по иностранным языкам для студентов заочной формы обучения на кафедре английского языка гуманитарных факультетов ФСК БГУ, которое нацелено на создание современного, качественного, эффективного и доступного контента, отвечающего потребностям обучающихся. Поскольку при организации учебного процесса на заочной форме обучения автономное обучение преобладает над аудиторным, разработка подобных материалов приобретает особую значимость. Обсуждаемый контент размещается на портале кафедры в рамках электронного курса *Learning English Part-Time* «Изучаем английский заочно» (<https://eduenglish.bsu.by/course/view.php?id=15>), работа с которым осуществляется в формате смешанного обучения, что предполагает проектирование цифрового продукта не в качестве замены существующих учебных материалов, а как дополнение к системному взаимодействию с преподавателем для обеспечения гибкости самостоятельного обучения и получения качественной обратной связи при сохранении направляющей роли преподавателя в процессе освоения знаний.

Цифровой учебник в корне отличается от печатного издания, поэтому при проектировании электронного курса наряду с общедидактическими принципами необходимо учитывать электронно-дидактические, которые распространяются только на цифровые продукты. По мнению методистов, к ним относятся: модульная структура построения учебного материала, использование мультимедиа и интерактивных элементов в представлении учебных материалов, автоматизация процессов обратной связи, применение

игровых методик (геймификация) в обучении и содержании курсов, насыщенность информации (метаинформационность), адаптация образовательного контента под индивидуальные потребности обучающихся [2, с. 45].

Рассмотрим, как вышеперечисленные электронно-дидактические принципы используются в электронном курсе *Learning English Part-Time*. Прежде всего, структура курса представлена тематическими модулями, коррелирующими с программными требованиями по учебной дисциплине для стационара: *Criminal Law* «Уголовное право», *Sentencing and Punishment* «Приговор и наказание», *Civil law* «Гражданское право». Каждый модуль содержит учебный материал в форме текстового электронного контента с интеграцией мультимедиа (видео, аудио, анимация) и интерактивных элементов, обеспечивающих активное вовлечение студентов, самостоятельное изучение и тренировку материала, а также оперативную проверку знаний без непосредственного присутствия преподавателя. Ключевыми инструментами курса являются онлайн-тренажеры, упражнения с автоматической обратной связью, встроенные словари, грамматические симуляторы с интерактивными упражнениями, тестами и заданиями.

Особая роль в электронном курсе отводится наглядности и визуализации, которые, как известно, стимулируют активную мыслительную деятельность, повышают эффективность восприятия и закрепления изучаемого материала. Поэтому в электронном учебнике широко используются такие визуальные формы представления информации, как ментальные карты, схемы, таблицы, графики и т.д., что углубляет понимание сущности изучаемых объектов и процессов, подчеркивает важность символических образов и метафор в познавательной деятельности человека [2, с. 46]. Для усиления эффекта визуального воздействия используются элементы геймификации (бейджи, рейтинговые таблицы, викторины и обучающие игры), которые повышают мотивацию, способствуют вовлеченности и запоминанию сложного материала.

Важным аспектом функционирования электронного курса является внедрение инструментов оперативной обратной связи и аналитики, которые подразумевают использование систем, предоставляющих студенту комментарии непосредственно после выполнения задания (автоматически или от преподавателя), а преподавателю – аналитику по успеваемости группы: автоматическая проверка заданий, возможность быстрых комментариев в цифровой среде, интерактивные опросы. Данные инструменты позволяют

студенту облегчать понимание темы, поддерживая высокий уровень учебной мотивации, своевременно корректировать ошибки, а преподавателю – гибко адаптировать курс под проблемы студентов.

Цифровое проектирование предполагает грамотное включение в курс бесплатных открытых материалов (аудио, видео, тексты, интерактивные упражнения из проверенных источников), которые представлены в виде ссылок на внешние открытые образовательные ресурсы и образуют метаинформационный блок курса. Так, модуль *Help Box* «Справочный блок» включает разделы по обучению правилам презентации, работе с ментальными картами, облаками слов, мультимедийными постерами, ссылками на онлайн словари и внешние ресурсы для студентов-юристов. В отдельный блок выделены онлайн викторины, разработанные авторами обсуждаемого электронного курса и посвященные истории и культуре Беларуси, ее героическому прошлому, знаменитым людям, подвигу советского народа в Великой отечественной войне. Все это позволяет обогатить курс, предоставить доступ к аутентичному языковому контенту и погрузить студентов в реальный языковой контекст, разнообразить материалы и снизить зависимость от одного источника – учебника, подчеркнуть воспитательную составляющую учебных заданий.

Принцип адаптации образовательного контента под индивидуальные потребности обучающихся в обсуждаемом электронном курсе реализуется благодаря мобильности и кроссплатформенности электронного курса, поскольку возможности платформы *Moodle* позволяют разрабатывать учебные материалы в форматах, адаптированных для использования на различных устройствах (смартфоны, планшеты, ноутбуки). Это обеспечивает возможность учиться в любом месте и в удобное время, что чрезвычайно важно для студентов заочной формы обучения.

Проектирование элементов и ресурсов в курсе *Learning English Part-Time* для развития языковых компетенций основано на четком соответствии между целью, типом задания и технологическими возможностями платформы. Каждый тематический модуль курса содержит комплекс инструментов для развития навыков по всем видам речевой деятельности и языковым аспектам, что обеспечивает интегративный подход к процессу обучения. Несмотря на то, что развитие навыков говорения – самый сложный для автоматизации навык в дистанционном формате, платформа *Moodle* предоставляет разнообразные возможности для его развития, чему способствуют

элементы курса «Задание» (прослушивание, просмотр и запись аудио/видео), «Форум» (монологическая речь, подготовленное высказывание), «Конференция» (выступления с презентациями, обсуждения), использование внешних инструментов (интеграция с сервисами для подкастинга или видео-обсуждений).

Цель развития навыков чтения в формате электронного курса – выйти за рамки пассивного чтения к интерактивному и аналитическому взаимодействию с текстом. Здесь используются следующие элементы и ресурсы: «Интерактивная книга» (с текстом, всплывающими пояснениями к словам, встроенными изображениями и аудиоверсией текста); «Глоссарий по теме»; «Тест» (контроль понимания прочитанного текста); «Тематический форум для анализа текста».

Для развития навыков письма подходят элементы «Задание» (разнообразные письменные работы, официальные письма, резюме, аннотации к тексту), «Форум» (письменная дискуссия, блог).

Развитие грамматических навыков в обсуждаемом электронном курсе выделено в отдельный модуль, включающий раздел с теоретическим материалом по изучаемым грамматическим темам и раздел по развитию и проверке грамматических навыков. Теоретический раздел содержит разработанные преподавателями презентации, обучающие видео, грамматические таблицы. Раздел по развитию и проверке грамматических навыков идеально поддается автоматизации. В нем используются такие элементы, как «Тест» с разнообразными типами вопросов (на соответствие, вложенные ответы, множественный выбор, расположение в логически правильном порядке и другие), «Задание», «Семинар».

При проектировании современных электронных курсов наряду с основными технологиями также применяется технология микрообучения, где информация подается в виде небольших, концентрированных, логически завершенных блоков (микромодулей), каждый из которых посвящен одной конкретной цели, идее или навыку. Ключевыми характеристиками технологии микрообучения являются краткость, автономность, доступность и гибкость, что соответствует особенностям мышления современного молодого поколения, тяготеющего к клиповому мышлению. Благодаря лаконичному представлению материала и интерактивности информация усваивается легко и оперативно, обеспечивая немедленное применение полученных знаний на практике [3, с. 642]. Например, для изучения времен английского

глагола используется не глава учебника, а небольшой видео ролик, погружающий в теоретический аспект проблемы, снабженный инфографикой, тренировочными упражнениями с самопроверкой.

Таким образом, цифровому проектированию учебных материалов по иностранному языку для студентов-заочников присущ комплексный подход, направленный на преодоление специфических барьеров, характерных для данной формы получения высшего образования (изоляция, нехватка времени, отсутствие непосредственного контакта с преподавателем, низкая самоорганизация), через создание гибкой поддерживающей образовательной среды. Обсуждаемый подход сочетает в себе смешанное обучение, интерактивные технологии, оперативную обратную связь, мобильность и использование открытых ресурсов для достижения главной цели – обеспечения качественного, самостоятельного и эффективного освоения языка дистанционно.

Библиографический список

1. Васючкова, О.И. Использование электронных курсов на платформе Moodle в практике преподавания иностранного языка / О.И. Васючкова, Т.В. Ковалёнок // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Белорус. гос. ун-та (Респ. Беларусь, Минск, 26-27 марта 2021 г.) – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2021. – С. 500-506.

2. Титова, С.В. Проектирование цифрового учебника как инновационного средства обучения / С.В. Титова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2022. – № 3. – С. 41-60.

3. Диденко, Э.Н. Микрообучение как технология преподавания иностранного языка в неязыковом вузе / Э.Н. Диденко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. – Том 16. Выпуск 2. – С. 640-644.

ИННОВАЦИОННЫЕ ИДЕИ И ТРЕНДЫ В ЛИНГВОДИДАКТИКЕ

Аннотация. В статье анализируются ключевые инновационные тренды в современной лингводидактике, вызванные цифровизацией и глобализацией образования. Предлагается интегративная классификация инноваций, построенная на пяти измерениях: сущность преобразования, инструментальное воплощение, субъект-субъектные отношения, масштаб внедрения и характер новизны. Разработанная классификация служит инструментом для анализа и проектирования изменений в обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: лингводидактика; инновации; классификация; цифровая трансформация; образовательные технологии; педагогическая инноватика.

*Gogulin Anatoly Dmitrievich
Student*

*Tagieva Emilia Rakhib kyzy
Research Supervisor, Lecturer,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

INNOVATIVE IDEAS AND TRENDS IN LINGUODIDACTICS

Abstract. The article analyzes key innovative trends in modern linguodidactics, driven by the digitalization and globalization of education. An integrative classification of innovations is proposed, based on five dimensions: the essence of transformation, instrumental implementation, subject-subject relations, scale of implementation, and nature of novelty. The developed classification serves as a tool for analyzing and designing changes in foreign language teaching.

Key words: linguodidactics; innovations; classification; digital transformation; educational technologies; pedagogical innovation.

Современная лингводидактика переживает период значимой трансформации, вызванной глобальными вызовами: ускоренной цифровизацией общества, ростом межкультурного взаимодействия, пересмотром целей языкового образования и необходимостью формирования многоязычной компетенции.

Актуальность темы проявляется в нескольких взаимосвязанных аспектах. Во-первых, возрастает потребность адаптировать лингводидактические модели к требованиям цифровой эпохи, включая использование онлайн-платформ, мобильных сервисов, адаптивного обучения и автоматизированной обратной связи (например, в переходе от использования платформ вроде Moodle как простого хранилища файлов к организации в них совместных проектов и взаимного рецензирования работ). Во-вторых, необходима систематизация инновационных подходов к обучению языкам на научной основе, что позволяет сравнивать эффективность методик и обосновывать выбор инструментов. В-третьих, сохраняется противоречие между традиционными методиками и современными реалиями образования (например, грамматико-переводной метод не формирует компетенции, необходимые для создания видеобзора или участия в асинхронной форумной дискуссии). В-четвертых, возрастает роль лингводидактики в формировании ключевых компетенций XXI века, таких как межкультурная коммуникация, цифровая грамотность, критическое мышление и когнитивная гибкость.

Термин «лингводидактика» был введен в научный дискурс в конце 1960-х годов лингвистом и экспертом в области методики преподавания русского языка Н.М. Шанским. В 1970-е годы XX века данное понятие получило признание в научном сообществе и утвердилось в качестве устоявшегося термина [4, с. 16]. Согласно определению Р.К. Миньяр-Белоручева, лингводидактика представляет собой методику преподавания иностранных языков, выделившуюся в самостоятельную научную дисциплину. При этом она заняла устойчивую позицию не только в практической сфере обучения, но и в теоретической области педагогики языкового образования [9, с. 367].

Процесс становления лингводидактики как самостоятельной научной дисциплины включал чёткое определение её предмета, формирование методологического аппарата и установление взаимосвязей со смежными областями знания — психолингвистикой, социолингвистикой, когнитивной

наукой и педагогической психологией. Это позволило сформировать целостную теоретическую базу, обеспечивающую научно обоснованный подход к проектированию процессов обучения и усвоения языков.

В рамках данной теоретической парадигмы лингводидактика не ограничивается описанием традиционных методик, но постоянно развивается, реагируя на изменения социокультурного контекста, технологические сдвиги и новые данные о когнитивных механизмах овладения языком. Такая динамика обуславливает необходимость регулярного обновления дидактических моделей, учебных материалов и оценочных инструментов. Именно в этом контексте актуализируется понятие инноваций в лингводидактике.

Термин «инновация» впервые введен Й.А. Шумпетером. Этот концепт носит междисциплинарный характер и описывает многоуровневый, комплексный феномен человеческой активности. Согласно ученому, инновация представляет собой процесс формирования «новой комбинации факторов производства путем синтеза имеющихся знаний, методов, теоретических положений и практических подходов, направленных на создание, введение, адаптацию и приобретение новшества, ранее обществу неизвестного» [15, с. 121].

Классические трактовки определяют инновацию как успешное применение новых средств и методов (Mohr, Lawrence, 1969), как новое решение, возникающее на индивидуальном, групповом или организационном уровнях (Cyert, March, 1963), либо как процесс создания, принятия и использования новых идей, продуктов или услуг (Thompson, 1965). Научная литература также выделяет различные аспекты понятия: объективную и субъективную новизну (Rogers, 1983; Aregger, 1976), оригинальные комбинации целей и результатов (Moore, Tushman, 1982), совмещение продуктивной и внедренческой деятельности (Brockhoff, 1992), а также процессуальный характер инновационного развития (Goldhar, 1980) [18, с. 18].

Развитие понимания инновации в смежных научных областях создало методологическую основу для её адаптации в сфере лингводидактики. В данном контексте инновационные процессы рассматриваются как компонент эволюции педагогической теории и практики обучения иностранным языкам, отражающий стремление к оптимизации образовательного процесса и повышению его эффективности. В этом контексте инновации в лингводидактике выступают ключевым механизмом обновления языкового образования.

В научной литературе инновации систематизируются по различным основаниям. Одна из влиятельных типологий, предложенная в «Руководстве Осло» (OECD, 2005), выделяет четыре базовых типа: продуктовые (новые или существенно улучшенные товары/услуги), процессные (новые методы производства или дистрибуции), маркетинговые (новые подходы к продвижению, ценообразованию и упаковке) и организационные (новые методы управления и организации труда) инновации [18, с. 22].

Более детальную, многомерную классификацию разработал А.И. Пригожин (1989). Она включает пять критериев:

- по распространённости: единичные и диффузные;
- по месту в цикле: сырьевые, обеспечивающие (связывающие) и продуктовые;
- по преемственности: замещающие, отменяющие, возвратные, открывающие, ретровведения;
- по охвату: локальные, системные, стратегические;
- по потенциалу новизны: радикальные, комбинаторные, совершенствующие [18, с. 23].

Данные классификации инноваций задают важные векторы осмысления, но требуют реинтерпретации в контексте гуманитарно-педагогического знания. Это ограничение преодолевается в рамках педагогической инноватики, которая, как отмечается в исследованиях, прошла путь от заимствования общенаучного аппарата (включая концепции А.И. Пригожина) к формированию собственного предметного поля и понятийной системы, учитывающей специфику образовательных процессов [17]. В этом русле были предприняты попытки разработать критерии, релевантные именно для педагогики. Например, Н.Р. Юсуфбекова (1991), опираясь на логику выделения объекта преобразования, предложила классификацию инноваций по объекту педагогического нововведения, выделив изменения в целях, содержании, методах, формах и средствах обучения [16, с. 49–51]. В.А. Сластенин и Л.С. Подымова (1997) акцентировали масштаб преобразований (локальные, модульные, системные) [11, с. 70–72]. Однако данная типология фокусируется преимущественно на организационном масштабе изменений и в меньшей степени учитывает технологический и субъектно-деятельностный аспекты, ставшие критически важными в условиях цифровой трансформации образования.

Для системного анализа инновационных идей и трендов в лингводидактике представляется продуктивным синтез и адаптация перечисленных

подходов в рамках единой многомерной модели. На основе осмысления рассмотренных типологий предлагается интегративная классификация инноваций в лингводидактике:

- по объекту и сущности преобразования (развивая подход Юсуфбековой Н.Р.): методолого-парадигмальные, содержательные, процессуально-технологические, оценочно-диагностические инновации;
- по ресурсно-инструментальному воплощению: технологические (цифровые/аналоговые) и ресурсно-материальные инновации;
- по изменениям в субъект-субъектных отношениях: инновации в роли и деятельности обучающегося, преподавателя, а также в формах их взаимодействия;
- по масштабу и уровню внедрения (с учётом идей Сластенина В.А. и Подымовой Л.С.): микро-, мезо-, макроуровень; а также степень трансформации системы (локальная, модульная, системная, стратегическая);
- по характеру новизны и источнику (интегрируя критерии Пригожина А.И.): радикальные, комбинаторные, модифицирующие; импортируемые, адаптируемые, автохтонные.

Данная модель служит систематизирующей надстройкой над существующими типологиями, а не их заменой, позволяющей перейти от теоретического обсуждения к структурированному анализу конкретных современных идей и трендов в лингводидактике.

1. Идеи и тренды, классифицируемые по объекту и сущности преобразования:

- Методолого-парадигмальные. Наблюдается содержательное обогащение ведущих подходов. Коммуникативная парадигма эволюционирует в направлении деятельностно-средового и экологического подходов, где язык понимается не как автономная система правил, а как инструмент социального взаимодействия и познания, встроенный в цифровую и поликультурную среду [13]. Это закономерное развитие приводит к становлению цифровой лингводидактики как новой методологической основы [13]. В её рамках формируется направление лингводидактики цифрового дискурса, изучающее специфические жанры, конвенции и стратегии общения в социальных сетях, мессенджерах и на форумах, что требует формирования особой цифровой коммуникативной компетенции [6]. Суть экологического подхода заключается в подготовке обучающегося к эффективной навигации и продуктивному действию в этой сложной, насыщенной медиасреде [12].

– Содержательные. Происходит качественное расширение тренда на интегрированное предметно-языковое обучение (CLIL). Данная методика переосмысливается не только как способ усвоения предметных знаний (естественнонаучных, исторических), но и как эффективный контекст для развития «гибких навыков» (soft skills): критического и креативного мышления, кооперации, эмоционального интеллекта и основ цифровой грамотности [2]. Параллельно усиливается тренд на кросс-культурную насыщенность учебного контента. Языковые явления и речевые акты рассматриваются сквозь призму культурных кодов, ценностных установок и социопрагматических норм, что напрямую служит цели формирования полноценной межкультурной коммуникативной компетенции [3].

– Процессуально-технологические. В сфере методов происходит переход от фрагментарной геймификации к игровой архитектонике (gameful design) всего учебного курса. В этом случае образовательный процесс выстраивается по принципам игрового нарратива, где учебные задачи преобразуются в миссии, а прогресс визуализируется через систему уровней, бейджей и наград, что трансформирует внутреннюю мотивацию обучающегося [7]. Одновременно набирает популярность создание цифровых симуляций и иммерсивных сред (виртуальных кафе, деловых переговоров, городских пространств). Использование технологий виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности в таких средах позволяет моделировать аутентичные ситуации общения, способствуя снятию психологического барьера и обеспечивая безопасную среду для совершения и анализа ошибок [8].

– Оценочно-диагностические. Отмечается смена парадигмы в оценивании результатов: стандартизированное тестирование уступает место аутентичному и формирующему оцениванию через цифровые артефакты. Объектом оценки становится не воспроизведение изолированных знаний, а созданный обучающимся продукт (образовательный подкаст, тематический блог, видеопрезентация, цифровое портфолио), что позволяет оценить комплексные умения в действии [10]. Технологической основой этого тренда выступают анализ образовательных данных (Learning Analytics) и прогнозная аналитика. Эти инструменты, анализируя цифровой след обучающегося (время выполнения, паттерны ошибок, активность), позволяют не только констатировать результат, но и прогнозировать трудности, адаптировать образовательную траекторию и предоставлять своевременную персонализированную обратную связь.

2. Идеи и тренды, классифицируемые по ресурсно-инструментальному воплощению:

– Технологические (цифровые). В инструментальном измерении ключевым трендом является углубление интеграции искусственного интеллекта (ИИ). Его функции эволюционируют от подбора адаптивных упражнений к генерации персонализированного контента, созданию диалоговых чат-ботов для отработки речи и обеспечению прецизионного анализа произношения с автоматизированной коррекцией [14]. Параллельно укрепляется тренд на использование технологий виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) для конструирования иммерсивных языковых сред. Подобные симуляции (например, виртуальный магазин или аэропорт) позволяют отрабатывать языковые навыки в смоделированных, но приближенных к реальности контекстах, что способствует развитию прагматической компетенции [8].

– Ресурсно-материальные. В контексте цифровой трансформации стабильно развивается тренд на создание и распространение открытых образовательных ресурсов (OER), а также на производство микро-контента — кратких, сфокусированных учебных модулей (видеоролики, интерактивные инфографики, карточки для интервального повторения), отвечающих запросам мобильного обучения [1]. Традиционный учебник трансформируется в гипермедийный образовательный комплекс, интегрирующий текст, мультимедиа, интерактивные задания и систему автоматизированной обратной связи в единой цифровой среде, что радикально меняет характер взаимодействия обучающегося с учебным материалом [13; 5].

3. Идеи и тренды, классифицируемые по изменениям в субъект-субъектных отношениях:

– В роли обучающегося. Центральным трендом в изменении позиции студента является целенаправленное развитие учебной автономии (*learner autonomy*) и становление культуры саморегулируемого обучения (*self-regulated learning*). Современный обучающийся всё больше выступает в роли активного субъекта и куратора собственной образовательной траектории. Этому способствуют цифровые инструменты, позволяющие самостоятельно ставить учебные цели, выбирать ресурсы, отслеживать прогресс с помощью дашбордов и *dashboards*, а также проводить рефлексию достигнутых результатов [1; 13]. Данный тренд меняет саму философию образования, смещая акцент с пассивного усвоения информации на осознанное управление познавательной деятельностью.

– В роли преподавателя. В ответ на изменения в позиции обучающегося происходит глубокая трансформация роли педагога. Наблюдается устойчивый сдвиг от функции транслятора готового знания к комплексным ролям фасилитатора учебного процесса, тьютора, сопровождающего индивидуальную траекторию, модератора цифрового взаимодействия и, что особенно важно, дизайнера образовательного опыта [11]. Реализация этих новых функций выдвигает на первый план необходимость развития у преподавателей цифровой педагогической компетентности (Digital Pedagogy Competence), включающей навыки работы в онлайн-средах, создания цифрового контента, организации сетевой коллаборации и анализа образовательных данных [5].

– В формах взаимодействия. Кардинально меняются организационные модели учебного процесса. На смену жёсткому разделению на аудиторную и самостоятельную работу приходит тренд на смешанное (blended) и гибридное (hybrid) обучение. Эти модели гибко интегрируют очные и онлайн-форматы, стирая временные и пространственные границы и создавая единую непрерывную образовательную среду [1]. Одним из наиболее перспективных проявлений данного тренда является развитие сетевых форм обучения, таких как Collaborative Online International Learning (COIL). В рамках COIL-проектов студенты и преподаватели из университетов разных стран объединяются в виртуальные международные команды для совместного выполнения учебных проектов, что обеспечивает аутентичную практику межкультурной и профессиональной коммуникации на иностранном языке [6].

4. Идеи и тренды, классифицируемые по масштабу и уровню внедрения:

– На микроуровне (уровень отдельного занятия или методического приёма) ключевым трендом является ситуативное, точечное внедрение цифровых инструментов в ткань традиционного урока. Это выражается в использовании мобильных приложений для заучивания лексики (например, Quizlet), сервисов для проведения интерактивных опросов и викторин (Kahoot!, Mentimeter) или отдельных веб-ресурсов для ситуативной языковой практики. Такое внедрение служит задаче оперативного повышения вовлечённости, наглядности и интерактивности без кардинальной перестройки учебного процесса [7].

– На мезоуровне (уровень учебного курса, образовательной программы или учреждения) доминирующим трендом выступает проектирование целостных цифровых образовательных сред. Речь идёт о создании комплексных решений, объединяющих LMS (Learning Management System), инструменты для совместной работы, библиотеки цифровых ресурсов и системы коммуникации в едином пространстве. Неотъемлемой частью этой среды становится сквозное цифровое портфолио обучающегося, которое аккумулирует его учебные артефакты, прогресс и рефлексию на протяжении всего курса или программы, обеспечивая непрерывность оценки и самооценки [5].

– На макроуровне (уровень национальной или региональной системы образования) формируются стратегические тренды, определяющие долгосрочные векторы развития. К ним относится разработка и внедрение стандартов цифровых компетенций (DigComp для обучающихся, DigCompEdu для педагогов), которые задают нормативные рамки для цифровой трансформации. Параллельно реализуется тренд на создание масштабных национальных и корпоративных образовательных платформ (таких как «Сферум», «Московская электронная школа»), агрегирующих открытые образовательные ресурсы (OER) и предоставляющих унифицированный цифровой инструментарий для широких аудиторий [13].

5. Идеи и тренды, классифицируемые по характеру новизны и источнику:

– Радикальные (прорывные) инновации предлагают принципиально новые, не имевшие ранее аналогов решения. К нарождающимся трендам этого типа можно отнести эксперименты с применением нейроинтерфейсов (BCI) для оптимизации процессов запоминания языковой информации или создание полноценных иммерсивных VR-сред для коммуникативной практики, где полностью моделируется социальное и физическое окружение, стирая грань между учебной и реальной ситуацией [8].

– Комбинаторные (интегративные) инновации, представляющие собой новую эффективную комбинацию уже известных элементов, составляют основную массу современных трендов. Ярким примером является бизнес-модель и методика таких приложений, как Duolingo, в основе которой лежит синтез геймификации, принципов микрообучения и мобильности. Этот тренд демонстрирует, что ключевая новизна часто заключается не в

изобретении нового «с нуля», а в удачной интеграции существующих технологий и педагогических подходов для решения конкретных учебных задач [14].

– Модифицирующие (совершенствующие) тренды направлены на цифровую трансформацию и усиление традиционных, проверенных временем методик. Так, аудиолингвальный метод получает новое воплощение в виде интерактивных тренажёров произношения с использованием искусственного интеллекта для анализа и коррекции речи. Классические карточки для запоминания (flashcards) эволюционируют в алгоритмизированные приложения для интервального повторения (Anki, Quizlet), что значительно повышает эффективность механизма запоминания за счёт адаптивности [14].

– Импортируемые тренды возникают в результате успешной адаптации инструментов и практик из других сфер деятельности к образовательному контексту. В лингводидактику активно заимствуются технологии из корпоративного сектора: системы управления обучением (LMS), методологии геймификации для повышения вовлечённости, а также инструменты управления проектами. Другим источником импорта являются цифровые социальные практики: использование архитектуры социальных сетей и мессенджеров для создания учебных сообществ и организации неформального взаимодействия на целевом языке [18].

Таким образом, современная лингводидактика находится на переломном этапе своего развития, когда инновации перестают быть единичными улучшениями и формируют новую системную целостность. Главное содержание современной трансформации — это пересмотр всех элементов системы обучения языкам. Меняются методологические подходы, содержание образования, роли преподавателя и обучающегося, а также методы оценки, что обусловлено процессами цифровизации и глобализации.

Основным теоретическим результатом работы является разработка интегративной классификации инноваций в лингводидактике. Данная модель синтезирует существующие подходы (Пригожин, Юсуфбекова, Сластенин и Подымова) и предлагает целостный аналитический инструмент, основанный на пяти взаимосвязанных измерениях: сущность преобразования, инструментальное воплощение, субъект-субъектные отношения, масштаб внедрения и характер новизны. То есть, интегративная классификация служит не только инструментом для системного анализа инновационных трендов, но и методологической основой для их проектирования. Она поз-

воляет осознанно выбирать вектор изменений, чётко определяя, какой аспект дидактической системы подвергается трансформации, на каком уровне происходит внедрение и какова природа новизны предлагаемого решения.

Библиографический список

1. Алоян, Ж.Л., Барсегян, С.С. Новые подходы в лингводидактике и педагогическом образовании (= New Approaches in Linguodidactics and Pedagogical Education): монография. Выпуск 2 // Алоян Ж.Л., Барсегян С.С., Безукладников В.К. и др.; под науч. ред. Б.А. Жигалева – Н. Новгород: НГЛУ, 2023 – 220 с.
2. Вострикова, И.Ю. Интегрированное предметно-языковое обучение (CLIL) как средство формирования гибких навыков у студентов / И.Ю. Вострикова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1. – С. 70–77.
3. Гальскова, Н.Д. Современные тенденции в развитии содержания обучения иностранным языкам / Н.Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2017. – № 6. – С. 2–10.
4. Едличко А. И., Мишнова А. В. Термины лингводидактики: функциональный аспект и способы фиксации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 6. 2019. – С. 15-26.
5. Железовская Г.И., Хижняк С.П. Средства обеспечения инновационной лингводидактики при обучении иностранным языкам в эпоху цифровизации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Т. 20, вып. 2. 2020. - С. 144–199.
6. Земцова А.В. Лингводидактика цифрового дискурса: теоретические основания и практические перспективы / А.В. Земцова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 5, № 4. – С. 552–558.
7. Карева, А.В., Чупрына, Е.В. Геймификация в высшем образовании: от игровых элементов к игровой архитектонике курса / А.В. Карева, Е.В. Чупрына // Высшее образование в России. – 2021. – Т. 30, № 3. – С. 101–113.
8. Оберемко, О.Г. Виртуальная и дополненная реальность в обучении иностранным языкам: потенциал и перспективы / О.Г. Оберемко // Педагогическая информатика. – 2020. – № 2. – С. 61–71.

9. Орлова Е.С. Современные парадигмы лингводидактики // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, № 4(2), 2013. – С. 366-372.
10. Поливанова, К.Н., Шакарова, М.А. Аутентичное оценивание в образовании: от теории к практике / К.Н. Поливанова, М.А. Шакарова // Вопросы образования. – 2019. – № 1. – С. 174–195.
11. Сластенин, В.А., Подымова, Л.С. Педагогика: инновационная деятельность / В.А. Сластенин, Л.С. Подымова. — М.: ИЧП «Издательство Магистр», 1997. — 224 с.
12. Соловова, Е.Н. Экологический подход к обучению иностранным языкам в условиях глобализации / Е.Н. Соловова // Иностранные языки в школе. – 2018. – № 8. – С. 2–10.
13. Сысоев, П.В. Эволюция подходов, методов и технологий обучения иностранному языку в XX–XXI веках: от структурного подхода к цифровой лингводидактике / П.В. Сысоев // Язык и культура. – 2019. – № 48. – С. 267–287.
14. Титова С.В., Авраменко А.П. Мобильные технологии и искусственный интеллект в обучении языкам: от теории к практике // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022. № 3. С. 98–115.
15. Шамов А.Н., Панкратов Е.Н., Голованова Л.Н. Инновация в иноязычном образовании как идея с новыми возможностями // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 30. № 1. 2025. - С. 118-131.
17. Юсуфбекова, Н. Р. Общие основы педагогической инноватики: Опыт разраб. теории инновац. процессов в образовании: (Метод. пособие) / Н. Р. Юсуфбекова; Пед. о-во РСФСР, Центр. совет, АПН СССР, НИИ теории и истории педагогики. - Москва: ЦСПО РСФСР, 1991. - 91 с.
18. Юсуфбекова Н.Р. Педагогическая инноватика: возникновение и становление // Вестник МГПУ. Серия «Педагогика и психология». 2010. – С. 8-17.
19. Яголковский, С. Р. Психология инноваций: подходы, модели, процессы [Текст] / С. Р. Яголковский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011 — 270 с.

**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ДИСЦИПЛИНЫ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК»
В ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ**

Аннотация. Исследование направлено на изучение роли дисциплины «Иностранный язык» в развитии интеллекта обучающихся. В статье выделены основные виды интеллекта и проанализировано их формирование в процессе обучения иностранному языку. Актуальность исследования обусловлена значимостью многогранного интеллектуально развития обучающихся, в частности, в рамках изучения дисциплины «Иностранный язык».

Ключевые слова: лингводидактика; интеллектуальное развитие; лингвистический интеллект; эмоциональный интеллект; обучающиеся.

Gusenкова Alina Vadimovna

Master's student

Morokhova Olga Alexandrovna

Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

**LINGUISTIC AND DIDACTIC POSSIBILITIES
OF THE FOREIGN LANGUAGE DISCIPLINE
IN THE INTELLECTUAL DEVELOPMENT OF STUDENTS**

Abstract: The research is aimed at studying the role of the foreign language discipline in the development of students' intelligence. The author defines the main types of intelligence and their formation in the process of learning a foreign

language. The relevance of the research is due to the importance of the multifaceted intellectual development of students, in particular, in the framework of studying the discipline of a foreign language.

Key words: linguodidactics; development; mental intelligence; emotional intelligence; students.

Лингводидактика, как научная дисциплина, позволяет изучить способы формирования «языковой личности». Одной из задач обучения иностранному языку выступает формирование универсальных компетенций, которые могут быть рассмотрены во взаимосвязи с интеллектуальным развитием обучающихся.

Цель настоящей статьи – рассмотреть взаимосвязь обучения иностранному языку с развитием интеллекта обучающихся.

Анализ научной литературы показывает, что предметом лингводидактических исследований является изучение влияния дисциплины «Иностранный язык» на развитие социального, эмоционального, культурного и других видов интеллекта обучающихся, благодаря которым происходит адаптация к межкультурной среде. Развитие культурного интеллекта происходит в процессе изучения самобытности и многообразия культур, особенностей их взаимодействия и взаимовлияния, преодоления стереотипов восприятия других культур [1]. При изучении иностранного языка развитие социального интеллекта происходит в процессе активного общения, обсуждения различных точек зрения, дискуссии. [3].

Важными условиями интеллектуального развития обучающихся являются актуальность содержания образования, мотивация и индивидуализация обучения [4].

Существует несколько классификаций интеллекта, однако, обратимся к трудам психолога Говарда Гарднера. Ученый выделяет 9 видов интеллекта: логико-математический, телесно-кинестетический, музыкальный, визуально-пространственный, межличностный, лингвистический, экзистенциальный, внутриличностный и натуралистический [2].

При изучении иностранного языка упражнения охватывают разделы грамматики, фонетики, лексики и письма. Таким образом, в первую очередь, развивается лингвистический интеллект – способность эффективного использования языка в устной и письменной форме. Обучающиеся выполняют задания, направленные на расширение словарного запаса, навыка говорения, чтения, правильного произношения и написания слов. При изучении

языка тренируется память, мышление, внимательность, аналитические способности. При чтении текстов по иностранному языку по общим и профильным темам формируется пространственный и логико-математический интеллект – способность воспринимать мир и анализировать его, оперировать числами. Обучающиеся узнают новую информацию о жизни других культур, народов. Задания по аудированию также развивают лингвистический, пространственный, музыкальный интеллект. Студент учится воспринимать основной смысл высказывания, а также обращать внимание на детали, чтобы правильно дать ответ на поставленные вопросы. При этом слушатель запоминает интонацию, произношение, и, вследствие этого улучшает свою речь.

При составлении диалогов на иностранном языке развиваются межличностный и эмоциональный интеллект, включающие в себя эмпатию, общение, сотрудничество [3]. Такие задания формируют один из жизненно важных навыков – коммуникабельность. Помимо тренировки речи, закрепления усвоенной лексики, студент преодолевает языковой барьер – психологической блок, который препятствует свободному общению на иностранном языке, застенчивость. Благодаря заданиям для речевой деятельности учащиеся могут решать коммуникативные задачи в реальной жизни, говоря на своём языке. Как отмечал Е.И. Пассов, ключевую роль в формировании когнитивных навыков играет дистанция между иностранным и родным языком (их сходства и различия). На более продвинутом уровне владения иностранным языком важны сходства между родным языком и иностранным, на начальной стадии изучения – наоборот, различия [5].

Таким образом, можно утверждать, что грамотно построенное изучение иностранного языка активно участвует в развитии интеллекта обучающихся. Стоит отметить, что обучение должно проходить системно и последовательно. Только при сочетании всех типов заданий можно достичь комплексного интеллектуального развития обучающихся. В таком случае один вид интеллекта включается в другой, к примеру, лингвистический и межличностный, в результате чего происходит развитие единого (цельного) интеллекта.

Дальнейшим направлением лингводидактических исследований может служить изучение влияния технологий и методов обучения иностранному языку на развитие интеллекта обучающихся.

Библиографический список

1. Айданова, Ю.Ф. Развитие культурного интеллекта будущих педагогов в контексте формирования универсальных компетенций на занятиях по иностранному языку / Ю.Ф. Айданова, Е.А. Филатова // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 76-3. – С. 7–9.
2. Гарднер, Г. Структура разума: теория множественного интеллекта / Г. Гарднер; [пер. с англ. А.Н. Свирид и др.]. М.: Вильямс, 2007. – 501 с.
3. Корнилова, О. А. Эмоциональный интеллект при обучении иностранному языку / О. А. Корнилова, С. А. Парфенов, Е. А.Эйсмонт // Наука и реальность /Science and Reality. – 2025. – №1 (21). – С. 51–54.
4. Сергеева, М.Г. Технологии формирования и развития социального интеллекта обучающихся при изучении иностранного языка / М.Г. Сергеева // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-4. С.242–245.
5. Пассов, Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. – М.: Русский язык, 2010. – 568 с.

Zaykin Philipp I.

Lecturer,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

PROMPT ENGINEERING AS A PEDAGOGICAL CONDITION FOR TEACHING THE TRANSLATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS USING GENERATIVE AI

Abstract. The article examines prompt engineering as a specific pedagogical condition for teaching the translation of phraseological units in the context of the growing influence of generative AI on language education. Prompting is considered not only as a technical skill, but as a form of meta-linguistic interaction between teacher, student, and neural-network model, closely connected with the objectives of translation training and AI-didactics. Special attention is paid to the risks of literal translation, loss of imagery, and uncritical reliance on AI outputs,

as well as to didactic formats that transform prompts into a tool for analysis, reflection, and ethical awareness. The paper outlines practical classroom techniques and indicates directions for further research in integrating prompt engineering into translation curricula.

Keywords. prompt engineering; generative AI; phraseological units; translation teaching; AI-didactics; meta-linguistic reflection; pedagogical conditions

УДК 37.013.2

Зайкин Филипп Игоревич

ассистент кафедры ИЯПК

*ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

ПРОМПТ-ИНЖИНИРИНГ КАК ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ ОБУЧЕНИЯ ПЕРЕВОДУ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматривается оперативная инженерия как специфическое педагогическое условие обучения переводу фразеологизмов в контексте растущего влияния генеративного искусственного интеллекта на языковое образование. Подсказка рассматривается не только как технический навык, но и как форма метаязыкового взаимодействия между преподавателем, студентом и нейросетевой моделью, тесно связанная с целями обучения переводу и ИИ-дидактикой. Особое внимание уделяется рискам буквального перевода, потере наглядности и некритическому использованию результатов искусственного интеллекта, а также дидактическим форматам, которые превращают подсказки в инструмент анализа, рефлексии и повышения этической осведомленности. В статье излагаются практические методы обучения в классе и указываются направления дальнейших исследований по включению оперативной инженерии в учебные программы по переводу.

Ключевые слова: оперативная инженерия; генеративный ИИ; фразеологические единицы; обучение переводу; ИИ-дидактика; метаязыковая рефлексия; педагогические условия

The modern system of language education is increasingly influenced by generative artificial intelligence. Whereas only a few years ago neural-network services were viewed mainly as auxiliary electronic dictionaries or “intelligent search engines,” today they have become an integral part of educational practice — from the preparation of teaching materials to supporting students’ individual and collaborative work. Against this background, prompt engineering gains particular significance, understood not merely as a technical method of interacting with a model but as a special form of linguistic and meta-linguistic communication between the teacher, the student, and the AI model.

Within translation studies, this issue is especially prominent in the teaching of phraseological units. Phraseologisms are traditionally regarded as the “golden fund” of language and culture (Samsitova, 2023), yet at the same time they represent an area of increased translational difficulty. They are characterized by a high degree of semantic cohesion, vivid imagery, cultural specificity, and a mismatch between expression and meaning — features that define the nature of phraseological units and directly affect the choice of translation strategies and techniques. For students, this creates the risk of literal or calque-based translation that results in the loss of imagery and distortion of meaning. For neural-network models, it increases the likelihood of “hallucinations” and the substitution of seemingly appropriate but culturally alien equivalents. In this situation, the quality of the prompt largely determines whether generative AI becomes a source of additional errors or, conversely, a tool for thoughtful analysis and comparison.

When prompt engineering is viewed as part of contemporary applied linguistics, its close connection with objectives in translation education becomes evident. A well-designed prompt functions as a specific form of meta-linguistic commentary: the user defines the goal, context, constraints, and expected output format, and subsequently compares the generated solution with traditional sources (Zakhtser, 2025). This approach correlates with the understanding of prompt engineering as an interdisciplinary tool located at the intersection of linguistics, pedagogy, cognitive psychology, and information technology — a perspective widely discussed in studies on AI-didactics and the integration of generative AI into educational processes (Chekalina, 2025).

In the sphere of translating phraseological units, the transition to meaningful prompt engineering transforms the very nature of student tasks. Instead of using passive requests such as “translate this for me,” students learn to formulate content-rich prompts in which generative AI serves as an instrument for analysis,

paraphrasing, contextualization, and comparison. For example, a prompt may instruct the model to explain the meaning of an idiom in simple English, provide several example sentences, and propose possible Russian translations with explanations of nuance and typical usage contexts. Thus, the focus shifts from obtaining a “ready-made answer” to conducting a comprehensive analysis in which AI functions as a conditional “assistant” rather than the “author” of the translation.

Classroom observations indicate that without targeted instruction in prompt engineering, students often make recurrent mistakes when using neural networks. These errors include overly general prompts, neglect of the usage context of phraseological units, lack of tasks involving comparison or critical evaluation of results, and confusion of stylistic registers. An analysis of such cases suggests the need for a basic set of prompting rules when working with phraseological vocabulary. These rules should include explicit indication of source and target languages, the genre and intended audience of the text, the stylistic register, the preferred type of equivalent (phraseological, descriptive, neutral), as well as a requirement for the model to justify its chosen translation.

At the same time, prompt engineering in an educational context cannot be isolated from the broader framework of AI-didactics — the branch of pedagogical science that studies learning processes involving generative artificial intelligence and new digital tools. Researchers emphasize that the integration of generative AI into education must be guided by didactic principles that promote not only personalization and automation of routine tasks but also the development of critical thinking, information literacy, and ethical awareness. Studies demonstrate that without a professional methodological approach and clear frameworks, the use of neural networks can reduce learning quality: students may achieve superficially higher test scores but fail to develop analytical skills and independent problem-solving abilities.

In this context, prompt engineering for work with phraseological units can be regarded as one of the pedagogical conditions for minimizing these risks. Systematic use of prompts aimed not at replacing, but at supporting translation activity enables students to remain active participants in the learning process. Rather than delegating tasks entirely to the machine, students plan their interaction with it: they set objectives, define parameters, analyze outcomes, and make corrections. As a result, an additional layer of reflection is introduced into the learning process — one connected not only with understanding phraseological meanings but also with awareness of students’ own strategies for using digital tools.

Practical implementation of this approach can include a range of didactic techniques. One such method involves brief “AI minutes” embedded into translation classes. At this stage, students independently formulate prompts for analyzing specific phraseological units after the teacher outlines general prompting requirements. The results are then discussed collectively: successful solutions are highlighted, ineffective formulations examined, and fragments of AI responses analyzed. This format simultaneously reinforces phraseological material and develops foundational skills in prompt engineering (Zakhtser, 2025).

Another task format involves “chain-of-thought for an idiom,” where students are required to construct a logical sequence of reasoning from the literal meaning of an expression to its figurative sense, then to possible equivalents in the native language, and finally to specific usage contexts. Prompts may directly instruct the model to explain its reasoning steps. In this case, generative AI becomes a kind of “visual reasoning model” that students can compare with their own thought processes. Combined with classroom discussion, this strengthens mastery of particular idioms while also fostering general cognitive skills.

Promising directions also include tasks built around comparing AI-generated results with authoritative sources such as dictionaries, corpora, and instructional materials. Students formulate prompts for several phraseological units, obtain definitions and translations from the model, and then compare these with traditional lexicographic entries and authentic examples. When discrepancies appear, students do not merely select the “correct” option but analyze the nature of the model’s errors: stylistic misalignment, loss of imagery, outdated frequency usage, and so forth. This format cultivates critical attitudes toward generated content and reduces the risk of uncritical trust in neural-network outputs.

The ethical dimension of using generative AI in translation education also warrants special attention. Regulatory documents and studies on AI ethics stress the need for responsible engagement with AI tools, particularly in educational settings (Gorsheneva, 2024). Several Russian universities have already introduced internal regulations governing the use of neural networks in academic work, emphasizing academic honesty, proper acknowledgment of AI involvement, and the inadmissibility of shifting full responsibility for outcomes onto automated systems. In the context of phraseological translation, this means that teachers must not only demonstrate the capabilities of generative AI but also clearly delineate the boundaries of its appropriate use and distinguish between an author’s translation and machine assistance.

From this perspective, prompt engineering may be integrated into the set of pedagogical conditions for developing translation competence as a multifaceted tool. First, it serves an instrumental function by facilitating the organization of students' independent work with phraseological units. Second, it promotes metalinguistic reflection, as students must consciously design their prompts. Third, it becomes part of ethical education by encouraging transparent, reflective interaction with AI rather than concealed or passive reliance upon it.

Naturally, prompt engineering cannot replace the need for fundamental linguistic and translation training. Without knowledge of phraseological typology, familiarity with translation strategies, and experience working with authentic texts and dictionaries, even the most precise prompt cannot enable students to critically evaluate or appropriately apply AI-generated results (Samsitova, 2023). In this sense, prompt engineering should be viewed not as a substitute for traditional instruction but as an auxiliary instrument that, when properly integrated into the educational process, can reinforce established methodological approaches and make them more flexible and adaptable to contemporary digital realities.

Further research should aim at developing detailed descriptions of typical scenarios for incorporating prompt engineering into translation curricula, including elective courses devoted to the fundamentals of interacting with generative AI. The creation of small corpora of student translations — produced both with and without AI support — also appears promising, as it would enable more systematic study of how prompt-based work influences translation quality.

In conclusion, the article conceptually justifies prompt engineering as a pedagogical condition that both supports and problematizes the use of generative AI in teaching the translation of phraseological units. Its contribution is primarily theoretical: the author systematizes didactic functions of prompts, correlates them with the broader framework of AI-didactics, and outlines directions for methodological design of tasks. At the same time, the proposed classroom formats and references to classroom observations indicate the potential for further empirical research aimed at measuring learning outcomes, describing typical student prompting strategies, and clarifying the role of prompt engineering in the formation of translation competence.

References

1. Chekalina, T. A. (2025). AI-Didactics: A New Trend or an Evolution of the Learning Process? *Bulletin of Minin University*, Vol. 13, No. 2, p. 5.

2. Lukinsky, I. S., Gorsheneva, I. A. (2024). Prompt Engineering in the Educational Process and Academic Activity or On the Need for Training in Working with Artificial Intelligence. Psychology and Pedagogy of Service Activity, No. 4, pp. 148–154.

3. Samsitova, R. I. (2023). Methodological Approaches to the Use of Phrasological Units in English Language Teaching. Word to Young Researchers, pp. 133–136.

4. Zakhtser, E. M. (2025). Prompt Engineering in Teaching English: Theory and Practice. Humanities: Bulletin of the Financial University, Vol. 15, No. 2, pp. 122–139.

УДК 316

Зайкин Филипп Игоревич

магистрант

Морохова Ольга Александровна

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

**ВНЕДРЕНИЕ КЕЙС-МЕТОДА В УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ
КОМПЛЕКС ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ
(НА ПРИМЕРЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ
«ТУРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»)**

Аннотация. Цель статьи – обосновать подход к внедрению кейс-метода в учебно-методический комплекс (УМК) по английскому языку для бакалавров направления подготовки «Туристическая деятельность» и описать пример аудиторного кейса, направленного на моделирование профессиональной ситуации разработки и презентации городского тура выходного дня. Задачи исследования: проанализировать научно-методические подходы к использованию кейсов в обучении иностранному языку; определить место кейс-метода в структуре УМК; представить структуру и этапы реализации учебного кейса «Weekend City Tour» и обозначить критерии оценивания результатов. Методы исследования: анализ научно-методической лите-

ратуры, обобщение педагогического опыта, наблюдение за учебной деятельностью студентов, сопоставительный анализ существующих методических моделей.

Ключевые слова: кейс-метод; учебно-методический комплекс; английский язык; туристическая деятельность; иноязычная коммуникативная компетенция; профессионально ориентированное обучение.

Zaikin Filipp Igorevich

Master's Student

Morokhova Olga Alexandrovna

*Research supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

IMPLEMENTATION OF THE CASE-STUDY METHOD IN THE ENGLISH LANGUAGE CURRICULUM FOR BACHELOR STUDENTS (USING THE EXAMPLE OF THE TRAINING AREA “TOURISM”)

Abstract. The purpose of this article is to substantiate an approach to implementing the case-study method in the English language educative and methodological package for undergraduate students majoring in Tourism and to describe an example of a classroom case aimed at simulating a professional situation involving the development and presentation of a city weekend tour. Research objectives: analyze scientific and methodological approaches to the use of case studies in foreign language teaching; determine the place of the case method within the teaching and methodological framework; present the structure and stages of the "Weekend City Tour" case study and outline the criteria for evaluating the results. Research methods: analysis of scientific and methodological literature, generalization of teaching experience, observation of student learning activities, comparative analysis of existing methodological models.

Keywords: case method; teaching and methodological framework; English language; tourism; foreign language communicative competence; professionally oriented training.

Современная система подготовки бакалавров по направлению «Туристическая деятельность» ориентирована на формирование у выпускников

способности эффективно взаимодействовать с российскими и зарубежными партнерами, принимать обоснованные решения в типичных и нестандартных ситуациях профессиональной деятельности, презентовать туристский продукт на иностранном языке. В этих условиях дисциплина «Иностранный язык (английский)» приобретает статус не только общеобразовательной, но и профессионально значимой, поскольку именно на занятиях по английскому языку возможно моделирование наиболее разнообразных ситуаций межкультурной деловой и сервисной коммуникации.

Опыт преподавания показывает, что традиционные формы подачи материала (объяснение, тренировка по образцу, контроль) не всегда обеспечивают устойчивую учебную мотивацию студентов туристского профиля, особенно на старших курсах, когда возрастает запрос на практико-ориентированные задания. Отсюда возникает необходимость включения активных методов обучения, приближающих учебный процесс к реальным условиям профессиональной деятельности. Одним из таких методов является кейс-метод, который, по мнению многих исследователей, обладает значительным потенциалом в формировании иноязычной коммуникативной компетенции [3].

В работах, посвященных методу кейсов в обучении иностранному языку, подчеркивается, что данный метод представляет собой организованное обсуждение конкретной ситуации, опирающееся на анализ фактов, поиск альтернатив и аргументацию выбранного решения. А.С. Будникова и Е.В. Иванова рассматривают метод кейсов как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции, позволяющий объединить когнитивный и деятельностный компоненты обучения иноязычному общению в профессиональной сфере [1]. Исследователи отмечают, что именно проблемность, наличие нескольких допустимых решений и необходимость аргументации делают кейс-метод эффективным инструментом развития речевых, стратегических и социокультурных умений.

Вместе с тем ряд авторов подчеркивает, что эффективность кейс-метода во многом зависит от того, насколько органично он встроен в структуру УМК по иностранному языку. Учебно-методический комплекс рассматривается как целостная система, включающая учебник, рабочую тетрадь, методические рекомендации для преподавателя, фонды оценочных средств, электронные ресурсы и другие компоненты, обеспечивающие достижение планируемых результатов обучения.

Анализируя особенности внедрения кейс-метода в обучение английскому языку, А.О. Воробьева подчеркивает, что эффективное использование кейсов в вузе возможно при условии их системной интеграции в курс: кейсы не должны появляться эпизодически, а должны завершать тематические модули и служить формой комплексной проверки сформированности языковых и профессиональных умений [3].

Авторы, работающие с кейс-методом, отмечают, что предварительная работа по введению и отработке лексики, грамматики и базовых речевых моделей создаёт необходимую основу для последующего перехода к анализу и обсуждению ситуаций.

Важный аспект методики разработки кейсов раскрывается в исследовании В.О. Бычковой, в котором описывается технология использования кейсов на занятиях по иностранному языку [2]. Автор подробно останавливается на логике работы с кейсом: постановка проблемы, предъявление исходных материалов, групповая дискуссия, презентация решения, рефлексия. Хотя исследование адресовано школьному уровню, предложенная последовательность этапов представляется применимой и в вузовском обучении, в том числе при подготовке специалистов в сфере туризма, с учетом усложнения содержания и повышения требований к самостоятельности студентов.

С точки зрения понимания места кейсов в общей структуре курса важны результаты исследований, в которых анализируется внедрение кейс-обучения в профессионально ориентированное преподавание иностранного языка студентов неязыковых направлений подготовки [5].

Анализ научных исследований показывает, что кейсовые задания целесообразно включать в модульную организацию курса: каждый модуль завершается кейсом, интегрирующим изученный материал и позволяющим оценить не только языковую подготовку, но и уровень сформированности профессиональных компетенций [4]. Данное положение было учтено при проектировании УМК по английскому языку для студентов туристского профиля.

Исходя из обозначенных теоретических подходов и опираясь на понимание УМК как инструмента формирования профессиональной коммуникативной культуры, в рамках УМК по английскому языку для бакалавров направления «Туристическая деятельность» был разработан и апробирован кейс «Weekend City Tour», интегрированный в модуль, посвященный городскому туризму.

Кейс «Weekend City Tour» ориентирован на студентов 2 курса, владеющих английским языком на уровне не ниже B1. Тематически он включён в модуль «Urban Tourism. City Tours and Sightseeing», в который также входят тексты о видах городских туров, упражнения на отработку лексики (sightseeing, highlights, itinerary, budget, local cuisine, feedback и др.), задания на составление кратких описаний достопримечательностей и диалогов «гид – турист».

Содержание кейса представляет собой модель профессиональной ситуации, характерной для работы менеджера по туризму в небольшом агентстве. Студентам на английском языке предлагается следующая вводная ситуация: «You are junior tour managers working for a small travel agency in your city. The agency has received a request from a group of 10–12 young tourists (aged 20–25) from another country who are coming to your city for a weekend. They want a two-day city tour that includes famous sights, some local food and a few “non-touristy” places. The budget is limited. Your task is to design a realistic weekend city tour, prepare a short written offer for the clients and present your tour plan in English».

К описанию ситуации прилагается пакет учебных материалов: краткая справка о городе (на английском языке), таблица с ориентировочными ценами на входные билеты и транспорт, выдержки из отзывов иностранных туристов, фрагменты рекламных текстов предыдущих туров агентства. Материалы адаптированы по объёму и языковым параметрам, но сохраняют структуру и лексику реальных профессиональных документов. Это позволяет, с одной стороны, опираться на принцип аутентичности, а с другой – не перегружать студентов избыточной информацией, что соответствует рекомендациям по отбору учебного материала для кейсов, сформулированным в работе А.С. Будниковой и Е.В. Ивановой [1].

Организация работы с кейсом предполагает несколько этапов, что соотносится с общими рекомендациями по технологии использования кейсов в обучении иностранным языкам.

На подготовительном этапе актуализируется тематическая лексика, отрабатываются речевые клише, необходимые для предложений клиенту и аргументации (We suggest..., This option allows you to..., Our tour includes..., We chose this place because...). Преподаватель кратко обсуждает с группой особенности молодежной целевой аудитории, факторы привлекательности городского тура, ограничения по бюджету и времени. На этом же этапе происходит распределение ролей в группах (по 3–4 человека): project

coordinator, local guide, marketing specialist, financial manager. Разделение ролей помогает избежать ситуации, когда активность проявляют только отдельные студенты, и усиливает ответственность каждого участника; подобная организация групповой работы созвучна наблюдениям А.О. Воробьевой о позитивном влиянии кейс-технологии на развитие навыков командного взаимодействия [3].

На аналитическом этапе студенты в малых группах знакомятся с исходными материалами, выделяют ключевые требования клиентов и ограничения (время прибытия и отъезда, бюджет, предпочтения), отбирают объекты показа и планируют маршрут на два дня. Преподаватель выполняет функцию модератора: задает вопросы, побуждающие к обсуждению (What would be the main “highlight” of Day 1? How can you combine traditional sights and local, less touristy places? What can be a low-cost but interesting activity for the group?), помогает при необходимости с языковыми средствами, но не предлагает готовых решений. Важной задачей является поддержание баланса между языковой и содержательной стороной задания: студенты должны сосредоточиться не только на корректности английской речи, но и на логике и реалистичности маршрута.

На продуктивном этапе каждая группа составляет краткое письменное предложение для клиентов (tour offer) объемом 150–200 слов, в котором указываются цель тура, программа по дням с указанием времени и основных объектов, ориентировочная стоимость, особенности тура (authentic experience, local food tasting, evening options и др.). Работа над письменным текстом позволяет систематизировать продуманный ранее маршрут и отработать навыки оформления профессионального документа на английском языке.

Заключительный этап посвящен устным презентациям разработанных туров. Каждая группа готовит 5–7-минутное выступление на английском языке, сопровождаемое простыми визуальными материалами (карта, схема маршрута, фотографии достопримечательностей). Одна из групп или преподаватель может выполнять роль «клиентов», задающих уточняющие вопросы и высказывающих сомнения («Isn’t it too busy for one day?», «What if the weather is bad?» и т.п.). Такая форма работы позволяет приблизить презентацию к реальной ситуации профессионального общения и стимулирует развитие у студентов не только монологической, но и диалогической речи. В логике, предложенной Е.А. Юхминой и Д.В. Шлыковой, данный этап

можно рассматривать как завершающее мероприятие модуля, интегрирующее ранее сформированные знания и умения [5].

Важным условием эффективности кейса выступает прозрачность критериев оценивания. В данном случае в фонд оценочных средств УМК по английскому языку были включены следующие критерии: 1) языковая правильность и богатство лексики; 2) профессиональная релевантность и реалистичность маршрута (учет бюджета, времени, интересов целевой аудитории); 3) структура и оформление письменного предложения; 4) логичность и убедительность устной презентации; 5) степень участия каждого члена группы. Такой подход позволяет оценивать не только уровень владения английским языком, но и сформированность элементов профессиональной компетентности, что согласуется с пониманием УМК как инструмента формирования профессиональной коммуникативной культуры [4].

Следует подчеркнуть, что описанный кейс изначально разрабатывался как «малый» по масштабу и сложности. Он не требует от студентов проведения глубокого маркетингового анализа или сложных экономических расчётов и может быть полностью реализован в рамках одного–двух аудиторных занятий. При этом кейс оказывается для обучающихся достаточно интересным и значимым: они опираются на собственный опыт участия в экскурсиях и путешествиях, предлагают нетривиальные решения (включение малоизвестных локаций, сезонных мероприятий, недорогих, но аутентичных форм досуга). Наблюдения за работой студентов показывают, что подобные задания способствуют росту уверенности в использовании английского языка в профессиональном контексте и усиливают понимание связи учебной деятельности с будущей профессией.

Результаты апробации кейса «Weekend City Tour» в составе УМК по английскому языку для бакалавров направления «Туристическая деятельность» позволяют говорить о целесообразности его дальнейшего развития и масштабирования. Перспективным представляется создание серии взаимосвязанных кейсов различной тематики (работа с жалобами клиентов, организация приема иностранной группы, взаимодействие с отелями и транспортными компаниями), распределённых по семестрам и уровням сложности. Включение подобных кейсов в УМК, на наш взгляд, будет способствовать формированию у студентов устойчивой мотивации к изучению английского языка, развитию навыков командной работы и принятию решений в условиях, приближенных к профессиональной реальности.

Подводя итог, отметим, что внедрение кейс-метода в учебно-методический комплекс по английскому языку для бакалавров направления «Туристическая деятельность» позволяет интегрировать языковую и профессиональную подготовку, придать учебному процессу практико-ориентированный характер и обеспечить более тесную связь между аудиторной работой и требованиями реального туристского рынка. При соблюдении методических условий (профессиональная релевантность кейсов, их системное включение в структуру УМК, прозрачные критерии оценивания) кейс-метод может рассматриваться как один из ключевых инструментов формирования иноязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов туристической индустрии.

Библиографический список

1. Будникова, А.С. Метод кейсов и его роль в формировании иноязычной коммуникативной компетенции / А.С. Будникова, Е.В. Иванова // Московский педагогический журнал. 2017. – №3. – С. 179–184.
2. Бычкова, В.О. Технология использования кейсов на занятиях по иностранному языку в средней общеобразовательной школе / В.О. Бычкова // Московский педагогический журнал. – 2017. – №3. – С. 69–77.
3. Воробьева, А.О. Внедрение кейс-метода в обучение английскому языку в вузе / А.О. Воробьева // Гуманитарный научный журнал. – 2015. – №1. – С. 30–31.
4. Липатова, Е.Г. Учебно-методический комплекс по иностранному языку как инструмент формирования профессиональной коммуникативной культуры будущего врача / Е.Г. Липатова // Вопросы методики преподавания в вузе. – 2022. – № 4. – С. 21–32.
5. Юхмина, Е.А. Метод введения трудных профессиональных ситуаций для развития иноязычной коммуникативной компетенции / Е.А. Юхмина, Д.В. Шлыкова // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Психолого-педагогические науки». – 2021. – №3. – С.33–36.

**ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКЕ НА МАТЕРИАЛЕ
СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НАПРАВЛЕНИЯ «ПОЖАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»**

Аннотация. В статье рассматривается комплексный лингводидактический подход, способствующий подготовке специалистов, готовых эффективно взаимодействовать в международной среде и обеспечивать безопасность с учетом современных требований. Цель статьи – изучить лингводидактические особенности и методы эффективного обучения профессиональной лексике на английском языке в среднем профессиональном образовании (СПО) по направлению подготовки «Пожарная безопасность». Особое внимание уделено практике внедрения терминов в речевую деятельность и формированию профессионально значимого словарного запаса.

Ключевые слова: лингводидактические особенности обучения; профессиональная лексика; речевые виды деятельности; терминология; закрепление лексики.

Ilyanok Olga Valerievna

Master's Student

Morokhova Olga Alexandrovna

Research Supervisor, PhD in Pedagogy,

Associate Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

LINGVODIDACTIC FEATURES OF TEACHING PROFESSIONAL VOCABULARY BASED ON THE MATERIAL OF THE FIRE SAFETY MAJOR OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION

Abstract: The article discusses a comprehensive linguistic and didactic approach that contributes to the training of specialists who are ready to effectively interact in the international environment and ensure safety in accordance with modern requirements. The purpose of the article is to study the linguistic features and methods of effective training in professional vocabulary in English in secondary vocational education (SVE) in the direction of training «Fire safety». Particular attention is paid to the practice of introducing terms into speech activities and the formation of a professionally significant vocabulary.

Key words: linguodidactic features of learning; professional vocabulary; speech activities; terminology; mastering of vocabulary.

В условиях глобализации и роста международного сотрудничества в сфере безопасности особое значение приобретает обучение профессиональной лексике иностранного языка, в том числе английского, для будущих специалистов среднего звена в области пожарной безопасности. Английский язык как язык международного общения способствует обмену опытом, пониманию нормативных документов и современных технологий, применяемых в пожарной безопасности [1].

Профессиональная лексика – это совокупность терминов, профессионального жаргона и устойчивых словосочетаний, специфичных для профессиональной сферы. В пожарной безопасности такие слова и выражения имеют точное функциональное значение, например: *fire extinguisher* (огнетушитель), *fire hazard* (пожароопасность), *emergency evacuation* (аварийная эвакуация), *fire suppression system* (система пожаротушения).

Характерные черты профессиональной лексики на английском языке включают в себя:

- терминологическую точность;
- устойчивые конструкции;
- аббревиатуры и технические сокращения;
- взаимодействие с нормативной терминологией международного образца.

Эффективное обучение профессиональной лексике требует не только знания слов, но и умения применять их в профессиональном контексте. При

этом следует учитывать лингводидактические особенности обучения, которые влияют на успешное овладение профессиональной терминологией [2].

Контекст и ситуативность. Понимание и запоминание терминов происходит глубже при их использовании в реальных или моделируемых профессиональных ситуациях. Поэтому обучение строится на разборе конкретных сценариев: аварийных ситуаций, инструктажей, подготовки отчетности. Например, студенты изучают термин «*fire alarm system*», анализируя описание ее работы и сценарии срабатывания, а затем составляют короткий монолог с использованием слов.

Многоуровневое введение лексики. Термины вводятся этапами: сначала знакомство со значением и переводом, затем работа с формами (глагол, существительное, прилагательное), синонимами, антонимами, а после — практическое упражнение.

Активизация речевых навыков. Необходима интеграция четырех видов речевой деятельности: аудирование, говорение, чтение и письмо. Акцент на говорении и письме мотивирует использовать лексику в профессиональных коммуникациях (отчеты, инструкции, переговоры). Например, студенты составляют описание действий при пожаре с использованием терминов «*to raise the alarm*», «*to use a fire extinguisher*», «*to proceed to emergency exit*».

Интеграция со смежными дисциплинами. Знание иностранных профессиональных терминов улучшается при изучении сопутствующих тем: техники безопасности, экологии, инженерных систем. Такое объединение расширяет семантическое поле лексики.

Использование мультимедийных и интерактивных средств. Видеоинструкции, обучающие презентации, симуляторы ситуаций, онлайн-платформы позволяют лучше визуализировать и закреплять лексику.

Дифференцированный подход в обучении. Учитывая разный уровень владения языком студентами, целесообразно вводить задания разной сложности и формы (индивидуальные, парные, групповые).

Реализация рассмотренных лингводидактических особенностей возможна при использовании эффективных методов и приемов обучения [3].

Метод проектов. Выполнение проектов, связанных с созданием инструкций, планов эвакуации или презентаций, где студенты применяют профессиональную лексику в английском языке.

Рабочие словари и глоссарии. Создание индивидуальных и групповых глоссариев, которые включают термины на английском языке с переводом и примерами употребления.

Ролевые и деловые игры. Моделирование профессиональных ситуаций (аварийный вызов, инструктаж, командование на месте происшествия) с активным использованием англоязычной профессиональной лексики.

Анализ профессиональных текстов. Чтение и перевод нормативных документов, технических инструкций с выделением терминологии и последующим обсуждением.

Рассмотрим практические примеры работы с профессиональной лексикой со студентами колледжа (уровень СПО).

Пример 1. Текстовая работа с профессиональной лексикой.

Fire safety regulations require that all buildings must have clearly marked emergency exits. The fire alarm system must be tested monthly and maintained by qualified personnel.

Задание: найти и объяснить ключевые термины «*emergency exits*», «*fire alarm system*», «*qualified personnel*», затем составить краткое резюме текста.

Пример 2. Устная практика в форме ролевой игры.

Задание: составить диалог между пожарным и сотрудником организации.

Студент А – пожарный, объясняет по-английски действия при пожаре.

Студент В – сотрудник организации, задает вопросы по безопасности.

Используемая профессиональная лексика: «*fire extinguisher*», «*evacuation plan*», «*smoke detector*», «*fire drill*».

Пример 3. Письменное задание по подготовке письма-отчета.

Задание: написать отчет о тренировке по пожарной безопасности, используя следующую профессиональную лексику: «*fire drill*», «*emergency response*», «*safety measures*», «*fire suppression*».

Особенности оценки профессиональной лексики включают проверку понимания терминов (тесты с выбором, перевод); умение употреблять профессиональную лексику в устной и письменной речи;

качество выполнения проектов и презентаций;

способность анализировать и интерпретировать англоязычные профессиональные тексты.

Таким образом, обучение профессиональной лексике на английском языке в сфере пожарной безопасности на уровне среднего профессионального образования требует, на наш взгляд, интеграции лингвистических и дидактических подходов, ориентированных на контекстное усвоение и практическое применение терминов. Введение лексики в реальные профессиональные ситуации, использование мультимедиа и проектных техник способствует формированию не только лингвистических, но и профессиональных компетенций.

Библиографический список

1. Ермолаева, М. В. Обучение студентов неязыкового вуза лексике сферы профессиональной деятельности / М. В. Ермолаева // Уральская горная школа – регионам : сборник докладов международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 9-18 апреля 2018 г. / Уральский государственный горный университет. – Екатеринбург ; оргкомитет: Н. Г. Валиев (отв. за выпуск) [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2018. – С. 1011–1012.
2. Маруневич, О.В. Лингводидактические аспекты формирования иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся транспортного вуза / О.В. Маруневич, Н.А. Малишевская // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №70–4. – С.241–245.
3. Садовникова, О.А. О комплексной работе над иноязычной терминологической лексикой в вузе пожарно-технического профиля / О.А. Садовникова // *Lingua mobilis*. – 2015. – № 2 (53). – С. 91–97.

УДК 372.41

Крылов Геннадий Евгеньевич

Старший преподаватель

*кафедры правовых и общественно-политических дисциплин,
ФГБОУ ВО «Тульский государственный педагогический университет*

им. Л.Н. Толстого»

(г. Тула, Российская Федерация)

**ПЕРВЫЕ СЛОВА – ФРАЗЫ – ТЕКСТЫ В «АЗБУКЕ
С КАРТИНКАМИ ДЛЯ ПРИЛЕЖНЫХ ДЕТЕЙ»
ИЗДАТЕЛЬСТВА М. ВОЛЬФА**

Аннотация: В данной статье осуществлен анализ «Азбуки с картинками для прилежных детей» издательства Маврикия Осиповича Вольфа. Осуществлено последовательное сопоставление первых слов, предложений и текстов, предложенных ребенку. Сделан вывод о том, что параллельно с процессом постепенного усвоения грамоты, происходило формирование представлений детей о мире, который их окружает.

Ключевые слов: азбука, текст, ребенок, издательство М.О. Вольфа.

Krylov Gennadiy Evgenyevich

Assistant Professor

Department of Legal and Socio-Political Disciplines

Tula State Pedagogical University

(Tula, Russian Federation)

**The first words, phrases, texts in “Alphabet Book with Illustrations
for Diligent Children” published by M. O.Wolf**

Abstract: This article presents an analysis of the «Alphabet Book with Illustrations for Diligent Children» published by Mauritius Osipovich Wolf. A systematic sequential comparison has been carried out regarding the initial words, phrases, and textual materials provided to children. The study concludes that alongside the gradual process of acquiring literacy skills, children's conceptual understanding of the surrounding world was concurrently shaped.

Keywords: alphabet, text, child, M.O. Wolf Publishing House.

Маврикий Осипович Вольф (1825-1883) – крупнейший российский издатель и книготорговец [3], который одним из первых избрал литературу для детского и юношеского чтения в качестве своей «специальности». Помимо художественных произведений для детей, Вольф выпускал и учебные издания, которые предназначались не для образовательных учреждений, а для домашнего обучения.

Сам М.О. Вольф не обладал специальными знаниями педагога или психолога, однако в его издательстве работал целый штат сотрудников нужного уровня компетенции [4]. Для не умеющих читать детей, которые только постигали основы грамоты, издательством Вольфа выпускались разнообразные азбуки – на холсте, на дощечках, на латуни, на бумаге; азбуки в виде книг, карточек, ящичков, коробочек.

«Азбука с картинками для прилежных детей» [1; 2] была выпущена издательством Вольфа в 1863–1864 гг. в двух вариантах – с изображением людей (преимущественно каких-либо профессий, либо занятых какой-либо деятельностью) и с изображениями животных (рис. 1, 2). Для удобства будем называть их азбука № 1 и № 2 соответственно.

Рис. 1. Азбука № 1

Рис. 2. Азбука № 2

Обе азбуки начинаются с алфавита, изображение букв (по две на каждой странице) сопровождается соответствующей иллюстрацией. Далее следуют таблицы и списки: азбука в таблице с прописным, строчным и курсивным видом букв; таблица с рукописным видом букв и отдельно таблица со знаками препинания; список гласных, согласных и полугласных букв.

Далее по обеим азбукам ребенок изучал слоги и несложные слова: «склады из двух... и трех букв», «образование слогов и слов», «постепенное образование слов и понятной речи». В последнем разделе после слов были представлены небольшие предложения (часто пословицы) с разделением на слоги.

После того, как ребенок овладел буквами и слогами, следовал раздел, представленный небольшими текстами (всего 11), чтобы ребенок мог освоить чтение по слогам. В азбуке № 1 раздел имел название «Первоначальное чтение по складам», в нем ребенку сообщались знания о действиях людей, времени суток, днях недели, временах года: «Он чи-та-ет. О-на по-ет...Маль-чик го-во-рит...Солн-це вста-ло, и нас-ту-пил день...О-дин день и од-на ночь со-став-ля-ют сут-ки...»[1 с.14-15]. В азбуке № 2 тот же раздел не имел заголовка, а тексты несли более широкую информацию: о планетах, небесных объектах, природных явлениях (дожде, тумане и т.д.), животных: «Мы жи-вем на зем-ле...Днем мы ви-дим на не-бе боль-шо-е све-ти-ло: это солн-це...Дож-дем вла-га об-ла-ков из-ли-ва-ет-ся на зем-лю...Со-ба-ки силь-не-е про-чих жи-вот-ных при-вя-зы-ва-ет-ся к че-ло-ве-ку...» [2 с. 14-20]

В обеих азбуках дети получали еще и первые сведения из грамматики: знания о лицах, местоимениях, категориях числа, рода и падежа: «Я и-ду. Ты и-дешь...Он чи-та-ет...Мы пи-шем»[1 с.14]; «Я здесь не о-дин. Со мной о-тец и мать...Кро-ме нас, есть мно-го дру-гих лю-дей. О-ни жи-вут, как и мы, в до-мах...» [2, с. 14]

Далее расположены тексты уже без деления на слоги, ребенок учился узнавать и запоминать целые слова, увеличивался и объем текстов, они становились длиннее.

Содержание текстов в азбуках различно. В азбуке № 1 расположены тексты о том, что близко ребенку: дом и его внутреннее убранство, двор, рынок, реки и сады, домашние животные (собака, кошка и лошадь) и т.п. Кроме того, в азбуку № 1 были включены басни: «Лягушка и вол», «Лисица и виноград» и т.д., что, вероятно, могло помочь научившимся читать детям разобраться в сложных нравственных вопросах.

В азбуке № 2 были помещены тексты, представляющие ребенку более подробную информацию о животных и их видах (млекопитающих, птицах и др.), растениях, полезных ископаемых.

Традиционно включаемые авторами в азбуки того времени молитвы («Отче наш», молитвы перед и после учения) были представлены в обеих азбуках. Завершались обе азбуки таблицами с цифрами (арабскими и римскими), счетом до 210 и таблица умножения.

Итак, по мере освоения ребенком навыка чтения, предложение в «Азбуке для прилежных детей» тексты усложнялись по тематике и увеличивались в объеме. Вместе со знанием грамматических норм формировались начальные представления ребенка о мире вокруг, осуществлялось знакомство с основами науки и культуры.

Библиографический список

1. Азбука с картинками для прилежных детей: № 1. – Санкт-Петербург: М.О. Вольф, 1864. – 36 с., 14 с. ил.
2. Азбука с картинками для прилежных детей: № 2. – Санкт-Петербург: М.О. Вольф, 1863. – 36 с., 14 с. ил.
3. Большая российская энциклопедия 2004–2017. – URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/1928095 (дата обращения: 17.01.2026)
4. Либрович, С. Ф. На книжном посту: Воспоминания, записки, документы / С. Ф. Либрович. – Петроград; Москва: Т-во М.О. Вольф, 1916. – 496 с.
5. Ромашина, Е. Ю. «Азбука с картинками для прилежных детей» в издательской практике М.О. Вольфа / Чтения памяти Николая Николаевича Страхова : Материалы XI-XII международных конференций (программы, тезисы выступлений, доклады), Белгород - Москва - Санкт-Петербург: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2024. – С. 107-110.

Mezentseva Aleksandra Olegovna

Student

Arsenyeva Elena Aleksandrovna

Research Supervisor, Assistant Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

GAME BASED LEARNING OR MOTIVATION FOR LEARNING THROUGH PLAY

Abstract: The article examines specific didactic material and methodological techniques for working with German as a foreign language: vocabulary, poetic translation, translation of contextual modifications. By playing, we learn and assimilate, and in the game we motivate to study.

Keywords: vocabulary; family of words; poetry; mass media; advertising; street signs as educational material.

Мезенцева Александра Олеговна

студент

Арсеньева Елена Александровна

старший преподаватель кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ОБУЧЕНИЕ НА ОСНОВЕ ИГР, ИЛИ МОТИВАЦИЯ К ОБУЧЕНИЮ ЧЕРЕЗ ИГРУ

Аннотация. Статья рассматривает конкретный дидактический материал и методические приёмы работы с немецким языком как иностранным: словарным запасом, поэтическим переводом, переводом контекстных модификаций. Играя – учимся и усваиваем, в игре мотивируем к изучению.

Ключевые слова: Wortschatz; Wortfamilie; Poesie; Massenmedien; Werbung; Straßenschilder als Unterrichtsmaterial.

Am Wortschatz arbeiten, um Wortschatz zu beherrschen, leicht lesen und verstehen zu können

1. Bildet Wortfamilien: strafen, bestrafen, die Strafe, der Straftäter, strafbar...
2. Bildet thematische Reihen: das Gericht, der Richter, der Verteidiger, der Schöffe...
3. Bildet Analogieschlüsse:
Person – Tätigkeit: Polizist – verhaften; Minister – ...; Politiker – ...;
Gegenstand – Zweck: Messer – stechen; ...
4. Wenn die Gruppe mehrsprachig ist, können Beispiele in allen Sprachen eingeführt werden. Z.B. Wortfamilie: sprechen, besprechen, versprechen, aussprechen, Sprache, Muttersprache, Amtssprache, Fremdsprache,...; speak, speaker, spelling ...; спрашивать, шептать, спорить... Dabei beachten wir nicht nur, dass die Wörter stammverwandt sind; sondern auch gleiches Phonem und gleiche/ähnliche Bedeutung haben.

Schreiben/ Sprechen

Veranstalten Sie einen runden Tisch oder eine Konferenz (ein Rollenspiel) zum Thema: „Mein künftiger Beruf“.

1. Halten Sie einen Vortrag, als ob Sie ein Richter, Staatsanwalt, Untersuchungsführer ... wären.
2. Jeder entscheidet sich für einen Beruf.
3. Halten Sie dabei an den folgenden Plan:
 - Was sind Sie?
 - Wo haben Sie studiert?
 - Welche Fächer standen auf dem Unterrichtsplan?
 - Wo sind Sie berufstätig, in welchen Behörden arbeiten Sie?
 - Ihre Kompetenzfelder (was können Sie, was sollen Sie machen)?
4. Sammeln Sie Eigenschaften und Qualitäten, die Ihrer Meinung nach auf dem Arbeitsmarkt besonders geschätzt werden.
5. Mögliche Präsentationsformen: Podiumsdiskussion, Vortrag.

Schreiben/ Sprechen/ Aufführen

Mein Vorbild: Die Russen, die Deutschen (Politiker, Denker, Dichter, Schriftsteller, Nobelpreisträger...) in der Welt.

1. Bilden Sie 2-3 Gruppen. Jede Kleingruppe entscheidet sich für eine Person.
2. Besprechen Sie in der Studiengruppe die Kriterien der Auswahl.
3. Mögliche Präsentationsformen: Wandzeitung, Bericht, Plakat, Collage, Flugblatt, Bildergeschichte, Quiz, Infostand, Beitrag für Studentenkonzferenz, Präsentation, Video, Audio usw.

Lesen/ Schreiben/ übersetzen

An der Poesie arbeiten

Am Anfang des Unterrichts kann man die Gruppe in zwei oder drei Mannschaften einteilen und es wird den Teilnehmenden vorgeschlagen, sich an die Gedichte und Lieder zu erinnern, die schon gelernt worden waren. Gewöhnlich trägt man Gedichte gerne vor. Der Wettbewerb macht den Teilnehmenden immer Spaß.

Die Gedichte oder Prosastücke übersetzen, umformen, bessere Varianten wählen trägt dazu bei, Kompetenzen zu beherrschen, die für einen Lehrer, Übersetzer oder Dolmetscher höchst wichtig wären. Der Lehrende kann sowohl Übersetzungen der bekannten Dichter als auch eigene Übersetzungen anbieten; damit die Lernenden aktiver und motivierter handeln könnten.

Die Lorelei	Лорелея
Ich weiß nicht, was soll es bedeuten, Das ich so traurig bin; Ein Märchen aus alten Zeiten, Das kommt mir nicht aus dem Sinn.	Не знаю, что это значит, Охвачен печалью я, Старая сказка полна печали, Она печалит меня.
Die Luft ist kühl und es dunkelt, Und ruhig fließt der Rhein; Der Gipfel des Berges funkelt Im Abendsonnenschein.	Воздух свеж, вечереет, Тихо плещет в Рейне волна, Лишь вершина горы сияет, Солнцем вечерним освещена.
Die schönste Jungfrau sitzet Dort oben wunderbar, Ihr goldnes Geschmeide blitzet, Sie kämmt ihr goldenes Haar.	Там на самой вершине Юная дева сидит, Златую косу распустила, Гребнем её пушит.
Sie kämmt es mit goldenem Kamme, Und singt ein Lied dabei; Das hat eine wundersame, Gewaltige Melodei.	Гребень, как лютия златая, Песня из уст звучит, Песня полна печали, Кто пред такой устоит?
Den Schiffer im kleinen Schiffe	Мимо судёнышко плыло,

Ergreift es mit wildem Weh; Er schaut nicht die Felsenriffe Er schaut nur hinauf in die Höh'. Ich glaube, die Wellen verschlingen Am Ende Schiffer und Kahn Und das hat mit ihrem Singen Die Lorelei getan. <i>Heinrich Heine (1797-1856)</i>	Бравый сидел капитан, Прямо по курсу скалы, Взгляд его ввысь устремлён. И я с сожалением знаю, Поглотит его пучина, А виновата в том Лорелея, Что с тоскою поёт на вершине. <i>(перевод Арсеньевой Е.; 2024 г.)</i>

Lesen/ Schreiben/ übersetzen

Ein breites Spektrum stellen uns beim Lernen der Fremdsprachen Massenmedien dar. Aufgaben: Welche Redewendungen wurden verändert? Auf welche Weise? Wie wäre es mit der Übersetzung aus dem Russischen ins Deutsche? Einige Artikeltitle (www.aif.ru № 47, 2025) zur Analyse. *«Пока разгром не грянет; Оскалоносный триллер; Острая врачебная недостаточность; Изменения мао помалу; Ищи метра в поле; Кормовое предупреждение; Офицерское знание; Пути, которые нас с выбирают»* (www.aif.ru № 48, 2025). *«Антивандальное открытие; Яблочный сказ; От избытка снежности; Верхом от стресса; Поставить на зарядку; Квашиной патриотизм; Расширение русского тира»*.

Projekte! Recherchieren, analysieren, mit Wörterbüchern arbeiten

Spaziergänge/ Rundgänge durch die Orte bringen viel mit. Straßenschilder, Aushängeschilder Werbung liefern auch ohne Zweifel den inhaltsreichen Lernstoff. Sie gehören selbstverständlich zum Bild unserer Stadt, wir nehmen sie wahr.

Machen Sie sich auf die Suche nach interessanten Aushängeschildern. Was fällt Ihnen auf? Worauf muss Ihr Augenmerk besonders gerichtet werden? Wie kann das ins Deutsche, Englische übersetzt werden?

Sehen Sie sich die Fotos unten an und beantworten Sie die Fragen: Wer war der Auftraggeber? Warum hat er so einen Typ gewählt? Was lernen wir aus solchen Überschriften? Spiegelt der Besitzer mit dem Schild sein Innerstes nach außen? Werden die Kunden durch solche Werbung angelockt? Sind Fakenews oder Fakewörter zum Nutzen oder vernichten Sie die Sprache? Bereichert uns solche Spracherscheinung, Mischung aus allen Sprachbereichen, aus verschiedenen Fremdsprachen? Was meinen dazu die modernen Sprachforscher? Blicken Sie jedoch in die langjährige Geschichte der Spracherscheinung.

Реклама или антиреклама

Wir haben doch mit Geisteswissenschaften zu tun, müssen im Stande sein, zu verstehen, zu analysieren und zu beurteilen, um nicht als Lehrer, sondern auch als Sprachforscher tätig zu sein. Die Sprache ist stets beweglich und lebendig. Der Fremdsprachenunterricht ist wohl als ein Bestandteil der Wirklichkeit zu verstehen, mit all Veränderungen und Modifikationen, kaum als „versteinerte“ Struktur.

Библиографический список

1. Ильясова, С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы / Л.П. Амири; С.В. Ильясова. – 8-е изд., стер. – Москва : ФЛИНТА, 2025. – 297 с. – ISBN 978-5-9765-0825-5. – URL: <https://rucont.ru/efd/714225> (дата обращения: 10.02.2026).

УДК 37.013.41

Му Мин
аспирант
Чжоу Шуи
аспирант

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
(г. Москва, Россия)*

ИННОВАЦИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ КИТАЙСКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ НА ОСНОВЕ ЗАДАЧ «МИНИ-СИТУАЦИЙ» В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. В статье предложена инновационная модель обучения китайской разговорной речи на основе «мини-ситуация», направленная на формирование межкультурной компетенции. Модель преодолевает разрыв между языковой практикой и культурным контекстом через аутентичные мини-ситуации, фокусирующиеся на конкретных точках межкультурных различий.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; китайский язык; мини-ситуация; задачный подход; культурные различия

Mu Ming
PhD Student
Zhou Shuyi
PhD Student

*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(Moscow, Russian Federation)*

INNOVATION IN TEACHING SPOKEN CHINESE BASED ON “MINI- SITUATION” TASKS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Abstract: The article proposes an innovative teaching model for Chinese spoken language based on “micro-scenarios”, aimed at developing intercultural competence. This model bridges the gap between language practice and cultural context through authentic micro-scenarios that focus on specific points of intercultural differences.

Keywords: intercultural communication; Chinese language; mini-situation; task-based approach; cultural differences

Глава 1. Теоретические основы и анализ проблем: обучение китайской разговорной речи для русскоязычных учащихся в ракурсе межкультурной коммуникации

1.1 Определение межкультурной коммуникации

Американский лингвист Ладо однажды сказал: «Язык является частью культуры и одновременно основным средством выражения других её составляющих, влияя на культурные традиции обеих сторон». Язык и культура тесно переплетены и неотделимы друг от друга. Язык каждого народа отражает уникальные социальные обычаи, политические, экономические, исторические и географические особенности своей культуры. Язык содержит в себе культуру и является её носителем. Культура, в свою очередь, ограничивает язык и одновременно обогащает его. Китайский культуролог Ху Вэньчжун отметил: «Процесс общения между людьми с разным культурным происхождением — это и есть межкультурная коммуникация» [1, с. 1]. Когда люди с разным культурным бэкграундом общаются, непонимание культуры друг друга может привести к культурным недоразумениям или даже конфликтам. Таким образом, очевидно, что способность к межкультурной коммуникации играет крайне важную роль в обучении устной речи.

1.2 Существующие недостатки в обучении устной речи

Одной из важнейших функций языка является его инструментальность. Изучение языка предполагает не только овладение его лексикой и грамматикой, но и способность использовать его в реальных ситуациях, при этом устное общение занимает особо значимое место в речевой коммуникации. Преподавание иностранных языков, «в силу своей базисности, междисциплинарности, культурного разнообразия и межкультурной специфики, обладает уникальной культурной функцией» [2, с. 79]. Х.Д. Браун писал: «Культура как набор устойчивых моделей поведения и мышления становится чрезвычайно важной при изучении второго языка... Изучение второго языка — это одновременно изучение второй культуры». Поэтому одной из ключевых целей в преподавании иностранных языков является развитие у студентов межкультурной компетенции, чтобы они могли корректно использовать иностранный язык в устной речи для межкультурного общения, а также разрешать культурные недоразумения и конфликты. [3, с. 129]

Однако существующее обучение устной речи чаще всего делает акцент на теоретических знаниях, слабо сочетаясь с реальными коммуникативными ситуациями. Профессор Московского государственного лингвистического университета Соловьёв провёл социологическое исследование,

в котором тысячи российских респондентов, изучающих китайский язык, отметили, что 76,2% из них считают, что в вузах, занимающихся преподаванием китайского языка в России, упор делается на теоретические курсы, а не на практические языковые курсы. Это приводит к недостатку устной практики у студентов и слабым навыкам устной речи на китайском языке. Поэтому необходимо внедрять специальные курсы, сочетающие языковые знания с культурой, историей, литературой и живописью Китая. [4]

Глава 2. Практические примеры обучения устной речи в рамках «мини-ситуация»

Данная глава направлена на преобразование теории межкультурной коммуникации в практику, применимую в учебной аудитории. Ниже представлены два примера мини-ситуаций, сфокусированных соответственно на сферах «рабочей среды» и «повседневной жизни». Основная логика их разработки заключается в следующем: создание высоко реалистичной учебной задачи, содержащей типичный культурный конфликт, которая побуждает студентов в процессе её решения активно интегрировать языковые формы, социальные стратегии и культурное восприятие, тем самым осуществляя переход от знаний к компетенции. Обучение по каждому сценарию следует циклическому пути: «переживание (опыт) — анализ — тренировка стратегий — осмысление и интериоризация».

1. Мини-ситуация в рабочей среде — «Ценовые переговоры» в деловых переговорах

Исходя из предыдущего обсуждения важности инструментальных языковых навыков и делового общения, рабочая сфера является ключевым полем для проверки эффективности обучения межкультурной коммуникации. Деловые переговоры, и особенно этап согласования цен, концентрированно обнажают глубинные различия между китайской и российской сторонами в деловой логике, стиле коммуникации и восприятии отношений. Если обучать только переговорной лексике и речевым клише, игнорируя лежащие в их основе различные культурные сценарии — «акцент на отношениях» (Китай) и «акцент на условиях» (Россия), — студенты легко могут попасть в ситуацию «язык правильный, но переговоры провалились». Таким образом, данная мини-ситуация разработана именно для устранения этого пробела в обучении, помещая абстрактные «культурные различия» под давление конкретных переговоров об интересах, вынуждая студентов в условиях имитационного взаимодействия пережить, проанализировать и преодолеть культурные барьеры.

Этот сценарий имитирует переговоры между китайскими и российскими деловыми партнерами по цене на продукцию. Обучение начинается с представления конкретной дилеммы: предложенная китайской стороной цена значительно превышает бюджет российской стороны, при этом китайская сторона в переговорах уделяет больше внимания установлению отношений и долгосрочному сотрудничеству, а не немедленному фокусу на цифрах. Весь учебный процесс сначала погружает студентов в эту тупиковую ситуацию, позволяя им почувствовать фрустрацию, вызванную различиями в культурных подходах: прямая и откровенная манера, привычная для российской стороны, здесь может быть воспринята как резкость или даже неучтивость. Затем обучение переходит к функциональному декодированию, помогая студентам понять скрытое влияние таких концепций китайской деловой культуры, как «лицо» (面子 miànzi), «человеческие отношения» (人情 rénqíng) и «связи» (关系 guānxi), на ритм переговоров, и целенаправленно тренировать стратегические языковые формулы на китайском языке, такие как «выражение уступки с помощью условных предложений» или «предварение отказа признанием заслуг», которые учитывают как позицию, так и отношения. Наконец, студенты применяют новые стратегии в ролевой игре, переигрывая сценарий, и размышляют о том, как найти баланс между ценными китайской стороной «гармоничными переговорами» и желаемым ими самими «чётким результатом». Ключевая функция данной разработки заключается в том, чтобы превратить абстрактную «китайскую культуру» в осязаемые и анализируемые различия в переговорном поведении, направив изучение языка непосредственно на достижение практической цели — разрешение межкультурных деловых тупиков, тем самым эффективно преодолевая разрыв между теоретическим обучением и практической реализацией.

2. Мини-ситуация в бытовой сфере — «Реакция на гостеприимство» во время дружеского застолья

Межкультурная компетенция важна не только для успеха в работе, но и глубоко укоренена в социальных взаимодействиях повседневной жизни. Как упоминалось в теоретической части, культура определяет конкретные способы использования языка, что особенно ярко проявляется в таком высоко ритуализированном аспекте жизни, как застолье. Содержащиеся в китайском гостеприимстве проявления «радушия», такие как настойчивое угощение едой и алкоголем, заботливые расспросы, часто вступают в прямое противоречие с представлениями о личных границах в российской культуре

и являются распространённой причиной глубоких недоразумений и дискомфорта в повседневном общении. Учитывая, что текущее обучение устной речи часто упускает систематическое преподавание подобных прагматических культурных правил, данная мини-ситуация специально выбирает эту ситуацию, стремясь расширить обучение от поверхностного уровня языка до глубинной логики социального поведения, развивая у студентов чувственное восприятие и стратегические навыки реагирования на такие ключевые культурные концепции, как «человеческие отношения» (人情 rénqíng) и «лицо» (面子 miànzǐ), тем самым осуществляя настоящий переход от «умения говорить» к «умению общаться».

Данный сценарий предполагает, что российский студент приглашён на ужин в дом к китайскому другу и сталкивается с «давлением радушия» в виде настойчивого угощения и расспросов на личные темы. Учебный процесс начинается с переживания культурного шока, помещая студентов в ситуацию социального давления, требующего немедленной реакции. Затем обучение углублённо анализирует логику китайского гостеприимства и коллективистского взгляда на межличностные отношения, стоящую за этим «радушием», и сравнивает её с распространённым в российской культуре вниманием к личным границам. Ключ к реализации функциональности заключается в том, что обучение не требует от студентов полного принятия чужих норм, а развивает у них способность к «стратегической уместности»: то есть тренирует использование языковых и поведенческих стратегий, таких как «переключение внимания через комплименты еде» или «поднятие чая вместо алкоголя с искренней благодарностью», что позволяет сохранить собственную зону комфорта, одновременно учитывая «лицо» хозяина. Посредством повторяющихся симуляций и обсуждений студенты в конечном итоге должны прийти к пониманию, что успех межкультурной коммуникации заключается не в единообразии поведения, а во взаимопонимании и уважении намерений. Эта разработка направлена непосредственно на наиболее часто упускаемый в обучении устной речи прагматический уровень, стремясь развить у студентов чувствительность к глубоким культурным ценностям и мета-способность к гибкому согласованию и самоадаптации между различными культурными правилами, что и является краеугольным камнем эффективной межкультурной коммуникации.

В заключение, два примера мини-ситуаций, хотя и относятся к разным сферам, основаны на единой педагогической концепции: отправной точкой

служит культурный конфликт, инструментом решения — стратегическая языковая тренировка, а конечной целью — формирование межкультурного сознания. Вместе они составляют целостную картину компетенций, охватывающих сферы от «работы» до «жизни», предоставляя российским студентам языковые и когнитивные рамки для уместного поведения в реальном социокультурном пространстве Китая.

Заключение

Настоящее исследование, основанное на теории межкультурной коммуникации и направленное на решение таких ключевых проблем в долгосрочном обучении устной китайской речи у российских студентов экономических специальностей, как разрыв между культурным обучением и практическим применением, отсутствие прагматических правил и других, предлагает модульную структуру курса, сфокусированную на «мини-ситуациях». Посредством разработки примеров двух типичных мини-ситуаций — «деловые переговоры» и «дружеское застолье» — данное исследование наглядно демонстрирует, как органично интегрировать языковые формы, профессиональное содержание и глубокое культурное восприятие, превращая таким образом абстрактную цель формирования межкультурной компетенции в практику аудиторного обучения, которая является операционализируемой, тренируемой и оцениваемой.

Основные выводы данной работы заключаются в следующем: во-первых, эффективное обучение профессиональному китайскому языку для российских студентов должно выходить за рамки простой тренировки языковых навыков, активно преобразуя культурное обучение из статичной передачи знаний в динамичный процесс решения коммуникативных задач. Во-вторых, модель обучения на основе «мини-ситуаций», путём создания высоко реалистичных, содержательных конфликтных ситуаций реальных задач, может эффективно стимулировать культурное сознание и стратегическое мышление учащихся, являясь ключевым путём к интеграции языка, профессии и культуры. Наконец, разработка учебных программ для российских учащихся должна уделять особое внимание ярким контрастам между Китаем и Россией в деловой логике, социальных нормах и других аспектах, направляя учащихся к углублению понимания через сравнение и достижение адаптации через опыт.

Практическая значимость данного исследования заключается в предоставлении конкретного перехода от теории к аудиторной практике для обучения китайскому языку в сфере экономики и торговли для русскоязычных

учащихся; предложенные принципы разработки и примеры могут быть непосредственно использованы и адаптированы преподавателями. Однако, как теоретическая основа и предварительная разработка, её эффективность ещё требует проверки и оптимизации в будущем посредством долгосрочных педагогических экспериментов и строгих эмпирических исследований. Последующие исследования могут быть направлены на дальнейшую разработку серийных, цифровых учебных ресурсов на основе мини-ситуаций, а также на углублённое отслеживание долгосрочного влияния данной модели на межкультурное коммуникативное поведение и психологию учащихся.

В конечном счёте, глубокая интеграция межкультурной коммуникации в модульные курсы, построенные на основе «мини-ситуаций», является не только обязательным требованием для повышения уместности и эффективности устного общения на китайском языке у российских студентов, но и активным поиском путей подготовки комплексных специалистов, способных по-настоящему соответствовать потребностям времени в условиях китайско-российских экономических и торговых обменов.

Библиографический список

1. Ху Вэньжун. Введение в межкультурную коммуникацию / Пекин: Издательство иностранных языков и исследований, 1999. - 209с. -ISBN ISBN-13(978-7-5600-1660-3)
2. Хань Хайянь. Преподавание английского языка с точки зрения «культурного кампуса» // Журнал «Преподавание в китайских университетах». -2009. -№2. -с.78-82
3. Brown, H. D. Principles of Language Learning and Teaching (1st ed.) / Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1980. - 276с. -ISBN0137092954
4. Сунь Цюхуа, Фан Синьяо : Газета «Общественные науки в Китае» Интернет-версия : сайт. - Китай, 2022.- URL: https://cssn.cn/gjgc/gjgc_whsh/202212/t20221226_5572607.shtml (дата обращения: 26.12.2022)

УДК 378.4

Парфеева Юлия Александровна

старший преподаватель

Северовостокова Елена Владимировна

старший преподаватель

*ФГБОУ ВО «Российский государственный
педагогический университет имени А.И. Герцена»*

(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)

**ФОРМИРОВАНИЕ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ
ЧЕРЕЗ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
КИНОТЕКСТА: КЕЙС ФИЛЬМА «ЗЕМЛЯНИЧНАЯ ПОЛЯНА»
И. БЕРГМАНА**

Аннотация. В статье представлена стратегия лингвокультурологического анализа кинотекста в высшей школе. На примере фильма И. Бергмана «Земляничная поляна» демонстрируется методика декодирования ключевых культурных концептов. Апробированные методы ассоциативного отклика, концептуальных карт и межтекстового анализа способствуют формированию мультимодальной грамотности и межкультурной компетенции студентов.

Ключевые слова: кинотекст; лингвокультурологический анализ; поликодовый текст; концепт; Ингмар Бергман; «Земляничная поляна».

Parfeeva Yuliya Aleksandrovna

Assistant Professor

Severovostokova Elena Vladimirovna

Assistant Professor

Herzen State Pedagogical University of Russia

(St. Petersburg, Russian Federation)

**DEVELOPING MULTIMODAL LITERACY THROUGH
LINGUOCULTURAL ANALYSIS OF FILM TEXT:
A CASE STUDY OF I. BERGMAN'S "WILD STRAWBERRIES"**

Abstract. The article presents a strategy for the linguocultural analysis of film text in higher education. Using the example of Ingmar Bergman's film "Wild Strawberries", it demonstrates a methodology for decoding key cultural concepts.

The tested methods of associative response, conceptual mapping, and intertextual analysis contribute to the development of students' multimodal literacy and intercultural competence.

Keywords: film text; linguocultural analysis; multimodal text; concept; Ingmar Bergman; "Wild Strawberries".

Введение

Современный этап развития социогуманитарного знания характеризуется устойчивой тенденцией к визуальному повороту, в рамках которого визуальный образ приобретает статус ведущего медиатора культурных смыслов [2, с. 98]. Данная парадигмальная трансформация оказывает непосредственное влияние на образовательные стратегии, актуализируя необходимость модернизации классических, вербально-центрированных методик преподавания. В условиях доминирования экранной культуры и информационной гипернасыщенности формирование критической медиаграмотности становится одной из ключевых педагогических задач, что находит отражение в современных исследованиях по медиаобразованию [9, с. 34; 8].

Кинематограф, в силу своей синтетической природы, представляет собой репрезентативный объект такого рода: смысловая целостность кинопроизведения конструируется в результате сложного взаимодействия словесного ряда, визуального образа, звукового сопровождения и монтажной логики. Это позволяет определять кинотекст как связное, целостное и завершенное сообщение, обладающее высокой степенью семиотической насыщенности [5, с. 37].

Интеграция кинотекста в образовательный процесс высшей школы решает комплекс педагогических задач. Она формирует критическую мультимодальную грамотность и межкультурную компетенцию через семиотическое декодирование ключевых концептов [9; 6]. Одновременно работа с аутентичным материалом активизирует языковую практику, развивает концептуальное мышление на иностранном языке и повышает учебную мотивацию студентов [4].

В данном исследовании представлена практическая реализация и педагогическая апробация ранее разработанной авторами концептно-ориентированной стратегии на примере лингвокультурологического анализа фильма Ингмара Бергмана «Земляничная поляна» [3].

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- Обосновать выбор кинотекста как репрезентативного объекта для лингвокультурологического анализа в образовательном контексте.
- Разработать и описать многоуровневую стратегию лингвокультурологического анализа, адаптированную для работы с кинотекстом в аудитории высшей школы.
- На примере конкретного произведения (фильма Ингмара Бергмана «Земляничная поляна») продемонстрировать методику выявления и декодирования ключевых культурных концептов.
- **Представить результаты педагогической апробации стратегии с точки зрения её влияния на формирование мультимодальной грамотности и межкультурной компетенции студентов.**

Методологическую основу исследования составляют принципы интегративного подхода, сочетающего методы лингвокультурологии, визуальной семиотики и концептуального анализа. В работе применяется: дескриптивный анализ, метод кейс-стади (на примере конкретного учебного задания), методика построения концептуальных карт, сравнительно-сопоставительный анализ для выявления лингвокультурной специфики.

1. Обоснование выбора материала исследования

В качестве репрезентативного материала для решения указанных задач было избрано творчество Ингмара Бергмана, признанного классика мирового авторского кинематографа, чьи работы представляют собой эталонное сочетание философской глубины, психологической достоверности и визуальной выразительности. Конкретным объектом анализа выступил фильм «Земляничная поляна» (швед. *Smultronstället*, 1957), который рассматривается как идеальный учебный кейс для лингвокультурологического декодирования. Его выбор детерминирован следующими критериями:

1. Концептуальная насыщенность и культурная репрезентативность. Фильм аккумулирует ключевые интенции европейской культуры середины XX века — экзистенциальный кризис, рефлексия о конечности человеческого существования, проблему подведения жизненных итогов. Он выступает «концентратом» культурных смыслов, что делает его ценным объектом для выявления и анализа лингвокультурных концептов — единиц коллективного знания, имеющих языковое выражение и отмеченных этнокультурной спецификой [1, с. 70]. Такие концепты, как СМЕРТЬ (DÖD), ПАМЯТЬ (MINNE), ОДИНОЧЕСТВО (ENSAMHET), представлены в фильме не в виде абстрактных идей, а воплощены в конкретной, доступной для декодирования системе аудиовизуальных и вербальных знаков.

2. **Четкость нарративной и семиотической организации.** «Земляничная поляна» построена по модели путешествия-рефлексии, где физическое перемещение профессора Исаака Борга из Стокгольма в Лунд параллельно его внутреннему путешествию вглубь памяти и совести. Эта трехчастная структура (отправление — путь — прибытие/итог) с инкорпорированными в нее сновидческими и мнемоническими эпизодами обладает высокой степенью композиционной ясности. Подобная структурированность облегчает для студентов задачу навигации по тексту и поэтапного вычленения смысловых блоков, связанных с различными концептами.

3. **Богатство и доступность для анализа поликодовых средств выражения.** Киноязык Бергмана отличается отчетливой семиотической проявленностью, что делает фильм «прозрачным» для учебного анализа. Для репрезентации концептов используются:

- Визуальный код: символы-лейтмотивы (часы без стрелок, пустой гроб, земляничная поляна), контрастное освещение, композиция кадра, подчеркивающая изоляцию героя.
- Вербальный код: диалоги, насыщенные экзистенциальной лексикой, исповедальные монологи, ключевые реплики-маркеры концептов.
- Звуковой и монтажный код: наплывы, визуализирующие работу памяти, тишина как смысловой акцент, диссонирующий звук сердцебиения в кошмаре.

4. **Дидактическая ценность и оптимальный хронометраж.** Фильм обладает высокой степенью эмоциональной и интеллектуальной вовлеченности, что способствует мотивации студентов. Его продолжительность (91 минута) является методическим преимуществом, позволяя сохранить целостность восприятия и провести глубокий анализ в рамках одного-двух занятий без фрагментации внимания.

Таким образом, выбор фильма И. Бергмана «Земляничная поляна» в качестве объекта анализа является научно и педагогически обоснованным, так как он представляет собой целостный, семиотически богатый и концептуально емкий культурный текст.

2. Методология и организация педагогического процесса

Предлагаемый кейс построен на принципах интегративного и деятельностного подходов и включал последовательные этапы работы с кинотекстом:

1. Подготовительный этап: Краткое введение в творчество И. Бергмана и семиотику кино, постановка целей анализа.

2. Этап первичного восприятия: Совместный просмотр фильма.
3. Этап аналитического декодирования: Поэтапная работа по выявлению и анализу ключевых концептов через их поликодовые репрезентанты.
4. Этап синтеза и визуализации: Коллективное построение концептуальных карт, отражающих иерархию и связи между концептами.
5. Этап межтекстового и компаративного анализа: Проведение параллелей с другими произведениями искусства (литература, кино, живопись).
6. Этап рефлексии и оценки: Организация проблемно-ориентированной дискуссии и проведение анонимного рефлексивного опроса.

3. Анализ концептосферы фильма «Земляничная поляна»

3.1. Активация первичного ассоциативного отклика

Первым шагом после просмотра является процедура **активации первичного эмоционально-смыслового отклика**. Студентам предлагается оперативно назвать три слова или образа, наиболее ярко запечатлевшиеся в их восприятии. Этот приём, основанный на принципе свободной ассоциации, преследует определенные цели: фиксацию непосредственного впечатления, выявление доминантных смысловых узлов и создание общего для группы «первоначального словаря».

3.2. Структура концептуального поля: ядерные и периферийные компоненты

На основе выявленных ассоциаций необходимо провести уточнение и структурирование концептуального поля фильма. К доминантным (ядерным) концептам, определяющим философскую проблематику, можно отнести:

- **Концепт «Смерть»**, репрезентированный комплексом поликодовых знаков. Визуальный ряд включает иконические символы конечности: *часы без стрелок, гроб и труп, фигура мужчины без лица, мертвое дерево и сцена автокатастрофы*. Аудиальный компонент представлен *навязчивым звуком сердцебиения*.

- **Концепт «Одиночество»** реализуется преимущественно через пространственную семиотику и композиционные решения. Мотив изоляции кодируется через: *пустые, аскетичные интерьеры (кабинет, дом), кадры с одинокими фигурами в архитектурном или природном обрамлении*; а также через *метафорические образы старости, дождя и воды*.

- **Концепт «Память»** структурирует нарратив, выступая в качестве основного модуля повествования. Его содержательное наполнение формируется мнемоническими лейтмотивами: *земляничная поляна* и *летний дом, зеркало, сцены юности* (идиллия с Сарой, родители на рыбалке, семейный завтрак, экзамен), *травматические воспоминания* (измена жены, отсутствие отца).

Периферийную зону концептосферы составляют концепты, конкретизирующие социальный контекст и бытийные обстоятельства профессора Борга:

- **Концепт «Работа / Профессиональное признание».** Объективирован в сюжетных эпизодах, подчеркивающих публичный, формальный статус героя: упоминание *50-летней врачебной практики, торжественная церемония вручения почетной премии, эпизод благодарности на заправке*. Данный концепт выполняет важную контрастную функцию, актуализируя оппозицию между внешним социальным успехом, уважением и внутренней экзистенциальной опустошенностью, эмоциональной нищетой.

- **Концепт «Семья / Семейные отношения».** Раскрывается через драматургию межличностных конфликтов и психологических дистанций: *напряженный, обвинительный диалог с невесткой Марианной; символическая, лишенная тепла встреча с холодной, отстраненной матерью; сухие, прагматичные взаимоотношения с домработницей Агдой; отчуждение от собственного сына*. Эти элементы выстраивают картину глубокого кризиса приватной, эмоциональной сферы жизни персонажа.

Для наглядной визуализации выявленной структуры предлагается методика цветового кодирования концептов. Ядерные концепты можно выделить следующими маркерами: **Черный** = Смерть и связанные концепты; **Серый** = Одиночество и изоляция; **Синий** = Память и прошлое; Периферийные: **Красный** = семья, Зеленый = работа. Графическое дифференцирование помогает студентам четко осознать иерархию смыслов в художественном мире фильма.

3.3. Система семантических связей между концептами

Следующим этапом является выявление и категоризация связей между концептами, что позволяет реконструировать динамическую семантическую модель кинотекста. В данном материале можно установить и визуализировать (с помощью стрелок разного цвета и типа) три основных типа связей:

1. **Причинно-следственные связи (обозначены желтым цветом).** Образуют каркас нарративной и экзистенциальной логики фильма.

- «Семья → Смерть»: Взаимоотношения в семье усиливают страх смерти.

- «Семья → Одиночество»: Семейные отношения (эмоциональная холодность, упреки в эгоизме) являются причиной психологического отчуждения.

- «Семья → Память»: Семейный опыт служит источником воспоминаний (как счастливых, так и болезненных).

- «Работа → Одиночество»: Тотальная поглощенность профессиональной деятельностью ведет к социальной и эмоциональной изоляции.

- «Одиночество → Память»: память помогает герою познать себя.

2. **Ассоциативные связи (обозначены малиновым цветом).** Раскрывают глубинные, часто имплицитные и эмоционально окрашенные корреляции.

- «Семья ↔ Смерть»: Отношения в семье (холод, формальность, ответственность как бремя) ассоциируются с эмоциональным «умиранием».

- «Семья ↔ Память»: Концепт семьи существует для героя преимущественно в ностальгическом измерении.

- «Смерть ↔ Одиночество»: страх смерти обнажает одиночество.

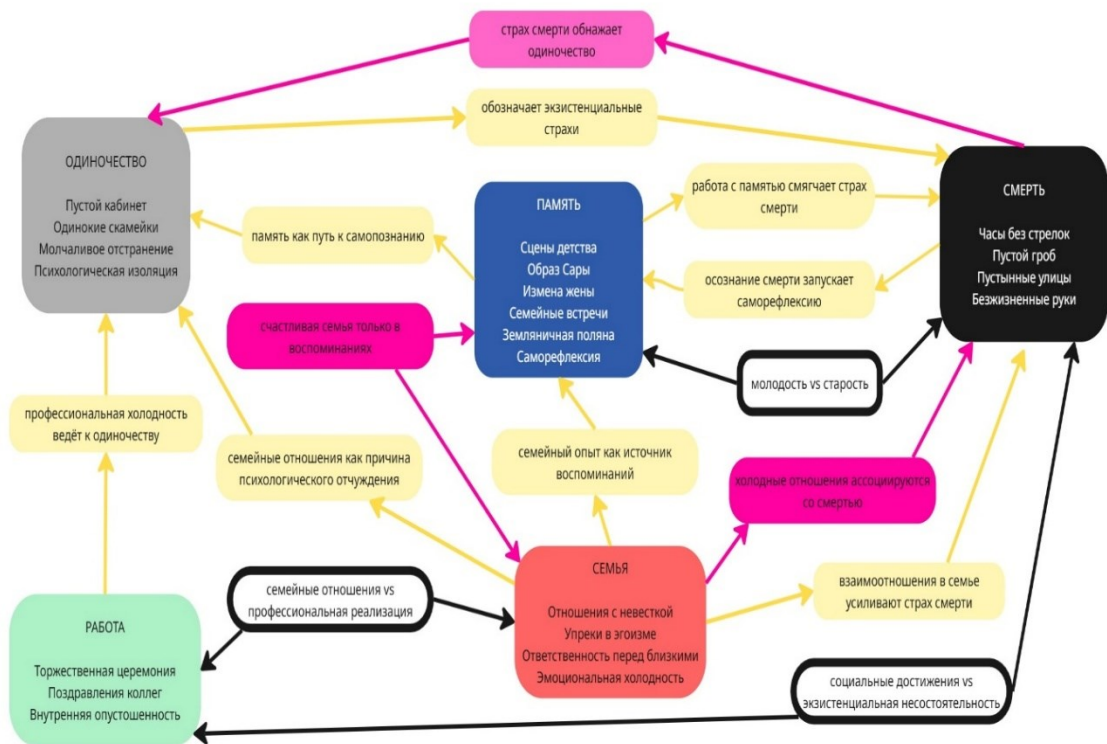
3. **Оппозиционные связи (обозначены черным цветом).** Актуализируют ключевые ценностные конфликты и антиномии.

- «Смерть ↔ Работа»: Экзистенциальный финал противопоставляется социальным достижениям.

- «Смерть ↔ Память идилического воспоминания о юной Саре на земляничной поляне и кошмарного сна профессора Борга с символами конечности.

- «Семья ↔ Работа»: Эмоциональная сфера семейных отношений конфликтует с рациональной сферой профессиональной реализации.

Рисунок 1

3.4. Межтекстовый анализ: выявление культурных параллелей

Для углубления понимания универсальности поднятых в фильме тем и активизации культурного кругозора студентов применяется межтекстовый подход. Студентам предлагается провести ассоциативный поиск и установить параллели между «Земляничной поляной» и другими произведениями мировой литературы и кинематографа. В качестве примеров можно предложить следующие произведения:

- В литературном контексте роман Ф. Кафки «Превращение» в аспекте темы экзистенциального отчуждения и кризиса идентичности, а также с повестью Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича» как эталонным исследованием экзистенциального кризиса перед лицом смерти.
- В кинематографическом контексте фильм А. Тарковского «Солярис» в контексте темы памяти, вины и рефлексии о прожитой жизни, а также фильм Х. Хольм-Якобссона «Вторая жизнь Уве», где центральной становится проблема переосмысления жизни и искупления в старости.
- В контексте изобразительного искусства актуально рассмотреть картины Каспара Давида Фридриха («Странник над морем тумана», «Одинокое дерево») и Эдварда Мунка («Крик»), в которых сходным образом воплощаются мотивы одиночества, экзистенциальной тревоги и диалога с природой.

3.5. Проблемно-ориентированная дискуссия как этап рефлексии

Заключительным этапом аналитической работы можно предложить проблемно-ориентированную дискуссию. Дискуссию можно структурировать вокруг нескольких блоков вопросов:

1. Ценностно-этический блок:

○ Что в итоге оказывается подлинной ценностью: профессиональное признание («работа») или состоявшиеся близкие отношения («семья»)? Возможен ли гармоничный баланс между ними в современном мире, или этот выбор всегда сопряжен с утратой?

○ Является ли холодность и отстраненность профессора Борга осознанным эгоистичным выбором в пользу интеллектуальной автономии или же трагическим следствием неспособности к иному типу отношений, эмоциональной «слепоты»?

2. Семиотико-интерпретационный блок:

○ Почему фильм назван именно «Земляничная поляна»? Остается ли этот образ лишь символом безвозвратно утраченного рая детства, или в финале он обретает потенциал искупления, примирения с прошлым и обретенного покоя?

○ Какую нарративную и психологическую функцию выполняют сны и видения Борга? Являются ли они лишь выражением страха и подавленной вины, или это самостоятельный, более «правдивый» язык подсознания, альтернативный путь к самопознанию?

3. Философско-экзистенциальный блок:

○ Предлагает ли фильм Бергмана какое-либо «средство» против экзистенциального одиночества и страха смерти, или его миссия — лишь бескомпромиссная констатация этих данностей человеческого существования?

○ Как интерпретировать финальную сцену: улыбку Борга на фоне идиллического сна о родителях? Это знак подлинного катарсиса, обретенного покоя и прощения, или иллюзия, порожденная близостью конца и усталостью?

○ Персонажи, встреченные Боргом в пути (Марианна, Сара, молодые попутчики) — это «проводники», помогающие ему в рефлексии и изменении, или лишь зеркала, безжалостно отражающие разные грани его собственной неудавшейся, несостоявшейся жизни?

4. Актуальный и компаративный блок:

○ Насколько психологический портрет героя — успешного, но эмоционально закрытого интеллектуала — остается узнаваемым и актуальным для общества цифровой эпохи? Изменились ли формы «бергмановского» одиночества сегодня?

○ Если бы профессор Борг был нашим современником, какие цифровые «следы» (электронная переписка, профили в социальных сетях, история поиска) оставила бы его одинокая жизнь и как это могло бы изменить механизмы его саморефлексии и восприятия другими?

4. Результаты педагогической апробации и их обсуждение

Апробация представленной стратегии проводилась в рамках учебного курса на 4-м курсе факультета философии человека, Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена и филологического факультета СПбГУ. Для оценки ее эффективности использовались методы анализа продуктов учебной деятельности (концептуальные карты, протоколы дискуссий) и рефлексивного анкетирования.

4.1. Анализ продуктов учебной деятельности

Качественный анализ созданных студентами концептуальных карт и содержания групповых дискуссий показал достижение основных операциональных целей методики. Во всех работах была успешно применена предложенная система семиотического декодирования: студенты не только идентифицировали ключевые концепты (СМЕРТЬ, ПАМЯТЬ, ОДИНОЧЕСТВО), но и выявили репрезентирующие их поликодовые элементы (визуальные символы, аудиальные лейтмотивы, композиционные решения), корректно устанавливая между ними смысловые связи. Это свидетельствует о формировании начального уровня мультимодальной грамотности — способности к критическому анализу невербальных компонентов сложного текста.

4.2. Результаты рефлексивного опроса и оценка мотивационного компонента

Для оценки восприятия методики и ее педагогического эффекта был проведен анонимный рефлексивный опрос (N=17) по 5-балльной шкале. Результаты подтвердили высокую эффективность и приемлемость стратегии:

- **Организация занятия и общий интерес – 5,0.**
- **Формат проведения (сочетание теории, просмотра, групповой и дискуссионной работы) – 5,0.**
- **Соответствие теоретической части, практических заданий и их уровня сложности учебным целям – 4,8.**

Данные цифры свидетельствуют о высоком уровне удовлетворенности и вовлеченности студентов, что подтверждает тезис о высоком мотивационном потенциале работы с авторским кинематографом.

4.3. Обсуждение результатов и ограничения

Совокупность полученных данных — как качественных (глубина анализа в концептуальных картах), так и количественных (результаты опроса) — позволяет сделать вывод об успешной апробации стратегии. Метод доказал свою эффективность в решении двуединой задачи: 1) формирования инструментария для семиотического декодирования поликодового текста и 2) развития межкультурной и концептуальной компетенции через погружение в систему ценностно-смысловых доминант иной лингвокультуры (см. тж.: [7]).

Заключение

В работе представлена комплексная стратегия лингвокультурологического анализа кинотекста в высшей школе. На примере фильма И. Бергмана «Земляничная поляна» продемонстрирована многоэтапная методика, последовательно формирующая навык семиотического декодирования через ассоциативный отклик, концептуальное картографирование и межтекстовый анализ.

Педагогическая апробация, включавшая анализ учебных продуктов и рефлексивный опрос (N=17), подтвердила высокую эффективность подхода. Студенты не только успешно овладели операциональными навыками работы с поликодовым текстом, но и дали максимальные оценки организационному и мотивационному компонентам занятия (5,0 по 5-балльной шкале).

Таким образом, предложенная стратегия представляет собой научно обоснованный и педагогически эффективный инструмент. Она отвечает на вызовы «визуального поворота», обеспечивая формирование критической мультимодальной грамотности и межкультурной компетенции. **Практическая значимость подхода подтверждается созданием лингводидактического контекста для перевода языковой подготовки в профессионально значимую плоскость.** Данный подход вносит конкретный вклад в модернизацию методического аппарата современного гуманитарного образования. **Существенным практическим результатом также является интенсивная активизация иноязычной речевой деятельности в рамках дискуссии и анализа. Необходимость вербализации сложных абстрактных концептов создает содержательный контекст для выхода за пределы**

бытовой коммуникации и формирования профессионально значимой концептуальной компетенции на иностранном языке.

Библиографический список

1. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64–72.
2. Воеводина, Л.Н. Визуальный поворот и новые культурные практики / Л. Н. Воеводина // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – №3 (113). – С. 97–103.
3. Парфеева, Ю.А. Педагогические методы освоения кинематографического текста: на материале лингвокультурологического анализа фильмов И. Бергмана / Ю.А. Парфеева, Е.В. Северовостокова // Уч. зап. Шадринского гос. пед. ун-та : сетевой науч. журн. – 2025. – № 4 (10). – URL: <https://uzshspu.ru/journal/article/view/355> (дата обращения: 27.12.2025).
4. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А.Стернин. – Москва : АСТ; Восток–Запад, 2007. – 314 с.
5. Слышкин, Г. Г., Ефремова, М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа) / Г.Г. Слышкин, М.А. Ефремова. – Москва : Водолей, 2004. – 153 с.
6. Федуленкова, Т.Н. Инновации в изучении лингвокреативности кинодискурса / Т. Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер. «Социальные и гуманитарные науки». –2025. – Т. 25. – № 2. – С. 129–132. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V428>
7. Федуленкова, Т.Н. Стилиевые доминанты интернет-коммуникации / Т. Н. Федуленкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2025. – № 11(1). – С. 198–202. <https://doi.org/10.22250/241071902025111198>
8. Шеховская, Ю.А. Лингвокреативность – перспективный тренд разнотипных дискурсов / Т. Н. Федуленкова, Ю. А. Шеховская // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2025. – № 3 (126). – С. 197–203. <https://doi.org/10.23859/1994-0637-2025-3-126-17>
9. Федоров, А.В. Медиаобразование: История, теория и методика. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЦВВР, 2001. – 708 с.

УДК 378.016:811.1

Пристром Елена Сергеевна

старший преподаватель кафедры английского языка

гуманитарных факультетов ФСК,

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ОНЛАЙН-КОМПОНЕНТА СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности проектирования онлайн-компонента смешанного обучения английскому языку в неязыковом вузе. Онлайн-компонент анализируется как управляемая самостоятельная деятельность обучающихся, направленная на освоение языкового и предметного содержания. Описывается роль искусственного интеллекта как средства повышения эффективности самостоятельной работы.

Ключевые слова: смешанное обучение; онлайн-компонент; самостоятельная работа; педагогическое проектирование; искусственный интеллект.

Prystrom Alena Siarheyevna

Assistant Professor,

Department of English for Humanities, FSC,

Belarusian State University

(Minsk, Republic of Belarus)

DESIGNING THE ONLINE COMPONENT OF BLENDED ENGLISH LANGUAGE LEARNING

Abstract. The article examines the design of the online component of blended English language learning at a non-linguistic university. The online component is analyzed as guided independent learning aimed at mastering both language and subject-specific content. The role of artificial intelligence as a means of enhancing the effectiveness of independent learning is described.

Key words: blended learning; online component; independent learning; instructional design; artificial intelligence.

В последние десятилетия одной из доминирующих моделей обучения стало смешанное обучение. Существуют различные определения этого понятия, но в целом идея сводится к тому, что данный подход совмещает два формата обучения – аудиторный и онлайн (внеаудиторный) как части единого целого. Каждый компонент решает свою задачу и не может быть исключен, т.е. рассматривается как основной. Тремя ключевыми элементами, обеспечивающими эффективность модели, являются активные деятельность, участие и самостоятельная работа обучающегося. В статье будет рассмотрена организация работы с внеаудиторным компонентом, на примере обучения английскому языку для профессиональных целей в неязыковом вузе.

При коммуникативно-деятельностном подходе, в рамках которого мы работаем, главный акцент в аудиторной работе делается на активных формах учебного взаимодействия. Обучающиеся рассматриваются как субъекты, активно взаимодействующими друг с другом, преподавателем, образовательным контентом. Внеаудиторный компонент понимается как управляемая самостоятельная работа студента, который сам планирует темп, место, время, порой и способ ее выполнения. Зачастую задания предлагаются и выполняются в онлайн-формате (стремительно развивающийся как ответ на цифровизацию, проходящую во всех сферах).

К наиболее распространенной форме смешанного обучения относится «перевернутый класс». Сначала обучающийся самостоятельно осваивает базовую информацию, а в аудитории изученное актуализируется в практическом контексте, способствуя формированию необходимых компетенций. Таким образом, самостоятельная онлайн-работа представляет собой не столько традиционное домашнее задание для закрепления знаний и умений, полученных в аудитории. Ее главная цель со стороны педагога создать условия для того, чтобы студент сам изучил ключевые понятия и факты, полагаясь на методические опоры, предлагаемые педагогом. Таким образом, знаниевая часть обучения находится «в руках» самого обучающегося, что позволяет индивидуализировать и «присвоить» процесс обучения.

Чтобы обеспечить максимальную эффективность онлайн-компонента, его педагогический дизайн, как и дизайн аудиторной работы, должен соответствовать дидактическим и лингводидактическим принципам, обеспечивающим активную познавательную деятельность студентов. Кроме того, необходимо учитывать факторы, влияющих на особенности восприятия информации, представленной цифровыми инструментами.

В основе всего лежат идеи социокультурного конструктивизма Л.С. Выготского и когнитивного конструктивизма Ж. Пиаже, в последнее время получающие подтверждение благодаря развитию когнитивной нейробиологии. Качество обучения иностранному языку (как и большинству других предметов) обеспечивают стратегии обучения, направленные на улучшение того, как обучающиеся усваивают, запоминают и используют знания.

К «надпредметным» факторам можно отнести средовые условия обучения. При любом формате последнего для обеспечения его качества существенны адекватные питание, сон, физическая активность и организация рабочего места. Остальное лежит в основе дидактики и лингводидактики. Это мультимодальность обучения (мультисенсорное воздействие), наглядность (например, использование концепт-карт), отсроченное или интервальное повторение, положительное эмоциональное подкрепление (включая быструю обратную связь, игровые технологии), установление связи с ранее изученным материалом, обучение в контексте практических умений, обучение через коммуникацию, осознанность обучения через рефлекссию. Важным принципом для нашего мозга является посильность обучения. Когнитивная нагрузка должна восприниматься как вызов, а не угроза, поэтому важно использовать языковые и предметные опоры, а также делить информацию на блоки, после каждого из которых идет повторение. Несмотря на указанные общие принципы, необходимо учитывать индивидуальные особенности студентов, так как у всех мозг работает по-разному [2, 3].

Все вышеописанные факторы должны учитываться как в аудиторном, так и онлайн-компонентах. Сегодня общая тенденция состоит в том, что внеаудиторный компонент должен быть обеспечен цифровыми инструментами. Перечислим лишь несколько особенностей работы с ними: снижение когнитивной нагрузки за счет грамотно используемой мультимодальности для избежание эффекта «информационного шума», деление текстовой и видео информации на мелкие блоки, использование элементов геймификации, но не ее доминирование.

Основная цифровая среда, в которой осуществляется образовательный процесс в Белорусском государственном университете, – это система управления обучением Moodle. При создании программы курса обучения английскому языку в рамках смешанной модели важно распределить образовательный контент адекватно режимам обучения, следуя при этом вышеизложенным принципам. Рассмотрим примерную модель распределения учебного материала в соответствии с аудиторным и онлайн-режимами на

примере фрагмента курса «Иностранный язык» для студентов-юристов, раздел «Работа правоохранительных органов» (Policing), подтема «Работа правоохранительных органов в Беларуси и Великобритании» [1].

Аудиторный этап 1: Lead-in.

Основная цель: введение в тему, целеполагание, осознание собственного знания по данной теме.

Деятельность студентов: выполняются задания в парах или группах, а также в формате Think –share – pair, Brain writing или Round Robin.

Внеаудиторный этап 1: Vocabulary development и Reading comprehension.

Основная цель: формирование и совершенствование лексических навыков по теме, расширение предметных знаний за счет сравнения собственного знания с исторически-культурным аналогом.

Деятельность студентов: работа на образовательном портале БГУ (Moodle) с лексикой и базовым текстом по теме [4].

Аудиторный этап 2: Post-reading tasks, speaking, writing.

Основная цель: применение полученных знаний на практике.

Деятельность студентов: выполняются задания индивидуально, в группах; участие в дискуссии, создание «визитной карточки» белорусской милиции.

Внеаудиторный этап 2: Vocabulary Development, Viewing activities, подготовка к дебатам.

Основная цель: совершенствование лексических навыков по теме, расширение предметных знаний, подготовка аргументированной позиции.

Деятельность студентов: работа на платформе Moodle с лексикой и видео по теме, подготовка к дебатам.

Аудиторный этап 3: Debate «Arms or No Arms».

Основная цель: применение полученных знаний на практике, систематизация знаний и умений; развитие умений публичных выступлений.

Деятельность студентов: участие в дебатах, финальная рефлексия.

Как очевидно из описанной модели, самостоятельная онлайн-работы выполняется студентам на платформе Moodle. Для обеспечения активного обучения и в асинхронном режиме (главными недостатками которого считаются статичность и отсутствие социального взаимодействия) при разработке заданий отдается предпочтение интерактивным ресурсам Moodle, например, лексические задания расположены в элементах «Тест» (эта обо-

лочка обладает самым широким инструментарием для формирования лексических навыков), «Hot Potatoes»; задания с текстами и видео представлены в элементах «Лекция», «Тест» и «Форум» в зависимости от конкретной задачи. Материал для подготовки к дебатам (описание технологии, речевые клише) – в статичных, неинтерактивных ресурсах «Книга» и «Страница». При этом дополнительно для изучения лексики, например, предлагается использовать карточки Quizlet.

Наша версия Moodle не включает оптимизации, основанные на технологиях и инструментах искусственного интеллекта (ИИ), что на данный момент осознается как существенный недостаток. Безусловно, мы разделяем обеспокоенность тем, что обучающиеся все больше полагаются на ИИ, выполняя задания самостоятельно, и что ИИ не всегда дает корректные ответы. Но студенты в любом случае используют сторонние инструменты ИИ, поэтому запрещать или игнорировать их существование, по крайней мере, педагогически неоправданно.

По нашему мнению, основные упущенные возможности, которые могли бы быть обеспечены благодаря использованию инструментов и технологий ИИ:

– Быстрая адаптивность и персонализированная обратная связь ИИ-инструмента. Так при работе с языковым материалом ИИ может гибко реагировать на уровень сформированности необходимых знаний и умения, предлагая адекватную сложность упражнений, пояснения, языковые и предметные опоры в зависимости от уровня знаний и потребностей студента. В случае затруднений с ИИ чат-ботом можно обсудить суть проблемы, а не просто вернуться к повторному изучению темы как в ресурсе Moodle «Лекция» (иногда студент все равно не до конца понимает ошибку или у него возникает дополнительный вопрос, выходящий за рамки предложенного материала), что позволяет поддерживать необходимый уровень заинтересованности и мотивации.

– Улучшенная помощь при работе с текстом или видео. Помимо адаптивной обратной связи, позволяющей качественно усвоить информацию, представленную в тексте или видео, ИИ обеспечивает мгновенный доступ к недостающим профильным знаниям. Наши студенты – это первокурсники, которые еще только начали изучать юридические предметы. Обобщения материала, выполненные ИИ, помогают сделать необходимые акценты в условиях недостатка фоновых знаний, что в свою очередь устраняет логические ошибки в аргументации.

– Помощь в подготовке творческих заданий. ИИ предложит речевые клише, чтобы разнообразить речь, исправит грамматические, стилистические ошибки и ошибки в употреблении языка в подготовленных аргументах, поможет взглянуть на проблему с разных точек зрения.

Педагоги, имеющие возможность использовать специально адаптированные к их курсам чат-боты ИИ, в целом подтверждают эффективность их использования в качестве помощника [5]. При этом наш опыт и опыт других педагогов показывает, что перед работой с ИИ студентам необходимо объяснить, как учиться вместе с ИИ, а не делегировать ИИ задачу учиться вместо себя. Студенты могут задавать ИИ вопрос типа «что», «где», «когда», но должны сами размышлять над ответами на вопросы «почему» и «как», находя причинно-следственные связи. Необходимо обучить студентов навыкам факт-чекинга с тем, чтобы они критически относились к информации, предлагаемой ИИ. Для минимизации ошибок в ответах ИИ, а также подбора материала, соответствующего языковому уровню обучающихся, необходимо научить их правильно формулировать промпт (запрос к ИИ).

Подобное использование ИИ сделает онлайн-компонент в смешанной модели обучения более эффективным, а задачу индивидуализации процесса обучения реализуемой. В нашей ситуации мы вынуждены использовать внешние ИИ инструменты, такие как MagicSchool AI, Poe AI, Quillbot и др., которые в некоторой степени позволяют улучшать качество обучения.

Безусловно, ИИ может использоваться и в аудиторном режиме, но все-таки приоритет должен отдаваться непосредственному взаимодействию с одногруппниками и преподавателем.

Обучение английскому языку в неязыковом вузе в контексте смешанной модели обучения, при которой аудиторный и внеаудиторный компоненты выступают как взаимодополняющие в педагогическом дизайне курса, является многообещающим подходом. Именно эта модель предоставляет самые широкие возможности для выстраивания каждым студентом собственной образовательной траектории, при этом не вступая в противоречие с общими целями курса. Необходимы дальнейшие исследования и эксперименты, но представляется, что онлайн-компонент со встроенными технологиями искусственного интеллекта может стать эффективным способом повышения качества обучения. А сами инструменты искусственного интеллекта, будучи помощником для преподавателя и студентов, создадут возможности для истинной индивидуализации обучения, задача с которой было крайне сложно справляться в традиционной модели обучения.

Библиографический список

1. Английский язык для юристов = English for Lawyers : учеб.-метод. пособие. В 2 ч. Ч. 1 / Е.С. Пристром [и др.]. – Минск : БГУ, 2024. – 207 с. – ISBN 978-985-881-612-4.
2. Арпентьева М.Р. Нейродидактический подход в инклюзивно-ориентированной практике профессионального образования / М.Р. Арпентьева, Е.В. Кривотулова, П.В. Меньшиков, О.П. Степанова // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2023. – №3 (51). –URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrodidakticheskiy-podhod-v-inklyuzivno-orientirovannoy-praktike-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 18.01.2026).
3. Biasco, S.A. Neurocognitive Teaching Strategies in the English Language Learner Classroom : Master's thesis / S.A. Biasco ; Bethel University. – Spark Repository, 2025. – URL: <https://spark.bethel.edu/etd/1156/> (дата обращения: 18.01.2026).
4. Иностранный язык (English for Lawyers: Basic Course) : электронный поддерживающий курс / разработчики : Т.А. Катомахина, Е.С. Пристром. – Минск : БГУ, [сайт]. – URL: <https://eduenglish.bsu.by/course/view.php?id=6> (дата обращения: 18.01.2026).
5. Ling, Y. Voices from the Flip: Teacher Perspectives on Integrating AI Chatbots in Flipped English Classrooms / Y. Ling, J.M. Jan. – DOI [10.3390/educsci15091219](https://doi.org/10.3390/educsci15091219) // Education Sciences. – 2025. – Vol. 15, № 9. – URL: <https://www.mdpi.com/2227-7102/15/9/1219> (дата обращения: 18.01.2026).

ПРОЕКТНЫЙ МЕТОД И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В КУРСЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Аннотация. В статье рассматривается проектный метод как эффективная технология обучения иностранному языку в условиях современных образовательных требований. Анализируются теоретические подходы к понятию проектного метода. На основе анализа научно-методической литературы раскрываются основные этапы реализации проектной технологии в курсе иностранного языка, а также их педагогические функции. Делается вывод о целесообразности систематического использования проектного метода в практике преподавания иностранных языков.

Ключевые слова: проектный метод; проектная технология; обучение иностранным языкам; коммуникативный подход; личностно-ориентированное обучение; учебная мотивация; автономия обучающихся; проектная деятельность.

Pronina Varvara Stanislavovna

Master's student

Morokhova Olga Alexandrovna

Research supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

Abstract. The article examines the project method as an effective technology in foreign language teaching under modern educational requirements. Theoretical approaches to the concept of the project method and its role within communicative and learner-centered approaches are analyzed. Based on the review of

methodological and pedagogical literature, the main stages of project-based learning implementation in the foreign language course are described along with their educational functions. The study concludes that the systematic application of the project method is pedagogically justified and enhances the effectiveness of foreign language instruction.

Keywords: project method; project technology; teaching foreign languages; communicative approach; personality-oriented learning; educational motivation; student autonomy; project activity.

Одним из новых подходов к обучению языкам является проектный метод, который рассматривается в литературе как средство создания языковой среды и формирования потребности учащихся в практическом использовании иностранного языка [2].

Проектный метод, разработанный Х. В. Килпатриком в 1920-е годы, нацелен на предоставление учащимся возможности самостоятельно приобретать знания через решение практических задач, требующих интеграции разных областей знания [3]. И.А. Сокол отмечает, что проектная деятельность органично вписывается в коммуникативно-ориентированный подход к обучению: проект побуждает школьников активно общаться и сотрудничать на изучаемом языке [5].

Цель исследования – выполнить контент-анализ основных положений проектного метода с целью выявления его сущности и особенностей применения в языковом курсе.

Исследование показало, что проектный метод в иностранном языке характеризуется как «комплексный обучающий метод, дающий учащимся возможность самостоятельно планировать и реализовывать свою деятельность» [1, с. 12]. При работе над проектом учащиеся активно участвуют в постановке проблемы и её решении, что формирует внутреннюю мотивацию и личную значимость занятий. Проектная методика обеспечивает личностно ориентированное обучение: школьники приобретают опыт познавательной деятельности не через механическое запоминание, а в процессе практического применения знаний [5].

Кроме того, работа в проектах способствует развитию организационных и коммуникативных навыков. Учащиеся получают возможность работать в команде, нести ответственность за свой вклад и оценивать результаты как своей работы, так и работы одноклассников. Отмечается, что именно

такая коллективная деятельность обеспечивает реализацию коммуникативного подхода: учащиеся «ввязываются» в реальное речевое общение на иностранном языке, когда обмениваются идеями и готовят совместный продукт. При изучении сразу двух языков метод проектов может выступать средством интеграции знаний. По мнению Л.А. Байдуровой, проектная технология позволяет эффективно сочетать разные языковые компоненты и культуру двух стран [2].

Проектная технология реализуется в несколько этапов.

Ценностно-ориентационный этап предполагает осознание обучающимися мотива и цели деятельности, формирование ценностных ориентиров и определение общего замысла проекта. Роль учителя на данном этапе заключается в организации коллективного обсуждения, систематизации и обобщении предложенных идей с целью выделения ключевых направлений проектной работы.

Конструктивный этап связан с непосредственным проектированием. Обучающиеся индивидуально или в группах планируют деятельность, осуществляют поиск и отбор информации, определяют форму представления результатов. Учитель выполняет консультативную и координирующую функцию.

Оценочно-рефлексивный направлен на осмысление проделанной работы и самооценку деятельности участников. Происходит оформление проекта и подготовка к его представлению, при этом рефлексия выступает важным условием осознания полученного опыта каждым участником.

Презентативный этап включает защиту проекта и представление результатов в различных формах, как игровых, так и традиционных. Презентация отражает итоги и коллективной, и индивидуальной работы.

Контрольный этап завершает проектную деятельность и предусматривает анализ результатов, оценку эффективности выполненной работы и степени достижения поставленных целей.

Каждый этап проекта формирует у школьников новые потребности и интерес, поддерживая устойчивую мотивацию к изучению языка.

Таким образом, анализ научно-методической литературы показывает, что проектный метод активно способствует развитию коммуникативной компетенции и автономии учащихся в освоении иностранного языка и позволяет в полной мере реализовать коммуникативно-ориентированный и личностно-ориентированный подходы.

В перспективе дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую оценку эффективности проектной методики в разных возрастных группах и сравнительный анализ с другими методами обучения.

Библиографический список

1. Багрова, А.Я. Проектный метод в обучении иностранным языкам / А.Я. Багрова // Вестник Московского института лингвистики – 2018. – № 8(24). – С.12–16.
2. Байдурова, Л.А. Метод проектов при обучении учащихся двум иностранным языкам / Л.А. Байдурова // Иностранные языки в школе. – 2002. – № 1. – С. 5–11.
3. Кондрашова, Е.Н. К вопросу об истории возникновения метода проектов / Е.Н. Кондрашова, О.А. Веденеева, А. О. Веденеева // Проблемы современного педагогического образования. – 2020. – № 69-3.– С.123–125.
4. Розова, Е.О. Использование проектной методики при обучении иностранному языку // Lingua mobilis. – 2012. – № 1. – С. 162–166.
5. Сокол, И.А. Проект как метод реализации коммуникативного подхода в обучении иностранному языку // Иностранные языки в школе. – 2008. – № 1. – С. 16–21.

УДК 81

Романов Егор Николаевич

студент

Шаломова Елена Викторовна

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЙ ЛЕКСИКИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ТЕМЫ «ДИАГНОСТИКА ГИБРИДОВ И ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ»

Аннотация: в данной статье рассматриваются особенности использования специализированной лексики при изучении темы «Диагностика ги-

бридов и электромобилей» на материалах английского языка. Авторы подчеркивают необходимость системной работы со специализированной лексикой для качественного освоения темы.

Ключевые слова: формирование иноязычной коммуникативной компетенции, аббревиатура, принципы обучения, специализированная лексика.

Romanov Egor Nikolaevich

student

Shalomova Elena Viktorovna

Research Supervisor, PhD in Pedgogy,

Associate Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

FEATURES OF THE USE OF ENGLISH SPECIALIZED VOCABULARY WHEN STUDYING THE TOPIC “DIAGNOSTICS OF HYBRIDS AND ELECTRIC VEHICLES”

Abstract: this article discusses the features of the use of specialized vocabulary when studying the topic “Diagnostics of hybrids and electric vehicles” on English materials. The authors emphasize the need for systematic work with specialized vocabulary for high-quality mastery of the topic.

Key words: formation of foreign-language communicative competence, abbreviation, principles of training, specialized vocabulary.

В современном мире большое внимание уделяется развитию экологически чистого транспорта. Гибридные автомобили (Hybrid Electric Vehicles, HEV) и электромобили (Electric Vehicles, EV), являясь экологически безопасными транспортными средствами, становятся перспективными направлениями в автомобилестроении. Для эффективного изучения и преподавания темы диагностики данных транспортных средств необходимо, по нашему мнению, качественное усвоение специализированной лексики английского языка, которая помогает понимать технические документы, руководства и исследования, а также вести профессиональную коммуникацию на международном уровне. Занятия по английскому языку ориентированы

на развитие знаний, умений и навыков студентов, то есть на формирование иноязычной коммуникативной компетенции [3].

Обучение специализированной лексике, которая определяет содержание обучения, развивает языковой и речевой опыт студента, формирует способность понимать контекстуальное значение материала помогает создавать уровень знаний обучающихся [1]. Следует выделить особенности специализированной лексики в области диагностики гибридов и электромобилей:

– *техническая направленность* – терминология, включающая слова и словосочетания, связанные с электротехникой, электроникой, энергосистемами, программным обеспечением и диагностическим оборудованием.

Например:

- battery management system (BMS) – система управления аккумулятором;

- state of charge (SOC) – уровень заряда аккумулятора;

- on-board diagnostics (OBD) – бортовая диагностика.

– *многоуровневость и комплексность* – диагностика охватывает разные уровни: аппаратный, программный, эксплуатационный. В этом случае лексика отражает механизмы работы, возможные неисправности и способы определения этих неисправностей.

– *аббревиатуры и термины* – данная лексика распространена и активно используется инженерными специалистами.

Например:

- HEV (Hybrid Electric Vehicle) – гибридное транспортное средство;

- CAN (Controller Area Network) – протокол общения электронных блоков.

Существуют особенности перевода терминов, требующие чёткого понимания контекста и выбора нужного эквивалента. Рассмотрим эту особенность на примере ключевых тематических групп лексики:

Электрические компоненты и системы

- electric motor – электродвигатель

- inverter –инвертор

- traction battery – тяговая аккумуляторная батарея

- regenerative braking – рекуперативное торможение

Диагностическое оборудование и процедуры

- Diagnostic trouble code (DTC) – код неисправности

- Fault detection – обнаружение неисправностей
- Data logger – регистратор данных
- Sensor calibration – калибровка датчиков

Программное обеспечение и протоколы связи

· Firmware update – обновление встроенного программного обеспечения

- Diagnostic scan tool – диагностический сканер

Принципы обучения профессионально ориентированной лексике и освоения терминологии нацелены на учёт индивидуальных способностей, позитивную мотивацию к обучению иноязычной лексике, профессиональную направленность учебного материала, использование на занятиях современных цифровых технологий [2].

Использование специализированной лексики определяет трудности в усвоении материала, которые можно определить как *сложность усвоения технической терминологии* требует постепенного введения терминов с примерами; *распределения тем на блоки* (электроника, программирование, эксплуатация); *тренировки восприятия и расшифровки аббревиатур*; *опоры на контекст и оригинальные определения* при неоднозначности перевода.

Таким образом, работа на занятиях по английскому языку со специализированной лексикой систематизированная в три этапа – ознакомление, закрепление и активное использование позволяет студентам:

- легко читать документацию и технические статьи;
- понимать работу измерительного и диагностического оборудования;
- общаться с международными коллегами и участвовать в конференциях;
- участвовать в разработке и совершенствовании технологий гибридных и электромобилей.

Изучение иноязычной специализированной лексики английского языка в контексте диагностики гибридных и электромобилей – важный аспект подготовки современных инженеров. Благодаря грамотно организованному обучению студенты осваивают как теоретические основы, так и практические навыки, необходимые для профессиональной деятельности, а использование тематических текстов, упражнений и интерактивных методов помогает эффективно усваивать сложную техническую лексику.

Библиографический список

1. Ермолаева, М. В. Обучение студентов неязыкового вуза лексике сферы профессиональной деятельности / М. В. Ермолаева. – Текст : непосредственный // Уральская горная школа – регионам : сборник докладов международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 9-18 апреля 2018 г. / Уральский государственный горный университет. – Екатеринбург ; оргкомитет: Н.Г. Валиев (отв. за выпуск) [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2018. – С. 1011-1012.

2. Маруневич, О.В. Лингводидактические аспекты формирования иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции у обучающихся транспортного вуза / О.В. Маруневич, Н.А. Малишевская // Проблемы современного педагогического образования. – 2021. – №70-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvodidakticheskie-aspekty-formirovaniya-inoyazychnoy-professionalno-orientirovannoy-leksicheskoy-kompetentsii-u-obuchayuschihsya>. (дата обращения 03.01.2025).

3. Щеглова Н.В. Формирование коммуникативной компетенции в процессе обучения иностранным языкам // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4. – С. 105-107.

УДК 81

Соловей Елена Александровна

студент

Гайлит Марина Васильевна

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

МЕТОДИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ АУТЕНТИЧНЫХ ПОДКАСТОВ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. Статья посвящена методическому потенциалу аутентичных подкастов в преподавании иностранного языка на старшей ступени обучения. Рассматривается их роль в развитии лексических навыков за счёт погружения в живую речь и повышения мотивации учащихся. Теоретические

положения иллюстрируются практическим опытом проведения уроков с использованием подкаста BBC, демонстрирующим эффективность работы с аутентичным аудиоматериалом.

Ключевые слова: аутентичные подкасты, лексические навыки, старшая школа, аудирование, мотивация, практический опыт.

Solovey Elena Alexandrovna

Student

Gailit Marina Vasilyevna

*Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

THE METHODOLOGICAL VALUE OF AUTHENTIC PODCASTS IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abstract. The article examines the educational potential of authentic podcasts for teaching foreign languages for advanced learners. It explores their role in developing lexical skills through immersion in authentic speech and in increasing learner motivation. The theoretical concepts are supported by the practical experience of a BBC podcast lesson, demonstrating the effectiveness of working with authentic audio materials.

Key words: authentic podcasts, lexical skills, upper secondary school, listening comprehension, motivation, practical experience.

В соответствии с требованиями Федерального государственного образовательного стандарта среднего общего образования приоритетной целью обучения иностранному языку выступает формирование коммуникативной компетенции обучающихся. Ученики не всегда активно принимают участие в дискурсе, обучаясь по традиционным материалам, предусмотренными программой. В связи с этим, многие преподаватели обращаются к альтернативам традиционного подхода – аутентичным материалам для более глубокого погружения в культуру языка. В качестве таких материалов используются статьи, репортажи зарубежных СМИ, фрагменты фильмов, основная ценность которых заключается в отражении реального языкового употреб-

ления. В аудиальном формате широко используются радиопередачи, интервью и подкасты. Говоря об аутентичном подкастинге, стоит отметить, что его можно определить как доступный формат, который открывает дополнительные возможности для работы с естественным языковым материалом на старшей ступени обучения.

Аутентичные подкасты представляют собой современный формат аудиоконтента, находящийся в открытом доступе. При прослушивании подкаста обучающийся иностранному языку учится воспринимать живую речь носителей в естественном контексте, а также при прослушивании делать акцент на лексике. Учащиеся уже овладели структурой языка и грамматикой, будучи на старшей ступени обучения, следовательно, далее необходимо провести работу по улучшению лексических навыков. Основная задача состоит в том, чтобы они могли эффективно использовать лексику в обсуждениях темы для формирования навыков, которые потребуются в дальнейшем при знакомстве с осваиваемой профессией. В этом случае подкастинг имеет свои преимущества в использовании, так как он затрагивает целый спектр актуальных тем. Обучающиеся слышат идиоматические выражения, адаптируются к темпу и тональности речи. Функциональность платформ для прослушивания подкастов позволяет прослушивать их не один раз в случае с затруднением, а также обращаться к материалам вне занятий, таким образом, позволяя осознанно подойти к вопросу усвоения словарного запаса.

Стоит отметить не менее значимый аспект – мотивацию. Темы подкастов настолько разнообразны, что каждый обучающийся может выбрать подкаст на свой вкус (в случае с самостоятельным обучением). Также, такой формат аутентичных материалов регулярно обновляется, что говорит об актуальности не только информации, доносимой до слушателя, но и лексического объема, необходимого для закрепления темы. Вариативность и интерактивность тем позволяет формировать любопытство к языку, что может побудить учащихся углубиться в тему, что, следовательно, стимулирует самостоятельное изучение языка, побуждает учащихся использовать новую лексику в реальных коммуникативных ситуациях, закрепляя её в памяти и формируя навыки самостоятельной работы с языком. Таким образом, следует отметить методическую ценность аутентичных подкастов, особенно с точки зрения развития лексических навыков учащихся старшей ступени обучения.

Для начала, аргументируя методическую значимость аутентичных подкастов, стоит обратить внимание на то, как в них представлена лексика.

Речевые клише, идиомы и другие лексические единицы функциональны, поскольку выражаются в условиях реальной речи и связаны с конкретной коммуникативной ситуацией, а не преподносятся в изолированном виде. В коммуникативном аспекте это имеет существенное значение – учащиеся должны понимать, в каком контексте и с каким значением уместно употребление того или иного слова [5].

Помимо этого, восприятие лексики в подкастах происходит в связи с грамматическим и фонетическим аспектами [4]. Обучающиеся воспринимают естественное произношение и интонационные особенности, усвоение лексики в составе устойчивых словосочетаний и коллокаций.

Кроме того, аутентичные подкасты служат мощным мотивационным инструментом, преодолевающим оторванность традиционных учебных аудиоматериалов от реальных интересов современных подростков. Стандартные учебные записи воспринимаются старшеклассниками как «неживые» и мало связанные с реальностью, в то время как свыше 80% подростков регулярно слушают аутентичный аудиоконтент вне школы [2]. Подкасты, интегрируясь в цифровое пространство учащихся (смартфоны, потоковые сервисы), устраняют жёсткие временные и пространственные рамки, делая аудирование гибким и соответствующим ритму жизни. Это превращает изучение языка из обязательного задания в часть досуга, что напрямую повышает вовлечённость и желание заниматься. Как следствие, работа с подкастами способствует переходу от пассивного знания слов к их осознанному использованию [3].

В отличие от искусственно созданных учебных диалогов, подкасты представляют живую речь носителей со всеми её особенностями: разнообразием акцентов, естественным темпом, спонтанными паузами, современной лексикой и идиомами. Клочко К. А. и Гиниятуллина А. А. отмечают, что такая практика учит понимать не только стандартную, но и спонтанную речь, что критически важно для реальной коммуникации. Экспериментальные данные показывают значительный рост понимания аутентичной речи после систематической работы с подкастами – с 42% до 76% правильных ответов на вопросы по содержанию [1].

Наконец, работа с подкастами, особенно в формате самостоятельной или проектной деятельности, развивает критическое мышление, умение анализировать информацию, выбирать контент согласно своим интересам и уровню, планировать учебное время. Это воспитывает ответственность за результат обучения [3]. Участвуя в проектах по подбору и рекомендации

подкастов, обсуждая их в группах, ученики не только совершенствуют язык, но и развивают навыки самоорганизации и сотрудничества, которые выходят за рамки предмета «иностранный язык».

Таким образом, аутентичные подкасты обладают многогранной методической ценностью. Они не только необходимы для тренировки аудирования, но и решают целый ряд педагогических задач: от стимулирования интереса учащихся за счёт актуальности и удобства формата до непосредственного совершенствования языковых навыков (обогащения словарного запаса, улучшения восприятия речи на слух) и развития умений самостоятельной работы. Всё это позволяет рассматривать подкасты не как дополнительный, а как полноценный и современный инструмент в работе учителя, направленный на то, чтобы учащиеся могли свободно и уверенно использовать иностранный язык в реальных ситуациях.

В рамках педагогической практики на базе кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации были проведены несколько уроков в 10 классе общеобразовательной школы № 42 города Владимир по теме «Travelling». Цель занятий - развитие рецептивных и продуктивных лексических навыков на основе аутентичного подкаста.

Для аудирования на первом из занятий был выбран эпизод из популярного образовательного подкаста «BBC 6 Minute English – Is tourism harmful?». Выбор был обусловлен чётким соответствием социально-значимой тематике и насыщенностью заслуживающим внимания лексическим материалом. На основе широко известной трехэтапной модели, была выявлена следующая стратегия:

1. Был проведён мозговой штурм на тему ассоциации с современным туризмом, что позволило активировать фоновые знания и заинтересовать обучающихся; затем была введена ключевая лексика предстоящего аудирования через упражнение на сопоставление терминов и их дефиниций (Таблица 1);

Task 1. Match the word with its definition.

Таблица 1 – задание на сопоставление терминов и дефиниций

Words	Definitions
1. respect	a) to restrict, to limit.
2. crackdown	b) a plan or aim to achieve something.
3. misbehave	c) turning something into an artificial, not real, commercial environment.
4. objective	d) treat something or someone with care.
5. Disneyfication	e) to do something bad or inappropriate.
6. to cap	f) officially trying to stop or limit people from doing something.

2. Далее ученикам было предложено прослушать подкаст с последующим обсуждением основной темы, а при повторном прослушивании фокус сместился на детали, где ученики составляли сравнительную таблицу, чем формировали лексическую базу для будущей работы (Таблица 2);

Task 2. Listen to the podcast again and complete the table.

Таблица 2 – задание вторичного этапа

City	Measures Taken in Cities	Reason	Goals
Rome			
Bruges			
Another / your city			

Во время прослушивания обучаемые выполняли задания на понимание общей идеи (в нашем случае – негативных аспектов массового туризма), а также деталей текста на основе подкаста. Затем ученики работали в группах по подготовке базы для последующего обсуждения на тему необходимости ограничений для туристов с целью безопасности, используя новую лексику. Рефлексия после прослушивания показала, что учащиеся проявили высокий интерес к актуальной и довольно провокационной теме. Анализ их аргументов продемонстрировал успешное усвоение лексического материала, а также попытку их употребления (например, *crackdown*, *misbehave*, *to cap*).

На основе вышесказанного, можно утверждать, что аутентичные подкасты обладают значительным и многогранным методическим потенциалом для обучения иностранному языку на старшей ступени. Их можно отнести

к действенным инструментам для повышения учебной мотивации и работы с лексическим навыком. Используя метод подкастинга, появляется возможность создавать прочную основу для успешного формирования продуктивных умений говорения, что в полной мере отвечает требованиям ФГОС.

Библиографический список

1. Ключко, К.А. Использование подкастов в обучении аудированию на иностранном языке / К.А. Ключко, А.А. Гиниятуллина // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2023. – № 19. – С. 129–135. // Научная электронная библиотека CyberLeninka : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-podkastov-v-obuchenii-audirovaniyu-na-inostrannom-yazyke> (дата обращения: 10.01.2026).

2. Петрова, А.О. Использование подкастов в обучении аудированию на английском языке в старших классах / А.О. Петрова // Мир – Язык – Человек: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Владимир, 22 окт. 2025 г.). – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2025. – С. 691–697. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – ISBN 978-5-9984-2303-1.

3. Рогоза, Н.А. Самостоятельная работа школьников по аудированию аутентичных подкастов / Н.А. Рогоза, Г.А. Клименко // Организация самостоятельной работы студентов по иностранным языкам. – 2020. – № 3. – С. 144–148.

4. Сысоев, П.В. Подкасты в обучении иностранному языку / П.В. Сысоев // Язык и культура. – 2014. – № 2 (26). – С. 189–201. // Научная электронная библиотека CyberLeninka : [сайт]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podkasty-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku> (дата обращения: 10.01.2026).

5. Халиулина, К.Х. Использование подкастов в изучении иностранного языка / К.Х. Халиулина // Мир – Язык – Человек: материалы VIII Междунар. Науч.-практ. Конф. (Владимир, 22 окт. 2025 г.). – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2025. – С. 746–748. – 1 электрон. Опт. Диск (CD-ROM). – ISBN 978-5-9984-2303-1.

УДК 378.147.88:378.4(045)

Теслюк Наталья Павловна

*кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры английского языка гуманитарных факультетов ФСК,
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)*

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ДИНАМИЧНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ

Аннотация. В статье рассмотрены классические теории обучения и их влияние на организацию учебного процесса. Представлен вариант проектирования занятия по английскому языку с использованием активных и интерактивных методов обучения. Обозначен дидактический потенциал указанных методов и их роль в создании динамичной образовательной среды.

Ключевые слова: теория обучения; метод обучения; пассивный / активный / интерактивный метод обучения; образовательная среда.

Tesliuk Natallia Pavlovna,

*PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of English for Humanities,
Belarusian State University
(Minsk, Republic of Belarus)*

PRACTICAL APPLICATION OF INTERACTIVE TEACHING METHODS TO ENHANCE A DYNAMIC LEARNING ENVIRONMENT

Abstract. This article examines classical theories of learning and their influence on the organization of the educational process. A design option for an English language lesson is presented, utilizing active and interactive teaching methods. The didactic potential of these methods and their role in creating a dynamic educational environment are highlighted.

Key words: learning theory; teaching method; passive / active / interactive teaching method; educational environment.

На протяжении всего XX столетия педагоги, психологи и другие исследователи пытались понять, каким образом обучающиеся приобретают, систематизируют и применяют полученные знания, и, соответственно, выдвигали разные теории, которые объясняли процесс усвоения информации. Так зародились классические теории обучения, актуальные и по сей день: бихевиоризм, когнитивизм, конструктивизм. В рамках каждой из теорий формировались разные подходы и стратегии к организации процесса обучения. Последователи теории бихевиоризма, например, моделируют учебный процесс с помощью таких технологий, которые формируют желаемое поведение у обучающихся (введение материала от простого к сложному для облегчения его восприятия, повторение и тренировки для закрепления знаний и навыков, система поощрений и наказаний для формирования положительных привычек) [3]. Сторонники когнитивизма проектируют эффективное обучение на основе понимания принципов работы человеческого мышления и закономерностей познавательных процессов; реализация этой теории предполагает создание условий, способствующих формированию индивидуальных когнитивных структур, специальную подготовку учебного материала и обучение стратегиям его усвоения, применение знаний в различных контекстах [1, с. 110]. Приверженцы конструктивизма делают акцент на активной переработке новой информации; обучающийся воспринимается как активный участник учебно-познавательной деятельности, который не получает знания в готовом виде, а создает, «конструирует» их на основе личного опыта, взаимодействия с внешним миром и обработки поступающей информации [4, с. 2–4].

Каждая из теорий обучения реализуется в определенных методах. Спектр классификаций методов широк; согласно одной из них, по степени активности педагога и обучающихся методы обучения делятся на пассивные (традиционные), активные и интерактивные. В основе пассивных методов лежит восприятие обучающегося как «пустого сосуда», который нужно наполнить; соответственно, педагог выступает в роли главного источника и транслятора знаний. Активные методы позволяют обучающемуся стать полноценными участниками процесса познания, предполагают постоянное взаимодействие его с педагогом и вовлекают его в деятельность продуктивного, творческого, поискового характера. Что касается интерактивных методов, понятие о них появилось относительно недавно, и до сих пор идет дискуссия об их принципиальных отличиях от активных методов, а также о

том, являются ли они отдельной группой или же подвидом активных методов: в современной педагогической литературе «... термины «активные» и «интерактивные» методы обучения стоят в однородном ряду и имеют общие комментарии-расшифровки» [2], «... эти термины употребляются как взаимозаменяемые, и одни и те же методы называются то активными, то интерактивными» [Там же]. Принимая во внимание разные трактовки указанных терминов, в данной статье под интерактивными методами будут пониматься методы, которые «... ориентированы на широкое взаимодействие преподавателя (реального или виртуального) и студентов, а также студентов друг с другом» [Там же]. Другими словами, активные методы подразумевают «вертикальное» взаимодействие, т.е. взаимодействие между педагогом и обучающимся, а интерактивные методы – и «вертикальное», и «горизонтальное» взаимодействие педагога и обучающихся, обучающихся друг с другом, а также использование информационно-коммуникационных технологий в процессе получения знаний.

Несмотря на разные трактовки терминов, дидактический потенциал активных и интерактивных методов един и заключается в повышении мотивации и обеспечении активной познавательной деятельности обучающихся, развитии умений критического мышления и сотрудничества, формировании важных эмоциональных и социальных навыков. Применение данных методов делает процесс обучения более увлекательным и развивает умение обучающихся применять теоретические знания на практике.

Спектр активных и интерактивных методов широк; ниже представлен вариант проектирования учебного занятия по английскому языку (дисциплина «Профессионально ориентированный иностранный язык (английский)», целевая аудитория – студенты 2 курса экономического факультета БГУ, дневная форма получения образования). Тема – *Concept of Supply Chain Management* ('Понятие об управлении цепочкой поставок').

Рассматриваемое занятие открывает цикл занятий на тему *Supply Chain Management* ('Управление цепочкой поставок') и преследует цель формирования у обучающихся целостного понимания ключевых принципов, процессов, преимуществ и сложностей, которые связаны с обеспечением эффективного функционирования цепочек поставок. Заявленная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) усвоение основополагающих терминов, связанных с указанной деятельностью;

2) ознакомление с примерами цепочек поставок и установление взаимосвязи между их элементами;

3) применение полученных знаний на практике при участии в симуляции, которая отражает реальную проблему с сфере управления цепочками поставок;

4) развитие критического мышления, умений работы в команде и умений общения при решении требуемых задач в ходе симуляции.

Учитывая объем передаваемой информации и время, требуемое для качественного выполнения заданий, работа над данной темой проходит в течение двух учебных занятий (4 ч.).

Занятие 1 структурно делится на пять этапов.

Введение в тему проходит на основе диалогического взаимодействия между преподавателем и обучающимися, которое представляет собой один из самых распространенных методов активного обучения. Студентам предлагается ответить на три вопроса: *Who drinks coffee in your group? Why do people drink it? Why are some drinks more popular than others?* Краткий диалог с аудиторией постепенно погружает ее в тематику занятия, позволяет связать материал, представляемый в дальнейшем, с личным опытом и предпочтениями и призывает задуматься о более глубоких вопросах (факторах, влияющих на популярность напитков (исторических, культурных, экономических); социальном значении напитков и др.). Мотивирующие коммуникативные задания такого типа – своеобразная краткая прелюдия, которая стимулирует активную мыслительную деятельность обучающихся, настраивает их речевую активность и побуждает к обмену мнениями, выражению собственной точки зрения.

Краткий диалог на начальном этапе занятия заканчивается вопросом *Do you know much about coffee?*, после чего обучающимся предлагается проверить свои знания и пройти *Coffee Quiz* ('Викторина о кофе') на онлайн сервисе *Mentimeter*. Викторина завершается рефлексией, в ходе которой обучающиеся отмечают новую информацию и называют факты, удивившие их больше всего. Использование игровых методик в условиях цифровой среды отвечает запросам и потребностям современной аудитории; этот действенный интерактивный метод делает процесс обучения более увлекательным, динамичным и эффективным, помогает удерживать внимание в ходе занятия, привносит элемент соревнования и способствует сплочению группы в целом.

Следующее задание побуждает обучающихся задуматься о том, какой путь проделывает кофейное зерно от момента своего появления на плантации до конечного продукта (кофе) на столе потребителя. Для этого используется визуальный графический организатор *Sequence Chart* ('Пошаговая схема'). Данная схема представляет собой образец цепочки поставок для конкретного продукта (зд. – кофе); она предъявляется обучающимся в разрезанном виде. Работая в парах, студентам нужно правильно ее собрать. Наглядный пример, отраженный в схеме, погружает обучающегося в реальные процессы, которые происходят в жизни, и готовит почву для обсуждения более сложных концептов на дальнейших этапах занятия. Практические задания такого типа представляют информацию понятным образом, разбивая ее на более мелкие части, что облегчает понимание и усвоение материала. Студенты активно взаимодействуют с контентом и друг с другом, каждый максимально вовлекается в процесс обучения.

По окончании работы со схемой студентам предлагается ответить на следующие вопросы: *Why is the process so complicated? How can it be made more efficient? How can one make the maximum profit?* Обмениваясь мнениями, обучающиеся неизбежно приходят к необходимости привлечения теоретических знаний в области цепочек поставок и стратегии управления ими. Для систематизации этих знаний и расставления акцентов на базовых терминах и процессах студентам предлагается принять участие в интерактивном задании *Grab Bag* ('Мешок с сюрпризом'). В контейнер складываются карточки с указанными на них ключевыми понятиями тематики занятия и проблемными вопросами, которые необходимо осветить. Понятия и вопросы формулируются на основе текста *Concept of Supply Chain Management*, который предварительно задается в качестве домашнего задания перед занятием. Каждый обучающийся вытягивает по одной карточке и расшифровывает понятие / отвечает на вопрос, соотнося теоретическую информацию с практическими примерами из схемы.

На заключительном этапе перед студентами ставится вопрос о том, с какими, по их мнению, сложностями могут столкнуться участники разных уровней цепочки поставок кофе. После обмена мнениями обучающиеся знакомятся с двумя кейсами, которые отражают истории реальных людей, занятых в выращивании какао бобов, и их проблемы, вызванные другими звеньями цепочки поставок. Кейсы вскрывают острые проблемы (глобализации и взаимозависимости, устойчивого развития, равенства и социальной

справедливости, конфликтных ситуаций, эмпатии и взаимоуважения) и являются базой для получаемого домашнего задания.

Домашнее задание призвано подготовить обучающихся к проведению ролевой игры. Группа разбивается на 5 подгрупп, каждой из которой присваивается одна из ролей, соответствующая конкретному звену цепочки поставок (*Coffee Farmers, Coffee Exporters, Shipping Companies, The Roasters, The Retailers*). К каждой роли прилагается краткая характеристика: перечень видов деятельности, которые она предполагает, и факторы, которые влияют на оплату услуг каждого участника цепочки. На основе полученной информации обучающимся требуется подготовить 2-минутное выступление, которое отвечает на три вопроса: *What are the strengths of your group and why is it important? What sort of problems do you face as a representative of your group? How do you think you should get paid for your work?*

Занятие 2. Второе занятие проводится в виде ролевой игры и представлено следующими заданиями.

Задание 1. Обучающимся демонстрируется упаковка кофе, который стоит в обычном супермаркете Лондона 2 фунта 35 пенсов. Игра начинается с подготовленной двухминутной презентации от каждой из команд с акцентом на вопрос №3; при этом важно отметить, что студентам следует указать не то, сколько, по их мнению, должен заработать каждый участник цепочки с каждой проданной упаковки, а обосновать, аргументировать, сколько причитается им за выполняемую работу. Желаемая сумма указывается в графе *Initial Proportion* ('Первоначальное соотношение') приведенной ниже таблицы.

Таблица 1 – Стоимость кофе

	Initial Proportion	Negotiated Proportion	Actual Proportion
Coffee Farmers			4p
Coffee Exporters			7p
Shipping Companies			14p
Roasters			£1.51
Retailers			59p

Задание 2. Суммировав все показатели графы *Initial Proportion* ('Первоначальное соотношение'), очевидным становится тот факт, что окончательная стоимость упаковки кофе превышает заявленные 2 фунта 35 пенсов; соответственно, обучающиеся получают второе задание: работая всей группой в одной команде, им нужно прийти к компромиссу, обосновав такую

сумму для себя, с которой согласятся остальные группы; при этом общая стоимость продукта не будет превышать заявленную. Результат переговоров фиксируется в графе *Negotiated Proportion* ('Согласованное соотношение').

Далее преподаватель заполняет графу *Actual Proportion* ('Фактическое соотношение'), и обучающиеся получают возможность сравнить собственные суммы с фактическими. Информация дает пищу к размышлению и подводит группу к заключительному этапу – *Peer Discussion* ('Коллегиальное обсуждение').

Данный этап предполагает проведение рефлексии по окончании работы над заданием. Для обсуждения выносятся следующие вопросы: *What happens there from your perspective?; How do you feel about it?; Why do you think this was the case?; What can be done to improve the situation?; What can be done about unfair trade?* Постыгровое обсуждение ситуации не с позиции персонажа, а с позиции игрока призвано привлечь внимание как к конкретным проблемам в цепочке поставок, так и к более глобальным вопросам (зд. – справедливой торговли) с целью аргументирования собственной позиции и формулирования выводов на будущее.

Вариант занятия, представленный выше, представляет собой пример проектирования образовательного процесса с использованием активных и интерактивных методов обучения. Предлагаемые задания составляют в соответствии с основными характеристиками интерактивности: вовлечение, взаимодействие и обратная связь. Вовлечение предполагает способность педагога создать такие условия обучения, при которых у аудитории формируется мотивация для выполнения заданий, внутренняя или внешняя. Взаимодействие означает конструирование заданий, которые обеспечивают обучающимся возможность общаться с преподавателем, друг другом, работать с контентом и цифровой образовательной средой. Обратная связь обеспечивается контролем со стороны преподавателя и одноклассников; в случае работы с цифровыми образовательными ресурсами моментальная обратная связь предоставляется на цифровой платформе. Предлагаемые задания разнообразны и разработаны таким образом, чтобы при их выполнении обучающиеся не только закрепляли ранее представленный материал, но и получали новые знания. Приведенный вариант занятия также демонстрирует постепенное увеличение степени самостоятельности обучающихся при выполнении заданий: на начальных этапах преподаватель направляет и координирует действия аудитории, во время проведения ролевой игры обучающиеся

становятся более автономными. Опыт проведения данного занятия доказывает целесообразность использования сочетания разных активных и интерактивных методов для достижения наибольшего эффекта от их применения.

Проектирование занятий с использованием активных и интерактивных методов широко используется в современной педагогической практике и продолжает оставаться актуальным, что обусловлено необходимостью адаптировать процесс обучения под потребности современной аудитории, которая ждет нестандартной, эффективной, динамичной и интересной подачи материала. Потенциал таких занятий широк: они способствуют максимальной вовлеченности всех участников в обучение, непрерывному обмену знаниями и идеями, формированию практических навыков, а также развитию личностных качеств и ключевых компетенций современного специалиста.

Библиографический список

1. Авилкина Ж.Л., Пониматко А.П. К вопросу о когнитивном подходе в обучении иностранным языкам // Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. Педагогіка і псіхалогія. 2009. № 1 (22). С. 108–113.

2. Родионова С.Е., Григорьева Т.В. Применение активных и интерактивных методов обучения в реализации основных образовательных программ по гуманитарным направлениям подготовки ВПО (на примере направления «Филология») [Электронный ресурс]. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-aktivnyh-i-interaktivnyh-metodov-obucheniya-v-realizatsii-osnovnyh-obrazovatelnyh-programm-po-gumanitarnym-napravleniyam> (дата обращения: 25.01.2025).

3. Теории научения // Психология [Электронный ресурс]. URL : <https://www.abc-people.com/typework/psychology/ps3.htm> (дата обращения: 15.01.2025).

4. Теории обучения. Конструктивизм [Электронный ресурс]. URL : <https://www.abc-people.com/typework/psychology/ps3.htm> (дата обращения: 15.01.2025).

**МОДАЛЬНОСТЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НА УРОВНЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ И ТЕКСТА: РАЗЛИЧИЯ, СРЕДСТВА И
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ**

Аннотация: В статье рассматривается модальность как многоуровневая категория русского языка. Разграничиваются модальность на уровне предложения и на уровне текста. Обосновывается необходимость их разграничения в преподавании русского языка как иностранного.

Ключевые слова: модальность; наклонение; обучение русскому языку; жанр; эвиденциальность; степень уверенности; атрибуция.

**MODALITY IN RUSSIAN AT THE SENTENCE AND TEXT
LEVELS: DIFFERENCES, MEANS, AND PEDAGOGICAL
IMPLICATIONS**

Wu Qinjin,

PhD candidate

Institute of Foreign Language and Literature

Beijing Normal University

Beijing, China

Abstract: This article treats modality as a multi-level category in the Russian language. A distinction is drawn between modality at the sentence level and modality at the text level. The necessity of distinguishing between these levels in the teaching of Russian as a foreign language is substantiated.

Keywords: modality; mood; teaching of the Russian language; genre; evidentiality; degree of certainty; attribution.

Введение

Модальность — одно из центральных понятий русской грамматики, отражающее связь между содержанием и коммуникативной установкой говорящего. Одно и то же событие может быть представлено как факт, просьба,

предположение или требование. В традиционной грамматике модальность связывают с наклонением и модальными словами, однако в практическом употреблении она выходит за рамки отдельного предложения и проявляется в тексте как система отношений между автором, источником и адресатом.

В преподавании русского языка как иностранного модальность нередко сводится к перечню лексических единиц: *можно, нужно, вероятно* и т. д. Такое упрощение лишает учащихся понимания того, как эти единицы функционируют в контексте, как выражается источник утверждения и каким образом в тексте выстраивается градация степени уверенности. В данной статье утверждается, что следует чётко разграничивать природу модальности на уровне предложения и на уровне текста, при этом обоснованно учитывать это различие в практической методике преподавания.

Теоретические основания

Принято различать **объективную** и **субъективную** модальность [4, с. 361]. Первая отражает отношение высказывания к действительности — реальность, возможность, необходимость, разрешение или запрет [7, с. 112]. Вторая выражает отношение субъекта речи к сообщаемому — уверенность, сомнение, оценку, эмоциональный оттенок [8, с. 611].

Для обучения важно также различать уровень реализации модальности. На уровне предложения модальность формируется грамматически и лексически; она локальна и синтаксически диагностируема. На уровне текста модальность организует текстовую позицию — определяет атрибуцию источника, регулирует степень уверенности и обеспечивает жанровую уместность [6, с. 173].

Такое двухуровневое понимание помогает систематизировать материал и объяснить учащимся, каким образом одни и те же лексические единицы реализуют различные функции в зависимости от контекста.

Модальность на уровне предложения

Модальность предложения задаётся прежде всего категорией наклонения:

изъявительное выражает факт (*Он пришёл*);

повелительное — побуждение (*Иди!*);

сослагательное (с частицей «бы») — гипотетичность (*Если бы он пришёл...*).

Эти формы образуют основу грамматического выражения модальности.

Дополнительную конкретизацию отношения между субъектом и действием обеспечивают лексико-грамматические средства: *надо, можно,*

нужно, следует, должен, мочь, хотеть [3, с. 121]. Их полисемия требует контекстуальной интерпретации, например: *должен* может обозначать как обязанность (*Он должен выполнить работу*), так и предположение (*Он должен быть дома*).

Важную роль играют вводные слова и частицы: *вероятно, кажется, конечно, ведь, же, разве, мол* и др. Они задают субъективную оценку, степень уверенности и тип диалогической связи. Для преподавания это особенно значимо: именно такие элементы помогают обучающимся осмыслить прагматику общения — не только формальные грамматические правила, но и способы выражения отношения к высказыванию.

Наконец, видо-временные формы также участвуют в выражении модальности. Ср.:

Он должен прийти завтра (обязанность в будущем);

Он должен был прийти вчера (невыполненное ожидание).

Подобные различия важно объяснять через контекст и синтаксис, а не через отдельные слова.

Таким образом, модальность на уровне предложения проявляется локально, но её значение складывается из множества факторов: формы, порядка слов и интонации. Для обучения это означает необходимость систематических упражнений, направленных на понимание и использование минимальных смысловых оппозиций, таких как: *можно/нельзя, надо/не надо, он должен прийти/он должен был прийти*.

Модальность на уровне текста

Если модальность на уровне предложения отвечает на вопрос «что и как сказано», то модальность на уровне текста отвечает на вопрос «чья это позиция и как она организована в тексте» [5, с. 65].

Во-первых, **атрибуция источника** (*по данным..., по словам..., как сообщают...*) выражает эвиденциальность, указывая на происхождение информации. Она часто действует не на одно предложение, а на весь абзац. Это объясняет, почему обучающиеся должны учиться видеть не только сам маркер, но и его протяжённость.

Во-вторых, **атрибуция позиции** позволяет разграничить автора, источник и субъект речи. Конструкции типа «*он считал, что...*», «*ей казалось, что...*» формируют в тексте многослойную систему точек зрения. В художественных и публицистических текстах это создаёт эффект дистанцирования или, наоборот, вовлечения.

В-третьих, **степень уверенности и сила утверждения** представляют собой важнейшее свойство текста [2, с. 117]. Как правило, текст не состоит из однородно категоричных высказываний: в нём прослеживается градация — от осторожных формулировок (*можно предположить*) к уверенным (*несомненно*) [9, с. 7-8]. В научном стиле такая градация отражает «этику осторожности», а в официально-деловом — нормы объективности.

Наконец, **жанровая обусловленность** модальности требует специального разъяснения для обучающихся. В частности:

новостные тексты опираются на эвиденциальные маркеры;

академические тексты — на ограничение категоричности утверждений (использование гипотетических формулировок);

деловая речь — на безличные конструкции и деонтические модальные формы (нормы, предписания).

Способность распознавать эти жанровые модели выступает ключевым компонентом функциональной грамотности в русском языке.

Педагогические импликации

Разграничение модальности на уровне предложения и текста является принципиальным для методики преподавания. Студент, ограничивающийся лишь подбором «перевода» к модальным словам, нередко упускает ключевые аспекты: градация степени уверенности и источник утверждения.

Таким образом, процесс обучения должен быть организован в связке «грамматика — текст». На начальном этапе достаточно целенаправленно отрабатывать формы наклонения, модальные глаголы и отрицание. Но на более продвинутом уровне необходимо перейти к анализу реальных фрагментов текста, где явно задан источник высказывания (например, «*по данным...*»). При этом важно формировать у обучающихся умение определять границы действия такой рамки и точки перехода к авторской позиции. Не менее важно внедрять упражнения на контекстное различие. Следует сравнивать одни и те же формы (*должен, можно, надо*) в разных ситуациях, чтобы продемонстрировать, как интерпретация зависит от контекста и жанра.

Отдельная задача — сформировать у студентов представление о жанровых особенностях модальности. В академическом письме принято смягчать утверждения, используя выражения *представляется, вероятно, можно полагать*. В официально-деловом стиле, напротив, используются нормативные и безличные конструкции (*необходимо выполнить*). В разговорной речи

существенную роль играют частицы (*ведь, же*), которые служат для выражения участия и вежливости. Соответственно, при оценивании работ студентов следует учитывать два уровня: грамматический и текстовый. На грамматическом уровне важно оценивать точность формы и употребления слов. На текстовом уровне следует обращать внимание на логику источников, соответствие степени уверенности и жанровую уместность.

Такое двуплановое обучение развивает не только языковую точность, но и умение выбирать уместный тон и степень категоричности, что особенно важно для будущих преподавателей и исследователей.

Заключение

Модальность в русском языке представляет собой систему, функционирующую одновременно на двух уровнях — грамматическом и текстовом. На грамматическом уровне она обеспечивает формальные средства для выражения отношения говорящего к действительности; а на текстовом — определяет атрибуцию, эвиденциальность и уместность. Для преподавания русского языка это означает необходимость интеграции формального анализа и текстовых практик чтения и письма. Только при осознании взаимодействия этих уровней учащийся сможет воспринимать русский текст не как набор слов, а как организованную систему смыслов и оценок.

Библиографический список

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. — М.: Языки русской культуры, 1995. — 472 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. — 5-е изд., стереотипное. — М.: КомКнига, 2007. — 144 с.
3. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. — М.: Наука, 1973. — 350 с.
4. Ломов, А. М. Русский синтаксис в алфавитном порядке: понятийный словарь-справочник / А. М. Ломов. — Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2004. — С. 361.
5. Немец, Г. П. Актуальные проблемы модальности в современном русском языке / Г. П. Немец. — Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1991. — 187 с.
6. Солганик, Г. Я. К проблеме модальности текста // Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст: сб. науч. тр. / Г. Я. Солганик. — М.: Изд-во МГУ, 1984. — С. 173-180.

7. Тураева, З. Я. Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 110-112.

8. Шведова, Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка / Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – С. 611.

9. Шмелев, Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 168 с.

УДК 81

Фролов Дмитрий Сергеевич

студент

Шаломова Елена Викторовна

научный руководитель, кандидат педагогических наук,

доцент кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

**ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ
ЛЕКСИКИ НА ЗАНЯТИЯХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА СО
СТУДЕНТАМИ-БАКАЛАВРАМИ НАПРАВЛЕНИЯ
«ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА И ЭЛЕКТРОТЕХНИКА»**

Аннотация. В статье рассматриваются методики и рекомендации по работе с иноязычной терминологической лексикой на занятиях английского языка со студентами бакалавриата технического профиля, комплексный подход, включающий активизацию словаря, контекстное обучение, использование современных цифровых технологий и развитие коммуникативной компетенции.

Ключевые слова: терминологическая лексика, словари, упражнения, словарный запас, профессиональная компетенция.

Frolov Dmitry Sergeevich

student

Shalomova Elena Viktorovna

Research Supervisor, PhD in Pedagogy,

Associate Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

FORMATION OF FOREIGN LANGUAGE TERMINOLOGICAL VOCABULARY IN ENGLISH CLASSES WITH UNDERGRADUATE STUDENTS OF THE DIRECTION “ELECTRIC POWER AND ELECTRICAL ENGINEERING”

Abstract: the article discusses methods and recommendations for working with foreign-language terminological vocabulary in English classes with undergraduate technical students, an integrated approach that includes dictionary activation, contextual learning, the use of modern digital technologies and the development of communicative competence.

Key words: terminology, dictionaries, exercises, vocabulary, professional competence.

В условиях глобализации и развития международных связей владение иностранным языком, особенно английским, становится одной из ключевых компетенций инженеров и специалистов в области электроэнергетики и электротехники. Специфика данной отрасли требует овладения не только общим английским языком, но и профессиональной терминологией, которая зачастую представлена иноязычными заимствованиями.

Терминологическая лексика – это совокупность слов и словосочетаний, отражающих специализированные знания в определенной отрасли. В электроэнергетике и электротехнике это такие слова, как «voltage» (напряжение), «current» (ток), «resistance» (сопротивление), «transformer» (трансформатор), изучение которых позволит студентам, как будущим специалистам, не только расширить знания в области своих профессиональных интересов, но и даст возможность изучать техническую литературу на иностранном языке и общаться с коллегами-иностранцами. Изучение иноязычной терминологической лексики способствует, кроме того, формированию у

студентов такой профессионально ориентированной компетенции, как межкультурная коммуникация [2].

Особенности профессиональной лексики, предполагают работу с лексическими упражнениями, выполнение которых позволяет студентам стимулировать запоминание профессиональной иноязычной лексики. Такие упражнения направлены, прежде всего, на изучение *заимствований и калькирования* при переводе терминов, что позволяет разобраться в контексте использования их как в английском, так и в русском языке и понять значение исходного термина. В технических текстах активно используется сокращённое написание – *аббревиатура*. *Грамотный перевод* технических терминов вследствие того, что зачастую нужный перевод отличается от основного значения слова [1].

Для закрепления терминологической лексики, необходимы следующие виды работ: 1) пополнение словарного запаса студентов включает обязательное использование словарей и составление глоссариев; 2) составление вокабуляров по принципу «слово, транскрипция, перевод»; 3) систематическое повторение тематической лексики, используя разные виды упражнений (упражнение на заполнение пропусков, упражнения на составление предложений, упражнения на соотнесение иностранных и русских слов и словосочетаний, упражнения на соединение термина с соответствующим ему определением, создание синонимичных словосочетаний и объяснение терминов собственными словами, перевод терминов с английского на русский и наоборот, с последующим использованием в словосочетаниях и предложениях и т. д.).

Контекстное обучение предполагает изучение профессионально ориентированных текстов профильной тематики (технические статьи, нормативы) и выполнение упражнений на понимание содержания прочитанного [3, 4]. Например: текст-описание принципа работы трансформатора с последующим разбором терминологии, заполнение пропусков в технических текстах правильными терминами, например: «An electrical _____ is a closed path in which electrons from a voltage or current source flow». (Правильный ответ: circuit (цепь)).

Использование мультимедийных и интерактивных средств на занятиях по английскому языку позволяет не только оживить атмосферу самого занятия, но и мотивировать студентов на более глубокое и осмысленное изучение иностранного языка. Например: видеоуроки по техническим темам с

субтитрами; интерактивные тренажеры по терминологии; онлайн-тесты для контроля усвоения.

Для обогащения словарного запаса студентов выполняются упражнения на развитие навыков устной речи и письменной коммуникации, а именно: проводятся дискуссии и презентации по техническим темам с использованием терминологии; студенты составляют презентации, пишут рефераты на английском языке.

Наибольшую сложность в изучении терминологической лексики, на наш взгляд, представляют: *неоднозначность терминов*, для преодоления подобных проблем важно учитывать контекст, поэтому целесообразно давать несколько вариантов перевода и пояснений; *сложность для студентов технического профиля с базовым уровнем языка*, в этом случае рекомендуется использование адаптированных текстов и постепенное усложнение материала; *мотивация*, формированию большего интереса к своей специализации способствует связь материалов с реальными задачами и профессией [2].

Таким образом, работа с иноязычной терминологической лексикой на занятиях английского языка для студентов направления «Электроэнергетика и электротехника» играет ключевую роль в их профессиональном становлении. Эффективное овладение терминологией способствует формированию навыков чтения технических документов, устной и письменной коммуникации на международном уровне. Владение иностранным языком для современного студента является не только признаком образованности, но и показателем его профессиональной компетентности независимо от направления его подготовки.

Библиографический список

1. Воропаева, В.А. Факторы оптимизации процесса обучения терминологической лексике на занятиях по иностранному языку в техническом вузе // Наука и образование. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-optimizatsii-protseessa-obucheniya-terminologicheskoy-leksike-na-zanyatiyah-po-inostrannomu-yazyku-v-tehnicheskom-vuze> (дата обращения: 18.01.2026).
2. Лантюхова, Н.Н. Термин: определение понятия и его существенные признаки / Н. Н. Лантюхова, О. В. Загорская, Т. А. Литвинова // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. – 2013 – № 1 – С. 42-45

3. Маруневич О.В. Особенности обучения профессионально-ориентированному чтению на иностранном языке студентов – инженеров путей сообщения // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Совершенствование методологии познания в целях развития науки». Уфа: OMEGA SCIENCE, 2019. – С. 193-198.

4. Особенности перевода технических текстов: учебное пособие / Сост.: И.В. Марзоева, Г.З. Гилязиева. – Казань: Казан. гос. энерг. ун-т, 2018. – 133 с.

УДК 372.881.111.1

Черняк Елена Валерьевна

старший преподаватель

Белорусский государственный университет

(г. Минск, Республика Беларусь)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ЧАТ GPT В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

Аннотация. В данной статье рассматривается многогранное влияние искусственного интеллекта и чата GPT на образование в области преподавания и изучения иностранного языка, подчеркивается их роль в персонализированном обучении, языковой практике в режиме реального времени и планировании занятий.

Ключевые слова: искусственный интеллект; чат GPT; персонализированное обучение; иноязычное образование.

Chernyak Elena Valerievna

Assistant Professor

Belarusian State University

(Minsk, Republic of Belarus)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND GPT CHAT IN TEACHING FOREIGN LANGUAGE

Abstract. This article examines the multifaceted impact of artificial intelligence and GPT chat on education in the field of teaching and learning foreign language emphasizing their role in personalized training, real-time language practice and lesson planning.

Keywords: artificial intelligence; GPT chat; personalized training; foreign language education.

Обучение английскому языку как иностранному в последние годы претерпело значительные изменения благодаря достижениям в области искусственного интеллекта и технологии чат GPT (Generative Pre-trained Transformer). Эти разработки открывают новые возможности, как для преподавателей, так и обучающихся в области изучения языка, языковой практики в режиме реального времени и помощи в планировании занятий.

Традиционная обстановка в аудитории часто не позволяет удовлетворить разнообразные потребности в обучении и темпы отдельных обучающихся. Искусственный интеллект и чат GPT решают эту проблему, предоставляя персонализированный подход. При персонализированном изучении языка платформы на базе искусственного интеллекта анализируют индивидуальные данные обучающихся и соответствующим образом адаптируют планы занятий и содержание. Например, такие платформы, как Lingualeo, используют алгоритмы искусственного интеллекта для понимания сильных и слабых сторон учащихся, предлагая упражнения в тех областях, где требуется улучшение. Это гарантирует, что каждый обучающийся будет прогрессировать в своем собственном темпе, способствуя более глубокому пониманию языка [2].

Языковая практика в режиме реального времени является еще одним важным компонентом эффективного обучения языку. Искусственный интеллект и чат GPT предоставляют студентам возможность практиковать язык по мере обучения, имитируя использование языка в реальном мире. Изучающие язык теперь могут общаться с чат-ботами на базе искусственного интеллекта, например, разработанные с использованием технологии чат GPT. Эти чат-боты обеспечивают мгновенный отклик и побуждают обучающихся применять свои языковые навыки в реальных жизненных ситуациях. Это динамичное взаимодействие не только улучшает языковые навыки студентов, но и повышает их уверенность в использовании языка на практике. Языковой практике в реальном времени способствует способность искусственного интеллекта предоставлять мгновенную обратную связь по произношению, грамматике и использованию словарного запаса. В этом контексте чат GPT выступает в качестве языкового партнера. Студенты могут вступать в письменные или устные беседы с искусственным интел-

лектом, получая немедленную обратную связь в использовании языка, произношении и понимании. Такое взаимодействие создает благоприятную среду для практики и совершенствования языковых навыков [1].

Перед преподавателями стоит задача разработать увлекательные и эффективные планы занятий, соответствующие целям учебной программы. Технологии искусственного интеллекта и чат GPT могут существенно помочь в этом аспекте. Например, планы занятий, созданные с помощью искусственного интеллекта, могут адаптироваться к успеваемости студентов, обеспечивая содержание по-прежнему сложным, но в то же время не перегруженным. Кроме того, искусственный интеллект может рекомендовать дополнительные учебные материалы, соответствующие материалы для чтения, мультимедийные ресурсы, примеры из реальной жизни, языковые игры и упражнения, которые улучшают процесс обучения [3]. Такая помощь не только экономит время преподавателя, но и гарантирует, что планы занятий остаются актуальными. Данные технологии позволяют преподавателям создавать персонализированные условия обучения, облегчают использование языка в реальных условиях и оптимизируют планирование занятий, что в конечном итоге повышает качество преподавания языка.

Таким образом, применяя эти инновации, преподаватели и студенты могут использовать возможности искусственного интеллекта и чата GPT для достижения новых высот в изучении языка, т.к. успех чата GPT в аудиториях обусловлен его способностью предоставлять студентам возможность практиковать язык в динамичной и интерактивной форме, а преподавателям, при эффективной интеграции, обогатить процесс преподавания языка в традиционных образовательных учреждениях.

Библиографический список

1. AI and Chat GPT in Language Teaching: Enhancing English Foreign Language Classroom Support and Transforming Assessment Techniques / M.Y.M. Amin // International Journal of Higher Education Pedagogies. - 2023. - № 4 (4). - pp. 1-15. - URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/ce26/613680f68d41e914a0283279e4ee61df3ad2.pdf> (дата обращения 10.01.26).

2. Teaching English Using Mobile Applications to improve academic performance and language proficiency of college students / P. Gou // Education and

information technologies. – 2023. -№28. –URL: https://www.researchgate.net/publication/370926582_Teaching_english_using_mobile_applications_to_improve_academic_performance_and_language_proficiency_of_college_students (дата обращения 10.01.26).

3. The Adoption of Artificial Intelligence in Human Resources Management Practices/ N. Nawaz, H. Arunachalam, B.K. Pathi, V. Gajenderan // International Journal of Information Management Data Insights. - 2024. – Vol. 4, №1. – pp. 1-11. - URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S266709682300054X?via%3Dihub> (дата обращения: 15.01.26).

УДК: 372.881.1

Чжоу Юйлинь

аспирант

Каскова Маргарита Евгеньевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры ТиПИЯ,

Федеральное государственное автономное

образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

(г. Москва, Российская Федерация)

ТЕОРИЯ «КОНЦЕПТА»

КАК ПУТЬ ПОВЫШЕНИЯ УСВОЕНИЯ ЛЕКСИКИ

(НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Аннотация. Настоящая статья посвящена решению проблемы обучения лексике в рамках эффективной образовательной парадигмы через подход «медленного обучения». Актуальность исследования заключается в практическом применении и преобразовании теории «концепта» из когнитивной лингвистики в системную методику, направленную на восстановление когнитивных, культурных и эстетических аспектов слова и формирование глубокой концептуальной системы целевого языка.

Ключевые слова: теория концепта; лексическое обучение; медленное обучение; сеть ментального лексикона; лингвистическая эстетика

Zhou Yulin

PhD student

Kaskova Margarita Evgenyevna

PhD in Pedagogy, Associate professor,

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

(Moscow, Russian Federation)

“CONCEPT” THEORY AS A WAY TO IMPROVE VOCABULARY ACQUISITION (BASED ON ENGLISH AND CHINESE LANGUAGES)

Abstract. This article is dedicated to addressing the issue of vocabulary teaching within the effective educational paradigm through the "slow learning" approach. The practical significance of the research lies in the application and transformation of the "concept" theory from cognitive linguistics into a systematic methodology, aimed at reconstructing the cognitive, cultural, and aesthetic dimensions of vocabulary and ultimately building a deep conceptual system of the target language.

Key words: Concept Theory; Vocabulary Acquisition; Slow Learning; Mental Lexicon Network; Linguistic Aesthetics

Введение. Современный мир ориентирован на эффективность, особенно для представителей поколения Z — молодых студентов, выросших в эпоху интернета и мобильных устройств. Повсюду на них обрушиваются примеры «успешных людей», назойливые напоминания о задачах и бессмысленные соревнования за звание «самого длительного времени обучения» или «лучших результатов» на образовательных платформах. Однако чрезмерная погоня за эффективностью ведёт к утрате самой сути обучения.

В процессе изучения лексики студенты часто односторонне стремятся к скорости, пытаясь «натаскать» себя для единовременного усвоения большего количества слов, что приводит к очевидным негативным последствиям: фрагментарное мышление мешает правильной организации изученных слов в сети ментального лексикона; на поздних этапах обучения сохраняется зависимость от использования простейшей лексики; успехи в диктантах и экзаменах не находят отражения в практическом применении, вызывая трудности; неглубокое понимание слов со схожим значением ведёт к расплывчатости выражений и смысловым искажениям; поверхностное понимание некоторых слов, особенно с неявной семантикой, и упорный поиск

их эквивалентов в родном языке порождают культурные недоразумения и стереотипы. Чтобы избежать «перманентного окаменения» в процессе изучения языка, мы полагаем, что необходимо отказаться от культа «эффективности» и обратиться к постижению и формированию самой сути словарного состава. Цель работы заключается в том, чтобы на основе теории «концепта» системно проанализировать принятые методы изучения лексики и обосновать переход к «медленному обучению», которое ставит во главу угла не скорость, а глубину понимания и формирование целостной концептуальной системы.

Результаты исследования и их обсуждение. Выдающийся лингвист, философ и педагог Вильгельм фон Гумбольдт языковыми теориями оказал глубокое влияние на становление современного языкознания. Он считал, что язык — это не просто инструмент передачи мысли, а неотделимое воплощение духовной деятельности человека, тесно связанное с мышлением. Согласно его взглядам, каждый язык содержит уникальную картину мира (Weltansicht), а общение между людьми по сути является диалогом этих картин — творческим взаимодействием, в котором говорящий выражает собственное сознание через язык, а слушатель на основе своего понимания заново строит смысл. [7] При «быстром обучении», ориентированном на эффективность, мы часто прибегаем к изолированным флеш-картам и заранее составленным спискам слов для их быстрого запоминания. Однако такой подход рассматривает лексику лишь как символы для передачи конкретных значений. В долгосрочной перспективе это приводит к тому, что в ментальном словаре учащихся формируются жёсткие, однозначные связи, в результате чего происходит лишь накопление изолированных «узлов» без построения целостной сети. Например, на флеш-картах может быть чётко указано, что китайское слово «打» эквивалентно русскому «бить». Однако в реальной языковой практике исходное значение «打» используется довольно редко. В результате учащиеся не могут правильно понять смысл выражений «打车» (взять такси) или «打官司» (вести судебный процесс), не говоря уже о случаях, когда они сталкиваются с сетевым мемом, полностью изменившим первоначальное значение, таким как «打酱油» (буквально «купить соевый соус», а в переносном смысле «быть посторонним»). Более того, на этапе автоматизации языкового выхода большинство платформ микрообучения и приложений для запоминания слов предоставляют продуктивные

упражнения, ограничивающиеся пассивными заданиями вроде сопоставления вариантов в тестах с множественным выбором. Это ещё больше способствует тому, что учащиеся лишь закрепляют распознавание определённых значений, не развивая способность к самостоятельному творческому применению языка.

Гумбольдт также ввел концепцию «внутренней формы языка» (*Innere Sprachform*), подразумевая под этим скрытые в языке логические структуры, культурные ценности и когнитивные модели. По его мнению, эти внутренние формы отражают духовные особенности народа, а различия между языками способствуют многогранности и богатству мировой культуры. [7] Гипотеза лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа также подтверждает эту идею: язык влияет на восприятие мира и образ мышления его носителей, поэтому разные языковые сообщества обладают различными картинками мира. [10,11] При «быстром обучении» учащиеся сосредоточены лишь на запоминании фиксированных значений в конкретных контекстах, игнорируя этимологическое и культурное исследование слов. В результате они не способны осознать межкультурные различия между целевым языком и родным. Более того, учащиеся часто настойчиво пытаются объяснить слова целевого языка через «эквиваленты» в родном языке. Однако из-за различий во внутренней форме языков между двумя системами крайне редко можно найти полностью соответствующие друг другу лексические единицы. Например, студенты могут ошибочно использовать русское слово «честный» в качестве эквивалента китайскому «老实». Однако на самом деле «老实» — это двусмысленное понятие в китайском языке: оно может нести положительную окраску, хваля человека за честность, порядочность и соблюдение моральных норм, но также может иметь негативный оттенок, намекая на неумение гибко действовать и склонность к шаблонному поведению. Очевидно, что «честный» покрывает лишь часть смыслового спектра целевого выражения. Опосредующая роль родного языка заставляет учащихся отказываться от дальнейшего исследования реальных значений слов, что является важной причиной возникновения феномена лексического окаменения.

В работе «*Über den Nationalcharakter der Sprachen*» Гумбольдт возвёл язык в ранг искусства, подчеркнув, что язык не пассивно отражает объективную реальность, а представляет собой творческую деятельность челове-

ческого духа, активно формирующего образ мира. Следовательно, для подлинного овладения языком требуется проявление субъектной активности учащихся — личностного проживания и сознательного творческого освоения языка. [6] Несмотря на то, что система рекомендаций «быстрого обучения» постоянно стремится адаптироваться к пользователю (например, через анкеты, выясняющие уровень знаний, объём словарного запаса и цели учащегося), по сути, она представляет собой лишь упрощённую категоризацию обучающихся на основе больших данных и не способна по-настоящему учесть индивидуальные потребности каждого. Если учащийся не устанавливает глубокой эмоциональной связи со словами, лексика не сможет органично войти в его ментальный словарь. Кроме того, «быстрое обучение» часто использует внешние игровые формы и виртуальные значки-награды вместо внутреннего удовлетворения, возникающего от углубления понимания и культурного прозрения. Эта замена не только не способствует развитию устойчивой мотивации, но, отвлекая когнитивные ресурсы на погоню за виртуальным чувством «сегодня уже отметился», увеличивает психическую нагрузку на учащегося. Если ученик не способен испытать реальное чувство «красоты» изучаемого языка, он не может постичь язык как искусство.

Таким образом, можно заключить, что эффективное «быстрое обучение» действительно способно обеспечить быстрое запоминание некоторых значений лексики и высокие формальные результаты, однако оно содержит три основные ловушки: когнитивное упрощение, культурную трансплантацию и эстетический дефицит. Такой подход не помогает учащимся достичь глубинного понимания слов и построить полноценную сеть ментального лексикона. В долгосрочной перспективе такое обучение практически неизбежно приводит к «окаменению лексики» в реальной языковой практике учащихся. Для решения этой проблемы мы предлагаем создать подход к «медленному изучению», основанный на теории «концепта».

В рамках когнитивной лингвистики Е.С. Кубрякова определяет концепт как «единицу ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека.» [3, с. 90] Чтобы выйти за пределы восприятия слова лишь как символического «означающего» и рассматривать его как «духовную деятельность», единую с мышлением, необходимо глубоко изучать концепт, стоящий за лексической единицей. Ю.С. Степанов разделяет структуру кон-

цепта на следующие компоненты: «1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже не актуальными, а историческими; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатлённую во внешней словесной форме». [4, с. 47] Таким образом, концепт слова включает в себя не только словарное определение, но также его историческую семантику, этимологию и исходный образ. В процессе объяснения значения слова преподавателям не следует ограничиваться материалом учебника, а необходимо его дополнять и углублять. Мы предлагаем в практическом учебном процессе использовать семантическую классификацию британского лингвиста Д. Лича, разделяющую полное значение слова на семь аспектов: Conceptual Meaning (основное, словарное значение), Connotative Meaning (ассоциации, возникающие на основе культуры или личного опыта помимо концептуального значения), Social Meaning (информация, связанная с регистром или диалектом), Affective Meaning (положительная или отрицательная окраска), Reflected Meaning (когда неприятное или табуированное значение многозначного слова мешает пониманию других его значений. Например, «aggressive» в деловом контексте часто используется как похвала, означая эффективные и инициативные действия, однако его негативный оттенок «агрессивный, воинственный» легко может создать у студентов стереотипное восприятие, что требует особого акцента), Collocative Meaning (значение, возникающее из-за привычных сочетаний слов) и Thematic Meaning (смысл, передаваемый через порядок слов, акцент или другие способы организации информации). [8] Одновременно, чтобы помочь учащимся выстроить сеть ментального лексикона, помимо расширения значений слов, необходимо направлять их в классификации изучаемой лексики по «семантическим полям». В отличие от классификации по частям речи, носящей инструментальный характер, и тематической классификации, ограниченной конкретными ситуациями, «семантическое поле» подчеркивает систематическую организацию слов исходя из их концептуальной основы, фокусируясь на логических связях между самими значениями. Например, при изучении группы лексики, связанной с «дождь», такой как pour, drizzle, flood, umbrella, waterproof, soak, damp, вместо простого объединения их в тему «плохая погода» или механической организации по частям речи, более комплексный подход заключается в разборе слов вокруг концептуального ядра «дождь» — его физических свойств и отношений взаимодействия. Следует исходить из логических

связей самого концепта, организуя лексику в однородную систему с внутренней логикой: «различные поведенческие характеристики осадков (pour, drizzle)», «последствия осадков (flood, soak, damp)», «меры противодействия осадкам (umbrella, waterproof)». Такой метод помогает студентам освоить порождающую, логически выводимую микро-концептуальную структуру. Когда учащиеся встречаются со словами, отражающими положительные аспекты дождя, такие как irrigate или fertile, они смогут самостоятельно встраивать их в эту же структуру, а не пассивно активировать её лишь в контексте темы «плохая погода».

В лингвокультурологическом аспекте А.П. Бабушкин определяет концепт как «дискретную содержательную единицу коллективного сознания или идеального мира, хранимую в национальной памяти носителя языка в вербально обозначенном виде.» [1, с. 13] Лишь рассматривая лексику как часть национальной памяти и раскрывая культурные особенности, стоящие за разными народами, можно избежать механического «прививания» значений слов родного языка к единицам изучаемого языка, что ведёт к культурным недопониманиям и стереотипам. В процессе преподавания лексики, при работе со словами, имеющими значительные культурные различия, преподавателю следует направлять учащихся к сопоставительному анализу концептов, чтобы студенты могли по-настоящему разобраться в культурных коннотациях, стоящих за словами. По мере углубления культурного обмена между Китаем и Россией всё больше учащихся узнаёт, что русское слово «дракон» отличается от китайского «龍»: Первый считается злым демоном, а второй — символом благоприятности. Однако подобное категоричное утверждение неизбежно отдаляет учащихся от самостоятельного размышления, создавая стереотипное представление, что «дракон» — это плохо, а «龍» — хорошо. Если же провести сравнительный анализ концептов обоих образов, станет ясно, что такой стереотип не вполне точен. С точки зрения этимологии, оба прошли этап превращения из «змеи» в «дракона»: слово «дракон» происходит от хитроумной змеи, соблазнившей Адама и Еву в Библии, и поэтому обладает ярко выраженным религиозным значением. Этот образ «злодея» возник в целях религиозной пропаганды — например, в религиозных историях часто подчёркивается, что святой Георгий победил змея лишь с помощью силы Божьей. В то время как «龍» (китайский дракон) коренится в поклонении древних тружеников мощной жизнеспособности

змей в природе. Это благоговение возвысило «змею» из обычного природного существа до уровня «божества», хотя и не могло полностью избавить его от некоторой животной природы «змея». Поэтому «龍» часто обитает в воде, и люди строят «龍王廟 (храмы драконьего царя)» у рек, чтобы молить «драконьего бога» о защите. Тем не менее, сохранившаяся у дракона животная сущность во многих случаях по-прежнему наносит огромный вред народу, поэтому в фольклоре также существует множество историй об убийстве злых драконов, таких как «狄仁杰斩九龍 (Ди Жэньцзе, убивший девяти драконов)». Кроме того, поскольку «龍» также символизирует императорскую власть, убийство этих злых драконов отражает недовольство и сопротивление угнетению со стороны простого народа. Таким образом, «дракон» не может быть приравнен к «龍» не из-за простого деления на добро и зло, а из-за различия культурных коннотаций: «дракон» служит для пропаганды православного учения, а «龍» олицетворяет стремление трудящихся к лучшей жизни и их сопротивление угнетению со стороны власти.

В области психолингвистики А.А. Залевская рассматривает концепт как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера.» [2, с. 39] Это вновь подчеркивает, что понимание лексики требует личностного эмоционального опыта. Если мы не способны прочувствовать «эстетику» языка и установить с ним эмоциональную связь, слова останутся для нас лишь холодными знаками. Согласно эстетической теории Д. Е. Берлайна, эстетическая деятельность способна вызывать особое, сбалансированное чувство удовольствия, причём максимальное эстетическое наслаждение возникает при умеренном уровне активации (arousal), то есть при оптимальной степени физиологической и психической стимуляции. [5] Для достижения умеренного уровня активации преподавателям следует умело использовать в учебном процессе многомодальные ресурсы, например, с помощью звука грома объяснять слово thunder или посредством музыкального фрагмента передавать значение melancholy. При изучении слов со схожим значением, таких как smile, laugh, chuckle, smirk, guffaw, simper, ridicule, deride, помимо возможности практического разыгрывания ситуаций студентами, рекомендуется также применять модель эмо-

ционального круга (Circumplex Model of Affect). [9] Учащиеся могут определять координаты каждого слова по оси валентности (от крайне неприятного до крайне приятного) и оси уровня возбуждения (от низкого до высокого), чтобы осознать, как тонкие различия в употреблении слов могут приводить к значительным изменениям в восприятии. Это поможет студентам точнее подбирать лексику в реальной коммуникации, избегая смысловых искажений.

Выводы. «Быстрое изучение», ориентированное в первую очередь на эффективность, может казаться коротким путём к освоению лексики. Однако на практике из-за упрощённого подхода к смысловому содержанию слов и систематического игнорирования культурных и эстетических аспектов оно ведёт к более глубоким учебным затруднениям. Чтобы преодолеть эти трудности, необходимо поднять цель изучения лексики с простого «распознавания и запоминания» до уровня «формирования глубокой концептуальной системы целевого языка». Только так слова смогут превратиться из жёстких символов, указывающих на единичные значения, в гибкие мыслительные ресурсы, свободно используемые в когнитивной сети обучающегося.

Библиографический список

1. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1996. – 104 с. – ISBN 5-7455-0916-3. – EDN UOVBJJ.
2. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001. – С. 36-44.
3. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац ; Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 1996. – 245 с. – ISBN 5-89042-018-1. – EDN OGVICE.
4. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов ; Степанов Ю.С.. – Москва : Издательство Академический проект, 2001. – 990 с. – EDN QOFIUB.
5. Berlyne, D. E. Aesthetics and psychobiology. – New York : Appleton-Century-Crofts, 1971.

6. Humboldt, W. von. Über den Nationalcharakter der Sprachen. – In: Humboldt, Wilhelm von, Werke in fünf Bänden. Band III: Schriften zur Sprachphilosophie. – Darmstadt : J. G. Cotta, 1963. – P. 64–81.
7. Humboldt, W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009.
8. Leech, Geoffrey. Semantics: The Study of Meaning. 2nd ed. – Harmondsworth : Penguin Books, 1981.
9. Posner, J., Russell, J. A., Peterson, B. S. The circumplex model of affect: An integrative approach to affective neuroscience, cognitive development, and psychopathology. – Development and Psychopathology. – 2005. – Vol. 17, No. 3. – P. 715–734.
10. Sapir, E. Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality / Ed. by D. G. Mandelbaum. 1st ed. – University of California Press, 1949. – URL: <https://doi.org/10.2307/jj.5232958>
11. Whorf, B. L. Language, thought, and reality: selected writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. by John B. Carroll. – Technology Press of MIT, 1956.

УДК 808.5

Шапошников Максим Владимирович
студент

Батурьян Маргарита Аветисовна
*научный руководитель, к.ф.н., доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет
имени И.Т. Трубилина»
(г. Краснодар, Российская Федерация)*

ОСОБЕННОСТИ И ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КОММУНИКАТИВНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен коммуникативной языковой личности в контексте английского языка. Анализируются её структурные компоненты (когнитивный, вербально-семантический, мотивационно-прагматический) через призму специфики английского языка

как «лингва франка» глобального общения. Особое внимание уделяется культурно-обусловленным характеристикам успешной личности в англоязычной среде, включая имплицитность, политкорректность и прагматическую адаптивность. Статья также затрагивает методические аспекты формирования словарного запаса в процессе обучения английскому языку.

Ключевые слова: английский язык, коммуникативная языковая личность, лингвокультурный код, прагматическая компетенция, межкультурная коммуникация, правила общения, фразеология.

Shaposhnikov Maksim Vladimirovich
student

Baturyan Margarita Avetisovna
Associate Professor, PhD in Pedagogy, Associate Professor
Department of Foreign Languages,
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
(Krasnodar, Russian Federation)

FEATURES AND CHARACTERISTICS OF A COMMUNICATIVE LINGUISTIC PERSONALITY IN ENGLISH

Abstract: This article examines the phenomenon of communicative linguistic personality in the context of the English language. Its structural components (cognitive, verbal-semantic, motivational-pragmatic) are analyzed through the prism of the specifics of the English language as the "lingua franca" of global communication. Special attention is paid to the culturally determined characteristics of a successful personality in an English-speaking environment, including implicitness, political correctness, and pragmatic adaptability. The article also touches on the methodological aspects of vocabulary formation in the process of learning English.

Keywords: English, communicative linguistic personality, linguistic and cultural code, pragmatic competence, intercultural communication, rules of communication, phraseology.

В современной лингвистике и методике преподавания языков центральным объектом исследования стала коммуникативная языковая личность, понимаемая как совокупность способностей и характеристик человека, позволяющих ему осуществлять иноязычное общение в соответствии

с целями, ситуацией и нормами конкретного лингвосоциума. Английский язык, занявший уникальное положение глобального средства коммуникации (*English as a Lingua Franca* – ELF), делает изучение коммуникативной языковой личности в его контексте особенно актуальным. В любом случае английский используется в многоязычной среде, и это, по-видимому, отражает современное использование английского языка в глобальном масштабе [1]. Формирование такой личности выходит за рамки усвоения грамматики и лексики, предполагая интеграцию культурных кодов, коммуникативных стратегий и прагматических установок, присущих англоязычному дискурсу.

Цель данной статьи – провести комплексный анализ структуры языковой личности, выявить её культурно-специфические черты в английском языке и наметить основные векторы её формирования.

Теоретические основы и структурная модель коммуникативной языковой личности.

Концепция языковой личности была разработана в трудах отечественных лингвистов (Ю.Н. Караулов, Г.И. Богин). В её структуре принято выделять три уровня:

1. Вербально-семантический (нулевой) уровень: Владение языковой нормой и семантикой. Для носителя английского языка это предполагает не только знание обширного синонимического ряда и фразеологии, но и понимание региональных вариантов (британский, американский, австралийский) и их социолингвистического статуса.

2. Когнитивный (лингвокогнитивный) уровень: Система знаний, представлений и концептов, репрезентированных в языке. Это уровень «картины мира», где специфику англоязычной коммуникативной личности определяют такие культурные концепты, как «privacy», «fair play», «understatement» (намеренное преуменьшение), «small talk». Успешная коммуникация требует от личности способности декодировать и использовать эти концепты.

3. Мотивационно-прагматический (высший) уровень: Цели, мотивы, интересы и коммуникативные интенции личности. На этом уровне реализуется способность к эффективному речевому воздействию, выбору уместных стратегий (например, косвенные речевые акты для выражения просьбы («Could you possibly...?») вместо императива) и соблюдению принципа кооперации (П. Грайс) и вежливости (Дж. Лич). В английском языке

эти уровни тесно переплетены с культурной традицией, ценящей косвенность, уважение к личным границам и прагматизм в общении.

Культурно-специфические черты коммуникативной языковой личности в английском языке.

Успешная личность в англоязычном пространстве характеризуется рядом особенностей, проистекающих из культурных норм:

1. Имплицитность и «understatement»: Прямота часто считается грубостью. Критика или несогласие смягчаются («I'm afraid I have to disagree», «Not quite what I had in mind»). Умение «читать между строк» (to read between the lines) — ключевой навык.

2. Политкорректность и эвфемизация: Языковая личность должна оперировать широким арсеналом эвфемизмов и политкорректной лексики в сферах расы, гендера, здоровья, социального статуса («differently abled» вместо «disabled», «senior citizen» вместо «old person»). Это отражает культурную ценность толерантности и избегания дискриминации.

3. Для small talk (о погоде, транспорте), выражение благодарности, извинений, письменные клише в деловой и академической переписке. Их незнание выдаёт чужеродность говорящего.

4. Прагматическая адаптивность в условиях ELF: В глобальном контексте английская личность всё чаще — это гибридная личность, способная к «кооперативной прагматике»: упрощение идиом, толерантность к некоторым грамматическим вариациям, умение разрешать коммуникативные сбои, объясняя и перефразируя. Акцент смещается с идеального подражания носителю на эффективную и взаимную понятность.

К вопросу о формировании коммуникативной языковой личности в обучении английскому языку

Формирование понимания конкретной языковой системы требует перехода от знание-центричного к антропоцентричному подходу в образовании. Методические импликации включают:

1. Интеграцию лингвокультурологического и социопрагматического компонентов: Обучение должно строиться на аутентичных материалах (художественная литература, фильмы, СМИ, подкасты), раскрывающих не только язык, но и стоящие за ним поведенческие сценарии.

2. Развитие дискурсивной компетенции: Анализ и продуцирование целостных текстов/дискурсов разных жанров (эссе, презентация, деловое письмо, светская беседа) с учётом их структурных и стилистических норм.

3. Моделирование аутентичных коммуникативных ситуаций: Использование ролевых игр, тематических исследований, дебатов, где необходимо применять стратегии вежливости, убеждения, разрешения конфликтов, характерные для англоязычной среды.

4. Рефлексию и развитие межкультурной чувствительности: Сравнение коммуникативных норм родной и англоязычной культур для осознания различий и предотвращения прагматических ошибок.

5. Акцент на вариативность языка: Ознакомление с основными региональными вариантами английского и с феноменом ELF для подготовки к реальному многообразному миру англоязычного общения.

Таким образом, коммуникативная языковая личность в английском языке представляет собой сложную, многоуровневую систему, интегрирующую собственно языковые знания, культурные концепты и прагматические умения. Концепция преобразования компетенции подкрепляется исследованиями когнитивной науки, которые ищут репрезентативные схемы для динамических повествований на двух языках [2]. Её специфика в значительной степени детерминирована культурными нормами англоязычных обществ, среди которых на первый план выходят имплицитность, ритуализированность вежливости и прагматическая адаптивность. В эпоху глобализации эта личность всё чаще приобретает гибридные черты, функционируя в пространстве English as a Lingua Franca.

Формирование такой подхода в процессе обучения является комплексной задачей, требующей выхода за пределы традиционного языкового курса в сферу лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики. Успешное её решение позволит обучающимся стать не просто «говорящими на языке», но эффективными и культурно-чувствительными участниками глобального диалога.

Библиографический список

1. Басте, З. Ю. «ЕМІ» как способ обучения контенту на английском языке в рамках многоязычия / З. Ю. Басте, М. А. Батурьян // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 5-2. – С. 50-53. – DOI 10.37882/2223-2982.2024.5-2.04. – EDN ECLYPP.

2. Басте, З. Ю. Билингвизм как фактор успешности в изучении иностранных языков / З. Ю. Басте, М. А. Батурьян // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 9. – С. 44-46. – DOI 10.37882/2223-2982.2022.09.06. – EDN ХКQТВС.

3. Мельникова, Е. М. Немного меньше разговоров - о полноте дискурсивных субсентенций, изначально направляющих действие / Е. М. Мельникова, М. А. Батурьян // Эффективные технологии и современные методы обучения в педагогической деятельности : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 25 ноября 2024 года. – Краснодар: Индивидуальный предприниматель Алзидан Махер, 2024. – С. 74-79.

УДК 371.134

Шмелева Елизавета Сергеевна

магистрант

Акинина Полина Сергеевна

*научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент,
кафедра ИЯПК,*

*ФГБОУ ВО «Владимирский Государственный Университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых*

(г. Владимир, Российская Федерация)

ДИДАКТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация. В статье рассматриваются дидактические свойства и методические функции языковых моделей искусственного интеллекта (ИИ) в сфере преподавания иностранных языков. Исследование выявляет ключевые дидактические характеристики ИИ, среди которых – способность к самообучению, адаптивность, интерактивность и высокая продуктивность, позволяющие эффективно моделировать взаимодействие, подобное человеческому. Показано, что инструменты ИИ способствуют совершенствованию языкового образования за счёт создания персонализированных упражнений, разработки аутентичных коммуникативных сценариев и предоставления адаптированной обратной связи. Исследование подчёркивает, что ИИ вы-

ступает в качестве вспомогательного инструмента, а не замены преподавателя, трансформируя его роль в сторону критического куратора, специалиста по адаптации контента и педагогического дизайнера.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дидактические свойства, методические функции, адаптивное обучение, персонализированное образование, иностранный язык

Shmeleva Elizaveta Sergeevna

Master's student

Akinina Polina Sergeevna

*Research supervisor, PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

DIDACTIC PROPERTIES AND METHODOLOGICAL FUNCTIONS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING

Abstract: the article explores the didactic properties and methodological functions of artificial intelligence (AI) language models in foreign language teaching. The study reveals key didactic properties of AI, including self-learning, adaptability, interactivity, and high productivity, which enable effective simulation of human-like interaction. AI tools are shown to enhance language education through personalized exercise creation, authentic communicative scenarios, and tailored feedback. The research emphasizes that AI serves as a complementary tool rather than a replacement for educators, transforming their role into that of a critical curator, content adjuster, and pedagogical designer.

Keywords: artificial intelligence, didactic properties, methodological functions, adaptive learning, personalized education, foreign language

Modern neural network technologies, based on language models, possess significant linguodidactic potential, which manifests through a combination of didactic properties and methodological functions. Didactic properties are understood as the key characteristics of neural networks that distinguish them from other technologies and hold substantial importance for learning theory and practice. These properties include: self-learning capability (role function), enabling a neural network to adapt responses according to a user-specified role, such as a

foreign language teacher; nonlinearity, ensuring variability and originality of responses depending on the context and details of the query; contextuality, expressed in the ability to remember and account for previous messages in a dialogue; adaptability, or the ability to adjust to individual user characteristics; interactivity, consisting of providing diverse feedback; benevolence, manifested in a neutral and supportive tone of communication; high performance, ensuring instant processing of requests without fatigue; a unified approach to data analysis and design, minimizing subjectivity in assessment; the illusion of animacy, creating the effect of communicating with a living interlocutor; the capability to compress, expand, and regenerate data for adapting educational materials; and response predictability, allowing the neural network to be programmed to provide accurate information in professional spheres. These properties do not exist in isolation but function comprehensively, simulating the work of the human brain, with self-learning, nonlinearity, contextuality, and adaptability considered the most significant among them [4].

The above theoretical propositions find clear confirmation in the practice-oriented research of Bogatova and Freze, who demonstrate how neural networks allow the adaptation of teaching materials to the needs of specific students, for example, by generating additional exercises to reinforce complex vocabulary, which directly correlates with the function of learning individualization [1].

The theoretical didactic properties materialize in practice through specific methodological functions – the concrete, goal-oriented applications of AI that qualitatively alter the dynamics of the learning process.

Based on the identified didactic properties, methodological functions are formed – these are the external manifestations of neural networks that enable qualitative and quantitative changes in the process of foreign language teaching. The most important of these, according to P.V. Sysoev, is the organization of language and speech practice, implemented through the use of chatbots and voice assistants. Bogatova and Freze significantly enrich this thesis by detailing the process of creating and using materials generated by neural networks. They demonstrate how, using platforms like ChatGPT and Twee.com, a comprehensive set of tasks can be built: from generating images for vocabulary introduction (Lexica.art) and creating a fairy tale to transforming text into a dialogue for practicing oral speech and developing listening skills with a speech synthesizer (ElevenLabs). This approach clearly illustrates how the properties of nonlinearity and data regeneration serve as the basis for developing multi-level exercises that enhance all types of speech activities [4].

Another significant function is the preparation of teaching and methodological materials, which, according to P.V. Sysoev, is based on the ability of neural networks to compress or expand data and on their adaptability. Bogatova and Freze specify this potential by describing how a teacher can not only quickly create content but also creatively transform it – simplifying or complicating dialogues, formulating reading comprehension questions, creating dialogic units for vocabulary practice – thereby saving preparation time and focusing on the creative aspect of the lesson. At the same time, both groups of authors agree that the key role of the teacher is preserved and transforms towards the critical evaluation, correction of generated content, and pedagogical design of tasks, which mitigates the risks associated with potential information inaccuracy or its insufficient methodological adaptation [4].

Thus, integrating Sysoev's theoretical approach, which systematizes didactic properties and methodological functions, with the practical developments of Bogatova and Freze, which demonstrate the technology of their implementation, allows for a holistic understanding of the linguodidactic potential of neural networks. This potential lies not in replacing the teacher but in providing them with a powerful tool to enhance the efficiency, adaptability, and motivational component of the foreign language learning process, paving the way for personalized and interactive education.

An important aspect is the ability of neural networks to diagnose and correct errors at a metalinguistic level. Modern language models demonstrate the capacity not only to correct grammatical and lexical inaccuracies but also to explain the linguistic patterns behind these errors. For example, when analyzing students' written work, a neural network can identify systematic errors in the use of articles or tense-aspect forms and offer targeted exercises for their elimination, formulating rules in language accessible to the learner [2]. This diagnostic function goes beyond simple correction, becoming a tool for fostering students' language awareness.

This context-oriented approach fosters the development of professional foreign language competence that extends beyond everyday communication. Crucially, the neural network can adapt the complexity of speech models according to the learner's proficiency level – from simple formulations to complex, elaborated utterances characteristic of real-world professional discourse [3]. This underscores the teacher's indispensable role in selecting and framing such AI-generated scenarios to align with specific learning objectives.

The teacher's role is not diminished but transformed and elevated. The educator becomes the indispensable architect of the learning experience – setting objectives, designing meaningful AI-mediated tasks, critically curating and contextualizing AI-generated content (such as the professional dialogues mentioned above), and providing the human empathy, cultural insight, and motivational support that technology cannot replicate. The future of effective foreign language teaching, therefore, lies not in a binary choice between teacher and technology, but in a strategic and critical partnership. By mastering the didactic properties and methodological functions of AI, educators can transform their practice, creating more efficient, responsive, and engaging language-learning ecosystems that effectively prepare learners for the communicative demands of the 21st century. Further research should focus on longitudinal studies of learning outcomes, ethical considerations, and the development of comprehensive pedagogical frameworks to guide this collaborative teacher-AI dynamic.

Библиографический список

1. Bogatova S.M., Freze O.V. Didactic potential of neural networks in foreign language teaching // *Modern Pedagogical Education*. 2024. № 3. Pp. 187–192.
2. Koryakovtseva N.F. Topical issues of foreign language teacher training in the context of reforming the national higher education system // *Bulletin of Moscow City University. Series: Philology. Language Theory. Language Education*. 2023. № 3(51). Pp. 155–161. DOI 10.25688/2076-913X.2023.51.3.13.
3. Lavrinenko Yu. Using GPT chat-bots in English language teaching at a non-linguistic university: a theoretical aspect // *Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies*. 2023. Vol. 12. № 2. Pp. 18–25. DOI 10.24412/2225-8264-2023-2-18-25.
4. Sysoev P.V. Didactic properties and methodological functions of neural networks // *Perspectives of Science and Education*. 2024. № 6(72). Pp. 672–690. DOI 10.32744/pse.2024.6.42.

Раздел V
ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ПЕДАГОГИКЕ
И ПСИХОЛОГИИ
PROMISING AREAS IN PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

УДК 378.147.88

Аверина Екатерина Сергеевна
студент

Кузурман Валентина Алексеевна
научный руководитель, кандидат технических наук,
доцент кафедры химии и химических технологий,
Институт естественных наук,
ФГБОУ ВО «Владимирский Государственный Университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
(г. Владимир, Российская Федерация)

ТЕХНОЛОГИЯ ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной работе описана концепция технологии проектной деятельности, позволяющая подготовить специалистов, компетенции которых соответствуют приоритетным направлениям и особенностям развития российской экономики.

Ключевые слова: технология обучения; студенты; проектная деятельность.

Averina Ekaterina Sergeevna
Student

Kuzurman Valentina Alekseevna
Research Supervisor, PhD in Engineering,
Associate Professor, Department of Chemistry and Chemical Engineering,
Institute of Natural Sciences,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)

PROJECT ACTIVITY TECHNOLOGY

Abstract. This paper describes a concept for project-based learning that enables the training of specialists whose competencies align with the priority areas and development characteristics of the Russian economy.

Keywords: learning technology; students; project-based learning.

По результатам исследования европейского молодёжного рынка труда, студенты, обучавшиеся с использованием технологии проектной деятельности, быстрее находят работу по специальности, имеют более высокий заработок на старте карьеры, а также лучше приспособлены к решению нестандартных задач и работе с инновационными технологиями. В связи с этим, сейчас в нашей стране также делается акцент на использование данного образовательного инструмента при подготовке профессиональных кадров.

Целью работы является рассмотрение понятия технологии проектной деятельности, как одного из основных методов современного образовательного процесса.

Основные задачи данной работы:

1. Рассмотреть понятие и сущность проектной деятельности.
2. Представить методологию технологии проектной деятельности.
3. Показать достоинства и проблемные аспекты данного учебного инструмента, а также его перспективы в учебном процессе России.

Для того, чтобы сформировать понятие «технология проектной деятельности», следует по отдельности рассмотреть её составляющие. Так, слово «технология» означает общность приемов, используемых в каком-либо деле, мастерстве или искусстве. «Проект» представляет собой комплекс действий, организатором которого является педагог, а исполнителем – обучающийся, в ходе которых он самостоятельно принимает решения и несет ответственность за результат труда и создание творческого продукта. Технология проектной деятельности – это способ организации самостоятельной индивидуальной деятельности учащихся, направленный на создание учебного проекта [2].

Основоположником метода проектной деятельности следует считать американского философа и педагога Джона Дьюи, разработавшего данную технологию в начале XX века. Его главным постулатом было построение

обучения на активной основе через целесообразную деятельность учащегося, которая отвечает его личным интересам в данной области знания. Таким образом проблема, которую необходимо решить обучающемуся с помощью своих навыков и знаний, становится актуальной и значимой для него.

Последователь идей Дьюи, его земляк Уильям Херд Килпатрик уже в полной мере разработал и внедрил проектную деятельность в образовательный процесс. По мнению Килпатрика, данная технология предоставляет обучающимся абсолютную свободу в выборе, решении и воплощении проблемы, что формирует активную жизненную позицию человека.

В нашей стране появление проектной деятельности связано с именем педагога Станислава Теофиловича Шацкого.

Несмотря на то, что данный обучающий метод существует уже больше ста лет, долгое время он не имел широкого распространения. Актуальным метод проектов стал при переходе к новой образовательной парадигме. Использование новой научно-методической основы и развитие информационных технологий помогли методу проектной деятельности войти в число наиболее востребованных образовательных технологий. Его популярность в учебных заведениях на данный момент обусловлена соответствием метода проектов основной установке современного образования: созданию модели непрерывного самостоятельного образования человека на протяжении всей его жизни [1].

Проектная технология имеет несколько отличительных принципов. В первую очередь, для нее характерно наличие проблемы. Проблема должна быть решена при помощи исследования с задействованием знаний из различных областей, которые учащийся получил на предыдущих ступенях обучения. Проблема проекта должна быть социально-значимой вне зависимости от ее источника, внешнего (предлагается заказчиком) или внутреннего (практические или исследовательские работы на базе учебного заведения).

Во-вторых, результаты, полученные в ходе работы над проектом, должны обладать практической, теоретической, познавательной значимостью. Разработанный проект должен быть востребован и использоваться после защиты.

В-третьих, проектная работа имеет самостоятельный характер выполнения. Студент должен сам организовать исследовательскую деятельность, а педагог-куратор выполняет роль координатора и отслеживающего прогресс на различных стадиях проекта.

В-четвертых, студенты должны применять исследовательские методы для решения проектной проблемы. Это могут быть наблюдение, проведение экспериментов, создание анкет, опросов и тестов, а также работа с литературными источниками и рассмотрение опыта других проектов.

В-пятых, так как проект является долгой и трудоемкой работой, необходимо структурировать содержание исследований и расписать определенные этапы и стадии работы [2].

Работа над проектом включает в себя четыре основных этапа: предпроектная подготовка, планирование, организационно-исследовательский этап и представление конечных результатов.

На этапе предпроектной подготовки происходит создание проектной группы, выбор руководителя и темы работы, формулируются проблемы, цели и задачи проекта, обосновываются методы исследования, составляются план и структура исследования, а также проводится работа с литературными источниками.

На этапе планирования определяются временные рамки проекта и происходит распределение учебных задач среди участников проекта.

На организационно-исследовательском этапе обучающиеся ищут и обрабатывают информацию, полученную из различных источников. Затем команда проекта делает выводы и соотносит их с поставленными задачами. В случае успешного выполнения работы результаты исследования оформляются в виде отчета.

На заключительном этапе проект презентуют, проводят анализ проделанной работы и выносят вердикт о качестве самого проекта, а также о работе и роли каждого участника.

Проекты можно классифицировать по различным основаниям. Так, по количеству учащихсЯ проекты делятсЯ на индивидуальные и групповые, по содержанию – на монопредметные и междпредметные, по продолжительности – на краткосрочные (несколько дней), среднесрочные (от 1 недели до 1 месяца), долгосрочные проекты (от 1 месяца до 1 года), по виду деятельности – на информационные (рефераты, статьи, доклады, схемы, таблицы, фото- и видеоматериалы), исследовательские (научные публикации и отчёты, конкурсные проекты), творческие (сценарии, концерты, постановки, конкурсы, фотовыставки, видеофильмы), практико-ориентированные (например, изучение имиджа и лица учебного заведения, а затем создание нового имиджа). В обычной жизни проекты сочетают различные классификационные черты [2].

У данной технологии есть большое количество преимуществ. По мнению методистов, проектное обучение формирует у студентов проектный тип мышления, делает педагогический процесс целостным и комплексным, формирует условия для самостоятельного приобретения знаний в случае индивидуального проекта и для работы в команде при создании группового проекта, мотивирует заниматься непрерывным самообразованием, формирует умения и навыки, позволяющие ориентироваться в современном информационном пространстве, а также дает возможность построить собственную траекторию обучения для каждого [4]. В результате данной технологии получается материальный или интеллектуальный продукт, который впоследствии может быть внедрен на предприятии заказчика.

Но у данной концепции существует и ряд недостатков. Главная проблема состоит в том, что создание проектов имеет большую эффективность в случае замотивированных и способных студентов, для студентов более низкого уровня данная технология может снизить успеваемость. Также довольно часто создание проекта требует междисциплинарного подхода, что вызывает предпосылки к комплексной перестройке учебного процесса, изменению подходов к преподаванию всех дисциплин, подчинению учебного графика технологиям проектирования [3].

Сейчас технология проектной деятельности особенно широко распространена в высших учебных заведениях России. На уровнях бакалавриата и магистратуры проектная деятельность используется при подготовке выпускных квалификационных работ.

Библиографический список

1. Платонова, А.А. Технология проектной деятельности // Инфоурок, 2022. – URL: <https://infourok.ru/statya-tehnologiya-proektnoj-deyatelnosti-5706823.html> (дата обращения: 25.09.2025).
2. Проектные технологии. Технология проектного обучения // Дворец творчества детей и молодежи имени А.П. Гайдара. – URL: <https://dpgaidar.mskobr.ru> (дата обращения: 25.09.2025).
3. Тетюкова, Е.П., Белых, Т.А. Проектное обучение – инновационный подход к организации учебного процесса в высших учебных заведениях РФ // Физика. Технологии. Инновации. Материалы международной практической конференции. 2019. С. 349–358.

4. Уракова, Е.А., Колдина, М.И., Корнусова В.М. Сущность и характеристика технологии проектной деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-2. С. 282–284.

УДК 159.9

Бурнашова Софья Алексеевна

студент

Леоненко Екатерина Вячеславовна

научный руководитель,

старший преподаватель кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский Государственный Университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

(г. Владимир, Российская Федерация)

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ НАПРАВЛЕНИЙ В ПСИХОЛОГИИ НА КЛИМАТ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ КОЛЛЕКТИВЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В ВУЗЕ

Аннотация. Работа направлена на изучение современных тенденций в психологии, а именно в психологии образования. В публикации выделяются главные тренды в психологии, определяющие векторы пространства образования, отношения педагога и учащегося в ВУЗе. Кроме того, в исследовании подчеркивается роль современных психологических приемов в создании благоприятного климата в педагогическом коллективе.

Ключевые слова: образовательный процесс, личность, педагогическая психология, эмоции, методы, мотивация, творчество, сплоченность, открытость, позитивное мышление.

Burnashova Sofia Alekseevna

student

Leonenko Ekaterina Vjacheslavovna

Research Supervisor, Assistant Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

THE IMPACT OF MODERN TRENDS IN PSYCHOLOGY ON THE TEACHING COLLECTIVE AND EDUCATION IN HIGH SCHOOL

Abstract. The study is aimed at study of modern tendencies of psychology, exactly of pedagogical psychology.

In this article the main trends of psychology are emphasized. It is showed, how these trends specify the important directions of education, connection among teachers and students in High School. Besides, it is identified, how these trends can affect on a good climate in a teaching collective.

Key words: educational process, individuality, pedagogical psychology, emotions, methods, motivation, creativity, unity, sincerity, positive thinking.

Психология является неотъемлемой частью жизни каждого человека. Несмотря на новые, инновационные методы в психологии, данная наука, несомненно, и ранее защищала права личности, но сегодня психология более ярко, осознанно, открыто внедряет в общество подходы, методы, тенденции, которые направлены на раскрытие, поддержание, развитие личности человека. Если говорить о психологии в области образования, то есть о педагогической психологии, то сегодня эта отрасль науки рассматривает обучающую среду как место самоопределения человека, где ученик и учитель вместе формируют это пространство.

Центр педагогической психологии составляют познания о психологии человека как учении об личной реальности в обучающем процессе.

Изучая современные психологические подходы, можно заметить, что все они основываются на «онтопсихологии» [2, с.118], «научном направлении с выраженной антропоцентрической ориентацией, человек, его подлинное бытие является основным предметом онтопсихологии» [2, с.119]. Как же это выражается в процессе обучения в ВУЗе?

- Предполагается, что студент является обработчиком информации.
- Процесс обучения – деятельный и конструктивный, то есть студенты сами вырабатывают свои знания, умения, навыки.
- Обучения является суммарным процессом, это означает, что студенты вливают актуальные, передовые знания в учебное пространство.

– Процесс обучения является саморегулирующимся. Не только преподаватель, но и студент ревидирует обучение. Благодаря студенту появляется взаимоотношение, проявляются интерес и сосредоточение.

– Процесс обучения является персональным. Это означает, что итог обучения зависит от особенностей студента, эмоциональных, ментальных, даже физических.

– Образовательный процесс отличается не только индивидуально-ориентированными подходами, но и коллективным сознанием. Это говорит о том, что сегодня студентов учат взаимодействовать друг с другом, отвечать не только за себя, но и другого участника процесса обучения. Это необходимо для здорового понимания себя в социуме.

Необходимо отметить, что плодотворный процесс обучения зависит от преподавателя, который в свою очередь также, как и студент является членом коллектива. Здоровый климат в педагогическом коллективе является важным моментом в успешном процессе обучения студентов в ВУЗе.

Сегодня психологи выделяют основные шаги к благоприятной обстановке в коллективе, в том числе педагогическом:

- передача командных устоев;
- отчетливое разделение ролей в коллективе;
- создание внутренней зоны комфорта;
- поощрение положительных отношений и взаимовыручки;
- срочное объективное решение споров;
- здоровый взгляд на ошибки коллег.

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, что современная психология основана не является сугубо инновационной, основывается на основах классической психологии, центром которой является человек, его индивидуальность.

В настоящее время подходы к обучению, образовательному процессу в том числе в ВУЗе, более ярко, свободно транслируют личностно-ориентированное звено, его эмоциональную составляющую. Подобную концепцию, тенденцию можно наблюдать и в обустройстве комфортной среды в педагогическом коллективе.

Библиографический список

- 1.Андерсон Л. М. Педагогическая психология для учителей: реформирование наших курсов, переосмысление наших ролей. 1995 г. С. 54-60.
- 2.Бернардо А. Создание мощной среды обучения. 1997 г. С. 117-126.
- 3.Капуаг А. Психология обучения и преподавательской деятельности. 2002 г. С. 20-24.
- 4.Оразова, Д. Б. Современные тенденции в педагогической психологии и психологии образования / Д. Б. Оразова, Д. А. Аннаорова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 18 (465). — С. 284-286. — URL: <https://moluch.ru/archive/465/102203>
- 5.НАДПО. URL : <https://nadpo.ru>

УДК 316

Васькин Денис Романович
студент

Кузурман Валентина Алексеевна
*научный руководитель, кандидат технических наук,
доцент кафедры химии и химических технологий,
Институт естественных наук,
ФГБОУ ВО «Владимирский Государственный Университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
(г. Владимир, Российская Федерация)*

ТРИЗ-ТЕХНОЛОГИЯ В ПЕДАГОГИКЕ

Аннотация. В данной работе описана ТРИЗ (теория решения изобретательских задач) - технология обучения студентов, которая позволяет ускорить изобретательский (исследовательский процесс), исключив из него случайные факторы.

Ключевые слова: технология обучения, теория решения изобретательских задач, технология творческого развития, студенты.

Vaskin Denis Romanovich

student

Kuzurman Valentina Alexeyevna

Research Supervisor, PhD in Engineering,

Associate Professor, Department of Chemistry and Chemical Engineering,

Institute of Natural Sciences,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

TIPS-TECHNOLOGY IN PEDAGOGY

Abstract: This study is focused on the ToIPS (Theory of Inventive Problem Solving) - the technology of student education, which allows speeding up the inventive (researching) process by excluding random factors.

Key words: study technology, theory of inventive problem solving, creative development process, students.

Помимо усвоения классической образовательной системы «знания-умения-навыки» от современного студента требуется раскрытие индивидуальных творческих способностей, новаторского мышления отступления от шаблонных решений и способность находить нестандартные подходы для решения различных задач. Система ТРИЗ в этом случае является большим подспорьем, студенты решают поставленные задачи не путём проб и ошибок, а с помощью специального алгоритма рассуждений, приводящих студента к лучшему решению.

Целью работы является изучение технологии ТРИЗ, которая способствует развитию у студентов таких навыков как дивергентное и конвергентное мышление, способности мыслить быстро и нестандартно.

Основные задачи данной работы:

1. Изучить технологию ТРИЗ
2. Рассмотреть её преимущества и слабые стороны.
3. Рассмотреть варианты применения ТРИЗ в обучении студентов химии.

Теория решения изобретательских задач была разработана Г.С. Альтшуллером (писатель фантаст и изобретатель, больше известен под псевдонимом Генрих Альтов) и его коллегами в 1946 году (опубликована в 1956 году). Они описывали ТРИЗ как технологию творчества, базирующуюся на

идеях о том, что изобретательское творчество и создание новых средств труда должно подчиняться определённым законам. Появление этой технологии подразумевало отказ от слепого перебора, зависимости от настроения субъекта и других случайных факторов, в пользу конкретных методик решения практических инновационных задач любой величины и направленности.[1]

Основная идея ТРИЗ состоит в применении специального алгоритма решения изобретательских задач (АРИЗ) для их решения. Сам алгоритм, изначально опубликованный в 1956 году, неоднократно редактировался и дополнялся. На данный момент актуальной версией алгоритма является АРИЗ-85В. Для понимания АРИЗ необходимо ознакомиться со следующими терминами:

- Идеальный конечный результат (ИКР) — представление о том, какой должна быть идеальная система: выполнять свою функцию без затрат ресурсов и без негативных последствий.
- Технические противоречия — ситуации, когда улучшение одного параметра системы ведет к ухудшению другого.
- Физические противоречия — требования к системе, когда один и тот же элемент должен находиться в противоположных состояниях.
- Ресурсы системы — неиспользованные или недостаточно использованные возможности, материалы, энергия, пространство, время и информация.
- Законы развития технических систем — объективные тенденции, которым подчиняется эволюция любых технических систем.

Так же следует обозначить основные принципы, на которых и строится сам алгоритм.

Принцип противоречия лежит в сердце методологии. Альтшуллер утверждал, что в основе любой изобретательской задачи лежит противоречие — ситуация, когда улучшение одного параметра системы неизбежно ведет к ухудшению другого. Умение выявлять и формулировать эти противоречия — ключевой навык ТРИЗ-специалиста.

Принцип идеальности предполагает стремление к идеальному конечному результату (ИКР) — системе, которая выполняет требуемую функцию без затрат, потерь и негативных эффектов. ИКР служит ориентиром при разработке решений и помогает избавиться от психологической инерции.

Принцип системности требует рассматривать объект как систему взаимосвязанных элементов, а также учитывать его надсистему (среду, в которой он функционирует) и подсистемы (компоненты, из которых он состоит). [2]

Таким образом, вплотную подходим к самому АРИЗ. Он представляет собой большую последовательность шагов, направленных на превращение объёмной проблемы в простую и чёткую последовательность её решения. На самом деле, в актуальной редакции АРИЗ содержится 85 шагов, так что для упрощения объединим их в определённые стадии решения.

Аналитическая стадия начинается с анализа исходной ситуации и формулировки задачи. Здесь происходит выявление технического противоречия, определение конфликтующих элементов и формулирование идеального конечного результата (ИКР). Критически важно на этом этапе абстрагироваться от конкретной терминологии и перейти к обобщенной модели проблемы.

Оперативная стадия направлена на построение всеполюсных моделей исходной системы и идеального решения. Здесь применяются стандарты на решение изобретательских задач, анализируются доступные ресурсы системы (вещества, поля, пространство, время), и формулируются физические противоречия.

Синтетическая стадия включает оценку полученного решения, анализ способов устранения вторичных проблем, которые могут возникнуть при реализации решения, и планирование конкретных шагов по его внедрению.

Путём детализации данных стадий, можно выявить следующую последовательность действий:

1. Формулирование мини-задачи без изменения системы или с минимальными изменениями.
2. Определение конфликтующих элементов системы.
3. Построение графических схем технического и физического противоречий.
4. Формулировка идеального конечного результата.
5. Применение вещественно-полевых ресурсов.
6. Использование информационного фонда (приемы, эффекты, стандарты).
7. Изменение или замена задачи.
8. Проверка качества полученного решения.
9. Анализ хода решения.

Как и любая другая технология обучения, применение ТРИЗ в образовательном процессе имеет свои преимущества и недостатки. К преимуществам её можно отнести формирование универсальных компетенций, так как студенты учатся мыслить системно (что очень важно для технических специальностей), развитие креативности, метапредметность и обучение к использованию открытого подхода. К недостаткам данной технологии относят отсутствие чёткой методологии внутри дисциплин, сложность освоения, отсутствие чётких стандартов и метрик и необходимость доработки подхода для внедрения в нетехнические специальности.

Для обучения студентов данная технология может быть применима в обучении студентов-химиков. Существуют целые сборники с задачами по ТРИЗ для студентов-химиков. Такие сборники включают в себя множество задач для развития творческого потенциала будущих специалистов, для решения которых приходится нестандартно мыслить и подключать знания не только из химии, но и из смежных областей. В основном использование ТРИЗ в обучении сводится к тому, что преподаватель время от времени даёт обучающимся такие задачи, но не строит на них обучение полностью. Данная технология хорошо показывает себя при совместном использовании с другими образовательными технологиями и классическим образовательным процессом. [3]

Таким образом, ТРИЗ является важной технологией для использования в обучении молодых специалистов, так как помогает развивать в них нестандартный подход к решению различных задач и навык системного мышления. В основе технологии ТРИЗ лежит АРИЗ и его применение для решения различных задач. ТРИЗ можно использовать для обучения студентов химии, существует целое множество различных сборников задач ТРИЗ для студентов тех или иных специальностей. Однако, данная технология является лишь полезным дополнением к классической модели и другим технологиям обучения.

Библиографический список

1. Божик, С.Л., Осипова, Е.С., Багрова, Е.Ю. Триз-технология как инструмент развития творческого мышления в системе иноязычной подготовки студентов-иностранцев неязыковых специальностей / С.Л. Божик, Е.С. Осипова, Е.Ю. Багрова // Педагогика. Вопросы теории и практики. — 2023. — № 8. — С. 881-889.

2. Фуфаев, И.В. Развитие творческой активности студентов средствами ТРИЗ-педагогике / И.В. Фуфаев // Вестник ЧГПУ. — 2010. — № 6. — С. 208-215.

3. Петров, П.А., Типалин, С.А., Строков, П.И. ТРИЗ+ в системе подготовки молодых специалистов в вузе: итоги / П.А. Петров, С.А. Типалин, П.И. Строков // Современные проблемы развития образования. — 2017. — № 4. — С. 16-21.

УДК 37.02

Воронова Анна Васильевна

магистрант

Аравина Татьяна Ивановна

*научный руководитель, кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры ТЭО*

*ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ДВИЖЕНИИ ПЕРВЫХ

Аннотация. В статье представлен организационно-педагогический анализ работы Движения Первых по патриотическому воспитанию обучающихся, социальный эффект деятельности участников Движения.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, Движение Первых, социальный эффект воспитания участников Движения.

Voronova Anna V.

Master's student

Aravina Tatyana I.

*Research supervisor, PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Technical and Economic Education,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

PATRIOTIC EDUCATION OF STUDENTS IN THE MOVEMENT OF THE FIRST

Abstract. The article presents an organizational and pedagogical analysis of the work of the Movement of the First in patriotic education of students, the social effect of the participants' activities.

Keywords: patriotic education, Movement of the First, the social effect of educating the participants of the Movement.

Организационно-педагогическое исследование деятельности Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи Движение Первых, созданного в 2022 году по инициативе Президента Российской Федерации В.В. Путина [1], свидетельствует о развитии его социального эффекта в воспитательной работе с обучающимися. Так, за четыре года работы Движение объединило миллионы молодых людей на своей платформе, организовало сотрудничество таких общественных организаций, как «Юнармия», «Большая перемена», «Навигаторы детства», «Волонтеры-медики», «Российские строительные отряды» и др.

Ключевой задачей Движения является патриотическое воспитание обучающихся, формирование их мировоззрения на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей: патриотизм, служение Отечеству, гуманизм, историческая память, единство народов России и др. [2].

Организация патриотического воспитания обучающихся осуществляется органами управления Движения Первых на федеральном, региональном и городском уровнях, в 53000 первичных организациях, созданных за четыре года. В них участвуют около 14 миллионов молодых людей.

Деятельность Движения по патриотическому воспитанию реализуется через управление проектами. Так, обучающиеся Владимирской области активно участвуют в следующих проектах: «Зарница 2.0», «Хранители истории», «Юннаты первых», «Благо твори».

Миссия Движения Первых – «Быть вместе с Россией, быть первыми, быть в движении, быть человеком» - вдохновляет амбициозных молодых людей.

Во Владимирской области участниками Движения стали около 70 тысяч школьников, студентов и наставников [3].

На форумах, слетах победителей проектов, фестивалях возникает уникальная атмосфера, объединяющая участников в приобретении новых знаний, исследовательских навыков, опыта волонтерской активности. Завязывается дружба на основе общих интересов, творческих союзов, товарищеской поддержки. Об этом свидетельствует пилотный контент-анализ отзывов активных участников Движения в нашем регионе.

Социальный эффект патриотического воспитания, на наш взгляд, проявляется в формировании гражданской позиции молодого человека, его духовно-нравственной культуре, способности к сотрудничеству, работе в команде, объединению в инициативные сообщества в рамках проектов «Мы вместе», «Россия – страна возможностей», «Молодежь и дети».

Аналитический центр ВЦИОМ совместно с Движением Первых представил результаты исследований 19 мая 2025 года к Дню детских общественных организаций, где отмечается высокая информированность о Движении в нашей стране. О нем знают 8 из 10 наших граждан.

Лучше всего, по оценке респондентов, организовано патриотическое воспитание в Движении Первых. Успешность реализации этого направления в среднем оценили 72% опрошенных, сохранение исторического наследия – 69%.

В число приоритетных ценностей вошли добро и справедливость (92%), жизнь и достоинство (91%), крепкая семья (91%).

По итогам исследования ВЦИОМ также отмечается, что участие в проектах Движения дает молодым людям больше возможностей для реализации (74%) и повышает их уверенность в завтрашнем дне [4].

На Всероссийском съезде учителей (август 2025 г.) было отмечено, что сотрудничество школы, семьи и общественных организаций имеет значимость в формировании патриотических чувств детей. Важно, что индекс гордости за страну вырос в 2,6 раза с 2021 по 2024 г., а доля школьников, желающих уехать за границу, снизилась с 23% до 7% за три года. Положительная оценка системы общего образования выросла вдвое с 2016 по 2024 гг. 97% респондентов считают, что молодежь в России имеет все возможности, чтобы реализовать свои способности [5].

Библиографический список

1. Федеральный закон №261-ФЗ от 14.07.2022 «О российском движении детей и молодежи» // КонсультантПлюс URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_421798/?ysclid=mmxfafs_d7o344602309 (дата обращения 03.03.2026).

2. Указ Президента РФ №809 от 09.11.2022 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения 03.03.2026).

3. В 2025 году 67 тысяч школьников, студентов и наставников приняли участие в проектах Движения Первых во Владимирской области Новости Правительства Владимирской области // URL: <https://avo.ru/-/v-2025-godu-67-tysac-skol-nikov-studentov-i-nastavnikov-prinali-ucastie-v-proektah-dvizhenia-pervyh-vo-vladimirskoj-oblasti?inheritRedirect=true&redirect=%2Fsearch%3Fq%3D%25D0%25B4%25D0%25B2%25D0%25B8%25D0%25B6%25D0%25B5%25D0%25BD%25D0%25B8%25D0%25B5%2520%25D0%25BF%25D0%25B5%25D1%2580%25D0%25B2%25D1%258B%25D1%2585%26start%3D2> (дата обращения 03.03.2026).

4. Движение Первых, общественная оценка ВЦИОМ // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dvizhenie-pervykh-obshchestvennaja-ocenka> (дата обращения 03.03.2026).

5. Чернышенко, Д.: подготовка стратегии развития образования – беспрецедентно масштабный процесс // URL: <http://government.ru/news/55972/> (дата обращения 03.03.2026).

СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПЕДАГОГА И УЧАЩИХСЯ НА УРОКЕ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. В статье рассматривается трансформация педагогического взаимодействия в условиях цифровизации образовательной среды. Анализируется переход от пассивных моделей обучения к интерактивным, где учащийся становится активным субъектом процесса. Особое внимание уделено цифровым платформам и инструментам (Wayground, ЦОК, Российская электронная школа) и современным методам взаимодействия, таким как геймификация, кейс-стади и «перевернутый класс», которые обеспечивают эффективность проведения уроков. Исследуется изменение роли преподавателя от транслятора знаний к навигатору и тьютору.

Ключевые слова: образовательный процесс; интерактивные методы; цифровое обучение; практическое занятие; геймификация; цифровые инструменты; педагогическое взаимодействие; «перевернутый класс».

Kabanenko Vladislav Andreevich

Master's student

Morokhova Olga Alexandrovna

Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,

Department of Foreign Languages and Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

METHODS OF INTERACTION BETWEEN TEACHERS AND STUDENTS IN THE LESSONS IN THE DIGITAL AGE

Abstract. The article examines the transformation of pedagogical interaction in the context of digitalization of the educational environment. It analyzes the

transition from passive learning models to interactive ones, where the student becomes an active participant in the process. Special attention is paid to digital platforms and tools (Wayground, DEC, Russian Electronic School) and modern methods such as gamification, case studies, and "flipped classroom," which ensure the effectiveness of practical classes. The article explores the changing role of the teacher from a knowledge transmitter to a navigator and tutor.

Key words: educational process; interactive methods; digital learning; practical training; gamification; digital tools; pedagogical interaction; «flipped classroom».

Современная цифровая эпоха характеризуется наличием новых требований к профессиональной компетенции педагогов и их способам организации образовательной деятельности и вовлечения учащихся в совместный учебный диалог. В связи со стремительным развитием технических и информационных возможностей в настоящее время традиционные методы ведения урока претерпевают изменения под влиянием интерактивных элементов обучения. Сущность процесса обучения в цифровую эпоху смещается от трансляции знаний и усвоения их учениками к формированию способности самостоятельно их добывать и реализовывать в образовательных ситуациях [5].

В педагогике выделяют три основные модели обучения: пассивную (учащийся – объект), активную (учащийся – субъект самостоятельной работы) и интерактивную, основанную на взаимодействии. Интерактивное обучение предполагает организацию учебного процесса путем выстраивания взаимодействия между всеми членами образовательного процесса в форме диалогового общения. Интерактивная модель рассматривается как основа современного урока [2].

В исследованиях выделяются характерные черты взаимодействия на уроке. Во-первых, для успешного взаимодействия необходимо систематическое использование и высокий уровень взаимонаправленности образовательной деятельности по отношению к каждому элементу образовательного процесса. Во-вторых, главенствующей силой в достижении поставленных образовательных целей служит опора на групповое взаимодействие и групповой опыт. В-третьих, интерактивные формы работы предполагают создание комфортных условий для вовлечения учащихся [5].

На современном этапе взаимодействие субъектов образовательного процесса не ограничивается работой в классе, а включает взаимодействие в

цифровой среде. Для организации эффективной совместной деятельности на практических занятиях педагоги используют широкий спектр цифровых ресурсов [6]. Выбор конкретного инструмента должен диктоваться дидактической целесообразностью, а не технологической модой [4].

К наиболее востребованным группам цифровых инструментов относятся платформы, позволяющие организовывать совместную деятельность учителя с учащимися. Виртуальная доска Holst и платформа Яндекс360 – отечественные продукты, которые позволяют организовать взаимодействие учителя и обучающихся в онлайн-формате, работать в режиме совместного редактирования документов, а также используются для хранения и организации материалов. Платформы Wayground и Quizizz служат средством обратной связи и контроля, позволяют проводить опросы и тесты в игровой форме. Для проведения онлайн уроков могут использоваться Яндекс телемост, мессенджер Мах, обеспечивающие видеосвязь, демонстрацию экрана и работу в сессионных залах (виртуальных комнатах). Универсальная библиотека цифрового образовательного контента (УБ ЦОК) служит для создания образовательного контента и использования его в образовательных целях в очном или дистанционном формате. Российская электронная школа – платформа, располагающая материалами и заданиями, поурочно прикрепленными к действующим УМК по разным предметам для всех классов. Платформа Учи.ру может использоваться для организации дистанционного образования учеников всех ступеней школьного образования с возможностью создания тестовых заданий.

Цифровые инструменты выступают как методы активизации взаимодействия субъектов образовательного процесса. С внедрением цифровых технологий ведения урока традиционные методы претерпевают изменения и совершенствуются под современные стандарты, что открывает новые возможности в обучении [4].

Благодаря цифровым инструментам одним из наиболее перспективных подходов в обучении становится геймификация – интеграция игровых элементов в неигровой контекст. Использование баллов, уровней и наград в цифровых квизах превращает рутинные задания в увлекательные виды деятельности, которые повышают вовлеченность учащихся. Командные соревнования в цифровой среде способствуют развитию эмоционального интеллекта и навыков коммуникации. Метод геймификации доказывает свою эффективность как при использовании в начальном школьном звене, так и в старших классах. Несмотря на то, что ведущей деятельностью школьников

начальных классов является учебная деятельность, игровые вспомогательные моменты остаются важными элементами для поддержания внимания и вовлеченности учеников. В старших классах цифровые игровые технологии позволяют ставить четкие цели, внедрять элементы вызова и прогресса, тем самым повышая мотивацию в обучении и снижая уровень стресса [3].

Цифровые технологии предоставляют широкие возможности для поиска информации, что стало основой метода «перевернутого класса» (flipped classroom) в обучении. Метод «перевернутого класса» позволяет перенести изучение теоретического материала на самостоятельное обучение, освобождая время на уроке на практическую отработку умений непосредственно в классе. Данный метод эффективен при работе со старшими школьниками, он позволяет включить дискуссии в образовательный процесс, решать сложные кейсы под руководством педагога [4].

Кейс-метод в цифровом формате позволяет моделировать реальные жизненные ситуации с использованием мультимедийных данных, видеофрагментов и ресурсов интернета для поиска решений. Работа над кейсом в малых группах (4–5 человек) развивает критическое мышление учащихся и учит отстаивать свою точку зрения.

Под влиянием цифровизации роль учителя претерпевает изменения, он перестает быть единственным носителем информации. Его вид деятельности меняется, переходя от «учителя-ментора» к консультанту, тьютору и фасилитатору, который направляет ученика, поддерживает его усилия, управляет образовательным процессом. Преподаватель становится создателем сообщений, обязанным обеспечивать точность, однозначность понимания и «мгновенную доступность» для обратной связи [1].

Важным аспектом взаимодействия становится академический цифровой этикет. К нормам сетевого общения относятся правильное оформление писем, соблюдение границ личного пространства, культура ведения видеоконференций и участия в них. Академический цифровой этикет выполняют воспитательно-образовательную функцию и обогащает коммуникативную компетенцию учащихся [2].

Таким образом, эффективное взаимодействие на практическом занятии в цифровую эпоху требует от педагога не только владения техническим инструментарием, но и готовности к изменению структуры общения на уроке. Интеграция цифровых инструментов в форме игровых технологий,

проектной деятельности и инструментов мгновенной обратной связи позволяет создать гибкую образовательную среду, ориентированную на активную позицию учащихся.

Библиографический список

1. Борисова, Е.В. Роль преподавателя в цифровой системе образования / Е. В. Борисова // Человеческий капитал. – 2020. – № 3 (135). – С. 104–110.
2. Кожухова, И.В. Академический цифровой этикет: обзор русскоязычных исследований / И.В. Кожухова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2025. – № 3 (57). – С. 50–59.
3. Лажаунинкас, Ю.В. Использование методов геймификации для повышения мотивации обучающихся в вузе / Ю.В. Лажаунинкас // Информационные технологии в образовании. – Саратов: СГУ, 2023. – URL: <https://www.sgu.ru/sites/default/files/page/files/lazhauninkas-yu-v.pdf>.
4. Осмоловская, И.М. Эффективные методы обучения в информационно-образовательной среде: методическое пособие / И.М. Осмоловская, М.В. Кларин, С.И. Гудилина, М.И. Макаров. — М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2021. — 118 с.
5. Стефаненко, П.В. Применение интерактивных методов в условиях дистанционного обучения студентов / П.В. Стефаненко // Вестник Академии гражданской защиты. – 2020. – Вып. 3 (23). – С. 106–111.
6. Шайхутдинова, Л.М. Обзор цифровых инструментов педагога для организации дистанционного обучения / Л.М. Шайхутдинова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 5 (57). – С. 512–516.

РОЛЬ УЧИТЕЛЕЙ В РАЗВИТИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕТСКИХ СМИ

Аннотация. В начале XX века детская пресса играла важную роль в формировании идей национального просвещения, национальной идентичности и национального самосознания. Журналы «Дебистан», «Рахбар» и «Мектеб», отражая методические и дидактические направления, способствовали развитию педагогической истории в Азербайджане. Просвещенные интеллектуалы того времени, чьи произведения публиковались в этих журналах, работали над воспитанием и развитием молодого поколения в национальном духе. В статье перечислены все женщины-авторы, чьи произведения публиковались в детских журналах, и приведены примеры их работ. Отмечается, что Шафига Ханум Эфендизаде, Зива Ханум Тагизаде, учительница Хураман, Г. Нариманзаде и другие педагоги были внимательны к вопросу образования девочек и затрагивали проблему их нравственного и этического воспитания. В статье также анализируются материалы, представленные в журналах женщинами-учителями, педагогами и сотрудниками учебных заведений, и прививается поучительная, моральная и духовная сторона каждого материала молодому поколению.

Ключевые слова: педагог, национальный прогресс, просвещение, образование, обучение

Melikova Fargana Gulmali
*Lecturer,
Baku Slavic University
(Baku, Azerbaijan)*

THE ROLE OF TEACHERS IN THE DEVELOPMENT OF NATIONAL CHILDREN'S MEDIA

Abstract. At the beginning of the 20th century, children's press played an important role in the formation of ideas of national enlightenment, national

identity, and national self-awareness. The magazines “Debistan”, “Rahbar” and “Mekteb”, reflecting methodological and didactic directions, served the development of our pedagogical thought history. The enlightening intellectuals of the time who appeared in the magazines worked on the upbringing and progress of the younger generation in the national spirit. The article lists all the female authors who appeared in children’s magazines and gives examples of their works. It is noted that Shafiga Khanum Efendizadeh, Ziva Khanum Taghizade, teacher Khuraman, G. Narimanzadeh and other educators were sensitive to the issue of girls’ education and touched on the issue of their moral and ethical upbringing. The article also analyzes the materials presented by female teachers, educators, and educational staff of the magazines, and the instructive, moral and spiritual side of each material is instilled in the younger generation.

Keywords: pedagogue, national progress, enlightenment, education, training

At the beginning of the 20th century, significant socio-political processes in terms of national progress necessitated the publication of political, social, literary-artistic, and pedagogical newspapers and magazines by our intelligentsia. The work done in the field of education, the opening of new-type schools, the decrease in the number of mosque schools, and the beginning of teaching the Azerbaijani language conditioned the creation of our pedagogical-methodical publications. New primary schools were opened in large numbers in Baku, Ganja, Guba, Sheki, Shamakhi, and other cities. Well-known intellectuals of the time, such as N. Narimanov, F. Kocharli, U. Hajibeyli, A. Shaig, R. Afandizadeh, M. Mahmudbeyov, A. Jafarzadeh, G. Mirzazadeh, and others, actively participated in writing textbooks for the students of these new schools, which differed from the old madrasahs in their teaching methods.

After a long struggle, the founding of our national children's press, “Debistan”, “Rahbar” and “Mektab” magazines, played a special role in the development of our pedagogical thought history. These press played the role of additional teaching aids for primary and high school students. The enlightened intellectuals of the time often addressed parents through these magazines, showed them the ways of correct education, and called on them to unite in the formation of our future children as useful personalities for society. The issue that mainly made our intellectuals think was related to the education of girls. The dictates of the time were against the education of girls. In this direction, female authors of children's magazines began to do fundamental work. They began to come out with

materials and letters that encouraged girls to study, and parents began to direct their daughters to science. All the female teachers of children's magazines thought that they could join hands and take upon themselves the education of girls and shape a healthy future. In this direction, all children's magazines fulfilled the same mission. The purpose of publishing the "Parents' Note", which was published as a supplement to the "Debistan" magazine, was precisely to educate parents. This magazine, which was published to help children with their homework, took mass enlightenment as its goal. The issue of girls' education was approached with special sensitivity by female colleagues of the time. In the children's publication "Mekteb", many of the stories in the magazine touched on the issues of girls' education, and they saw their involvement in education as a way out of solving the educational and upbringing problems in society. Parents with daughters were addressed and given initial advice on establishing healthy mother-daughter relationships and on how girls could become educated future mothers. "The magazines encouraged leading female teachers, such as Shafiga Khanum Afendizadeh, Govhar Khanum Shovgi, Asiya Khanum Narimanova and others, to write children's works" [2, p. 21]. In addition to these, teachers such as Khuraman Muallim, Ziva Khanum Taghizade, Rukhsara Khanum Mehralibeyova, Abhayat Khanum, and G. Narimanzadeh presented morally relevant materials for the same cause. In a letter sent from Shamakhi to the editorial office, a teacher named Govhar addressed "teacher ladies" and called on them to "participate in this respected magazine with moral, literary stories and articles specific to students," and even considered it necessary to encourage and use this magazine even for senior and final year teachers. In the letter, she mainly emphasizes the importance of girls' education by saying "My sisters," and talks about the main responsibility in this matter falling on teachers. She talks about the fact that the future happiness of society depends on women, and that a great burden falls on female teachers to ensure that girls have good morals and upbringing. Finally, she talks about the educational importance of the "School" magazine, the need for such a children's press that Shamakhi schools can read after school, and she calls on teachers and students to subscribe to the magazine: "My sisters! It is important for each of us to serve the education and upbringing of the children of the nation entrusted to us. We will prepare those innocent girls from now on to become well-mannered mothers: in order to raise a person who will be useful to our nation tomorrow, we must take good care of our girls who are under our education and upbringing today; we must work with all our might to ensure that they are well-mannered and well-mannered! If we think about this carefully, we will see that the main reasons

for the happiness of our nation are not in the hands of men, but in the hands of our women” [5, “School”, 1912, No. 8].

An active member of children’s press, Shafiga Khanum Efendizadeh, as the first enlightening journalist woman in Azerbaijan, was passionate about the healthy development of future mother candidates. She was an active contributor to the children’s publication “Mekteb” magazine, where she published a series of stories. Her works are of moral and educational content, and girls' education is valued as a contribution to the development of society. Most of her stories are mainly set during discussions with her daughter Fatima. She published interesting stories in the “Mekteb” magazine on the correct establishment of mother-daughter relationships as a stage of preparation for school and the promotion of healthy attitudes in society. In the serial story “The First School” Who is a Teacher?, a student says: “Our teachers have worked and educated us for many years. Now they spend their knowledge, ideas, comfort, time, and even what they say only on our becoming people” [4, p. 140].

In the story “First School. Beautiful Calligraphy”, when his daughter asks why her father’s handwriting is not neat, her father says that she should learn the first calligraphy from her mother. He says that a mother is the first teacher of her child, showing her the right path, that the welfare of the nation is precisely educated mothers, and that you imitate your mother in writing beautiful calligraphy, and that “The welfare and happiness of a nation lies in the abundance of educated and educated mothers. Just as I instructed you to imitate your mother in beautiful calligraphy, I want you to imitate your mother in everything, my daughter,” is the advice of her father to his daughter [1, p. 183].

In the magazine “School”, Khuraman also dedicated the poem “Dedication to the Spirit of Abdulla Tofiq” to teacher A. Sura. The poem expresses the sadness and grief of all intellectuals and students over the untimely death of teacher A. Sur, who dedicated most of his life to his homeland and people:

Tofiq! Ay torpaq içində gövhər!
Çəkdin əcəb zəhmətin getdi hədə.
Dostlar səni yad edərdə eylər,
Vardır nə qədər əhdə vəfalar.. [3, s. 201-202].

Female educators worked together in unity to educate girls and took guiding steps to educate them in the national spirit.

References

1. Əfəndizadə Ş. Seçilmiş əsərləri (1903-1925), Elm və təhsil, Bakı-2017, 426 s.
2. Məmmədov, Ə. Azərbaycan uşaq ədəbiyyatı (“Dəbistan”, “Rəhbər”, “Məktəb” jurnalları əsasında) / Ə. Məmmədov. – Bakı: Elm, – 1977. – 164 s.
3. “Məktəb”, Abdulla Tofiq Surun tərcümeyi-halı. Müəllimə: Xuraman. 1912, №16, s.242-243.
4. “Məktəb”, “İlk məktəb. Müəllim nədir?” Müəllimə: Ş.Əfəndizadə. “Məktəb”, №9, s.140-141
5. Məktub. Müəllimə bacılarıma. Şamaxı: müəllimə Gövhər Şövqiyyə. s.126.

УДК 316.6

Помуран Наталья Николаевна

*кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков,
Новосибирский военный ордена Жукова институт
имени генерала армии И.К. Яковлева
войск национальной гвардии Российской Федерации,
(г. Новосибирск, Российская Федерация)*

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВЫБОРА ЯЗЫКА И РЕЧЕВЫХ ПРАКТИК: АНАЛИЗ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. Статья посвящена социально-психологическому анализу детерминант языкового поведения. Эмпирически показано, что этнические стереотипы задают рамки престижности языка и языкового поведения. Полученные выводы обосновывают необходимость учета психологических факторов при разработке образовательных программ и языковой политики.

Ключевые слова: языковое поведение, этническая идентичность, этнические стереотипы, языковые предпочтения, заимствования.

Pomuran Natalia Nikolaevna
PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Foreign Languages,
Novosibirsk Military Zhukov's Order Institute
of National Guard Troops of the Russian Federation
(Novosibirsk, Russian Federation)

**SOCIO-PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS
OF LANGUAGE CHOICE AND LINGUISTIC PRACTICES:
ANALYSIS OF EMPIRICAL RESEARCH**

Abstract. This article examines the socio-psychological determinants of language behavior. It empirically establishes that ethnic stereotypes shape both a language's prestige and its usage. Consequently, the findings highlight the necessity to consider psychological factors when developing educational programs and language policy.

Keywords: language behavior, ethnic identity, ethnic stereotypes, language preferences, loanwords.

Исследование факторов, определяющих выбор языка для общения, позволяет выявить не только лингвистические, но и глубинные социально-психологические закономерности. Эта проблема приобретает особую актуальность для многоязычных стран, включая Россию, где вопросы языкового планирования остаются важной частью общественного дискурса. Настоящее исследование обобщает три эмпирические работы на близких выборах, направленные на выявление взаимосвязи между этническими стереотипами, особенностями этнической идентичности и языковыми предпочтениями личности [3; 4; 5]. Рассмотренные данные позволяют выстроить социально-психологическую модель, в которой содержание этнических стереотипов и стратегии поддержания этнической идентичности совместно определяют выбор иностранного языка, а также отношение к заимствованиям из другого языка.

В рамках традиций социальной психологии этническая идентичность понимается не как статичная и раз навсегда заданная характеристика индивида, а как динамичный, социально конструируемый феномен [1, 6]. Этот

конструкт формируется и постоянно переопределяется в процессе межгруппового взаимодействия, через диалог и сравнение с «чужими» группами (аут-группами), что позволяет индивиду осмыслить границы и содержание своей «собственной» группы (ин-группы) [8]. В процессе категоризации границ своей группы стереотипы выступают ключевыми элементами социального познания. Степень согласованности или рассогласования образов группы и «Я-образа» имеет важное диагностическое значение. Высокая согласованность может трактоваться как показатель сформированной и непротиворечивой внутренней (или «собственно») этнической идентичности [7]. Напротив, их выраженное рассогласование часто свидетельствует о внутреннем когнитивном диссонансе и является маркером амбивалентной, конфликтной или гибридной идентичности, когда индивид одновременно принадлежит разным социальным и культурным контекстам. Для изучения этого процесса в исследовании применяется методика Д. Пибоди, направленная на выявление автостереотипов (образов о своей группе) и гетеростереотипов (образов о других группах). Данный методологический выбор согласуется с теорией социальных представлений С. Московичи, согласно которой именно такие коллективные, устойчивые когнитивные схемы и формируют содержательное поле для восприятия социальной реальности, структурируя отношение как к «своим», так и к «чужим» [2].

В рассматриваемых нами исследованиях этническая идентичность реконструируется через сопоставление авто- и гетеростереотипов по методике Д. Пибоди с последующей корреляционной проверкой согласованности образов. Такой подход снижает влияние социальной желательности и позволяет трактовать совпадение Я-образа и этнического портрета как индикатор «собственно» идентичности. Дизайны этих эмпирических работ сопоставимы: у студентов-лингвистов, разделенных на языковые потоки (немецкий/французский либо английский как профильный), оцениваются представления о «типичных представителях» нескольких национальностей (французов, немцев, англичан и американцев) и их связь с образовательным выбором и поведенческими маркерами речи.

Исследование этнопсихологических детерминант языкового поведения фиксирует, что гетеростереотипы сопряжены с оценкой престижности

языков и отражаются в языковых предпочтениях студентов. Иными словами, чем устойчивее образ «другого», тем сильнее он структурирует ожидания и образовательные выборы.

Анализ взаимодействия этнической идентичности и языковых предпочтений выявляет систематический разрыв между декларируемой идентичностью и «собственно» идентичностью. Студенты могут идентифицировать себя с «ин-группой» на декларативном уровне, но их когнитивные и оценочные структуры отражают ориентацию на «аут-группу». Такая амбивалентность соответствует стратегии множественной идентичности (или глокальной идентичности), когда индивид совмещает принадлежность к своей этнической группе с ориентацией на глобальные культурные коды; это размывает прямую связку «этнос – язык». В терминах социальной психологии это проявление ролевой множественности и гибридизации идентичности.

В исследовании речевых практик респондентов показано, что частота использования в речи избыточных англицизмов положительно коррелирует с идентификацией с представителями англоязычной «аут-группы». Этот факт подтверждает, что позитивная установка к «чужой» культуре и эффект аттракции к носителям языка ведут к снижению этноцентризма и росту толерантности к заимствованиям лексики из иностранных языков. В терминах теории социальной идентичности Г. Тэджфела можно говорить о расширении границ «ин-группы» за счет включения элементов «аут-группы» [9].

Совмещение трех контуров эмпирических работ указывает на общий механизм: этнические стереотипы задают рамку престижности группы и языка; личность конструирует многослойную (глокальную) идентичность, а затем закрепляет ее в поведении — в выборе языка обучения и речевых привычках; стратегии поддержания этнической идентичности определяют баланс между этноцентризмом и культурной открытостью. Следовательно, «языковой патриотизм» не вытекает автоматически из принадлежности к «своему» этносу, а запретительные меры против заимствований не затрагивают психологические основания их использования. Мишенью должны стать оценочные схемы, поскольку частотность заимствований в корпусах сама по себе слабый предиктор индивидуального выбора. Таким образом, языковое поведение оказывается социально-психологическим феноменом, а не исключительно лингвистическим.

С точки зрения социальной психологии, образовательная политика должна учитывать не только когнитивный, но и аффективный компонент межгрупповых установок. Обучение иностранным языкам может быть дополнено тренингами по деконструкции стереотипов, рефлексии стратегий поддержания идентичности и управлению когнитивным диссонансом, возникающим при совмещении локальной и глобальной идентичности. В этом случае интервенции будут направлены на снижение межгрупповой напряженности и развитие межкультурной компетентности. Курсы межкультурной коммуникации целесообразно дополнять модулями рефлексии стереотипов (их источники, когнитивная структура и эффекты на поведение), упражнениями по «идентичностной грамотности» (картирование собственных «вееров» идентичности) и заданиями.

Такой социально-психологический ракурс позволяет по-новому рассматривать проблему языкового поведения и служит основанием для разработки образовательных программ, направленных на осмысление этнических стереотипов, стратегий поддержания этнической идентичности. Учет этих факторов — необходимое условие для эффективной образовательной и языковой политики в университетах, работающих в многоязычной среде.

Библиографический список

1. Белинская, Е.П. Современные исследования идентичности: от структурной определенности к процессуальности и незавершенности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. — 2018. — Т. 8, № 1. — С. 6–15.
2. Московичи, С. Социальные представления: исторический взгляд // Психологический журнал. — 1995. — Т. 16, № 2. — С. 49–61.
3. Помуран, Н.Н. Социально-психологические детерминанты использования иноязычной лексики // Сибирский психологический журнал. — 2023. — № 88. — С. 92–110.
4. Помуран, Н.Н. Этнопсихологические детерминанты языковых предпочтений у студентов-лингвистов // Социальная психология: вопросы теории и практики : материалы X Междунар. науч.-практ. конф. памяти М.Ю. Кондратьева (14–15 мая 2025 г.). — Москва : Изд-во МГППУ, 2025. — С. 145–152.

5. Помуран, Н.Н., Лухманова, М.А. Анализ взаимосвязей этнической идентичности и языковых предпочтений у студентов-лингвистов // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты : сб. материалов XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Новосибирск, 16–23 мая 2025 года) / отв. ред. А.А. Богодерева. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2025. – С. 78–85.

6. Солдатова, Г.У., Чигарькова, С.В., Илюхина, С.Н. Метаморфозы идентичности человека достроенного: от цифрового донора к цифровому кентавру // Социальная психология и общество. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 40–57. – DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2024150404>.

7. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология : учебник для академического бакалавриата. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2013. – 352 с.

8. Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис : пер. с англ. – Москва : Прогресс, 1996. – 344 с.

9. Tajfel, H., Turner, J.C. The social identity theory of intergroup behavior // Psychology of intergroup relations. –1986. – Vol. 1. – p. 7–24.

УДК 371.3

Проскурина Анна Андреевна
студент

Кузурман Валентина Алексеевна
*научный руководитель, кандидат технических наук,
доцент кафедры химии и химических технологий,
Институт естественных наук,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

ТЕХНОЛОГИЯ CASE STUDY

Аннотация. В данной работе описана технология ситуационного обучения, иначе называемого кейс-стади (case study). При таком обучении у студента развиваются такие важные навыки как критическое и гибкое мышление, самостоятельность, возможность применить полученные знания на практике.

Ключевые слова: технология обучения, case study (кейс-стади), метод анализа ситуаций, конкретный случай, качественное исследование.

Proskurina Anna Andreevna

Student

Kuzurman Valentina Alekseevna

Research Supervisor, PhD in Engineering, Associate Professor,

Department of Chemistry and Chemical Engineering,

Institute of Natural Sciences,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

CASE STUDY TECHNOLOGY

Abstract. This paper describes the technology of situational learning, otherwise known as case study. With such training, the student develops such important skills as critical and flexible thinking, independence, and the ability to apply the acquired knowledge in practice.

Keywords: learning technology, case study, situation analysis method, specific case, qualitative research.

Современный мир меняется буквально на глазах, и просто слушать длинные теоретические курсы в формате лекций стало малоэффективным. Взрослые, которые занимаются непрерывным обучением, ищут не просто знания, а прикладные навыки – те, что можно сразу использовать в профессии, чтобы быстро адаптироваться и находить решения для возникающих сложностей. Поэтому традиционное заучивание материала уходит, уступая дорогу активным подходам в образовании. Среди них центральное место занимает технология Case Study, или кейс-метод.

Целью работы является изучить и раскрыть технологию Case Study – метод анализа конкретных ситуаций, который способствует развитию критического мышления, чтобы уверенно применять его для понимания сложных реальных ситуаций и принятия обоснованного решения.

Основные задачи данной работы:

1. Изучить технологию Case Study, её суть и цели в обучении.
2. Рассмотреть этапы изучаемой технологии.
3. Изучить области активного применения технологии.
4. Рассмотреть положительные и отрицательные стороны Case Study.

Case Study – это способ обучения, основанный на глубоком анализе и поиске выхода из реальной профессиональной ситуации или конкретного

случая из практики. Сам кейс можно назвать специальным учебным материалом, который включает: историю, проблему и набор фактических данных, необходимых для выработки взвешенного решения.

Основной смысл метода в том, что человека, который учится, ставят в ситуацию, где он должен сам принять решение. Он больше не просто пассивный слушатель, а активный участник, который предлагает разные варианты действий, чтобы разрешить поставленную перед ним задачу.

Соответственно, в кейс-методе учитель полностью утрачивает традиционную роль лектора. Он становится ведущим дискуссии (фасилитатором), чья задача – направлять мысль обучаемого, ставить сложные, наводящие вопросы и помогать ему формулировать выводы. При этом важно, что преподаватель никогда не озвучивает правильное решение, но задаст траекторию для размышлений, чтобы в итоге обучаемый смог самостоятельно найти и обосновать эффективный выход из ситуации.

Case Study является оптимальным инструментом в системе обучения взрослых, поскольку он помогает решить их самые насущные задачи. Во-первых, он нивелирует пропасть между теорией и практикой – кейс сразу же даёт конкретный пример для незамедлительного применения полученных знаний. Во-вторых, он эффективно развивает критическое мышление, обучая не просто пассивно воспринимать информацию, а глубоко анализировать её, отделять существенное от второстепенного и, главное, понимать истинные причины проблем. В-третьих, кейс-метод даёт возможность тренировать навык принятия решений в безопасной среде, учиться взвешивать потенциальные риски и заблаговременно планировать шаги. Наконец, этот метод приучает к самостоятельности, стимулируя человека самостоятельно искать информацию и не зависеть от готовых ответов. Таким образом, технология Case Study переориентирует обучение с простого накопления знаний на формат развития конкретных компетенций, что сегодня жизненно необходимо каждому специалисту [1].

Применение кейс-метода (Case Study) всегда строится на чётком и последовательном плане действий. Такой план необходим для того, чтобы обучающиеся могли максимально усвоить нужные практические навыки. Вся работа над задачей делится на несколько логически связанных частей, каждая из которых критически важна для достижения учебного результата.

Вся работа начинается с подготовительного шага, который состоит в том, что студент впервые самостоятельно знакомится с материалами кейса.

На этой начальной ступени обучающийся сам изучает всю выданную информацию: описание ситуации, конкретные условия, в которых всё происходит, а также все факты и данные. Главная задача – сформировать первое, общее представление о проблеме и понять, кто является ключевыми участниками истории. Сразу после этого начинается шаг анализа и глубокого осмысления. Здесь человек проводит детальное исследование: точно определяет главный вопрос, требующий решения, отделяет внешние признаки неблагополучия от его истинных корней и упорядочивает всю информацию. Нередко этот этап завершается тем, что студент лично выдвигает одну или несколько рабочих гипотез.

Следующая, центральная часть работы, – это общее обсуждение. Студентов объединяют в небольшие группы, чтобы они могли вместе разобрать ситуацию, поделиться своими мыслями и представить выводы. На этом этапе происходит активный обмен знаниями и опытом. Групповая работа обязательно заканчивается выработкой финального решения.

После этого наступает шаг защиты решений. Каждая группа (или отдельный участник) представляет разработанный план действий, защищая его перед аудиторией и преподавателем. Эта часть работы помогает отточить навыки делового общения и умение убеждать. Завершающий, и самый полезный с точки зрения учебного процесса, шаг – это подведение итогов и осмысление. На последней стадии преподаватель собирает и суммирует все предложенные варианты. Он выделяет общие закономерности, указывает на ошибки в рассуждениях, и связывает практические уроки, полученные в процессе работы, с фундаментальными правилами и теориями предмета [2].

Методология Case Study утвердилась в системе непрерывного образования как главный практико-ориентированный инструмент. Если говорить о корпоративном обучении, то показательным примером выступает деконструкция кейсов, моделирующих, к примеру, неудачные коммерческие переговоры: такой анализ дает менеджерам возможность разработать принципиально новые, более результативные стратегии взаимодействия с клиентами.

Кроме того, роль Case Study становится незаменимой в узкоспециализированных отраслевых курсах: в медицине его применяют для разбора сложных клинических случаев, что критически важно для формирования оптимальных протоколов лечения, а в юриспруденции он служит фун-

даментом для глубокого изучения прецедентов, совершенствуя у специалистов мастерство юридической аргументации и квалификации правовых дилемм [3].

Методика Case Study демонстрирует целый ряд несомненных преимуществ. Ключевой довод в её пользу – это максимальная практичность. Она делает образовательный процесс приближенным к реальной трудовой деятельности. Вместо механического заучивания теории, обучающиеся сразу же применяют свои знания для разрешения комплексных задач. Подобный тренинг превосходно развивает критическое мышление – способность не просто принимать информацию, но и глубоко анализировать корень проблемы, а также, что особенно ценится, действовать в условиях отсутствия инструкций. Немаловажно и то, что разбор кейсов обычно происходит в группах, что естественным образом вынуждает людей вступать в коммуникацию, обосновывать свою позицию и приходить к единому решению.

Вместе с тем, у данной методики имеются и свои объективные недостатки. Прежде всего, это значительная ресурсоемкость, выраженная в больших временных затратах. Слушателям приходится тратить много часов на вдумчивое изучение сложного материала, а преподавателям – на тщательную разработку индивидуальных кейсов, их адаптацию, и, самое главное, на трудоемкую оценку нестандартных и вариативных студенческих решений. Во-вторых, неизбежно встает проблема субъективности оценивания, поскольку в кейсах, в отличие от тестов, часто не существует единственно верного ответа, и педагогу крайне трудно выставить однозначную отметку, что серьезно затрудняет стандартизацию образовательных результатов. В-третьих, успешность всего обучения критически зависит от качества самого исходного кейса и от квалификации преподавателя. Преподаватель выступает здесь в роли модератора: он обязан обладать навыками управления дискуссией, не допуская её скатывания в непродуктивный спор, и должен уметь профессионально направлять группу к конструктивным итоговым выводам [4].

Из-за своих преимуществ технология Case Study является достаточно перспективным методом в обучении, так как максимально сближает теорию с практикой, даёт возможность развивать критическое мышление и глубоко анализировать искусственно созданную ситуацию, при этом специалисты будут подготовлены к решению нестандартных проблем в реальной жизни. Данная технология уже активно используется в различных отраслях науки и бизнеса.

Библиографический список

1. Sadykov, T.M. The main features of the application of the «case study» method in chemistry lessons / T.M. Sadykov, G.T. Kokibasova, A.G. Zhaksybaeva // Bulletin of the karaganda university. Pedagogy series. – 2024. – № 1 (113). – P. 182–192.
2. Давыскиба, О.В. Применение метода case-study в подготовке будущих учителей математики / О.В. Давыскиба // Дидактика математики: проблемы и исследования. – 2020. – № 52. – С. 41–44.
3. Смаилова, Ж.К. Опыт применения метода case study для формирования конечных результатов обучения / Ж. К. Смаилова // Наука и здравоохранение. – 2019. – №6. – С. 67–72.
4. Таймазова, Э.А. Case-технология. Основные достоинства case-технологии / Э. А. Таймазова, С. Н. Аблязова // Инновационная парадигма экономических механизмов хозяйствования: материалы Всеросс. научно-практ. конф. с междунар. участием (Симферополь, 16 мая 2022 года). – Симферополь: Изд-во: Типография «Ариал», 2022. – С. 392–396.

УДК: 37.01

Трифорова Ирина Сергеевна

кандидат филологических наук,

доцент Центра иностранных языков и коммуникативных технологий,

Тюменский государственный университет

(г. Тюмень, Российская Федерация)

К ПРОБЛЕМЕ СМЫСЛОВОГО НАПОЛНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЙ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. В статье автор выделяет ключевые векторы изменений в понятийно-терминологическом аппарате педагогики и образования, обусловленные развитием цифровых технологий и междисциплинарной интеграцией. К таким векторам автор относит доминирование одного из значений понятия над другим, смешение объемов и содержания понятий, подмена смыслов и чрезмерное терминообразование. В работе подчеркивается необходимость систематизации и упорядочения научного языка педагогики для сохранения его смысловой целостности и гуманитарной направленности.

Ключевые слова: педагогика; образование; понятия; термины; понятийно-терминологический аппарат; векторы изменений.

Trifonova Irina Sergeevna

*PhD in Philology, Associate Professor,
Center for Foreign Languages and Communication,
University of Tyumen
(Tyumen, Russian Federation)*

ON THE PROBLEM OF SEMANTIC CONTENT AND INTERPRETATION OF CONCEPTS IN PEDAGOGY AND EDUCATION

Abstract: In this article, the author discusses the key trends in the conceptual and terminological framework of pedagogy and education that are driven by the advancement of digital technologies and interdisciplinary integration. These trends include the predominance of one meaning over another for a given concept, confusion regarding the scope and content of concepts, substitution of meanings, and an increase in terminology. The article emphasizes the importance of systematizing and standardizing the scientific language used in pedagogy in order to maintain its semantic coherence and humanistic focus.

Keywords: pedagogy; education; concepts; terms; conceptual and terminological apparatus; vectors of changes.

В современных социокультурных условиях наблюдается тенденция расширения содержательного поля педагогики за счет развития цифровых технологий, вовлечения различных «заинтересованных сторон» (стейкхолдеров, таких как государство, бизнес, EdTech-индустрия и др.) в образовательный процесс, привлечения в контекст научно-педагогических исследований методов из других областей знания. В педагогическую терминологию проникают такие понятия как «продуктовый подход», «менеджмент знаний», «тьюторское сопровождение», «фасилитатор», «модератор», «ментор», «веб-квест», «образовательный кластер», «взаимное обучение» и многие другие, которые в ряде случаев не обладают подлинным педагогическим значением. Такая ситуация порождает разобщенность научного языка, вызывает трудности понимания и интерпретации новых понятий, различного

рода заблуждения, потерю гуманитарной сущности педагогического знания как такового.

Следует отметить, что педагогические понятия являются динамическими многозначными образованиями, понимание которых зависит от объема и содержания, вкладываемых в него автором, от контекста и согласованности с другими понятиями. Более того, педагогические понятия могут функционировать в виде представлений, не имея четкого языкового оформления. В условиях расширения и обновления понятийно-терминологического аппарата педагогики и образования чрезвычайно важным становится его упорядочение, поскольку «если нельзя добиться однозначности терминов, следует, хотя бы, добиваться максимально возможной точности в определении их допустимых значений и смыслов, в особенности в контексте конкретных исследований и научных работ» [6]. Для осуществления поставленной задачи, прежде всего, представляется необходимым определение и описание основных векторов происходящих изменений в понятийном аппарате педагогики и образования.

Первый вектор изменений можно определить, как доминирование одного из значений понятия над другим. В качестве примера обратимся к понятию «ценность» и контекстам его использования. Под влиянием естественнонаучной, технологической и управленческой исследовательских установок, общей ориентации практических решений на подходы бизнес-менеджмента и коммерциализации научных идей наблюдается вытеснение аксиологических смысловых компонентов понятия «ценность». В педагогической аксиологии ценности понимаются как «специфические образования в структуре индивидуального или общественного сознания, являющиеся идеальными образцами и ориентирами деятельности личности и общества» [5, с. 100]. Как правило, речь идет о гуманистических ценностях, непреходящих ценностях (человеческая жизнь, семья, духовность, доброта, гражданственность, преемственность поколений и т.д.). Однако в научном дискурсе наблюдается вытеснение содержательной части понятия и замещение его ценностных компонентов прикладной пользой, «ценой» как некоторого материального, имеющего практическую значимость продукта.

Такая ситуация «поглощения» части содержания понятия другой его частью характерна и для понятия «продукт». Продукт все чаще в исследованиях рассматривается исключительно с утилитарных позиций как что-то, что производится для продажи и «ожидает» своего потребителя. Однако, если посмотреть в Толковые словари русского языка, например, Большой

толковый словарь русских существительных [1], Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой [4] и другие, можно увидеть, что первое его значение включает в себе вещественный или нематериальный результат человеческого труда (обработки, переработки, исследования), деятельности. В этой связи продуктами научно-исследовательского и практического педагогического труда являются различного рода исследования, имеющие теоретико-методологическое обоснование, отвечающие запросам общества и представленные разными жанрами научной и методической литературы (диссертации, монографии, научные статьи, рецензии, учебные пособия, сборники заданий и упражнений и т.д.).

Следующий вектор изменений представляет собой процесс смешения объема и содержания понятий. Это явление можно наблюдать, проанализировав контексты и смыслы употребления понятия «методолог», часто используемого в сети Интернет на страницах разных образовательных курсов. Понятие «methodologist» в английском языке часто включает в свой объем и содержание деятельность как методолога, так и методиста. Это отчасти связано с тем, что в английском языке термин «methodist», который мог бы использоваться в качестве функционального и переводного аналога для понятия «методист», имеет совершенно иное, религиозное значение. В отечественной педагогической традиции и научном дискурсе понятия «методолог» и «методист» четко разведены. Без критического осмысления контекста и деятельности, о которой идет речь, происходит смешение понятий, и понятие «методолог» начинает функционировать в контексте практически любой деятельности, связанной с организацией процесса обучения.

Еще одна тенденция в использовании понятий педагогики и образования выражается в подмене смыслов. В качестве примера обратимся к термину «продуктовый подход» и проанализируем содержание стоящего за ним понятия. Данное понятие вошло в отечественную педагогическую теорию и практику именно как «подход», подразумевая все методологическое значение данного научного понятия. Подход в научном понимании представляет собой систему концептуальных положений, идей, составляющих основу, в частности педагогической деятельности, «выступая главной ориентацией для педагога на протяжении всего процесса исследования и/или преобразования педагогической реальности – от начала до конца» [3, с. 407-408]. В зарубежном дискурсе «продуктовый подход» («product management») представляет собой скорее бизнес процесс, бизнес стратегию, план

практических действий по управлению продуктом, позволяющий принимать обоснованные решения по его продвижению на протяжении его жизненного цикла.

Следующий вектор изменений понятийно-терминологического аппарата педагогики и образования можно условно назвать «излишнее терминообразование», который возникает из-за дублирования терминов и индивидуального терминотворчества. Такая тенденция чаще всего проявляется ввиду чрезмерного и не всегда обоснованного заимствования иноязычных терминов (например, из английского языка заимствованы термины «фасилитатор», «ментор», «эдвайзер» и другие), в то время как в принимающем языке уже существует свой термин, выражающий то же понятие, например, «ментор» в английском языке – «наставник» в русском языке. Возникает ситуация понятийно-терминологической неопределенности. Исследователи пытаются «развести» эти два понятия, уточняя каждое из них, «приписывая» им особые смысловые характеристики. В результате такого разделения, основной задачей ментора стала передача своего профессионального опыта и знаний учащемуся или менее опытному коллеге, а наставника – предоставление конкретных рекомендаций и советов для успешного выполнения учебных или профессиональных задач. Однако, если обратиться к словарям русского языка, можно обнаружить, что наставник – это и есть опытный работник, обучающий молодое поколение, передающий им свой профессиональный опыт и знания [1]. Еще одним значением (в ряде словарей в качестве первого значения) зафиксировано – «воспитатель, учитель» [2].

Таким образом, векторы происходящих изменений в понятийно-терминологическом аппарате педагогики и образования проявляются в различного рода деформациях ценностно-смыслового содержания педагогических понятий и негативно отражаются как на самом понятийном аппарате науки, системе педагогического знания в целом, так и на понятийном мышлении исследователей. Прямое заимствование понятий из других языков и научных областей необратимо влияет на когнитивные смыслопорождающие механизмы, поскольку они не получают развития до следующих, более глубоких уровней познания (суждений, умозаключений), не происходит категориального сращения с другими понятиями терминосистемы педагогики, в сознании нарушается процесс соотнесения языкового знака с действительностью. Подобные заимствования преступают основной принцип семиотики, когда языковая форма начинает влиять на содержание понятия и по-

рождать искусственно создаваемые смыслы, привнося в национальный социокультурный контекст и отечественный педагогический дискурс чуждые им идеи.

Библиографический список

1. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существительных, идеографическое описание, синонимы, антонимы / [авт.-сост.: Л. Г. Бабенко и др.]; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва: АСТ-Пресс Книга, 2005. – 862 с. – ISBN 5-462-00358-7.
2. Большой толковый словарь русского языка = БТС: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1534 с. – ISBN 5-7711-0015-3.
3. Бордовская, Н. В. Педагогическая системология: учебное пособие для студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, школьных педагогов, вузовских преподавателей / Н. В. Бордовская. — Москва: Дрофа, 2009. – 463 с. – ISBN 978-5-358-05175-1.
4. Ефремова, Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 томах: около 160 000 слов / Т. Ф. Ефремова. – Москва: АСТ, 2006. – Т 2. – 1160 с. – ISBN 5-17-013734-6.
5. Сластенин, В.А. Введение в педагогическую аксиологию: учебное пособие для студентов высших педагогических учебных заведений, обучающихся по специальности 031000 – Педагогика и психология (ДПП.Ф.01 - Общие основы педагогики). / В. А. Сластенин, Г. И. Чижакова. – Москва: Academia, 2003. – 185с. – ISBN 5-7695-0965-1.
6. Титова, Е.В. Терминологический анализ как метод и задача исследования // Электронное научное издание (научно-педагогический интернет-журнал) «Письма в Эмиссия. Оффлайн». – ART 1425. – Июнь 2010 [сайт]. – URL: <http://www.emissia.org/offline/2010/1425.htm> (дата обращения: 18.01.2026).

**СОВРЕМЕННЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ПЕДАГОГИКИ:
ОТ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ ДО ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**

Аннотация. Статья посвящена анализу ключевых перспективных направлений в современной педагогике, сформировавшихся под влиянием технологического прогресса, новых данных о когнитивных процессах и изменяющихся социальных запросов. Рассматривается актуальный переход от унифицированной образовательной модели к антропоцентричной парадигме, ставящей в центр интересы и потенциал обучающегося. Особое внимание уделяется цифровизации, персонализации обучения и интеграции социально-эмоционального развития в академический контекст. Новизна исследования заключается в системном представлении взаимосвязей между технологическими трендами, психолого-педагогическими теориями и практическими инструментами, формирующими новую образовательную экосистему. Делается вывод о необходимости междисциплинарного подхода для подготовки педагогов новой формации.

Ключевые слова: цифровая педагогика, персонализация обучения, социально-эмоциональное обучение (SEL), EdTech, гибкие навыки (soft skills), нейропедагогика, образовательная экосистема.

Fedoseeva Elizaveta Maksimovna

Master's student

Pedagogical Institute

Gorbatov Vladimir Igorevich

*Research Supervisor, PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication*

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

**MODERN VECTORS OF PEDAGOGICAL DEVELOPMENT:
FROM PERSONALIZATION TO DIGITAL TRANSFORMATION
OF THE EDUCATIONAL SPACE**

Abstract. This article deals with key promising areas in modern pedagogy, influenced by technological progress, new data on cognitive processes, and changing social demands. It examines the current transition from a unified educational model to a human-centered paradigm that places the interests and potential of the learner at the center. Particular attention is paid to digitalization, personalization of learning, and the integration of socio-emotional development into the academic context. The study's novelty lies in its systematic presentation of the relationships between technological trends, psychological and pedagogical theories, and practical tools shaping a new educational ecosystem. It concludes that an interdisciplinary approach is essential for training new teachers.

Keywords: digital pedagogy, learning personalization, social-emotional learning (SEL), EdTech, soft skills, neuropedagogy, educational ecosystem.

Современный этап развития науки об образовании характеризуется преодолением жестких дисциплинарных границ. Глобальным трендом для педагогики и смежных областей, в первую очередь психологии, стала междисциплинарность. Успешные образовательные решения сегодня рождаются на стыке с нейробиологией, когнитивными науками, дизайном, IT-индустрией, социологией и менеджментом. Этот синтез сопровождается усилением роли данно-ориентированного подхода (data-driven approach), подразумевающего использование больших данных и строгих метрик для оценки эффективности методик, адаптации учебного контента и управления образовательным процессом [1].

Данная статья ставит целью систематизацию и анализ наиболее перспективных направлений в педагогике, определяющих облик образовательных систем ближайшего будущего. Автор исходит из того, что современная педагогическая мысль развивается по трем основным векторам: технологическая трансформация, глубокая индивидуализация обучения и интеграция психологического знания о развитии личности в педагогическую практику.

Цифровая трансформация образования перестала быть футурологическим прогнозом и стала повседневной реальностью. Однако перспективным направлением является не простое оцифровывание традиционных форм, а создание принципиально новых педагогических практик.

Гибридное и смешанное обучение (blended learning) эволюционирует от вынужденной меры в продуманную модель, где онлайн- и офлайн-форматы органично дополняют друг друга, позволяя гибко распределять время и ресурсы [2]. Ключевым элементом становится адаптивное обучение, основанное на платформах с искусственным интеллектом, которые анализируют действия ученика, выявляют пробелы и автоматически предлагают персонализированные траектории и задания необходимого уровня сложности.

Технологии виртуальной (VR) и дополненной реальности (AR) открывают путь к «иммерсивной педагогике». Они позволяют проводить виртуальные экскурсии в исторические эпохи, путешествовать внутри человеческого тела на уроке биологии или моделировать сложные физические и химические эксперименты в безопасной среде, что кардинально повышает наглядность и вовлеченность в образовательный процесс [3].

Геймификация, выходящая за рамки простого использования игр, предполагает внедрение игровых механик (очки, бейджи, рейтинги, повествование) в учебный процесс для усиления внутренней мотивации, формирования устойчивого интереса и отработки навыков в условиях, моделирующих реальные изменения.

Ответом на разнообразие познавательных стилей, темпов и интересов обучающихся стал сдвиг от системы, ориентированной на «среднего ученика», к системе, выстраивающейся вокруг конкретного человека.

Персонализация обучения – это комплексный подход, включающий:
– индивидуальные образовательные траектории: возможность выбора курсов, уровня глубины изучения, форм отчетности;

– Learning Analytics: сбор и анализ цифрового следа ученика (время на задачу, процент ошибок, просмотренные материалы) для предоставления аналитики педагогу и обратной связи самому обучающемуся;

– перевернутый класс (flipped classroom): модель, где теоретический материал изучается самостоятельно дома через видео или интерактивные модули, а аудиторное время отводится на практику, дискуссии и проектную работу под руководством педагога.

Параллельно происходит пересмотр целей образования. Помимо предметных знаний (hard skills), приоритетом становится формирование гибких навыков (soft skills), или, в терминах концепции 4К: критического мышления, креативности, коммуникации и кооперации [4]. Эти компетенции развиваются через проектную и исследовательскую деятельность (PBL – Project-Based Learning), где учащиеся решают реальные, сложные задачи, самостоятельно планируя работу, ища информацию и создавая конкретный продукт.

Отдельным перспективным направлением является нейрпедагогика – практическая область на стыке нейробиологии, когнитивной психологии и педагогики. Её задача – перевести данные о работе мозга (нейропластичности, механизмах памяти, внимания, стресса) в конкретные методические рекомендации [5].

Это позволяет:

- оптимизировать расписание с учётом циркадных ритмов и пиков умственной активности;
- внедрять методики, усиливающие долговременную память (например, интервальное повторение);
- создавать образовательную среду, минимизирующую деструктивный стресс и поддерживающую позитивный вызов;
- понимать нейрофизиологические основы трудностей обучения (дислексии, дискалькулии) и подбирать для таких учеников эффективные стратегии.

Именно в междисциплинарном пространстве возникают наиболее значимые инновации, непосредственно влияющие на качество образовательной среды и психическое благополучие ее участников.

Социально-эмоциональное обучение (SEL – Social and Emotional Learning) стало ответом на запрос развития целостной личности. SEL – это процесс усвоения и применения знаний, установок и навыков, необходимых

для понимания и управления эмоциями, постановки целей, проявления эмпатии, поддержания позитивных отношений и принятия ответственных решений [6]. Интеграция SEL в учебный план, а не как факультатива, признана одним из самых эффективных способов улучшить академические результаты, снизить уровень тревожности и буллинга в школе.

Психолого-педагогическое сопровождение в цифровой среде – новое поле для деятельности специалистов. Оно включает:

- профилактику кибербуллинга и обучение цифровой гигиене;
- формирование критического отношения к информации (медиаграмотность);
- работу с проблемами цифровой идентичности, болезнью пропустить интересное и интернет-зависимости;
- поддержку психического здоровья с использованием цифровых инструментов (безопасные чаты с психологом, терапевтические приложения).

Профилактика эмоционального выгорания педагогов также решается на стыке дисциплин. Для этого применяются коучинговые подходы, тренинги по развитию эмоционального интеллекта и резильентности (жизнестойкости), создаются системы профессиональной и взаимной поддержки в педагогических коллективах.

Таким образом, современные перспективные направления в педагогике отражают переход к сложной, гибкой и адаптивной образовательной экосистеме. Её ядро составляет личность обучающегося, чьи познавательные, социальные и эмоциональные потребности должны быть удовлетворены. Технологии (цифровая педагогика, EdTech) выступают мощным инструментарием для персонализации и расширения возможностей. Психологическое знание (нейропедагогика, SEL) обеспечивает научную основу и гуманистическую направленность этого процесса.

Вызовом для системы подготовки кадров становится формирование «педагога-навигатора», владеющего не только предметными знаниями, но и компетенциями в области цифровых инструментов, основ психологии развития, методик формирования мягких навыков и анализа данных. Успешная реализация описанных направлений возможна только в условиях тесного междисциплинарного взаимодействия, инвестиций в исследовательскую деятельность в области образования и создания культурной среды, поддерживающей непрерывное профессиональное и личностное развитие всех участников образовательного процесса.

Библиографический список

1. Бадал, А.А., Кузьмина М. А. Data-driven подход в образовании: анализ больших данных для персонализации обучения // Образовательные технологии и общество. – 2022. – Т. 25, № 3. – С. 15-29.
2. Смирнова, М.Н., Петров, К.В. Гибридное обучение: теоретические основания и модели практической реализации // Педагогика. – 2021. – № 8. – С. 41-50.
3. Иванов, Д.С. Иммерсивные технологии в образовании: потенциал VR и AR // Вопросы образования. – 2020. – № 4. – С. 248-269.
4. Патрикеев, А.Ю. Формирование компетенций 4К в системе общего образования: challenges and solutions // Современная зарубежная психология. – 2019. – Т. 8, № 4. – С. 88-96.
5. Корнеев, А.А., Кашапов, М.М. Нейропедагогика: от мозга к уроку. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 187 с.
6. CASEL Guide to Schoolwide SEL Fundamentals [Электронный ресурс]. – CASEL, 2023. – URL: <https://schoolguide.casel.org/what-is-sel/what-is-sel/> (дата обращения: 15.01.2026).

УДК 378.026:8

Чернова Т.А.

*преподаватель кафедры Узбекского языка и литературы,
Самаркандский институт экономики и сервиса
(г. Самарканд, Республика Узбекистан)*

КОГНИТИВНЫЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ СТАНОВЛЕНИИ ФИЛОЛОГА

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные и перспективные направления развития педагогики и психологии в профессиональной подготовке филологов. Анализируется роль междисциплинарных подходов, ориентированных на интеграцию психолого-педагогического знания в филологическое образование. Особое внимание уделяется когнитивной лингвистике, психологии текста, педагогической рефлексии и развитию коммуникативной компетентности. Обосновывается необходимость обновления ме-

тодологических оснований подготовки филологов в условиях трансформации образовательной среды и возрастания значимости гуманитарных наук в современном обществе.

Ключевые слова: филология, междисциплинарность, когнитивная лингвистика, психология текста, гуманитарное образование, профессиональная подготовка.

Chernova T. A.

*Lecturer of the Department of Uzbek Language and Literature,
Samarkand Institute of Economics and Service
(Samarkand, Republic of Uzbekistan)*

COGNITIVE AND PEDAGOGICAL APPROACHES IN THE PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF A PHILOLOGIST

Abstract. The article examines current and promising directions in the development of pedagogy and psychology within the professional training of philologists. The role of interdisciplinary approaches aimed at integrating psychological and pedagogical knowledge into philological education is analyzed. Particular attention is paid to cognitive linguistics, text psychology, pedagogical reflection, digital humanities, and the development of communicative competence. The necessity of updating the methodological foundations of philologists' training in the context of the transformation of the educational environment and the increasing significance of the humanities is substantiated.

Keywords: philology, interdisciplinarity, cognitive linguistics, text psychology, humanities education, professional training.

Современное гуманитарное образование развивается в условиях глубоких социокультурных и технологических изменений, что требует пересмотра традиционных подходов к подготовке специалистов-филологов. Филология в XXI веке перестает быть исключительно наукой о тексте в его классическом понимании и все чаще рассматривается как междисциплинарная область знания, тесно связанная с педагогикой, психологией, культурологией и когнитивными науками.⁹ В связи с этим особую актуальность при-

⁹ Бим-Бад Б. М. Педагогический энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2018. — С. 214–216.

обретает анализ перспективных направлений педагогики и психологии, способствующих формированию профессиональной компетентности будущих филологов.

Подготовка филолога сегодня предполагает не только освоение лингвистических и литературоведческих дисциплин, но и развитие умений педагогического взаимодействия, психологического анализа, коммуникативной гибкости и рефлексивного мышления. Современный специалист-филолог должен быть готов к работе в образовательной среде, ориентированной на личностное развитие обучающихся, межкультурную коммуникацию и использование цифровых технологий. Это обуславливает необходимость интеграции психолого-педагогического знания в структуру филологического образования.¹⁰

Одним из ключевых направлений развития современной педагогики и психологии является междисциплинарный подход, который позволяет рассматривать процесс обучения как целостное явление, учитывающее когнитивные, эмоциональные и социальные особенности личности. Для филологов междисциплинарность проявляется в сближении лингвистики с психолингвистикой, педагогикой языка, психологией речи и когнитивной наукой. Такой подход способствует формированию у студентов системного мышления, умения анализировать языковые и текстовые явления с учетом психологических механизмов восприятия и порождения речи.

Особое значение в подготовке филологов приобретает когнитивная лингвистика, опирающаяся на достижения когнитивной психологии. Данное направление рассматривает язык как инструмент познания и концептуализации мира, что позволяет глубже понять процессы формирования смыслов, метафорического мышления и языковой картины мира. В образовательной практике это способствует развитию аналитических способностей студентов, их умения интерпретировать текст не только с формальной, но и с когнитивно-психологической точки зрения.

Не менее важным перспективным направлением является психология текста и читательского восприятия. Анализ художественного и публицистического текста с учетом психологических механизмов восприятия, эмоционального отклика и индивидуального опыта читателя позволяет расширить традиционные методы филологического анализа. В педагогическом аспекте

¹⁰ Зимняя И. А. Педагогическая психология. — М.: Логос, 2020.

это создает условия для формирования у будущих филологов навыков работы с текстом как с динамическим психолого-коммуникативным феноменом, а также для разработки более эффективных методик обучения чтению и интерпретации.

Важную роль в профессиональной подготовке филологов играет развитие педагогической рефлексии. Рефлексивные умения позволяют будущим специалистам осознавать собственную профессиональную позицию, анализировать образовательный процесс и корректировать методы педагогического взаимодействия. Психолого-педагогический аспект рефлексии способствует формированию профессиональной идентичности филолога как носителя культурных ценностей, посредника в диалоге культур и активного субъекта образовательного пространства.

Современные условия цифровизации образования формируют новые вызовы и возможности для филологического образования. Развитие цифровой гуманитаристики предполагает активное использование электронных корпусов текстов, онлайн-ресурсов и интерактивных форм обучения. С точки зрения педагогики и психологии это требует учета особенностей цифрового мышления, формирования медиаграмотности и поддержания учебной мотивации обучающихся. Филолог в цифровой образовательной среде должен обладать не только техническими навыками, но и психологической готовностью к работе в условиях информационной перегруженности и изменяющихся форм коммуникации.

Особое внимание в современной педагогике уделяется развитию коммуникативной компетентности и эмоционального интеллекта. Для филологов данные качества являются профессионально значимыми, поскольку их деятельность связана с анализом речевого поведения, межличностным взаимодействием и педагогическим общением. Психологические тренинги, диалогические методы обучения и анализ коммуникативных ситуаций способствуют формированию у студентов навыков эффективного общения, эмпатии и саморегуляции.

Таким образом, перспективные направления в педагогике и психологии для филологов отражают общие тенденции развития гуманитарного знания и образовательной практики. Интеграция междисциплинарных подходов, когнитивных и психологических моделей, развитие рефлексии и коммуникативных умений создают основу для обновления системы филологического образования. В условиях трансформации образовательной среды данные направления становятся важнейшим фактором повышения качества

профессиональной подготовки филологов и требуют дальнейшего теоретического осмысления и практической реализации.

Библиографический список

1. Бим-Бад, Б.М. Педагогический энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2018.
2. Зимняя, И.А. Педагогическая психология. — М.: Логос, 2020.
3. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. — М.: Языки славянской культуры, 2019.
4. Леонтьев, А.А. Психоллингвистика. — М.: Смысл, 2018.
5. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. — М.: Просвещение, 2017.
6. Фрумин, И.Д., Добрякова, М.С. Будущее образования: глобальная повестка. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2021.
7. Хуторской, А.В. Современная дидактика. — СПб.: Питер, 2020.

Раздел VI
СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ В ГУМАНИТАРНЫХ
И ТЕХНИЧЕСКИХ НАУКАХ
WORD, PHRASE, AND TEXT IN HUMANITIES AND ENGINEERING

УДК 821.111

Гаврилов Дмитрий Борисович
студент

Болотов Дмитрий Евгеньевич
*научный руководитель,
старший преподаватель
кафедры русской и зарубежной филологии,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

МОТИВ ТВОРЦА И ЕГО ТВОРЧЕСТВА
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Г.Ф. ЛАВКРАФТА
(НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «ЛОКОН МЕДУЗЫ»)

Аннотация. В статье рассматривается мотив творца в творчестве американского фантаста Г.Ф. Лавкрафта. Показано, как писатель переосмысливает романтический образ художника, превращая творчество из акта созидания в акт слияния с непознаваемым хаосом космоса.

Ключевые слова: Г.Ф. Лавкрафт, «Локон Медузы» американская фантастическая литература, мотив творца, космический ужас.

Gavrilov Dmitriy Borisovich
Student

Bolotov Dmitriy Yevgenievich
*Research Supervisor,
Assistant Professor, Department of Russian and Foreign Philology,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

THE MOTIF OF THE CREATOR AND HIS CREATIVITY
IN THE WORKS OF H. P. LOVECRAFT
(BASED ON THE STORY “MEDUSA’S COIL”)

Abstract. This article deals with the motif of the creator in the works of American fantasy writer H. P. Lovecraft. It shows how the writer reinterprets the

romantic image of the artist, transforming creativity from an act of creation into the act of merging with the unknowable chaos of the cosmos.

Keywords: H. P. Lovecraft, “Medusa’s Coil”, American fantasy literature, motif of the creator, cosmic horror.

В англоязычной литературе XX века Говард Филлипс Лавкрафт (1890–1937) занимает особое место как создатель уникального мифологического пространства, где сталкиваются неподготовленное человеческое сознание и непознаваемые просторы космического ужаса. Его творчество, сформировавшееся на стыке готической традиции, научного скептицизма и модернистского ощущения кризиса культуры, предлагает оригинальную трактовку фундаментальных философско-эстетических проблем — в том числе мотива творца и его творчества. Этот мотив, традиционно связанный с романтическим культом художника-пророка, у Лавкрафта подвергается радикальной переоценке. С одной стороны, вместо возвышенного образа создателя, владеющего тайной бытия, перед читателем возникает фигура уязвимого человека, чьи творческие устремления становятся проводником в зоны ужасающего тай ног знания. Творчество здесь перестаёт быть актом гармонизации мира: оно открывает врата к хаотическим началам Вселенной, разоблачая хрупкость человеческого разума и тщетность эстетических притязаний перед лицом безличных космических сил. С другой стороны, творец по Лавкрафту, может влиять на исходную реальность, но реальность эта вольна в любой момент выйти из-под контроля, что и показано, например, в рассказе «Локон медузы».

Целью данного исследования является попытка дать описание образа творца в рассказе «Локон Медузы» Г. Ф. Лавкрафта, а также представить истоки этой литературной традиции у выбранного писателя. При написании работы использовался сравнительно-сопоставительный метод исследования.

Всю научную литературу о жизни и творчестве Г.Ф. Лавкрафта можно разделить на два вида: биографии общего характера, посвященные в основном жизни писателя и его взаимоотношениям с коллегами по писательскому цеху, и более узконаправленные работы, целью которых является именно анализ художественных произведений Лавкрафта (реже – публицистики). Наверное, исключением здесь будет фундаментальная монография упомянутого литературоведа С.Т. Джоши [2; 3], английское название которой – «I

Am Providence The Life and Times of H. P. Lovecraft» – наиболее полно отражает ее суть – подробнейшее биографическое описание жизни Лавкрафта с привлечением огромного исторического материала (писем, фотографий, воспоминаний и др.) вкупе с литературоведческим анализом рассказов писателя. В этой книге Г.Ф.Л. рассматривается с разных сторон: как человек со своей суммой убеждений, которые на протяжении жизни у него менялись, как писатель, формировавший свое литературное мастерство, как профессиональный журналист и издатель и как литературный и в целом культурный феномен 1940 – 2010 – х гг. Стоит отметить, что на сегодняшний день это единственное полноценное и всеобъемлющее исследование о жизни и творчестве американского фантаста.

Одной из первых обобщающих биографий Г.Ф. Лавкрафта является книга американского писателя – фантаста Л. Спрэг де Кампа [12], вышедшая в 1975 г. за границей и в 2008 в переводе на русский язык. К достоинствам данного исследования стоит отнести введение в научный оборот неизвестных доселе подробностей жизни и творчества Лавкрафта, что является ценным, поскольку автор книги лично знал и общался с многими друзьями фантаста, которые могли рассказать Спрэгу де Кампу многие факты из первых уст. К недостаткам биографии стоит отнести излишнее и частое выведение на первый план расистских взглядов Г.Ф. Лавкрафта, которые якобы, были основополагающими при написании им своих рассказов. Однако, данная монография остается популярной и востребованной в научном сообществе исследователей Г.Ф. Лавкрафта, т. к. на нее продолжают часто ссылаться.

Единственной на сегодняшний день русскоязычной биографией американского писателя является работа Г.А. Елисеева [4], в которой автор дает компактную биографию Г.Ф. Лавкрафта с собственным анализом произведений фантаста, а также приводит данные о восприятии феномена Лавкрафта в российском культурном сообществе [4, С. 3 – 5].

Далее нам хотелось бы отдельно выделить шеститомную серию философских работ «Исследование ужаса», написанную зарубежными специалистами. Из этих книг нас будет интересовать работа Д. Тригга [14], в которой ужас как философское понятие рассматривается как онтологическое начало, соединяющее человеческое и «нечеловеческое», т. е. нечто запредельное. Другой интересной монографией является исследование Ю. Такера [13], Г.Ф. Лавкрафту посвящена отдельная глава, в которой рассматриваются типология лавкрафтовских героев и особенности его прозы. Самой же инте-

ресной и полезной в нашей теме работой будет книга Г. Хармана [15], которую мы уже цитировали. Через разбор 100 пассажей (абзацев – фраз) из 8 наиболее известных рассказов и повестей Г.Ф. Лавкрафта, а также раскрытие фона его бытия и онтографии автор рассматривает отношение американского фантаста к европейской философии XX в. и делает соответствующий вывод о том, что творчество Лавкрафта настолько вплелось в массовое европейское сознание, что сейчас люди обращаются к нему на бессознательном уровне.

Перечислим ряд работ современных отечественных исследователей, посвященных фундаментальным проблемам литературного творчества Г.Ф. Лавкрафта. Стоит начать с пока единственной в отечественном литературоведении диссертации Т.М. Ковальковой [6], в которой автор рассматривает новеллистику Г.Ф. Лавкрафта в начальный период его становления как писателя, но и в более зрелый период творчества, а также в общем его литературную традицию, идущую из готических романов.

Истоки литературной мифологии американского фантаста тщательно и подробно рассмотрены Д.Д. Даниловым [1], который выделил критерии лавкрафтовских мифов и рассмотрел их культурные (античная мифология) и литературные (волшебные сказки и готические романы) корни. Целостность художественного мира Г.Ф. Лавкрафта и его поэтика представлены в статье Г.В. Заломкиной [5]. В частности, она отмечает: «Лавкрафт выстроил художественную систему, организованную по законам мифа как способа концепирования действительности. Она основана на корневой тревожности древнего человека, осознававшего свою уязвимость со стороны существ, отличающихся от него внешне и/или внутренне» [5, С. 21]. Также автор относит и методы и самого Лавкрафта как писателя к постмодернизму [5, С. 22], что показывает нам дискуссионность данного вопроса.

На примере рассказа «Изгой» Е.К. Соколова [11] дает анализ традиции готической литературы в творчестве американского писателя, отмечая, что «одним из мотивов, позволяющим определить связь творчества писателя с готическим жанром, является мотив неразгаданной тайны» [11, С. 172].

Говоря о жанровых своеобразиях малой прозы фантаста, И.А. Разумов [10] отмечает, что «во многих произведениях Лавкрафта подчеркивается тождественность лишенной разума Вселенной и бессознательного начала человеческой личности» [10, С. 32]. Также исследователь замечает, что один из лавкрафтовских типажей – а именно увлеченный наукой молодой человек – имеет в себе истоки творчества Э.Т.А. Гофмана [10, С. 33]. Эволюция

мотива страха и ужаса в произведениях Г.Ф. Лавкрафта исследовалась С.А. Комаровой [7], отмечавшей, что «он (Г.Ф. Лавкрафт – Авт.) не только перенял из рук своего учителя формулу концентрированного страха, но и адаптировал, усовершенствовал ее под свой неповторимый стиль повествования» [7, С. 167].

Таким образом, мы видим, что как среди историков – биографов, так и среди литературоведов демонстрируется ярко выраженный интерес к жизни и творчеству Г.Ф. Лавкрафта. Исследователями творчества писателя уже поставлены и разработаны многие вопросы (истоки творчества, жанровое своеобразие прозы, проблема создания Лавкрафтом собственной мифологии и реализация ее в разработанном им хронотопе). Наше же исследование является попыткой внести большую ясность в проблему литературной традиции Г.Ф. Лавкрафта по вопросу понимания им образа творца.

Рассказ «Локоны медузы», написанный Г.Ф. Лавкрафтом и Зелией Бишоп в мае – августе 1930 г. и опубликованный А. Дерлетом в *Weird Tales* за январь 1939 г. С.Т. Джоши, характеризует рассказ как запутанный, напыщенный и глупый и указывает, что сочинение «портит избыток сверхъестественных деталей, из – за которого концовка становится абсолютно хаотичной» [3, С. 261]. На наш же взгляд, этот самый «избыток» наоборот создает типичную лавкрафтовскую атмосферу ужаса, о которой мы скажем дальше.

Сюжет, на наш взгляд, можно охарактеризовать как готический: проникновение в отдельно взятый особняк (не замок, конечно, но все же) и поместье внеземных дьявольских сил, меняющих всю предыдущую жизнь не в лучшую для героев сторону. От имени престарелого наследника рода плантатаров повествуется о жизни его сына – Дени де Руси, влюбившегося во время учебы в Париже в загадочную француженку Марселину Бедар, которая оказывается впоследствии неким порождением древних культов с оживающими демоническими волосами, убивающими всех главных героев произведения: отца Дени, его самого и друга молодого человека – Фрэнка Марша – художника, разглядевшего истинную сущность Марселины и пытавшегося предостеречь Дени. Относительно героев С.Т. Джоши высказывает критику и в отношении героев рассказа, которые являются «абсолютно безжизненными и стереотипными» [3, С. 261 – 262]. Биограф Г.Ф. Лавкрафта объясняет это тем, что собственные произведения фантаста создавались не с целью сделать человека центром повествования, «а вот в редакторских заказах приходилось следовать основе сюжета, придуманного

клиентом, поэтому Лавкрафт не всегда мог уйти от необходимости создания ярких характеров» [3, С. 262].

Другим проявлением готических элементов является описание Лавкрафтом главного места действия – особняка, построенного в 1816 г.: «Было что-то чарующе-притягательное в окруженном деревьями обветшалом здании, явившемся моему взору, ибо оно свидетельствовало об изяществе и роскоши минувшей эпохи. То был типичный плантаторский особняк: двухэтажный, с мансардой и большим ионическим портиком, колонны которого поддерживали треугольный фронтон на уровне мансарды» [9, С. 192]. Создает автор и свою специфическую ауру, верно следуя своим писательским принципам: «Безусловно, все здесь дышало притягательно странной атмосферой, и в вездесущем запахе затхлости, казалось, таились тысячи секретов. А этот окутанный атмосферой тайны дом казался мне вдвойне привлекательным» [9, С. 195 – 196].

Перейдем же к рассмотрению интересующего нас художника – Фрэнка Марша – решившего написать портрет женщины, волосы которой «спускались ниже колен и сияли, переливались на свету, точно некая живая субстанция, обладающая собственным нечестивым существованием» [9, С. 202]. По мере раскрытия образа творца в нем, мы постоянно будем сравнивать этого персонажа с предыдущим создателем картин, а именно – с Ричардом Аптоном Пикманом, потому что в исследуемом нами рассказе можно найти очень много сходных мотивов, высказанных Г.Ф. Лавкрафтом в предыдущем произведении. Описывая друга Дэниса как типичного декадента, старый рассказчик говорит, что «он исключительно тонко чувствовал цвет, атмосферу, материю звука и обладал восхитительно живым умом и со знательным опытом знакомства с темными, загадочными сферами жизни и чувственного восприятия, о существовании которых большинство из нас даже не догадывается» [9, С. 205]. Мы можем уже увидеть мысль, сходную с ситуацией с Пикманом – художник большого таланта и полотна видит, чувствует и знает гораздо больше, чем обыватель – и автор в дальнейшем еще повторит этот пассаж. Продолжая рассказывать о Марше, рассказчик замечает, что «для него (Фрэнка Марша – Авт.) ничего на свете не имело значения, кроме постижения и воплощения прекрасного» [9, С. 205]. Мы уже встречались ранее с этой уайльдовской фразой о том, что художник – это тот, кто создает прекрасное.

Интересным является и характеристика Фрэнком Маршем самого себя: «Для нас, художников – декадентов, обыденные вещи утратили всякое

эмоциональное и художественное значение, но на одно и то же необычное явление все мыотреагируем совершенно по – разному» [9, С. 208 – 209]. Этот художник, в отличие от Ричарда Пикмана, сам ощущает и не скрывает того, что он видит, слышит, чувствует больше, чем обыватель – и в этой способности он черпает свое вдохновение. Поэтому Марш и разглядел в Марселине не просто женщину: «Есть здесь что – то странное, потустороннее – что – то связанное с погруженным во мрак забвения древним существом. Она неким чудесным и непостижимым образом связана с иным миром...» [9, С. 209]. Фрэнк сам признается другу, что видит в ней нечто особенное – нетленную неземную красоту - чего не видит Дэнис, называя его жену средоточием космических сил [9, С. 210].

Переходя к выводам, хочется отметить, что в данном рассказе Г.Ф. Лавкрафта прослеживается литературная традиция эстетики декадентства, лучше всего выраженная в романе О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Мы можем предположить, что мотив проклятого места, мог быть заимствован Г.Ф. Лавкрафтом из романа М.Г. Льюиса «Монах», где фигурирует тема проклятых монастырей, являющихся средоточием лицемерия, порока и лжи, а не целомудрия и смирения. Лавкрафт в целом позаимствовал (не сильно изменив) традицию описания мрачного, темного, древнего особняка, видевшего историю, у представителей европейского и американского готизма (вспомнить хотя бы описание здания из «Падения дома Ашеров» Э.А. По). Творчество – это очень мощная сила, выводящая человека на грань между миром реальным и миром древним и непознанным, а значит - страшным. Очень часто эта сила действует не на пользу человеку, сводя его сума или даже убивая. Вобрав в себя все самое прекрасное из европейской и американской романтической и готической литературы и переосмыслив ее опыт, произведения Лавкрафта выводят новый образ творца в жанре «странной прозы», который живет и творит в пугающую, для самого Лавкрафта, индустриальную эпоху модернизма.

Библиографический список

1. Данилов, Д.Д. Истоки литературной мифологии Говарда Филлипса Лавкрафта / Д.Д. Данилов // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3. – С. 374.
2. Джоши, С.Т. Лавкрафт. Я – Провиенс. Книга 1. / С. Т. Джоши ; [перевод с английского М. Стрепетовой]. Москва : Эксмо, 2022. - 800 с.

3. Джоши, С.Т. Лавкрафт. Я – Провиенс. Книга 2. / С. Т. Джоши ; [перевод с английского М. Стрепетовой, М. Вострикова]. Москва : Эксмо, 2022. – 704 с.
4. Елисеев Г.А. Лавкрафт / Глеб Елисеев. – М.: Вече, 2013. – 448 с.
5. Заломкина, Г.В. К вопросу о целостности художественного мира писателя (на материале текстов Г.Ф. Лавкрафта) / Г.В. Заломкина // Культура и текст. – 2023. – № 1(52). – С. 19-32.
6. Ковалькова, Т.М. Готическая традиция в американской прозе 1920-30-х годов: новеллистика Х.Ф. Лавкрафта Дис. на соиск. учен. степ. к.филол.н., Спец. 10.01.03 / Ковалькова Т.М.; [Мордовский. гос. пед. ун-т им. М. Е. Евсевьева]. — Саранск 2001. — 206 с.
7. Комарова, С.А. Эволюция мотива страха и ужаса в творчестве Говарда Филлипса Лавкрафта / С.А. Комарова // Язык текущего момента : Материалы VI межвузовской студенческой научно-практической конференции с международным участием, Москва, 25 апреля 2023 года / Отв. редактор Е.М. Королевская. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью “Сфера”, 2023. – С. 165-169.
8. Лавкрафт, Г.Ф. Зов Ктулху: повести, рассказы, сонеты / Говард Филлипс Лавкрафт; пер. с англ. С. Антонова, И. Богданова, В. Дорогокупли и др. – М.: Иностранка, Азбука – Аттикус, 2016. – 640 с.
9. Лавкрафт, Г.Ф. и соавторы Ужас в музее: рассказы, повести / Говард Филлипс Лавкрафт; пер. с англ. О. Басинской, В. Дорогокупли, М. Куренной и др. М.: Иностранка, Азбука – Аттикус, 2023. – 576 с.
10. Разумов, И.А. Жанровое своеобразие малой прозы Г.Ф. Лавкрафта / И.А. Разумов // Наука на благо человечества – 2022: Материалы международной научной конференции молодых учёных (статьи преподавателей и аспирантов), Москва, 18–29 апреля 2022 года. – Москва: Московский государственный областной университет, 2022. – С. 30-34.
11. Соколова, Е.К. Традиции готической литературы в творчестве Г.Ф. Лавкрафта / Е.К. Соколова // Сборник тезисов докладов научно-практической конференции студентов Курганского государственного университета, Курган, 20–31 марта 2023 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2023. – С. 172-173.
12. Спрэг де Камп, Л. Лавкрафт: биография / Л. Спрэг де Камп ; [пер. с англ. Д. Попова]. – СПб.: Амфора. ТИД. Амфора, 2008. – 656 с.
13. Такер, Ю. Ужас философии: в 3 т. / Ю. Такер. – Пермь: Гиле Пресс, 2017 – 2019. Т. 3: Щупальца длиннее ночи / пер. с англ. А. Иванова.

– 2019. – 214 с.

14. Тригг, Д. Нечто: Феноменология ужаса / пер. с англ. Я. Цырлиной и Д. Чулакова. – Пермь: Гиле Пресс, 2017. – 174 с.

15. Харман, Г. Weird – реализм: Лавкрафт и философия / пер. с англ. Г. Коломийца и П. Хановой. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 258 с.

16. Эко, У. Заметки на полях «Имени Розы» / Умберто Эко; пер. с итал. Е. Костюкович – М.: Издательство АСТ: CORPUS, 2025. – 160 с.

УДК 1 (91)

Коробейников Вадим Сергеевич

Аспирант

Ажимов Феликс Евгеньевич

*научный руководитель, доктор философских наук,
профессор департамента философии и религиоведения,
Дальневосточный федеральный университет
(г. Владивосток, Приморский край, Российская Федерация)*

СТОИЧЕСКИЙ ПЕРФОРМАТИВ КАК МОДУС ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА АНТИЧНОГО МИРА (НА ПРИМЕРЕ «НАЕДИНЕ С СОБОЙ» МАРКА АВРЕЛИЯ)

Аннотация. Настоящее исследование предлагает интерпретацию текста «Наедине с собой» Марка Аврелия с применением теории перформативов и концепции духовных упражнений Пьера Адо. В центре анализа находится стоический дискурс императора, рассматриваемый не как пассивная рефлексия, а как активная речевая практика, направленная на преодоление системного кризиса античного мира, включающего политический, экзистенциальный и эпистемологический аспекты. В исследовании аргументируется, что императивные формулы, прямые обращения к себе, ритмические повторы и методичное переписывание максим в тексте Марка Аврелия функционируют как перформативные высказывания в расширенном значении. Их цель заключается не в описании реальности, а в ее онтологическом преобразовании: создании внутренней «цитадели» разума, способной противостоять внешнему хаосу. Постоянное вербальное упражнение (*meletē*, *askēsis*), основанное на следовании природе или логосу, позволяет субъекту не только познавать стоические истины, но и инкорпорировать их, становясь воплощением добродетели. Таким образом, философский дневник

Марка Аврелия рассматривается как ключевая практика духовного сопротивления и самоконституирования, посредством которой индивидуальный разум утверждает космический порядок в условиях социальных потрясений. Исследование основывается на сравнительном анализе перформативных стратегий, представленных в тексте, и выявляет их связь с риторическими и психологическими техниками поздней Стои.

Ключевые слова: техники себя, забота о себе, Марк Аврелий, кризис античного мира, нарративные практики, стоицизм

Korobeinikov Vadim Sergeevich

Postgraduate student

Azhimov Felix Evgenevich,

Research Supervisor, Doctor of Philosophy,

Professor, Department of Philosophy and Religious Studies,

Far Eastern Federal University

(Vladivostok, Primorsky Krai, Russian Federation)

**STOIC PERFORMATIVE AS A MODE OF OVERCOMING
THE CRISIS OF THE ANCIENT WORLD
(ON THE EXAMPLE OF «MEDITATIONS» BY MARCUS AURELIUS)**

Abstract. The present study offers an interpretation of the text «Meditations» by Marcus Aurelius through the prism of the theory of performatives and the concept of spiritual exercises (P. Ado). The analysis focuses on the stoic discourse of the emperor not as a passive reflection, but as an active speech practice aimed at overcoming the systemic crisis of the ancient world (political, existential, epistemological). The report proves that imperative formulas, direct self-references, rhythmic repetitions, and methodical rewriting of maxims in Aurelius' text function as performative utterances in an expanded sense. Their goal is not to describe reality, but to transform it ontologically: to create an internal «citadel» of reason capable of resisting external chaos. Through constant verbal exercise (meletē, askēsis) in following nature/logos, the subject not only learns stoic truths, but also incorporates them, becoming an embodied virtue. Thus, the philosophical diary of Aurelius is considered as a key practice of spiritual resistance and self-constitution, through which the individual mind asserts the cosmic order in the

conditions of its social disintegration. The study is based on a comparative analysis of performative strategies in the text, revealing their connection with the rhetorical and psychogological techniques of late Stoicism.

Key words: techniques of self, self-care, Marcus Aurelius, , narrative practices, stoicism

Введение: перформатив как ответ на кризис. «Наедине с собой» Марка Аврелия — это вершина стоического самосозерцания. Однако его истинное значение становится понятным только в контексте глобального кризиса, охватившего Римскую империю во II веке н.э. В своей книге «Язычник и христианин в смутное время» (1965) Э.Р. Доддс описывает этот период как время нарастающей тревоги, утраты общих ценностей и индивидуальных поисков спасения. В таких условиях традиционные формы публичной философии и гражданской добродетели утрачивают свою значимость. Как отмечает Доддс, в ответ на это происходит «поворот к внутренней жизни», который характерен для поздней Стои, неоплатонизма и раннего христианства.

В этом исследовании мы утверждаем, что текст Аврелия не только отражает этот переход, но и является его наиболее совершенным перформативным выражением. Мы используем широкое понимание перформатива, выходящее за рамки теории речевых актов Дж. Остина. Стоический перформатив — это не просто изолированное высказывание, создающее социальный факт (например, клятва или приговор), а длительная, ритмически организованная речевая практика, направленная на формирование субъекта. Его цель — не описание реальности, а создание новой онтологической реальности внутреннего мира, противостоящей внешнему хаосу. Методологическая основа нашего исследования включает:

1. историко-культурный анализ кризиса по Доддсу;
2. концепцию «духовных упражнений» Пьера Адо, который рассматривает философию как образ жизни и терапию желаний;
3. герменевтику перформативного письма, разработанную в трудах М. Фуко о «заботе о себе» и современных исследованиях (А.И. Дэвидсона, Р. Сорабджи).

Генезис перформативной техники: от Платона и киников к духовным упражнениям. Техника, которую использовал Марк Аврелий, не появилась внезапно. Её истоки можно найти в глубоких изменениях, произо-

шедших в античной философии, где философский логос трансформировался из средства познания внешней истины в инструмент онтологического преобразования личности. Этот путь можно разделить на три ключевых этапа: платоновскую *ψυχαγωγία* (ведение души), кинический перформативный подход к жизни и стоическое систематизирование аскезы.

Зачатки перформативного потенциала философской речи можно увидеть уже у Платона. В своих диалогах логос у него выступает не только как средство передачи информации, но и как динамическая сила, способная направить душу собеседника от субъективного мнения к истинному знанию. В «Федре» Платон называет этот процесс «ведением души» или «душевождением». Сократ прямо говорит, что истинное искусство речи заключается в ведении души через слова [3, с. 170] (*ψυχαγωγία τις διὰ λόγων*). Диалогический перформатив Платона носит преимущественно интересубъективный и интеллектуалистический характер. Его цель заключается в припоминании вечных идей, а трансформация происходит через совместный поиск определения. Согласно исследователю античной риторики Томасу А. Шмитцу, у Платона «убедительная речь должна изменять душу слушателя, направляя её к истине». Однако это изменение мыслится как когнитивный сдвиг, который достигается в процессе диалога с другим человеком [7, с. 137]. Платоновский логос, безусловно, эффективен, но его воздействие направлено на собеседника в рамках живого общения.

Киники, особенно Диоген Синопский, совершают радикальный и необходимый для их учения поворот. Они смещают акцент с диалогического логоса на монологический, телесный и экзистенциальный акт. Для киника философское высказывание неотделимо от поведения и образа жизни; это перформативный акт в самом прямом смысле: высказывание равнозначно действию и формирует философскую идентичность оратора. Когда Диоген жил в бочке, днём ходил с фонарём «в поисках человека» или публично занимался мастурбацией, утверждая, что «хотел бы, чтобы голод можно было утолить, потирая живот», он выражал философию через провокационные жесты. Его речь и тело сливались в единый знак, отвергающий условности и утверждающий жизнь в соответствии с природой. Киник устраняет разрыв между словом и делом, между теорией и практикой, превращая своё существование в философию, особенно в её биологическом и антисоциальном аспектах. Однако этот перформативный акт остаётся в значительной степени реактивным, негативным и связанным с уникальной, почти театральной личностью философа.

Стоицизм, особенно его поздняя римская форма, в которой работал Марк Аврелий, осуществляет решающий синтез и систематизацию. Стоики заимствуют у Платона идею логоса как упорядочивающего космического принципа, а у киников – идею непосредственного воплощения в жизни. Однако они интериоризируют кинический перформатив и превращают его в регулярную внутреннюю практику. Как отметил Пьер Адо, для стоиков философия становится «искусством жизни», которое реализуется через постоянные духовные упражнения (ἄσκησις). Для Эпиктета, главного наставника Аврелия, философия – это не теория, а «ежедневное упражнение в применении своих концептуальных принципов... к каждому конкретному жизненному впечатлению (φαντασία)» [6, с. 84].

Суть стоического перформанса заключается не в отдельном провокационном действии, а в постоянной и систематической работе по фильтрации впечатлений через призму доктринальных принципов (например, различие между тем, что находится в нашей власти, и тем, что нет).

Важнейшим инструментом этой деятельности выступают письменные практики – ὑπόμνημα (заметки, памятки, дневники). М. Фуко, анализируя эти методы, указывает, что они служили «материалом и средством для размышления... способом выстроить отношение к самому себе» [4, с. 312]. В этих записях происходило слияние логоса: заимствованные у учителей или самостоятельно сформулированные принципы переосмысливались, обдумывались и применялись к повседневным событиям, превращаясь в неотъемлемую часть личности. Это уже не диалог с другими (как у Платона) и не публичное действие (как у киников), а внутренний диалог, где разум обращается к эмоциональной части души с непреклонной силой.

Анатомия стоического перформатива в тексте Марка Аврелия. «Наедине с собой» – это не просто сборник мыслей, а живой механизм стоической субъективации. Его структура раскрывает три взаимосвязанных уровня перформативной работы, каждый из которых помогает превратить доктринальный принцип в экзистенциальную реальность.

Грамматический строй текста Аврелия служит главным философским аргументом. Здесь доминирует не изъявительное, а повелительное наклонение и риторические вопросы: «Блуди себя простым, добрым, чистым, строгим, естественным, другом справедливости» [1, с. 32] (VI, 30); «Каково сейчас мое разумение? страха нет ли? подозрения? вожделения нет? чего-нибудь еще такого?» [1, с. 70] (XII, 19). Арнольд И. Дэвидсон подчёркивает, что эти формы воплощают «этический дискурс в его наиболее активной и

императивной форме» [5, с. 128]. Цель такого речевого акта – не просто изобразить объект, а побудить его к существованию, формируя в сознании индивида автономный центр принятия решений (ἡγεμονικόν).

Этот эффект усиливается за счёт искусного ритма, создаваемого с помощью анафор, изоколона и повторений. Например, фразы типа «Всё мимо-лётно – и то, что сохраняется в памяти, и тот, кто хранит эти воспоминания» [1, с. 21] (IV, 35) или развёрнутые перечисления скоротечности всего сущего [1, с. 53] (IX, 28) функционально аналогичны мантрам или заклинаниям.

Автореферентность текста, его постоянное взаимодействие с предшественниками, такими как Эпиктет, Гераклит, Платон и даже комедиограф Менандр, не является недостатком оригинальности, а представляет собой суть его техники. Это акт философского канонического творчества. Создание заметок было процессом активного присвоения, в ходе которого чужие мысли, переписанные и пропущенные через личный опыт, становились частью ментального аппарата индивида. Цитата у Аврелия – это не просто ссылка, а инструмент для ассимиляции.

Субъект фактически формируется из фрагментов авторитетного логоса. Обращаясь к себе «Смерть, как рождение, – таинство природы: соединение тех же стихий и распадение их» [1, с. 18] (IV, 5). Мишель Фуко указывает, что цитирование не ограничивается передачей мысли, но включает и сам процесс удержания этой мысли, что позволяет автору занять позицию мудреца, размышляющего над собой. Этот процесс превращает письмо в инструмент, с помощью которого можно установить связь с самим собой [4, с. 312]. Внутренний диалог превращается в общение с усвоенными голосами коллективного разума.

Наивысшая степень перформативности заключается в переходе от этического самоприказа к онтологическому отождествлению. Занимаясь проговариванием максим, Аврелий не просто стремится следовать правилам, но и превращает свой внутренний монолог в подобие божественного замысла. Его ключевые формулы звучат так: «О Космос! Всё, что соответствует тебе, соответствует и мне!» [1, с. 19] (IV, 23); «Что не вредно городу, не вредит и гражданину» (V, 22) [1, с. 27] имеют структуру заклинательного отождествления.

Человеческий разум стремится воспроизвести в микрокосме своей души тот же уклад, который мировой разум устанавливает в макрокосме. Утверждая принятие всего происходящего как неизбежного, субъект не просто пассивно подчиняется судьбе, а активно повторяет действие логоса,

утверждая свою соразмерность целому. Слово становится пространством, где единичное существование достигает уровня всеобщего.

Эту мысль можно рассмотреть через призму концепции Э.Р. Доддса, который описывает «смутное время» поздней античности как эпоху нарастающей тревоги и утраты коллективных смыслов [1, с. 46], перформативная практика Аврелия предстает как системный ответ на тройной кризис:

1) Против *εἰς αἰῶν* (слепой судьбы): техника императивного принятия трансформирует фатализм в акт свободы. Высказывая «Мне это дано судьбой» [1, с. 24] (V, 8), субъект не утверждает о своем порабощении, а осознанно принимает необходимость. В процессе речи внешняя принужденность судьбы трансформируется во внутреннее согласие с волей коллектива, что и представляет собой стоическую свободу.

2) Чтобы противостоять чувству усталости от жизни (экзистенциальной атонии), необходимо придерживаться ритмической дисциплины в письме. Это помогает создать «скелет смысла» в условиях социального распада. Волевая регулярность письма противостоит пассивности и *acedia*, внося структуру в хаос, где ранее царила бесструктурность.

3) В ответ на размывание общественного логоса и превращение риторики в самоцель, эпистемологический релятивизм встречает сопротивление в виде создания личного канона — свода усвоенных максим. Аврелий возводит неприступную цитадель ортодоксии в своем внутреннем мире, оберегая ядро разума от наводнения противоречивыми мнениями и догмами мистических культов, которые анализирует Доддс [2, с. 69].

Кризис, безусловно, существует, однако он переосмысливается через перформативный акт. Внешний хаос превращается в необходимый ресурс для внутреннего развития. Препятствие, по словам Аврелия, становится путём: «Помыкание препятствиями себе на пользу – в этом вся суть искусства жизни» (*Τὸ ἐμφοδίων τῇ πράξει ὁρμὴ γίνεται*) [1, с. 27]. Хаос внешнего мира питает неугасимый огонь внутреннего логоса.

Перформатив как практика суверенитета в мире распада. «Наедине с собой» — это ежедневный перформанс, направленный на создание суверенного субъекта в условиях хрупкости внешних форм суверенитета, таких как имперская власть и социальные институты. Император, стоящий на грани военного и цивилизационного кризиса, использует слово как свой последний и абсолютный инструмент власти, позволяющий ему контролировать собственное внутреннее государство.

Стойческий перформанс, рассматриваемый через призму духовных упражнений Адо и в контексте кризиса по Доддсу, становится практикой онтологического сопротивления через миметическое подражание. Это парадоксальная форма борьбы: субъект не противопоставляет свою волю хаосу, а всё точнее следует высшему закону космоса в своей речи. В этом акте инкорпорации логоса происходит чудо стоической антропологии: человек не просто использует разум, но временно становится его воплощённым голосом, утверждая незыблемость порядка перед лицом небытия. Высший способ преодоления кризиса, предложенный поздней античностью, заключается не в изменении мира, а в изменении себя через слово, чтобы утвердить в себе неопровержимый закон мироздания.

Библиографический список

1. Аврелий, М. Размышления / М. Аврелий. – Ленинград : Наука, 1985. – 256 с.
2. Доддс Э. Р. Язычник и христианин в смутное время: Некоторые аспекты религиозных практик в период от Марка Аврелия до Константина. – СПб. : Гуманитарная Академия, 2003. – 320 с.
3. Платон. Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1993. – Т. 2. – 528 с.
4. Фуко, М. Управление собой и другими : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1982–1983 учебном году / Мишель Фуко. – СПб. : Наука, 2011. – Кн. 1–2. – 432 с.
5. Davidson, A. I. Ethics as Ascetics: Foucault, the History of Ethics, and Ancient Thought // The Cambridge Companion to Foucault / ed. by G. Gutting. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005. – P. 123–148.
6. Hadot, P. The Inner Citadel: The Meditations of Marcus Aurelius. – Cambridge : Harvard University Press, 1998.
7. Schmitz, T. A. Moderne Literaturtheorie und antike Texte. – Edinburgh : Blackwell Publishing, 2007. – 256 p.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА «ENGINEERING» НА ОСНОВЕ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Аннотация. В статье проводится дискурсивный анализ ключевого для строительной отрасли термина «инженерия» (engineering). Исследуется генезис понятия, систематизированы основные контекстуальные значения термина. Цель работы — концептуализация базового понятия для повышения терминологической точности и качества профессиональной деятельности будущих инженеров-строителей.

Ключевые слова: инженерия, engineering, строительство, терминология, проектирование, инжиниринг, семантика, профессиональная коммуникация, BIM.

Korshunova Viktoria Alexandrovna
student

Strakatova Oksana Nikolaevna
*Research Supervisor, Assistant Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE TERM “ENGINEERING” BASED ON THE HISTORICAL-LINGUISTIC APPROACH

Abstract. This article provides a discourse analysis of the key term “engineering” in the construction industry. The concept's genesis has been investigated and its key contextual meanings have been systematized. The goal of the work is to conceptualize the basic concept to improve the terminological precision and professional performance of future civil engineers.

Keywords: engineering, construction, terminology, design, semantics, professional communication, BIM.

Феномен инженерии в строительной сфере представляет собой сложный концепт, эволюция которого отражает трансформацию самой профессии от ремесленного искусства к высокотехнологичной научной деятельности. Термин «инженерия», на первый взгляд кажущийся однозначным и техническим, несет в себе многовековые пласты смыслов, диалектику теории и практики, творчества и расчета. Его этимологический путь от латинского «*ingenium*» (природный ум, гений) через средневекового «*ingénieur*» (фр. — создатель военных машин) к современному «*engineering*» — это путь от абстрактной идеи к ее материальному воплощению через техническое устройство («*engine*») [7,8.10]. В русском языковом пространстве это слово обрело несколько лингвистических форм, каждая из которых закреплена за определенным смысловым оттенком: фундаментальное «инженерное дело», процессуальное «проектирование» и коммерческое «инжиниринг». Понимание этой семантической многогранности критически важно для любого специалиста, поскольку терминологическая точность является основой безопасности, эффективности и успешной международной коммуникации в строительстве. Данный анализ ставит целью раскрытие генезиса и взаимосвязи разночтений в контексте строительной науки, образовательной практики и современных цифровых трендов.

Глубокий историко-лингвистический экскурс позволяет увидеть, как социальный заказ формировал суть профессии. В эпоху Античности и раннего Средневековья инженерная мысль была растворена в трудах архитекторов и механиков, не выделяясь в отдельную дисциплину. Переломным моментом стало позднее Средневековье и Возрождение, когда потребности фортификации и артиллерии породили фигуру военного инженера. Этот специалист уже не был просто строителем или ученым — он был интегратором, способным применять математические расчеты для создания сложных оборонительных и осадных систем. Именно здесь происходит ключевой синтез: творческая мысль («*ingenium*») становится прикладным инструментом для конструирования и эксплуатации технических устройств («*engins*» — военных машин). Это двойственное наследие — быть одновременно мыслителем и практиком — стало родовой чертой профессии. В Новое время, с промышленной революцией, фокус сместился на гражданские сооружения: мосты, каналы, дороги, фабрики. Появился термин «*civil*

engineering», который маркировал выделение гражданского строительства в самостоятельную отрасль, основанную на научных принципах механики и сопротивления материалов. В России инженерная школа, заложенная Петром I, изначально развивалась в тесной связи с европейскими традициями, что обусловило заимствование термина «инженер». Однако русский язык, стремясь к описательной точности, для обозначения сферы деятельности предпочел составной термин «инженерное дело», тем самым подчеркивая его деятельностьную, ремесленно-практическую основу, что отчасти отражало прагматичный подход к индустриальному развитию страны [3].

В современном профессиональном дискурсе можно выделить три основных концептуальных модуса, в которых существует термин «engineering». Первый модус — онтологический или дисциплинарный. Здесь инженерия предстает как целостная область человеческого знания и профессиональной деятельности, основанная на применении естественных наук для решения практических задач. Это система, включающая в себя фундаментальные дисциплины (теоретическая механика, материаловедение), прикладные науки (сопротивление материалов, механика грунтов), этический кодекс и образовательные стандарты. В этом смысле говорят о «civil engineering» как об отрасли, о «structural engineering» как о специализации. Данное значение формирует профессиональную идентичность: «я — инженер» означает принадлежность к этой многовековой традиции технического творчества, ответственности и преобразования среды.

Второй модус — процессуальный или операциональный. Это ядро повседневной деятельности. В данном контексте фраза «engineering of this structural system» однозначно означает «проектирование и расчет данной несущей системы», при том включая в себя анализ и расчетное обоснование решений. Именно это значение чаще всего подразумевается в повседневной практике проектных институтов и конструкторских бюро.

Это цикл: от постановки задачи через анализ нагрузок и выбор материалов к детальному конструированию и разработке чертежей. Фразы «design and engineering», «detailed engineering», «engineering analysis» относятся именно к этому модусу. Здесь инженер выступает в роли расчетчика и проектировщика, чья работа материализуется в спецификациях, схемах и алгоритмах. Именно на этом уровне решаются ключевые вопросы безопасности и экономической эффективности, здесь абстрактные законы физики превращаются в конкретные размеры сечения балки или марку бетона.

Третий модус — сервисно-коммерческий или экономический. Он оформился в XX веке с усложнением проектов и глобализацией рынка. В этом значении «engineering» (чаще переводимое как «инжиниринг») — это товар или комплекс услуг, оказываемых заказчику. Он включает не только само проектирование, но и сопутствующие услуги: feasibility study (технико-экономическое обоснование), управление проектом, авторский надзор, поставку оборудования, пусконаладочные работы. Стандартные контрактные модели (EPC — Engineering, Procurement, Construction или EPCM — Engineering, Procurement, Construction Management) закрепили это значение. Употребление термина «инжиниринг» в русском деловом языке четко отграничивает эту коммерческую, договорную реальность от более широкого понятия «инженерное дело». Различие между вторым и третьим модусами можно проиллюстрировать аналогией: процессуальный модус — это сама деятельность хирурга по проведению операции, а сервисно-коммерческий — весь пакет медицинских услуг клиники, включающий диагностику, операцию, послеоперационный уход и пребывание в палате.

Наглядной иллюстрацией этого смыслового расслоения служит анализ учебной литературы и профессиональных стандартов. В названиях дисциплин («Geotechnical Engineering» — «Механика грунтов») термин указывает на область знания. В описании рабочих процессов («engineering phase» — «стадия проектирования») — на деятельность. В названиях компаний и услуг («engineering company», «инжиниринговая компания») — на рыночное предложение. Особый интерес представляет семантика составных терминов. «Value Engineering» (VE) переводится как «функционально-стоимостной анализ» — это систематический метод, направленный на оптимизацию соотношения функции и стоимости объекта, что представляет собой синтез процессуального (анализ) и экономического (стоимость) модусов. «Safety Engineering» или «Fire Safety Engineering» — это уже не просто соблюдение норм, а целая научно-прикладная дисциплина, основанная на прогнозном моделировании рисков (онтологический модус), которая реализуется через конкретные расчеты и проектные решения (процессуальный модус) [1, 2].

Современная цифровая трансформация, олицетворяемая технологией информационного моделирования зданий BIM (Building Information Modeling), вносит революционные коррективы в эту устоявшуюся семантическую картину. Это не просто «технология» в ряду CAD-систем, а новая

методология инженерного процесса (engineering process). Она трансформирует второе значение термина, делая проектирование не последовательной разработкой чертежей, а управлением скоординированной информационной моделью на всем жизненном цикле объекта [9]. В контексте BIM инженерия становится в значительной степени информационной деятельностью: управлением данными, обеспечением их совместимости, анализом сценариев на цифровом двойнике. Появляются такие термины, как «BIM-инжиниринг», что подчеркивает синтез процессуальной и сервисной составляющих на новой технологической основе.

Она трансформирует прежде всего процессуальный модус, делая его более интегрированным, кооперативным и информационно насыщенным. Проектирование (engineering) в эпоху BIM — это управление общей цифровой моделью, где архитектурные, конструктивные и инженерно-технические решения согласуются в реальном времени, а любые изменения автоматически координируются. Рождаются гибридные понятия: «BIM-инжиниринг», «Digital Engineering». Последний термин особенно показателен — он расширяет значение инженерии до управления цифровым двойником объекта на всем его жизненном цикле, от концепции до утилизации. В этом контексте инженерия все больше становится наукой об управлении данными и информационными потоками, где традиционные расчеты дополняются алгоритмическим анализом больших данных, симуляциями и оптимизацией. Это приводит к постепенному сближению онтологического и процессуального модусов, так как сама методология работы становится предметом изучения и стандартизации [4, 5].

Отдельного внимания заслуживают проблемы адекватного перевода и межкультурной коммуникации. Английское слово «engineer» имеет более широкий семантический диапазон, чем русское «инженер». Оно может относиться к специалисту с высшим образованием (professional engineer), так и к технику или механику (field engineer, service engineer). В русской традиции термин «инженер» исторически связан с дипломированным специалистом, что может приводить к смысловым сдвигам при переводе. Кроме того, в английском языке наблюдается более тонкая градация: «engineering» (деятельность), «design» (часть этой деятельности, связанная с разработкой концепции и формы), «drafting» (черчение). В русском языке «проектирование» часто покрывает все эти понятия, что требует от переводчика глубокого понимания контекста. Неверный выбор эквивалента (скажем, перевод

«engineering design» просто как «инженерный дизайн» вместо «проектирование» или «конструирование») может исказить смысл технического задания или стандарта [6].

Таким образом, проведенный концептуальный анализ показывает, что термин «инженерия» является смысловым узлом, связывающим воедино историю, теорию, практику и экономику строительства. Его многозначность — не недостаток, а отражение сложности и многомерности самой профессии. Для будущего инженера-строителя осознанное различие этих модулей — онтологического (быть носителем знания), процессуального (уметь рассчитывать и проектировать) и сервисного (понимать логику оказания профессиональных услуг) — является ключевой мета-компетенцией. Она позволяет не только точно интерпретировать тексты и контексты, но и выстраивать собственную профессиональную траекторию в условиях быстро меняющейся цифровой реальности. Инженер XXI века — это наследник «ingenium», творческого начала, направляемого дисциплиной научного знания, и «engine», последовательного воплощения замысла, сегодня все чаще опосредованного цифровыми моделями и алгоритмами. Понимание этой двойственности, заложенной в самом имени профессии, формирует основу для ответственного, инновационного и рефлексивного подхода к созиданию материального мира.

Библиографический список

1. Амахина, С.Р. Лингвистические особенности перевода технического текста на английском языке [Электронный ресурс] / С. Р. Амахина // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. — 2024. — № 1 (105). — URL: <https://scipro.ru/article/filologicheskij-aspekt/2024/1/lingvisticheskie-osobennosti-perevoda-tehnicheskogo-teksta-na-anglijskom-yazyke> (дата обращения: 28.12.2025).
2. Халина, Н.В. Лингвистический инжиниринг и лингвистика инжиниринга: адаптация языковедческой парадигмы к обстоятельствам эпохи инжиниринга [Электронный ресурс] / Н.В. Халина // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2014. — Т. 20. — С. 3811–3815. — URL: <https://e-koncept.ru/2014/54806.htm> (дата обращения: 28.12.2025).
3. Портал «Мир этимологии». Инженер — история происхождения слова [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.winstein.org/publ/8-1-0-277> (дата обращения: 02.01.2026).

4. TAdviser: Центр экспертизы и анализа цифрового рынка. BIM-технологии (рынок России) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tadviser.ru/index.php> /Статья: BIM-технологии_(рынок_России) (дата обращения: 02.01.2026).

5. Bolpagni, M. The implementation of BIM within the public procurement: A model-based approach for the construction industry [Электронный ресурс] / M. Bolpagni, R. Giani // Visualization in Engineering. – 2016. – Vol. 4. – № 3. – Art. 3. – DOI: 10.1186/s40327-015-0029-z.

6. How Digital Engineering is Shaping the Future of Construction [Электронный ресурс] // Desapex. – 2023. – URL: <https://desapex.com/blog/how-digital-engineering-is-shaping-the-future-of-construction> / (дата обращения: 08.01.2026).

7. Online Etymology Dictionary. Engineer – Etymology, Origin & Meaning [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.etymonline.com/word/engineer> (дата обращения: 28.12.2025).

8. The Origin of the Word 'Engineering' [Электронный ресурс] // Interesting Engineering. – 2023. – 27 October. – URL: <https://interestingengineering.com/culture/the-origin-of-the-word-engineering> (дата обращения: 03.01.2026).

9. Tomczak, A. Methods to specify information requirements in digital construction projects [Электронный ресурс] / A. Tomczak, L. van Berlo, M. Bolpagni, J. Krijnen // Journal of Information Technology in Construction (ITcon). – 2022. – Vol. 27. – P. 1–18. – DOI: 10.36680/j.itcon.2022.001.

10. Wiktionary. engineer [Электронный ресурс]. – URL: <https://en.wiktionary.org/wiki/engineer> (дата обращения: 28.12.2025).

УДК 372.416.2(091)(470)«19»

Крылова Элина Андреевна

*аспирант, преподаватель Института
инновационных образовательных практик*

ТГПУ им. Л.Н. Толстого

(г. Тула, Российская Федерация)

**«САМ ПАШЕТ, САМ ОРЕТ, САМ И ПЕСЕНКИ ПОЕТ»:
МАРКЕРЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ В АЗБУКАХ И БУКВАРЯХ
ПЕРВЫХ ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Аннотация. Актуальность работы обусловлена важностью осознанного отношения к личности, основы формирования которой закладываются в раннем детстве. В азбуках и букварях, издаваемых в России в первой трети XX в., одно из центральных мест занимала трансляция социальной и трудовой деятельности ребенка, в которой он проявлялся как самостоятельный член общества. Это в свою очередь способствовало формированию коммунистической морали и мировоззрения у подрастающего поколения.

Ключевые слова: ребенок; субъектность; самостоятельность; деятельность; букварь.

Krylova Elina Andreevna

PhD student, lecturer,

Institute of Innovative Educational Practices,

Tolstoy State Pedagogical University

(Tula, Russian Federation)

**“He Plows, Cries, Sings Songs Himself”:
Independence Markers in the ABC Books and School Primers
of the Early Years of the Soviet Rule**

Abstract: The relevance of this work is due to the importance of a conscious attitude towards the individual, the foundations of which are laid in early childhood. In the alphabets and primers published in Russia in the first third of the 20th century, one of the central themes was the promotion of social and labor activities, in which the child was presented as an independent member of society. This, in turn, contributed to the formation of a communist moral code and worldview among the younger generation.

Keywords: child; subjectivity; independence; activity; primer.

Современная система образования предполагает направленность деятельности педагогов на формирование необходимых и значимых для общества и самого человека базовых качеств личности, одним из которых является субъектность.

Идеи субъектности ребенка в образовательном процессе и познании окружающего мира были сформулированы европейскими и российскими психологами в начале XX в. и оказались востребованными новой советской педагогикой. Они активно отразились в выпускаемой для детей дидактической литературе [5].

Новое советское государство ставило задачу создания воспитывающей литературы: ребенок должен был стать деятельным и самостоятельным, активным строителем новой реальности.

Слово «сам» означает лицо, испытывающее на себе или совершающее действие самостоятельно, добровольно и без чьей-либо помощи. Иногда слово указывает также на особую важность деятельности, совершаемой личностью [2, с. 1142, 6, с. 441].

Проанализировав книги для детей, выпущенные в Советской России 1920-30-х гг., мы выявили маркеры, обозначающие в разных структурных компонентах книги составляющие данного психологического феномена. Самостоятельность и активность деятельности ребенка в них маркируют прежде всего слова «сам» и «сами», подчеркивающие автономность детей, их особую социальную роль в новом мире.

В букварях 1920-х гг. слово «сам» помещено среди первых слогов и слов, осваиваемых ребенком: в «Азбуке» Дмитриева оно встречается читателя на первой странице и повторяется пять раз [1, с. 1]; в «Новом русском букваре» 1922 г. – на 4-й странице [6, с. 4], в разделе, где изучаются слоги и т.д.

За слогами и отдельными словами следуют короткие тексты для научившегося читать ребенка. В них также активно использованы слова «сам» и «сами», указывающие на самостоятельность ребенка и его радость от этой самостоятельности. В основном эти слова вписаны в контекст описания коллективной трудовой деятельности: «сами пололи, сами поливали, сами и ели» [8, с. 42], «мы сами садили сосны и липы у школы» [3, с. 17], «Груня рада, что сама сшила» [8, с. 42] и т.д.

Есть примеры императивной речи, приказывающей ребенку справиться с чрезвычайной ситуацией самостоятельно, если взрослого нет рядом: «Мой, Миша, рану сам!», «Маша, сама мой рану» [3, с. 13] (Рис. 1).

Рис. 1. Афанасьев П. О. Читай, пиши, считай Букварь, с материалом для чтения, письма и счета. 1926.

Характер самостоятельной деятельности, в которую включен городской и сельский ребенок, в букварях отличался. Так, в пособии для обучения грамоте Д.И. Балясова, дети были заняты самостоятельной деятельностью, связанной в основном с учебой, политическим просвещением и участием в работе детских организаций. Словом «сами» в этой книге названо стихотворение: дети должны сами сделать знамя, маршировать с ним строем по улицам, празднуя победу Октябрьской революции [4, с. 50] (Рис. 2).

Обратим внимание и на то, что задание к этому стихотворению тоже предполагает активность детей в реальном, не «книжном» мире: «Научитесь и вы стройно ходить рядами» [4, с. 50]. Активность эта должна носить коллективный характер и быть предъявлена в социально одобряемой публичной ситуации.

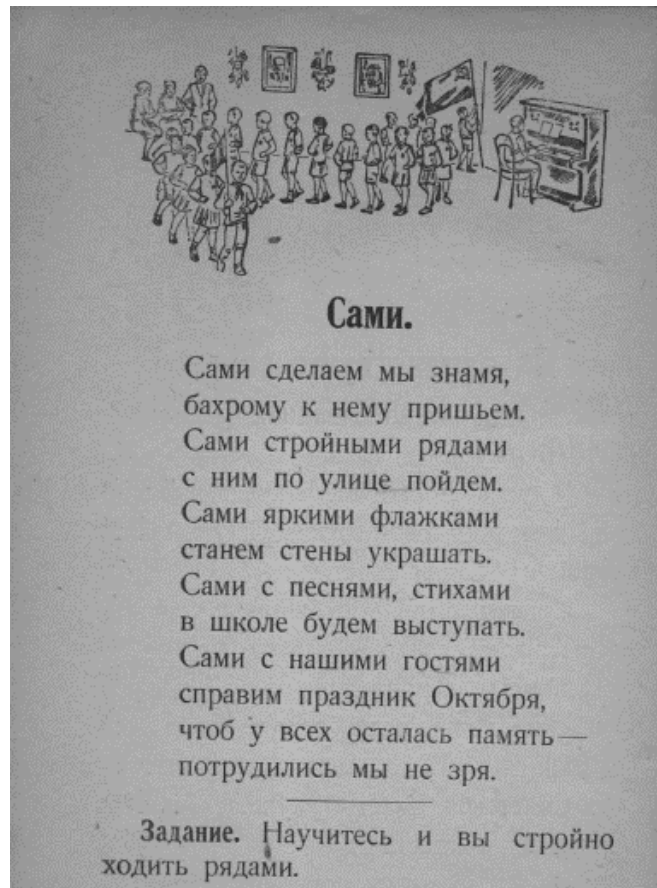

Рис. 2. Балясов Д.И. Дружно за учебу. Пособие по обучению грамоте в городской школе. 1932

В букваре для сельских школ проявление самостоятельности связано с работой в поле и организацией быта, характерного для деревни: «*мы* пилили сосны», «*мы* косили и сушили вику», «*мы* пашем, косим» [5]. Таким образом, дети активно и деятельно участвуют во взрослой деятельности, необходимой для жизни на селе с ее физическим трудом по возделыванию земли, уходом за скотом и т.д. Это основная часть повседневной жизни детей.

Самостоятельность как структурный компонент детской субъектности прослеживается на страницах букварей не только в текстах, но и на иллюстрациях. Дети, занятые активной деятельностью, изображены в одиночку или в коллективе. Взрослые же рядом с детьми практически никогда не фигурируют. Визуальный, как и текстуальный, образ ребенка обладает автономностью: ребенок занят полезной социальной и трудовой деятельностью при минимальном участии взрослого или вообще в отсутствии такового.

Итак, в пособиях для обучения грамоте в Советской России 1920-30-х гг. субъектность личности маркировалась в текстах с помощью слов «сам» и «сами», на иллюстрациях через изображение ребенка, занятого социально полезной деятельностью без взрослых, а также через общий контекст, подчеркивающий самостоятельность ребенка, его личностную направленность на труд и общественное благо. Эти дидактические приемы решали задачу формирования ребенка как целостного субъекта нового советского мира, способного и пахать, и весело петь песенки - как призывала его пословица, использованная в Новом Русском Букваре 1922 г., а нами вынесенная в заглавие этой статьи.

Библиографический список

1. Азбука / Изд. Дмитриев. отд. нар. образования. – Дмитриев: Тип. Дмитриев. отд. Губсовнархоза, 1921. – 7 с.
2. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практический справочник: Ок. 11000 синоним. рядов. – 11-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 2001. – 568 с.
3. Афанасьев, П.О. Читай, пиши, считай Букварь, С материалом для чтения, письма и счета / П.О.Афанасьев. – 11-е изд. – М., Л. : Гос. изд-во, 1926. – 93 с.
4. Балясов, Д.И. Дружно за учебу. Пособие по обучению грамоте в городской школе / Д.И. Балясов и др. – М. ; Иваново : Изд-во Иванов. Пром. обл., 1932. – 64 с.
5. Безрогов В.Г., Ромашина Е.Ю. Сам и сами: ребенок в российских азбуках и букварях первой трети XX века // Историко-педагогический журнал. – 2019. – №2. – С. 87-109.
6. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб.: Норинт, 1998. – 1534 с.
7. Воскресенский, В.Д. Букварь для сельских школ грамоты / В. Воскресенский, Р. Павловская. – М.: Госучспедгиз, 1933. – 65 с.
8. Новый Русский Букварь для обучения чтению и письму без слияния звуков по новому правописанию, с приложением разрезной азбуки. – Рыбинск : Издание Рыбинского Губоно и Губнополиграфтреста, 1922. – 64 с.

ТЕРМИН «ОРАНЖЕРЕЯ» В КОНТЕКСТЕ КЛЮЧЕВОГО ЭЛЕМЕНТА УСТОЙЧИВОЙ ГОРОДСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Аннотация. Научная статья посвящена поиску и уточнению термина «Оранжерея» в контексте ключевого элемента устойчивой городской архитектуры. Цель работы заключается в предложении единого и структурированного определения на основе синтеза существующих. Практическая значимость определяется созданием обоснованного инструмента для архитекторов и других специалистов.

Ключевые слова: Агро-архитектура, биоклиматическая архитектура, городская оранжерея, городское озеленение, общественное пространство, многофункциональный выставочный комплекс.

Kuleshova Varvara Sergeevna

Master's Student

Strakatova Oksana Nikolaevna

*Research Supervisor, Assistant Professor,
Department of Foreign Languages for Professional Communication,
Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

CONCEPTUAL ANALYSIS OF THE TERM “ENGINEERING” BASED ON THE HISTORICAL-LINGUISTIC APPROACH

Abstract. The scientific article is devoted to the search and clarification of the term “Greenhouse” in the context of a key sustainable element of sustainable urban architecture. The purpose of the work is to propose a unified and structured definition based on the synthesis of the existing ones. The practical significance is determined by the creation of a sound tool for architects and other specialists.

Keywords: Agro-architecture, bioclimatic architecture, urban greenhouse, urban landscaping, public space, multifunctional exhibition complex.

В научном исследовании Иордана Т.А. и Козловой Л.Н. «Современные оранжереи – объекты научно-просветительской деятельности» говорится о том, что: «Связь с природой действует на человека благотворно: тот, кто живёт в гармонии с природой, не может не обладать внутренней красотой» [2]. Согласно мнению, приведенному в данной работе, оранжереи в современных городах, особенно в мегаполисах, это не просто украшение, они выполняют множество важных экологических, социальных и образовательных функций и являются важным элементом устойчивой городской среды (green city), который делает современный город более комфортным, «умным» и пригодным для жизни в условиях глобальных изменений климата и урбанизации. По этой причине необходимы зеленые зоны для отдыха, расслабления, постижения законов природы, восприятия красоты мира и понимания гармонии.

С точки зрения Шеховцовой А. И., автора работы «Исследование опыта и проблем проектирования оранжерей и зимних садов» [5], вследствие значительного ухудшения состояния экосистемы возникает острая необходимость в проектировании и строительстве оранжерей и зимних садов при общественных или жилых зданиях, поскольку это может существенно повысить качество экологического состояния городской среды.

По мнению автора настоящего исследования, опираясь на вышесказанное следует, что проектирование и строительство оранжерей в настоящее время актуально, поскольку существует возможность таким образом укрепить экологическую стабильность, в результате чего мы можем говорить о комфортном проживании в городе, не говоря о том, что это способствует улучшению психического и эмоционального состояния населения. Подобные сооружения позволяют оживить городские пространства, наряду с этим привлекая туристов и горожан и становясь популярными туристическими и рекреационными объектами. Тропические растения, кактусы пустынь, хищные растения становятся доступными и могут служить «живым учебником», в то же время создавая зеленый каркас города, помогая поддерживать равновесие между природным и искусственно созданным.

Оранжереи выставочного типа требуют дополнительного изучения, поэтому можно воспользоваться опытом немногих предыдущих исследований, в том числе опытом проектирования существующих объектов. Также можно

обратиться к диссертациям и статьям, посвящённым особенностям проектирования данных объектов, зимних садов, промышленных оранжерей.

Для формирования теоретической основы и уточнения понятийного аппарата был проведен анализ научной литературы по данной тематике. **В результате изучения ключевых источников было выявлено несколько определений, раскрывающих термин «Оранжерея» как ключевого устойчивого элемента устойчивой городской архитектуры.**

Так, на сайте Большой российской энциклопедии 2004-2017 г. автором Головкиным Б.Н. [4] указано, что: «Оранжерея – обычно остеклённые помещения для выращивания или перезимовки теплолюбивых растений. Конструкция и тип оранжереи должны соответствовать следующим требованиям: иметь минимальную теплоотдачу, максимально улавливать и использовать свет и тепло естественных источников, допускать возможность регулирования температуры и влажности воздуха, почвы и механизацию работ, давать максимальный производственный эффект при минимальных эксплуатационных расходах». [4]

По мнению Белоусовой О.А., автора автореферата «Архитектурно-градостроительные особенности исторических оранжерейных объектов ботанического садоводства Санкт-Петербургской агломерации» [1]: «Оранжерейный объект – это сооружение специального назначения, имеющее различные архитектурно-планировочные и конструктивные решения, зависящие от одной или нескольких доминирующих базовых функций (сохранение, выращивание, демонстрация, коллекционирование, изучение, просвещение, торговля и т.д., различных растений, в том числе экзотических), выполненное как самостоятельный объект, так и являющееся элементом в общей композиции ботанического и архитектурного комплекса». [1]

В научной работе Зверева М.Н., Киреева Т.В. «Зимние сады. Современное прочтение. Оранжереи. История создания» [3] высказывается мнение о том, что: «Современные зимние сады представляют собой специально оборудованное помещение в жилище или же отдельный домик, где круглый год будет тепло и уютно. Создавая зимний сад, можно не только приблизиться к природе, но и расширить жилое пространство. Основным декоративным элементов оранжереи являются растения, которые еще и очищают воздух от вредных соединений». [3].

Из приведенных определений удалось выявить, что большинство определений термина «Оранжерея» акцентируют внимание на отдельных аспектах: функциональном, планировочном, конструктивном, социальном,

психоэмоциональном. Также следует отметить, что найденное для исследования определение сформулировано на уровне общих принципов, не предлагая четких принципов успешного проектирования в конкретных проектных условиях. Научная проблема заключается в отсутствии комплексного и структурированного определения понятия «архитектурная интеграция», подходящего для применения в современных практиках.

По мнению авторов настоящего исследования, на основе вышеперечисленных определений можно предложить обобщенное и структурированное определение «Оранжерея» как ключевого устойчивого элемента устойчивой городской архитектуры, обладающего множеством сопутствующих функций, с дополнением недостающими элементами, способное служить теоретической основой для дальнейших исследований путем синтеза важных аспектов понятия.

Таким образом, «Оранжерея» как ключевой элемент устойчивой городской архитектуры — это специализированное пространство, которое предназначено для выращивания и выставки экзотических и редких сортов растений, интегрируемое в городскую среду и способствующее устойчивому экологическому развитию. Оранжерея в качестве многофункционального комплекса выполняет следующие функции: улучшение качества воздуха, создание микроклимата, поддержку биоразнообразия. Важнейший аспект - выставочное пространство оранжереи служит образовательным и культурным центром для жителей города. Оранжереи могут использовать возобновляемые источники энергии, системы сбора дождевой воды и технологии вертикального озеленения, что делает их важными компонентами в стратегии развития городов. Они способствуют не только эстетическому обогащению городской среды, но и формированию сообщества, осведомленного о важности экологии и устойчивого развития.

Библиографический список

1. Белоусова, О. А. Архитектурно-градостроительные особенности исторических оранжерейных объектов ботанического садоводства Санкт-Петербургской агломерации: диссертация ... кандидата архитектуры: 2.1.11. / Белоусова Ольга Алексеевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»]. — Санкт-Петербург, 2022. — 153 с.

2. Галимова Л. Оранжерея Спасского – хозяйственный и историко-культурный элемент русского усадебного комплекса // Мир искусств: Вестник Международного института антиквариата. 2016. №4 (16). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oranzhereya-spaskogo-hozyaystvennyy-i-istoriko-kulturnyy-element-russkogo-usadebnogo-kompleksa> (дата обращения: 24.12.2025).

3. Зверева, М.Н., Киреева, Т.В. Зимние сады. Современное прочтение. Оранжереи. История создания // Материалы XI Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2019/article/2018011677> (дата обращения: 04.01.2026)

4. Оранжерея // Большая научная энциклопедия URL: <https://old.bigenc.ru/biology/text/2682783> (дата обращения: 04.01.2026)

5. Шеховцова, А.И. ИССЛЕДОВАНИЕ ОПЫТА И ПРОБЛЕМ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ОРАНЖЕРЕЙ И ЗИМНИХ САДОВ // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018002368> (дата обращения: 15.01.2026).

УДК 94(430)

Попкова Екатерина Ивановна
студент

Попкова Ольга Владимировна
*научный руководитель, кандидат исторических наук,
доцент кафедры ИЯПК,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

ГЕРМАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Аннотация. Мифы и легенды являются неотъемлемой частью культуры любой страны. Данная тема представляет интерес для исследований, однако на сегодняшний день их количество не так велико, что дает широкое поле для изучения. В статье проанализирован ряд мифов и легенд, распространенных в Германии.

Ключевые слова: Германия; мифы; легенды; вихты; эльфы; дьявол; призраки.

Popkova Ekaterina Ivanovna

Student

Popkova Olga Vladimirovna

Research Supervisor, PhD in History,

Associate Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

GERMAN MYTHOLOGY

Abstract. Myths and legends are an integral part of the culture of any country. This topic is of interest for researches, but today their number is not so large, which gives a wide field for its study. In the article a range of myths and legends of Germany was analyzed.

Keywords: Germany, myths, legends, vikhts, elves, devil, ghosts.

Мифы и легенды каждой страны передаются из поколения в поколение. Через них люди говорили своим детям об опасностях и морали, мифы и легенды помогали создавать уникальную культуру страны. Германия не является исключением в этом – у этой страны есть множество удивительных и захватывающих историй, а некоторые из них нельзя встретить в других странах. Мифы и легенды, распространённые в Германии, не очень хорошо изучены на сегодняшний день, поэтому в статье мы обратим внимание на персонажей, существующих в большинстве культур.

Для начала, рассмотрим таких мифических существ, как вихты и эльфы. Они являются духами, т. е. не относятся ни к людям, ни к богам. В них сочетается нечто сверхчеловеческое. Но при этом, в физическом плане они не могут соперничать с обычными людьми, поэтому, даже если они как-либо взаимодействуют с ними, то делают это скрытно.

Понятия вихты имеет множество значений, но самым интересным является готское понятие Отфрида. Готы могли понимать под вихтами «некоего женского духа», возможно даже довольно злого. У Отфрида же, вихты – «несчастные, искаженные создания» [3, с. 737]. Остальные определения (римских и древнеанглийских источников) также сходятся на том, что

вихты – демонические, несчастные, вредные, злые люди. Однако, в источниках Нижней Саксонии данные духи имеют положительное значение [3, с. 739].

Вихтов описывали как существ, которых не могли видеть люди. Они носили серые одеяния и были красивы. Также они могли превращаться в различных животных, насылать беды на людей вплоть до смерти скота. В немецком фольклоре они обитали везде: в домах, под землей, между камнями и скалами. Однако, в современной интерпретации, вихты – относительно нейтральные или злые существа. Так, например, в литературной саге «Игра Престолов» это мертвые люди и животные, которых оживили с помощью магии. Таким образом, они полностью подчиняются воле своего хозяина [1, с. 534]. Вихты очень живучи. В литературном цикле «Ведьмак», вихты – это падальщики, живущие поодиночке и вдали от людей. Они обладают неким разумом и не агрессивны к людям, если те не доставляют им проблем [2, с. 498].

Как и вихты, эльфы имеют как позитивное, так и негативное значение. В древненемецком эльф – «ночной призрак, ночной кошмар». Однако, в противовес этому, сабиняне, чей язык был близок с латынью, понимали под эльфом «белого» (от лат. *albus*), доброго духа [3, с. 741]. Скандинавский и древнеанглийский тоже имели позитивное значение, а именно «совокупное воплощение высших существ в целом». Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что вихты и эльфы стоят ближе к богам, чем люди.

Изначально верили, что эльфы – это чистые, светлые существа, которые были хитры и умны, они хорошо знали не только поверхностные свойства растений, как люди, но и их скрытые особенности. Однако, со временем народы Германии, в своих мифах, начали наделять эльфов негативными качествами. Тем не менее, эльфы нуждались в поддержке со стороны людей и выходили на контакт: они просили у людей посуду, звали их на помощь, когда их жены рожали, праздновали различные торжества вместе с людьми и т. д. Якоб Гримм утверждает, что пользоваться своими сверхъестественными способностями без людей они не могут, поэтому и обращаются к ним за советом.

В других культурах, аналогом эльфов и вихтов являются домовые, гномы, фейри [4].

Далее рассмотрим концепцию дьявола в германской мифологии. Для народов Германии эта концепция была чуждой, но после принятия христи-

анства у них появилось представление о дьяволе. Его воспринимали как некую сущность, с которой можно было заключать договоры в обмен на душу. Взамен он предлагал полное покровительство и всячески помогал своим союзникам при их земной жизни. «Нередко дьявол — это пародия на истинного бога, подражание ему, его левая, обратная сторона» [3, с. 574]. Так, в мифологии он воспринимался как падший ангел, который из-за падения повредил ногу и стал хромым. В частности, в германской мифологии дьявола часто представляют нелицеприятным, то есть окрашенным в темные цвета, с пугающим лицом. Также ему приписывают анималистический образ, но найти полное описание такого внешнего вида не представляется возможным. Ближе всего по такому описанию стоят фавны, сатиры, лесные духи, кентавры и так далее. Именно по подобным отличительным чертам (ослиные уши, лошадиные копыта, лишний палец на руке) люди могли распознать, что перед ними стоит дьявол. Так же он мог представать в животном образе – так, в более древних сказаниях встречается его образ как змеи, дракона, червя и других насекомых [3, с. 575]. Однако, анализируя источники и древние легенды можно заметить, что даже после принятия христианства, как такового представления о дьяволе у германских народов не сложилось. Итак, появляются неопределенные образы дьявола в виде получеловека с какими-либо звериными чертами, т. е. идет смешение древних образов животных с попыткой переложить это на более человеческий облик.

В немецкой мифологии существует явление, которое является еще более родным человеку, чем дьявол. Под призраками германские народы понимали неупокоенные души людей, которые не смогли попасть на небеса и остались блуждать между двумя мирами. Они могли быть как добрыми, так и злыми. Призраки отличались от привычного нам образа белой простыни с глазами. Их представляли как парящие огоньки, но это относилось только к взрослым душам. Также призраками могли становиться погибшие некрещенные дети. В таком случае, они тоже представали как огоньки, но обычно летали не поодиночке, а целыми группами, издавая неприятные, пугающие звуки [3, с. 484].

Один из самых распространенных мифов, касающихся призраков, — это миф о Дикой охоте. Под ним понимали группу призрачных всадников-охотников со сворой собак. Лидером этой охоты часто является фигура, связанная либо с Одином, либо с каким-либо историческим правителем, например, Теодорихом Великим и т. д. Было распространено поверие, что ведение дикой охоты предсказывает какую-либо катастрофу: в лучшем случае

чью-то смерть, кто был свидетелем этого, в худшем – войну или чуму. Также считалось, что Дикая охота могла забирать с собой людей во время сна, чтобы присоединиться к ним – так говорили о тех, кто умер во сне. Либо они насылали кошмары на спящих.

Дикая Охота нашла свое отражение и в современной литературе. Так, в уже упомянутой ранее литературной саге «Ведьмак» Дикая охота имела практически то же значение с одним лишь дополнением – чаще всего она происходила либо в зимний период, либо в определенные даты. Тогда Дикую охоту сопровождает жуткий холод, буря, метель, вьюга и жуткое пение [2, с. 1072].

Исходя из всего вышенаписанного, можно сделать вывод, что германская мифология содержит в себе элементы, встречающиеся в других культурах, но при этом в ней присутствует ряд специфических особенностей, не характерных для других стран. Можно также отметить влияние христианства на развитие тех или иных мифов, легенд, но нельзя сказать, что везде это воздействие ассимилировалось наилучшим образом.

Библиографический список

1. Гримм, Я. Германская мифология. В 3 т. Т. 1. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 912 с.
2. Мартин, Дж. Р. Р. Игра престолов. М.: АСТ, 2019. 1145 с.
3. Сапковский, А. Ведьмак. М.: АСТ, 2020. 1340 с.
4. Bestiary.us URL: <https://www.bestiary.us/vikhty/ru> (дата обращения 24.12.2025).

Собольникова Мария Дмитриевна
студент

*ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
политехнический университет Петра Великого»*

Собольникова Елена Николаевна
*кандидат философских наук, доцент,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный
химико-фармацевтический университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург, Российская Федерация)*

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕРМИНА «MENTIS» В ФИЛОСОФИИ БОНАВЕНТУРЫ

Аннотация. Концептуальное содержание термина «*mentis*» в средне-вековой философии многогранно: этимологически латинское «*mens*» связано с понятием «разума», но не ограничивается интеллектуалистическими коннотациями. В философии Бонавентуры термин «*mentis*» наполняется новыми смыслами, главным из которых становится понятие «души», которая мыслится в единстве трех ее свойств: памяти, интеллекта и воли, как образ Божий в глубинах личности и непостижимое измерение духовного бытия человека (*Abditum mentis*).

Ключевые слова: *mentis*, душа, *abditum mentis*, Бонавентура, средне-вековая философия.

Sobolnikova Maria
Student

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

Sobolnikova Elena
*Ph.D. in Philosophy, Associate Professor,
Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University
of the Ministry of Health of the Russian Federation
(Saint Petersburg, Russian Federation)*

THE CONCEPTUAL CONTENT OF THE TERM «MENTIS» IN BONAVENTURE'S PHILOSOPHY

Abstract: The conceptual content of the term “*mentis*” is versatile in Medieval philosophy. The Latin word “*mens*” is related to the concept of “*mind*” in etymological way but it is not limited by intellectualistic connotations. The term “*mentis*” is filled with new connotations and meanings in Bonaventure’s philosophy, the main of which is the concept of “*soul*”. This concept is understood as

the unity of its three properties: the memory, the intellect and the will, as well as the image of God in the depths of one's individual essence and the incomprehensible dimension of human spiritual existence (*Abditum mentis*).

Keywords: *mentis*, soul, *abditum mentis*, Bonaventure, Medieval philosophy.

В философии Средневековья Бонаventura создал один из высочайших образцов христианского мистицизма, который объединил греческую духовность Псевдо-Дионисия с зарождающимся францисканским призывом к эмоциональному переживанию страстей Христовых. Синтезом духовных практик восхождения к Богу становится произведение, которое Бонаventura задумал, когда размышлял о видении св. Франциска в Ла-Верне — это «Путешествие души к Богу» (*Itinerarium mentis in Deum*) в названии которого философ использует два ключевых понятия мистического богословия — *itinerarium* («маршрут» или «путь»), понимаемый не только как движение к Богу, но и погружение мистика «в Бога», и термин *mentis*, обозначающий понятие «души», которая мыслилась в единстве трех ее свойств: памяти, интеллекта и воли.

Путь совершенствования, согласно Бонаventure, связан с движением мистика к Богу, который начинается с отказа от привязанности к сотворенным вещам и завершается выходом за пределы всего, что «ощущается, воображается или понимается» [2]. Мистическое знание не подразумевает ни общего познания вещей, ни познания вечного, а состоит, согласно Бонаventure, в «бесформенной мудрости» (*sapientia nulliformis*), которая была редким достоянием святого человека, посвятившего жизнь созерцанию [1, с. 149]. Примером такого человека для Бонаventure был св. Франциск, который «просветил очи *сердца*» («et illuminatos oculos *mentis*») или «глаза души» [1, с. 127], «зеркало *души*» (*speculum mentis*) [1, с. 47] и «лик души» [1, с. 90].

Философская интерпретация термина *mentis* сформировалось под влиянием апофатического богословия «De mystica theologia» Псевдо-Дионисия [7]. Высшей целью мистического пути (*mystica*) [3, с. 83], является достижение экстатического переживания [*per mysticum rapimur ad supermentales excessus*], сверхрационального опыта единения с Богом. Бонаventura соотносит с термином *mentis* особое состояние, приводящее к экстатическому созерцанию - высшей точки сознания, то есть перехода от интеллектуального осмысления имен Бога к пассивному, эмоциональному

и надрациональному переживанию единения с Богом. В мистическом созерцании происходит совершенное *озарение души*, «...словно...она видит человека, сотворенного по образу Бога («perfectio illuminationis mentis») [1, с. 149].

Духовный путь к Богу мыслился Бонавентурой как аффективный и экстатический переход (*transitus*) погружения разума в Бога во время созерцания, в котором мистик достигал состояния «экстатической любви» или «экстатического знания» [3, с. 85]. Такое «экстатическое знание» предполагало единство двух процессов: с одной стороны, субъект постигает объект посредством всеобъемлющего знания (*modus comprehensionis*) под «пристальным взглядом разума», с другой стороны, субъект словно «охвачен» объектом в экстатическом знании (*modus cognescendi per excessum*), которое порождает «желание ума» [5, с. 170].

Бонавентура сопоставил путь совершенствования мистика, состоящий из трех этапов (размышления (*meditatio*), молитвы (*oratio*) и созерцания (*contemplatio*) с подробным шестикратным маршрутом духовного восхождения: ощущение (*sensus*), воображение (*imagination*), смысл (*ratio*), понимание (*intellectus*), ум (*intelligentia*) и вершина души (*apex mentis*) или *synderesis scintilla* [4], которые, в свою очередь, соотносятся с шестью уровнями созерцания, последние две стадии которого связаны с достижением «экстаза ума» (*excessus mentis*) [1, с. 54]. Как только мистик достигает пределов понимания через рассмотрение божественных имен «бытия» (*qui est*) и «доброты» (*bonum*), он может отбросить разумное понимание и перейти к мистическому единению с Богом. Здесь можно заметить стремление к интерпретации духовной жизни через призму неоплатонического влияния в христианском богословии, а именно идеи Августина об изменчивости объектов нашего восприятия и признания разума (*mentis*) носителем вечной и неизменной истины.

Бонавентура убежден, что человек способен постигать истину в самом Боге, который сияет в душах (*apex mentis*) как свет истины и добра: «...насколько душа близка к Богу и как память в своих действиях ведет к вечности, понимание - к истине, а способность выбора - к высшему благу» [1, с. 103]. В этот момент Бонавентура обращается к Христу и рассматривает его как совпадение противоположностей, ибо «...в нем соединены Первый принцип с последним, Бог с человеком, который был создан в шестой день; вечное соединено с временным человеком ..., самое простое с самым слож-

ным, наиболее актуальное с тем, кто страдал безмерно и умер, самое совершенное и необъятное с низменным, высшее и всеобъемлющее с составным индивидуумом, отличным от других, то есть с человеком Иисус Христос» [1, с. 149]. Глядя на Христа, человек должен преисполниться удивления и устремиться к седьмому этапу путешествия, к вершинам мистического экстаза, подобно св. Франциску, где интеллектуальная деятельность должна быть оставлена позади, а высота мистического созерцания должна быть полностью перенесена и преобразована в Бога.

Таким образом, в своих основных произведениях Бонавентура расширяет и меняет концептуальное содержание термина «*mentis*», понимая его и как «мистический восторг» (*mystica raptus*), и «мистическую мудрость» (*mystica sapientia*), «экстатическое созерцание» (*excessus contemplationis*), «экстатический разум» (*excessus mentales*), «экстатическую любовь» (*excessus dilectio*) и «ученое невежество» (*docta ignorantia*). Следуя трем этапам совершенствования души, Бонавентура описывает духовный путь верующего, как синтез двух «моделей» движения **к Богу**: «интеллектуального» («очищение – просвещение – соединение»), и «эмоционально-волевого» («размышление – молитва – созерцание»), последняя стадия которого связана с достижением «экстаза ума» (*excessus mentis*) – высшей точки сознания, сверхрационального переживания единения с Богом.

Библиографический список

1. Бонавентура, Путеводитель души к Богу / Пер. с лат., вступ. ст. и коммент.: В. Л. Задворный. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1993. – 190 с.
2. Бонавентура, «О тройственном пути (или о воспламенении любви)» // Философия религии: аналитические исследования. – 2018. – № 2(1). – С.94-101.
3. Карпов, К.В. "Основные понятийные схемы мистической теологии Бонавентуры (трактат «О тройственном пути»)» // Философия религии: аналитические исследования. – 2018. – № 2(1). – С.82-93.
4. Цыпина, Л.В. Учение об apex mentis в христианской мистике Средних веков как проблема трансформации сознания. – Санкт-Петербург: РХГА, 2013.

5. Dubbelman, S.J. Mediated Mysticism: The Medieval Development of Mystica Theologia and Its Reception by Martin Luther. – Boston: Boston University School of Theology, 2022. – 363 с.

6. Hatab, Lawrence J. "Mysticism and Language" // International Philosophical Quarterly. – 1982. – № 22(1). – P.51-64.

7. Fishley, D. The Divine Ideas Tradition in Christian Mystical Theology by Mark McIntosh [Электронный ресурс]. – URL: <https://doi.org/10.26443/arc.v49i.301> (дата обращения: 20.01.2026).

УДК 81'373.2

Харитонова Наталья Валерьевна

студент

*ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
(г. Владимир, Российская Федерация)*

СОЦИАЛЬНАЯ МАРКИРОВКА И СТИЛИСТИКА ОНИМОВ В ЛИТЕРАТУРЕ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЯ В.В. КАТЕРМИНОЙ

Аннотация. Настоящая статья представляет собой рецензию на монографию В.В. Катерминой «Имя собственное в художественном тексте», опубликованную в 2020 году. Цель рецензии – провести критический анализ содержания, структуры и методологической базы исследования, а также оценить вклад работы в современную ономастику и лингвистику текста.

Ключевые слова: ономастика; имя собственное; антропоним; русская литература; английская литература.

Kharitonova Natalia Valerievna

Student,

*Vladimir State University
(Vladimir, Russian Federation)*

SOCIAL MARKING AND STYLISTICS OF ONYMS IN LITERATURE: AN OVERVIEW OF V.V. KATERMINA'S STUDY

Abstract: This article is a review of V.V. Katermina's monograph "The Proper Name in a Literary Text" published in 2020 by FLINTA. The purpose of the review is to critically analyze the content, structure, and methodological basis

of the study, as well as to evaluate the contribution of the work to modern onomastics and text linguistics.

Key words: onomastics; proper name; anthroponym; Russian literature; English literature.

Изучение имен собственных (онимов) в художественном тексте традиционно находится на стыке лингвистики, литературоведения, культурологии и социологии. Имя в литературе – это не просто идентификатор персонажа, но и мощный стилистический инструмент, носитель культурных кодов и социальных маркеров. Монография В.В. Катерминой «Имя собственное в художественном тексте» предлагает актуальный сопоставительный анализ функционирования онимов в русской и английской литературах XVIII – начала XX вв., что определяет ее значимость для современной науки. [1].

Цель нашей рецензии – оценить теоретическую базу, методологию и основные выводы исследования, а также определить его вклад в ономастику и лингвокультурологию.

Монография отличается четкой структурой и глубокой теоретической проработкой. Автор начинает с рассмотрения базовых понятий, таких как концептуальная и языковая картины мира. Опираясь на труды Р.И. Павлениса, автор подчеркивает, имя собственное занимает уникальное положение на стыке общего и частного, объективного и субъективного, социального и индивидуального.

В теоретическом разделе Катермина В.В. последовательно рассматривает эволюцию взглядов на оним – от философских концепций Т. Гоббса и Дж. Ст. Милля (имя как произвольная метка) до современных лингвистических подходов (А. Гардинер, А.А. Белецкий, О.И. Фонякова, А.В. Суперанская), акцентируя ключевые дифференциальные признаки онима: индивидуализирующую функцию, соотнесенность с конкретным денотатом и особую роль в лексической системе языка.

Особую ценность представляет проведенный автором анализ дискуссии о наличии у имени собственного лексического значения. Сопоставляя позиции А.А. Реформатского (отрицавшего лексическое значение онимов), и О. Есперсена, Ф.И. Буслаева, А.А. Потебни, (утверждавших их коннотативный потенциал), автор формирует комплексное видение проблемы. Автор обоснованно доказывает, что имя собственное обладает трехслойным информационным потенциалом, включающим языковую (этимология,

структура), речевую (субъективная оценка, прагматика) и энциклопедическую (культурно-исторические знания о денотате) информацию.

Методологически исследование опирается на лингвокультурологию и теорию текста. Художественный текст, по Катерминой, – вторичная моделирующая система (Ю.М. Лотман), отражающая индивидуально-авторскую картину мира. Опираясь на концепции И.Р. Гальперина, А.И. Новикова, З.Я. Тураевой, автор анализирует текст как коммуникативное целое, которое обладает связностью, информативностью и, что особенно важно, подтекстом и потенциалом для множественных интерпретаций.

Структурно монография состоит из трех блоков. Первый посвящен роли имени в создании образа личности, включая ее внутренний мир, характер и внешность. Второй блок анализирует имя как маркер социальной принадлежности. Третий рассматривает, как через именование отдельных представителей характеризуется общество в целом. Такой подход позволяет автору всесторонне раскрыть функции антропонимов в мире художественной литературы.

В центральной части проведен сопоставительный анализ русской и английской литературы: автор доказывает, что в художественном произведении доминирующей функцией онима становится не дифференциальная, а стилистическая. Автор выделяет информационно-стилистическую функцию, реализуемую через внутреннюю форму имени («говорящие» имена), и эмоционально-стилистическую, проявляющуюся в фонетическом облике и словообразовательных особенностях (например, диминутивных формах).

Особенно интересен раздел о прозвищах и прецедентных именах. В монографии прозвище определяется как «сгусток типического», отражающий ментальность нации и базирующийся на оценке физических или моральных качеств человека. Автор показывает, как апеллятив, становясь антропонимом, приобретает дополнительную экспрессию. Использование прецедентных имен, таких как Гамлет или Обломов, свидетельствует о потенциальности онима к переходу в имя нарицательное, становясь символом определенных качеств, известных всей языковой группе.

Ключевым достижением монографии является анализ социальной ономастики. Автор демонстрирует, что личные имена социально обусловлены. На материале русской литературы Катермина В.В. исследует существование сословных «именников» (Варлаам, Никон для церковников; Мат-

рена, Фекла для крестьян; Сергей, Софья для дворян), использование иноязычных форм имен (Бетси вместо Лиза), суффикса -ка (Ванька, Васька) как маркера уничижения и сословного неравенства.

В английской литературной традиции В.В. Катермина также выявляет социальную дифференциацию имен. Здесь система менее разветвленная, чем в русском языке. Особо выделяется наличие аристократичных имен, которые несут в себе оттенок изысканности и претенциозности (Caroline, Edward). Маркерами высокого статуса выступают несовпадение написания и произношения фамилий, а также частое использование средних имен для создания комического эффекта (Александр Поп Кук, Джордж Веллингтон Бутс). На примере произведений Уильяма Шекспира и Чарльза Диккенса автор показывает, как фамилии, образованные от топонимов или прозвищ (Мобрэй Гастингс, Роберт Фолконбридж) и «говорящие» имена-стереотипы (Mr. Shallow, Mr. Fang), служат для создания социальных портретов и сатирического эффекта.

Сопоставительный анализ приводит автора к выводу, что русская литературная ономастика демонстрирует более сложную систему социальной маркировки по сравнению с английской.

Особое внимание в монографии также уделяется эмоционально-экспрессивному фактору в создании «говорящих» фамилий. В русской литературе это достигается путем: использования стилистически сниженной лексики, часто с частями тела в основе фамилии (Желваков, Грязноруков), животными (Клещев, Гускин) и неэстетичностью фамилий (Гнилодушкин, Кладбищенский); уничижительного суффикса -к- или уменьшительно-ласкательного -ичк (Плюшкин, Башмачкин); двойных фамилий (Ляпкин-Тяпкин) и звуковых повторов (Чичиков, Добчинский-Бобчинский). В английской литературе критика через фамилии чаще направлена на индивидуальные моральные качества персонажей.

В заключение, монография представляет собой глубокое и методологически выверенное исследование. Автор успешно анализирует теоретические основы, выявляет универсальные и специфические особенности функционирования имен собственных. К достоинствам работы можно отнести обширную теоретическую базу (ономастика, семантика, теория текста) и богатый иллюстративный материал (корпуса текстов по английской и русской литературе XVIII – начала XX вв.). Монография вносит вклад в развитие

литературной ономастики и сопоставительной лингвокультурологии. Работа будет полезна лингвистам, студентам и аспирантам филологических специальностей.

Список литературы

1. Катермина В.В. Имя собственное в художественном тексте (на материале русского и английского языков) [Электронный ресурс]: монография. Москва: ФЛИНТА, 2020. 100 с.

УДК 81.0

Ягмурян Валерия Оганесовна
студент

Федченко Наталья Леонидовна
*научный руководитель, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет»
(г. Армавир, Российская Федерация)*

СИМВОЛИКА В ПОВЕСТИ А.И. КУПРИНА «ГРАНАТОВЫЙ БРАСЛЕТ»

Аннотация. В статье проводится филологический анализ текста повести Александра Ивановича Куприна «Гранатовый браслет» с целью выявления символических деталей и подтекстов и определения их функциональной нагрузки в структуре произведения. Проводится исследование текста на разных уровнях языковой системы. Особое внимание уделено главным героям и названию произведения. Анализ показывает, как посредством различных образов и подтекстов Куприн достигает глубины психологизма и символической насыщенности текста. Исследование подкрепляется теоретическими работами о влиянии символики на восприятие произведения и интертекстуальным анализом.

Ключевые слова: Александр Иванович Куприн, «Гранатовый браслет», символ, аллюзия, художественный образ, повесть, религия, художественный текст.

Yagmuryan Valeria Oganessovna

Student

Fedchenko Natalia Leonidovna

Research Supervisor, PhD in Philology,

Associate Professor

Armavir State Pedagogical University

(Armavir, Russian Federation)

SYMBOLISM IN A. I. KUPRIN'S STORY "THE GARNET BRACELET"

Abstract. The article deals with the linguistic analysis of A.I. Kuprin's story "The Garnet Bracelet". The aim is to reveal symbolic details and subtexts in order to define their functions in the story. Various levels of the story's language system have been analyzed. Special attention is paid to the main heroes and the name of the story. The analysis shows how A.I. Kuprin achieves psychological depth and saturation with symbolic meanings of the text using various images and subtexts. The research also includes theoretical works concerning the influence of symbolism to the reader's perception of the story and intertextual analysis.

Key words. Aleksandr Ivanovich Kuprin, "Garnet Bracelet", a symbol, an allusion, an artistic image, a story, religion, a literary text.

Происхождение символики, а в частности понятия о символе, кроется в архаичном фольклоре. Прародитель символа – двучленный параллелизм. Это приём, при котором два образа, чаще из мира природы и человеческой жизни, выстраиваются в прямую смысловую пару. Со временем из этой устойчивой связки родилась особая форма иносказания – символ.

На протяжении веков фольклорные песни переходили от одних исполнителей к другим, бережно передаваясь из поколения в поколение. В песнях, построенных на параллелизме, постепенно сложилась прочная ассоциативная связь: два элемента настолько тесно становились связаны друг с другом в сознании людей, что при упоминании о первом элементе (обычно природный образ), второй элемент (человеческая судьба, чувство, состояние) мгновенно возникал в голове.

Так, описание грозы, цветущего дерева или бурной реки перестало быть просто пейзажной зарисовкой – оно превратилось в некий код, через который раскрывалась человеческая история. Природа стала языком, на котором говорили о людях.

В художественной литературе символ заиграл новыми красками. С одной стороны, он сохраняет буквальное значение (читатель видит реальный пейзаж, предмет, явление), с другой стороны, одновременно создает ассоциации, выводя повествование на уровень глубинных смыслов.

В своей основе символ остаётся самостоятельным художественным образом, но его сила заключается в широком применении. Он не просто обозначает что то, а намекает, провоцирует на прочтение подтекста, обращаясь одновременно к разуму и чувствам читателя.

В отличие от сравнения и параллелизма, символ представляет собой однокомпонентную структуру, то есть в нём отсутствует явная, закреплённая связь с тем явлением или предметом, на который он указывает.

Если же сравнивать с метафорой, то символ не сводится к однозначной замене или уподоблению, его смысл раскрывается через спектр ассоциаций, возникающих у читателя, поэтому спектр его интерпретации всегда шире.

Символ сохраняет эмоциональную глубину и открывает простор для ассоциаций, связывая образ с множеством смыслов.

Символические образы пронизывают все литературные роды — от эпических полотен до лирических миниатюр и драматических текстов. Грамотная расшифровка символов открывает доступ к подтекстам произведения, позволяя постичь замысел автора во всей его полноте. И напротив: игнорирование символики чревато поверхностным прочтением, искажающим изначальную концепцию текста.

Символ в литературе раздвигает смысловые границы повествования. Он запускает механизм ассоциативного мышления, соединяя в сознании читателя разные действительности.

Писатели прибегают к символизации, чтобы продемонстрировать, что за текстом скрывается целая система значений.

Куприн создает собственную литературную среду посредством слова, которая представляет собой сложную конструкцию. Её основу составляет сеть символов и знаков, наделённых скрытым смыслом. Каждый символ запускает цепочку ассоциаций, позволяя читателю самостоятельно его интерпретировать и открыть более широкий спектр значений.

В повести «Гранатовый браслет» ключевую символическую нагрузку несёт подарок, который Желтков преподносит Вере в день её именин. Уже само название произведения акцентирует внимание на этом предмете, подчёркивая его смысловую центральность.

Будучи семейной реликвией (браслет принадлежал прабабушке Желткова), украшение представляет для героя огромную ценность. Дарение этого подарка раскрывает суть чувства героя, это не просто передача вещи, а символическая отдача собственной судьбы. Желтков не ждет ответного чувства, гранатовый браслет становится проявлением абсолютной бескорыстности, но одновременно с этим и предвещает трагический финал – подарок превращается в своеобразное предзнаменование грядущего самоубийства.

Автор сравнивает камни браслета с «густо-красными живыми огнями» и «кровью», что подчёркивает силу страстной любви, которая обжигает и преображает героя.

Гранатовый браслет выполняет функцию символического обручального кольца. Посредством этого дара Желтков метафорически скрепляет духовную связь с Верой, преодолевая разделяющую их социальную дистанцию.

Особую символичность подарку придаёт предсмертное указание героя разместить браслет перед католическим образом Девы Марии. Этот поступок приравнивает любовь Желткова к религиозному переживанию.

Религиозный контекст воплощают и пять гранатов, отсылая к пяти ранам Христа, подчёркивая мотив жертвенности. Центральный камень, уваровит зелёного цвета, согласно семейному поверью, наделяет женщин даром предвидения, что находит отражение в интуитивном предчувствии Веры о грядущей трагедии с Желтковым.

Огненная семантика противопоставлена «холодной» красоте жемчужных серёг, подаренных Вере её мужем, они не вызывают у героини каких-либо неприятных ассоциаций, но жемчуг часто называют «слезами моря», что является символом плача и тревоги.

Сестра Веры подарила ей записную книжку, которая тоже включает в себе определенный смысл. Чистые страницы намекают на возможность нового начала в жизни героини, а крест на переплёте несёт религиозный подтекст. Сильное чувство стало гибельным для Желткова, но пробудило к новой жизни Веру.

Особого внимания заслуживает происхождение записной книжки: изначально это был старинный молитвенник, теперь переделанный под бытовые нужды. Подобно Вере, он сохраняет внешнюю изысканность (изящный переплёт, эстетическую привлекательность), но утратил изначальное духовное наполнение.

Значимый подтекст несёт и имя героини, и дата события. 17 сентября (по старому стилю) – это день поминовения мучениц Веры, Надежды, Любви и их матери Софии (имя Вера символизирует духовное упование). На Руси считалось, что слёзы в этот день очищают душу и смывают обиды, горести и беды. После того, как героиня увидела Желткова, она долго и горько плакала, после чего сказала, что он её простил.

В финале имя героини обретает новую смысловую нагрузку, оно превращается в знак обрётённой ею веры в любовь. Это прозрение приходит через пережитую трагедию.

Символика произведения и его подтекст становятся ещё более ясны, когда перед нами предстаёт сам Желтков. В художественном построении образа этого героя прослеживается система религиозных аллюзий, формирующих его духовный подтекст. Фамилия героя опосредованно связана с пасхальной символикой, яйцо – знак Воскресения. Портретная характеристика намеренно лишена конкретно-физиологических мужских черт. Вместо этого автор создаёт подобие иконописного лика, что подчёркивает духовную природу персонажа.

Указанный возраст героя («около тридцати-тридцати пяти лет») соотносится с традиционным представлением о возрасте Христа, усиливая мотив жертвенности. «Комната с круглыми окнами», где жил Желтков метафорически символизирует ковчег, обозначающий спасение и изоляцию от внешнего мира.

Герой становится проводником между миром реальным и духовным, он будто вестник, который хочет пробудить в героине (и шире – в читателе) переживание подлинной любви. Однако социальная среда, изображённая в повести, демонстрирует глухоту к этому посланию. Установленные нормы оказываются сильнее, что подчёркивает трагический разрыв между божественным замыслом и человеческой реальностью.

Во второй части Второй сонаты Бетховена (*Largo appassionato*) Куприн находит символ неразделённой любви. Этот музыкальный фрагмент выполняет функцию лейтмотива, скрепляющего композицию повести: он звучит в начале и в финале произведения, образуя смысловую арку.

Когда Вера слушает сонату после гибели Желткова, в сознании героини формируется фраза «Да святится имя твоё», отражающая нам момент духовного осознания. Именно в этот момент Вера осознаёт глубину чувств Желткова, и чувствует, что он её простил.

Гранатовый браслет – не просто драгоценность, а сакральный символ. В нём заключена любовь, которая выше социальных рамок, быта и смерти. Он словно невидимый мост, соединяющий земной мир, скованный правилами и ограничениями, и духовный, где властвует любовь. Она ранит, может стоить жизни, но именно через неё душа проходит очищение и рождается заново.

Библиографический список

1. Бабенко, Л.Г., Казарин, Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко, Ю. В. Казарин. М.: Флинта, 2009. 495 с.
2. Быстров, В.Н. А.И. Куприн / Русские писатели, XX век. Библиографический словарь. Ч.1.-М.:Просвещение,1998.
3. Рассказова, Л.В. Смысловая и композиционная роль сонаты Бетховена в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет» / Литература в школе. 2007.
4. Смирнова, Е.В. Символика в рассказе А.И. Куприна «Гранатовый браслет» / Традиции и новации современного образования: Сборник материалов научно-практической инновационной площадки. – Ярославль, 2016. – С. 141-144.
5. Куприн, А.И. «Гранатовый браслет» [Электронный ресурс], URL: <https://ilibrary.ru/text/1022/p.1/index.html>

Раздел VII
МОЛОДЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ – СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ
YOUNG RESEARCHERS IN MODERN SCIENCES

УДК 81.24

Абрамова Глафира Львовна

студент

Антипова Анастасия Михайловна

студент

Стракатова Оксана Николаевна

*научный руководитель, преподаватель кафедры общественных наук
ФГБОУ ВО «Приволжский исследовательский медицинский университет»*

Владимирский филиал

(г. Владимир, Российская Федерация)

**РОЛЬ МЕДИЦИНСКОГО АНГЛИЙСКОГО
В МЕЖДУНАРОДНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКЕ**

Аннотация. В условиях глобализации здравоохранения, расширения международного сотрудничества, академической мобильности и информатизации медицины английский язык утвердился как всеобщий язык медицинского сообщества. Данная статья исследует многогранную роль медицинского английского как критического инструмента в клинической практике, научных исследованиях, образовании и обеспечении безопасности пациента. Анализируются ключевые аспекты профессиональной коммуникации, включая ведение документации, взаимодействие в мультидисциплинарных международных командах и доступ к актуальным научным знаниям. Подчеркивается, что владение медицинским английским перестало быть преимуществом и превратилось в профессиональную необходимость для медицинских работников, стремящихся соответствовать мировым стандартам.

Ключевые слова: медицинский английский, всеобщий язык, международная коммуникация, безопасность пациента, академическая мобильность, доказательная медицина, электронные истории болезни.

Abramova Glafira Lvovna

Student

Antipova Anasnasiya Michailovna

Student

Strakatova Oksana Nikolaevna

Research Supervisor, Lecturer,

Department of Social Sciences,

Privolzhsky Research Medical University, Vladimir Branch

(Vladimir, Russian Federation)

THE ROLE OF MEDICAL ENGLISH IN THE INTERNATIONAL MEDICAL PRACTICE

Abstract. In the context of globalization of healthcare, expansion of international cooperation, academic mobility and informatization of medicine, English has established itself as the universal language of the medical community. This article explores the multifaceted role of medical English as a critical tool in clinical practice, scientific research, education and patient safety. It analyzes key aspects of professional communication including documentation, collaboration in multidisciplinary international teams and access to up-to-date scientific knowledge. It has been emphasized that proficiency in medical English has ceased to be an advantage and has become a professional necessity for healthcare professionals who want to meet global standards.

Keywords: medical English, universal language, international communication, patient safety, academic mobility

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы проанализировать ключевые области влияния медицинского английского на современную международную медицинскую практику и обосновать его необходимость в подготовке компетентного специалиста. Актуальность исследования состоит в том, что большинство современных медицинских исследований, публикаций и образовательных ресурсов доступны на английском языке. Это делает знание медицинского английского критически важным для врачей, стремящихся быть в курсе последних достижений науки и практики, а также для тех, кто хочет публиковать свои исследования в международных научных журналах. Так же участие в международных конференциях, слётах

и др., предоставляет уникальные возможности для обмена опытом, получения новых знаний и установления профессиональных контактов. Умение общаться на английском языке открывает двери для карьерного роста и повышения квалификации специалистов в области здравоохранения. Авторы попытались определить, как знание медицинского английского влияет на качество медицинской практики и взаимодействие между специалистами на международном уровне.

Глобализация в сфере здравоохранения привела к беспрецедентной интеграции медицинских знаний, технологий и кадровых ресурсов. Международные конгрессы, многоцентровые клинические исследования, телемедицинские консультации и программы обмена специалистами стали обычной практикой [1, с. 45]. В этом контексте английский язык выполняет функцию универсального средства профессиональной коммуникации. Медицинский английский как никогда стал основой клинической коммуникации и безопасности пациента. Именно эффективная коммуникация является ключевым моментом, который оказывает существенное влияние на оказание качественной медицинской помощи. В международных клиниках и в ходе гуманитарных миссий точность передачи информации между коллегами разных национальностей напрямую влияет на безопасность пациента. Ошибки, вызванные языковым барьером при сборе анамнеза, интерпретации симптомов или назначении лечения могут иметь фатальные последствия. Исследования показывают, что стандартизированная медицинская терминология на английском языке в таких областях, как фармакология и классификация болезней, минимизирует риски недопонимания [2, с. 112-113]. Кроме того, ведение историй болезни на английском или двуязычное документирование стало стандартом во многих странах, что обеспечивает преемственность помощи и возможность аудита для иностранных экспертов.

Современная медицина основана на принципах доказательной практики (Evidence-Based Medicine — EBM), которая требует постоянного обновления знаний, по этой причине медицинским работникам крайне необходим доступ к актуальным научным знаниям и непрерывное медицинское образование.

Более 90% рецензируемых биомедицинских исследований публикуются на английском языке в таких базах данных, как PubMed, Scopus и Web of Science [3, с. 78]. Специалист, не владеющий медицинским английским, лишен доступа к первоисточникам, новейшим клиническим рекомендациям, протоколам лечения и мета-анализам. Это существенно ограничивает

его профессиональный рост и возможность применять в своей практике передовые мировые достижения. Участие в онлайн-курсах, вебинарах ведущих университетов и профессиональных ассоциаций также преимущественно требует знания английского языка.

Для исследователей, врачей и студентов-медиков владение английским языком является обязательным условием академической мобильности. Публикация результатов собственных исследований в международных журналах, защита диссертаций, участие в программах обмена, сдача экзаменов на международные сертификаты невозможны без высокого уровня профессионального английского [4, с. 34]. Это открывает карьерные перспективы, способствует международному признанию и обмену опытом на самом высоком уровне.

Решение сложных медицинских задач сегодня часто требует создания международных мультидисциплинарных команд, куда могут входить молекулярные биологи, биоинформатики и инженеры из разных стран. Языком ежедневного общения, планирования исследований, обсуждения случаев и написания совместных отчетов в таких командах выступает английский. Развитие телемедицины и виртуальных консилиумов еще более усилило эту тенденцию, сделав грамотную письменную и устную онлайн-коммуникацию на английском рутинной процедурой [5, с. 91].

Таким образом, медицинский английский перестал быть узкоспециальным навыком и трансформировался в ключевую профессиональную компетенцию, интегрированную во все аспекты международной медицинской практики. Он выступает как инструмент обеспечения безопасности пациента, катализатор научного и карьерного роста, а также необходимое условие эффективной работы в глобализированном медицинском сообществе. Интеграция углубленного изучения медицинского английского в программы подготовки и непрерывного образования медицинских кадров является стратегической задачей, отвечающей вызовам современного здравоохранения.

Библиографический список

1. Григорян, А.Р. Глобализация медицины: вызовы и возможности для медицинского сообщества / А.Р. Григорян, Е.В. Смирнова // Вестник современной клинической медицины. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 44-50.

2. Миронова, Е.Н. Языковой барьер как фактор риска в медицине: пути преодоления / Е.Н. Миронова // Безопасность и риск фармакотерапии. – 2023. – Т. 11, № 1. – С. 110-117.

3. Петров, К.А. Английский как язык науки: анализ публикационной активности в биомедицине / К.А. Петров // Наукометрия и экспертиза в медицине. – 2021. – № 2. – С. 75-82.

4. Chen, L. The Impact of English Proficiency on International Medical Graduates' Career Pathways in Academic Medicine / L. Chen, M. Schmidt // Journal of Medical Education and Curricular Development. – 2023. – Vol. 10. – P. 1-8 (DOI: 10.1177/23821205231183241). – Текст: электронный.

5. O'Neill, F. Telemedicine and the Necessity of Medical Lingua Franca: Best Practices for Virtual International Collaboration / F. O'Neill, S. Tanaka // International Journal of Telemedicine and Clinical Practices. – 2022. – Vol. 3, No. 2. – P. 87-99.

УДК 658.8

Belonozhko Varvara Victorovna

Student

Ermolaeva Lydia Dmitrievna

Research Supervisor, Assistant Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

Abstract: This article analyzes the influence of artificial intelligence on advertising and public relations. It describes the main areas of AI application, including personalization, predictive analytics, media monitoring, and content creation. The paper also examines how AI contributes to the integration of advertising and PR activities. In addition, ethical and practical challenges related to data privacy and algorithmic bias is briefly discussed. The main steps of development of AI texts are also presented.

Keywords: artificial intelligence, advertising, public relations, personalization, media monitoring, digital communication.

Белоножко Варвара Викторовна

студент

Ермолаева Лидия Дмитриевна

*научный руководитель, старший преподаватель кафедры ИЯПК,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РЕКЛАМУ И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Аннотация: В статье анализируется влияние искусственного интеллекта на рекламу и связи с общественностью. В ней описаны основные области применения ИИ, включая персонализацию, прогнозную аналитику, мониторинг СМИ и создание контента. В статье также рассматривается, как ИИ способствует интеграции рекламной и PR-деятельности. Кроме того, кратко обсуждаются этические и практические проблемы, связанные с конфиденциальностью данных и алгоритмической предвзятостью. Представлены также основные ступени разработки текстов с помощью искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, реклама, связи с общественностью, персонализация, мониторинг СМИ, цифровая коммуникация.

In the past decade, artificial intelligence (AI) has moved from being a futuristic concept to becoming one of the most important technologies in everyday life. Today, AI plays a huge role in many industries, and communication fields like advertising and public relations (PR) are no exception. Companies now use machine-learning algorithms, data analytics, and automated systems to understand audiences better, create more personalized messages, and manage communication more efficiently. According to McKinsey&Company's report "The State of AI in 2023," AI adoption continues to grow and helps organizations reduce costs, automate tasks, and improve decision-making. In both advertising and PR, AI has become a key tool for analyzing large amounts of information and creating more relevant content. The goal of this article is to explore how AI influences advertising and PR, based on information from open sources, and to show how these technologies are transforming communication strategies.

AI in Advertising

One of the biggest changes brought by AI in advertising is advanced **personalization**. Traditional advertising relied heavily on broad messaging, but AI makes it possible to tailor ads to individual users. Algorithms analyze search history, online behavior, purchase activity, demographic data, and even how people interact with content. According to the OECD Digital Economy Report (2022), AI-powered personalization helps companies predict what customers are likely to want and when. This makes advertising more effective because people see content that actually matches their interests. For example, if someone frequently searches for fitness videos or sports shoes, AI systems may show them ads related to workout equipment or gym memberships. This level of personalization would be impossible without automated data analysis. A study published in *Information Systems Frontiers* (Rai, 2020) also confirms that machine learning improves digital advertising performance by identifying patterns in consumer behavior that humans might overlook.

Programmatic advertising is another important way AI is transforming the advertising industry. It refers to the automated buying and selling of digital ad space. Instead of negotiating directly with publishers, advertisers use AI systems that process thousands of factors in real time—such as device type, location, website content, and user behavior—to decide when and where an ad should appear. The Interactive Advertising Bureau (IAB) explains in its “Guide to Programmatic Advertising” (2021) that programmatic systems help companies buy media faster, reduce costs, and achieve more accurate targeting. Because AI can make decisions in milliseconds, programmatic advertising increases efficiency and ensures that ads are seen by the most relevant audiences.

AI also supports **predictive analytics**, which helps companies estimate future trends. Predictive algorithms analyze historical data to guess what customers might do next. For instance, they can estimate the likelihood that a person will make a purchase, click on an ad, or stop using a product. An article by Harvard Business Review (2021) explains that predictive models are becoming essential for advertisers because they provide insights into customer needs and help companies plan campaigns more effectively. With this information, marketers can choose the best content, timing, and platform for their ads.

While humans still play a central role in creative decisions, AI tools are increasingly used to support **content creation**. For example, platforms like Canva or Adobe Sensei can help generate design elements automatically, and AI copywriting assistants can produce short advertising text. A Forbes (2023) article notes

that AI can create basic ad ideas or variations of slogans, saving time during brainstorming. Although AI cannot fully replace creativity, it helps teams work more efficiently and focus on strategic tasks.

It should be taken into account that the development of AI text generators includes the following steps: 1. The model analyzes large sets of text data. These can be texts from books, online articles, news, social media, and other available sources. 2. The model studies linguistic patterns and text structure in order to understand the relationship between words and sentences, as well as perceive context. 3. When the model gets a specific beginning or keyword, it uses its knowledge of language and context to generate a continuation. 4. The generated artificial text is evaluated based on the specified criteria. If the result does not meet expectations, the model can be reconfigured and retrained to improve the quality of generation. It is important to note that AI text generators do not have a direct understanding of the content or their own personality. They just try to create texts that are similar to what they were shown during the training, with logical connections between words and sentences.

AI in Public Relations

In PR, one of the most important tasks is to understand what people are saying about a brand. AI helps PR specialists monitor news articles, social media posts, blogs, and forums. Natural language processing (NLP) tools can recognize mentions of a company and determine whether the tone is positive, negative, or neutral. The Pew Research Center (2023) reports that AI-powered media monitoring tools make it possible to track public conversations in real time, which is especially important during crises.

Sentiment analysis is closely connected to media monitoring. AI analyzes text to understand emotions behind it. According to the European Communication Research and Education Association (ECREA, 2022), sentiment analysis software helps PR teams analyze audience reactions more accurately. This technology is useful for evaluating the success of campaigns, understanding public expectations, and adjusting communication strategies.

Just like in advertising, AI tools can assist PR specialists with writing and editing. Many companies use AI to help draft press releases, social media posts, email newsletters, and even speeches. Tools like Grammarly or AI text generators help ensure clarity and correct grammar. A Forbes (2023) article highlights that while AI cannot replace human judgment—especially in sensitive communication—it can speed up the writing process and help generate initial drafts.

Some advanced AI systems can predict potential PR crises by analyzing patterns in online conversations. The World Economic Forum (2021) points out that AI can detect unusual changes in discussion themes or sudden increases in negative sentiment, which might signal a developing issue. By identifying these

AI strengthens this connection by providing shared data and insights that help organizations maintain consistent communication across different platforms.

According to Deloitte's "Global Marketing Trends" report (2022), companies increasingly rely on AI-driven analytics to build integrated communication signals early, PR teams can take preventive action, such as preparing official statements or correcting misinformation.

Advertising and PR are not completely separate fields—they often work together. For example, analytics might show how a PR campaign influences customer trust or how advertising affects brand reputation.

One of the biggest concerns related to AI is privacy. AI systems often depend on large datasets, which include personal information. The European Union's GDPR guidelines emphasize the importance of transparency, consent, and responsible data usage. Advertisers and PR professionals must ensure that they handle personal data ethically and legally. AI systems can sometimes produce biased results if they are trained on incomplete or unbalanced datasets. The World Economic Forum (2021) warns that algorithmic bias can lead to incorrect conclusions, unfair targeting, or misinterpretation of public opinion. This is a serious issue because it can negatively affect brand reputation or exclude certain groups from receiving information.

Another concern is that heavy use of AI may reduce creativity and human influence. The Chartered Institute of Public Relations (CIPR) "AI in PR" report (2023) states that while AI is helpful, communication still requires emotional intelligence, ethical judgment, and cultural understanding—skills that AI cannot fully replicate. Some people worry that AI-generated content may feel less authentic. If audiences realize that messages are created or selected by algorithms, they may trust brands less. That's why many experts recommend combining AI tools with human supervision.

Thus Artificial intelligence has transformed advertising and public relations by making communication more personalized, efficient, and data-driven. AI technologies help companies analyze customer behavior, predict trends, create content, and monitor public conversations. However, AI also creates challenges, including data privacy concerns, algorithmic bias, and questions about creativity and transparency. Even though AI will continue to develop, human specialists will

still play an important role in ensuring ethical and responsible communication. Open sources and research show that AI will remain one of the key technologies shaping the future of advertising and PR. To succeed in these fields, professionals will need to understand how to work with AI tools while still relying on human creativity and judgment.

References

1. Beloyedova, A.V. & Romanova, V.P. (2024) – Artificial Intelligence in Advertising: Technological and Legal Challenges. : <https://jpl-journal.ru/index.php/journal/article/view/304>
2. “PR 2.0: How AI Changes the Rules in Communications” – Research Paper in RUDN Repository. <https://repository.rudn.ru/ru/records/article/record/110538/>
3. “Artificial Intelligence in PR: Transformations of Communication Strategies and Campaigns” – Postmodernism Problems Journal. <https://www.pmpjournal.org/index.php/pmp/article/view/429>
4. “Smarter Public Relations with Artificial Intelligence: Leveraging Technology for Effective Communication” – Revista Electronica de Veterinaria. <https://doi.org/10.69980/redvet.v25i1.1028>
5. “How Public Relations and Advertising Respond to the Changes Brought about by AI: Strategies and Practices” – Probe - Media and Communication Studies. <https://doi.org/10.59429/pmcs.v6i1.6196>
6. “AI advertising: An overview and guidelines” – Journal of Business Research. <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296323004836>
7. Wikipedia — Programmatic Advertising – https://ru.wikipedia.org/wiki/Алгоритмическая_закупка_рекламы

THE IMPORTANCE OF ADVERTISING FOR PROMOTING ON-LINE EDUCATION

Abstract: Both advantages and disadvantages of internet advertising for promoting on-line education are considered in the article. The most effective methods of speech influence on the results of internet advertising are presented. The article deals with consequences of aggressive advertising and the reasons why educational institutions resort to the use of advertising.

Keywords: networks, target audience, the art of persuasion, market place, educational institution, high quality services.

Гаврилина Анна Андреевна

студент

Ермолаева Лидия Дмитриевна

научный руководитель, старший преподаватель кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ВАЖНОСТЬ РЕКЛАМЫ ДЛЯ ПРОДВИЖЕНИЯ ОНЛАЙН- ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация: В статье рассматриваются преимущества и недостатки интернет рекламы для продвижения онлайн-образования. Представлены наиболее эффективные методы речевого влияния на результаты интернет рекламы. В статье также рассматриваются последствия агрессивной рекламы и причины, по которым образовательные учреждения прибегают к использованию рекламы.

Ключевые слова: сети, целевая аудитория, искусство убеждения, маркет плейс, образовательное учреждение, высококачественные услуги.

It is common knowledge that advertising affects many areas of people's lives and one of these areas is education. Modern education is carried out not only in classrooms, but also with the usage of digital educational programs. Advertising in these areas has both advantages and disadvantages, and they all need to be considered.

Firstly, advertising helps to promote the services of tutors and online schools. Competing with each other, they try to improve the quality of their services, and this has a positive effect on education. Secondly, their services become more accessible, because teachers post their contacts on various social networks and platforms for different target audiences, as well as modernize their websites. In order to increase demand for their services online schools strive to make them cheaper and the material of advertising more interesting and informative for drawing attention to it. Taking into account the approaches listed above we can say that advertising contributes to spreading a wide range of high-quality services improving the level of education.

One more important point concerning the advertising of educational services should be considered. It is connected with the methods of speech influence on effectiveness of advertising. The method of persuasion using logical reasons and emotional argumentation is regarded as one of the most effective methods of persuasion. The latter should use emotive vocabulary that evokes positive emotions in the recipient regarding the educational institution or educational program. A very positive effect in this case is reached by the use of verbs in the imperative mood, rhetorical means of expression, especially tropes and figures. The characteristic features of advertising texts include the use of a large number of repetitions, question-and-answer constructions, rhetorical appeals, rhetorical exclamations and antithesis.

While advertising undoubtedly increases the visibility and accessibility of educational services, its commercial nature also introduces significant risks that can undermine the core values of the learning process.

Aggressive marketing contributes to the commodification of education, transforming it from a public good and a journey of intellectual growth into a mere consumer product. The focus shifts from the depth and quality of knowledge to its market appeal and "sellability." In the race for audience attention, educational

content can become oversimplified, turning into entertaining clips at the expense of foundational understanding and systematic study.

Advertising often creates a distorted, idealized picture. Glossy promises like "guaranteed top exam scores" or "master a language in a month" foster unrealistic expectations. When students encounter the reality of long-term, diligent work, it leads to disillusionment, loss of motivation, and a growing distrust in the education system itself. The substance of learning is replaced by attractive packaging.

Universities also resort to the use of advertising. They need to attract as many applicants as possible, as they affect the funding and reputation of universities. Therefore, various universities compete for future students. Educational institutions advertise on websites, banners, booklets, and university representatives can come to graduate schools and talk about the advantages of their university. This is a positive aspect of advertising, as it increases the awareness of applicants about the diversity of educational institutions, that is, advertising helps to choose the right institution, so more people can choose a place of study, and this will increase the number of literate people.

However, the shadow side of this promotional push reveals significant risks that can undermine the core values of education. The most critical drawback is the potential for misrepresentation and the creation of false expectations. Advertisements often craft an idealized, glossy image—showcasing state-of-the-art facilities, vibrant campus life, and guaranteed career success—that may not align with reality. This can lead to profound student disillusionment upon encountering outdated infrastructure, overcrowded lectures, or less rosy employment prospects. Secondly, aggressive marketing contributes to the commodification of education, shifting the perception from a public good and intellectual journey to a mere consumer product. This commercial pressure can push families towards "brand-name" institutions based on prestige rather than program suitability, and inflate the perceived necessity of expensive services where free alternatives exist.

There is such a type of advertising as direct advertising in schools. It includes branded placards, advertisements on school buses, exclusive vending machine contracts, and sponsored events. Companies such as manufacturers of soft drinks or snacks have long used schools as a direct marketing channel for a young, impressionable audience. The advantage of such advertising is that in times of tight budgets, corporate partnerships can provide schools and universities with new computers, scientific equipment, sports facilities, and financing for extracur-

ricular activities that would otherwise be unavailable. Some believe that such advertising can provide greater access to valuable digital tools. Moreover, some consider exposure to advertising as a form of media literacy that prepares students for the role of critical consumers in a commercial society. Moreover, thanks to such advertising, useful goods and services necessary for students can be promoted. In addition, I would like to say that social advertising is often shown through this communication channel, which is aimed at achieving charitable and other socially useful goals. This kind of advertising makes people kinder and prettier.

However, such advertising has a disadvantage. Public school students are a mandatory, "captured" audience. Advertising in this context is exploitative in nature, aimed at children who are not yet able to critically analyze commercial messages. This transforms schools from sanctuaries of learning into marketplaces.

In conclusion, it should be noted that advertising has a mixed effect on education. On the one hand, it increases accessibility and awareness by making the services of tutors, online schools and universities known, stimulates competition, which can improve the quality and diversity of educational products, and also attracts sponsorship for educational institutions. On the other hand, advertising often creates unrealistic expectations, commercializes education, shifting the focus from the depth of knowledge to the attractiveness of "packaging", and can obsessively affect an inexperienced audience, especially in schools, turning the learning space into a marketplace. Thus, it serves as a tool for spreading opportunities, but at the same time carries the risk of distorting the value of the educational process itself.

References

1. Journal of the Academy of Marketing Science
<https://doi.org/10.1007/s11747-025-01131-3>
2. Indian Journal of Extension Education Vol. 55, No. 2, 2019
https://www.researchgate.net/publication/336057180_A_Study_on_Analysing_the_Effects_of_Advertisements_on_Buying_Behaviour_of_University_Students

THE ART OF PERSUASION AS ONE OF THE BASIC MARKETING TECHNIQUES

Abstract: The article discusses the concept of the art of persuasion, its main techniques and its impact on marketing effectiveness. Examples of the use of these techniques by large companies in the market at the present time are given. The effectiveness of the influence of persuasive language in advertising to attract the attention of customers and raise the level of sales is analyzed.

Keywords: advertising, marketing, public relations, the art of persuasion, manipulation, public consciousness, psychology.

Герасимова Елизавета Дмитриевна

студент

Ермолаева Лидия Дмитриевна

научный руководитель, старший преподаватель, кафедры ИЯПК,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ИСКУССТВО УБЕЖДЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ ОСНОВНЫХ ПРИЕМОВ МАРКЕТИНГА

Аннотация: В статье рассмотрены понятие искусства убеждения, его основные приемы и влияние на эффективность маркетинга. Приведены примеры использования данных приемов крупными компаниями на рынке в настоящее время. Проанализирована эффективность влияния языка убеждения в рекламе для привлечения внимания покупателей и поднятия уровня продаж.

Ключевые слова: реклама, маркетинг, связь с общественностью, искусство убеждения, манипуляция, общественное сознание, психология.

Today, not a single day goes by without a person seeing some kind of advertisement.

«Advertising is primarily an art of persuasion, and only then is it a science...Let's prove to the whole world that thanks to good taste and an artistic approach to advertising texts and illustrations, you can sell better» [1], Bill Bernbach, one of the most famous advertisers, founder of the Doyle Dane Bernbach agency (DDB), said about advertising. And he was absolutely right, because advertising is really completely based on manipulation, trying to put as much pressure as possible on certain psychological aspects of consumers for the sake of more effective sales [2].

So, the art of persuasion is a powerful psychological weapon in the hands of an experienced marketer. I would like to give a talk about some of its basic methods and psychological technics that inspire potential consumers in order to motivate them to make purchases or to use some services. It is always based on the analysis of social consciousness, appealing to instincts, emotions and universal desires.

Methods of persuasion or argumentation can be divided into two types: *logical and psychological*.

The logical way involves appealing to the human mind. In the frames of this method, consumer's attention is directed to some familiar problem and the advertiser make them sure that he knows its universal solution.

Advertising, where **the psychological method** is used, appeals primarily to the feelings and interests of the person being persuaded. It appeals to the emotional sphere of consciousness and strongly convinces the consumer that only its offer will satisfy his individual needs and aroused interest.

Advertising experience shows the psychological method prevails over the logical one, but it is more effective to use both of them together.

Argumentation is based on different levels of language: *phonetic, lexical, syntactic*.

The choice of the argumentation method is determined by the advertising's goals, the target audience's characteristics, the specifics of placement, etc. [3].

Some types of products can dictate the way of argumentation by virtue of their specifics. For example, argumentation in advertising perfumes or cigarettes

is usually emotional in nature, while argumentation in advertising cars, real estate and other expensive goods is logical and rational [6].

The strongest persuasive technique in advertising is *the Unique Selling Proposition (USP)*, developed by Rosser Reeves in the 1940s. The meaning of this concept is precisely to demonstrate and highlight the uniqueness and advantages of the advertised product [1].

The USP consists of *three parts*:

1. Each advertising message contains an appeal to the buyer with the promise of a specific benefit.
2. The offer is formed in a way the competitor either cannot give it, or did not manage to put it forward earlier.
3. The offer should have great power in order to attract as many consumers as possible.

Its implementation algorithm has the *following steps*:

1. a first-person account of the reasons for creating a particular product;
2. the transition from the special characteristics of the product to the know-how of the company;
3. defining the consumer's tasks that the product can solve;
4. creating a dialogue with a potential buyer.

Some examples of USPs are:

M&M's – "Melts in your mouth, not in your hands" (turns a product feature into a benefit), Domino's Pizza – "We'll deliver a hot pizza in 30 minutes, if we don't have time – for free" (a specific promise with a condition), Tinkoff Bank – "First bank without branches" (emphasizes the unique business format) [5].

The next method of persuasion is *altercasting*. It means the projection of a specific social role to the target audience. So, a person accepts a certain stereotype and begins to act in accordance with it [5].

Altercastination is divided into 2 *concepts*: implemented through verbal operants and tactful.

Example: «Smell like a man, man. »

The instrument of influence of *AAB pattern* is irony: you make the first statement, the second, confirming the first, and then the third, which contradicts the previous ones.

Example: «Crabs» — statement by A.

«They are similar to cows in many ways, » says B.

«Except that they don't look like them at all» — statement A, confirming the first.

During a trip to the supermarket, people usually know what goods they are going to buy, but many attractive offers they encounter during the shopping process lead to making unplanned purchases. It is difficult for people to refuse «real bargains».

For example, in this advertisement, a potential customer is offered not only 2 free bonuses, but also a huge 95% discount.

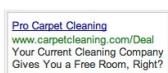

The *Isolation* concept has a great power for motivating people to adopt positions that positively affect the willingness to make a deal, but it also has a negative connotation in a social sense because of evoking guilt, despair, and even insecurity. It can be divided into *several forms: black and white thinking, information control and emotions and doubts.*

Example: 1. «If an MBA raises your annual salary by an average of \$6,000, will you consider your earnings worthy? »

2. «Your cleaning service offers cleaning of 1 room for free, right? »

ISOLATION in PPC ads

The most attractive and successful commercials are based on the concept of a **higher purpose**, which has a strong emotional impact. It is aimed on the inspiration of the audience to take actions.

Example: a social campaign encouraging people to save water: «Save water. Save lives. »

As soon as something new comes into view, people's attention begins to dissipate because of a nature tendency of losing concentration. That is why it is important to distract a potential customer from the environment and focus his attention on the marketing message.

This ribbon can be an example of an effective source of distraction:

The language of a good advertisement must meet a number of requirements. It must be original, vivid, imaginative, and by no means boring. Therefore, it is better to use more recent verbs that can enliven the advertising message and attract attention. You can also use neologisms, new words, such as “snickers,” “friendvertising”.

A lot of brands resort to creating new words and phrases that make sense in their niche. They make people curious and it helps to high CTR.

Examples: 1. «The difference is drinkability. »

2. «Fourthmeal — the meal between dinner and breakfast. »

To get a more accurate understanding of the art of persuasion's mechanisms, it is worth considering its application using examples of well-known modern companies [4].

1. Nike's «Just Do It» campaign

Nike uses an emotional narrative approach to the stories of athletes overcoming difficulties to connect with viewers and strengthen their brand loyalty.

2. Apple – iPhone launch events

An example of active USP using.

3. Amazon – «Deal of the Day» and flash sales

It creates a sense of urgency with time-limited offers and countdown timers, encouraging quick decisions.

4. Coca-Cola – «Share Coke» campaign

It uses personalization and social proof to create a copycat effect, stimulating sharing and engagement on social media.

Thus, the art of persuasion is a key to effective sales because of an impact on potential buyers. Mastering its techniques gives brands an opportunity to build trust, increase conversions and strengthen long-term customer loyalty in a competitive market by establishing effective contacts with their audience. It should be noted that the role of advertising in modern society is so great that the inexhaustible flow of neologisms of an advertising orientation require a deep system analysis.

References

1. «A Global History of Advertising» – Mark Tungate - Kogan Page, 2013. books.google.ru
2. «Crystalizing Public Opinion» – Edward Bernays, 2018. podcasts.apple.com/us/podcast/crystalizing-public...
3. «Propaganda» – Edward Bernays, 1928. [en.wikipedia.org/Propaganda \(book\)](https://en.wikipedia.org/Propaganda_(book))
4. 7 ways of persuasion: how to trigger a buying impulse? [Electronic recourse]. // lpgenerator.ru/blog – Electronic data. URL <https://lpgenerator.ru/blog/2015/03/18/7-sposobov-ubezhdeniya-kak-vyzvat-impuls-k-pokupke/>
5. Conviction as a way of influence in advertising [Electronic recourse]. // journals.susu.ru – Electronic data. URL <https://journals.susu.ru/lcc/article/view/376/581>
6. «Reality in Advertising» – Rosser Reeves, 2019. scientificadvertising.com/books/ria/

УДК 004.8

Голубев Алексей Сергеевич
студент

Иванова Ирина Сергеевна
научный руководитель, старший преподаватель кафедры ИЯПК,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ТВОРЧЕСТВЕ: СОЮЗНИК ИЛИ УГРОЗА?

Аннотация. В работе рассматривается влияние искусственного интеллекта на современные творческие практики в области искусства, дизайна и музыки. Анализируется изменение роли автора и трансформация процессов создания творческого продукта под воздействием нейросетевых технологий. Отдельное внимание уделяется практическому применению искусственного интеллекта и связанным с этим этическим и правовым вопросам.

Ключевые слова: искусственный интеллект, творчество, нейросети, этика искусственного интеллекта, креативные индустрии.

Golubev Aleksei Sergeevich

Student

Ivanova Irina Sergeevna

Research Supervisor, Assistant Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CREATIVITY: ALLY OR THREAT?

Abstract. The paper examines the impact of artificial intelligence on modern creative practices in art, design, and music. It analyzes changes in the role of the creator and the transformation of creative processes driven by neural network technologies. Particular attention is paid to the practical application of artificial intelligence and the associated ethical and legal issues.

Keywords: artificial intelligence, creativity, neural networks, ethics of artificial intelligence, creative industries.

Искусственный интеллект стал одним из самых обсуждаемых инструментов творческих профессий. Если несколько лет назад нейросети воспринимались как занятая игрушка, сегодня они заняли место в рабочем процессе художников, дизайнеров, музыкантов и продюсеров. При этом вопрос «союзник или угроза» звучит всё чаще — и не только среди специалистов. Пользователи видят, как быстро ИИ учится воспроизводить стили, копировать голоса, генерировать визуальные решения и даже писать музыку. Это создаёт ощущение, что искусство уходит от человеческого авторства, а сама профессия творца — под угрозой. [2] Но реальность куда сложнее: ИИ не отменяет творчество, он меняет правила игры. Чтобы понимать, что происходит, важно рассмотреть три ключевые области — искусство, дизайн и музыку — и затем уже оценивать этические последствия.

Как нейросети меняют творчество

Первое, что принципиально меняется в творческом процессе, — скорость получения промежуточных решений. Если раньше поиск идей занимал часы или даже дни, то теперь достаточно уточнить запрос, комбинировать референсы и постепенно довести модель до нужного результата. Нейросеть выступает не конкурентом, а своеобразным ускорителем. Она

умеет быстро предлагать варианты, избавлять от рутинных задач, проводить «генеративный мозговой штурм». В результате автор получает возможность больше времени уделять смысловой части проекта. [1]

Появляется и новая роль — специалиста, который управляет моделью и понимает закономерности её поведения. От того, как построен запрос, зависит глубина и качество результата. Умение работать с инструментами ИИ становится отдельной компетенцией, похожей на владение кистью или графическим планшетом. Именно поэтому нейросети меняют не только процесс, но и профессиональные требования. [4]

Однако скорость и удобство не отменяют существующие ограничения. Алгоритмы часто генерируют поверхностные образы, не чувствуют контекст проекта, плохо удерживают длительную логику. Они сильны там, где важен объём, но слабы там, где важна концептуальность. Разница особенно заметна при работе с эмоциональными смыслами, где ИИ может предложить лишь визуальную форму без внутренней драматургии. Поэтому профессионалы используют модели как вспомогательный инструмент, но не как замену творческому мышлению. [3]

Для понимания границ возможностей ИИ полезно сравнить задачи, где он проявляет себя хорошо, и те, где он скорее мешает:

Тип задачи	Сильная сторона ИИ	Слабая сторона ИИ
Быстрая генерация вариантов	Скорость, разнообразие	Отсутствие глубокого замысла
Поиск стилистики	Чёткое копирование референсов	Шаблонность решений
Рутинные операции	Стабильное выполнение	Неспособность к художественной инициативе

Практика показывает: максимальная эффективность достигается при совместной работе человека и алгоритма. Там, где творец отвечает за идею, а нейросеть — за черновые формы, результат стабильнее и глубже. Эта модель распределения ролей становится стандартом для профессиональной среды.

Искусственный интеллект в искусстве: эстетика и рынок

В сфере искусства ИИ вызывает самые острые споры. Но парадокс в том, что именно здесь он создаёт совершенно новые формы эстетики. Генеративные инсталляции, динамические полотна, визуализация потоков данных — всё это невозможно было представить традиционными методами.

Алгоритмы становятся не заменой художнику, а новым инструментом, который расширяет художественный язык. Проекты вроде работ Refik Anadol демонстрируют, как данные о погоде, движении людских потоков или шуме городской среды могут трансформироваться в живые визуальные структуры. [5]

Вместе с новыми возможностями возникает вопрос авторства. Если художник задаёт параметры и отбирает результаты, но модель генерирует форму, кому принадлежит произведение? На практике автором считается тот, кто внёс творческий вклад в процесс — то есть человек, определивший замысел и критерии отбора. Однако проблема остаётся острой, особенно когда модели обучаются на миллионах изображений без согласия художников. Столкновения вокруг «кражи стиля» происходят регулярно, и это один из главных вызовов сегодняшней эпохи. [1]

Несмотря на дискуссии, рынок постепенно принимает ИИ-искусство. Аукционы выставляют генеративные работы, галереи включают алгоритмические проекты в свои экспозиции, а коллекционеры всё чаще рассматривают такие произведения как часть современного медиального ландшафта. Важная особенность — покупатель получает не только результат, но и метод, алгоритм, способ генерации. Это меняет сам принцип владения произведением: ценность смещается от объекта к процессу. [8]

ИИ в дизайне

Дизайн — та область, где ИИ уже стал полноценным рабочим инструментом. В интерфейсной работе нейросети помогают создавать черновые макеты, подбирать композиции, генерировать визуальные элементы в десятках вариантов. Это резко ускоряет весь цикл: дизайнер тратит меньше времени на поиск формы и больше — на анализ поведения пользователя, бизнес-логику продукта и взаимодействие элементов.

В основе этой трансформации — возможность персонализации. Алгоритмы анализируют предпочтения, поведение, параметры интерфейса и предлагают решения, которые лучше соответствуют аудитории. Для бизнеса это значительное преимущество: тестирование гипотез становится быстрее и дешевле. При этом роль дизайнера смещается в сторону аналитики и стратегического мышления: он становится куратором системы, а не исполнителем графики. [2]

Опасения о массовом сокращении дизайнеров оказались преувеличенными. Рынок показывает обратное: чем больше ИИ-инструментов появля-

ется, тем выше спрос на специалистов, умеющих ими управлять. Это похоже на переход от ручной верстки к цифровым редакторам — профессия не исчезла, а изменилась. Теперь важнее не то, как человек рисует элементы интерфейса, а то, насколько он понимает сценарии использования и принципы продуктовой логики.

ИИ в музыке

Музыкальная сфера переживает не менее масштабные изменения. ИИ уже умеет генерировать мелодии, писать тексты, создавать аранжировки и даже воспроизводить голоса известных исполнителей. Композиторы используют модели для поиска гармоний, создания фоновых треков и экспериментальных звуковых структур. Благодаря этому процесс сочинения меняется: от линейной композиции к более исследовательской модели работы, где алгоритм предлагает варианты, а автор выбирает и дорабатывает. [6]

Интересно, что ИИ породил новый жанр — виртуальных артистов. Это цифровые исполнители, чьи голоса и образы создаются модели. Их треки собирают миллионы прослушиваний, а фан-базы ничем не отличаются от реальных. Эта тенденция вызывает споры: является ли такая музыка полноценным искусством? Пока аудитория чаще воспринимает её как эксперимент, но рынок развивается стремительно. [1]

Одновременно растёт значимость этических вопросов, особенно вокруг клонирования голоса. Возможность сгенерировать вокал любого исполнителя без его участия приводит к юридическим конфликтам, и индустрия уже вырабатывает новые нормы регулирования. Лейблы требуют меток ИИ-происхождения, а платформы вводят фильтры, ограничивающие использование чужих голосов.

Союзник или угроза: этика и будущее

ИИ не является ни чистым союзником, ни чистой угрозой. Он — инструмент, который может усилить творца или обесценить его труд, в зависимости от того, как применяется. Главные этические вопросы касаются трёх направлений: данных, авторства и прозрачности. Нужны чёткие правила использования обучающих выборок, понятные нормы обозначения ИИ-контента, балансы между автоматизацией и уважением к человеческому труду. [7]

Будущее творческих профессий выглядит не как вытеснение, а как расширение возможностей. Творец, который грамотно интегрирует ИИ в процесс, получает доступ к более гибким, быстрым и экспериментальным методам. Алгоритмы усиливают способность человека исследовать форму

и смысл, но ответственность за финальный результат остаётся за автором. Эта комбинация и определяет то, что сегодня называют «новым творческим ландшафтом» — пространством, где человек задаёт направление, а ИИ помогает двигаться быстрее и глубже. [9]

Библиографический список

1. Цвик, В.А., Цвик, И.В. Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 1. С. 58–69.
2. Цвик, В.А., Цвик, И.В., Павлова, Т.П. Проблемное поле философских дискурсов о применении систем искусственного интеллекта в социуме // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 4. С. 928–939.
3. Frankish, K., Ramsey, W.M. The Cambridge handbook of artificial intelligence. Cambridge : Cambridge University Press, 2014.
4. Квон, Д.А., Павлова, Т.П., Цвик И.В. Философия и методология искусственного интеллекта. М. : Изд-во МЭШ, 2022.
5. Научно-технический прогресс и этическая парадигма XXI века / под ред. В.А. Цвика, И.В. Цвика. М. : Изд-во РУДН, 2018.
6. Ashley, K.D. Artificial Intelligence and Legal Analytics: New Tools for Law Practice in the Digital Age. Cambridge : Cambridge University Press, 2017.
7. Illanes, P., Lund, S., Mourshed, M., Rutherford, S., Tyreman, M. Re-training and reskilling workers in the age of automation. Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/features/imag> (дата обращения: 06.11.2025).
8. Механизмы и модели регулирования развития новых технологий: монография / под ред. А.В. Минаева. М. : Проспект, 2020.
9. Журкова, А.О. Этические аспекты использования систем искусственного интеллекта: международно-правовое измерение // Вестник Университета Кутафина. 2022. № 4. С. 186–194.

THE TEACHING OBJECTIVES AND CONTENT OF PHYSICAL EDUCATION IN CHINESE SCHOOLS IN THE 1990s

Abstract. During the 1990s, physical education within Chinese schools constituted a critical phase in the nation's sports history, representing a significant transition from a focus on "physical fitness enhancement and sport development" toward the "health-first" paradigm. Through an extensive examination of curriculum documents and scholarly literature, this paper offers a systematic overview of the instructional aims and subject matter outlined in the PE curriculum standards of that decade. The analysis reveals that educational objectives evolved from establishing the "three fundamentals" to incorporating "core quality education." Moreover, the teaching content was structured both theoretically and practically in a graded manner, integrating compulsory modules with elective activities.

Keywords: school sports; content of courses; teaching objectives

И Фань

аспирант ВлГУ

Авдеева Наталья Александровна

научный руководитель, кандидат психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ЦЕЛИ И СОДЕРЖАНИЕ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КИТАЙСКИХ ШКОЛАХ В 1990-Е ГОДЫ

Аннотация. В 1990-е годы физическое воспитание в китайских школах стало важнейшим этапом в спортивной истории страны, ознаменовав переход от акцента на "повышении физической формы и развитии спорта" к парадигме "здоровье превыше всего". На основе тщательного изучения

источников и научной литературы в этой статье предлагается систематический обзор целей и содержания обучения, изложенных в образовательных стандартах этого периода. Анализ показывает, что образовательные цели эволюционировали от установления “трех основ” к включению “базового качественного образования”, а содержание обучения было поэтапно структурировано как сочетание теоретической и практической подготовки, включая обязательные модули и факультативные занятия.

Ключевые слова: школьный спорт; содержание курсов; цели обучения

Introduction

In 1992, the Ministry of Education of the People's Republic of China released the "Nine-Year Compulsory Education Full-Time Primary and Junior High School Physical Education Teaching Syllabus (Trial Version)" [7] along with the "Nine-Year Compulsory Education Physical Education and Health Teaching Syllabus (Experimental Draft)" [1, 2]. Additionally, a revised Syllabus appeared in 2000, building on earlier editions. These foundational documents set forth the instructional objectives and general orientation for PE in ordinary schools throughout the 1990s, establishing a framework for content selection and offering robust theoretical underpinnings and practical insights that later informed the reform of physical education and health curricula in the early twenty-first century.

1 Teaching Objectives and Philosophy

At the beginning of the 1990s, the dominant principle guiding China's school PE curriculum standards was “strengthening students’ physical constitution.” Conducting physical education classes and promoting sports activities were regarded as the most direct and efficient means for students to build up their physical condition and enhance fitness. The purpose of offering physical education at school was to equip learners with theoretical knowledge concerning physical well-being, help them acquire fundamental motor skills, and elevate their overall fitness through regular exercise [3]. However, toward the end of the decade, certain shortcomings emerged in the practical implementation of PE curricula across Chinese schools [4]. The sharp tension between theoretical expectations and real-world outcomes led to substantial modifications in both physical education and health curricula [5]. The existing curricular framework proved inadequate to meet evolving social demands, prompting the formulation of renewed PE goals

and the articulation of the educational principle “health first.” Regarding PE objectives, the developmental emphasis shifted from merely improving physical fitness toward a more comprehensive enhancement of holistic health.

2 Teaching Content and Structure

Throughout the 1990s, the subject matter of physical education was broadly divided into theoretical fundamentals and a variety of sport disciplines. The theoretical component encompassed principles of different sports, hygiene related to exercise, and essential knowledge about health maintenance. The practical segment included athletics, gymnastics, ball games, traditional ethnic sports, rhythmic gymnastics and dance, as well as specialized conditioning activities targeting strength, speed, endurance, agility, and flexibility. Moreover, regional educational authorities were permitted to adapt, supplement, or extend the aforementioned content according to local teaching conditions and available facilities.

3 Conclusion

During the 1990s, the core philosophy underlying Chinese school PE curricula underwent a substantive transformation—from “enhancing students’ physical fitness” to a “health-first” orientation[1]. In the early part of the decade, curricula stressed the “three fundamentals” with the aim of boosting students’ physical condition through systematic exercise and fostering the integrated development of morality, intellect, and physique. By the decade’s close, the interplay between pedagogical theory and practical challenges drove significant curricular reforms, firmly establishing “health first” as the guiding doctrine. Consequently, the scope of physical education broadened from a relatively narrow emphasis on physical fitness to a more comprehensive notion of overall well-being[2][5].

References

1. Luo Maohua. There will be a historic and significant reform in physical education teaching in primary and secondary schools in China - A side note on the National Nine Year Compulsory Education Physical Education Teaching Outline Demonstration Conference [J]. Physical Education Teaching and Training, 1987.
2. Yu Fuli. Research on the Reform of Physical Education and Health Curriculum Content in Compulsory Education in Mainland China, Taiwan, and Hong Kong [D]. Jiangsu: Yangzhou University, 2004.
3. Research Group of Tianjin Education Bureau. Collection of Experimental Research Results on Nine Year Compulsory Education Physical Education Teaching Syllabus [J]. Sports Science, 1993.

4. Wang Zhanchun. Viewing the Construction of School Physical Education Curriculum in China from the Current Physical Education Teaching Syllabus [J]. Curriculum, Textbooks, and Teaching Methods, 2001.

5. Tension Research on the Evolution and Development of Physical Education Curriculum Standards (Syllabus) in Compulsory Education since the Founding of the People's Republic of China [D]. Sichuan: Sichuan Normal University, 2023.

6. Ministry of Education. Nine Year Compulsory Education Physical Education Teaching Outline [S]. Beijing: People's Education Press, 1992.

7. Ministry of Education, Primary and Junior High School Physical Education and Health. Teaching Syllabus for Nine Year Compulsory Education [S]. Beijing: People's Education Press, 2000.

8. Ministry of Education. Full time High School Physical Education and Health Teaching Syllabus [S]. Beijing: People's Education Press, 2000.

УДК 377

Lu Haiyan

PhD student, Vladimir State University

Avdeeva Natalia A.

PhD in Psychology, Associate Professor,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

JINGCHU WORKSHOP: RESEARCH AND PRACTICE ON CULTIVATING INTERNATIONAL STUDENTS IN CROSS-BORDER E-COMMERCE IN SOUTH AFRICA

**A Case Study of the “Silk Road E-Commerce Workshop” (South Africa)
Project of Wuhan Vocational College of Software and Engineering**

Abstract. The paper deals with realising vocational training programs in cross-border e-commerce for South African government-sponsored students. Wuhan Institute of Software and the Vocational Training created the "Jingchu Workshop" brand for vocational education going global. Taking this project as a case study, this paper sorts out the project's implementation background and cooperation foundation based on the actual needs of enterprise positions and the law of progressive learning. The author analyzes innovative initiatives, summarizes the

practical results in empowering South African youth employment and entrepreneurship, promoting China-South Africa industrial synergy, and deepening educational and cultural exchanges between the two countries. Combined with the common problems in cultivating international students in cross-border e-commerce, optimized paths are proposed to provide a promotable practical model for China's vocational education going global and cooperation in cultivating international students majoring in cross-border e-commerce.

Keywords: internationalization of vocational education; cross-border e-commerce; international student training; China-South Africa cooperation; Jingchu Workshop; integration of positions, courses, competitions and certificates

Лу Хайянь

аспирант ВлГУ

Авдеева Наталья Александровна

научный руководитель, кандидат психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

**ПРАКТИКУМ ЦЗИНЬЧУ: ИССЛЕДОВАНИЕ И ПРАКТИКА
ПОДГОТОВКИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СФЕРЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО ЭЛЕКТРОННОГО БИЗНЕСА
В ЮЖНОЙ АФРИКЕ**

Практический анализ проекта «Практикум ‘Шелковый путь электронного бизнеса’» (Южная Африка)

**Уханьского профессионально-технического колледжа
программного и инженерного обеспечения**

Аннотация. В статье рассматриваются итоги реализации программ профессионального обучения в области международного электронного бизнеса для студентов при финансовой поддержке правительства Южной Африки. Уханьский профессионально-технический колледж программного и инженерного обеспечения создал бренд «Практикум Цзиньчу» для профессионального образования, выходящего на мировой уровень. Автор рассматривает предпосылки реализации проекта, основанного на реальных потребностях сотрудников предприятий и принципах прогрессивного обучения.

Автор анализирует инновационные инициативы, обобщает практические результаты проекта по расширению возможностей трудоустройства и предпринимательства южноафриканской молодежи, содействию китайско-южноафриканской промышленной синергии и углублению образовательного и культурного обмена между двумя странами. С учетом общих проблем, связанных с подготовкой иностранных студентов к международному электронному бизнесу, предлагаются пути продвижения профессионального образования Китая на глобальном уровне и сотрудничества в привлечении иностранных студентов, специализирующихся в области международного электронного бизнеса.

Ключевые слова: интернационализация профессионального образования; международный электронный бизнес; международное обучение студентов; китайско-южноафриканское сотрудничество; практикум Цзинчу; интеграция должностей, курсов, конкурсов и сертификатов.

I. Overview of Project Implementation

In September 2023, the BRICS International Vocational Skills Competition was held in Johannesburg, South Africa. During the competition, Zhao Zhenzi, a teacher from Wuhan Institute of Software, won the gold medal in the “Digital Commercial Competence” category with her high professional proficiency. This achievement not only showcased the Institute’s outstanding vocational skills education standards but also immediately attracted significant attention from the South African Ministry of Higher Education and Training. Based on its recognition of Wuhan Institute of Software’s professional capabilities, the China-South Africa Center for Cultural and International Educational Exchange — authorized by the South African Ministry of Higher Education and Training — initiated communications with the Education Department of Hubei Province. Considering South Africa’s demand for talents in cross-border e-commerce, the two parties jointly developed a concept for a vocational training project in this field, defining the direction for further cooperation.

In December 2023, Wuhan Institute of Software and the Vocational Training Department for Wholesale and Retail Trade under the South African Ministry of Higher Education and Training officially signed the “Memorandum of Understanding for the ‘Belt and Road – E-Commerce Gongfan’ Project”. This marked a key milestone in the Institute’s commitment to organizing cross-border e-commerce vocational training for South African government-sponsored students. During the project implementation, the Institute launched two training courses: the

first course started in May 2024, with 21 South African students participating in systematic training on core cross-border e-commerce skills; the second course, launched in December 2024, expanded to 31 students and added a special “Sister City Industry Cooperation Program” to help South African students engage more effectively with cross-border e-commerce industry resources.

Under the coordination of the Hubei Provincial Department of Education, Wuhan Institute of Software established a high-level cooperation mechanism with various South African institutions and built a multi-level partnership network. In November 2024, Nobuhle Nkabane, Minister of the South African Ministry of Higher Education and Training, visited Wuhan, attended the launch ceremony of the “China-South Africa International Urban Government-Industry-Education Alliance”, and personally inaugurated the “Jinchu Gongfan (South Africa)” initiative as part of the Wuhan Optical Valley – China Industry-Education Alliance. This inclusion officially listed the project as a key educational cooperation initiative between the two countries.

II. Innovative Features

(I) Competitions as a Bridge: Developing a New Approach of “Competition Success → Attracting Cooperation → Supporting Enterprises to Enter the International Market”

Unlike traditional international vocational education cooperation models—where “policy takes the lead and cooperation is passively organized”—this project utilized the BRICS International Vocational Skills Competition as a key opportunity to prompt the South African Ministry of Higher Education and Training to initiate cooperation. The project team accurately identified South Africa’s urgent demand for cross-border e-commerce talents amid its economic digital transformation and leveraged the advantages of China’s global leading e-commerce industry. The first course focused on basic vocational training, while the second course added the “Sister City Industry Cooperation Program”, which contributed to Changjiang International Trade’s establishment of a cross-border e-commerce park in South Africa. This achieved a transformation from “one-way skill export” to “industry resource interconnection”, ensuring that vocational education cooperation truly became the foundation for meeting the actual development needs of both countries.

In the first Hubei Provincial Video Contest for International Students, teams of South African students won second prize, third prize, and the “Most Popular Award”. In the “Cross-Border E-Commerce” category of the 2024 Na-

tional University Commercial Talent Competition (for international students studying in China), South African students from our Institute won the national second prize.

(II) Cross-National Cooperation: Establishing a New “Four-Party Government-Educational Institution-Industry-Enterprise” Ecosystem

Coordinated by the Hubei Provincial Department of Education, the project addressed the challenge of “dispersed resources and unclear responsibilities” in international cooperation by establishing a Sino-South African four-party cooperative network: “government → educational institutions → industries → enterprises”. The South African Ministry of Higher Education and Training included the project in its list of key educational cooperation initiatives between the two countries; the Hubei Provincial Department of Education coordinated the integration of scientific, educational, and industrial resources within the province; Wuhan Institute of Software, in collaboration with multiple educational institutions and enterprises, developed specialized courses and jointly built practical training platforms; and government agencies of both countries established a regular communication mechanism to provide stable and effective support for international vocational education cooperation.

(III) Integration of Theory and Practice: Creating a New Practice-Oriented Talent Development System

The project innovatively developed a training model of “three-stage progressive approach + dual integration”, ensuring that talent development at each stage aligns with market demands. At the student recruitment stage, a “South African Ministry of Higher Education and Training recommendation + enterprise-targeted enrollment” mechanism is adopted to ensure that students precisely meet the job requirements of the cross-border e-commerce field. At the training stage, a dual-modular system of “Chinese language + vocational skills” and a practical training system of “virtual-real experience integration” are implemented: students complete a full cycle of simulated training on platforms such as Alibaba International Station and Shopify, and directly participate in real live-streaming sessions on TikTok for the North American market (one session attracted over 5,000 viewers from the United States). At the quality assurance stage, a “dual-mentor system” (Chinese and foreign mentors) and a “four-dimensional evaluation system” are implemented; to successfully complete the course, students must submit a business plan and obtain official certification from South Africa.

(IV) Enhancing Vocational Skills and Cultural Cultivation: Exploring a New International Communication Method of “People-to-People Trust”

The project integrated cultural education into the entire training process. Courses on traditional Chinese folk art titled “China in Your Fingertips” were organized, where students learned the Bai Shou dance of the Tujia ethnic group and Han-style embroidery, and participated in Wuhan’s Traditional Art Festival. In collaboration with Wuhan University of Traditional Chinese Medicine, practical courses on Traditional Chinese Medicine (TCM) were held to explore the application prospects of TCM in South Africa. Creative salons and a research tour titled “Retracing the Maritime Silk Road” were also organized, where South African students collaborated with Chinese students to develop cultural and creative IPs and write essays on future development prospects. This model of “vocational skill transfer + cultural empathy” enables international students to become not only cross-border e-commerce talents but also “people-to-people envoys” for cultural exchange between China and South Africa, achieving the synchronized development of “education export + cultural export”.

III. Influence and Significance

(I) Supporting the Development of South African Youth

The talent development outcomes have been impressive. At Wuhan Fenghuo Fuhua Electrical Equipment Co., Ltd., a team of South African students developed a market research report that helped the company enter the South African market with solar lighting products. At Wuhan Guomao Tong Big Data Co., Ltd., a student team created accurate profiles of small and medium-sized clients from South Africa, reducing the client acquisition cycle by 40%—creating a positive feedback loop of “education drives industry development, and industry supports education”. Among the first 21 international students, 12 received job offers from enterprises, including 3 who were hired by local South African e-commerce platforms with salaries twice the national average; 8 chose to start their own businesses, registering 3 cross-border e-commerce companies and achieving a total trade volume of over 2 million US dollars between China and South Africa.

(II) Promoting Economic and Industrial Cooperation Between China and South Africa

The project facilitated the establishment of strategic cooperation between Wuhan’s Cross-Border E-Commerce Pilot Zone and the Port of Elizabeth (South Africa), and helped Chinese brands such as Yanpin Puffs (snack products) and Zhou Haiya (meat products) enter the South African market. The “South African Cross-Border E-Commerce Operation Standard” developed by the project was adopted by the South African Small and Medium Enterprises Association, becom-

ing the country's first industry standard developed with the participation of a Chinese educational institution. The project also supported Changjiang International Trade in establishing South Africa's first cross-border e-commerce park developed by a Chinese company, where 4 South African students were hired as the park's first South African live-stream hosts. Changjiang International Trade developed South Africa's first national digital international trade platform, integrating 16 cross-border e-commerce platforms (including Amazon) and creating over 90 supporting applications for enterprise foreign trade; the platform now has over 1,900 registered users, has processed more than 560,000 customs declarations, and achieved a total import and export volume of over 46 billion yuan.

(III) Deepening Friendly Relations Between China and South Africa

The project has become a "bridge" for educational cooperation between China and South Africa and received high praise from Nobuhle Nkabane, Minister of the South African Ministry of Higher Education and Training. By including the project in its list of key educational cooperation initiatives, the South African Ministry of Higher Education and Training further strengthened mutual support between the governments and peoples of the two countries. The project also promoted the establishment of the "China-South Africa International Urban Government-Industry-Education Alliance", laying the foundation for deeper future cooperation between the two countries in education, industry, and other fields.

IV. Dissemination Information

(I) Wide Attention from Chinese Media

As the first vocational training project for government-sponsored international students among higher vocational institutions in Hubei Province, the project received comprehensive coverage from major Chinese media outlets, including *Xuexi Qiangguo* (Study for a Stronger China), *Jimu News*, and *Chutian Metropolis Daily*. *Xuexi Qiangguo* published an article titled "South African Students at Wuhan Institute of Software Engineering: Learning Cross-Border E-Commerce and Live-Streaming to the World"; *Jimu News* and *Chutian Metropolis Daily* released reports titled "21 South African Students Celebrate Mid-Autumn Festival in Wuhan for the First Time and Sing 'The Moonlight Walk Song'" and "First Batch of 21 South African Students Arrive in Hubei to Learn Live-Commerce", respectively. These reports highlighted the project's value as a "bridge between China and South Africa" and a "window for the world to see China" from multiple perspectives. The Secretary of the Hubei Provincial Committee of the Communist Party of China expressed interest in the students' studies and development, and

the project has become a model for the international dissemination of vocational education in Hubei Province.

(II) Telling China's Story on International Platforms

Videos documenting South African students' studies and practice in China received over 100,000 views on TikTok. South Africa's *The Star* newspaper published a special feature on the students' traditional art performances, describing them as a "modern interpretation of Eastern culture". The Institute was awarded the title of "Model for International Cooperation in Vocational Education" by the organizing committee of the "Education Plus" International Vocational Education Conference. At the 2025 International Digital Education Conference's vocational education demonstration platform, the project was presented to over 300 foreign government officials and scholars, receiving high acclaim and effectively sharing the experience of Chinese vocational education with the world.

In the future, we will continue to adhere to the principles of "joint discussion, joint construction, and shared benefits", expand the scale of talent development, increase subject areas, and deepen the export of standards. Our goal is to make "Jinchu Gongfan" a world-renowned brand in international vocational education cooperation, contributing to the high-quality joint construction of the "Belt and Road" and the development of the global community with a shared future.

References

1. Jin Ying, Jin Yu, Liu Huiling. Construction of Talent Training Model for International Students Majoring in Cross-Border E-Commerce from the Perspective of the Belt and Road Initiative[J]. Guangdong Vocational and Technical Education Research, 2023(11):112-116.
2. Li Ziqing, Hu Dexin. Research on the High-Quality Development of Luban Workshops Under the Belt and Road Initiative: Analysis Based on the TOE Theoretical Framework[J]. Education and Vocation, 2025(21):73-81.
3. Liu Bin, Zou Jiquan. Reflections on Building a Benchmark for the Innovative Development of Vocational Education in the New Era[J]. Tianjin Education, 2025(08):23-25.
4. Guo Lili. Talent Training Methods for Cross-Border E-Commerce in the Information Age[J]. Market Modernization, 2016(30):68-69.
5. Wang Juan, Bi Shanshan. Innovation and Practice of a Benchmark Model for China-Africa Vocational Education Cooperation —A Case Study of the Egypt Luban Workshop[J]. Education and Equipment Research, 2026(01):26-30.

6. Song Kai, Zhao Xu, Li Danni, et al. Vocational Education "Going Global" to Serve the Development of Neighboring Countries: Current Situation, Experience and Paths[J]. Vocational and Technical Education, 2025(17):5-12.

7. Zhang Hua, Ke Lifei, Chen Hongjun. Construction and Practice of Talent Training Model for Cross-Border E-Commerce Majors in Higher Vocational Colleges Under the "1+X" Certificate System[J]. Vocational and Technical Education, 2022,43(11):17-21.

8. Miao Guxian, Zhu Weifang. Construction of a "Three-Stage and Three-Level" Talent Training Model for Cross-Border E-Commerce from the Perspective of Industry-Education Integration[J]. Adult Education in China, 2019(20):39-43.

УДК 658.8

Rumyantsev Kirill Eduardovich

Student

Ermolaeva Lydia Dmitrievna

Research Supervisor, Assistant Professor,

Department of Foreign Languages for Professional Communication,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

ALGORITHMIC COMPETITION ON DIGITAL PLATFORMS AS A DETERMINING FACTOR OF CONTENT SELECTION

Abstract: The article explores the phenomenon of algorithmic competition on digital platforms, which determines the principles of content selection and display. The key algorithmic mechanisms and their marketing implications are analyzed. Challenges are considered: the opacity of algorithms, the difficulty of promoting new authors, and increased competition for attention. Strategies for adapting marketers and brands to the growing role of platforms are presented.

Keywords: algorithmic competition, digital platforms, marketing, recommendation systems, content ranking, personalization.

Румянцев Кирилл Эдуардович
студент

Ермолаева Лидия Дмитриевна
*научный руководитель, старший преподаватель кафедры ИЯПК,
ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»
(г. Владимир, Российская Федерация)*

АЛГОРИТМИЧЕСКАЯ КОНКУРЕНЦИЯ НА ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМАХ КАК ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ФАКТОР ОТБОРА КОНТЕНТА

Аннотация: В статье исследуется феномен алгоритмической конкуренции на цифровых платформах, определяющий принципы отбора и показа контента. Анализируются ключевые алгоритмические механизмы и их маркетинговые последствия. Рассматриваются вызовы: непрозрачность алгоритмов, сложность продвижения новых авторов и усиление конкуренции за внимание. Представлены стратегии адаптации маркетологов и брендов в условиях растущей роли платформ.

Ключевые слова: алгоритмическая конкуренция, цифровые платформы, маркетинг, рекомендательные системы, ранжирование контента, персонализация.

The emergence of digital platforms has radically changed traditional marketing and competition mechanisms. In an environment of information overload, it is the algorithms of platforms — from social networks to marketplaces — that are becoming the main mediators between brands, manufacturers, and audiences. The battle for user attention is now determined not so much by advertising budgets or product uniqueness as by the ability to algorithmically occupy an advantageous position in search results or recommendation feeds [2].

Modern platforms use complex ranking systems that analyze a variety of parameters, from user behavior to content quality, covering both technical and behavioral signals. They determine what content will be shown to a particular person, which product will have a chance to be purchased, and which news item will go unnoticed. This creates a new field of competition called algorithmic competition, where the outcome of the battle for consumers is determined by opaque and rapidly evolving digital rules.

The purpose of this article is to analyze how modern digital platform algorithms work, what effects they have on companies' marketing strategies, and what is changing in the very structure of market competition.

1. THEORETICAL BASIS AND TYPES OF PLATFORM ALGORITHMS

The competition for user attention on digital platforms is based on so-called recommendation systems, which are driven by complex data processing algorithms. The leading approaches are collaborative filtering and personalization methods, which use behavioral and content signals to offer each individual the most relevant set of information [1].

Collaborative filtering is based on combining the preferences of similar users and is used by platforms such as YouTube, Zen, TikTok, and major marketplaces. Personalization systems analyze viewing history, search queries, likes, even viewing time and transitions between materials, forming a unique “digital profile” for each user. Platforms implement neural network algorithms and artificial intelligence, which allows them to effectively adapt to individual behavior patterns and instantly respond to market and social trends [2].

In modern corporate strategies, it is precisely the ability to implement and interpret algorithmic systems that is becoming one of the leading factors in a brand's competitiveness in the digital market.

2. HOW PLATFORMS DECIDE WHAT TO SHOW THE USER

Content selection mechanisms on platforms are based on multi-level data processing and relevance assessment: systems take into account a combination of factors — viewing history, queries, likes, interaction time, audience composition, technical parameters of devices, and content metadata. Modern methods of big data analysis play a significant role: user behavior patterns, interests, preference clusters, geolocation, and device characteristics allow platforms to personalize their output as much as possible [1].

Machine learning models process millions of signals in real time, forming personalized feeds (YouTube, Zen, Instagram), relevant marketplace offers (Ozon, Wildberries), and customized search results (Yandex, Google). In some cases, the platform launches unique algorithms to combat unoriginal content, “cheating,” or manipulation of ratings, which further influences the dynamics of competition and brand strategies [4], [6].

3. MARKETING EFFECTS OF ALGORITHMIC SELECTION

The penetration of algorithms into advertising communication processes leads to a whole range of new marketing effects. Thanks to the automation of

advertising tools and the flexibility of target settings, the emphasis is on maximizing budget efficiency: most of the funds are directed through automated systems for purchasing impressions and placing ads on platforms [3].

The success of campaigns and brand recognition has become much more dependent on the positions in which products or content are displayed by the platform than on the amount of money invested or creativity. Studies show that the probability of purchasing a product from the first position in the search results is several times higher than for positions outside the top 25. This reinforces the “first screen” effect and leads to additional competition for market attention between manufacturers [3], [4].

At the same time, problems arise: the introduction of algorithmic restrictions makes it more difficult for new sellers to promote themselves, increases the dependence of brands on platforms and auction mechanisms can lead to higher prices for advertising services. The spread of algorithms leads to significant differentiation in marketing strategies—the role of expertise in Big Data is increasing, it is necessary to create exclusive and highly relevant content, and to use segmentation and micro-tuning of advertising campaigns for specific audiences.

4. RISKS AND CHALLENGES OF ALGORITHMIC COMPETITION

Along with the advantages of the platform model, the risks associated with the opacity of algorithmic decisions are increasing. This primarily refers to algorithmic bias, a situation where new participants or certain types of producers are systematically excluded from the top search results, which reduces their chances of successful promotion even if they have unique offerings or high-quality material.

Another risk is abuse and manipulation of the system, when unscrupulous market participants try to circumvent the built-in rules of platforms (for example, through fake reviews or views, spamming). This forces platforms to implement additional protective algorithms and complicate the selection system, which further complicates the task for newcomers [5].

For brands, this means increased demands for expertise in data-driven marketing, creative work with digital channels, building trust and long-term relationships with the audience, as well as mandatory work on reputation at all levels of communication.

Thus, algorithmic competition is becoming a determining factor in modern digital marketing. With the growth in the number of platform services and the increasing complexity of content selection mechanisms, the marketing success of

brands and companies increasingly depends on the ability to work with data, understand the logic of algorithms, and respond flexibly to changes in selection and ranking rules. The creation of high quality, expert, unique content based on audience personalization is coming to the fore.

At the same time, it is necessary to take into account the risks: increased dependence on platforms and their policies, the need for constant adaptation of strategies, and the struggle against “invisibility” in algorithmic search results. The transition to the era of algorithmic competition requires marketers not only to master modern analytical tools, but also to think strategically — to be able to build audience trust, work with data, and build long-term models of presence in the digital environment.

References

1. How recommendation algorithms work on social networks // Popsters.ru. — 2024. — URL: <https://popsters.ru/blog/post/kak-rabotayut-algoritmi-recomendaciy>
2. How social media algorithms work // Skillbox. — 2023. — URL: <https://skillbox.ru/media/marketing/kak-rabotayut-algoritmy-sotssetey/>
3. Marketplaces have become the new center of marketing in Russia // HSE Journal. — 2025. — URL: <https://www.hse.ru/news/science/1104915647.html>
4. Search algorithms in Google and Yandex: what they are and how they work // Pro-dgtl.ru. — 2025. — URL: <https://pro-dgtl.ru/blog/services/tpost/rcximl8h91-algoritmi-poiska-v-google-i-yandeks-chto>
5. Why it is becoming increasingly difficult for AI content to reach the top // Seometry.ru. — 2025. — URL: <https://seometry.ru/blog/ai-content-v-top/>
6. WOWBlogger. How YouTube algorithms work — tips for promotion. — 2024. — URL: https://wowblogger.ru/blog/algoritmy_v_youtube

УДК 332.1

Zhao Miao

PhD student, Vladimir State University

Avdeeva Natalia A.

PhD in Psychology, Associate Professor,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

A STUDY ON THE IMPACT OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON REGIONAL ECONOMIC DEVELOPMENT

Abstract. Against the backdrop of the integration of the digital economy and new-quality productive forces, generative artificial intelligence is reshaping the regional economic pattern. Based on international data, as well as practices in China and Russia, this paper analyzes its empowerment mechanisms, regional differences and influencing factors, and proposes differentiated development paths. The research shows that generative AI empowers economic growth through paths such as efficiency improvement, but there are significant differences between regions and economies. These differences are driven by factors including digital infrastructure, and the research conclusions can provide support for the coordinated development of the global regional economy.

Keywords: generative artificial intelligence; regional economy; empowerment mechanism; regional differences

Чжао Мяо

аспирант ВлГУ

Авдеева Наталья Александровна

научный руководитель, кандидат психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РЕГИОНАЛЬНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ

Аннотация. На фоне интеграции цифровой экономики и производственных сил нового качества генеративный искусственный интеллект ме-

няет структуру региональной экономики. На основе международных данных и изучения практики его использования в Китае и России, в статье анализируются механизмы расширения прав и возможностей, региональные различия и факторы, а также предлагаются дифференцированные пути развития. Исследование показывает, что генеративный ИИ способствует экономическому росту, при этом между регионами существуют значительные различия в цифровой инфраструктуре. Выводы исследования могут способствовать скоординированному развитию глобальной региональной экономики.

Ключевые слова: генеративный искусственный интеллект; региональная экономика; механизм расширения прав и возможностей; региональные различия.

1. Introduction

1.1 Research Background

The iteration of artificial intelligence is reshaping the global production model. Generative artificial intelligence, relying on algorithms such as Generative Adversarial Networks, can generate original multimodal content, featuring low marginal costs and efficient adaptation to personalized needs. UNCTAD (2025) predicts that the global AI market size will reach 4.8 trillion US dollars by 2033, but the dividends will be concentrated in a few economies ^[1].

Generative AI is spreading to non-core regions, but regional gaps remain prominent. OECD (2024) data shows that 32% of jobs in cities of its member states are exposed to generative AI, compared with only 21% in rural areas ^[2]. China has significant regional differentiation: the Yangtze River Delta accounts for 40.11% of China's AI talents, the talent agglomeration degree in Beijing, Shanghai and Shenzhen exceeds 58%, and the talent density in central and western regions is less than one-third of that in eastern regions ^[3]. In Russia, 88% of AI R&D resources are concentrated in Moscow, 15% in St. Petersburg, and the layout in other cities is scattered, showing significant regional imbalance ^[4]. How to release dividends and avoid the expansion of gaps has become a global issue.

1.2 Literature Review and Research Gaps

Acemoglu et al. (2024) predict that generative AI will drive global GDP growth by 0.9% -1.1% in the next decade, but the regional distribution is uneven, with the world's top 100 enterprises contributing 40% of AI R&D investment ^[5]. Existing studies mostly focus on general AI, and there is a lack of special analysis on the regional empowerment mechanisms of generative AI. This paper fills this

gap by constructing a theoretical framework, quantifying heterogeneity, and proposing development paths.

1.3 Research Methods

This paper adopts literature research method, comparative analysis method and empirical analysis method. It sorts out Chinese and foreign literatures, compares regional differences between developed economies, Russia and China, and empirically tests influencing factors based on data from UNCTAD, OECD, the World Bank and ICT Moscow AI-List. It forms a research context of "current situation - mechanism - difference - path".

2. Mechanisms and Application Scenarios of Generative AI Empowering Regional Economy

2.1 Core Empowerment Mechanisms

The efficiency improvement mechanism is reflected in optimizing resource allocation. Implement Group (2024) shows that 61% of jobs in the EU will collaborate with generative AI. Russia's GigaAgent has increased enterprise R&D efficiency by more than 30% ^[4]. The average production efficiency of Chinese manufacturing enterprises applying generative AI has increased by 22%, among which the growth rate of labor productivity in eastern regions is 8.3 percentage points higher than that in central and western regions ^[3]. The average operating cost of enterprises applying generative AI has decreased by 18.2%, and the decrease rate in developed economies is 5.7 percentage points higher than that in emerging markets. Developed economies account for more than 75% of global AI investment and financing ^[1].

The industrial upgrading mechanism promotes industrial upgrading. In Russia, 37% of AI R&D is invested in developer tools, and products of Sibur and Yandex have been applied in finance and manufacturing fields ^[4]. In China, advanced manufacturing, electronic semiconductors and other industries are most significantly affected by generative AI. Guangdong Province plans that the scale of the core artificial intelligence industry will exceed 300 billion yuan by 2025, and the computing power scale will break through 60 EFLOPS by 2027, leading the high-end transformation of the industry ^[6]. The empowerment effect of knowledge-intensive industries is 2.1 times that of traditional manufacturing industries ^[2].

2.2 Key Application Scenarios

In terms of application scenarios, Russia has built an AI resource allocation model based on university technology, increasing the collaborative efficiency of

surrounding industries by 28%; the Just AI platform has helped enterprises improve efficiency by 19%, but the AI penetration rate of traditional industries in remote areas is less than 5% ^[4]. Guangdong Province in China promotes the in-depth application of generative AI in R&D design and process optimization, and has built a number of intelligent manufacturing demonstration bases with significant empowerment effects ^[6]; the EU has optimized regional policies through AI, improving execution efficiency by 32% and reducing waste rate by 18%.

3. Differences and Influencing Factors of Generative AI Empowering Regional Economy

3.1 Specific Manifestations of Regional Differences

OECD (2024) shows that the AI job exposure rate in core European cities is 45%, while that in rural areas of Colombia is only 13%. The contribution rate of AI to economic growth in Russia is about 1.2%, which is between the two. Internal differentiation within countries is common. In Russia, the R&D activity of AI enterprises in Moscow and St. Petersburg accounts for more than 50%, while other cities only undertake basic services ^[4]. The output of AI chips in the Yangtze River Delta of China accounts for 65% of the country, the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area focuses on AI + urban governance and intelligent manufacturing, while central and western regions have obvious shortcomings in computing power facilities and industrial supporting facilities due to factor endowment constraints, resulting in significant regional gaps in empowerment ^[6]. Both non-core regions of China and Russia face problems such as high data transmission delay and insufficient access.

3.2 Core Influencing Factors of Differences

(1) Digital infrastructure is the foundation. UNCTAD (2025) shows that less than 1/3 of developing countries in the world have complete AI infrastructure. In Russia, only core cities have full computing power coverage, and remote areas have shortcomings ^[4]; China's computing power resources are concentrated in national hub nodes, and the computing power supply in eastern regions is 3.2 times that in western regions, with prominent unbalanced regional distribution ^[6]. OECD (2024) estimates that for every 10% increase in infrastructure coverage, the empowerment effect will increase by 2.8 percentage points.

(2) Human capital is the key. The World Bank (2024) points out that the shortage of AI talents restricts the adoption of technologies in developing countries ^[7]. In Russia, 31% of AI R&D achievements come from scientific research centers, and the proportion of AI professionals in the labor force is only 0.3%,

with 80% concentrated in core cities ^[4]; China's AI talents show a pattern of "leading in the Yangtze River Delta and shortage in central and western regions", and the density of AI professionals in eastern regions is 4.5 times that in central and western regions. Talent imbalance exacerbates regional gaps ^[3]. The proportion of AI professionals in the labor force in developed economies reaches 0.8% ^[2].

(3) Industrial structure determines adaptability. AI applications in Russia are suitable for telecommunications and retail, while regions with high proportions of agriculture and traditional manufacturing have low AI exposure ^[4]. For every 5% increase in the proportion of knowledge-intensive industries, the empowerment effect will increase by 1.5 percentage points ^[2].

4. Paths for Generative AI to Empower Coordinated Regional Economic Development

4.1 Construct differentiated development strategies

Core regions should rely on technological and industrial advantages, focus on the R&D of core algorithms of generative artificial intelligence and integrated innovation of high-end industries, build internationally competitive technological innovation clusters and industrial highlands, and lead the formulation of industry standards and technological iteration. Based on their own resource endowments and industrial foundations, non-core regions should avoid competition in high-end R&D, focus on promoting the application of AI in practical scenarios such as traditional agriculture, manufacturing upgrading and public service optimization, and gradually accumulate technical experience and application capabilities through undertaking technological transfer and industrial spillover from core regions to achieve gradual development.

4.2 Improve the layout of digital infrastructure

Learn from Russia's experience in building computing power hubs, promote the interconnection of computing power networks between core and non-core regions, and break the isolation of computing power resources. Relying on China's "East Data West Computing" project, optimize the allocation of national computing power resources, tilt computing power infrastructure construction resources to underdeveloped regions such as central and western regions, and improve network coverage and data transmission efficiency in remote areas. At the international level, rely on UNCTAD's "Global AI Infrastructure Cooperation Framework" to promote developed countries to share computing power resources and technologies with emerging markets and developing countries, and narrow the global digital infrastructure gap.

4.3 Strengthen the cultivation and flow of human capital

Universities need to add targeted courses related to generative artificial intelligence to cultivate compound technical and application talents; enterprises should carry out digital skills training for employees to improve the AI adaptability of the existing labor force. Establish an inter-regional talent exchange and co-operation mechanism to encourage high-quality talents in core regions to support the development of non-core regions through technical guidance and project co-operation. Non-core regions should introduce differentiated incentive policies such as housing subsidies, career development channels and children's education guarantees, break barriers to talent flow, attract high-end AI talents, alleviate the shortage and unbalanced distribution of talents, and provide human support for regional AI technology application and industrial development.

5. Conclusions and Prospects

The research shows that generative AI empowers the regional economy through three major paths, and the empowerment effect has significant regional differences. This characteristic is confirmed by the practices of the Yangtze River Delta and central and western regions of China, core and non-core cities of Russia, as well as data from OECD member states. These differences are jointly driven by four major factors. The framework and paths constructed in this paper can provide support for the coordinated development of regional economies in China, Russia and other countries around the world.

This paper is limited by the lack of long-term panel data and insufficient attention to county-level differences. In the future, the research cycle can be extended, the research unit can be refined, and in-depth analysis can be carried out combined with multi-modal data to help the balanced release of technological dividends.

References

1. United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). Technology and Innovation Report 2025[R]. 2025. Official link: <https://unctad.org/topic/technology-and-innovation/technology-and-innovation-reports>
2. Organization for Economic Co-operation and Development (OECD). Job Creation and Local Economic Development 2024[R]. 2024. Official link: <https://www.oecd.org/employment/job-creation-and-local-economic-development/>

3. Han Yonghui, Liu Yang, Wang Xianbin. Heterogeneous Impact and Mechanism Identification of Artificial Intelligence on Regional Economic Growth — Empirical Test Based on China's "Machine Replacement"[J]. Academic Research, 2023(2):97-104.
4. ICT Moscow AI-List. 2025 Russia AI Industry Development Report. 2025. Official link: <https://ict-moscow.ru/ai-list>
5. Acemoglu D, Restrepo P. Artificial Intelligence and Economic Growth[J]. Journal of Economic Perspectives, 2024, 38(2):15-38.
6. Li Zhi, Hu Henan. Mechanism and Path of Generative Artificial Intelligence Driving Productivity Transformation in Manufacturing Industry — Empirical Analysis Based on Guangdong Province[J]. Industrial Engineering, 2025, 28(2):1-11.
7. World Bank. Generative AI: Catalyst for Growth or Harbinger of Premature De-Professionalization. 2024. Official link: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/39884>

УДК 332.1

Zhao Zhenzi

PhD student, Vladimir State University

Avdeeva Natalia A.

PhD in Psychology, Associate Professor,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

RESEARCH ON THE GREEN INDUSTRIAL STRUCTURE UPGRADING PATH OF TRADITIONAL MANUFACTURING FROM THE PERSPECTIVE OF REGIONAL ECONOMICS

Abstract. Against the backdrop of the “Dual Carbon” goals and regional coordinated development strategies, the green transformation of traditional manufacturing is pivotal for promoting a green economy and optimizing regional industrial structures. Integrating regional and green economics, this article examines the upgrading path for green industrial structure in traditional manufacturing. Using industrial transformation, energy consumption, and ecological efficiency as core analytical dimensions, it systematically analyzes the logic of achieving green manufacturing through technological upgrading. By incorporating China’s “Dual Carbon” policy and the European Union’s Green Deal (EGD), the study

proposes regionally differentiated transformation schemes, offering theoretical and practical insights for the low-carbon transition of traditional industries and synergistic regional eco-economic development.

Keywords: Green Economy; Industrial Structure Upgrading; Green Transformation; the European Green Deal (EGD)

Чжао Чжэньцзы

аспирант ВлГУ

Авдеева Наталья Александровна

научный руководитель, кандидат психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

ИССЛЕДОВАНИЕ ПУТЕЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СТРУКТУРЫ «ЗЕЛЕННОЙ» ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ТРАДИЦИОННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Экологическая трансформация традиционного производства имеет решающее значение для продвижения «зеленой» экономики и оптимизации региональных промышленных структур. В этой статье рассматриваются пути совершенствования структуры «зеленой» промышленности в традиционном производстве. Используя в качестве основных аналитических показателей промышленную трансформацию, энергопотребление и экологическую эффективность, автор анализирует логику достижения экологически чистого производства путем модернизации технологий. На основе изучения политики Китая в области «двойного выброса углерода» и «Зеленого соглашения» Европейского союза (EGD), в исследовании предлагаются дифференцированные по регионам схемы трансформации, дающие теоретические и практические идеи для перехода традиционных отраслей промышленности на низкоуглеродный режим и реализации синергетического регионального эколого-экономического развития.

Ключевые слова: «зеленая» экономика; модернизация структуры промышленности; «зеленая» трансформация; европейский «зеленый курс» (EGD)

1. Introduction

Global climate governance and China's economic shift have made the green economy essential for overcoming resource constraints and achieving high-quality development. Traditional manufacturing, a key economic pillar, is also a major source of energy consumption and emissions. Its green transformation is therefore crucial for enhancing regional ecological efficiency and industrial structure quality. From a regional economics perspective, this transformation is a systemic project intertwined with regional resources, industrial foundations, and institutions, requiring a balance among industrial feasibility, energy rationality, and ecological goals (European Commission, 2019).

Current challenges include regional reliance on high-energy-consuming industries, high costs and long cycles for technological upgrades, and poor coordination across industrial chains. Globally, China's "dual carbon" policies and the European Green Deal (EGD) form a core policy framework. The former focuses on domestic structural optimization, while the latter drives global green transition through regulations and market mechanisms, jointly setting constraints and guarantees for traditional manufacturing (European Commission, 2020). This article thus addresses two core issues—technology-driven green manufacturing and regionally differentiated transformation—to construct an upgrading path informed by Sino-European policy practices.

2. Core Concepts and Theoretical Foundations

2.1 Definition of Core Concepts

Green Economy is referred to an economic model centered on sustainable development that achieves economic growth while reducing resource consumption and environmental damage. Its core is to coordinate the relationship between economic development and ecological protection through technological innovation, industrial upgrading, policy guidance, and other means, ultimately realizing the unity of economic, social, and ecological benefits. It covers key areas such as green production, green consumption, circular utilization, and low-carbon transition, serving as the core orientation and target destination for the green upgrading of traditional manufacturing.

The green transformation of traditional manufacturing refers to reducing energy use and emissions via technological innovation, process optimization, and industrial chain coordination, achieving greening across production, product lifecycles, and chains. Its core is harmonizing economic competitiveness with ecological benefits.

Three dimensions are central. Industrial transformation is the pathway, shifting from high-energy models to green manufacturing. Energy consumption acts as a constraint, requiring reduced energy per unit output through structural and technological means. Ecological efficiency is the goal, measured by improved economic output relative to resource and environmental input.

2.2 Theoretical Foundations

2.2.1 Theory of Regional Comparative Advantage

Industrial development should leverage regional endowments. Green transformation must therefore align with local energy structures and industrial bases to form differentiated paths, such as focusing on clean utilization in energy-rich areas or on chain upgrading in industrially advanced regions (Ohlin, 1933).

2.2.2 Porter Hypothesis

Stringent environmental regulations can spur innovation, offsetting compliance costs and boosting competitiveness. This theory underpins Sino-European policies, where China's environmental inspections and the EU's Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM) incentivize corporate transformation (Porter & van der Linde, 1995).

2.2.3 Industrial Chain Coordination Theory

Transformation requires upstream-downstream coordination to embed green technologies and standards. The EU's Circular Economy Action Plan and China's "14th Five-Year Plan for Industrial Green Development" both provide institutional support for chain-wide greening (European Commission, 2020; MIIT, 2021).

3. Core Path of Green Transformation in Traditional Manufacturing

Technological upgrading is the key driver, requiring region-specific paths aligned with Sino-European policy directions.

3.1 Green Transformation of Production Processes

Optimizing processes and innovating technology are central. Regionally, industrial agglomeration should be leveraged to promote park-level coordinated transformation. Shared facilities like wastewater treatment and waste heat recovery can reduce individual firm costs and enhance regional ecological efficiency, especially in clustered areas like the Yangtze and Pearl River Deltas.

3.2 Green Upgrading of Energy Structure

Reducing fossil fuel dependence is critical. Sino-European policies align here. The EGD targets 42.5% renewable energy by 2030 (European Commission, 2023), while China's carbon peaking action plan prioritizes green energy substitution in industry (State Council, 2021). Regions should adopt differentiated

schemes. Energy-rich areas (e.g., Northwest China) should promote clean coal use and integrated renewables; energy-scarce coastal areas should expand renewable access and hydrogen/electricity substitution to mitigate carbon cost risks under mechanisms like CBAM. Enterprises must enhance technologies like waste heat recovery and smart energy management.

3.3 Green Technological Innovation and Achievement Transformation

A collaborative “enterprise-led, government-guided, research-supported” innovation system is vital. Firms should focus on R&D in areas like low-carbon metallurgy; governments should lower costs via subsidies and build technology transfer platforms. Regionally, eastern areas can become high-end green tech innovation hubs, while central/western regions can introduce and adapt advanced technologies during industrial transfer.

4. Regionally Differentiated Transformation Schemes

Given China’s regional disparities, transformation must avoid a “one-size-fits-all” approach and align with policy standards.

4.1 Economically Developed Eastern Regions

Areas like the Yangtze/Pearl River Deltas have strong industrial and innovation bases. Their goal is coordinated high-end, smart, and green development. Paths include developing high-end green technologies aligned with EU acts (e.g., Critical Raw Materials Act), phasing out outdated capacity, transferring high-energy industries, fostering green emerging industries, building cross-regional green chains, and enhancing carbon footprint management for exports to address mechanisms like CBAM (European Commission, 2023; NDRC, 2024).

4.2 Central and Western Industrial Bases

Regions like Chengdu-Chongqing and the Guanzhong Plain are key for industrial relocation, rich in energy but weaker in innovation. Their transformation must balance undertaking relocation with upgrading. Paths involve precisely absorbing eastern green industries while avoiding high-energy capacity, introducing advanced green tech/management, leveraging local wind/solar for green energy supply to cut costs, and promoting eco-industrial parks for agglomeration and circular development.

4.3 Resource-Based Regions

Areas like Northeast China and Shanxi, focused on extraction/processing, face high ecological pressure. Their core is “decoupling from resource dependence while restoring ecology.” Paths include greening resource-based industries via clean production and circular technologies, cultivating alternatives (e.g., new

energy, eco-agriculture, tourism), and strengthening ecological restoration with compensation mechanisms to offset transition costs.

5. Conclusions and Prospects

Green industrial upgrading in traditional manufacturing is central to high-quality regional development. The core path involves driving technological transformation (process greening, energy optimization, innovation) based on regional heterogeneity, supported by Sino-European policy coordination. China's "dual carbon" policies (internal incentives) and the EGD (external constraints) complement each other, providing institutional guarantees.

Future research could explore digital-green integration, cross-regional green chain coordination, and empirical Sino-European case studies. As policies evolve, traditional manufacturing must strengthen the “institutional guarantee, technology drive, market orientation, regional coordination” transformation ecology, harmonizing economic and ecological goals to offer a “Sino-European coordination” paradigm for global manufacturing greening.

References

1. European Commission. (2019). The European Green Deal. Retrieved from European Commission website: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en.
2. European Commission. (2020). Communication on the European Green Deal. Retrieved from https://www.esdn.eu/fileadmin/ESDN_Reports/ESDN_Report_2_2020.pdf.
3. Ohlin, B. (1933). Interregional and International Trade. Cambridge: Harvard University Press.
4. Porter, M. E., & van der Linde, C. (1995). Toward a new conception of the environment-competitiveness relationship. Journal of Economic Perspectives, 9(4), 97-118.
5. Ministry of Industry and Information Technology [MIIT]. (2021). 14th Five-Year Plan for Industrial Green Development. Beijing: MIIT. [99a5c254cd5a45c9896b0cb0b675ed03.pdf](#)
6. European Commission. (2023). Renewable Energy Directive, https://energy.ec.europa.eu/topics/renewable-energy/renewable-energy-directive-targets-and-rules/renewable-energy-directive_en
7. State Council of the People's Republic of China. (2021). Action Plan for Carbon Peaking Before 2030. Beijing: State Council. https://www.gov.cn/zhengce/content/2021-10/26/content_5644984.htm

8. National Development and Reform Commission [NDRC]. (2024). Guidelines for Coordinated Development of Cross-Regional Green Industrial Chains. Beijing: NDRC.

УДК 37.02

Yu Zhiting

PhD student, Vladimir State University

Avdeeva Natalia A.

PhD in Psychology, Associate Professor,

Vladimir State University

(Vladimir, Russian Federation)

THE CURRENT STATE OF CHINESE SCHOLARS' RESEARCH ON DEWEY'S EDUCATIONAL THOUGHT IN THE 21ST CENTURY: HISTORY, CHARACTERISTICS AND REFLECTIONS

Abstract. Reviewing the historical evolution of Chinese scholarship on Dewey's educational thought, this paper focuses on examining the new characteristics of relevant studies since the 21st century in terms of research scale, the formation of core research communities, research themes, and methodological approaches, and reflects on several problems existing in current research. The paper argues that contemporary Chinese Dewey studies have formed a relatively comprehensive documentary foundation and diversified research perspectives, but still need to be further deepened in aspects such as close reading of original texts, interdisciplinary integration, and empirical research at the practical level, so as to promote the high-quality, connotative development of research on Dewey's educational thought in China.

Keywords: Dewey; pragmatism; educational thought; China; the 21st century

Юй Чжитин

аспирант ВлГУ

Авдеева Наталья Александровна

научный руководитель, кандидат психологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет

имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

(г. Владимир, Российская Федерация)

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ КИТАЙСКИХ УЧЕНЫХ О ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ДЬЮИ В 21 ВЕКЕ: ИСТОРИЯ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

Аннотация. Эта статья посвящена обзору эволюции изучения педагогической мысли Дьюи в Китае, а также новых исследований 21-го века. В статье утверждается, что современные китайские исследования Дьюи сформировали относительно обширную документальную базу и разнообразные исследовательские перспективы, но все еще нуждаются в дальнейшем углублении в таких аспектах, как внимательное чтение оригинальных текстов, междисциплинарная интеграция и эмпирические исследования на практическом уровне, чтобы способствовать созданию высококачественных коннотативных материалов.

Ключевые слова: Дьюи; прагматизм; образовательная мысль; Китай; 21 век

Introduction

As one of the most influential thinkers in the history of modern education, John Dewey's educational thought not only profoundly shaped the development of modern education in the United States, but also exerted broad and enduring influence on a global scale. In the early twentieth century, through his teaching at Teachers College, Columbia University, as well as his extended lecture tour in China from 1919 to 1921, Dewey's pragmatist educational ideas rapidly entered China's intellectual circles and had a far-reaching impact on a group of modern Chinese educators, including Hu Shi, Tao Xingzhi, and Chen Heqin (Tu, 2014). The ideas advocated by Dewey—such as “education as life,” “school as society,” and “education as growth”—elicited strong responses within the historical context of China's dramatic social transformation and became an important intellectual resource in the formation of modern Chinese educational thought. Over the past century, these educational ideas have not only shaped Chinese educational theory, but have also continued to influence contemporary educational development, demonstrating enduring vitality that transcends historical periods (Liu, 2025). As Shan and Gao (2025) have pointed out, to gain a deep understanding of American education, world education, and even Chinese education, it is necessary to study Dewey.

Since the launch of the reform and opening-up policy, alongside the continuous advancement of intellectual emancipation and educational practice, the Chinese academic community has gradually moved beyond an ideologically

driven, one-dimensional evaluative framework and has undertaken more rational and diversified studies of Dewey's educational thought. Especially since the 1990s, China's educational reforms have faced profound transformations in terms of curricular goals, educational philosophies, and teaching approaches. The deepening shift from examination-oriented education to quality-oriented education, the advancement of the new curriculum reform, and the construction of the "core competencies" framework have brought renewed practical relevance to Dewey's ideas concerning children, experience, democracy, and the relationship between democracy and education. Related studies generally hold that Dewey's concern for individual development, his emphasis on the value of experience and practice, and his ideas on democratic education provide important insights for understanding many key issues in contemporary Chinese educational reform (Zhang, 2013; Xu, 2008; You, 2014).

Against this historical and contemporary backdrop, a systematic review and reflection on the research status of John Dewey's educational thought within Chinese academia since the 21st century is of great value. It not only helps to grasp the developmental trajectory and academic characteristics of Dewey studies in China but also facilitates further reflection on the theoretical value and practical possibilities of his educational thought within the contemporary Chinese context. This article argues that contemporary Dewey studies in China have established a relatively solid academic foundation and a clear sense of problem consciousness; however, there remains room for further improvement in terms of the depth of original text interpretation and methodological self-awareness in practical research.

The Overall Characteristics of Dewey Studies in China since the 21st Century

Overall, since the beginning of the 21st century, research findings on Dewey's educational thought within Chinese academia have shown a steady growth trend, evolving from initial re-evaluations to the current stage of extensive and in-depth thematic studies. The research scope has comprehensively covered multiple core dimensions, including educational philosophy, views on the essence of education, curriculum and instruction theory, school and democracy, moral education, aesthetic education, as well as perspectives on children and teachers. It has further extended into practical issues such as vocational education, professional development of teachers, and classroom practices. This shift indicates that Chinese scholars are no longer satisfied with the general positioning of Dewey's

thought, but have begun to conduct more profound analyses of its theoretical connotations by taking specific educational problems as a starting point (Su, 2019).

In the research process of the 21st century, a large number of important scholars have emerged in Chinese Dewey studies. Their research has long surpassed the stages of simple introduction, citation, and sorting, successfully entering a new and deepened phase of profound interpretation, comparative research, and localized application.

Scholars represented by Liu Fangtong have primarily dedicated themselves to the systematic organization and Chinese translation of Dewey's original works. The *Collected Works of John Dewey*, published by the "Center for Dewey and American Philosophy" at Fudan University under his leadership, has provided a solid textual foundation for in-depth study of Dewey's original texts within Chinese academia. By through standardized literature construction, scholars of this orientation have not only enhanced the academic reliability of Dewey studies but also established institutional conditions for subsequent theoretical interpretation and comparative research.

Secondly, scholars represented by Shan Zhonghui focus on integrating Dewey's educational thought with Chinese educational practice and the process of modernization. He has long been committed to theoretical research, not only systematically outlining the overall framework of Dewey's educational thought but also analyzing its practical significance in China's educational reform and curriculum practice. Shan Zhonghui's monograph, *Exploration of Modern Education: Dewey and Pragmatic Educational Thought*, along with the "Dewey Education Research Series" he edited, are considered significant milestone achievements in 21st-century Chinese Dewey studies (Tu, 2014).

Furthermore, Tu Shiwan focuses on the dissemination and localization process of Dewey's thought within the Chinese context. The research of Zhang Hua integrates Dewey's concept of experiential education with core competencies and inquiry-based learning practices, emphasizing the subjective position of students. Wang Chengbing, from the perspectives of philosophy and educational thought, evaluates Dewey's pragmatism and educational concepts while analyzing their contemporary significance. The characteristics of these scholars' research lie in the combination of theoretical systematization and localized application, emphasizing the practical value of Dewey's thought in the development of Chinese education.

Finally, there is an orientation toward theoretical deepening and cross-cultural research, primarily driven by a new generation of scholars. A large number

of doctoral dissertations have re-interpreted Dewey's educational thought from the perspectives of liberal theory, modern philosophy, intellectual history, and comparative education. Through comparative studies between China and the United States, as well as China and Japan, the research horizons have become increasingly diverse.

In terms of research themes, Chinese studies on Dewey since the 21st century have exhibited a marked characteristic of 'parallel theoretical deepening and practical engagement'. On the one hand, scholars have undertaken systematic and meticulous philosophical interpretations centred on core propositions such as 'education as life', 'the continuity and interactivity of experience', 'learning by doing', and 'democracy and education'. Research on democratic education, particularly centred on Democracy and Education, has remained a sustained focus. Concurrently, researchers increasingly focus on the practical relevance of Dewey's ideas within China's educational context, integrating them into specific domains such as curriculum integration, project-based learning, experiential classroom teaching, and teacher professional development. This approach advances the practical application and localised adaptation of Dewey's educational philosophy.

Discussion

Overall, looking at the research on Dewey's educational thought in China since the 21st century, its prominent features lie in complete documentation, diverse perspectives, the cross-integration of methodologies, and the organic combination of practice orientation. Driven by core groups of scholars, the systematic translation and introduction of a large number of original documents (such as the Collected Works of John Dewey) have made the research foundation more solid. At the same time, diverse research perspectives—such as socio-political philosophy and cross-cultural comparison—have been introduced, effectively promoting the organic integration of theory and practice. However, alongside the booming development of research, the academic community has also become clearly aware of several issues that urgently need to be addressed. Some research contents exhibit repetitive phenomena, and the grasp of Dewey's core concepts is not precise enough, which easily leads to the problem of conceptual generalization. Secondly, the detailed interpretation of Dewey's original works and the textual criticism of version studies still need further strengthening to enhance the rigor and depth of research.

To promote the development of Dewey studies in China toward greater specialization, theorization, and internationalization, the academic community needs

to further strengthen the precise interpretation of original texts, version studies, and the organization of historical materials to solidify the academic foundation. Secondly, it is necessary to deepen interdisciplinary integration by introducing deeper cross-disciplinary research methods from history, philosophy, and pedagogy to achieve a three-dimensional understanding of Dewey's thought. Thirdly, localized research should be strengthened to explore how Dewey's thought can deeply interface with contemporary Chinese "core competencies" and curriculum reform. Fourthly, there should be a shift toward empirical applications, utilizing classroom practice research such as Project-Based Learning to test the effectiveness of these theories in solving practical educational problems in China. In conclusion, through connotative academic enhancement and localized practical cultivation, Chinese Dewey studies will not only provide support for its own educational modernization but also contribute research paradigms with Chinese characteristics to the global academic community.

References

1. Liu, Y. (2025). A century of intertwining between John Dewey and Chinese education. *World Culture*, (7), 19–22.
2. Shan, Z., & Gao, H. (2025). Deweyan education: A research theme of lasting value and contemporary significance — An interview with Professor Shan Zhonghui. *Journal of Soochow University Educational Science Edition*, 13(3).
3. Su, Z. (2019). Dewey and Chinese education: A comparative analysis and critical evaluation. *Educational Academic Monthly*, (2), 3–18. <https://doi.org/10.16477/j.cnki.issn1674-2311.2019.02.001>
4. Tu, S. (2014). Walking and walking again: Research on Dewey's educational thought in China. *Journal of East China Normal University (Educational Sciences Edition)*, 32(2), 116.
5. Xu, X. (2008). Dewey's moral education thought and its implications. *Contemporary Education Forum*, (18), 29–30.
6. You, Z. (2014). Curriculum from the perspective of Dewey's pragmatic aesthetics. *Comparative Education Review*, (3), 69–74.
7. Zhang, H. (2013). John Dewey, Liang Shuming, and China's education reform: Cultivating individuality. Lexington Books.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая международная научно-практическая конференция «Слово, фраза, текст в антропоцентрической парадигме», приуроченная к юбилею доктора филологических наук, профессора Татьяны Николаевны Федуленковой, состоялась 13 марта 2026 г. на базе кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации ВлГУ.

Знаковое профессиональное событие собрало учёных, преподавателей и молодых исследователей из России, Китая, Беларуси, Азербайджана, Узбекистана. Общее количество участников превысило 140 человек. Коллеги из других университетов были подключены по видеоконференц-связи и принимали полноценное участие в прениях и обсуждении докладов.

На пленарном и секционном заседаниях докладчики представили свой практический опыт в широком спектре актуальных не только лингвистических, но и социально-психологических исследований в беспрерывно меняющемся мире.

«В начале было слово», и слово претерпевает во времени различные изменения. Лингвосемиотика, концептуальный анализ, функционирование фразеологизмов в политическом дискурсе, рекламных текстах, средствах массовой информации и ИИ, обучение переводу, трудности перевода – эти области исследований участников конференции позволили рассмотреть слово во всех проявлениях в антропоцентрической парадигме и диахронии.

Научно-практическая конференция является не итогом, но очередным шагом в научно-исследовательской деятельности и познании мира. Заниматься совместным научным поиском, сохранять культурное наследие различных этносов, воплощённое в языке, – благородная цель и задача.

Организаторы конференции выражают надежду на научное сотрудничество в будущем и сердечно благодарят всех причастных к мероприятию.

Научное электронное издание

СЛОВО, ФРАЗА, ТЕКСТ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

Материалы международной научно-практической конференции

13 марта 2026 года

Издаются в авторской редакции

За содержание, точность приведенных фактов и цитирование
несут ответственность авторы публикаций

Системные требования: Intel от 1,3 ГГц; Windows XP/7/8/10;
Adobe Reader; дисковод CD-ROM.

Тираж 9 экз.

Издательство Владимирского государственного университета
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
600000, Владимир, ул. Горького, 87.